СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

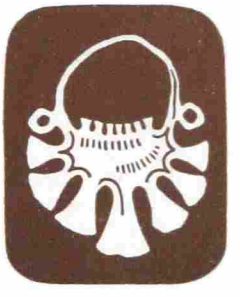
XVII

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XVII



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · 1953

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР И ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза.

Дорогие товарищи и друзья!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта в 9 час. 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа — Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА.

Имя СТАЛИНА — бесконечно дорого для нашей партии, для советского народа, для трудящихся всего мира. Вместе с Лениным товарищ СТАЛИН создал могучую партию коммунистов, воспитал и закалил ее; вместе с Лениным товарищ СТАЛИН был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая бессмертное дело Ленина, товарищ СТАЛИН привел советский народ к всемирно-исторической победе социализма в нашей стране. Товарищ СТАЛИН привел нашу страну к победе над фашизмом

во второй мировой войне, что коренным образом изменило всю международную обстановку. Товарищ СТАЛИН вооружил партию и весь народ великой и ясной программой строительства коммунизма в СССР.

Смерть товарища СТАЛИНА, отдавшего всю свою жизнь беззаветному служению великому делу коммунизма, является тягчайшей утратой для партии, трудящихся Советской страны и всего мира.

Весть о кончине товарища СТАЛИНА глубокой болью отзовется в сердцах рабочих, колхозников, интеллигентов и всех трудящихся нашей Родины, в сердцах воинов нашей доблестной Армии и Военно-Морского Флота, в сердцах миллионов трудящихся во всех странах мира.

В эти скорбные дни все народы нашей страны еще теснее сплачиваются в великой братской семье под испытанным руководством Коммунистической партии, созданной и воспитанной Лениным и Сталиным.

Советский народ питает безраздельное доверие и проникнут горячей любовью к своей родной Коммунистической партии, так как он знает, что высшим законом всей деятельности партии является служение интересам народа.

Рабочие, колхозники, советские интеллигенты, все трудящиеся нашей страны неуклонно следуют политике, выработанной нашей партией, отвечающей жизненным интересам трудящихся, направленной на дальнейшее усиление могущества нашей социалистической Родины. Правильность этой политики Коммунистической партии проверена десятилетиями борьбы, она привела трудящихся Советской страны к историческим победам социализма. Вдохновляемые этой политикой народы Советского Союза под руководством партии уверенно идут вперед к новым успехам коммунистического строительства в нашей стране.

Трудящиеся нашей страны знают, что дальнейшее улучшение материального благосостояния всех слоев населения — рабочих, колхозников, интеллигентов, максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества всегда являлось и является предметом особой заботы Коммунистической партии и Советского Правительства.

Советский народ знает, что обороноспособность и могущество Советского государства растут и крепнут, что партия всемерно укрепляет Советскую Армию, Военно-Морской Флот и органы разведки с тем, чтобы постоянно повышать нашу готовность к сокрушительному отпору любому агрессору.

Внешней политикой Коммунистической партии и Правительства Советского Союза являлась и является незыблемая политика сохранения и упрочения мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политика международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами.

Народы Советского Союза, верные знамени пролетарского интернационализма, укрепляют и развивают братскую дружбу с великим китайским народом, с трудящимися всех стран народной демократии, дружественные связи с трудящимися капиталистических и колониальных стран, борющимися за дело мира, демократии и социализма.

Дорогие товарищи и друзья!

Великой направляющей, руководящей силой советского народа в борьбе за построение коммунизма является наша Коммунистическая партия. Стальное единство и монолитная сплоченность рядов партии — главное условие ее силы и могущества. Наша задача — как зеницу ока хранить единство партии, воспитывать коммунистов как активных политических бойцов за проведение в жизнь политики и решений партии, еще более укреплять связи партии со всеми трудящимися, с рабочими, колхозниками, интеллигенцией, ибо в этой неразрывной связи с народом — сила и непобедимость нашей партии.

Партия видит одну из своих важнейших задач в том, чтобы воспитывать коммунистов и всех трудящихся в духе высокой политической бдительности, в духе непримиримости и твердости в борьбе с внутренними и внешними врагами.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров Союза ССР и Президиум Верховного Совета СССР, обращаясь в эти скорбные дни к партии и народу, выражают твердую уверенность в том, что партия и все трудящиеся нашей Родины еще теснее сплотятся вокруг Центрального Комитета и Советского Правительства, мобилизуют все свои силы и творче-

скую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране.

Бессмертное имя СТАЛИНА всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества.

Да здравствует великое, всепобеждающее учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина!

Да здравствует наша могучая социалистическая Родина!

Да здравствует наш героический советский народ!

Да здравствует великая Коммунистическая партия Советского Союза!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР	ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

5 марта 1953 года

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ЗАДАЧИ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ В СВЕТЕ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ

В решениях XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза перед советскими учеными выдвигаются большие задачи. Дальнейшее развитие советской науки определяется сталинской программой строительства коммунизма в нашей стране. Перед советскими учеными поставлена величественная задача: занять первое место в мировой науке.

Общественные науки в нашей стране, основанные на прочном фундаменте марксизма-ленинизма, достигли уже довольно высокого уровня развития. Огромная роль в развитии науки принадлежит величайшему ученому современности — И. В. Сталину. Выход в свет трудов И. В. Сталина — «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР» — явился важнейшим событием в идейной жизни советского народа. Эти великие теоретические достижения науки имеют значение не только для языкознания и политэкономии,— они освещают путь строительства коммунизма в нашей стране, они указывают новые вехи исследовательской работы для ученых различных отраслей науки.

Огромное, основополагающее значение имеют эти труды И. В. Сталина и для советской археологии. Они выдвигают перед советскими археологами ряд важнейших задач и в то же время открывают большие возможности для развития нашей науки.

Глубокая разработка И. В. Сталиным важнейших проблем социально-экономического, историко-культурного, этнического и языкового развития открыла широчайшие перспективы конкретного исследования древних родов, племен и народностей, населявших территорию нашей Родины в древнейшие времена. Огромное значение для развития советской науки имеет критика И. В. Сталиным антинаучных построений Н. Я. Марра.

И. В. Сталин пишет: «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»[1]. Критический пересмотр своей исследовательской работы помогает археологам избавляться от марристских заблуждений, мешавших правильному решению исторических вопросов. Археология в целом развивалась и шла по правильному пути, основываясь на марксистско-ленинских идеях, но марристские ошибки, допущенные рядом археологов, заводили в тупик отдельные проблемы археологической науки.

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 31.

Одной из важнейших задач, вставших перед археологами в связи с выходом в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, явилось вскрытие ошибок, допущенных в связи с проникновением в науку некоторых немарксистских положений Марра. Многое было сделано археологами за годы, истекшие со времени появления труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», для исправления допущенных ошибок. В дискуссиях, на заседаниях ученых советов различных научных учреждений, в выступлениях в печати археологи, воодушевленные призывом И. В. Сталина, стремились наметить линию дальнейшего развития археологии по пути творческого марксизма. Но нужно сказать, что те археологи, которые были «учениками» и последователями Марра, далеко не сразу поняли значение для дальнейшего развития науки критики и преодоления марристских ошибок. Это породило утверждение, что якобы ошибки у Марра были только в языкознании, что к советской археологии Марр никакого отношения не имел, что археология развивалась своими, правильными путями и что поэтому нечего говорить об ошибках археологов, которые всего лишь сочувственно относились к теории Марра. Другие утверждали, что Марр создал порочное «новое учение» о языке, но в области археологии его работы были ценны[1]. По существу и то и другое утверждения были попытками вывести ошибочные положения Марра и его «учеников»-археологов из-под огня марксистской критики. Большинство археологов выступило против этих попыток извратить истинное положение вещей и помогло ошибавшимся товарищам критически оценить вредную роль порочных положений Марра в истории советской археологии[2]. Однако, хотя уже довольно много сделано в отношении критики марристских ошибок в археологии, эту работу нельзя считать законченной. Нельзя не видеть, что некоторые выступления носили в значительной мере декларативный характер, в них не было глубокого анализа допущенных ошибок и марксистской разработки проблем.

Необходимо завершить критику допущенных археологами ошибок созданием труда по истории советской археологии, в котором будет показан путь борьбы за становление этой науки и значительное место будет уделено критике ошибок и заблуждений (в том числе марристских) на этом пути.

Археологи, как справедливо указано в статье «О журнале «Вопросы истории»», помещенной в № 13 журнала «Большевик» за 1952 г., решали

[1] См. отчеты о заседаниях Ученого совета ИИМК, посвященных обсуждению проблем археологической науки в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, ВДИ, 1950, № 3, стр. 202—207; 1951, № 2, стр. 229—244; КСИИМК, XXXVI, 1950, стр. 203—209.

[2] См. С. К и с е л е в и А. М о н г а й т. Археология и «теория» Марра. «Литературная газета» от 24 апреля 1951 г., № 49; «Значение трудов товарища Сталина по языкознанию для советской археологии». ВДИ, 1951, № 2, стр. 3—11; С. В. К и с е л е в. Вопросы археологии первобытного общества в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. КСИИМК, XXXVI, 1950, стр. 3—13; А. В. А р ц и х о в с к и й. Пути преодоления «теории» Н. Я. Марра в археологии и истории, ВМГУ, 1951, № 12; Б. В. Г о р н у н г. Семантические «законы» Н.Я. Марра и вопрос об отношении истории языка к истории материальной культуры. Сборник статей «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. I, М., 1951 г., стр. 170—189. Некоторые археологи, следовавшие ранее за Марром, признали ряд своих ошибок в статьях, опубликованных после выхода в свет трудов И. В. Сталина: П. Н. Т р е т ь я к о в. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании. ВИ, 1950, № 10, стр. 3—18; М. И. А р т а м о н о в. Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология. СА, XV, 1951, стр. 7—16. Следует, однако, отметить, что статьи П. Н. Третьякова и М. И. Артамонова страдают некоторыми недостатками, к которым относится в первую очередь недостаточная последовательность в критике марризма.

вопросы критики «по-семейному», не вынося их за пределы ученых советов, мало выступая в печати. В результате создалось положение, при котором научная общественность не имеет представления об объеме и глубине того вреда, который принесла археологической науке «теория» Н. Я. Марра.

Замалчивание своих прежних ошибок, слабость критики и самокритики в среде археологов неизбежно приводят к рецидивам марризма, мешают перестройке работы по-новому. Уже после широкого обсуждения трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания ошибки марристского характера проявились в статьях и выступлениях М. И. Артамонова[1], в порочной, содержащей крупнейшие идейно-теоретические ошибки, книге А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов», в работе К. М. Колобовой «Из истории раннегреческого общества», в книге Б. А. Куфтина «Материалы к археологии Колхиды», т. II. В ряде работ научных сотрудников Института археологии Академии наук Украинской ССР были допущены серьезные идеологические ошибки марровского и буржуазно-объективистского характера, особенно в работах П. П. Ефименко, И. В. Фабрициус и некоторых других ученых. Однако до сих пор в изданиях этого института не появилось статей, вскрывающих эти ошибки, свидетельствующих о перестройке работы института. В работе кафедры археологии Ленинградского государственного университета не видно борьбы за искоренение марристских лженаучных построений, в свое время нашедших распространение в Ленинградском университете. Издательская деятельность исторического факультута ЛГУ характеризуется рядом идейно-теоретических срывов. Среди неудовлетворительных работ, изданных истфаком ЛГУ, есть и работы археологов. Значительные теоретические ошибки имеются и в книге С. И. Руденко «Горноалтайские находки и скифы», изданной Академией Наук СССР в 1952 г. Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР до сих пор не издал давно уже подготовляемого сборника «Против вульгаризации марксизма в археологии»; многие сотрудники института не выступили в печати с критикой допущенных ими ошибок.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что работу по ликвидации последствий марризма нельзя считать законченной. Борьба за партийность и чистоту советской науки включает в себя, как неотъемлемую часть, борьбу за освобождение от немарксистских взглядов Марра и его«учеников» и последователей.

В докладе тов. Г. М. Маленкова на XIX съезде партии было подчеркнуто значение борьбы против различных проявлений буржуазной идеологии и всякого рода вульгаризаторских извращений. «Известные дискуссии по философии, биологии, физиологии, языкознанию, политической экономии,— говорил тов. Маленков,— вскрыли серьёзные идеологические прорехи в различных областях науки, дали толчок к развёртыванию критики и борьбы мнений, сыграли важную роль в деле развития науки. Разгромлен аракчеевский режим, существовавший на многих участках научного фронта. Однако в ряде отраслей науки ещё полностью не ликвидирована монополия отдельных групп учёных, оттирающих растущие свежие силы, ограждающих себя от критики и пытающихся решать научные вопросы административным путём. Ни одна отрасль науки не может

[1] Брошюра «Происхождение славян», статья «Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология». Сб. «Советская археология», т. XV, 1951; выступление с докладом об этническом составе населения Скифии на VI конференции археологов Украины, 1952 г.

успешно развиваться в затхлой атмосфере взаимного восхваления и замалчивания ошибок; попытки утвердить монополию отдельных групп учёных неизбежно порождают застой и загнивание в науке»[1].

Сталинские слова о том, что никакая наука не может развиваться и преуспевать «без борьбы мнений, без свободы критики», требуют от нас более смелого развертывания критики и самокритики с тем, чтобы в ходе творческих дискуссий преодолеть остатки враждебных марксизму «теорий» — как марристских, так и всяческих иных вульгаризаторских и упрощенческих построений, в которых проявляются влияния буржуазной идеологии. Даже в хороших работах имеются отдельные ошибки и недостатки, выявление которых поможет улучшению этих работ. Критика должна быть острой, принципиальной, научно обоснованной, творческой. У нас еще нередки случаи, когда критические статьи и рецензии превращаются в более или менее благожелательные обзоры, в которых отсутствует необходимая критическая оценка рассматриваемой книги. Нужно бороться против косности, против застывших догм, мешающих движению науки вперед. Критика и самокритика являются важнейшим условием успешного развития научного творчества.

Труды И. В. Сталина постоянно идейно вооружают советский народ, идейно вооружают нашу науку. Задача советских ученых состоит в том, чтобы конкретно развивать свою отрасль науки на основе марксистско-ленинской теории. Это обязывает к постоянному изучению теории, к тому, чтобы каждый научный труд включал в себя не только профессиональное глубокое изучение памятника, но и теоретические обобщения. Между тем у археологов до сих пор сказывается разрыв между конкретными археологическими данными, накапливающимися в большом количестве и во все возрастающем темпе, и их теоретическим обобщением. Многие важные теоретические вопросы, как связанные с конкретными исследованиями, так и общие, касающиеся методики археологической науки, остаются слабо или совсем не разработанными.

Совершенно недопустимо, что в последнее время не уделяется достаточного внимания разоблачению реакционных взглядов современных буржуазных археологов. Это тем более недопустимо, что в зарубежных странах археология в последние годы с особой откровенностью стала служить агрессивным, империалистическим целям.

Недостатком в работах последних лет следует признать также почти полный отход от изучения зарубежных древностей, нередко к тому же связанных с памятниками на территории СССР. Задачей советских археологов является изучение этих древностей, а в связи с этим и борьба с теориями буржуазных археологов, которые, тенденциозно подбирая данные археологии, извращают историю европейских и других стран.

Буржуазную археологию, так же как и другие отрасли науки, отличает крайний идеализм. Он проявляется и в признании ведущими в развитии культуры не материальных, а духовных начал, и в отрицании объективных исторических закономерностей, и в теории непознаваемости исторического процесса. Буржуазные археологи считают пределом исторического исследования лишь собирание, анализ и критику эмпирических данных и расположение этих данных в хронологической последовательности, так как якобы точное знание прошлого — вне пределов досягаемого. Они выступают против исторических реконструкций на основе археологического материала. Они объявляют археологическую культуру духов-

[1] Г. М. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 95—96.

ным явлением, состоящим из идей, которые сами по себе не могут наблюдаться, но могут объективироваться в виде материальных предметов. Идеалистические теории, изображающие общество как продукт развития сознания, господствующие в буржуазной социологической науке, полностью проникли и в буржуазную археологию.

Наряду с другими идеалистическими теориями в буржуазной археологии значительное место занимает космополитическая идея мировой культуры, составляющей органическое единство. Отдельные археологические культуры якобы являются лишь местными воплощениями этой мировой культуры; не важно и не нужно, с точки зрения этих теоретиков, изучать культуру отдельных народов, нужно изучать стадии развития мировой культуры, являющиеся стадиями развития мирового духа, накопления общечеловеческих идей. Провозглашая стадиальное единство, подменяя космополитическими построениями конкретное историко-археологическое исследование, Марр и его «ученики», считавшие себя материалистами, на деле смыкались с крайними идеалистическими концепциями буржуазной археологии.

Одним из реакционных направлений в археологии следует считать теорию, утверждающую, что географические факторы являются основной причиной развития древних культур. Такое утверждение означает попытку вынести социальные явления за пределы исторических категорий, за пределы человеческого общества и объяснять их только влиянием географической среды.

Советские археологи, опираясь на работы классиков марксизма, в которых полностью разоблачена несостоятельность буржуазной науки об обществе, всегда боролись против реакционных теорий буржуазных ученых. Особенно много было сделано для разоблачения человеконенавистнических, расистских теорий немецко-фашистских «ученых». С разгромом гитлеризма пропаганда расизма в капиталистических странах не прекратилась, центр этой пропаганды лишь переместился в США. Но и в западноевропейских странах американо-английские империалисты усердно возрождают расистские идеи. В археологических материалах и в данных так называемой праистории они ищут доказательства неполноценности одних народов и расового превосходства других. Таким образом, буржуазные археологи откровенно ставят себя на службу империалистической политике колонизаторов и поджигателей войны. Беспощадная борьба против реакционных буржуазных теорий является одной из первейших обязанностей советских археологов; эта борьба должна активно вестись и на страницах сборников «Советская археология».

В публикациях трудов советских археологов сказываются некоторые элементы кастовой замкнутости. Так, количество работ, рассчитанных на узкий круг специалистов, во много раз превышает количество работ, рассчитанных на широкие круги советской научной общественности и вообще на читателя-непрофессионала. Речь идет не о популяризации археологических работ (хотя и это является важной задачей археологов), а о таких выводах и теоретических обобщениях, которые давали бы в руки историков, преподавателей и учащихся важные факты отечественной истории, которые можно было бы использовать в научной и преподавательской работе.

Труды И. В. Сталина, посвященные вопросам языкознания и экономическим проблемам, открыли огромные возможности для развития науки. Они поставили перед археологами, в частности, такой важнейший вопрос, как вопрос об изучении законов экономического развития общества на ранних этапах его истории. Археологи располагают значительными данными для изучения истории производительных сил,

истории производителей материальных благ в древнем обществе и для изучения экономики древних обществ.

Очень важной задачей является изучение товарного производства в докапиталистических формациях. И. В. Сталин пишет: «Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму»[1]. Археологи изучали торговлю и товары как предметы торговли. Теперь предстоит изучить товарное производство; таким образом, раскроются совершенно новые стороны жизни древнего общества.

Интереснейшей темой является изучение вопроса о взаимосвязях тех районов, где господствовал первобытно-общинный строй, с районами, где развивалось товарное производство при рабовладельческом обществе.

Археологи всегда изучали хозяйство, но изучали его односторонне, статично. На основе работ И. В. Сталина, на основе закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, предстоит изучить совершенно неисследованные стороны экономического развития древних обществ. В частности, очень важно подробно рассмотреть вопрос о неодинаковых темпах развития общества, об их причинах и следствиях.

Одним из разделов науки, в котором наиболее сильно проявилось влияние марризма, являются исследования в области этногенеза. Для этой проблемы большое значение имеет установленное И. В. Сталиным соотношение между культурой и языком в ходе истории. «Ошибка наших товарищей состоит здесь в том, что они не видят разницы между культурой и языком и не понимают, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остаётся в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую»[2].

Язык является важнейшим этническим признаком. Невозможно решать вопросы этногенеза, абстрагируясь от истории языка. Привлечение к разрешению вопроса о происхождении народов порочных положений теории Н. Я. Марра заводило в тупик этногенетические исследования. Они вышли из тупика, вырвались из оков «теории стадиальности» лишь благодаря произведениям И.В. Сталина, посвященным вопросам языкознания.

Одной из крупнейших ошибок была попытка решать вопросы этногенеза исключительно на основании археологических источников. И. В. Сталин пишет: «Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»[3]. Для решения вопросов происхождения народов, так же как для изучения истории языков на ранних этапах развития народов, нужен тесный научный контакт археологов и языковедов, привлечение широкого круга историков и этнографов. Исходя из этой задачи, в октябре 1951 г. институты языкознания, этнографии, истории материальной культуры и истории Академии Наук СССР созвали первое объединенное совещание по вопро-

---

[1] И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 15.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21—22.

[3] Там же, стр. 22.

сам методологии исследований происхождения народов и языков в свете сталинского учения о нации и языке[1]. Совещание, несомненно, сыграло важную роль в развитии советской археологии, так как способствовало творческому усвоению сталинского учения о нации и языке. Однако на совещании в большинстве случаев были лишь поставлены важнейшие проблемы, разрешение которых потребует упорной и длительной работы.

Для того чтобы археологи могли участвовать в решении проблем этногенеза, необходимо было определить роль археологического материала в решении этих проблем. Раньше археологи ошибочно отождествляли культуру с языком, не считаясь с тем, что одно общество с одним и тем же в основе языком проходит ряд этапов развития культуры, и с тем, с другой стороны, что одна и та же археологическая культура может принадлежать нескольким разноязычным племенам. Когда была выяснена ошибочность такого отождествления, некоторые историки, исходя из того, что язык и культура не тождественны, стали отрицать возможности использования археологии в изучении вопросов происхождения народов. Эта точка зрения неправильна. Археология, устанавливая последовательную смену археологических культур на определенной территории, изучая эти культуры, дает основной материал для воссоздания истории народов. Понятие «археологическая культура» более широкое, чем понятие «культура» в обычном смысле этого слова. Целый ряд этнографических признаков материальной культуры не исчезает, а преемственно передается из одной археологической культуры в другую. Это дает возможность при помощи археологического материала исследовать историю племен и народов. Нужно, однако, учесть, что в ряде случаев археологические культуры выделены по формальным признакам, чаще всего на основании сходства керамики. Известно, что даже сходство характерных форм материальной культуры в пределах определенной археологической культуры далеко не всегда означает, что носители этой культуры представляли этническое единство. Неправильно все археологические культуры рассматривать в качестве не вызывающих сомнения реальных культурно-этнических единств. Очень часто археологические культуры охватывают огромные пространства и прослеживаются на протяжении очень долгого времени только потому, что некоторые известные памятники внешне однородны, и археологи не нашли еще признаков, по которым можно было бы их разделить и точно определить их этническую принадлежность. Поэтому вопрос об историко-этнографических областях и об их отношении к археологическому термину «культура» очень сложен и не может считаться решенным. Одной из важнейших задач археологов является разработка вопроса об этнической атрибуции археологических культур. Необходимо стремиться к тому, чтобы выяснить, какие племена и народы скрываются за термином «культура».

В решении всех вопросов этногенеза археологам необходим теснейший контакт с лингвистами. Советские археологи крайне заинтересованы в том, чтобы языковедческая наука уделила больше внимания лексике, истории лексики, топонимике, т. е. тем темам, которые больше всего могут дать для изучения истории народа и его материальной культуры по языку.

Сталинская формула о развитии «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...»[2] дает возможность изучения непрерывной

---

[1] Тезисы докладов, сделанных на совещании, опубликованы Издательством АН СССР. Отчет о совещании помещен в ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1951, т. VIII, № 6, стр. 569—577, а также в СЭ, 1951, № 4, стр. 3—6.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

линии развития народа от глубокой древности, когда были заложены элементы современного языка, до наших дней. Но пока еще остаются неизученными вопросы о ранних этапах развития языков.

Коренной задачей, без решения которой невозможно вести исследование истории племен и народов вглубь, дальше начала существования классового общества, является изучение проблемы языковой общности на ранних этапах развития человечества. Теория праязыка в том виде, в каком она существует в буржуазной науке, не может быть согласована с нашими современными представлениями о ранних этапах развития общества. Выдвинутое советскими языковедами понятие языка — основы должно быть подробно разработано применительно к различным языковым семьям. Для археологов особенно важна разработка вопроса о языке — основе древнейших языковых групп.

Неправильно рассматривать, как это иногда делается, вопросы этногенеза как самостоятельную научную область, выделяя их и отрывая от других археологических проблем. Необходимо помнить, что вопросы этногенеза составляют в большинстве случаев неотъемлемую сторону археологического исследования и не могут быть выделены в отдельную науку.

В области изучения палеолита и неолита СССР перед советскими археологами стоят многочисленные и ответственные задачи. Палеолитические памятники, открытые за последние годы в Средней Азии (Тешик-Таш), в Закавказье (Сатани-Дар и др.), в Сибири и на Дальнем Востоке, заставляют во многом пересмотреть старые решения и в вопросе о происхождении населения Европы, и в отношении хронологии палеолита, и в отношении возможности выделения локальных культурных группировок. Стратиграфические наблюдения последних лет на территории нашей Родины ставят вопрос о пересмотре общей схемы европейского палеолита. Все эти вопросы требуют тщательного и детального изучения. Очень важно установление социальной организации и хозяйственной основы наиболее древнего этапа истории развития человечества — нижнего палеолита.

Мы не знаем языков тех ранних исторических эпох, когда только появились родовые языки, недостаточно представляем себе сущность тех процессов, которые лежат в основе перехода от языков родовых к языкам племенным. Но все же археология может помочь в разрешении вопроса о взаимоотношениях рода и племени, который в целом должен решаться на широком материале с привлечением данных этнографии, лингвистики и других наук.

Археологи, следовавшие за Марром, полагали, что звуковая речь возникла относительно поздно, что ей предшествовал «язык жестов и мимики». Указание И. В. Сталина на то, что «значение так называемого языка жестов ввиду его крайней бедности и ограниченности — ничтожно», требует от археологов нового подхода к важнейшим проблемам истории первобытного общества. При решении вопросов развития первобытного мышления, первобытного искусства мы должны более высоко оценивать уровень развития верхнепалеолитического общества, чем это делалось прежде. Работы археологов, касающиеся идеологии и других надстроечных явлений, занимали огромное место в научных исследованиях в 30-е годы. Но эти исследования базировались на фантастических измышлениях Марра (его «тотемическая» и «космическая» стадии и т. п.) или на перенесенной им в советскую науку идеалистической теории Леви-Брюля о первобытном мышлении. Сейчас задача состоит в том, чтобы по-новому, в соответствии с разработанной И. В. Сталиным теорией базиса и надстройки, подойти к проблемам первобытной идеологии и другим надстроечным явлениям.

Чтобы покончить со «стадиальным» схематизмом, нужно создать конкретную историю отдельных групп палеолитического человечества, показав в то же время, как в этой конкретной истории преломляются общие закономерности развития первобытного общества и его культуры.

В изучении неолита, несмотря на большие достижения, отраженные в вышедших и выходящих в скором времени в свет крупных обобщающих работах, все еще остается много неясного. Почти не изучен неолит Белоруссии и Украины, Кавказа и Закавказья, не говоря уже о наших среднеазиатских республиках. Это затрудняет разработку древнейшей истории народов СССР, решение проблем расселения населения по окончании ледникового периода, формирования племен, их отношения друг к другу и т. д. Необходимо уделить внимание вопросам о времени и условиях заселения севера европейской части СССР в древнейшие времена и изучению этапов развития культуры местных племен.

Надо еще решительнее, чем это делается, стремиться к созданию обобщающих трудов по археологии палеолита и неолита, к более широким выводам, исторического порядка в этих трудах.

Необходимо решить вопрос о дальнейших судьбах энеолитических земледельческих племен и о причинах распространения во II тысячелетии до н. э. скотоводческого хозяйства. Археологи не могут в дальнейшем удовлетворяться изучением таких больших археологических культур эпохи неолита и бронзы, как трипольская, или срубная и т. п., а должны стремиться выделить и изучить племенные варианты этих культур, за которыми безусловно скрывается множественность племен.

Для энеолита и бронзового века особенно важной задачей является исследование степных культур Украины, Поволжья, Сибири и Средней Азии с тем, чтобы выяснить причины их значительной культурноисторической близости и установить их соотношения с языковыми общностями древности, в частности, с индоевропейским языковым единством. Большое внимание при этом должно быть уделено борьбе с буржуазными шовинистическими индогерманистскими теориями, развитыми в свое время фашистскими историками и остающимися и по сей день на вооружении буржуазной археологии. Те же задачи стоят и перед археологами, занимающимися древнейшей историей северной и центральной части восточноевропейской равнины; они должны установить, какие археологические памятники относятся ко времени существования древних этнических обществ на этих территориях.

Археологам необходима более четкая периодизация первобытной истории, чем существующая, для того чтобы избежать ошибки, от которой предостерегает И. В. Сталин в письме к т. А. Холопову,— от попытки перенести явления, характерные для одной эпохи развития общества, на другую эпоху, в условиях которой эти явления исторически невозможны. В первую очередь необходимо пересмотреть морганoвскую периодизацию истории первобытного общества, принятую Ф. Энгельсом в его классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Энгельс писал: «Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предисторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация несомненно останется в силе»[1]. Сейчас наступил момент, когда «значительное расширение материала» уже настойчиво требует пересмотра морганoвской схемы. Предполагается специальная

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 20.

научная сессия, посвященная вопросам периодизации. Однако предварительное обсуждение показывает, что нельзя подходить к вопросу о периодизации без учета всех данных, накопленных наукой, нельзя строить периодизацию всей истории первобытного общества, исходя из отдельных, частных примеров, вовсе не определяющих общей исторической закономерности, исходя не из конкретных данных, а из чисто умозрительных заключений. Неправильной является также попытка пересматривать периодизацию, полностью игнорируя схему Моргана — Энгельса, считая ее в целом устаревшей и несостоятельной. Эта периодизация сыграла большую положительную роль в развитии науки и сейчас нуждается в уточнении и исправлении в соответствии с новейшими достижениями науки, но нельзя исходить из того, что каждому разделу морганов ской периодизации необходимо противопоставить новые соображения.

Учение о базисе и надстройке, развитое в трудах И. В. Сталина, позволяет глубоко исследовать период формирования классов и возникновения государства. Археология дает фактические материалы, позволяющие судить о том, как формировался базис первых классовых обществ. Важной задачей археологов является на основании памятников материальной культуры определить границу между обществом доклассовым и классовым, проследить становление данного классового общества. Такие попытки делались в прошлом, но даже в наиболее удачных из них имелись отражения марровских схем. Археологи могут помочь и в выяснении условий возникновения и характера древнейших государственных образований на территории СССР.

Характеристика, данная И. В. Сталиным империям рабского и средневекового периодов, имеет исключительное значение для всех историков и археологов, занимающихся античностью и средневековьем. Еще недавно в исследованиях наших ученых по истории древневосточных, эллинистических государств и Римской империи не уделялось должного внимания изучению отдельных племен и народностей, составлявших основное население этих объединений. Теперь археологи и историки все больше внимания уделяют тем племенам и народностям, «которые входили в состав империи, имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки»[1]. Археологи должны воссоздать конкретную историю этих народов, все больше внимания уделяя местным элементам в античных культурах на территории нашей Родины. Это правильный путь, путь создания монографий об отдельных народах, имевших свою культуру, героически боровшихся против порабощения. Однако и здесь нужно предостеречь от некоторых увлечений, от попыток сбросить со счетов культурное влияние античной метрополии, от попыток рассматривать процесс развития местных племен и народов как совершенно независимый от внешних влияний. Нужно всегда помнить указания классиков марксизма о прогрессивной роли античной культуры в мировой истории.

Необходимо также учесть, что существенной составной частью античного мира были древние города Северного Причерноморья. Обладавшие чертами значительного своеобразия, обусловленного их окружением, эти города отнюдь не являлись только сырьевой базой для Средиземноморья, как об этом писали буржуазные историки. Напротив, названные города внесли не малый вклад в формирование античной культуры в целом.

Далее следует отметить, что до сего времени недостаточно уделялось внимания вопросу об экономической базе античных государств Северного Причерноморья и совсем мало — вопросу о непосредственных производителях материальных ценностей в этих государствах, об их этническом

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12—13.

и социальном составе. Только после решения названных проблем будет возможно написание настоящей истории Северного Причерноморья в древности.

Марр и его «ученики» находили мнимые элементы сходства между различными явлениями и на этой основе провозглашали стадиальное единство. Так, предполагалось на основании сходства лишь отдельных элементов культуры существование сибирских скифов, скифов на Алтае и т. д. Предполагаемая «скифская стадия» мешала исследованию местных этнических особенностей. Хотя всегда было ясно, что так называемые причерноморские скифы составляли несколько этнически родственных групп, только теперь, когда наука освобождена от оков марристской стадиальности, сделаны попытки по археологическим материалам отделить собственно скифские племена степи от племен лесостепи и установить их генетические связи с последующим населением каждого из этих районов. Однако нужно глубже разработать вопрос о возможной преемственной связи между памятниками материальной культуры скифского времени Среднего Приднепровья и культуры «полей погребений» и между этой последней и славянскими памятниками VI—VIII вв. на той же территории. Нужно выяснить также, как влияли на сложение славянства в Поднепровье или в каких взаимоотношениях с ним находились западнославянские племена. Нужно глубже изучить вопрос о так называемых племенах «шнуровой керамики» и их отношении к лужицким, поднепровским и другим древнеславянским племенам.

Научная конференция ИИМК, посвященная вопросам скифо-сарматской археологии (состоявшаяся в январе — феврале 1952 г.), привлекла внимание к важным проблемам и выявила серьезные недостатки в работе по этой тематике: до сих пор встречаются пережитки марровского влияния, особенно в стремлении видеть автохтонное, изолированное развитие племен без достаточных к тому оснований, а также в присвоении скифам, а иногда и сарматам роли предков славян. Необходимо углублять изучение больших культурных групп и их внутреннего членения в целях более отчетливого выяснения состава племен и народностей скифо-сарматского времени и их роли в образовании предков современных народов СССР и формирования их культуры.

Перед славяно-русской археологией стоят большие и сложные задачи. Установление времени и места формирования славянской этнической группы, проблема происхождения Руси, образование древнерусской народности и выяснение условий ее распада на группы: русскую, украинскую и белорусскую,— в решении всех этих проблем могут и должны участвовать археологи. Изучение истории и археологии восточных славян должно вестись на широком фоне общеславянской археологии, поэтому необходимо изучать и принимать во внимание археологию западных и южных славян. Продолжая изучение истории культуры древней Руси и древнерусского города, необходимо уделить большое внимание хронологическому углублению этой тематики, с тем, чтобы ясно представить себе эпоху, предшествовавшую возникновению Киевского государства. Необходимо, наконец, уделить внимание древнерусской деревне, которая до сих пор остается почти совсем не изученной.

Археологические данные нужно использовать для изучения вопросов возникновения феодального общества. Уже сейчас, основываясь на сталинском учении о базисе и надстройке и пользуясь археологическими и историческими источниками, можно ясно представить себе длительное развитие восточнославянского общества, представить себе сложный исторический путь, приведший к образованию в IX в. Киевского

государства, которое стало «величайшей активной силой», содействовавшей оформлению и укреплению своего базиса.

На сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР совместно с институтами истории академий наук Латвии, Эстонии и Литвы, состоявшейся в Риге в ноябре 1951 г., в докладах археологов было ярко показано, вопреки ранее господствовавшей точке зрения, что феодализм в Прибалтике возник значительно раньше немецкого завоевания и независимо от него, в результате внутреннего развития прибалтийских племен. Это один из примеров того, как на основании археологических материалов можно по-новому рассматривать вопрос о возникновении феодального общества. Необходимо привлечь внимание наших ученых к этой тематике.

Археологи, изучающие Среднюю Азию, уделяют значительное внимание выяснению процессов разложения рабовладельческого строя и возникновению феодальных отношений,— процессов, получающих новое освещение благодаря исследованию раннесредневековых памятников Хорезма, столицы Бухархудадов Варахши и Пянджикента — одного из крупнейших городов Согда. Таким образом, не только возникновение классового общества, но и смена одного классового общества другим выясняется по археологическим материалам. Последовательное применение сталинского учения о базисе и надстройке позволяет археологам оказать существенную помощь историкам.

Археологи Средней Азии должны обратить особое внимание на изучение истории непосредственных производителей материальных благ — на изучение крестьянских усадеб, ремесленных кварталов, техники ирригационного земледелия и т. п. Особой задачей должно быть планомерное археологическое изучение древних оросительных систем в целях создания истории ирригации в Средней Азии, имеющей в настоящее время практическое значение для строительства Главного Туркменского канала и других гидротехнических сооружений.

Необходимо серьезно взяться за изучение обширнейших археологически мало изученных областей Советского Союза — Восточной Сибири, Камчатки, Дальнего Востока. Для этого необходимо подготовить археологов, так как почти нет специалистов, постоянно работающих в этой области.

Среди других проблем нужно уделить значительное внимание источниковедческим вопросам, которыми пренебрегали некоторые исследователи под влиянием марристов, пытавшихся отнести к категории буржуазного вещеведения всякое изучение вещей и отрицавших типологический метод как важный вспомогательный метод, служащий для классификации и датировок археологического материала. В результате создалось определенное отставание в этой области. Хотя советскими археологами разработан ряд важных хронологических классификаций, все же пользуются частично устаревшими схемами Монтелиуса, Дешелетта, Городцова, Спицына и другими без внесения в них необходимых поправок. Но еще хуже, когда археологи пользуются в своих работах не этими добросовестными, хотя и устаревшими хронологическими схемами, а некритически применяют хронологию буржуазных реакционных ученых. Так, например, абсолютная хронология, принятая для Западной Европы, особенно у немецких археологов, часто содержит заведомо фальсифицированные даты, принятые для того, чтобы увеличить возраст тех или иных культурных явлений Центральной или Северной Европы. Часто датируются вещи «на глазок», без достаточных доказательств. Необходимо создать новые датировочные таблицы вещей, в особенности для таких важных для изучения истории нашей Родины отраслей археологии, как славяно-русская.

Необходимо широко обсудить и разработать методику установления дат, хронологию для различных отраслей археологии. Необходимо от морфологического изучения вещей все больше переходить к аналитическому их изучению. Необходимо широко использовать для изучения вещей, сооружений, поселений методы точных и естественных наук — рентгенографию, пыльцевой анализ, анализ по радиоактивности и т. д., необходимо усовершенствовать методику полевых археологических исследований. Уточняя методику исследований, добиваясь того, чтобы археологическая аргументация стала совершенно бесспорной, мы сможем проникнуть в сущность тех археологических культур, где за общим термином часто скрывается множественность племен.

Советские археологи никогда не отказывались от применения сравнительноисторического метода в своей исследовательской работе. Однако, как и в других отраслях науки, например в лингвистике, сравнительноисторический метод в археологии имеет серьезные недостатки. Нужно серьезно обсудить объем и конкретные условия применения этого метода к решению различных вопросов археологии. Нужно помнить, что типологический анализ, являющийся одним из технических приемов сравнительноисторического метода, должен в отличие от буржуазной археологии строиться на иных основах, с учетом исторической перспективы, с учетом разных темпов развития культурных явлений в тех или других районах.

Одним из недостатков археологических работ является, в частности, то обстоятельство, что картографированию отдельных археологических культур в разные эпохи уделяется незаслуженно малое место.

Весьма важен правильный подход к вопросу о влияниях, о культурном взаимодействии. Марксизм требует от исследователя, чтобы все явления культуры, в том числе факты идеологического порядка, рассматривались прежде всего на материальной базе развития данной страны. Только при соблюдении этого основного условия можно принять во внимание и результаты культурного взаимодействия. Многие археологи, находившиеся под влиянием Марра, исходя из «стадиального единства», лишали в своих работах национальной специфики отдельные культурные явления, приходили к космополитическим выводам, лишали народы их творческого своеобразия. В процессе борьбы с этими ошибочными построениями нельзя впадать в другую крайность и приходить к полному отрицанию взаимовлияний, пытаться рассматривать все культурноисторические процессы как результат только внутреннего развития. Это также неверно. Нет изолированных исторических процессов, история протекает во взаимодействии народов друг с другом.

Необходимо, чтобы составляемая Институтом истории материальной культуры на основе археологических материалов и письменных источников древнейшая история СССР была подлинной гражданской историей, в которой были бы отражены все важнейшие стороны исторического процесса, в которой нашли бы ответ на вопрос о своем происхождении, об истоках своей культуры все многочисленные народы, населяющие территорию нашей Родины.

Успехи советской археологии велики. Партия и правительство проявляют исключительную заботу об археологических исследованиях. Сотни экспедиций охватили весь Советский Союз.

Советские археологи получили огромные возможности вести раскопки в соответствии со сталинским законом об охране памятников культуры. Особенно большие работы ведутся археологами в зонах великих строек коммунизма. Собраны значительные материалы для создания древней истории народов нашей Родины. Результаты трудов советских археологов уже

включены во многие важнейшие исторические исследования. Особенно важны археологические материалы для создания истории тех народов, у которых еще недавно не было своей письменности и вследствие этого не было письменной истории (например, народов советского Севера). Советская археологическая наука добилась больших успехов благодаря тому, что для советских ученых руководством является величественная и стройная система марксистско-ленинской философии. Гениальные произведения И. В. Сталина по языкознанию и экономическим проблемам социализма подняли нашу науку на новую, высшую ступень. Они выдвинули перед советскими археологами много задач, лишь часть которых указана выше. Советские ученые сознают ответственность, которую налагает на них необходимость решить серьезные научные проблемы и исправить допущенные ошибки. Руководствуясь гениальными трудами И. В. Сталина, советская археологическая наука добьется новых успехов. Советские археологи приложат все свои знания и силы для того, чтобы в пятой сталинской пятилетке вместе с другими советскими учеными итти в первых рядах строителей коммунизма.

Б. А. РЫБАКОВ

ДРЕВНИЕ РУСЫ

К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина

Народность является исторически сложившейся общностью людей, предшествующей образованию нации. Для нации, как известно, характерны следующие четыре обязательных признака: 1) общность языка, 2) общность территории, 3) общность экономической жизни (основанная на разделении труда между областями) и 4) общность психического склада, сказывающаяся в общности культуры[1].

И. В. Сталин, говоря о периоде, предшествующем образованию наций, писал: «Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический»[2]. Из четырех признаков нации здесь перечислены три и отсутствует один признак, исторически наиболее поздний — общность экономической жизни, появляющийся лишь в процессе разложения феодального натурального хозяйства. Можно сказать, что появление прочных и необходимых экономических связей, основанных на разделении труда между областями, и превращает народность (или народности) феодальной эпохи в нацию «эпохи подымающегося капитализма».

Сходство нации и народности состоит в том, что обе общности людей складываются исторически, обе подвержены историческим изменениям, причем нация, очевидно, является более устойчивой, чем народность, так как возникает при наличии важного цементирующего признака — общности экономики. Поэтому в судьбах наций мы почти не знаем примеров распада наций (за исключением массовой эмиграции) или слияния нескольких сформировавшихся наций воедино. Сходством нации и народности является также и их отношение к государству и государственной территории: и нация и народность могут не совпадать с государством ни территориально, ни по языку, что означает бóльшую устойчивость их по сравнению с политическими границами.

Формирование нации и народности есть длительный более или менее стихийный, «подпочвенный» процесс. Появление прочных государственных образований может частично повлиять на этот процесс. Отличие народности от нации заключается прежде всего в ее меньшей устойчивости, вытекающей из условий экономической разобщенности докапиталистической эпохи. Мы знаем множество примеров, во-первых, слияния нескольких народностей в одну нацию (с победой одного языка над всеми другими),

[1] См. И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 292—296.
[2] Там же, т. 11, стр. 336.

а во-вторых — расщепления единой народности на родственные нации. Подверженность народности историческим изменениям обнаруживается не только в конце ее бытия, когда она (или часть ее) превращается в нацию; на протяжении всей своей исторической жизни народность может изменяться как за счет полной ассимиляции иноязычных соседей, так и путем распада ее на части.

Очень важен вопрос о времени сложения народности. Говоря о национальной политике на Кавказе, И. В. Сталин писал: «Но на Кавказе имеется целый ряд народностей с примитивной культурой, с особым языком, но без родной литературы, народностей к тому же переходных, частью ассимилирующихся, частью развивающихся дальше»[1]. Здесь речь идет о бесписьменных народностях с большим количеством пережитков первобытно-общинного строя. Место народности определено И. В. Сталиным в перечне этапов развития языка «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным...»[2]. Здесь народность поставлена после племени и перед нацией. К сожалению, в конкретной исторической действительности историкам бывает очень трудно уловить этот переход от племен к народностям.

Не подлежит сомнению, что там, где сложились феодальные отношения, мы имеем дело уже с народностью. Так как мы знаем, что этническая общность людей не связана прямо и непосредственно с государством, а тем более с непрочным раннефеодальным, то можно допустить, что народности начинают складываться до образования феодального государства, в период сложения племенных союзов. Древние и средневековые государства вроде империй Кира и Александра Великого или Цезаря и Карла Великого представляли собой «временные и непрочные военно-административные объединения... Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки». Эти племена и народности «имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки»[3]. Следовательно, народности существовали наряду с племенами еще до образования империй. Возможно, что одним из показателей сложившейся общности племен, образующих народность, является собирательное имя. Если группа родственных племен получает у р а з н ы х с о с е д е й одно и то же собирательное имя, то можно ставить вопрос о первичной фазе сложения народности. Недостаточно, если собирательное имя появляется только у одного из соседних народов,— в таком случае зачастую имя одного ближайшего племени переносилось на значительную область, заселенную, может быть, даже не родственными племенами. Лишь в том случае, когда собирательное имя прослеживается у разноязычных и удаленных друг от друга соседей, а также отразилось и в этнонимике пограничных племен этой группы, мы можем говорить о зарождении народности. Так, например, имя венетов появляется в первые века н. э. у римских и греческих писателей как собирательное имя западных, восточных и южных славян. И почти по всем окраинам славянских земель это имя зафиксировано этнонимически: винды и венды в Полабье, вятичи на Оке, анты (из «венеты» — «вАты») на Днестре, Днепре и на Боспоре; эстонцы и финны до сих пор называют русских vene. В этом примере с венетами перед нами не случайное литературное упоминание, а многократно подтвержденное традиционное употребление собирательного

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 349—350.
[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.
[3] Там же, стр. 13.

имени венетов на огромной территории от Эльбы до Оки и от Балтики до Черного моря народами, говорившими на различных языках.

Народности предшествует общность племен, обозначаемая таким условным термином, как языковая семья. Семья родственных языков не обязательно должна иметь общую сплошную территорию; племена, относящиеся к одной семье, могут в очень незначительной степени ощущать свое языковое единство и быть мало связанными друг с другом. Развитие производительных сил, усложнение социальной структуры, выделение и активизация дружин, развитие обмена, увеличение плотности населения — все это приводило, во-первых, к распаду замкнутой родовой общины и к замене ее общиной территориальной, а во-вторых — к консолидации племен в союзы. Вот здесь-то и пригодилось древнее языковое родство: расширение связей каждого племени шло прежде всего по направлению соседних р о д с т в е н н ы х племен, хотя бывали случаи и скрещения племен разноязычных, приводившие к победе одного из языков. Время образования племенных союзов, являющихся зародышами будущих княжений, и было, очевидно, временем первоначального появления той общности, которую мы называем народностью.

Единство славян-венетов в I—V вв. подтверждено и данными сравнительного языкознания, и обширностью общей славянской территории, и однородностью археологических остатков культуры. Археологическая культура черняховского типа II—V вв., широко распространенная в бассейне среднего Днепра, имеет прямые аналогии в ряде одновременных культур западнее Приднепровья вплоть до бассейна Вислы и Одера, от полян на Днепре до полян на Варте. Мы слишком мало знаем о жизни венетов II—V вв., но можно высказать предположение, что тогда уже сложился обширный племенной союз с единой культурой, носивший общее имя «полян», т. е. воинственных, сильных (от поляница — дружина). Такой союз ряда родственных племен, хотя и не охватывал всех славянских племен, мог послужить основой сложения народности. Однако предполагаемая славянская народность не успела окончательно оформиться: бурная эпоха IV—VI вв., заполненная борьбой с кочевниками на юго-востоке, завоеванием Рима и Византии, колонизацией Задунавья, привела к созданию ряда новых племенных союзов, послуживших основой для новых народностей, сложение которых началось в VI—VII вв. и закрепилось с появлением таких государств, как Болгарское царство, Киевская Русь и Польша эпохи Пястов. Нельзя думать, что формирование русской народности началось лишь после того, как окончательно исчезли летописные «племена», т. е. в XI—XII вв. Летописные радимичи, древляне, кривичи и другие части восточного славянства не являлись племенами в нашем смысле слова[1].

Достаточно сравнить русские данные с западнославянскими, чтобы убедиться в сложном составе русских «племен». Возьмем в качестве примера балтийских лютичей. Лютичский племенной союз сложился в условиях борьбы с соседями из восьми племен (ране, хижане, чрезпеняне, моричане, доленчане, ратари, гаволяне и шпреване). Из русских летописных «племен» возьмем радимичей, которые, судя по археологическим

[1] Летописная терминология совершенно не совпадает с научной терминологией кабинетного происхождения.

Л е т о п и с ь:	С о в р е м е н н о е з н а ч е н и е:
племя	семья
род	первичное племя

Для обозначения союза племен летописного нарицательного термина не было, и обычно употреблялось конкретное наименование такого союза.

данным, занимали площадь, равновеликую земле лютичей. Летописец не знает никаких подразделений земли радимичей, но ряд археологических признаков (например, картографированные Г. Ф. Соловьевой детали погребального обряда) позволяют выделить внутри радимичской территории около шести обособленных районов, вероятно соответствовавших более мелким племенам, образовавшим довольно устойчивый союз с ярко выраженными, общими для всего союза особенностями материальной культуры. Следовательно, образование племенных союзов происходило у восточных славян раньше, чем у балтийских, и летописец уже не знал о первичных племенах; к той эпохе, в которую он мог заглянуть, т. е. в IX—X вв., вся русская земля была уже без остатка разделена на союзы племен. Русский историк XII в. не рассказал нам всей предистории Киевской державы и слишком нивелировал перечисленные им «племена». Среди летописных «племен» были и небольшие союзы вроде радимичей, дреговичей, вятичей, древлян, словен, уличей, северян, были и огромные союзы, возникшие за несколько веков до летописца. К последним можно отнести кривичей, объединявших, возможно, и славян и часть литовских племен (сохранивших древнее имя кривичей в имени бога Криве), а также волынян и предположительно — полян. Большие союзы могли распадаться, и общее племенное имя могло закрепиться за небольшой частью, ядром союза; так было, по всей вероятности, с полянами и волынянами, о былом могуществе которых остались воспоминания, но слишком неясные для того, чтобы восстановить их полную историю.

Процесс создания племенных союзов и их постепенной консолидации, сопровождающийся распадом родовой общины,— это и есть процесс складывания народности. Союз племен может получить свое имя от одного из племен, входящих в него (например, бодричи), или же может принять новое имя, обозначающее весь данный союз и имеющее нарицательное значение (например, лютичи). Название народности чаще всего восходит к названию первенствующего союза племен, а тем самым может восходить и к имени отдельного племени, если оно было ядром и гегемоном всего союза.

Общность племен, составлявших более или менее длительное время один союз, может сохраняться долго, проявляясь в этнографических особенностях и в употреблении одного диалекта.

Имя племенного союза со временем может стать только географическим названием и пережиточно сохраниться очень долго. Таковы, например, наименования северян и волынян, известные не только летописцу XII в., но и значительно позднее («Северская украина» в XVII в., «Волынская губерния» в XX в.).

Перечисление летописцем XII в. в связи с событиями X в. восточнославянских племенных союзов не противоречит тому, что русская народность начала складываться задолго до X в. На каком-то отрезке времени формирование племенных союзов и формирование народности идут параллельно, являясь следствием одной и той же причины — распада первобытно-общинного строя в целом.

* * *

Будучи исторической категорией, народность, как и нация, подвержена историческим изменениям. В истории русской народности явно ощущаются следующие моменты: она несомненно уже существует в X—XI вв., обладая такими признаками, как единый язык при наличии диалектов, единая территория, единая культура и наличие связей, допускаемых феодальным характером хозяйства. Единая государственная территория в X—XI вв. упрочила внутреннее единство народности, которое не распалось и в

эпоху феодальной раздробленности. Лишь после монгольского завоевания и многовекового политического разобщения отдельных частей Руси единая русская народность выделяет из своего состава украинскую и белорусскую народности. Во избежание путаницы русскую народность до XIV в. лучше называть древнерусской, подразумевая под этим термином предков русских, украинцев и белоруссов, живших тогда единой исторической жизнью.

Наименее ясен для нас процесс образования древнерусской народности. Задачей данной статьи является попытка выяснения начального этапа сложения древнерусской народности, попытка определения того племенного союза, который стал ядром формировавшейся народности и дал ей свое имя, другими словами — попытка ответить на старый вопрос о происхождении Руси.

* * *

Ни один из вопросов образования древнерусской народности и древнерусского государства не может быть решен без рассмотрения того, что такое Русь, кто такие русы.

Обширная и противоречивая историография этого вопроса знает около двух десятков различных ответов, взаимно исключающих друг друга[1]. Как известно, русов считали и варягами, и литовцами, и балтийскими славянами, и финнами, и славянами, и среднеазиатскими аорсами, и, наконец, отчаявшись в их этническом определении, разноплеменной социальной группой. Основная борьба в историографии Руси шла между норманистами и их противниками, принимая нередко ожесточенные формы. Это и неудивительно, так как от того или иного решения спора зависело установление местных или чуждых истоков Русского государства. После того как многие доводы норманистов были опровергнуты, норманская теория осталась где-то на грани между консервативной ученостью и политическим памфлетом. Фашистские фальсификаторы истории в гитлеровской Германии, в США и в других империалистических странах сделали норманскую теорию своим знаменем, превратили легенду о призвании князей в символ всей русской истории. Примером тенденциозной фальсификации может служить книга Г. Вернадского «Ancient Russia», воскрешающая давно отвергнутые наукой норманистические заблуждения[2].

Длительность споров о происхождении Руси в известной мере объясняется противоречиями в источниках, обилием домыслов и догадок у самих древних авторов. В источниках мы найдем и прямые указания на то, что русы — варяги, и столь же прямые свидетельства их славянства. Русов то называют кочевниками (патриарх Фотий), то говорят о том, что кони их не могут носить (Захария). То русов называют племенами из славян (Ибн-Хордадбе), то обосабливают их от славян и даже противопоставляют их славянам. Русская земля то расширяется до пределов всей Восточной Европы, то сужается до размеров маленького болотистого острова. Из этого списка противоречий нельзя выбрать какое-либо одно положение по своему вкусу; нельзя и пытаться примирить противоположные утверждения при помощи компромиссов. Необходимо объяснить причины возникновения той или иной точки зрения в каждом источнике и рассматривать всю совокупность доступных нам сведений. При многогранности

[1] Историография вопроса о Руси заслуживает специального исследования. Предпринятая В. Мошиным в 1931 г. попытка дать историографический очерк далеко не исчерпывает всего материала. См. В. Мошин. Варяго-русский вопрос. «Slavia», XI, Praha, 1931.

[2] G. Vernadsky. Ancient Russia. Yale, 1944.

задач и противоречивости источников необходим синтез различных сведений и применение ретроспективного метода, обеспечивающего осторожное продвижение вглубь веков от известного к неизвестному.

* * *

Давно и многократно отмечалась исследователями двойственность смыслового значения при употреблении летописцами слов «Русь», «Русская земля» [1]. С одной стороны, они обозначали всю совокупность восточнославянских земель в их этнографическом, языковом и политическом единстве, свидетельствуя о сложении древнерусской народности на огромном пространстве от Карпат до Дона и от Ладоги до «Русского моря». В этом смысле Русская земля противопоставлялась полякам, чехам, венграм, половцам, византийцам как в этническом, так и в государственном отношении. В эпоху феодального дробления Руси, в XII—XIII вв., несмотря на существование нескольких десятков княжеств, единство русской народности очень хорошо осознавалось и находило отражение в терминологии — вся Русская земля противопоставлялась обособленным вотчинам враждовавших князей.

Таково одно значение слов Русь и Русская земля. Наряду с ним в одних и тех же источниках встречается несравненно более узкое определение Руси: Киевская земля, Среднее Приднепровье. Обстоятельный разбор выборочных летописных данных был произведен М. Н. Тихомировым[2]. Но выводы М. Н. Тихомирова и его предшественников были оспорены недавно Д. С. Лихачевым в его комментариях к «Повести временных лет»[3]. Д. С. Лихачев крайне неубедительно пишет о том, что «наиболее древним, основным значением «Русь» и «русьский» является значение общее, обращенное ко всем русским землям и ко всему русскому народу в целом»[4]. Этот взгляд совершенно лишен исторического подхода к вопросу образования народности.

Источники XII в. (например, «Повесть временных лет»), ретроспективно освещающие события X в., дают нам историю всей Русской земли и поэтому употребляют соответственный общий термин. Летописи XII в. полны географических определений для отдельных частных событий, происходивших в разных углах Руси, и если среди этих определений нам встречаются «Кривичи», «Русь», «Радимичи», мы должны отнестись к ним не как к новшествам XII в., а как к глубокой старине, дожившей до XII в. благодаря традиции, оказавшейся более сильной, чем действительные географические новшества — изменчивые очертания феодальных княжеств.

Последним по времени исследованием, посвященным этому вопросу, является книга А. Н. Насонова[5]. Автор очень интересно и обстоятельно разбирает вопрос о Руси в узком смысле слова. Будучи согласен с основ-

---

[1] А. Федотов. О значении слова «Русь» в наших летописях. «Русский исторический сборник», изд. Об-ва ист. и древн. рос., под ред. М. П. Погодина, т. I, кн. 2. М., 1837, стр. 104—121; [Неиман]. О жилищах древнейших Руссов. М., 1826; С. Гедеонов. Варяги и Русь, ч. I—II. СПб., 1876; В. А. Брим. Происхождение термина «Русь».— «Россия и Запад». Истор. сб., под ред. А. И. Заозерского. Пг., 1923, стр. 5—10; В. Пархоменко. Норманизм и антинорманизм. (К вопросу о происхождении имени «Русь»). «Изв. Отд. рус. яз. и слов. АН», т. XXVIII, 1923, стр. 71—74.

[2] М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». СЭ, VI—VII, 1947, стр. 61. Приведено семь примеров из разных летописей.

[3] «Повесть временных лет», ч. II. Приложения. М.—Л., 1950, стр. 238—244.

[4] Там же, стр. 241.

[5] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

ной мыслью А. Н. Насонова, я несколько расхожусь с ним в географических деталях (в определении крайних западных и восточных рубежей) и в датировке установления единства Русской земли на юге[1].

Важность темы и наличие разногласий вынуждают нас заняться более детальным рассмотрением этого вопроса вновь с исчерпывающим, а не выборочным изучением летописей. Всем дошедшим до нас летописным сводам хорошо известно употребление слов «Русь», «Русская земля» в смысле всей совокупности восточных славян, единой русской народности, единого русского государства. В «Повести временных лет» такое словопонимание даже преобладает, но это объясняется тем, что там описывается преимущественно период единства Руси. Новгородская I летопись знает оба значения и иногда причисляет Новгород к Руси, а иногда противопоставляет его Руси (южной). Лаврентьевская летопись чаще всего отделяет Владимиро-Суздальскую землю от Руси в узком смысле. В Ипатьевской летописи, в летописании Мстислава Владимировича, Ольговичей и Ростиславичей одновременно существует и риторическое понимание единства Руси («Володимер... многа пота утер за землю Рускую»), и конкретное представление о Руси как о южной части всего русского единства.

Область древнерусской народности IX—XIII вв. (родоначальницы позднейших братских народностей — русской, украинской и белорусской) может быть восстановлена по целому ряду разнородных источников, как письменных, так и археологических, хотя летописцы XII в. и не оставили нам систематического описания ее границ. Во-первых, область Русской земли в широком смысле слова может быть получена как сумма племенных территорий всех восточнославянских племен, исходя из тезиса летописца, что «словеньскый язык и рускый — одно есть...». Во-вторых, некоторое представление о границах Русской земли XI—XII вв. может дать карта русских городов, упоминаемых в летописях по тому или иному случаю[2]. Это не систематический перечень русских городов, и поэтому возможны пропуски, но в общих чертах карта летописных городов дает нам весь театр действий феодальной Руси.

Более или менее систематические сведения о нерусских народах, соседях и данниках Руси содержит вводная часть «Повести временных лет»: «А се суть инии языци, иже дань дають Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мръдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь...»[3]. Если мы нанесем на карту все эти народы, то они обозначат западную, северную и восточную границы области Руси, совпадающую с пограничными русскими городами (рис. 1).

Точные географические данные о территории русской народности содержатся в поэтическом «Слове о погибели Русской земли»[4].

---

[1] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 42: «...«Русская земля» сложилась в эпоху хазарского ига, слабевшего в течение IX в.». В своей работе А. Н. Насонов окончательно и правильно решает запутанный вопрос о сближениях русов с варягами в русских и византийских источниках XI в., считая, что варяги прозвались русью, попав на юг, в Киевскую землю. Но иногда Насонов излишне выдвигает на первое место хазар, считая, что «Русская земля»—это те славянские племена, которые были подчинены хазарам (стр. 41).

[2] Б. А. Рыбаков. Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси.— «История культуры древней Руси», т. I, М., 1948.

[3] «Повесть врем. лет», стр. 13.

[4] Х. М. Лопарев. «Слово о погибели Рускыя земли», вновь найденный памятник литературы XIII века.—«Памятники древней письменности», т. XXXIV, вып. 1, 1892. Уточненную датировку «Слова» дал М. Н. Тихомиров в статье «Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли» («Тр. Отд. древнерус. лит-ры ИРЛИ АН СССР», т. VIII, 1951, стр. 243—244). Местом написания М. Н. Тихомиров считает Новгород, а временем — 1225 год.

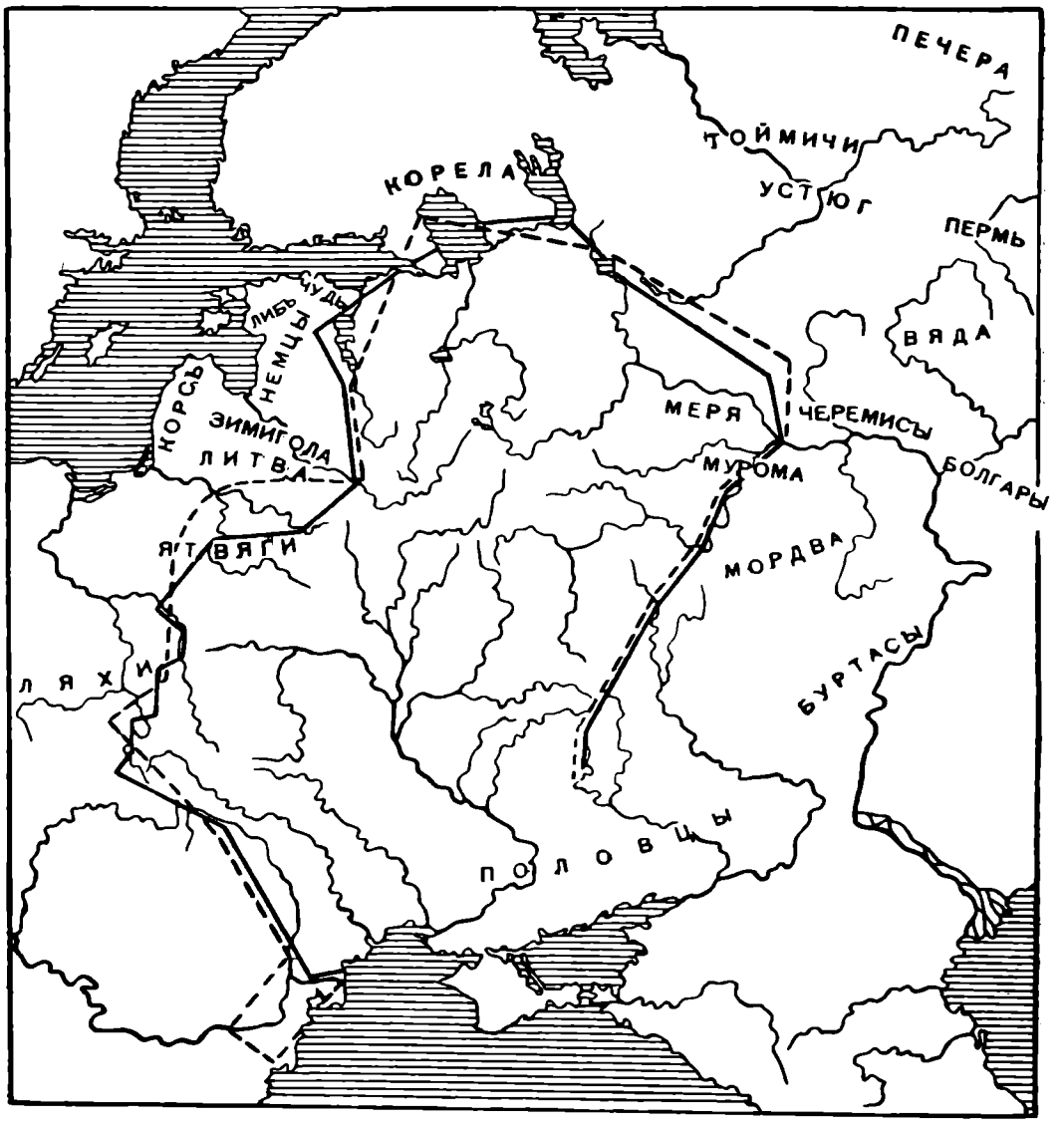


Рис. 1. Русская земля и «иные языцы» в XII—XIII вв.

Русская земля определяется по соседним народам, начиная от Венгрии и далее по часовой стрелке: «Отселѣ до угоръ и до ляховъ, до чаховъ, от чаховъ до ятвязи и отъ ятвязи до литвы, до немець [тевтонский и ливонский ордена], от немець до корѣлы, отъ корѣлы до Устьюга, гдѣ тамо бяху топмици погании и за дышючимъ моремъ, отъ моря до болгар, отъ болгарь до буртасъ, отъ буртасъ до чермисъ, отъ чермисъ до моръдви». Упоминание о половцах, которые пугали своих детей грозным именем Мономаха, завершает описание соседей Руси на юге[1].

---

[1] Далее в тексте добавлено, что во времена Владимира Мономаха, когда немцы были еще за морем, ряд восточных племен бортничали на великого князя: буртасы, черемиса, вяда и моръдва. В комментариях к изданию «Слова» Н. К. Гудзий считает «вяду» водью (Н. К. Гудзий. Хрестоматия по истории древнерусской литературы. Л., 1935, стр. 154, примеч. Г). М. Н. Тихомиров считает, что это — «ватцкая мордва» на р. Пьяне, известная по документам XVI в. Мне кажется, что речь здесь идет не о маленькой группке ватцкой мордвы и уж, конечно, не о прибалтийской води, а об удмуртах Вятской земли.

«Имена градом всем русским, дальним и ближним»

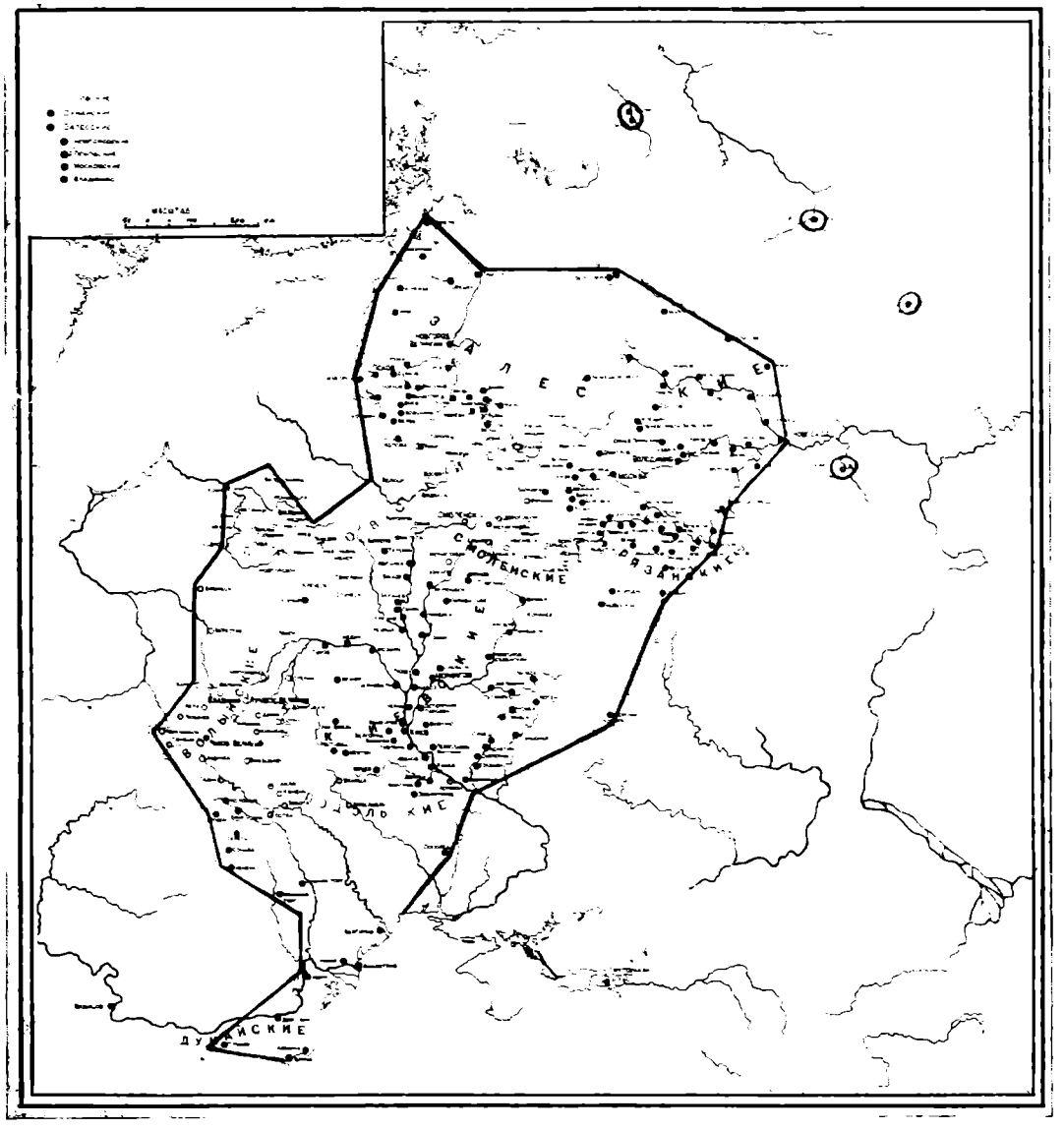


Рис. 2. Русская земля по списку русских городов около 1396 г.

Последним и наиболее систематическим источником, который нам следует привлечь, является Список русских городов, составленный около 1396 г., очевидно, одновременно с другими географическими статьями, включенными в летописи под этим годом[1] (рис. 2). Список охватывает все

[1] Воскресенская летопись. ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 240—241; Ермолинская летопись. ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1911, стр. 163—164; Никоновская летопись. ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897. Под 1395 и 1396 гг. здесь помещены статьи: «А се имена живущим около перми», и «А се имена тем землям и царствам, еже попленил Темирь-Аксак», стр. 158, 159, 165, 248.

русские города, независимо от их политической принадлежности. В эпоху феодальной раздробленности, когда вокруг Москвы была собрана лишь пятая часть древнерусских земель, появление такого списка, сознательно воскрешающего единство русской народности, было, несомненно, выражением передовой идеи. «А се имена градомъ всѣмъ Русскымъ, далнимъ и ближнимъ»[1]. При нанесении этих русских городов на карту мы видим почти полное совпадение общих контуров Русской земли, как она представлялась составителю списка XIV в., с Русской землей, определенной нами по городам XI — начала XIII в. Оба контура совпадают во всех основных частях и разнятся лишь в незначительных деталях; не противоречат им и списки соседей Руси. Такое совпадение может говорить об устойчивости древнерусской народности, продолжавшей осознавать свое единство, несмотря на феодальную разобщенность сотен русских княжеств XIV в. (см рис. 1 и 2).

Границы Русской земли по этим данным совпадают в общих чертах с суммой всех племенных земель восточнославянских племен. Исключения таковы: 1. В состав русских земель включены области мери и веси за Волгой и на Белоозере. Очевидно, здесь очень интенсивно проходил процесс обрусения этих племен. 2. Не включены закарпатские земли Белых Хорватов. 3. Низовья Дуная вплоть до Тырнова названы русскими. Это, очевидно, отражало давний процесс переселения антов к Дунаю и на Балканы.

Появление в конце XIV в. точного обозначения всей Русской земли может свидетельствовать о том, что в эпоху Куликовской битвы единство древнерусской народности еще существовало в тех же самых границах, что и во времена Киевского государства. В определении времени сложения древнерусской народности нам могут помочь такие археологические явления, как установление в IX—X вв. повсеместно курганного обряда погребения, распространение единообразной керамики, одинаковой «гривной утвари» и головных уборов (при наличии местных вариаций), что совпадало по времени с образованием единого языка (при наличии диалектов).

Все аналогии археологическому материалу IX—X вв. направлены не в сторону чуждоязычных литовских и угро-финских племен, а в сторону родственных славян Центральной Европы.

* * *

Для определения пределов Русской земли в узком смысле, в смысле только Южной Руси, мы используем, во-первых, метод исключения, т. е. перечислим те области, которые не входили в состав Южной Руси, а во-вторых — прямые указания летописи на принадлежность к собственно Руси[2].

---

[1] Список содержит 350 городов. Составлен он был, возможно, по каким-то областным спискам 1380—1390 гг., вероятно, церковного происхождения. Некоторые группы городов отражают пределы определенных княжеств. Так, например, «грады Киевские» отражают границы княжества Владимира Ольгердовича. Местом составления, возможно, был Киев, так как все города северо-востока названы «залесскими». Общий список мог быть сведен в канцелярии митрополита, например Киприана, жившего подолгу в Киеве.

[2] Все последующие ссылки на летописи сделаны по нижеперечисленным изданиям: Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3 Археогр. ком. СПб., 1897 (в дальнейшем — Лавр. лет.). Ипатьевская летопись. ПСРЛ, т. II, СПб., 1843 (в дальнейшем — Ипат. лет.). Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (в дальнейшем — Новг. I лет.), М.—Л., изд. Ин-та истории АН СССР, 1950. «Повесть временных лет». М.—Л., изд. АН СССР, 1950 (в дальнейшем — Повесть врем. лет).

Русские области и города, не входившие в понятие «Русь» в узком смысле:

Новгород Великий. Поездки из Новгорода в Киев, Чернигов, Переяславль всегда рассматривались новгородским летописцем как поездки в Русь[1].

Владимир-на-Клязьме, Ростов, Суздаль, Рязань. Города Владимиро-Суздальского и Рязанского княжеств исключались из понятия Руси в узком смысле[2].

Область Вятичей (Неринск, Козельск?, Брянск?, Дедославль?). Во время похода Святослава Ольговича в 1147 г. на Давыдовичей к нему в Неринск приезжают разведчики из Руси, сообщая о делах в Чернигове и Стародубе. Область Вятичей по контексту летописи не включена в Русь, а противопоставлена ей[3].

Смоленск. Изяслав Мстиславич Киевский и его брат Ростислав Мстиславич Смоленский обмениваются в Смоленске подарками: «Изяслав да дары Ростиславу *что от Рускыи земле* и от всих царьских земель, а Ростислав да дары Изяславу что *от верхних* земль и от Варяг». «...Приде ему Ростислав и с всими рускыми полкы и с смоленьскими...»[4].

Полоцк. Мстислав Владимирович Киевский услал в Царьград двух полоцких княжичей за то, что «не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли е зовяшеть в *Рускую землю* в помощь[5].

Галич-на-Днестре. Юрий Долгорукий в 1152 г. идет в Русь, «тогды же слышав Володимерко (князь Галицкий) *идуча в Русь*, поиде к Кыеву»[6].

Владимир-Волынский. В описании похода Ольговичей на Владимир в 1144 г. противопоставляются волынские войска русским[7].

Вручий. Овруч был княжеским доменом Рюрика Ростиславича, и когда он уезжал из Киева в Овруч, летописец говорил об отъезде его из Руси[8].

Берлад. Андрей Боголюбский посылает сказать Давиду Ростиславичу Смоленскому: «А пойди в Берлад, а в *Руськой земли* не велю ти быти». Уделом Давида в Руси был Вышгород[9].

---

[1] Например: «В то же лето на зиму *иде* в *Русь* архиепископ Нифонт с лучьшими мужи и заста кияне с черниговьци стояще противу собе...» Новг. I лет. 1135 г. (стр. 24); см. также под годами: 1132 (стр. 22), 1142 (стр. 26), 1146 (стр. 27), 1149 (стр. 28), 1156 (стр. 30), 1165 (стр. 32), 1167 (стр. 32), 1177 (стр. 35), 1179 (стр. 36), 1180 (стр. 36), 1181 (стр. 37), 1201 (стр. 45), 1211 (стр. 52), 1214 (стр. 53), 1215 (стр. 53), 1218 (стр. 58), 1221 (стр. 60), 1232 (стр. 71), 1257 (стр. 82).

[2] Например: «В то же лето поиде Гюрги с сынми своими и с ростовцы и с суждальци и с рязанци и со князи рязаньскыми в Русь...». Лавр. лет. 1152 г. (стр. 320); см. также под годами: 1154 (стр. 324), 1154 (стр. 326), 1156 (стр. 329), 1175 (стр. 348), 1175 (стр. 352), 1175 (стр. 353), 1205 (стр. 399—400), 1207 (стр. 408), 1223 (стр. 424). Ипат. лет. под годами: 1154 (стр. 74), 1154 (стр. 77), 1174 (стр. 109), 1175 (стр. 116), 1175 (стр. 117), 1177 (стр. 119).

[3] Ипат. лет. 1147 г. (стр. 30). Такое же противопоставление находим в Лавр. лет. под 1154 г. (стр. 324), где упоминаются Вятичи и Козельск. Юрий Долгорукий, отправившись в Русь, не дошел до нее и повернул обратно от земли Вятичей.

[4] Ипат. лет. 1148 г. (стр. 39 и 40). Кроме того, см. Ипат. лет. 1155 г. (стр. 78) и 1197 г. (стр. 151). В последнем случае говорится о том, что Смоленский князь Давид Ростиславич «сына своего Костянтина в Русь посла, брату своему Рюрикови на руце». Рюрик в это время был князем в Киеве и в Киевской земле.

[5] Ипат. лет. 1140 г. (стр. 15).

[6] Лавр. лет. 1152 г. (стр. 320); Ипат. лет. 1152 г. (стр. 66, 68, 69); см. также Новг. I лет. 1145 г. (стр. 27), Лавр. лет. 1202 г. (стр. 396).

[7] Ипат. лет. 1144 г. (стр. 20).

[8] Ипат. лет. 1190 г. (стр. 140), 1193 г. (стр. 143).

[9] Ипат. лет. 1174 г. (стр. 108—109).

В «Повести временных лет» мы также найдем несколько примеров географического ограничения понятия «Русь»:

Древляне. Убив Игоря в 945 г., древляне говорят: «Се *князя убихом рускаго*; поимем жену его Вольгу за *князь свой* Мал...»[1].

Радимичи. После победы воеводы Волчьего Хвоста над радимичами «тѣмь и Русь корятся радимичемъ...». Радимичи «платять дань Руси, повоз везуть и до сего дне»[2].

Особенно интересен список племен, принимавших участие в походе Игоря на Византию в 944 г.

«Игорь же совкупив вои многи:

Варяги,
Русь,
и Поляны,
Словѣни,
и Кривичи,
и Тѣверьцѣ,
и Печенеги наа и тали у них поя...»[3].

Относительно отождествления Руси и полян мы знаем из той же «Повести временных лет». Очевидно, остальные племена (словен, кривичей и тиверцев) мы должны признать не входившими в X в. в состав собственно Руси, что вполне согласуется и с данными летописей XII в. (Новгород — не Русь, Смоленск — не Русь, Берлад — не Русь).

Подведем некоторые итоги тому разрозненному и случайному материалу, который приведен выше.

В состав собственно Руси, Руси в узком (первоначальном?) смысле (рис. 3), не входили, по этим неполным данным, земли следующих племен и города:

Племена:	Города:
древляне	Новгород
радимичи	Смоленск
вятичи	Владимир-на-Клязьме
словене	Ростов
кривичи	Суздаль
тиверцы	Рязань
поляне?	Полоцк
варяги	Владимир-Волынский
	Галич
	Овруч
	Неринск
	Берлад

Таким образом, для Руси остается Среднее Приднепровье с Киевом, Черниговом, Переяславлем и Северская земля, ни разу не противопоставленная Руси.

Обратимся теперь ко второй половине затронутого вопроса — к посильному определению тех областей и городов, которые входили в X—XII вв. в ограниченное понимание географического определения Руси. Древнейший русский документ — отрывок договора Олега с греками 907 (911?) г.— так определяет основные города Руси: «Приходяще *Русь*

[1] Повесть врем. лет. 945 г. (стр. 40).

[2] Повесть врем. лет. 984 г. (стр. 59). Слова «и до сего дне» свидетельствуют о том, что и во времена Владимира Мономаха Русь можно было противопоставлять радимичам.

[3] Повесть врем. лет. 944 г. (стр. 33—34). Интересно, что в этом же отрывке несколько далее все эти дружины названы собирательно Русью.

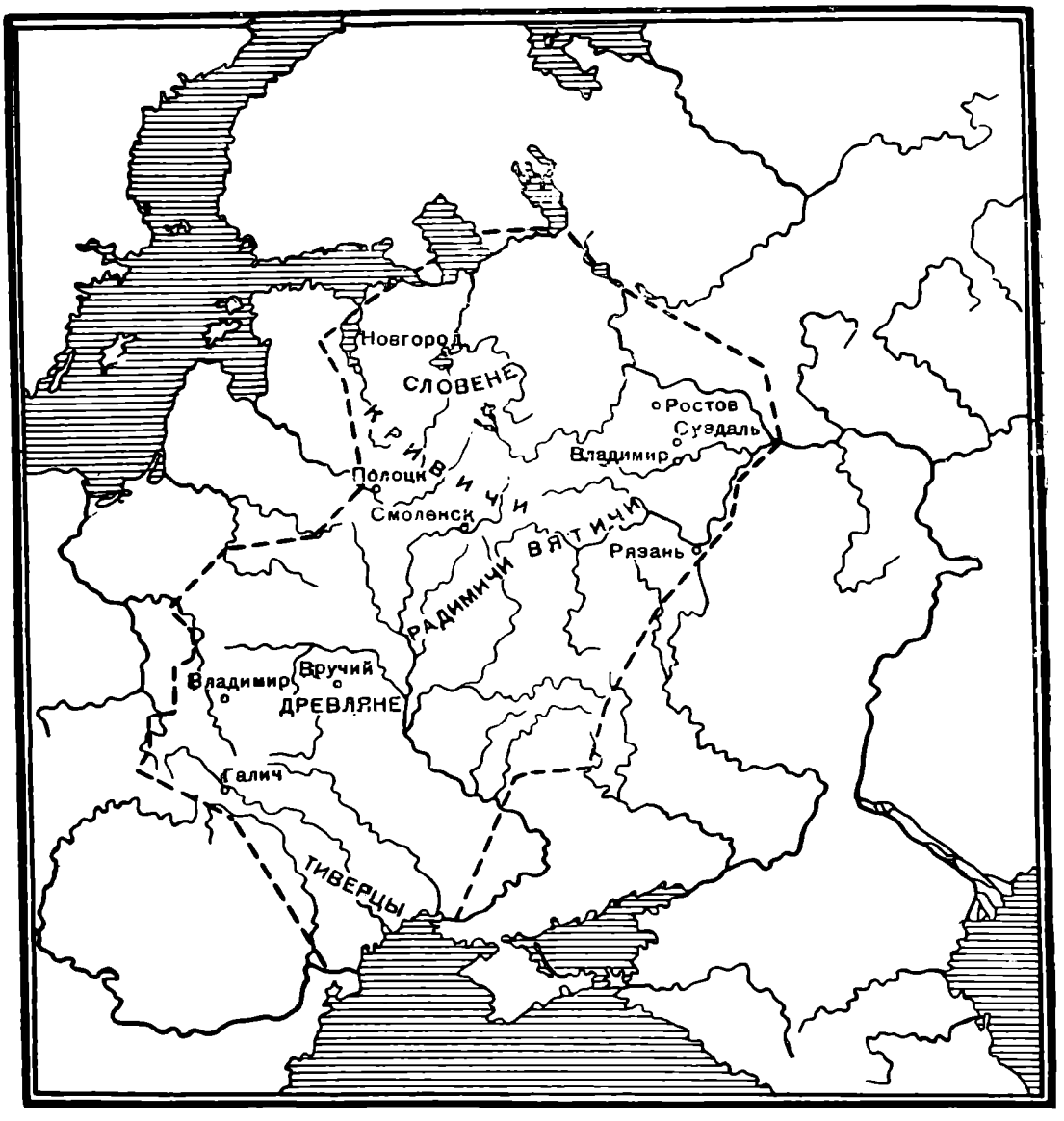


Рис. 3. Области, не входившие в состав Русской земли в узком смысле слова.

да витают у святого Мамы, и послеть царьство наше, и да испишут имена их, и тогда возмуть мѣсячное свое: первое от города *Киева* и паки ис Чернигова и ис Переаславля, и прочии гради»[1].

Принадлежность каждого из этих трех городов к основному, главному ядру Русской земли многократно подтверждена летописями. Относительно Киева и Киевщины у нас много данных; князья часто говорили: «Пойди в Русскую землю Киеву»[2]. Отнесение к Руси Переяславля подтверждено

[1] Повесть врем. лет 907 г. (стр. 25).

[2] Ипат. лет., 1146 г. (стр. 25); см. также 1141 г. (стр. 17), 1151 г. (стр. 58); Лавр. лет., см. под годами: 1152 (стр. 320), 1154 (стр. 326), 1155 (стр. 329), 1156 (стр. 329), 1180 (стр. 368); Новг. I лет., 1135 (стр. 24), 1146 (стр. 27), 1149 (стр. 28), 1156 (стр. 30), 1165 (стр. 32), 1167 (стр. 32), 1179 (стр. 36), 1180 (стр. 36), 1181 (стр. 37), 1201 (стр. 45), 1211 (стр. 52), 1215 (стр. 53), 1221 (стр. 60).

Во всех упоминаниях церковных дел, когда епископы новгородские, смоленские или суздальские ехали «в Русь», целью их поездок являлся митрополичий стол — Киев.

многократно: в 1132 г. «ходи Всѣволод в Русь Переяславлю...»[1]. В летописании Переяславля Суздальского, сохраненном нам Лаврентьевской летописью, Переяславль Южный восемь раз назван Русским (Русьский Переяславль, Русский, Рускый)[2]. Принадлежность Чернигова к собственно Руси также подтверждена летописью и для XII—XIII вв.[3]

Кроме того, в состав собственно Руси входили по летописным данным и другие города, позволяющие хотя бы отчасти уточнить пределы основного ядра Русской земли.

Белгород и Вышгород. В 1174 г., когда Андрей Боголюбский выгнал Ростиславичей из этих городов, то «пожалишаси велми Ростиславичи, оже их лишаеть *Руськой* земли...»[4].

Торцький, Треполь, Корьсунь, Богуславль, Канев. В 1195 г. Всеволод Большое Гнездо тщетно просил у Рюрика Ростиславича эти города и жаловался: «А нынѣ сѣл еси в Кыеве, а мне еси части не учинил в *Руской* земле»[5].

В состав Руси входили и другие города по Роси и по Стугне: Дверен, Василев[6].

К Русской земле относился и Городец Остерский — форпост Мономашичей на Десне между Черниговом и Киевом. В 1195 г. Всеволод послал тиуна «*в Русь* и созда град на Городци на Въстри, обнови свою отчину»[7]. На Левобережье Днепра мы располагаем сведениями о нескольких городах, кроме Чернигова, Переяславля и Городца Остерского. В 1147 г., когда Святослав Ольгович стоял у Неринска, собираясь в поход на Давыдовичей, «в то же веремя прибѣгоша из *Руси* дѣцкы и повѣдаша ему Володимера в Черниговѣ, а Изяслава у *Стародубѣ*»[8].

К Руси в узком смысле может быть причислен и Трубчевск, так как, когда трубчевский князь Святослав уезжал из Новгорода Великого обратно в свою землю, то летописец сказал: «Въспятися назад князь Святослав в Русь»[9].

Глухов. В 1152 г. «...Гюргеви же *идущю в Русь*, пришед ста у Глухова»[10]. Если летописец употребил форму «пришед», то несомненно, что он считал Глухов находящимся в Руси.

События 1139 г., когда только что вокняжившийся Всеволод Ольгович начал перебирать княжения, показывают, что в его руках находилась «вся *Русская земля*», в том числе и Курск, куда он выгонял Андрея Владимировича Переяславского[11].

Несколько особняком от «русских» городов стоят города Погорынья, относительно которых есть несколько свидетельств. В 1152 г. города верхнего течения Горыни — Бужеск, Шюмеск, Тихомль, Выгошев и Гнойница названы дважды «русскими городами» в отличие от Галицкой земли и один раз названы «Русской земли *волости*»[12].

[1] Новг. I лет. 1132 г. (стр. 22); см. также Лавр. лет. 1175 г. (стр. 352).

[2] Лавр. лет., см. под годами: 1198 (стр. 393), 1199 (стр. 394), 1200 (стр. 395), 1213 (стр. 416), 1227 (стр. 427), 1228 (стр. 429), 1230 (стр. 432), 1239 (стр. 446).

[3] Новг. I лет. 1135 г. (стр. 23, 24); Ипат. лет. 1147 г. (стр. 30); Лавр. лет. 1207 г. (стр. 408).

[4] Ипат. лет. 1174 г. (стр. 108).

[5] Ипат. лет. 1195 г. (стр. 144—145).

[6] Лавр. лет. 1195 г. (стр. 391); см. также Ипат. лет. 1151 г. (стр. 65).

[7] Ипат. лет. 1192 г. (стр. 141), 1193 г. (стр. 143).

[8] Ипат. лет. 1147 г. (стр. 30).

[9] Новг. I лет. 1232 г. (стр. 71 и 280).

[10] Лавр. лет. 1152 г. (стр. 320).

[11] Лавр. лет. 1139 г. (стр. 292); Ипат. лет. 1140 г. (стр. 16). Андрей говорит Всеволоду: «Оже ти, брат[е] не досити волости, всю *землю Рускую* дьржачи».

[12] Ипат. лет. 1152 г. (стр. 68 и 69).

Трудно сказать, следует ли их включать в состав «собственно Руси» или же они являлись каким-то примыслом «русских» князей и составляли крайнюю западную волость Русской земли.

Нам надлежит еще разобрать сведения о «всей Русской земле» в понимании летописцев XII в. Очень часто словом «Русь» обозначаются южнорусские области вообще[1]. Иногда летописцы говорят определеннее, включая в понятие «всей Русской земли» Киевщину и Левобережье или в отдельных случаях только Киевщину. Таково приведенное выше отождествление «всей Русской земли» с владениями Всеволода Ольговича в 1139—1140 гг., когда он стал киевским князем. Его владения простирались на восток до К у р с к а. Под 1145 г. Новгородская летопись описывает поход на Галич: «Ходиша вся Русска земля на Галичь... ходиша же и из Новагорода помочье кыяном...»[2]. Ипатьевская летопись дает нам список князей, участвовавших в этом походе, из которого мы узнаем о районе мобилизации: Киев, Новгород-Северский, Чернигов...[3] В этом же значении Киевщины и Чернигово-Северщины термин Русская земля выступает и в событиях 1180 г. На Днепре близ Вышгорода охотились в ладьях князья с княгинями и дружиной. Святослав Всеволодич, правивший Киевом в своеобразном дуумвирате с Рюриком Ростиславичем, задумал воспользоваться этим пикником для нанесения удара своим противникам: «И помысли во умѣ своемъ, яко Давыда иму, а Рюрика выжену из землѣ и прииму единъ *власть Рускую* и съ *братьею* и тогда мьщюся Всеволоду обиды своѣ»[4]. Отсюда следует, во-первых, что Владимиро-Суздальская земля Всеволода Юрьевича не входила в понятие Русской волости, а во-вторых — что в состав Русской волости входили: Киев, Вышгород, Белгород (где сидели Ростиславичи) и земли «братьи» Святослава, т. е. Чернигов, Новгород-Северский, Курск, Трубчевск и другие города «Черниговской стороны».

Подведем некоторые итоги. В географическое понятие Русской земли или «всей Русской земли», противопоставляемой Галичу, Суздалю, Смоленску и Новгороду, включались следующие города: Киев, Чернигов, Переяславль Русский, Вышгород, Белгород, Василев, Треполь. Г о р о д а П о р о с ь я: Корсунь, Богуславль, Канев, Дверен, Торцький. Г о р о д а «Ч е р н и г о в с к о й с т о р о н ы»: Стародуб, Трубечь, Глухов, Курск, Новгород-Северский, Остерский Городец. «Р у с с к о й з е м л и в о л о с т и» (города Погорынья): Бужск, Шумск, Тихомель, Выгошев, Гнойница.

Если мы нанесем на карту, во-первых, все области, поименованные в летописях как не входящие в собственно Русь (рис. 3), а во-вторых— области Руси (рис. 4), то увидим, что они не совпадают, не заходят одна за другую, а четко разграничены, взаимно исключают друг друга. Это очень важно для подтверждения достоверности сведений, извлеченных из случайных упоминаний разных летописцев. Итак, область собственно Руси наметилась. Это — значительная область, покрывшая собою несколько древних летописных племен и много феодальных княжеств[5].

[1] Таковы упоминания в летописях: Ипат.: 1140, 1141, 1144, 1148, 1149, 1150, 1152, 1154, 1155, 1174, 1175, 1177, 1180, 1187, 1190, 1195 гг.; Лавр.: 1139, 1204, 1205, 1249 гг.; Новг. I: 1142, 1218, 1257 гг.

[2] Новг. I лет. 1145 г. (стр. 27).

[3] Ипат. лет. 1146 г. (стр. 21—22).

[4] Ипат. лет. 1180 г. (стр. 122).

[5] Как упоминалось, я несколько расхожусь с А. Н. Насоновым в определении границ собственно Руси: во-первых, не включаю в ее состав погорынские волости, а во-вторых,— считаю необходимым включить Курское Посемье. См. А. Н. Н а с о н о в. Ук. соч., карта «Русской земли IX в.».

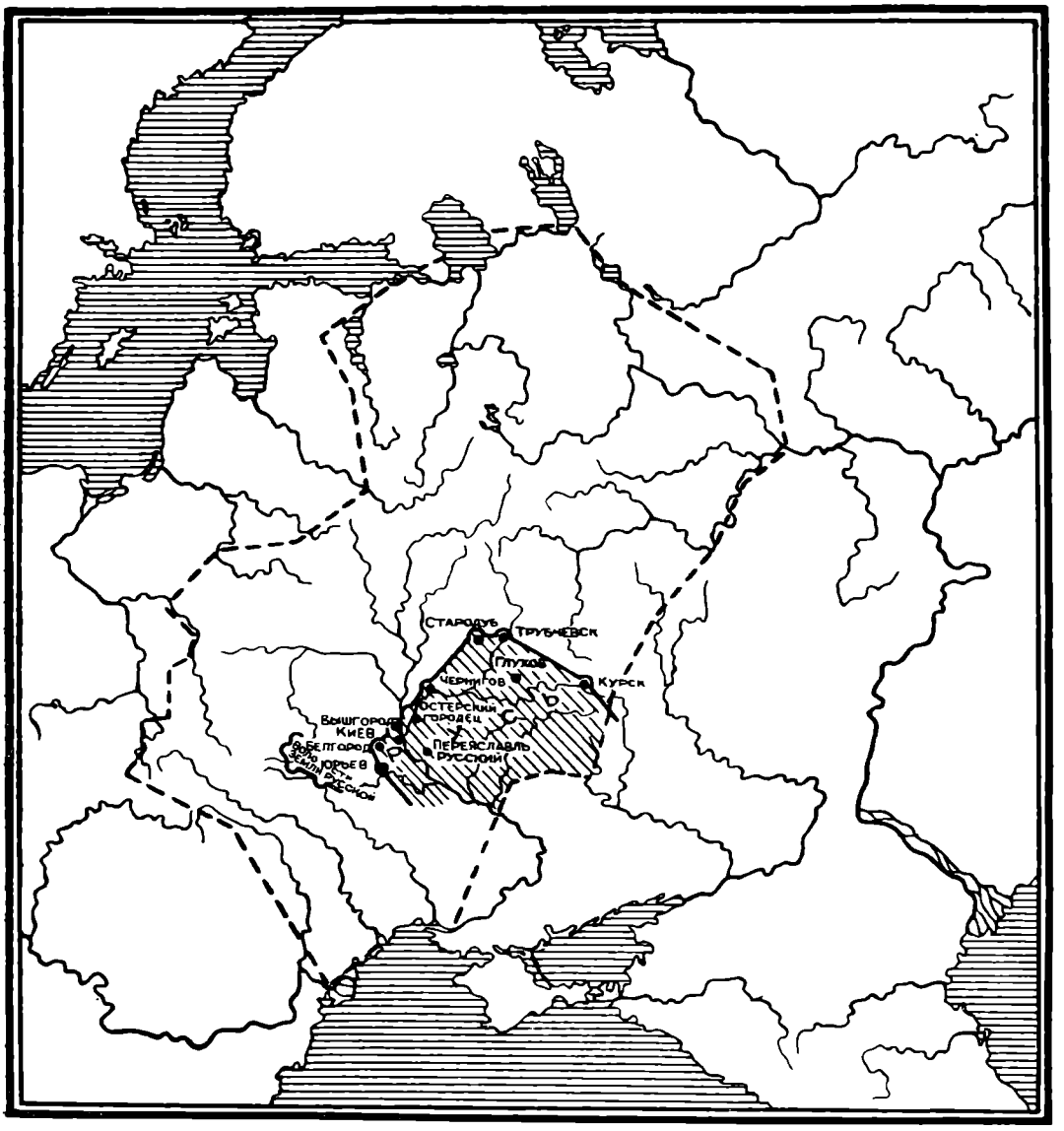


Рис. 4. Русская земля в узком (первоначальном) смысле слова.

В то время, когда понятие «Русь» употреблялось в качестве географического обозначения, на этой «Русской земле» всегда существовало несколько враждовавших между собой княжеств: Киевское, Переяславская вотчина Юрьевичей, Чернигово-Северская вотчина Ольговичей и другие. Поэтому возводить географическое понятие XII в. «Русская земля» к какому-либо политическому единству этого времени никак нельзя. Это единство для эпохи Юрия Долгорукого и Святослава Всеволодича — лишь далекая историческая традиция.

Прежде чем перейти к более ранним временам, когда это единство могло быть политической реальностью, сделаем еще одну попытку ретроспективного использования данных XII в. Внутри очерченной территории мы можем выделить еще более узкую область, так сказать Русь внутри Руси.

Так в 1146 г. Святослав Ольгович, княживший в Новгороде-Северском, Путивле и Курске, приглашает Юрия Долгорукого: «а пойди в Рускую

землю *Киеву*, а яз ти сде [в своем Северском княжестве.— *Б. Р.*] буду ти помощник»[1]. В 1189 г. Святослав Всеволодич дает Галич своему сопернику-соправителю Рюрику Ростиславичу, а себе хочет «всей Руской земли *около Кыева*»[2]. Такое же ограниченное понимание Русской земли сквозит и в ряде летописных определений политического союза Киевщины с Черными Клобуками. Так, в 1149 г. Ростислав Юрьевич говорит отцу: «Слышал есмь, оже хощеть тебе *вся Руская земля* и *Черныи Клобукы*»[3]. В 1154 г. это сочетание Руси и Черных Клобуков употребляется как застывшая формула: «...и плакася по немъ [по Изяславу Мстиславичу] *вся Руская земля* и *вси Чернии Клобуци* яко по цари и господинѣ своем». «Кияне же вси изидоша съ радостью великою противу своему князю; и тако быша ему ради вси и *вся Руская земля* и *вси Чернии Клобуци* обрадовашася, оже Ростиславъ [Мстиславич] пришелъ въ Киевъ»[4].

Главная масса Черных Клобуков — берендеев была расселена киевскими князьями в Поросье и на Правобережье Днепра. Они были размещены в качестве наемной конницы чересполосно с русскими поселениями на южной окраине Киевской земли. Формула «вся Руская земля и вси Чернии Клобуци» предполагает еще более узкое понимание Русской земли, чем установленное выше. Там, где применяется эта формула, там под Русской землей понимается сравнительно небольшой треугольник, вершиной которого был Киев, одной из сторон —Днепр от Киева до Канева, а основанием — бассейн Роси. Черниговщина не входила в понимание Русской земли и Черных Клобуков, о чем можно судить по рассказу летописи 1161 г. Ростислав Мстиславич Киевский посылает к Святославу Ольговичу Черниговскому «пусти ко мнѣ дѣтя Олга, ать познаеть *кияны лепшия* и *Берендичѣ и Торкы*»[5]. Все походы Черных Клобуков — берендеев связаны как с отправной точкой только с «киевской», «русской» стороной Днепра: они всегда союзники или вассалы киевских князей, они «умирают за Русьскую землю и головы свои складывают», они постоянно служат киевским князьям как в их борьбе против половцев, так и в их борьбе с левобережными Ольговичами. Отсюда мы должны сделать вывод о существовании в XII в. наряду с другими также и крайне ограниченного понимания «Русской земли» как Киевщины и Поросья.

Детальное рассмотрение летописных определений Русской земли в XI—XII вв., противоречивых на первый взгляд и как будто бы взаимно исключающих друг друга, привело нас к выводу о существовании трех географических концентров, одинаково называемых Русью или Русской землей: 1) Киев и Поросье; 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северская земля, Курск и, может быть, восточная часть Волыни, т. е. лесостепная полоса от Роси до верховьев Сейма и Донца; 3) все восточнославянские земли от Карпат до Дона и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря. Возможно, что перечисленные области Руси являются историческими этапами развития русской народности от племени к союзу племен и от союза племен к народности.

---

[1] Ипат. лет. 1146 г. (стр. 25).
[2] Ипат. лет. 1189 г. (стр. 138).
[3] Ипат. лет. 1149 г. (стр. 41). В 1152 г. Изяслав пошел в поход, взяв с собою «вси Чернии Клобукы, и Кияне лутшии и всю рускую дружину» (стр. 66).
[4] Ипат. лет. 1154 г. (стр. 74 и 75). «Торкы и Кияне» упоминаются как основное войско князя Ростислава Мстиславича в 1154 г. (стр. 75). В 1174 г. Святослав Всеволодич, отправляясь в поход на Ростиславичей, «кыяны совокупивше, и Берендѣичѣ, и Поросье, и всю Рускую землю...» (стр. 109).
[5] Ипат. лет. 1161 г. (стр. 89).

* * *

Русская земля IX—XIV вв. в широком смысле слова — это область древнерусской народности с единым языком, единой культурой, временной единой государственной границей. Это понятие для нас вполне ясно. Но что представляла собой Приднепровская Русь от Киева до Курска, Русь в узком смысле? Это не эфемерное понятие, промелькнувшее в каком-либо одном источнике, это понятие устойчивое, прочное, хорошо известное всем без исключения русским летописцам, будь они киевлянами, владимирцами, галичанами или новгородцами. Понятием Руси (в смысле Приднепровской Руси) широко пользовались в качестве географического ориентира, считая что новгородцам или суздальцам не нужно было никаких пояснений, если сказано: «идоша в Русь». Область Приднепровской, Южной Руси включала в себя Киев с Поросьем на правом берегу Днепра и Десну с Посемьем на левом. Южная граница этой области для нас неуловима, так как в тех случаях, когда летописцы отмечали набеги половцев на «Русскую землю», это были набеги вообще на Русь и, в частности, и на Южную Русь. Очевидно, южная граница проходила там, где фактически кончались русские поселения в степи. Южная Русь целиком была расположена в лесостепной полосе, не выходя за ее пределы.

Очень важно отметить, что единство этой территории не находит себе соответствия в исторической действительности XI—XII вв. В ту пору, когда все летописцы согласно выделяли Южную Русь из других частей Руси, это обособление не было ничем обосновано. На обширной территории Южной Руси было несколько княжеств, принадлежавших постоянно враждовавшим между собой Юрьевичам, Ростиславичам, Давыдовичам и Ольговичам. Здесь выделились такие самостоятельные центры, как Киев, Чернигов, Переяславль Русский, Новгород-Северский, Путивль, Курск, со своими династиями князей, своим летописанием, своей политикой.

В XI в. данная область также не представляла политического единства; достаточно вспомнить события 1026 г., когда Ярослав и Мстислав «разделиста по Днѣпрѣ Руськую землю». Даже в летописных припоминаниях о племенах лесостепная полоса оказывается поделенной между племенами полян, северян и уличей.

В археологическом материале X—XII вв. мы также не найдем единства лесостепной полосы; здесь будут и погребения на горизонте, и одновременные им захоронения в глубоких ямах, и трупосожжения, и срубные гробницы. Инвентарь курганов также очень разнообразен.

Очевидно, для XI—XII вв. единство Южной Руси было только историческим воспоминанием, не находившим себе соответствия в политической и культурной обстановке того времени. Следовательно, для определения времени и условий сложения единства Южной Руси нам необходимо перешагнуть через рубеж летописных и археологических данных X—XII вв. и отойти на несколько столетий вглубь. Одними из ранних древностей, которые бесспорно можно связывать со славянами, являются поля погребений.

Область Приднепровской Руси полностью вписывается в более широкую область полей погребений черняховского типа, составляя ее юго-восточную часть. Выразительная и определенная черняховская культура II—V вв. по своему протяжению значительно шире, чем область Приднепровской Руси. Черняховская культура известна и на Левобережье Днепра, и на Роси, и далее на запад — в Подолии, и на Волыни, смыкаясь с очень близкими, одновременными ей культурами

на территории Польши[1]. Отдельные локальные особенности внутри области полей погребений наблюдаются, но черт различия между районами меньше, чем черт сходства. Область, очерченная нашими летописями XII в. как собственно Русь, не выделяется явно из общей области полей погребений. Следовательно, устойчивое обособление земли Приднепровской Руси, сохранившееся вплоть до XII в., не может восходить к эпохе полей погребений и должно было возникнуть позднее. Действительно, если мы обратимся к последующей эпохе, ко времени V—VII вв., то здесь мы найдем в археологическом материале ярко выраженное единство именно этой интересующей нас области Приднепровской Руси. Это единство впервые было подмечено известным археологом-систематизатором А. А. Спицыным[2] и исторически истолковано им как «древности антов». При определении антской культуры Спицын исходил из того, что «раз анты были оседлым племенем, район их в этой местности (где-то за Азовским морем) определяется более или менее точно — в полосе лесостепи, на черноземе». «Антскими будут те памятники древности VI—VII вв., которые встречены в их районе и имеют одинаковый характер»[3]. Спицыным очень убедительно доказано единство области пальчатых фибул и верно установлена их дата. Я в ряде своих работ опирался на выводы, полученные Спицыным, и вслед за ним связывал эту область с антами[4]. В состав «антских» комплексов (встречаемых почти всегда в виде случайных находок) входят: пальчатые и зооморфные фибулы, поясные наборы из прорезных бляшек, височные кольца нескольких типов, разные другие украшения и оружие; в кладах много серебряных вещей. Составленные мною карты на первый взгляд как будто бы убеждают в антской принадлежности этой культуры, так как область ее распространения соответствует формуле Прокопия Кесарийского, помещавшего «бесчисленные племена антов» на север от Меотиды. Совпадает и хронология — «антские» комплексы VI в. одновременны походам антов на Византию, описанным Прокопием.

Однако в такой постановке вопроса таятся некоторые противоречия. Первое противоречие — хронологическое. «Древности антов» VI—VII вв. относятся к тому периоду их жизни, когда имя антов уже сходило со сцены (последнее упоминание о них относится к 602 г.). Рассказ Иордана об антах IV в. не может быть сопоставлен с этими древностями. Второе противоречие — географическое. Область спицынских «древностей антов» занимает юго-восточный угол славянских земель и может соответствовать

---

[1] В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1-2, 1901; А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948. Сводка сделана А. А. Спицыным в 1930 г.; Е. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. «Археологія», IV. Київ, 1950; І. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. «Археологія», II. Київ, 1948; М. Смішко. Доба полів поховань у західних областях УРСР (там же); М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. МИА, VI, 1941; П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена. М.—Л., 1948, карта на стр. 47; Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен. (Автореферат диссертации). М., 1951.

[2] А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928.

[3] А. А. Спицын. Ук. соч.

[4] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, карта на стр. 320. Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, 1947, карта на стр. 100, рис.8; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. 1948, карта на стр. 51, рис. 4.

Точку зрения А. А. Спицына полностью поддерживает и М. Ю. Брайчевский в статье «Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. («Археологія», V, Київ, 1950). В этой статье очень интересно прослежены связи «древностей антов» с полями погребений (стр. 48).

только определению антской территории у Прокопия Кесарийского — на север от Меотиды. Но кроме указаний Прокопия есть данные Иордана о земле антов между Днестром и Днепром, а также данные лангобардской легенды, свидетельствующие о том, что лангобарды до 490 г. на своем пути от Эльбы в Моравию прошли край «Anthaib» («землю антов»). Искать его нужно где-то в северной части Карпат, в земле восточнославянских племен белых хорватов и волынян. Ни на Днестре, ни тем более в Прикарпатье «древностей антов» нет, и это ставит под сомнение спицынское отождествление культуры пальчатых фибул с антами. Понятие анты — более широкое, чем область пальчатых фибул. Ареал пальчатых фибул VI в., как и область Приднепровской Руси, полностью вписывается в область антов, но он меньше этой области, покрывает лишь юго-восточную часть антской земли, и только в таком суженном смысле комплексы с пальчатыми фибулами могут быть названы антскими[1].

Какие же археологические памятники следует связывать с «бесчисленными племенами» антов? В 1943 г. я отказался от спицынского определения и предложил иное решение этого вопроса, связав с антами культуру полей погребений[2]. Обширная область полей погребений II—VI вв. от Карпат до Северского Донца вполне соответствует данным письменных источников о расселении антов. Поэтому, во избежание путаницы, древностями антов следует называть не культуру пальчатых фибул, являющуюся частным вариантом, а предшествующую ей культуру полей погребений, давно уже связываемую со славянами. Область пальчатых фибул и других вещей V—VII вв., выделенных А. А. Спицыным, настолько полно совпадает с летописной Приднепровской Русью, что спицынские «древности антов» следует переименовать в «древности русов», признавая, что русы — часть антов.

* * *

Прежде чем приступить к детальному рассмотрению «древностей русов» V—VII вв., нам необходимо хотя бы приблизительно рассмотреть взаимное отношение таких важных этнонимических терминов, как русы, анты, венеты, славяне, поляне, так как до сих пор среди исследователей нет единогласия в историческом и географическом осмыслении их.

Авторы середины VI в. оставили нам драгоценное указание на то, что славяне и анты имели ранее одно общее имя: у Иордана — «венеды», а у Прокопия — «споры». Мы видим, что наименование «венеды», бывшее первоначально обозначением всего массива славянских племен, постепенно сужается и закрепляется лишь за западной частью. Название же «славяне» постепенно распространяется на весь славянский мир, заменяя более древнее собирательное имя венетов. Время бытования термина «венеты» в качестве собирательного — от I до середины VI в., когда сказано, что «имя их меняется теперь в зависимости от племени и мест» (Иордан). Западная граница венетского массива хорошо прослеживается по названиям пограничных племен, которые в силу своего соседства с иноязычными племенами, носили общее собирательное имя («нарекошася своим именем»). Так, в бассейне Эльбы мы находим названия венды,

---

[1] Городища роменского типа VIII—X вв., возникшие на антской земле, нельзя приводить в связь с антами в силу значительного хронологического разрыва.

[2] Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. «Истор. журнал», 1943, № 11-12, стр. 75 и 76. Это положение принято исследовательницей полей погребений Е. В. Махно (см. ук. соч.) и другими авторами.

винды, сохранившиеся в немецком названии славян. Северная граница определяется наименованием Балтийского моря Венетским заливом и наличием этнонима «венеты» среди племен восточной Прибалтики. Здесь же следует вспомнить, что финны и эстонцы называют русских vene, venäjä. Нас должны особенно интересовать восточная и юго-восточная границы области венетов.

Очень часто исследователи ограничивают область венетов только одним бассейном Вислы (древней Вистулы), допуская иногда известное расширение ее в западном направлении, но совершенно игнорируя возможность вхождения в венетский массив славянских племен Восточной Европы[1].

Первым возражением против такого ограниченного понимания области венетов является древнерусское племя вятичей на Оке. Расположенное на самой границе славянских земель в соседстве с мордовско-мещерскими племенами, это племя вплоть до XII в. сохранило древнее общеславянское имя: вѧтичи — вентичи — венеты[2].

Второе возражение содержится в описании венетов Тацитом: «Я сомневаюсь, причислить ли племена певкинов, венетов и феннов к германцам или к сарматам... Все они живут в грязи и в бездействии; вследствие смешанных браков их облик несколько портится сходством с сарматами. Венеды заимствовали многое из их обычаев, ибо они простирают разбойничьи набеги на все леса и горы, возвышающиеся между певкинами и феннами. Однако они скорее должны быть причислены к германцам, так как строят дома, носят щиты и охотно пользуются быстротой ног—все это отлично от сарматов, живущих на повозке и на коне...»[3].

Этот интереснейший отрывок очень важен и в историко-географическом отношении. Какую часть Европы имел в виду Тацит, когда говорил о походах венетов на пространстве между «феннами» и певкинами? Певкины находились в устье Дуная, а «фенны» (с кем бы их ни отождествлять) где-то на северо-востоке Европы, в лесной или таежной зоне. Следовательно, маршруты венетских походов пролегали восточнее Карпат, где-то в бассейне Днепра, т. е. через земли восточных славян, антов. Где, в какой части Европы могло происходить красочно описанное Тацитом смешение венетов с сарматами, заимствование некоторых обычаев и смешанные браки, сказавшиеся на антропологическом типе венетов? Область венетов, обрисованная на карте М. И. Артамонова, была чрезвычайно далека от соприкосновения с сарматами. Но мы знаем очень широкую полосу длительного соприкосновения сарматских племен с племенами славянских полей погребений. Это — южная окраина европейской лесостепи, идущая от Белгорода Днестровского на Полтаву и на Харьков[4].

---

[1] Ярким примером такого понимания земли венетов являются статьи М. И. Артамонова «Венеды, невры и будины в славянском этногенезе» (ВЛГУ, 1946, № 2) и «Происхождение славян» (стенограмма публичной лекции. Л., 1950). В первой работе М. И. Артамонов дает на стр. 73 карту, не оставляющую никаких сомнений в том, что венетами автор считает только часть западных славян, не переходящую восточнее Западного Буга.

[2] Принадлежность вятичей к венетскому массиву археологически подтверждена наличием в их земле курганов с чернолощеной керамикой (Почепок, Шаньково, Беседы), близкой к керамике полей погребений.

[3] Тацит. Германия, 46. ВДИ, 1949, № 3, стр. 222. Далее следует описание бедственной жизни «феннов», охотящихся при помощи костяных стрел.

[4] Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен. Архив ИИМК, № 1048.

Сарматские курганы подступают здесь вплотную к полям погребений, проникают эпизодически и в глубь лесостепи. Обе культуры обнаруживают черты взаимного влияния и являются прекрасной иллюстрацией к тексту Тацита. Именно здесь, на широком пространстве южнорусских степей, археологически засвидетельствовано венето-сарматское смешение.

Этот второй историко-географический вывод из тацитовского текста вполне согласуется с первым; в обоих случаях область расселения венетов простирается, по представлению Тацита, далеко на восток, охватывая и культуру полей погребений Украины. В таком случае культура восточно-европейских полей погребений, которую мы только что отождествляли с антами, оказывается частью венетской культуры. Однако никакого противоречия здесь нет, так как термин «анты» является диалектным видоизменением общеславянского наименования «венеты». Западное произношение дает нам формы: «венеды», «венды», «винды»; восточное— более мягкие формы: «венеты», «вятичи», «вентичи» (из вѦты — венты)[1].

Отпадение начального «в», столь обычное в русской географической номенклатуре (например, Въсвят — Усвят) и отвердение носового звука, чуждого латинскому и греческому языкам, привело к тому, что из слова «венеты», «вѦты» образовалось слово «анты», появившееся у писателей VI в., но известное на Боспоре по эпиграфическим следам с III в. Термин «анты» оказался самым недолговечным из собирательных имен. Последнее упоминание антов относится к 602 г. Русские летописцы и их византийские и славянские современники уже ничего не знают об антах. Анты— не племя, по всей вероятности и не племенной союз, а более широкая и менее определенная общность восточнославянских племен, сохранившая в своем наименовании прямое указание на принадлежность к «великому народу венетов».

С антами-вѦтами почти несомненно можно связывать поля погребений II—V вв. и, вероятно, более северные памятники Верхнего Поднепровья, Подвинья и бассейна Оки. Собирательное имя, известное нам, очевидно, в южной иноземной огласовке, отражало древнее языковое родство восточнославянских племен. На территории антов в первой половине и в середине I тысячелетия н. э. могло существовать несколько устойчивых племенных союзов (например, поляне, кривичи, русь, волыняне).

Этноним «славяне» появляется в источниках в VI в. (если не считать птолемеевых «суобен») и скоро становится общим собирательным именем для всего венетско-антского мира, хотя в середине VI в. антов и «склавинов», говорящих на одном языке и имеющих одинаковые обычаи, источники еще отличают, очевидно, по месту происхождения. Так же как в первые века термин «венеты» закрепился в этнонимике по краям венетского массива, так в позднейшее время термин «славяне» стал особенно заметен на окраинах: словенцы, словинцы, словаки, словене новгородские и загадочное племя «славиун» («Ответ царя Иосифа»). Автор «Повести временных лет» несколько раз возвращается к теме «словеньского языка», его геогра-

---

[1] В русских летописях мы постоянно встречаемся с двойной формой племенных названий — полной и краткой:

Поляне — Поли
Деревляне — Дерева
Северяне — Север

В таком случае вѦтичам должна соответствовать краткая форма — вѦты.

фического определения и перечисления входящих в его состав племен: «А *словеньскый* язык и *рускый* одно есть». «Аще и *поляне* звахуся, но *словеньскаа* речь бе». «*Поляне*» [часть словенского языка], яже *ныне зовомая Русь*»[1].

Взаимоотношения полян и русов очень важны для нас. Нам очень важно установить время, когда одно название было заменено другим. В буржуазной историографии поляне рассматривались как одно из славянских племен IX—X вв., а русы — как норманны-завоеватели. Работы Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Д. С. Лихачева и А. Н. Насонова окончательно похоронили норманскую теорию происхождения летописных русов. Поэтому мы не можем говорить о IX в. как о времени замены имени полян именем русов.

Летописные поляне производят двойственное впечатление: с одной стороны, это колыбель русской государственности, с описания которой летописец начинает свой рассказ, а с другой — очень условно обрисованное племя, которое летописец, правда, включал в списки участников походов 907 и 944 гг., но которое как бы уже перестало быть исторической реальностью. О живших в Киеве в его время полянах летописец говорит как о какой-то этнографической достопримечательности («от нихъже суть поляне Кыевъ и до сего дьне»). Самое удивительное это то, что кроме летописца-киевлянина никто не знал ничего о полянах.

Юридические памятники — договоры с греками (911 г. и последующие) совершенно не знают полян; они имеют дело с государством Русью, с городами, но племенных названий не дают. Константин Багрянородный, знавший Русь внутреннюю и внешнюю, называя волынян, древлян, кривичей, дреговичей и «ленсенинов», не знает имени полян; нет их ни у баварского географа, ни у восточных авторов, писавших о Руси и хорошо знавших Киев, ни в еврейско-хазарской переписке, называющей русов, вятичей, северян и «славиун». В русском былинном эпосе, отражающем эпоху X—XII вв., неизменно упоминается Русская земля, стольный Киев, но нет Полянской земли; есть только «поляница удалая»— храбрая дружина. Среди летописных записей XII—XIII вв. бытового, описательного характера часто проскальзывают упоминания древних племен, урочищ; в качестве географических ориентиров упоминаются кривичи, древляне, вятичи, радимичи, север, но полян и в этих записях нет.

Столь же неуловимы поляне и территориально. Каковы достоверные пределы земли летописных полян? Попытки привлечения археологических материалов IX—XI вв. оказались безрезультатны; племенные признаки полян к этому времени давно уже исчезли.

Обратимся к летописным данным, определяющим земли соседей полян— древлян и уличей. Единственная достоверная точка полянской земли — это г. Киев. Земля древлян, нападавших на полян, подходила к Киеву с запада (а возможно и с севера) очень близко. Под 1136 г. Ипатьевская летопись сообщает о нападении Всеволода Ольговича на киевского князя Ярополка Владимировича. «Паки же Олговичи съ половци переидоша Днѣпръ, декабря въ 29, и почаша воевати отъ Трьполя около Красна и Васильева и до Бѣлагорода, оли же до Кіева и по Желанѣ и до Вышьгорода и до *Деревъ*, и чрезъ Лыбедь стрѣляхуся»[2]. Перешедши Днепр (по льду?) в районе традиционных переправ у Витичева брода, Ольговичи

[1] Повесть врем. лет, стр. 21 и 23.
[2] ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 14.

двинулись на север. Летописец князя Ярополка отмечает их путь пунктами, отстоящими друг от друга на 20—25 км. Последней их базой был, как видно, Белгород, откуда направлялись отряды до Киева, до Желани (на Днепре), до Вышгорода и до *Дерев*, т. е. древлян. Если учесть все указанные здесь расстояния, то мы должны отсчитать 20—25 км или от Белгорода на запад, или от Вышгорода на север. В первом случае это будет лесистое и поныне течение р. Здвиж, где П. Н. Третьяков открыл особый тип городищ, называемый им древлянским, а во втором — лесистые низовья Ирпени (с дер. Рубежной на левом берегу). Область древлян начиналась в одном дневном переходе от столицы полян — Киева.

При определении земли второго соседа полян — уличей нужно обратить внимание на местоположение г. Пересечна. Обычно его сопоставляют с Пересечном в Бессарабии близ Оргеева. Мне такое сопоставление представляется совершенно неверным и идущим в разрез с летописным текстом. Земля летописных уличей, так же как и земля древлян, подступала с юга очень близко к Киеву. Летописный Пересечен находился где-то на правом берегу Днепра, всего лишь в 40—50 км южнее Киева, в бассейне Стугны, на берегах которой князь Владимир вынужден был после ухода отсюда уличей поставить свою линию обороны от печенегов. Возможно, что до прихода печенегов уличи жили значительно южнее: «и бѣша сѣдяще уличи по Дънѣпру вънизъ...», «...сѣдяху бо преже по Бугу и по Дънѣпру оли до моря...». Уличей — улучан раннего времени — мы можем связывать с полями погребений в Днепровской луке. Приход печенегов заставил в начале X в. уличей (или часть их) продвинуться на север и построить город неподалеку от Киева[1]. После разбойнического захвата Киева Олегом древляне и уличи оказывают сопротивление варяжским полководцам; уличанский Пересечен три года отстаивал свою независимость, и лишь после его падения все уличи переселились в Поднестровье, в соседство с тиверцами, являвшимися тогда не подданными киевского князя, а федератами («толковинами»), создав, очевидно, тиверско-улучанский союз, так как летописец рассматривает их совместно. Борьбу Олега и Свенельда с древлянами и улучанами нельзя рассматривать как борьбу полян со своими соседями; это — борьба пришельцев с давними обитателями Приднепровья.

Область летописной земли полян может быть представлена так: северная точка — Киев (или Вышгород); западной границей была, очевидно, лесистая долина Ирпени, за которой начиналась земля древлян; восточной — Днепр от Киева до Триполья и р. Стугна, за которой «вниз по Днепру» жили уличи. Эта миниатюрная область была раз в 30 меньше области северян или радимичей и никак не может соответствовать тому громкому имени воинственных полян, с которыми летописец связывает начало Русского государства. К какому времени летописец относит самостоятельное существование полян, когда они жили «особѣ, володеюще роды своими»? Очень важно было бы датировать эпоху, к которой приурочено княжение легендарного Кия. Нужно учесть, что ко времени летописца основание Киева было уже окутано легендами и Нестор уже не знал имени того императора, к которому ездил Кий («к цѣсарю, которого не сѣвѣмы»). Очевидно, время Кия — более древнее, чем время царя Ираклия (610—641 гг.), которого летописец хорошо знает и упоминает в своем тексте. Летописный рассказ о Кие описывает такое же положение вещей, какое было при Прокопии Кесарийском в эпоху Юстиниана, когда Византия нанимала антов на пограничную службу на Дунае.

[1] Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, XXXV, 1950.

Сопоставим два рассказа:

Прокопий Кесарийский (сер. VI в.)	Русская летопись
Был некто Хильбудий (родом ант), ***близкий к императорскому дому***.	« сь Кый къняжаше вь родѣ своемь и приходивъшю ему къ цѣсарю, которого не сѣвѣмы, нъ тъкмо о семь вѣмы, якоже съказають, яко ***велику чьсть приялъ есть от цѣсаря,*** при которомь приходивъ цѣсари».
(В 531 г.) « император, назначив этого Хильбудия начальником Фракии, поставил на охрану реки ***Истра***».	«Идущю же ему опять, приде к ***Дунаеви*** и възлюби место и съруби градъкъ малъ.»
«Спустя три года после своего прибытия, Хильбудий по обычаю перешел реку с небольшим отрядом.	«И хотяше сѣсти съ родъмь своимь».
Славяне же выступили против него все поголовно» (Хильбудий пал в битве, но скоро в земле антов появился человек, называвший себя Хильбудием; тогда имп. Юстиниан предложил антам город Туррис на Дунае).	«И не даша ему ту близь живущих»-
	«Еже и донынѣ наричють дунаици «городище Кыевьць».

Не отождествляя Кия и Хильбудия, мы должны все же отметить значительную близость обоих рассказов, позволяющую датировать эпоху Кия приблизительно VI в.[1] Говоря о Кие, Щеке и Хориве, летописец добавляет, что поляне жили и ранее этих братьев: «Иже *и до сее братьи* бяху поляне и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Следовательно, время существования полян мы можем отодвинуть в эпоху, предшествующую VI в., т. е. в эпоху полей погребений. Имя племени, близкое к летописным формам («поляне» и «поли»), встречается применительно к народам Восточной Европы еще в I в. до н. э. у Диодора Сицилийского: «палы» — потомки скифов. В форме «спалеи» и «спалы» оно упоминается Плинием и Иорданом; с этим сближает указание Прокопия на то, что собирательным именем для склавинов и антов было «споры»[2]. Земля иордановых спалов вполне подходит по своему местоположению к земле полян: готы, двигаясь в конце II в. с берегов Балтики на юг, прошли болотистый край «Oium», очевидно Пинские болота, и воевали со спалами, после чего ушли на юг в Причерноморье. Вполне возможно, что «спалы» — летописные «поли». Возможно, что имя спалов — полян имело смысловое значение — «богатыри», «поляница удалая» (что сохранилось в значении «исполин», «полник» — гигант).

Хронологически мы должны приурочить палов — спалов — споров к эпохе полей погребений. Не был ли это большой племенной союз внутри области венетов, принявший общее имя, имевшее грозный смысл,— поляне, т. е. «великие», «воинственные», как это было с союзом балтийских

[1] В окрестностях Константинополя болгарский ученый Иордан Иванов обнаружил в 1902 г. интереснейшую надпись, которую он датирует 529 г.:

«Здесь погребен Хильбудий, сын
Санбата, умерший месяца ноября
индикта 7.
Супруга Хильбудия».

См. Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. «Истор. журнал», 1943, № 11-12, стр. 79.

[2] См. L. Niederle. Slovanské starožitnosti. T. I, вып. 4. Původ a počatky slovanů Východnich. Praha, 1925, стр. 64.

хижан, чреспенян, моричан, долечан, ран, ратарей, гаволян и шпрован, принявших общее имя грозных лютичей?

Как велики были размеры полянского племенного союза, судить трудно, но возможно, что он включал в себя бóльшую часть лесостепных венетских племен полей погребений корчеватовского и черняховского времени. На запад этот союз мог в определенное время простираться до вислянских полян, охватывая, таким образом, если не всех, то значительную часть венетов. Эти предположения о размерах полянского племенного союза интересно сопоставить с тем самым местом в летописи, где древний историк отождествляет полян с русью. «Бѣ единъ языкъ словѣнескъ: словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви (их же приняша угри),

и морава,
и чеси,
и ляхове,
и поляне, яже нынѣ зовомая Русь»[1].

Если мы перенесем на карту данные этого древнего отрывка (из «Сказания о славянской грамоте»), восходящего к IX в., то увидим, что область «словенского языка» явно не отвечает ни временам летописца, ни временам составления славянской грамоты в IX в. Она значительно архаичнее. Сюда не включены ни словенцы Истрии, ни словене новгородские, хотя, казалось бы, самые имена их подсказывали включение их в область словенского языка. Особенно важно для датировки наличие славян на север от Дуная и отсутствие их за Дунаем. Несмотря на то, что славянская грамота в Болгарии появилась в IX в., задунайские славяне сюда не вошли. Следовательно, этот отрывок должен быть датирован тем временем, когда славяне уже овладели долиной левого берега Дуная (позднейшей Венгрией) но еще не перешли через Дунай в глубь Восточно-Римской империи, т. е. V — началом VI в. Все западные славяне (склавины) показаны в отрывке подробно и компактно, а из восточных названы только одни поляне. Если полян понимать только в смысле жителей того маленького треугольника, который был обозначен выше (Киев—Ирпень—Стугна), то между землей полян и остальной областью «словенского языка» останется значительное пространство, населенное древлянами, бужанами, волынянами, дулебами, белыми хорватами. Естественнее всего признать, что под полянами древний автор IX—X вв. подразумевал не маленькое племя в окрестностях Киева, а целый ряд восточнославянских племен, из которых прежде всего нужно назвать племена, расположенные непосредственно между известной нам землей киевских полян и землей ляхов, т. е. древлян, волынян, белых хорватов. Тогда область «словенского языка» станет компактной. Но вполне возможно, что в полянский племенной союз входили и другие восточнославянские племена (например, северяне, уличи, тиверцы, может быть вятичи?). Центр земли полян был в Киеве; легенды о деятельности Кия можно предположительно возвести к событиям первой трети VI в.

В середине VI в., когда имя венетов «менялось в зависимости от племен и мест», древний полянский союз, очевидно, уже распадался. В середине VI в. упоминается могучий народ Рос; к концу VI в. можно относить существование племенного союза волынян[2]. Появление в южнорусских сте-

[1] Повесть врем. лет, стр. 21.

[2] «Из этих племен [славянских] одно имело прежде в древности власть [над ними], его царя называли Маджак [варианты Махак, Махаль.— *Б. Р.*], а самое племя называлось Валинана [варианты Вальмана, Вальяна.— *Б. Р.*]. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо верховная власть была у него и прочие цари ему повиновались». «Мы уже выше рассказывали про царя, коему повиновались в прежнее время остальные цари их, то-есть Маджак, царь Валинаны, которое племя

пях в середине VI в. аварских орд могло содействовать распаду старых связей и созданию новых. Так, на смену древнему племенному союзу полян пришли волыняне и русь, а имя полян закрепилось за ближайшими окрестностями племенного центра — Киева[1].

Высказанные выше предположения можно свести к следующему:

1. Венеты и анты — два диалектологических варианта общего собирательного имени многочисленных славянских племен, расположенных между Балтикой и Дунаем и между Эльбой и Волгой. С термином «анты» вероятнее всего связывать все восточнославянские племена или значительную часть их. Термин «венеты» появился в I в. и продолжал существовать более тысячи лет. Термин «анты» употреблялся только писателями VI—VII вв. н. э. и быстро исчез.

2. Возможно, что срединная часть славянских (антско-венетских) племен уже в II—IV вв. объединялась в народность с единой территорией, единым языком (при наличии диалектов), единой культурой (типа черняховских полей погребений) и некоторыми внутренними связями. Общность языка доказывается рядом общих черт и совместно пережитых языковых явлений у западных и восточных славян, объединяющих обе ветви и в то же время отличающих их от других индоевропейских народов. Эта зарождающаяся народность была еще очень непрочна и легко могла в новых условиях уступить место новым образованиям того же качества, но в иных географических очертаниях, с иными центрами.

3. Возможно, что во II—V вв. существовал обширный племенной союз полян, охватывавший ряд венето-антских племен Повисленья и Поднепровья и являвшийся ядром этих племен. Следами этого союза могут быть сохранившиеся поздние названия: поляне на Варте и поляне в Киеве. Древнее название могло существовать и в форме «спалы». Готы воевали со спалами во время своего продвижения из Прибалтики в Причерноморье.

4. В IV—VI вв. полянский союз уступил место иным группировкам и распался. Воспоминание о принадлежности Киева полянам уцелело только у киевского летописца; их совершенно нет у других авторов. В VI в. складываются новые племенные союзы, например «Валинана» и «Русь». Славянская (венето-антская) народность, начавшая складываться в эпоху полей погребений, распалась в V—VI вв. в связи со значительными перемещениями населения и изменениями территории в эпоху византийских походов. С этого момента начинается формирование ряда родственных славянских народностей на основе возникающих в это время новых племенных союзов. Одним из таких союзов, возникшим на юго-востоке славянского мира в качестве форпоста против кочевников (аваров, болгар), был союз, получивший имя Руси. Границы этой Руси отображены археологическим материалом VI—VII вв. и традиционными географическими определениями, сохраненными русскими летописями XII в. Новые

есть корень из славянских корней. Оно почитается между их племенами и имело превосходство между ними» (Масуди, 930 г.). См. А. Я. Гаркави. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874, стр. 135. Обычно сопоставляют Маджака с воевавшим в низовьях Дуная славянским князем Мусокием, упоминаемым Феофилактом Симокаттой и Феофаном под 585 г. См. ВДИ, 1941, № 1, стр. 263 и 272.

[1] По материалам, собранным М. К. Каргером, мы можем судить о расцвете Киева в I—V вв. Но вещей VI—VII вв. («древностей русов») в Киеве не много. Очевидно, в эту эпоху исторический центр передвинулся временно несколько южнее. В VIII в. Киев снова становится важным центром и на этот раз уже центром складывавшегося Русского государства, «матерью городов Русских». Быть может, этим перерывом в первенствующем положении Киева и объясняется неясность летописного рассказа: упомянув о Кие (без точной даты), летописец пропускает несколько веков и переходит к описанию событий IX в.

племенные союзы выступают в большинстве источников VI—VII вв. под древним собирательным именем венетов-антов, но встречаются уже и новые наименования, как, например, «Рос».

* * *

Источники по истории восточных славян крайне неравномерно освещают разные периоды: так, первая половина тысячелетия скудно освещена лаконичными фразами о венетах, но зато селища и могильники полей погребений полно раскрывают перед нами богатую и яркую культуру этих венетов-антов.

Для середины же I тысячелетия н. э. мы располагаем подробными описаниями внешнего вида, хозяйства, быта, военного искусства, социального строя славян, но зато археологические памятники нас, к сожалению, покидают. Повсеместно, во всей Восточной Европе, исчезают укрепленные поселки-городища, просуществовавшие около тысячи лет; на юге исчезают поля погребений; основным обрядом захоронения становится, очевидно, наземное погребение «в столпе на путях» (с трупосожжением или неглубоким захоронением).

Прямой, зрительно ощутимой преемственности между древностями эпохи полей погребений и древностями последующей эпохи нет на всем пространстве Восточной и Центральной Европы. Нет такой преемственности и на территории Приднепровской Руси. Лишь кое-где, в отдельных островках, сохранились промежуточные звенья между полями погребений и позднейшей славянской культурой VIII—IX вв. (например, Волынцево на Сейме). Вообще же бурная эпоха византийских походов VI—VII вв., явившаяся результатом и завершением многовекового предшествующего развития, настолько потрясла все славянские племена, так перепутала все связи, так широко открыла славянам новые пути и дала им столько новых соседей, что странно было бы ожидать полной консервации старых форм материальной культуры. Чем ближе находилась та или иная славянская область к степным просторам и магистралям «великого переселения народов», тем резче должны были быть изменения в бытовой обстановке, в одежде, в украшениях, в оружии. Древности Приднепровской Руси V—VII вв. генетически мало связаны с полями погребений (хотя есть известная преемственность погребального обряда), но они прочно связаны с той своеобразной материальной культурой разноплеменных дружин Причерноморья и Подунавья, которая отмечена продвижением этих дружин все дальше и дальше на запад — в Ломбардию и Паннонию, во Францию и в Испанию. Поэтому верно подмеченное А. А. Спицыным единство культуры Приднепровской Руси не может быть истолковано как появление здесь в VI—VII вв. каких-то новых племен с новой культурой. Сталинское положение о различии языка и культуры, о недопустимости обязательного отождествления их должно предостеречь нас от ошибок. Несхожесть древностей русов с материалами полей погребений вполне объяснима условиями эпохи и не может служить основанием для их противопоставления.

В IV—V вв., когда связи приднепровских антских дружинников с побережьем Понта и Боспором были эпизодическими, мы можем отметить появление на «Русской земле» бесспорно южных вещей боспорского изготовления (Круглица, Нежин, Б. Каменец, Обоянь и др.,— рис. 5 и 6). В VI—VII вв., когда эти связи стали постоянными и более широкими, появились вещи, близкие к общеевропейским, но являющиеся местным, только здесь, в Приднепровье, существовавшим вариантом общеевропейской дружинной культуры эпохи завершения борьбы с Римом и Византией.

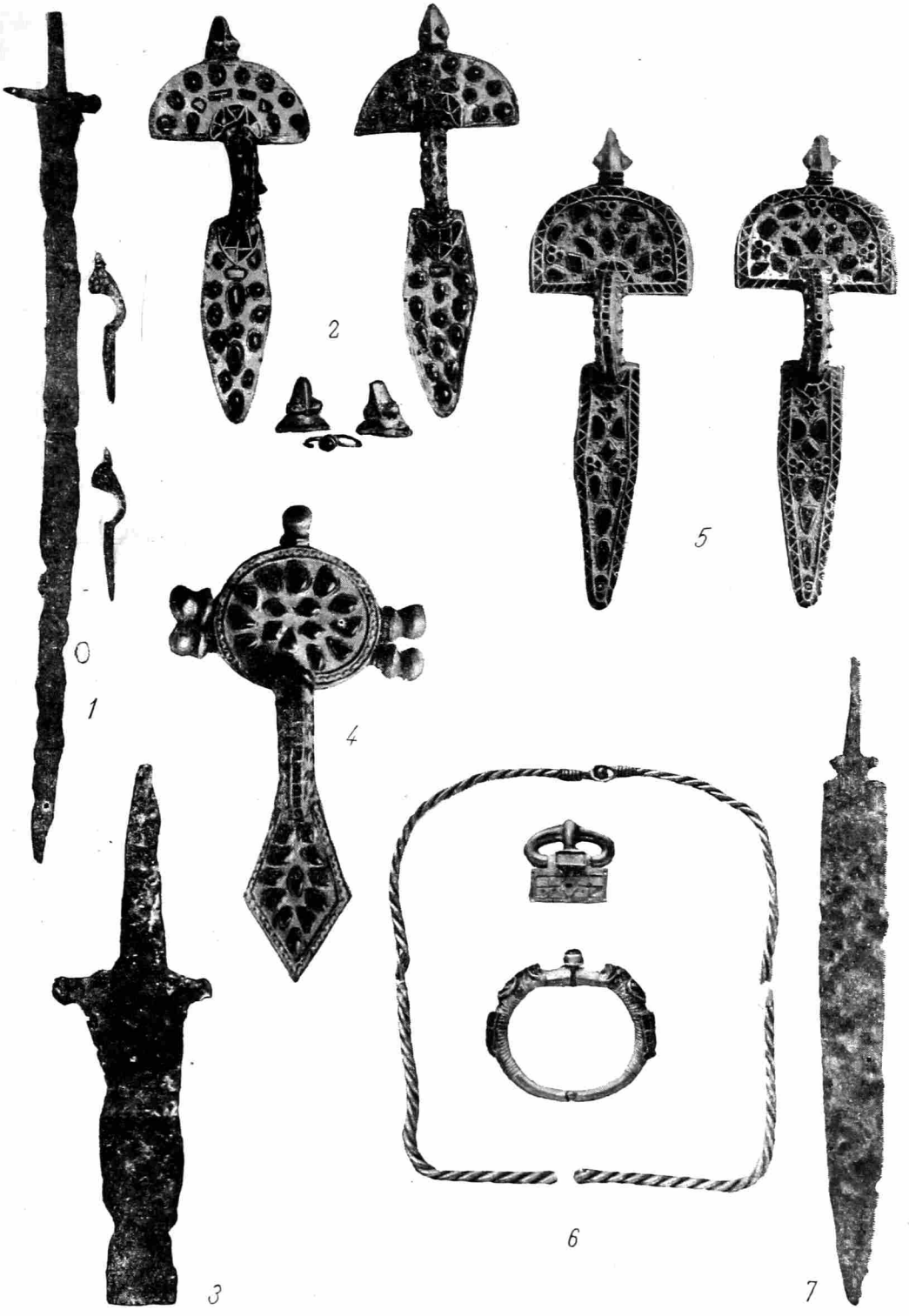


Рис. 5. Причерноморские вещи IV в., найденные в области Руси:

1, 2, 3 — дер. Круглица Архангельского сельсовета Орловской обл.; *4* — г. Нежин; *5* — Венгрия (приведено в качестве аналогии); *6, 7* — Киевская обл.

Рис. 6. Византийские и причерноморские вещи IV—V вв., найденные в области Руси: 1, 2, 3, 4 — Большой Каменец Суджанского р-на Курской обл.; 5 — г. Обоянь.

Археологические памятники VI—VIII вв. очень отрывочны, несистематичны и случайны. Обряд трупосожжения, при отсутствии в большинстве областей курганных насыпей, очень мало оставляет на долю археологов. Лишь в IX—X вв., когда обычай насыпать курганы становится повсеместным, наука вновь получает обильный массовый материал, являющийся своего рода «писцовыми книгами» русской земли.

Древности VI—VIII вв. представлены преимущественно случайными находками, кладами, разрозненными одиночными погребениями. Но тем не менее они могут и должны быть использованы как исторический источник; А. А. Спицын не случайно обратил внимание на «антские» комплексы и стремился заинтересовать ими археологов. В настоящее время количество материалов значительно возросло, появились такие комплексы, которые позволили связать случайные и разрозненные находки в известную систему.

Среди всеобщего оскудения археологических источников VI—VII вв. в восточной половине Европы область Южной Руси, пожалуй, наиболее богата материалами.

Известные нам комплексы VI—VII вв. подразделяются на вещи при погребениях и на клады. В последнем случае мужские и женские вещи часто сочетаются в одном кладе.

Захоронения подразделяются, как и в эпоху полей погребений, на сожжения и трупоположения, свидетельствуя об известной преемственности обряда. Трупосожжения с пальчатыми фибулами известны пока в двух крайних точках Русской земли: на востоке ее — в Колоскове и в Валуйках (на Осколе) и на западе, уже за пределами собственно Руси, там, где были «волости земли Русской» — Мирополь (Житомирской обл.), близ древнего города Полонного. Погребения в неглубоких ямах известны на Правобережье (Балаклея на Тясмине, Мартыновка на Россаве). Сохранились отдельные описания погребений с пальчатыми фибулами в курганах (Бабичи близ Канева и Березовка близ Ахтырки)[1]. Некоторые находки производят впечатление специально зарытых кладов или же вещей, положенных отдельно п р и покойнике (но не надетых на покойника)[2].

Древности русов V—VII вв. представлены комплексами мужских и женских вещей — поясных наборов, оружия, пальчатых фибул, височных колец, бус, подвесок. Изредка встречаются вещи, выходящие из круга предметов личного убора, например серебряная посуда. Места поселений этого времени до сих пор почти не исследованы, и поэтому преемственность с поселениями эпохи полей погребений не прослежена. В силу специфики кладов нам неизвестна керамика русов.

Мужские и женские вещи лесостепной полосы можно разделить на три категории:

1) вещи общеевропейских типов, свидетельствующие о прочных связях с культурой дружин эпохи «великого переселения народов» (мужские поясные наборы);

2) вещи, объединяющие всю область лесостепной Русской земли воедино (пальчатые фибулы и др.);

3) вещи, позволяющие наметить отдельные племенные районы внутри области русов (височные кольца).

Основными чертами единства являются поясные наборы и фибулы. Поясные наборы тех типов, которые известны среди древностей русов, не являются спецификой только этой лесостепной области[3]. Серебряные наконечники поясов и портупейные Т-образные застежки, часто встречаемые с мечами, распространены очень широко. Они есть в степях, в Крыму, на Кавказе, есть они и в ряде кладов Западной Европы — на Дунае, в Ломбардии и в Испании. Хронологически они датируются от IV до VII в., но самые ранние типы в русской области не встречены. Поясные и

---

[1] А. А. С п и ц ы н. Древности антов..., стр. 494; Н. Е. М а к а р е н к о. Отчет об археологических исследованиях в 1905 г. Колосково. ИАК, вып. 19, 1909, стр. 150—151; М. Ю. Б р а й ч е в с к и й. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. «Археологія», IV. Київ, 1950, стр. 43—45; А. А. Б о б р и н с к и й. Курганы и случайные археологические находки близ Смелы. Т. III, СПб., 1901, стр. 148—149. Табл. I, *9*.

[2] Ввиду того, что курганная форма захоронения для VI—VII вв. является отнюдь не преобладающей, можно допустить, что сожжения и трупоположения с типичными русскими вещами VI—VII вв. могли сопровождаться таким древним элементом, как «домовина» (летописный «столъпъ»), этнографически сохраненным до XIX в. на пространстве от Северной Двины до Области войска донского на юге.

[3] Б. А. Р ы б а к о в. Новый суджанский клад антского времени. КСИИМК, XXVII, 1949, рис. 33, б.

портупейные наборы — яркое доказательство сложения очень широкой в географическом смысле культуры воинов-дружинников, выделенных разными племенами, объединявшимися в огромные военные союзы, и воевавших на всем пространстве Римской империи, павшей в конце концов под их ударами (рис. 7а, 7б).

Многие русские наконечники поясов из Приднепровья помечены тамгами, напоминающими позднейшие «знаки рюриковичей». Встречаются знаки и на поясах VI—VII вв., находимых на Балканах и в Венгрии, но другого рисунка. Наличие богато украшенных поясов и портупей для ношения оружия в составе древностей Русской земли V—VII вв. свидетельствует об участии русских дружин в тех южных армиях, которые обрушивались на Причерноморье, Византию и Рим. Аланы, авары, анты, болгары, готы и лангобарды одинаково стремились украсить себя поясами, символизировавшими воинское достоинство[1].

Если для мужчин-русов были характерны пояса с серебряным набором, то для русских женщин V—VII вв. в еще большей степени были характерны серебряные и бронзовые фибулы, представленные несколькими разновидностями. Обычай застегивать плащи фибулами существовал у славян и ранее, но только к середине I тысячелетия развивается любовь к пышной декоративности плащевых запон. В Приднепровье долго бытовали сравнительно скромные арбалетовидные и двупластинчатые фибулы общеевропейских типов, затем появились яркие бронзовые фибулы с выемчатой эмалью, исчезнувшие около V в. внезапно и, так сказать, без потомства. Начиная с IV в., в русской области появляются наряду с другими вещами и фибулы южных причерноморских типов, свидетельствуя об упрочении связей с югом. Таковы две позолоченные фибулы с красными и зелеными каменьями из погребения воина (дер. Круглица близ Орла)[2]. Дата орловских фибул — IV век. Они близки к знаменитым нежинским фибулам IV в., найденным в самой сердцевине Русской земли, близ Нежина[3] (рис. 5). В V в. продолжался приток южных боспорско-крымских фибул, и, что особенно интересно, появились местные подражания им, разбросанные по всей лесостепи от р. Роси до средней Оки (рис. 8). Наиболее ранними фибулами, еще хранящими многие следы своих керченских образцов, являются фибулы

---

[1] Византийские полководцы выдавали пехотинцам простые пояса, а не «болгарские», очевидно предназначавшиеся только для конницы («Стратегикон» Псевдо-Маврикия). Сохранился любопытный папирус начала VII в., где описывается получение византийским полководцем Кириллом болгарских поясов для своего войска. С опоясыванием воина поясом, очевидно, были связаны какие-то языческие обряды, так как греческое духовенство в IX в. запрещало принимать причастие в поясах. (См. Н. Мавродинов. Прабългарската художествена индустрия. София, 1936, стр. 157—158.) Важное значение золотого воинского пояса явствует из известной легенды о постройке в Киеве церкви в 1073 г., в основу меры которой была положена длина пояса. Пояс, к которому привешивался меч, играл вообще важную роль в средневековой символике. Известны русские пояса XI в. с княжескими знаками.

[2] Материалы Орловского музея; вещи найдены колхозником Луниным в 1937 г. (колхоз «Правда» в дер. Круглица Архангельского сельсовета Орловской обл., между Орлом и Новосилем). В этом районе северная граница лесостепи вдается небольшим языком в леса междуречья Оки и Зуши. Кажется, погребение находилось в кургане. Длина фибул 18,5 см. Ширина полукруглого щитка 7 см. У основания дужки на сердцевидной пластинке каждой фибулы изображен знак в виде трезубца. Кроме фибул, найдены перстень с камнем и железный меч длиной в 94 см (длина клинка 85 см, ширина 4 см). Перекрестье украшено такими же птичьими головками, как и фибулы.

[3] М. Макаренко. Ніженьска фібула. «Збірник на пошану М. С. Грушевського». Київ, 1928, стр. 31—43. Еще более близкой аналогией орловским фибулам являются фибулы из клада в Силяги-Шомло в Венгрии IV в. Сходны по принципу орнаментики фибулы из Керчи и с Северного Кавказа.

Рис. 7а. Клад вещей VI—VII вв. из с. Хацки близ Смелы и реконструкция поясного набора.

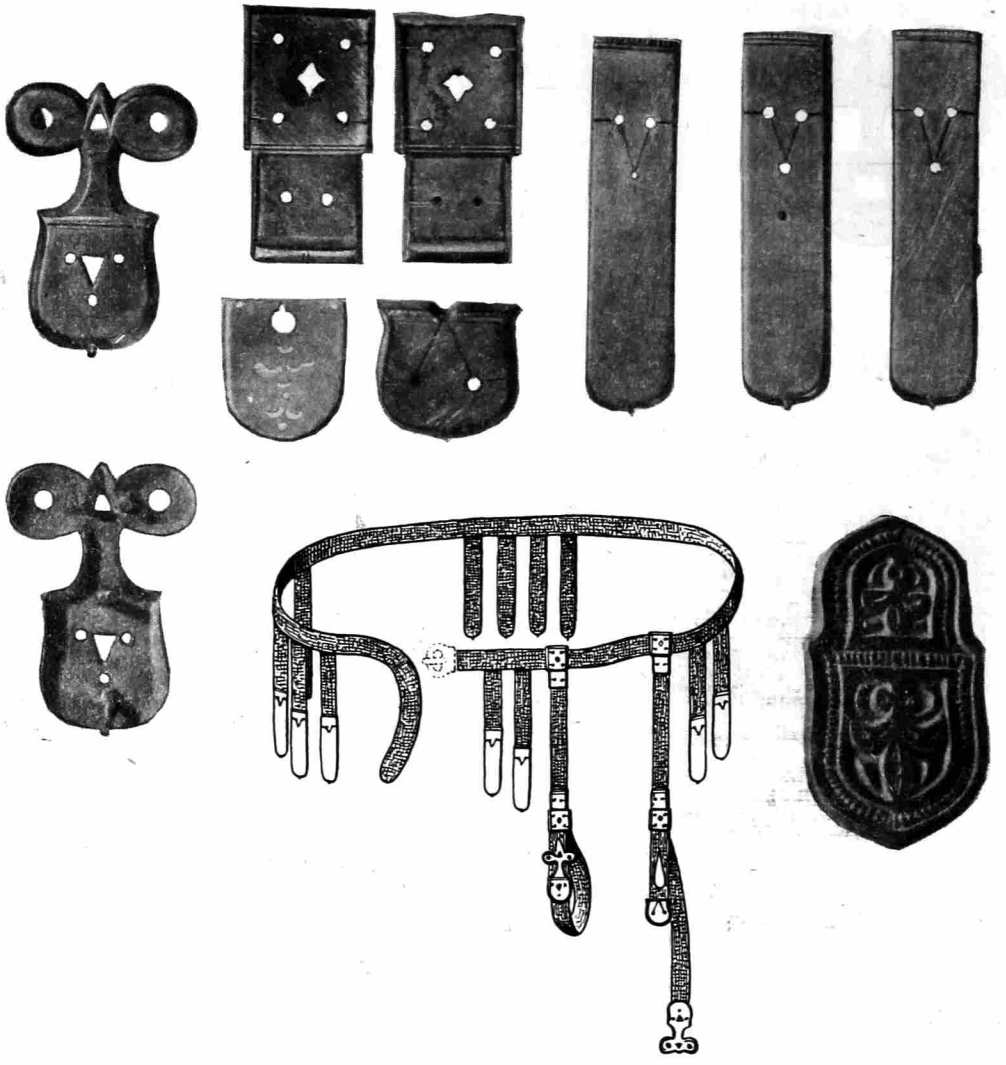


Рис. 7б. Клад вещей VI—VII вв. из г. Суджи Курской обл. и реконструкция поясного набора.

Внизу справа — штамп для изготовления поясных бляшек (из коллекций Киевского исторического музея).

из бассейна Роси (Княжая Гора и др.) и из Черкасс[1]. На некоторых из них есть даже глазки из цветных камней — признак их боспорского происхождения. Одна фибула V в. найдена на городище Спас-Перекша близ Мосальска[2]. Местные воспроизведения южных образцов очень многочисленны и разнотипны. Массовыми они становятся уже на рубеже V—VI вв. Одним из ранних типов V—VI вв.

[1] Наиболее богатой коллекцией пальчатых фибул обладал Киевский гос. исторический музей, в каталоге которого значились многие десятки местонахождений фибул. Фашистские захватчики обратили особое внимание на пальчатые фибулы, объявив их вещественным доказательством господства готов в Приднепровье. После Великой Отечественной войны коллекции музея оказались разрозненными, и сейчас нет возможности дать исчерпывающий список всех фибул Украины.

Пользуюсь случаем выразить благодарность Н. В. Линке за присылку мне фотографий уцелевших фибул Киевского музея.

[2] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по водоразделу Волги и Днепра, табл. XVIII.

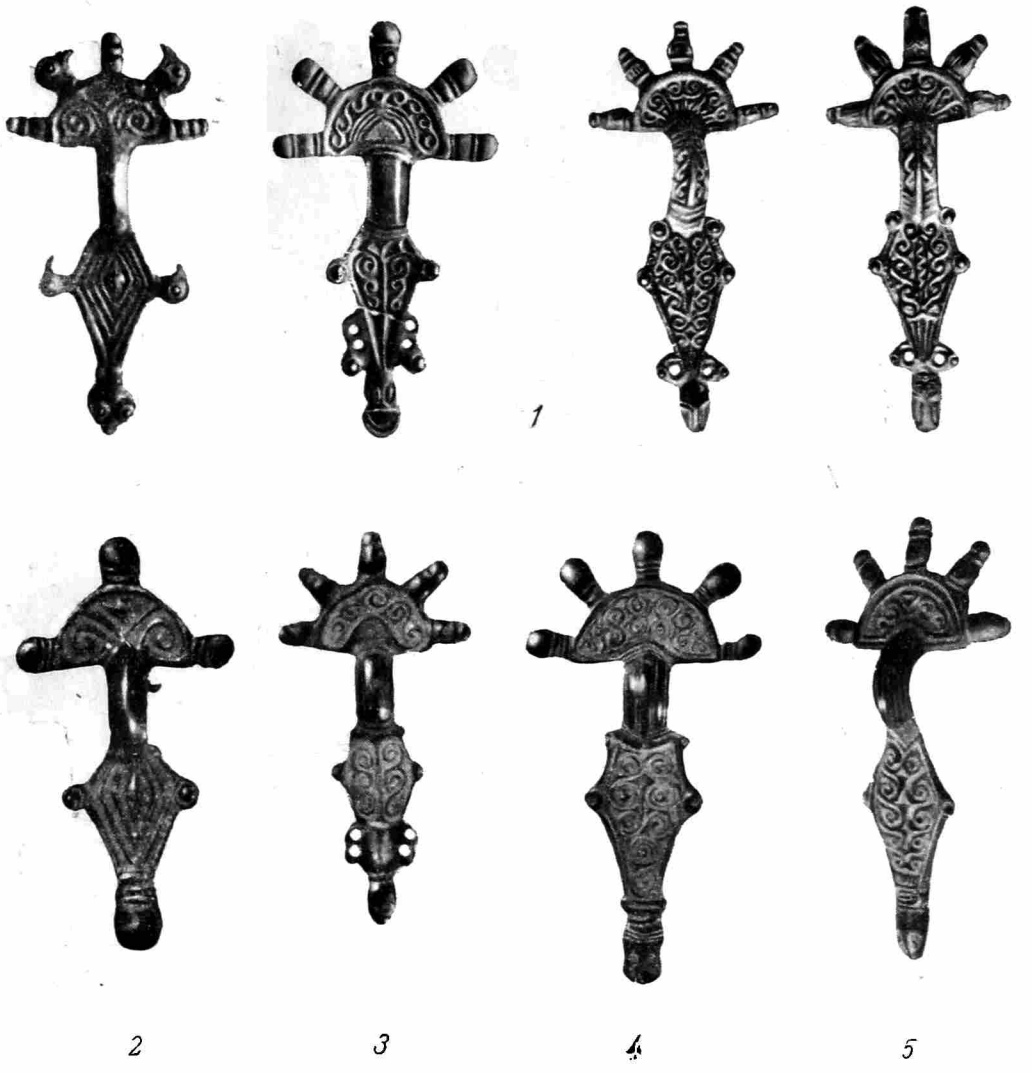


Рис. 8. Фибулы V в. из Керчи и из Среднего Приднепровья:
1 — г. Керчь; *2* — Каневский р-н; *3* — Черкассы Киевской обл.; *4* — Букрин Каневского р-на; *5* — Княжая Гора.

являются пальчатые фибулы типа Мартыновского клада (р. Рось) с характерным рельефным спиральным узором на щитках[1] (рис. 10). Географически этот тип фибул охватывает Поросье, встречается в Северской земле и в Муромской. Несколько более поздними (VI, может быть VII в.) являются упрощенные пальчатые фибулы, у которых рельефный спиральный узор заменен концентрическим циркульным орнаментом. Эти фибулы можно подразделить на два основных типа: простые пальчатые и птицеголовые, у которых верхний щиток обрамлен кружевом из шести (четырех) птичьих голов и одной звериной (рис. 9 и 10). Географически оба типа не разделяются — оба они очень часты в случайных находках в Русской земле от бассейна Роси и далее на восток до Донца и Дона.

[1] Б. А. Рыбаков. Новый Суджанский клад антского времени. КСИИМК, XXVII, 1949. К данному типу, кроме фибул мартыновского клада, относятся также и фибулы из с. Смородина (Курская обл.) и Подболотьевского могильника (Муром). Помимо этих трех фибул можно указать еще фибулы, найденные в с. Букрин Каневского района (Киевск. ГИМ, № 2151), в с. Дудари Каневского р-на (там же, № 1961), в с. Веремье Обуховского района (там же, № 2152).

Рис. 9. Пальчатые фибулы русского изготовления V—VII вв.:

1 — с. Веремье Обуховского р-на Киевской обл.; *2* — с. Дудари Каневского р-на; *3* — Балаклея Черкасского р-на; *4*, *5*, *6*, *7* — Пастерское городище; *8* — Колосково Валуйского р-на; *9* — из коллекций Харьковского музея.

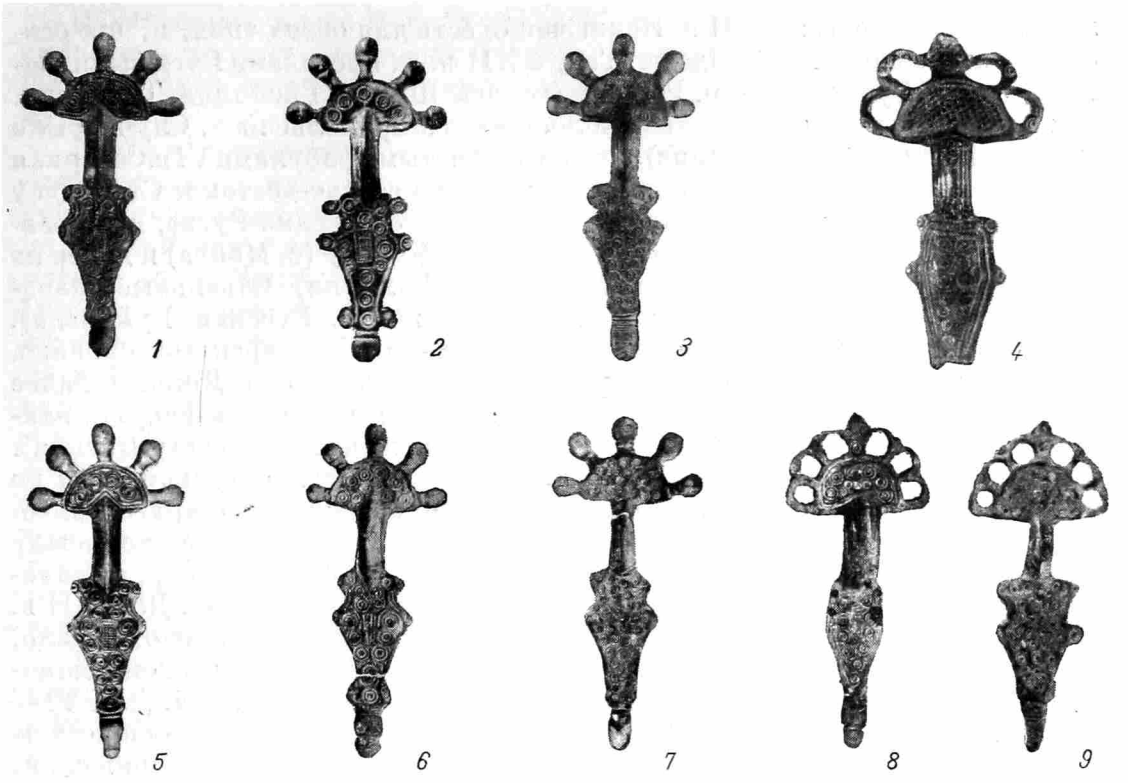


Рис. 10. Пальчатые фибулы русского изготовления V—VII вв. Верхний ряд — найденные в земле русов, нижний — найденные за пределами основной земли русов:
1 — Мартыновка на р. Роси; *2* — г. Суджа; *3*, *4* — Смородино Грайворонского р-на Курской обл.; *5* — Подболотьевский могильник; *6*, *7* — Суук-Су (случайные находки); *8* — Суук-Су (погребение 87); *9* — Воложское (Волосское) Днепропетровской обл.

Хронологически оба типа едва ли различны; оба они относятся к VI—VII вв. Кроме описанных выше нескольких типов фибул, характерных для всей лесостепной Русской земли в V—VII вв., следует упомянуть о существовании еще двух типов фибул, встреченных только в западной, приднепровской части Русской земли; это — антропоморфно-зооморфные со сложной композицией и более простые двуглавые зооморфные фибулы IV—VII вв., которые нам придется рассмотреть подробнее ниже. Область пальчатых фибул является, кроме того, и областью спиральных височных колец, не встречаемых нигде за пределами Русской земли.

Мы рассмотрели только часть инвентаря кладов и погребений, находимых в земле древних русов. За более подробным перечислением вещей можно отослать к цитированной выше работе А. А. Спицына «Древности антов». Целый ряд устойчивых археологических признаков (фибулы, височные кольца) выделяют из числа других славянских земель именно ту ее часть, которая вплоть до XII в. сохраняла наименование Русской земли. Это позволяет отнести время выделения этой земли не к IX, а к VI в.

Рассмотрим внимательнее область распространения однородных археологических предметов, названных А. А. Спицыным «древностями антов» и которые мы решили называть «древностями русов».

В общих чертах эту область можно обозначить как пересечение бассейнов Днепра и Северского Донца широкой полосой лесостепи. Западная граница идет от Киева на юг к среднему течению Роси и к Тясмину. Водораздел Днепра и Буга является границей русских древностей VI—VII вв. на западе, так же как он является и границей «собственно Руси» по

летописным известиям XII в. Исключения есть для обеих эпох, и, что особенно интересно, они совпадают. Так, в XII в. за пределами Руси были «волости земли Русской» на р. Горыни (города Шумск, Гнойница, Тихомель, Бужск), и именно в центре этих «волостей», в Мирополье на р. Случи, было найдено погребение (сожжение) с двумя пальчатыми фибулами VI в. Северная граница идет от Киева на Чернигов и далее на северо-восток к Стародубу (с. Верхняя Злобинка), совпадая с областью «собственно Руси», включавшей в себя Стародуб. Отсюда граница идет к Курску (с. Моква) и далее на юго-восток к течению р. Оскол (Колосково, Валуйки). Отдельные находки есть и на Дону, несколько ниже Воронежа (с. Русская Буйловка). Южная граница менее определенна: она идет от Пастерского городища на восток, к бассейну Ворсклы, к верховьям Северского Донца и далее на Валуйки. Наиболее южной находкой является пальчатая фибула, найденная в с. Волоском, у днепровских порогов, на правом берегу Днепра[1].

Сопоставив между собой две карты — карту Приднепровской Руси по летописным упоминаниям XII в. и карту ярко выраженного археологического единства VI—VII вв., мы видим поразительное совпадение между ними. Совпадают не только общие контуры, но и детали (например, на западе — «волости земли Русской» и на севере — район Стародуба). Для XII в. это единство было только историческим воспоминанием; оно не отражало, как уже упоминалось выше, ни политической ни этнографической общности земель, входивших в понятие «Русь» в узком смысле слова. Для VI—VII вв. это единство прочно подтверждено очень значительной общностью тех археологических памятников, которые есть в нашем распоряжении.

Область древностей русов VI—VII вв. — юго-восточный угол славянского мира, обращенный к враждебной степи и принимавший первые удары таких кочевников, как гунны, авары, хазары, болгары.

Как увидим ниже, область древностей русов может быть подразделена по наличным материалам на два района, отвечающих размещению двух близких между собою племен, составивших в V—VII вв. союз, владевший землями от Роси до Оскола, союз, помогавший совместно обороняться от кочевников и совершать походы в степь.

Русский племенной союз был, по всей вероятности, длительным и прочным, так как внутри его создалась своеобразная и устойчивая материальная культура, частично сохраненная и в XI—XII вв. (северянские височные кольца).

* * *

Крупные изменения, происходившие в славянском мире в V—VI вв. и отразившиеся в обособлении отдельных археологических областей, не прошли бесследно для современных наблюдателей. Старые племенные союзы распадались; в новых условиях возникали новые. «Имя их (венетов), пишет Иордан, меняется теперь в зависимости от племени и мест...».

Одной из обособившихся областей была юго-восточная часть венедского массива, юго-восточная часть культуры полей погребений — область пальчатых фибул, область «древностей русов», сохранившая до XII в. наименование Русской земли.

[1] На всем протяжении границы «древностей русов» мы встречаем на картах XIX в. и русскую топонимику: р. Рось, Русская Поляна на правом берегу Днепра южнее Роси, затем Русский Орчик (юго-восточнее Полтавы), Русское Лозовое (севернее Харькова), Русская Буйловка на Дону. Река Оскол называлась Росью. На северной границе мы встречаем р. Русь — приток Сейма и р. Наруссу у Трубчевска, как раз там, где кончалась Русская земля. Топонимика требует более внимательного изучения, но в данном случае хочется обратить внимание на обилие «русских» названий именно на границе земли русов.

В 550-е годы, когда Иордан писал об изменении имени венетов в зависимости от зарождения новых племенных образований, в восточной части Византийской империи безымянный автор-сириец впервые упомянул имя народа Рос.

В 555 г. сочинение Захарии Ритора было дополнено географическим очерком земель и народов, расположенных на север от Кавказа: «...Базгун земля (Абхазия?) со своим языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в гуннских пределах. За воротами живут булгары со своим языком; народ языческий и варварский [у них есть города] и аланы, у них пять городов. Из пределов Даду (Дагестан) живут в горах, у них есть крепости. Ауангур-народ живущий в палатках, аугар, сабир, булгар, куртаргар, авар, хазар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, эфталит — эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием. Вглубь от них — народ амазраты и люди-псы; на запад и на север от них — амазонки... Соседний с ними народ «hrws» [рос или рус] — люди, наделенные огромными членами тела; оружия нет у них, и кони не могут их носить из-за их размеров. Дальше на восток у северных краев есть еще три черных (?) народа»[1].

Попытаемся разобраться в географических представлениях автора, впервые упомянувшего русов. Как и многие восточные географы, писавшие после него в IX и X вв., продолжатель Захарии Ритора довольно четко представлял себе население степей, эти тринадцать племен, живущие в юртах, но народы, жившие за пределами степей, приобретают у него легендарную окраску. Нам очень трудно правдоподобно разместить на карте земли амазратов (карликов?) и людей-псов. Под амазонками древние авторы часто подразумевали «женоуправляемых» сарматов и помещали их на Дону. Возможно, что в описываемое Псевдо-Захарией послегуннское время старое сармато-аланское население было частично оттеснено к северо-западному углу южнорусских степей. По археологическим данным можно говорить об оседании сарматов на южной опушке лесостепи от Северского Донца и далее на запад к нижнему Днепру. Судя по тому, что кроме тринадцати тюркоязычных племен (авары, кутургуры, хазары, болгары и др.) автор не упоминает никаких ираноязычных народов, можно думать, что ираноязычных кочевников он объединил под условным именем амазонок, живших на север и на запад от тринадцати племен, что вполне исторически достоверно для эпохи V — начала VI в. Следует отметить, что народ рос, наделенный богатырским ростом, автор не смешивает с амазонками и не ставит в родство с ними, а только говорит об их соседстве. С какой стороны народ рос примыкал к амазонкам? Юг и восток исключаются, так как текст прямо говорит о том, что соседями с этих сторон были кочевники, амазраты и люди-псы. Остается допустить, что русы были западными или северными соседями кочующих «амазонок». Народ «рос» противопоставлен кочевникам почти так же, как у Тацита венеты противопоставлены сарматам; отсутствие оружия у богатырей-русов следует понимать не дословно, а лишь по сравнению с кочевниками, живущими, по словам автора, постоянным разбоем. А. П. Дьяконов указывал, что сирийское начертание имени народа богатырей может быть прочтено с двоякой огласовкой: рос (греческое) и рус. Географически область народа

[1] Н. В. Пигулевская. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. ВДИ, 1939, № 1, стр. 114—115; А. П. Дьяконов. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах. ВДИ. 1939, № 4, стр. 84—87.

рос должна соответствовать юго-восточной окраине антских племен, где древние венеты со времен Тацита смешивались с сарматами. Здесь, в лесостепной полосе, мы находим и Русскую землю наших летописей, и культуру пальчатых фибул, которая может помочь в географическом приурочении народа рос (рус) середины VI в.

* * *

Археологические материалы V—VII вв. выделяют русов из общей массы венетско-антских племен, и выделяют главным образом по признаку общения с южными центрами.

Древности русов — это личные уборы воинов и их жен, живших на границе степи и связанных постоянными и прочными связями с боспорскими городами, с южными разноплеменными военными союзами, полем деятельности для которых были степные просторы Причерноморья, Северного Кавказа, долины Дуная, равнины Ломбардии, средней Франции и Испании. Древности русов по своему характеру очень близки к вещам предмеровингского стиля Западной Европы, что объясняется, разумеется, не готским или лангобардским происхождением приднепровских фибул и поясных наборов, а давно доказанным формированием этого стиля в Причерноморье. К берегам Понта издавна тянулись выходцы из различных славянских племен[1]. Участие славян можно предполагать и в знаменитых походах на Дунай и кавказское побережье Понта в 250-е годы[2].

Между коренной славянской землей и южными разноплеменными городами связь поддерживалась славянскими «бродниками», которые были известны уже Тациту как венеты, внедрявшиеся в сарматскую среду. Нам очень трудно уловить этих бродников по каким-либо определенным признакам материальной культуры, так как, оказавшись в степи, они утрачивали славянское своеобразие и их культура приобретала черты той общей дружинной культуры Причерноморья, которая нивелировала племенные различия. Как в XVII—XIX вв. донские казаки по своей материальной культуре резко отличались от говоривших на одном диалекте с ними орловских или курских крестьян, так русские бродники X—XIII вв. и их далекие предшественники — антские выходцы в степь должны были резко отличаться от своих сородичей, оставшихся пахать землю у себя дома. Если бы археологи стали сопоставлять саманные дома донских казаков, их характерный для степняков костюм и обилие оружия с материальной культурой крестьян бывшей Курской или Орловской губ., то, очевидно, признали бы их разными народами, хотя на диалектологической карте и те и другие отнесены к одному диалекту[3].

Сталинское положение о том, что язык не равнозначен культуре[4], должно предостеречь нас от таких поспешных противопоставлений и, кроме того, должно направить нашу мысль на поиски славян на юге не по признакам классической славянской культуры, а учитывая возможность существования бродников, составлявшую специфику пристепного положения славян.

---

[1] А. Л. Погодин. Эпиграфические следы славянства. 1902.

[2] См. ВДИ, 1948, № 4, стр. 276; см. также Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 15—16.

[3] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. Л., 1949. Диалектологическая карта восточноевропейских языков. Курско-орловский диалект на этой карте показан также и на нижнем Дону и на Северном Кавказе.

[4] См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. 1951, стр. 20.

Бродники — это не только степная вольница, окончательно порвавшая с метрополией; дружинники многих племен, вероятно, на время превращались в бродников, «рыскали по полю, ищучи себе чести», а затем возвращались к себе на родину. Так бывало в VI в. во время византийских походов антов (как об этом говорит Прокопий)[1]; так, очевидно, было и во времена более ранних походов III—V вв.

Вот с этими возвращавшимися дружинниками и следует связывать появление в Приднепровье и на Оке уже в IV в. предметов южного «сарматского» стиля. С постоянными походами русских дружинников на берега Понта и Меотиды в V—VI вв. следует связывать появление в Русской земле таких же вещей, какие изготавливались в Корчеве или Корсуни. Русские воины V—VII вв. носили такие же пышные, украшенные серебром пояса, как и все другие воины, встречавшиеся друг с другом в южных степях и совместно совершавшие походы. Русские женщины не уступали жившим «на брезе синему морю готским красным девам» в подборе украшений и щегольстве убранства плащей. Единство европейской дружинной культуры V—VII вв. является следствием того, что эти дружины снаряжались в свои далекие походы в южнорусских степях и уносили с собой единый стиль, созданный разноплеменными мастерами Боспора. Наличие этого стиля в изделиях славянских мастеров Приднепровья — свидетельство причастности русов к дружинной культуре эпохи «великого переселения». Однако русы V—VII вв. не растворились в общей массе племен и дружин этой бурной эпохи; русы выработали свой вариант этой культуры, внесли много своеобразного, местного, и в отдельных случаях где-нибудь далеко в Ломбардии, куда по историческим сведениям ходили походами анты, мы можем обнаружить отдельные вещи, характерные для древностей русов, отличив их от лангобардских[2].

Участие русов в общеантских походах VI в., а следовательно участие их в таком событии европейского значения, как победоносная борьба с Восточно-Римской империей, доказывается, помимо прочего, наличием вещевых кладов V—VIII вв. в Русской земле. Золотые и серебряные вещи, изделия со штемпелями константинопольских мастерских, христианская церковная утварь — все это оказывалось в антской, русской лесостепи в качестве трофеев победы. Народ «рос», люди-богатыри VI в., был активным творцом новой истории Европы, начавшейся с завоевания Рима и почти полного овладения «вторым Римом» — Византией.

* * *

Совпадение летописных данных о Русской земле с ареалом определенных археологических находок V—VII вв. позволило нам отождествить данную археологическую культуру с древностями русов. Но что представляют собою эти русы? Насколько монолитна их территория? Являются ли русы V—VI вв. одним племенем или группой племен? Без решения этих вопросов мы не сможем исторически осознать установленное выше археологическое единство в V—VI вв. лесостепной Русской земли.

Летописец XII в. помнил о существовании на этой территории по крайней мере четырех славянских племен: полян, руси, уличей и северян[3].

---

[1] ВДИ, 1941, № 1, стр. 241.

[2] Напр., см. Nils Åberg. Die Goten und Langobarden in Italien. Uppsala, 1923, рис. 50 и 237.

[3] Чтобы не повторять аргументации, сошлюсь на свои работы «Поляне и северяне» и главным образом «Уличи» и «Новый Суджанский клад антского времени», где дается новая попытка обосновать размещение племен.

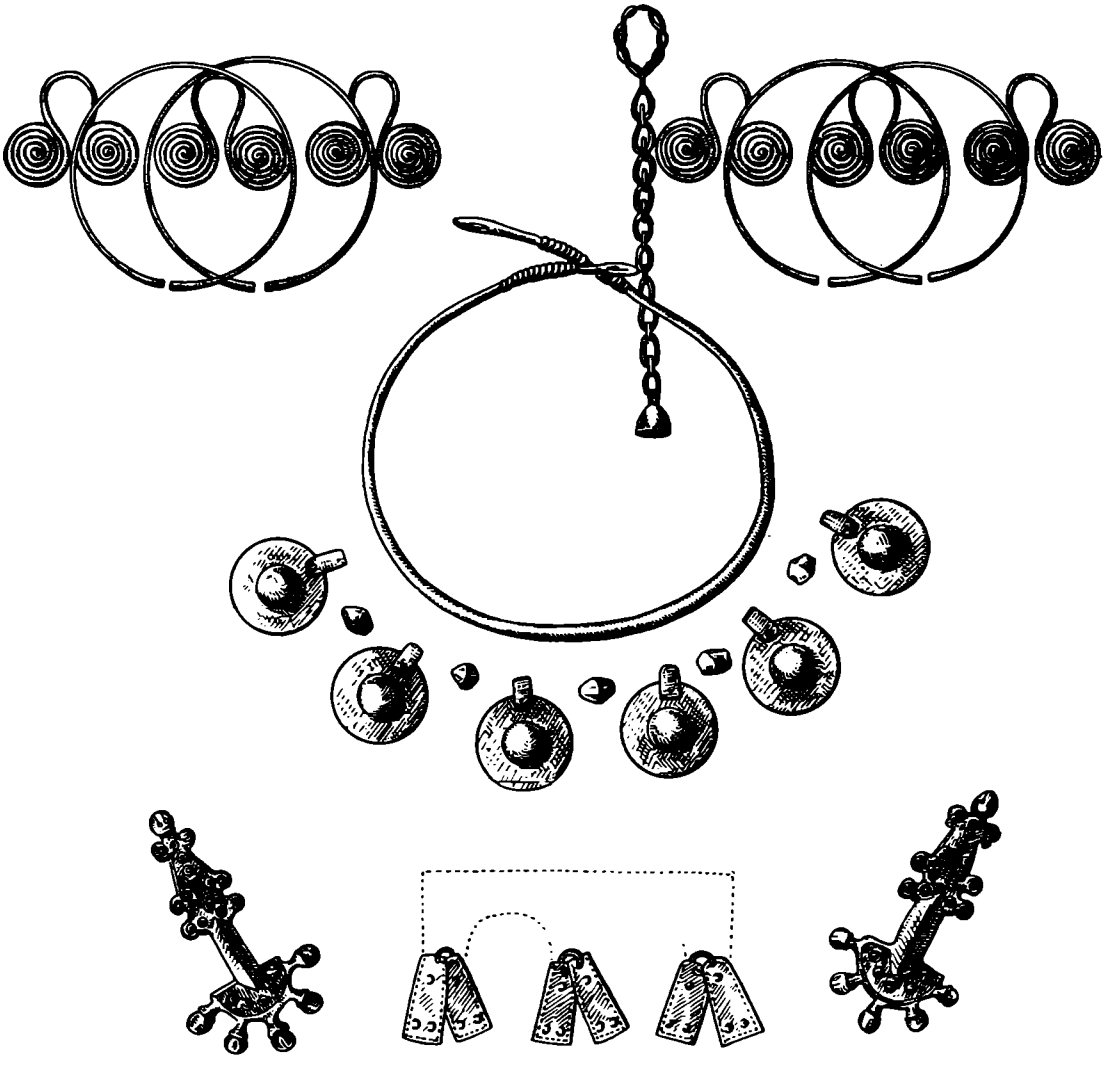


Рис. 11. Вещи VI—VII вв. из восточного (северянского) района области Руси. Клад из Суджи.

Более пристальное изучение археологического материала V—VII вв показывает, что область древностей русов, будучи единой по ряду важнейших признаков, может быть по некоторым признакам расчленена по крайней мере на два района: западный — Киево-Полтавский с центром на р. Роси и восточный — Курско-Харьковский, который можно назвать северянским. Одним из таких признаков являются височные кольца, различные в обоих районах (двуспиральные в восточном и большие односпиральные в западном). Вторым признаком могут служить зооморфные фибулы, не встреченные ни разу в восточном районе.

Начнем с рассмотрения восточного северянского района, как наиболее ясного по составу материала. Нам известно пока пять кладов с однородными вещами на территории Курской и Харьковской областей.

1. Суджанский клад 1947 г. (рис. 11). Найден в г. Судже Курской обл. Состоит из мужских и женских вещей VI—VII вв. К мужским вещам относится пояс с серебряным набором и портупеей для ношения меча. Самый меч (по словам находчика клада — «железный кинжал») не сохранен.

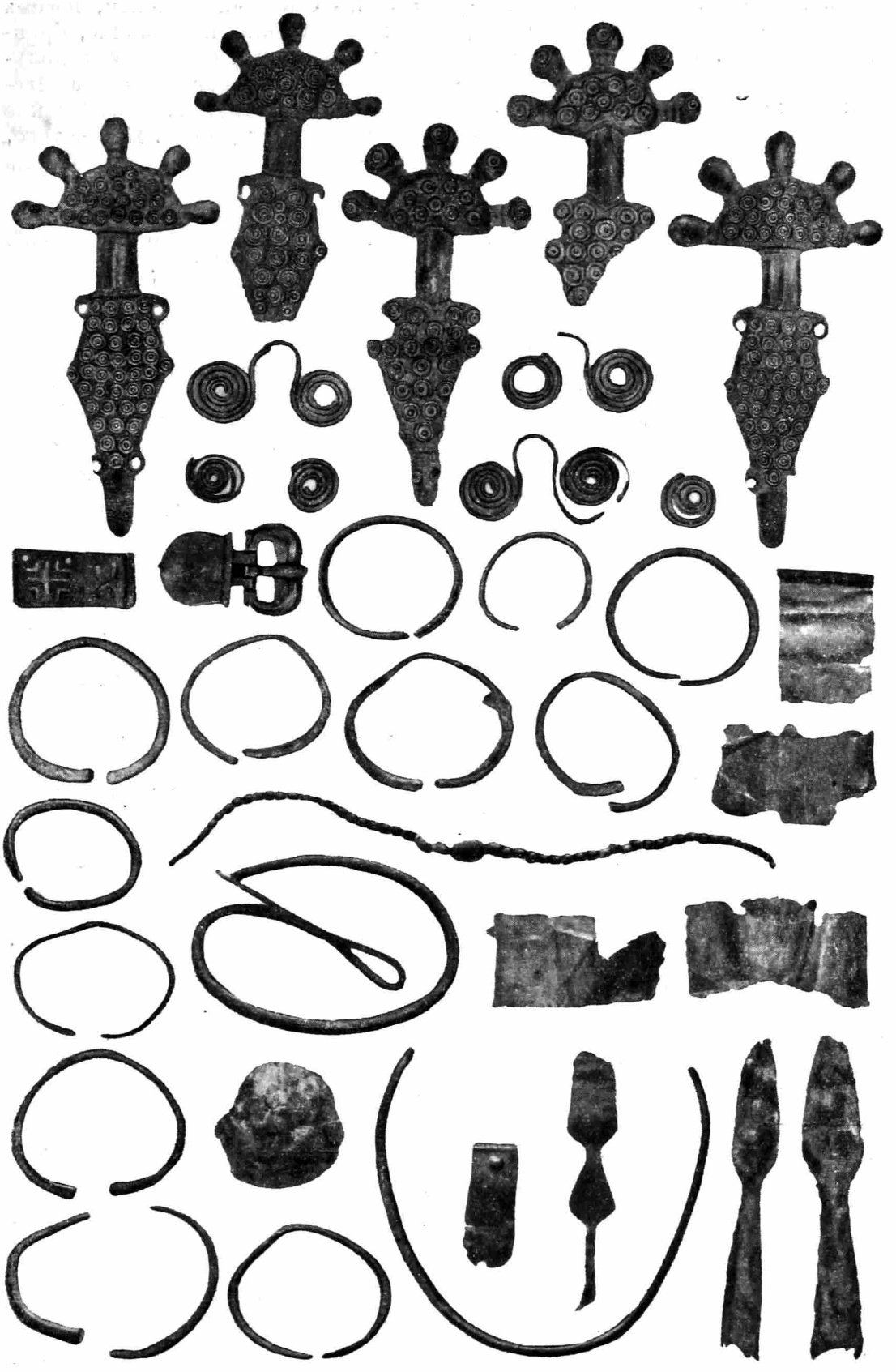


Рис. 12. Вещи VI—VII вв. из восточного (северянского) района области Руси. Клад из с. Колоскова Валуйского р-на Воронежской обл.

Женские вещи: 12 серебряных двуспиральных височных колец, восемь больших браслетообразных колец, два колокольчика на цепочке, бронзовая гривна, 12 серебряных щитовидных подвесок к ожерелью с полусферической выпуклиной в центре, бусы, три пары трапецевидных подвесок и две бронзовые пальчатые фибулы с циркульным орнаментом. Женские вещи принадлежали взрослой женщине и девочке-подростку. Кроме того, в кладе были какие-то тонкие бронзовые листы — возможно оковка щита[1].

2. Колосковский клад 1895 г. (рис. 12) был найден в крепком железном шлеме на левом берегу р. Оскол, близ дер. Колосково, около г. Валуек[2]. В состав клада входят мужские и женские вещи VI—VII вв. К мужским вещам относятся серебряная пряжка со щитком геральдической формы и прорезная серебряная бляшка, служившая для прикрытия места пришивки перпендикулярного ремня. Бляшка имеет на широкой стороне крестовидную прорезь, а на узкой — обычную для этой эпохи прорезь в виде личины (глаза, брови). Такая же прорезь, но еще более упрощенная, есть и на щитке пряжки. В кладе найдены также два железных втульчатых копья небольшого размера. Женских вещей здесь значительно больше, чем мужских, и они представляют собой разрозненные остатки многих гарнитуров. Особенно интересны серебряные двуспиральные височные кольца (два целые и пять отдельных спиралей). От суджанских они отличаются отсутствием специальных обоймочек для подвешивания. В кладе было найдено несколько десятков целых и поломанных бронзовых браслетов, круглых и уплощенных, но всегда с расширенными концами. Концы браслетов орнаментированы насечкой и глазковым орнаментом. Кроме того, в кладе уцелели пять пальчатых фибул, очень близких друг к другу по форме и размерам, но относящихся к трем разным гарнитурам. Щитки всех фибул покрыты обычными концентрическими кругами[3].

3. Село Петровское Харьковской обл. западнее Богодухова. Найдена круглая подвеска с концентрическими кругами и двуспиральное височное кольцо такого типа, как в Судже и Колоскове (архив А. А. Спицына[4]).

4. Козиевский клад найден в с. Козиевке Богодуховского района Харьковской обл., расположенном между средним течением Ворсклы и верховьями Северского Донца[5]. Клад состоит из мужских и женских вещей. Женские вещи очень близки к суджанским, а мужские вещи обоих кладов различны. Мужские вещи представлены здесь поясными бляшками с острыми, загибающимися, как когти, орнаментальными отрогами и прорезями. Есть антропоморфные бляшки, где человеческое лицо (сильно стилизованное) благодаря двум отрогам внизу как бы обросло бакенбардами. Всего поясных бляшек было 20[6]. Портупейная застежка с костыльком, завершенным двумя кругами, так же имеет острые отроги, что придает своеобразие вещам этого редкого стиля. Зародыши подобных отрогов мы видим на вещах из клада в Хацках близ Смелы, но там они едва лишь намечены,

---

[1] Б. А. Рыбаков. Новый Суджанский клад антского времени. КСИИМК XXVII, 1949.

[2] См. ОАК, 1895, стр. 55; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологическом исследовании в Харьковской и Воронежской губ. в 1905 г., Колосково. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 150—151; Коллекции ГИМ.

[3] Одна из фибул этой пары издана мною. См. «Ремесло древней Руси». М., 1948, стр. 78, рис. 8.

[4] Архив ИИМК, ф. 5, д. 334.

[5] Там же. — Клад найден до 1927 г. и упомянут А. А. Спицыным в статье о древностях антов.

[6] Аналогичная бляшка, очень близкая к козиевской, найдена в Черкасах, на правобережье Днепра.

а здесь они резко бросаются в глаза, выделяя эти вещи из ряда близких по месту и времени. В кладе есть еще пряжка с прорезным щитком и антропоморфный наконечник пояса с удлиненным изображением лица, доведенным до предельной степени стилизации. Подобные наконечники поясов часто встречаются на юге, но заходят и далеко на север (Хотимль близ Шуи и курганы Приладожья). Мужской комплекс в этом кладе несколько более поздний, чем в суджанском, и его нужно датировать VII в. Женские вещи состоят из нескольких фибул (в том числе пальчатых), двуспиральных височных колец колосковско-суджанского типа, колокольчика, совершенно аналогичного суджанскому, и двух браслетов с утолщающимися концами, орнаментированными насечкой и глазками. В кладе была медная капторга с петлей для подвешивания, украшенная пятью выпуклинами (по углам и в центре) и точечным орнаментом того типа, который часто встречается на трапецевидных подвесках. В Козиевском кладе, как и в Суджанском, найдено шесть попарно скрепленных трапецевидных подвесок. Но если в Суджанском кладе они найдены порознь (три пары), то здесь все три пары прикреплены к тонкой пластинчатой основе в виде повернутой буквы Е.

5. Ново-Одесский клад (рис. 13). Новая Одесса расположена рядом с Козиевкой[1]. Клад также состоит из мужских и женских вещей. Из мужских уцелели три наконечника пояса VI—VII вв. Женские вещи очень близки к суджанским: два целых двуспиральных височных кольца из круглой бронзовой проволоки; шесть фрагментов таких же колец; два обломка, возможно от таких же колец, но с дополнительной обмоткой из тонкой проволоки; десять бронзовых проволочных браслетов различных форм; бронзовая цепочка, каждое звено которой состоит из трех витков проволоки (53 звена); три фрагмента шейной бронзовой гривны из толстой проволоки; концы гривны загнуты и украшены косой насечкой, средняя часть гривны также украшена косой насечкой; проволочная бронзовая дужка и один обломок такой же дужки; восемь бронзовых трубочек-пронизок; одна целая треугольная подвеска и один обломок такой же подвески, прикрепленные к обрывку бронзовой цепочки; четыре круглые бронзовые подвески с выпуклиной в центре и с ушком (часть из них — фрагменты) совершенно аналогичны суджанским; одна круглая бронзовая подвеска с обломанным ушком; два полушарообразных бубенчика с отверстием в вершине, один из них с орнаментом; один бубенчик с ушком и с обрывком цепочки[2].

Почти обязательное для всех кладов сочетание оружия, мужских вещей и женских украшений снова заставляет нас вернуться к вопросу о погребениях — не являются ли все эти «клады» остатками погребений и именно парных погребений воина с женой?

Как сообщает Псевдо-Маврикий (конец VI в.), «скромность их (антских) женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь»[3]. Как мы знаем из

---

[1] Клад хранится в Харьковском историческом музее. Приношу свою благодарность харьковскому археологу Б. А. Шрамко за любезно присланные фотографии и описание клада.

[2] Кроме этих пяти кладов с характерными двуспиральными височными кольцами, в восточной части земли русов много других находок этой же эпохи. Пальчатые фибулы (Смородино, Богодухов, Углы близ Старого Оскола, Сыроватка Сумского р-на, с. Буды Ахтырского р-на), капторги (Богодухов) и поясные бляшки и наконечники (Моква близ Курска) и др.

[3] Псевдо-Маврикий. Стратегикон. ВДИ, 1940, № 1, стр. 253.

позднейших материалов (археологических и письменных), парные погребения характерны для богатых и знатных русов. Наличие оружия и серебряных вещей в перечисленных кладах VI—VII вв. не противоречит этому, а, наоборот, подтверждает мысль о погребениях, так как в кладах, спрятанных в землю в минуту опасности, не должно быть и не бывает ни мужских вещей, ни оружия[1].

Датировка курско-харьковских кладов не представляет затруднений, так как многие вещи из них аналогичны точно датированным комплексам Суук-Су и Чми с монетами Юстиниана (527—565 гг.) и Хосрова I (531—579 гг.).

Для определения племенной принадлежности необходимо обратить внимание на височные кольца, являющиеся надежным этнографическим признаком. Двуспиральные височные кольца VI—VII вв. чрезвычайно близки односпиральным височным кольцам из северянских курганов XI—XII вв. Близкими являются не только височные кольца, но и весь женский головной убор. На карте ареалы височных колец VI—VII вв. и колец XI—XII вв. налегают друг на друга (рис. 15).

Северянские клады (погребения в столпах?) располагаются юго-восточнее, в верховьях Северского Донца и его притоков, доходя на юге до самой границы степи, а северянские курганы располагаются несколько северо-западнее, тянут к Новгороду Северскому и Севску, расположенным уже в лесной зоне. Делать выводы из географического размещения ареалов преждевременно, так как различие может объясняться неполнотой наших знаний в обоих случаях.

Промежуточным звеном между двуспиральными кольцами VI в. и спиральными кольцами из курганов XI—XII вв. может служить интересный клад, найденный в Полтаве в 1905 г. (рис. 14). В составе клада 10 серебряных спиральных височных колец курганного типа, два радимичских семилучевых кольца, восемь серебряных браслетов архаичного типа с расширенными концами и серебряная гривна ромбического сечения с петлей и ножевидными концами. Дата клада (судя по гривне) — IX век[2]. Полтавский клад несомненно старше всех северянских курганов и может быть сопоставлен с такими комплексами IX в., как Ивахники и Пастерское городище (с тонкими пластинчатыми фибулами). Следовательно, переход от двуспиральных колец к односпиральным (что совершенно не сказывалось на внешнем облике убора) совершился между VII и IX вв.

Историю лесостепных северян мы можем углубить до VI—VII вв. Здесь, на границе со степью, перед нами уже вырисовываются предки отважных курян, «сведомых къметей, под шеломы възлелеяных, конец копья въскормленых». Северяне в V — VI вв., в эпоху сложения единой археологической культуры между Днепром и Доном, входили в состав Русской земли, составляя ее восточную половину, и в этом смысле северяне должны быть причислены к воинственному народу рос[3]. Очевидно,

[1] В некоторых случаях перед нами бесспорные погребения (Балаклея, Буды), но иногда характер находки говорит в пользу клада. Так, в Колоскове вещи были уложены в шлем; в с. Углы близ Старого Оскола две пальчатые фибулы (с глазчатым орнаментом), шесть пряжек и три поясных наконечника были уложены в глиняную кубышку.

[2] Н. Макаренко. Материалы по археологии Полтавской губернии. «Тр. Полтавской учен. арх. комиссии», V. Полтава, 1908.

[3] На трех границах Северской земли (кроме западной, где они соприкасались с русами же) можно найти следы русской топонимики: на юге — с. Русский Орчик при впадении р. Орчик в Орель; Русские Тишки, Русское Лозовое на север от Харькова; р. Рось — правый приток Сейма; Русский брод на с.-з. от Ливен.

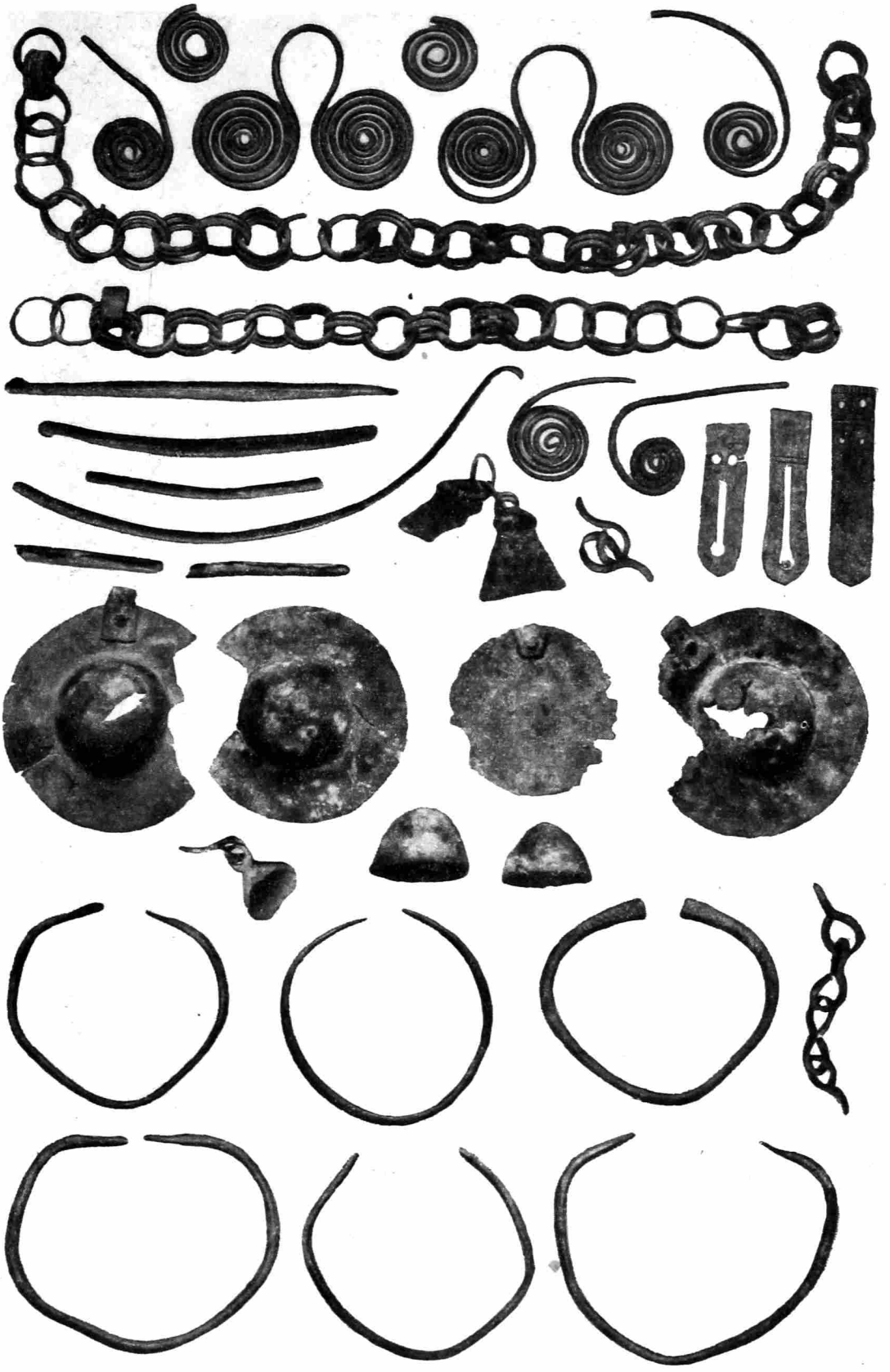


Рис. 13. Вещи VI—VII вв. из восточного (северянского) района области Руси. Клад из с. Новая Одесса Богодуховского р-на Харьковской обл.

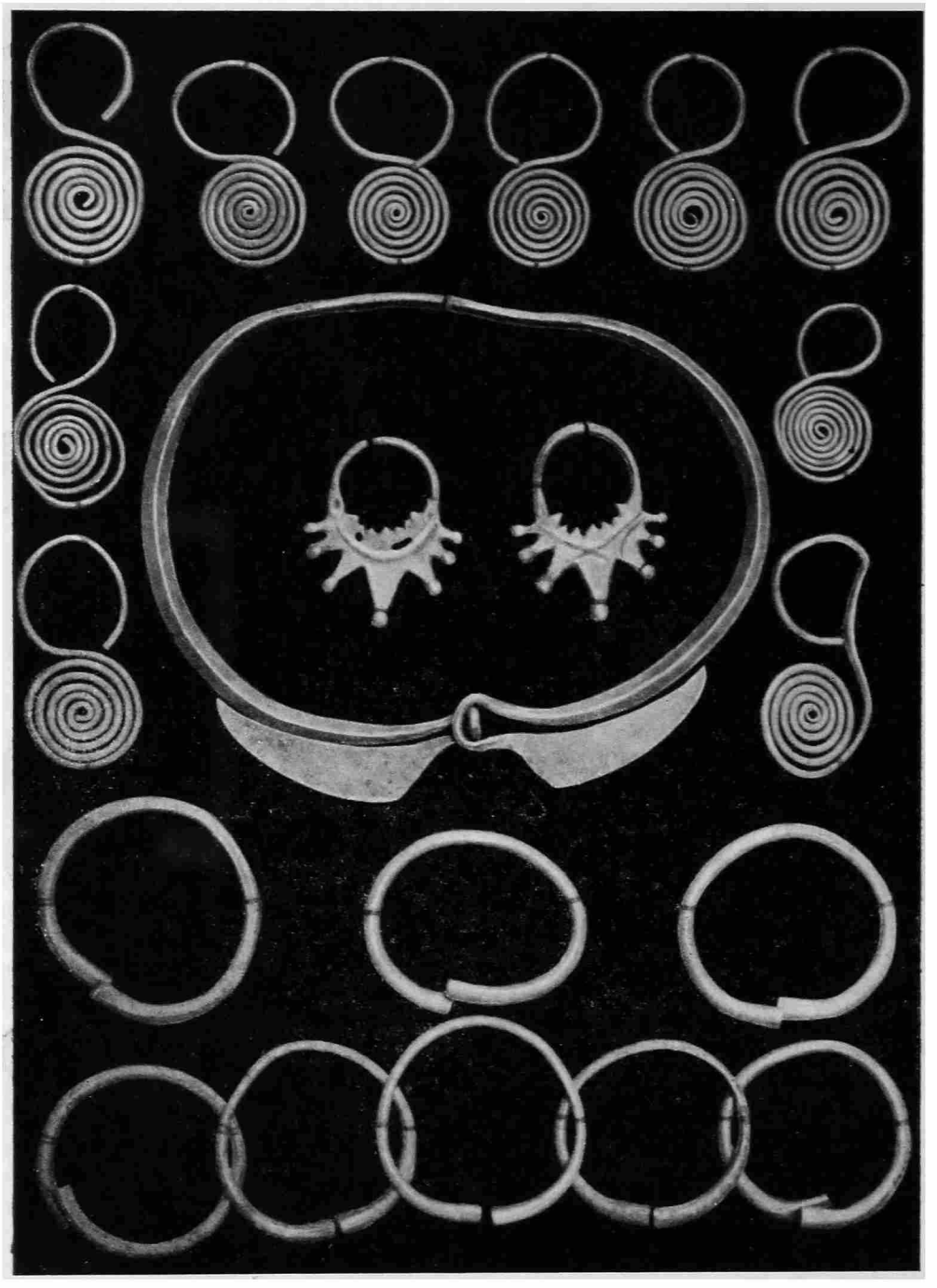


Рис 14. Северянские вещи IX—X вв. Клад из г. Полтавы.

не случайно арабский географ Идриси (1154 г.) назвал Северский Донец «рекой Русией». Сложение Северского племенного союза можно относить к значительной древности: имя северян (правильнее сѣверъ) звучит в «саварах» Птолемея.

Север — савары — одно из славянских племен внутри области полей погребений, и в этом смысле их можно называть антами. В составе антских дружин северяне принимали участие в походах на Причерноморье и

Византию. Из состава северян выделялись «бродники», оказавшиеся на юге в таком значительном количестве, что их и там, далеко от своей родины, называли в VI в. северянами. В VI—VII вв. северские бродники жили в низовьях Дуная, откуда их в 689 г. Аспарух переселил южнее Том и Преславы. Часть северян была переселена вверх по Дунаю к Видину-Бдыну[1].

Следует отметить, что именно в районе доаспаруховского поселения дунайских северян позднейшая традиция указывала русские города. «А се имена градем всем русским, далним и ближним: на Дунае Видицов..., Мдин..., об ону страну Дуная Тръновъ, а по Дунаю Дрествин, Дичин, Килиа, на устье Дуная Новое Село, Акомятря, на море Карна, Каварна...»[2]. Северские воины, которым были пути ведомы, яругы знаемы, у которых и луци напряжены и тулы отворены, уже в V—VI вв. скакали во поле, ищучи себе чести, а князьям славы. Памятниками победоносных походов русов-северян на берега Понта и Византию являются монетные клады и богатые захоронения IV—V вв. с керченскими и константинопольскими вещами. В с. Рублевке, в 40 км от группы северянских кладов (Козиевка, Петровское, Новая Одесса), был найден клад монет конца IV и первой половины V в. Зарыт он был не ранее 450 г. (в нем находились монеты имп. Феодосия II, 408—450 гг.)[3]. В самом отдаленном углу Северской земли, наиболее удаленной от степей, между Курском и верховьями Псла, было найдено в разное время три исключительно богатых погребения северско-русских князей начала V в. Сохранившиеся остатки инвентаря позволяют судить о пышности погребений. Одно из погребений было найдено в 1849 г. близ Обояни. Из него уцелели стеклянная чаша с изображением танцующей менады, золотая гривна боспорской работы и золотые нашивные бляшки от одежды. Дата вещей — рубеж IV и V вв. Два других погребения с золотыми и серебряными вещами начала V в. были найдены в 1918 и 1927 гг. среди крутых яруг верховьев р. Суджи, у дер. Большой Каменец, неподалеку от суджанского клада 1947 г. с двуспиральными височными кольцами[4].

Погребение, найденное в 1918 г., содержало костяк в глубокой, узкой могиле и следующие вещи (рис. 6, *1—2*): 1) серебряный кувшин с чеканными и позолоченными фигурами девяти муз, на дне — штемпель константинопольской мастерской; 2) серебряный фалар с четырьмя маскаронами; 3) бронзовое ведро; 4) золотые нашивные бляшки. Находчики клада упоминают несохранившиеся: золотую гривну, два золотых браслета, перстень и стеклянную посуду. Дата всех вещей — конец IV — начало V в. Судя по находке фалара, погребение принадлежало мужчине. Владелец всех этих вещей—очевидно племенной князь северян, вроде позднейшего древлянского Мала или вятического Ходоты.

Второе погребение (1927 г.) содержало только золотые вещи: гривну с цветной инкрустацией, два плетеных браслета со змеиными головами

---

[1] См. Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. Карта № 5 на стр. 95 дает схему передвижений северян.

[2] ПСРЛ, т. VII, стр. 240.

[3] И. И. Толстой. Клад византийских и римских монет IV и V вв. ЗРАО, т. V, 1892, стр. 409—410; В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4.

[4] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.—Л., 1934. Не могу согласиться с автором, который на протяжении всей книги пытается подвести читателя к выводу, что здесь похоронен готский вождь. «Мы можем рассматривать первое суджанское захоронение именно как могилу племенного князя гото-гуннского времени, reiks'а одного из племен, живших в лесостепной полосе Северного Причерноморья после распадения готского племенного союза так назыв. царства Эрманариха» (стр. 100). Далее следуют рассуждения о семантике «готского» искусства, обильно уснащенные марристскими упражнениями (напр. стр. 103, 116).

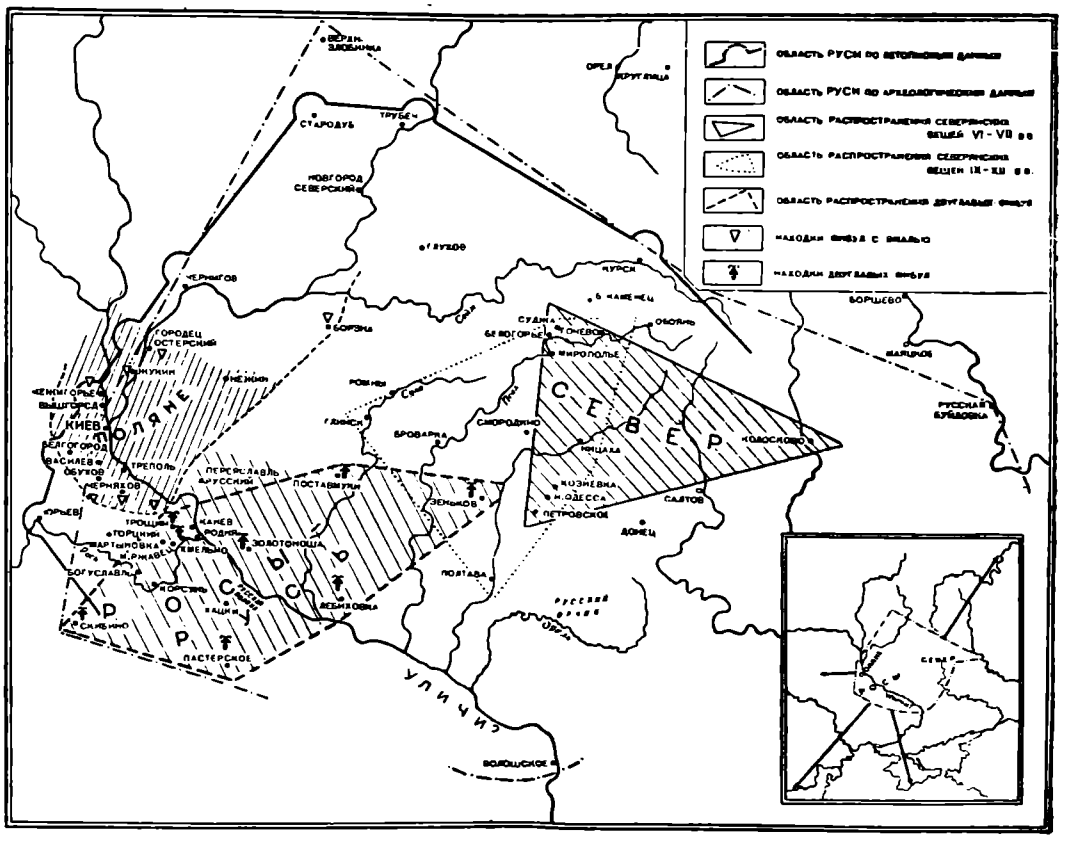


Рис. 15. Археологическая карта Русской земли VI—VII вв.

и длинную золотую же цепь (250 см) с кольцом. Дата вещей та же—рубеж IV и V вв.

Говоря об этих трех княжеских погребениях близ Курска, нельзя не вспомнить об упоминавшемся выше погребении близ Орла (с мечом и позолоченными фибулами), которое могло принадлежать местному князьку соседнего племени, так же как и северские русы втянутого в далекие походы к берегам Понта. Орловское погребение в дер. Круглице, так же как обоянское и суджанское, находится в самой глубине лесостепной полосы, на границе с лесной зоной. Севернее Орла нет уже ни одного погребения, ни одной случайной находки с такими богатыми золотыми вещами, свидетельствующими о походах к морю.

Курск, верховья Северского Донца и его притоков, Орел — вот восточная часть Русской земли V—VII вв., отмеченная интенсивной исторической жизнью, усиленным выделением рядовых воинов, погребенных с серебряными вещами местной и иноземной работы, и богатых князей, владевших золотыми сокровищами, полученными во время походов на юг. Установление в V в. значительного единства между Северской землей и Средним Приднепровьем явилось, очевидно, результатом создания мощного племенного союза лесостепных племен под главенством руси (рис. 15). Будучи расположен на границе степей, этот союз сыграл двоякую роль в жизни составивших его племен: с одной стороны, он сдерживал натиск степных кочевников и в этом отношении оправдал себя — во всей лесостепной полосе нет археологических следов ни гуннов, ни авар, ни хазар, а с другой стороны — он позволил русским племенам, в том числе и северянам, активнее участвовать в событиях мировой истории, ареной которых

были Причерноморье и Балканский полуостров, где было хорошо известно имя северян. Кроме того, северские русы, вероятно, принимали участие в общерусском движении — вдоль лесостепной полосы на северо-восток к славянским и мордовско-муромским племенам средней и нижней Оки, где позднее возникли русские города Рязань и Муром, именно в тех местах, куда в V—VII вв. проникали киевско-северские русы, о чем мы можем судить по фибулам (Борковский и Подболотьевский могильники) и по появлению здесь в V в. отдельных случаев трупосожжений. По сравнению со своими северными лесными соседями, жившими в бассейнах Десны, средней Оки, Угры, северские русы IV—VII вв. были несравненно более передовыми. Северские русы, «сведомые къмети — куряне» имели богатую и яркую историю на протяжении целого тысячелетия — от IV до середины XIII в. Судьбам Северской земли, как части всей Русской земли (в широком смысле слова), посвящена такая непревзойденная поэма, как «Слово о полку Игореве».

И. В. Сталин в своем гениальном произведении «Марксизм и вопросы языкознания» с исключительной ясностью определил историческое значение Курско-Орловского сектора славянства, как колыбели русского языка. «Диалекты местные («территориальные»), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская «речь») русского языка, который лёг в основу русского национального языка»[1].

В приднепровской, западной части области древностей русов большинство находок группируется в двух районах: во-первых, в низовьях Роси и Россавы и, во-вторых, в бассейне Тясмина. В обоих случаях это — лесистые острова среди обширных полян. Одна из них, тянущаяся на 70 км между Тясмином и Днепром, носит характерное название Русской Поляны. В обоих случаях древности русов совпадают географически как со скифскими курганами, так и с полями погребений. Как поля погребений, так и древности русов одинаково обрываются на юге на границе лесостепи, не выходя в чистую ковыльную степь. В тясминском районе особый интерес представляет знаменитое Пастерское (Галущинское) городище, где найдены все типы фибул и других вещей с III до IX в. Наибольшее количество фибул Приднепровья происходит именно из Пастерского городища (рис. 9,*4*—*7*). Не ставя себе задачей описание всех древностей интересующей нас эпохи, остановлюсь на некоторых комплексах, имеющих «ключевое» значение.

В 30 км севернее Пастерского городища, около самой Русской Поляны, близ с. Хацки (в 10 км к северу от Смелы), в 1893 г. был найден клад интересных вещей VI в.[2] Сильно разрозненный клад включал в себя несколько комплектов мужских и женских вещей, завернутых в шелковую ткань. Женскими вещами являются четыре серебряных браслета и 12 трапецевидных подвесок. Это, очевидно, два комплекта, так как подвески носили по шесть штук на одной основе (Козиевка, клад Кантемира). Есть еще в кладе две янтарные подвески, трубочки-пронизки и огромная раковина с кольцом для подвешивания. Мужские вещи можно распределить на три комплекта богатых поясных наборов. Комплект должен

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 43—44.

[2] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 3. СПб., 1901, стр. 147—148, табл. XIX. Клад хранится в Киевском историческом музее. Ссылки на рисунки далее даются в тексте с пометкой Бобр.

состоять из одной пряжки, четырех соединенных блях, которые скрывали места сшивки перпендикулярных висячих ремней, портупеи, маленьких бляшек, нашивавшихся на пояс, двух наконечников свободно висящих ремней, двух портупейных застежек и двух наконечников для портупейных ремней с петлями. Ни одного комплекта полностью в кладе не сохранилось, но явно ощущается наличие трех групп, отличающихся стилистическими чертами. Один пояс был убран серебряными бляшками с зернью и позолотой (Бобр., рис. 1, 5, 6), другой состоял из большой серебряной пряжки, четырех соединительных портупейных блях с прорезным рисунком (Бобр., рис. 7, 8), двух портупейных застежек (Бобр., рис. 3) и двух фигурных наконечников (Бобр., рис. 9); ремень был украшен небольшими бляшками со схематичным изображением глаз и бровей. Кроме того, висячие ремни этого пояса были украшены ложными пряжками с приклепанными наглухо язычками. Пояс предназначался для ношения меча, о чем свидетельствует Т-образные портупейные застежки, находимые иногда непосредственно на мечах[1]. Третий пояс представлен одной пряжкой и двумя бляшками с мелкой прорезью (Бобр., рис. 11, 12, 13). Особый интерес представляют три группы поясных наконечников с четко вырезанными тамгами. Сохранились две пары одинаковых наконечников с одинаковым рисунком и один наконечник с особым рисунком; пары к нему нет [2] (рис. 25, *16 — 18*; Бобр., рис. 23, 24). Два одинаковых небольших серебряных наконечника с одинаковым рисунком тамги, прочерченным вглубь. Тамга в форме двузубца с отогнутыми во-вне зубьями и расщепленным нижним концом вертикального стержня (рис. 25,*8—11*; Бобр., не опубликованы). Обломки двух длинных наконечников с прорезью на одной стороне и двумя тамгами на другой. Верхняя тамга того же рисунка, что и на № *16—17*. Нижняя тамга ухватообразного рисунка сохранилась частично (рис. 25, *13*; Бобр., рис. 22). Наконечник пояса средней величины с одной тамгой иного рисунка; двузубец обращен раструбом вниз [3].

Хацковский клад относится к VI в. Может быть несколько более поздними (VI—VII вв.) являются бляшки с позолоченной зернью[4].

Если Хацковский клад дает нам яркие образцы вещей мужчины-воина, то для получения представления о женских вещах того же времени нам нужно ознакомиться с кладом из с. Малого Ржавца, Каневского района Киевской обл., на р. Россаве (рис. 16). Клад найден в 1889 г. Малый Ржавец расположен между Каневом и речкой Россавой в районе, густо насыщенном скифскими курганами (Яблунов, Синява и др.) и памятниками полей погребений[5]. В XV в. на месте Малого

---

[1] Например, Борисовский могильник, погребение № 30; В. В. Сахарев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, 1914, рис. 17.

[2] Все публикуемые мною рисунки тамг даны по зарисовкам в Киевском историческом музее. У Бобринского на табл. XIV знаки почти не видны, а на стр. 148 (рис. 79) помещено неверное изображение знака. Его ошибка была повторена мною в статье «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси» (СА, VI, 1940, стр. 234, рис. 16) и С. П. Толстовым в статье «Из предистории Руси» (СЭ, VI—VII, 1947, стр. 48, табл. II).

[3] К этим знакам нам придется вернуться после рассмотрения Мартыновского клада.

[4] Рядом с Хацками в с. Залевки в 1876 г. был найден другой интереснейший клад золотых вещей — височных колец, гривен, браслетов и городчатых украшений головного убора. Датировать его можно тоже VI в.

[5] В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 93. Клад хранится в Киевском историческом музее. При распахивании курганов близ с. Малого Ржавца были найдены три миски ромашковского типа (Материалы для археологической карты, собранные С. В. Коршенко, № 115. Архив Киевск. истор. музея). В Малом Ржавце были найдены два браслета филигранной работы. ЗРАО, т. II, вып. 1, нов. сер., 1886, стр. LXXIV.

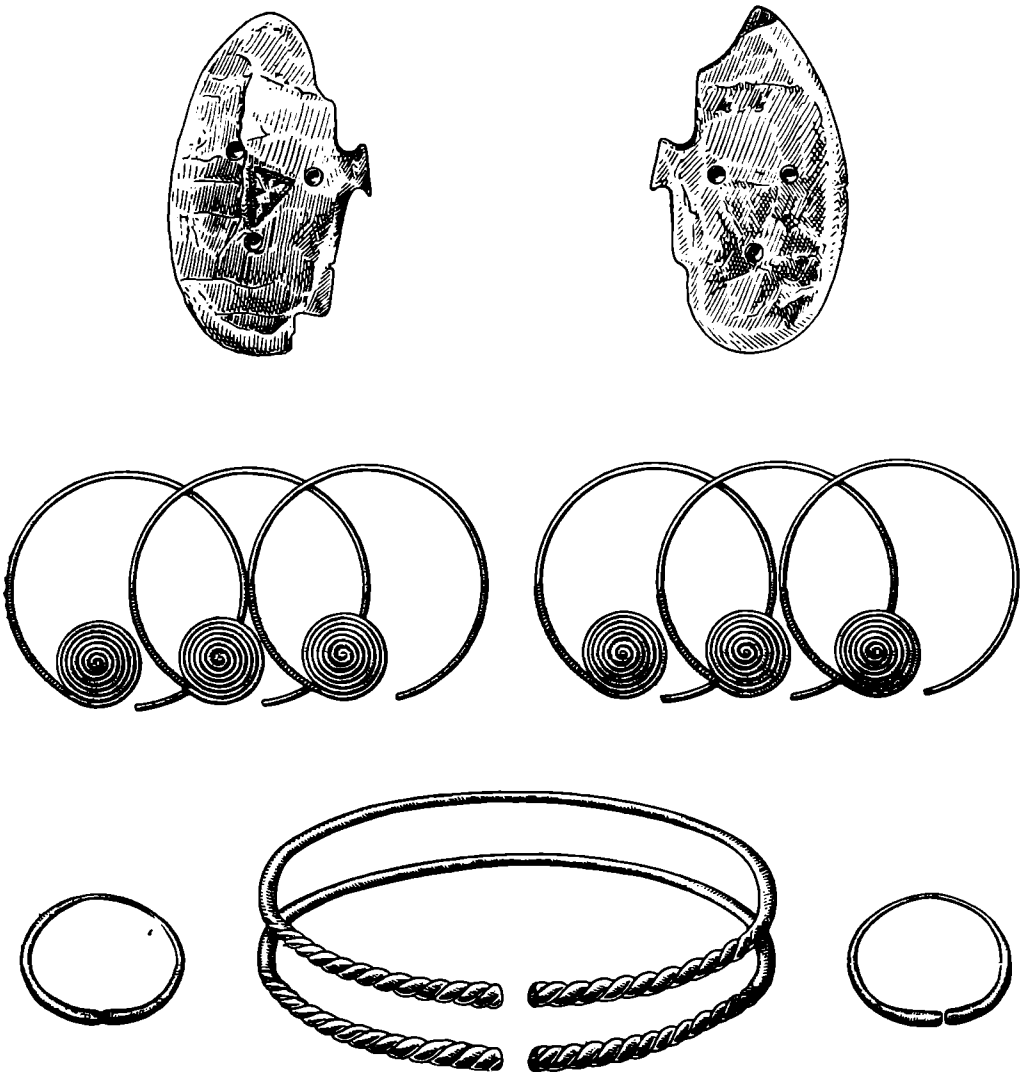


Рис. 16. Женские украшения из бассейна р. Роси VI в. Малый Ржавец Каневского р-на Киевской обл.

Ржавца упоминается городище Повствин[1]. Клад состоит только из женских украшений, чрезвычайно близких к Мартыновскому кладу, найденному в 5 км от Малого Ржавца. В кладе найдены: два серебряных браслета, круглых в сечении с утолщающимися концами; две бронзовые гривны; шесть больших серебряных височных колец со спиральным завитком внутри (завиток состоит из 8—9 витков проволоки; первые два витка дают круг в поперечном сечении, а во внутренних витках проволока прокована так, что дает в сечении ромб; эти внутренние витки позолочены); два тонких серебряных «наушника», представляющих собой фасолевидные пластины, предназначенные для ношения на левой и на правой стороне, по краям пластинки окаймлены

[1] П. Г. Клепатский. Очерки по истории Киевской земли. Т. I, стр. 400. В 1455 г. Олелько Владимирович пожаловал Казин и Повствин — «два городисца в поли на Россаве».

полоской позолоты в 1 см шириной; в средней части их расположены треугольники из золотой зерни. Возможно, что эти наушники являлись частью женского головного убора, подражавшего шлему с подвесными наушниками (или нащечниками) сходной формы. Служить для настоящего шлема они не могли, так как очень тонки и непрочны.

Самым важным из кладов Поросья является Мартыновский клад, который может служить ключом ко многим загадкам и неясностям. В 1909 г. в с. Мартыновке Каневского района Киевской обл., где уже неоднократно находили вещи разных эпох, был найден интереснейший клад серебряных вещей VI в., один из наиболее важных кладов этой эпохи. Клад хранится сейчас в Киевском Государственном историческом музее за инвентарным № 17251[1].

Село Мартыновка расположено недалеко от слияния Роси с Россавой, в 10 км на юго-запад от Канева и в 5 км от Малого Ржавца. И в самой Мартыновке и в окрестностях есть скифские курганы, памятники эпохи полей погребений и средневековые русские XII в. Клад состоит из посуды, мужских вещей и женских украшений и уникальных серебряных фигурок коней и людей.

Подробное рассмотрение состава клада начнем с мужских вещей, представленных здесь, как и в ряде других кладов, поясными наборами. Серебряные поясные наборы Мартыновского клада можно условно разделить на три группы, различающиеся по форме и стилю.

Первая группа:

1. Наконечник широкого пояса (рис. 17, *25*) в форме геральдического щита с двумя круглыми вырезами по сторонам и двумя треугольными вырезами по длинной оси. Края наконечника скошены. Подобный наконечник есть в Чми (Самоквасов, № 2436) и в кладе в Хацках.

2. Широкий щитообразный наконечник пояса с широкой лопатовидной прорезью посредине (рис. 17, *26*).

3. Бляшка, служащая для прикрытия места сшивки двух ремней. Она состоит из двух прямоугольников разной величины. Больший прямоугольник (обычно с более длинными штифтами) позволяет определить ширину пояса и толщину двух сшитых вместе ремней. Меньший, нижний прямоугольник определяет ширину ремня, опускающегося вниз от пояса, а длина штифтов определяет толщину этого ремня. Верхний, больший щиток здесь украшен характерным прорезным орнаментом из двух обращенных в разные стороны прорезей в форме цифры 3 (рис. 17, *22*). Подобные бляшки есть в кладе из Хацков и в Колосковском кладе.

---

[1] Из находок этой же эпохи интересно обнаруженное близ Мартыновки погребение с пальчатой фибулой на костяке. В Мартыновке обнаружены селища эпохи полей погребений. Клад 1909 г. разрознен. Часть его хранится в Британском музее (см. N. Fettich. Der Schildbuckel von Herpály. «Acta Archaeologica», т. I, вып. 3. Kobenhavn, 1930, стр. 256, рис. 20). В Киеве хранится вся основная масса вещей этого клада. Феттих, несмотря на запрещение дирекции Музея, зарисовал часть клада, бывшую тогда в экспозиции, и опубликовал свои карандашные зарисовки в венгерском издании, связав их совершенно неосновательно с аварами (см. N. Fettich. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. «Archaeologia Hungarica», XXI. Budapest, 1937, табл. CXXI—CXXIV). Феттиху остались неизвестны характерные женские украшения Мартыновского клада, прочно связывающие его с Приднепровьем.

Часть фотографий мартыновских вещей была любезно прислана мне покойным С. В. Коршенко и опубликована (см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 82, рис. 10).

Несколько упоминаний о византийских вещах VI в. в составе Мартыновского клада есть в статье Л. А. Мацулевича «Византийский антик в Прикамье» (МИА, вып. 1, 1940, стр. 139—140, рис. 2 и табл. V, *2*).

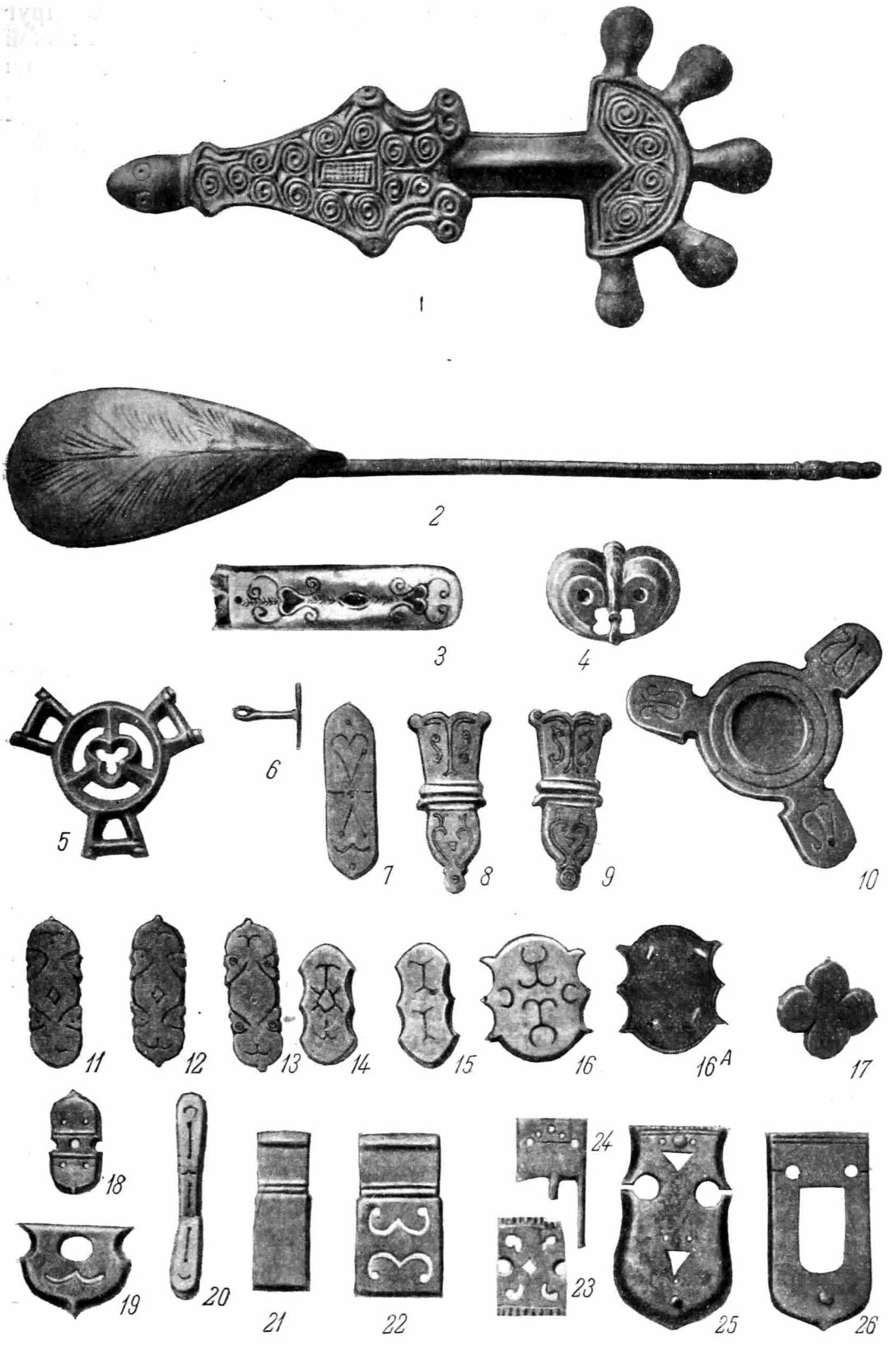


Рис. 17. Мартыновский клад.
1—фибула; *2*—ложка; *3—26*—поясные наборы

4. Двущитная бляшка, имеющая форму двух щитов, повернутых друг к другу прямыми срезами; щитки соединены более узкой перемычкой с небольшим отверстием посредине. На щитках тоже есть по две дырочки (рис. 17, *18*). Очень близкие бляшки известны из Чми (Самоквасов, № 2462). Отличие их состоит в том, что отверстие на перемычке значительно шире. Судя по сохранившимся остаткам пояса, эти бляшки в Чми прикреплялись к ремню в месте, свободном от всяких сшивок.

5. Щитовидная поясная бляшка приплюснутого контура с большой круглой прорезью и с двумя дугами в виде цифры 3. Края скошены (рис. 17, *19*).

6. Прямоугольная бляшка с двумя полукруглыми вырезами на длинных сторонах и прорезным узором из ромба и четырех «колбочек» по углам (рис. 17, *23*).

7. Пряжка поясная (щиток утерян) массивная, с прямоугольным вырезом близ оси язычка и двумя круглыми небольшими отверстиями орнаментального значения. Судя по стертости краев выреза, пряжка была долго в употреблении. Подобные пряжки распространены очень широко. Как ближайшую (территориально) аналогию можно указать все тот же Хацковский клад (рис. 17, *4*).

Вся эта группа поясных бляшек, наконечников и пряжек приобщает Мартыновский клад к широкому кругу дружинных поясных наборов VI в., известных нам по могильникам Северного Кавказа (Чми), по склепам Суук-Су, по многочисленным кладам лесостепной полосы и по кладам Балканского полуострова и Центральной Европы. Дата их определяется монетами VI в.

Вторая группа. К этой группе отнесены наконечники поясных висячих ремней, одновременные первой группе, но отличающиеся индивидуальными чертами и имеющие не так много аналогий. Пять наконечников ремней имеют вид футляров, закрывающих ремень со всех сторон[1] (рис. 20, *2*):

8. Короткий, широкий лопатообразный наконечник, скреплявшийся с ремнем посредством одного штифта. В верхней части проходит горизонтальная черта, пересекая отверстие для штифта. Верхний край орнаментирован тремя парными насечками. На нижней поверхности щитка, занимая почти все пространство, расположен знак-тамга, представляющий собой вертикальный стержень с широким, как бы сердцевидным развилком наверху и с расщепленным и закрученным в стороны нижним концом. Тамга нанесена двойным контуром умелой, уверенной рукой. К основной схеме добавлены дополнительные отроги и завитки, придающие знаку орнаментальность, но не заслоняющие основной схемы.

9. Наконечник, очень близкий к предыдущему, но более узкий и длинный. Тамга здесь такая же, но ввиду большей длины стержня здесь добавлены по сторонам стержня усложняющие орнаментальные завитки. Несколько тщательнее разделана верхняя часть наконечника.

10. Наконечник такой же длины, как и № 8, но по своим пропорциям ближе к № 9. Тамга здесь того же рисунка, но верхний развилок награвирован не так пышно, как на № 8 и 9.

11. Наконечник по размерам сходный с № 12, но с тамгой иного рисунка, сделанной, как и на всех предыдущих, двойным контуром. Тамга представляет собой двузубец, концы зубьев которого закручены в стороны; нижняя часть такая же, как и на предыдущей тамге.

12. Наконечник такого же типа, как предыдущие, но у́же всех и

[1] В дальнейшем описании нумерация идет сплошная для всего клада.

длиннее всех. Обе тамги, известные нам по №8—10 и 11, представлены одновременно на этом наконечнике. Тамги вырезаны достаточно аккуратно, но только одной линией, а не двумя. Наверху помещена тамга № 11 и над раструбом ее двузубца помещен небольшой значок в виде буквы О с острыми концами. В нижней части помещена тамга № 8—10 раструбом вниз. Обе тамги даны лаконично, без всяких орнаментальных завитков.

13—14. Два совершенно одинаковых поясных наконечника (?), стоящие по стилю несколько особняком от остальных вещей. Может быть, их следовало бы выделить в особую группу, но я включаю их сюда потому, что они несут на себе такой же, несколько затейливый орнамент, какой мы видим на № 8—11. Основным отличием является сложный силуэт этих наконечников и большая массивность. Корпус наконечника разделен на две половины рельефным карнизиком. Верхняя половина представляет собой сильно стилизованную звериную морду (львиную?). Уши рельефно выдаются на углах, длинный нос делит все верхнее поле пополам и переходит в брови. Глаза показаны кружком с точкой в центре (сделаны двурогим циркульком). От глаз вниз идут S-образные завитки. В нижней половине награвирован сердцевидный узор, напоминающий широко распространенную схему плодоносящего священного дерева; в центре помещен треугольник, который обычно в изображениях древа символизирует плод. Если это так, то на каждом наконечнике мы видим два обычных для Востока символа: лев и древо, сила и жизнеспособность или плодородие. Оба символа часто встречаются совместно. На мартыновских вещах они изображены неумело. Мастер плохо представлял себе льва и еще хуже передал стилизованное «древо жизни» (рис. 17, *8*, *9*).

15. К этой же группе должна быть отнесена бляшка, близкая по назначению к № 4, украшенная двумя звериными мордами, по манере исполнения похожими на морды № 13—14. Только здесь мастер хотел изобразить не льва, а какое-то другое животное — уши острее, нос значительно меньше, морда слегка заостренная. В этом звере можно признать барса (рис. 17, *11*).

Данная группа мужских вещей интересна наличием знаков-тамг, восточным характером узора и наличием таких сюжетов, как лев, священное древо и барс, не встречавшихся в прикладном искусстве более ранней эпохи. Но следует отметить, что эти вещи, по всей вероятности, изготовлены на месте, и восточные элементы нужно рассматривать лишь как доказательство знакомства с прикладным искусством сассанидского круга.

Третья группа. В эту группу выделены вещи более грубого изготовления, чем предыдущие, и как бы подражающие им:

16. Небольшой наконечник пояса типа № 11, но только намного короче и несколько проще по изготовлению. На нем нанесен узор, придающий всей бляшке вид личины.

17—18. Две бляшки, близкие по назначению и по размеру к № 4 и 15. Узкие концы их представляют отрезки эллипса, а на широких сторонах есть по два дуговидных выреза. На поверхности бляшек грубо и неумело вырезаны знаки (по два на каждом), напоминающие тамги, но едва ли на самом деле являющиеся таковыми. На одной из бляшек «тамги» очень просты, обе одинаковы и представляют симметрично расположенные стержни с угольчатыми развилками. На другой бляшке «тамги» расположены также одна над другой, но здесь они замысловатей и явно стремятся передать облик тамг № 8—11 с их дополнительными завитками (рис. 17, *14*, *15*).

19. Наконечник пояса. Узкий, слегка расширяющийся книзу, с грубоватой прорезью (рис. 17, *20*).

20. Бляшка типа № 4, 15, 17, 18, но с совершенно ровными, без всяких вырезов, краями. В центре ее небольшое отверстие. Украшена грубым гравированным изображением двух предельно стилизованных личин (рис. 17, *7*).

21. Бляшка овальной формы с тремя отрогами на длинных сторонах. На гладкой поверхности изображены две одинаковые тамги типа № 8—10. Своими отрогами эта бляшка напоминает Козиевский клад, но там отроги еще рельефнее (рис. 17, *16*, *16*[А]).

22. Наконечник пояса, близкий к № 9, но более грубой работы. Узор образован тремя прорезями: в середине в форме буквы О, а по сторонам в виде сердец, обращенных остриями к центру. Вокруг прорезей, как бы подражая № 9 и пышному обрамлению тамги, все пространство щитка заполнено грубым гравированным узором, представляющим неумелое воспроизведение «древа жизни». Сердцевидные прорези помещены на месте среднего плода. Кроме того, мастер дал дополнительный рисунок дерева — простую «елочку», проходящую через обе схемы «древа». Подобный орнамент встречен, например, на ножах нескрибовских древностей VIII в. Этот дополнительный «елочный» орнамент нужно рассматривать как своего рода глоссы, перевод международной схемы на более понятный язык (рис. 17, *3*).

23—24. Два массивных литых наконечника поясов прямоугольной формы с толстым валиком на конце (рис. 17, *21*).

25. Обломок прорезного наконечника пояса с двумя широкими параллельными прорезями вдоль корпуса и пятью дырочками в верхней части. Восстановить общий облик нельзя (рис. 17, *24*).

К поясным наборам, описанным выше, близки и некоторые другие вещи, обычно встречающиеся вместе с ними. К их числу относятся, например, тройные соединительные скрепы для ремней, по всей вероятности от конского убора (рис. 17, *5*, *10*).

26. Скрепа для соединения трех расходящихся в разные стороны ремней. Основой вещи является колесо, ободок которого имеет ромбическое поперечное сечение. От ободка вовне идут три прямоугольные петли, отстоящие на равные расстояния друг от друга. Петли имеют вид стремян. Они служили для прикрепления ремней. Внутрь ободка отходят три радиуса (того же сечения), которые упираются в расположенную в середине фигуру в форме трилистника.

27. Скрепа для трех ремней. Центральная часть ее представляет собой круглую коробочку, в верхней крышке которой прорезано круглое же отверстие меньшего диаметра. В три стороны от нее отходят лопатообразные выступы для прикрепления ремней, украшенные грубоватыми знаками в виде трезубца, у которого боковые зубцы загнуты в стороны, средний расщеплен надвое. Знак этот, возможно, является тамгой. Он очень близок к знаку на перстне из Святоозерского клада близ Чернигова.

28—29. Две «запонки» с гладким диском и узкой длинной петлей внизу. Могли служить пуговицами (рис. 17, *6*).

30—31. Две бляшки круглые с рубчатым ободком по краю. Полные аналогии этим бляшкам и «запонкам» № 28—29 есть в Чми (Самоквасов, № 2625). В этом же комплексе есть и другие вещи, сходные с мартыновскими (например, № 2626).

32. Последней вещью, возможно связанной с мужским комплексом, является своеобразной формы обойма со вкладышем в нее из тонкой пластинки. Обойма отчасти напоминает по форме налучье. Длина ее 7 см. Подобная обойма, но с дополнениями по сторонам, известна из клада

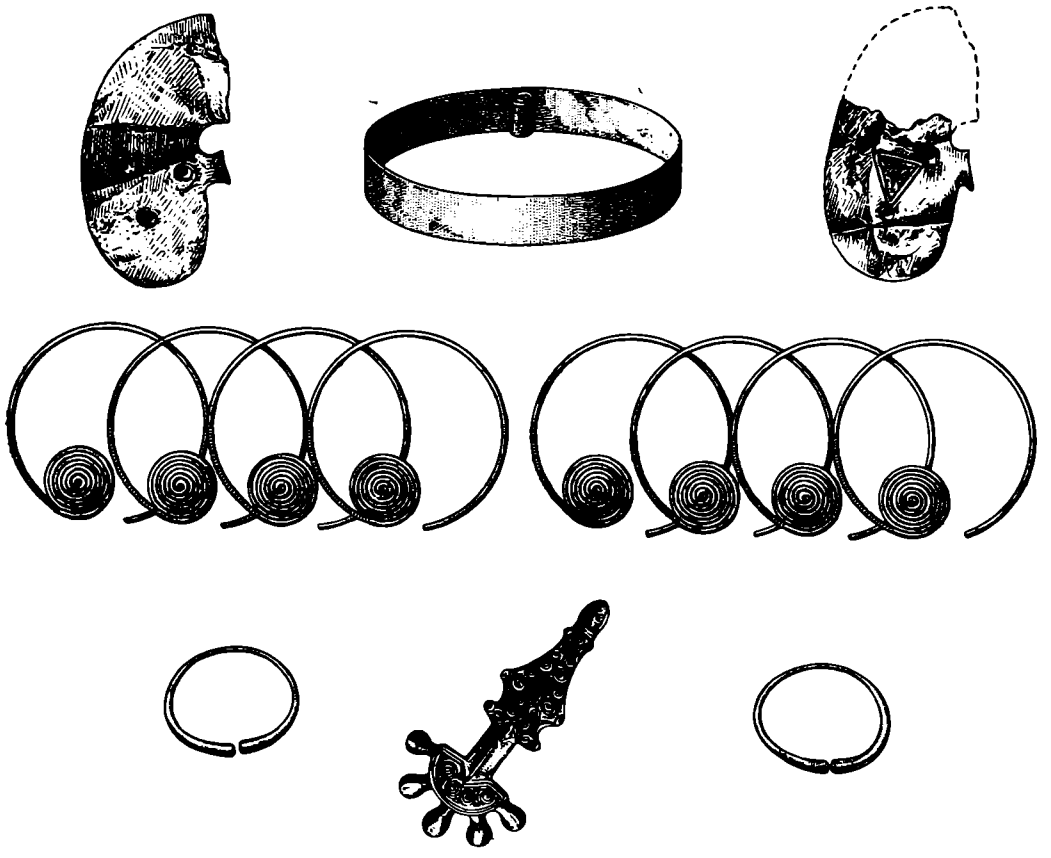


Рис. 18. Женские украшения из бассейна р. Роси. Мартыновка Каневского р-на Киевской обл.

в Мадараше (средний Дунай)[1]. Пластинка-вкладыш полностью повторяет очертания обоймы и имеет два отверстия, соответствующие отверстиям в обойме. Внутреннее пространство обоймы во много раз превышает толщину вкладыша, так что если представить его вложенным внутрь, то должен будет оставаться зазор в несколько миллиметров. Боковые плоскости обоймы прорезные, так что вкладыш частично виден с обеих сторон. Определить назначение этих странных вещей я не могу, но следует обратить внимание на то, что это не единичная находка. Кроме клада из Мадараш, где найдена обойма, мы встречаем вкладные пластинки в могильнике Чми (№ 2440 и 2441) и в Перещепинском кладе. В Чми они украшены в середине золотой накладкой с зернью, которая должна была просвечивать в прорези обоймы (но обойма там не сохранилась). Перещепинская пластинка вся золотая и украшена зернью.

Перехожу к описанию женских вещей Мартыновского клада, которые представляют значительный интерес (рис. 18). В торопливую публикацию Феттиха они попали далеко не полностью, очевидно потому, что явно противоречили его попыткам связать этот клад с аварскими древностями.

33. Головной венчик. Узкая серебряная пластинка длиной около 30 см с завитком на одном конце. В кладе есть еще кусок такой же серебряной ленты с прокованным в проволоку концом. Возможно, что это тоже часть венчика. Головные пластинчатые гладкие венчики широко

[1] Н. Мавродинов. Праболгарската художествена инд., стр. 165, рис. 210.

распространены как среди древностей русов, так и в более позднее время, в XI—XII вв.

34. Тонкая серебряная пластинка длиною в 14 см, которая по форме очень напоминает человеческое ухо, и воспроизводящие форму уха наушники (нащечники) шлемов. Судя по трем отверстиям для пришивания, это — наушник для правого уха. В нижней части его есть три выпуклины, образующие треугольник, обращенный острием вниз[1].

35. Тонкая серебряная пластинка — наушник от другого гарнитура. По краю идет широкая полоса позолоты. Орнаментальный треугольник образован треугольной пластинкой с золотой зернью и гнездом для цветного камня. Пластинка напаяна между тремя выпуклинами острием вниз и обведена каймой позолоты. Этот наушник также предназначен для правого уха, как и № 34. Кроме того, он значительно пышнее украшен; несомненно, что оба наушника происходят из разных комплектов. Данный наушник совершенно тождественен наушникам Мало-Ржавецкого клада. Так как Мало-Ржавецкий клад состоит исключительно из женских вещей, мы можем твердо считать наушники принадлежностью женского головного убора (рис. 16). Наушники, сделанные из жесткого материала, богато украшенные бисером и жемчугом, хорошо известны по русским этнографическим материалам из самых разных мест. Есть они в кокошниках калужских, брянских, рязанских; есть они и на Севере. Близ Каргополя сохранилась форма узорчатых «ушей» кокошника, очень близкая к мартыновским (рис. 19) и малоржавецким серебряным наушникам[2] (рис. 16). Вполне возможно, что многие формы этнографических русских головных уборов восходят к древним шлемам, как и восточная «тахья». В ряде мест русские женщины носили бисерные сетки, как бы воспроизводящие кольчужные бармицы шлемов. Этот обычай мы можем проследить вглубь до XI—XII вв. (клад из Старой Рязани, фрески Софийского собора в Новгороде)[3]. «Уши» на женских головных уборах мы находим и на глиняных фигурках из Киева[4]. Наличие такого элемента головного убора, как «уши», в русских этнографических материалах XIX—XX вв. и в древностях русов VI в. очень важно для исторического истолкования кладов.

36—43. Восемь больших серебряных височных колец диаметром в 12 см. Кольца изготовлены из толстой серебряной проволоки, закрученной на одном конце в спираль, обращенную вовнутрь. Два кольца дошли до нас в раскрученном виде; общая длина проволоки — около 70 см. Самое кольцо и два витка спирали сделаны из круглой в сечении проволоки,

---

[1] Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. «Тр. Отд. истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа», т. I. Л., 1941, стр. 148, рис. 17; стр. 151, рис. 18; стр. 152.

[2] Г. С. Маслова. Старинная одежда и гончарное производство Каргопольщины. КСИЭ, VI, 1949, стр. 6, 7, рис. 3. Кокошник из дер. Гренево. На «ушах» имеется по три жемчужины в той части, где на древнерусских наушниках помещены выпуклины и зернь.

[3] Шлемовидные «сороки», чрезвычайно близкие к русским шлемам X—XIII вв. (например, к знаменитому шлему Ярослава Всеволодича), известны в Верхнем Поволжье, где они заимствованы карелами у русских. См. Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951. Табл. XXXIII и XXXIV.

[4] Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Вып. V. Киев, 1902, табл. XXXVIII. Л. А. Динцесом доказана глубокая архаичность этих головных уборов, восходящих, по его мнению, к скифской эпохе. Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка. М., 1936, стр. 41—43, табл. III, средний рисунок в нижнем ряду и табл. IV, верхний левый рисунок. На двух фигурках из коллекции Ханенко, происходящих из Киева, хорошо виден расширяющийся кверху головной убор и наушники. Их никак нельзя счесть за упрощенное изображение волос, так как они идут и поверх головного убора, будучи как бы наложены, нашиты на край головного убора.

а остальные семь витков спирали — из проволоки ромбического сечения. На расстоянии 10 см от спирали височное кольцо обмотано тонкой проволокой[1]. По своему общему виду височные кольца Мартыновского клада можно условно назвать браслетообразными. Но они крупнее позднейших кривичских и отличаются от них наличием спирали. Размеры височных колец, вероятно, связаны с наличием наушников в древнерусских кокошниках.

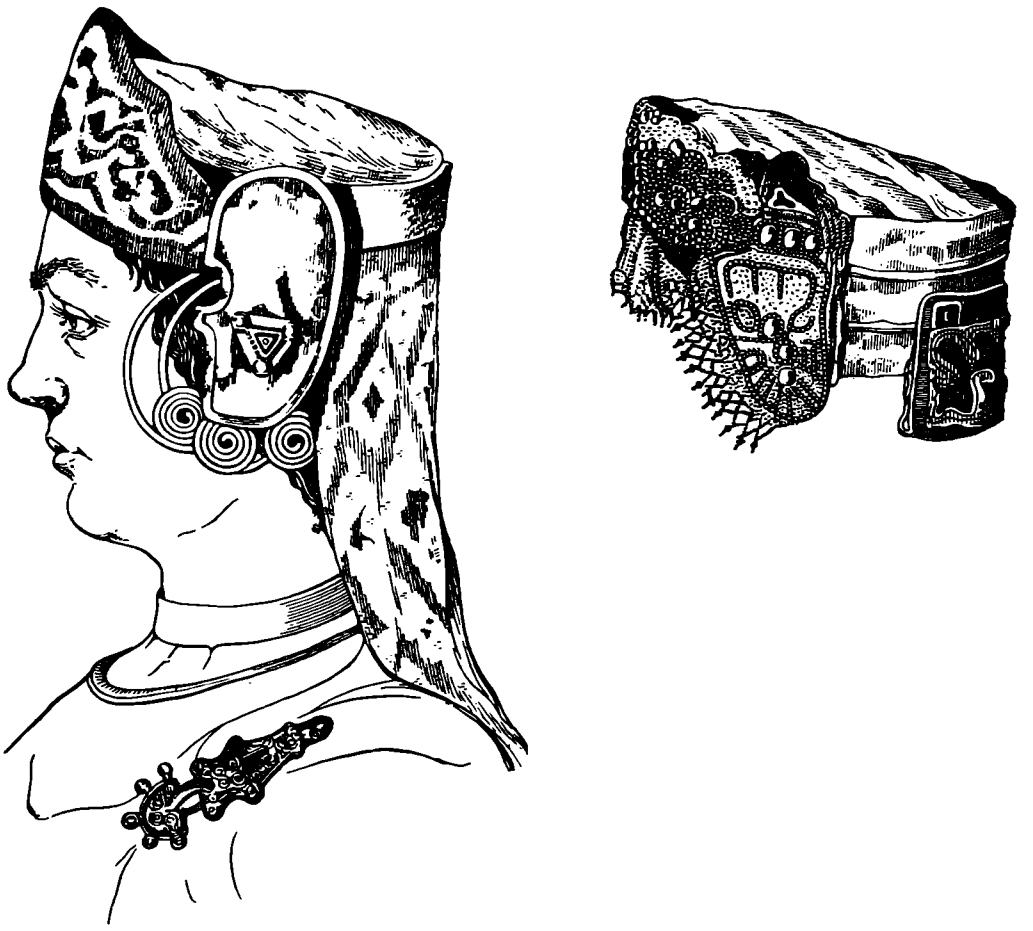


Рис. 19. Реконструкция головного убора из Мартыновского клада и русский кокошник XIX в. из Каргополя.

Маленькие кольца были бы скрыты «ушами». Совершенно аналогичные височные кольца найдены в Малом Ржавце. Отличие их состоит только в том, что средние семь витков, имеющие ромбическое сечение, позолочены.

44—45. Два массивных серебряных браслета с расширенными концами. Сечение везде круглое. Такая же пара есть и в кладе из Малого Ржавца.

---

[1] Такие крупные односпиральные височные кольца известны, кроме Мартыновки и Малого Ржавца, еще в следующих местах: Княжья Гора на устье Роси и Сахновка (или Девичь-Гора), тоже на Роси, в 20 км от устья. См. L. Niederle. Slovanské Starožitnosti, т. I, вып. IV. Praha, 1924, стр. 261, 264, табл. XIX, *2*. И Княжья Гора и Девичь-Гора были крупнейшими русскими городищами X—XIII вв.

46. Фибула пальчатая из белой бронзы с позолоченными щитками; длина — 17 см, ширина — 8 см. Эта фибула интересна тем, что она по своей форме и деталям орнамента стоит между тщательно сделанными боспорскими экземплярами V в. и более грубыми изделиями приднепровских мастеров VI—VII вв. (рис. 17, *1*). Фибула изготовлена способом литья по восковой модели. В отличие от более поздних приднепровских фибул, мартыновская фибула выполнена более тщательной техникой, близкой к технике керченских изделий. Орнамент вырезан на воске острым орудием. Прямые линии очень чистые и ровные, спирали выкружены очень старательно острием, отточенным до тонкости карандаша. Основу орнамента здесь составляла выпуклая рельефная линия (иногда зачищенная до острой грани). Концентрические круги, столь излюбленные на более грубых фибулах, здесь применены только в тех случаях, когда обозначалось место камня на боковых выступах. Имитация камня простым кружком на металле отличает мартыновскую фибулу от боспорских, а тонкая техника орнаментации и позолота щитков свидетельствуют все же о том, что мастеру, делавшему фибулу, хорошо были известны и образцы, и технические приемы боспорских литейщиков. Очень близкие к мартыновской известны фибулы из с. Смородина и из Подболотьевского могильника (погр. № 220). Техника изготовления их также очень близка. Более упрощенными являются фибулы из Суджанского клада и из Суук-Су[1]. Те же самые элементы орнамента—спирали, птичьи головы и решетка—постепенно упрощались и исполнялись более примитивным приемом: вместо кропотливого выцарапывания спиралей на восковой модели мастер предпочитал наносить циркулем простые концентрические круги. Это, несомненно, следующий этап, и фибулы Суджанского клада нужно признать близкими к мартыновской, но несколько более поздними. Техника резьбы по воску (а не вычерчивания кружков) была известна в Приднепровье и в V в., судя, например, по бронзовой фибуле из Княжьей Горы, которая воспроизводит несколько более ранний, чем мартыновская[2], керченский образец. Княжья Гора расположена недалеко от Мартыновки, и поэтому связи Россаво-Росского района с Причерноморьем, сказавшиеся уже в воспроизведении здесь, на Днепре, южных образцов, мы должны отнести к V — началу VI в.

Последний раздел Мартыновского клада составляют вещи, или не связанные ни с мужским, ни с женским инвентарем, или же такие, определить принадлежность которых очень трудно.

47. Серебряная мисочка византийской работы с клеймами VI в. Мисочка небольшая, очень простая, без всякого орнамента. Дно мисочки с клеймами воспроизведено в статье Л. А. Мацулевича[3].

48. Фрагмент серебряного византийского блюда с гравированным узором[4]. Подобное блюдо найдено на Урале с вещами VII в.

49. Ложка серебряная византийской работы с рельефными украшениями на конце; длина — 20 см.

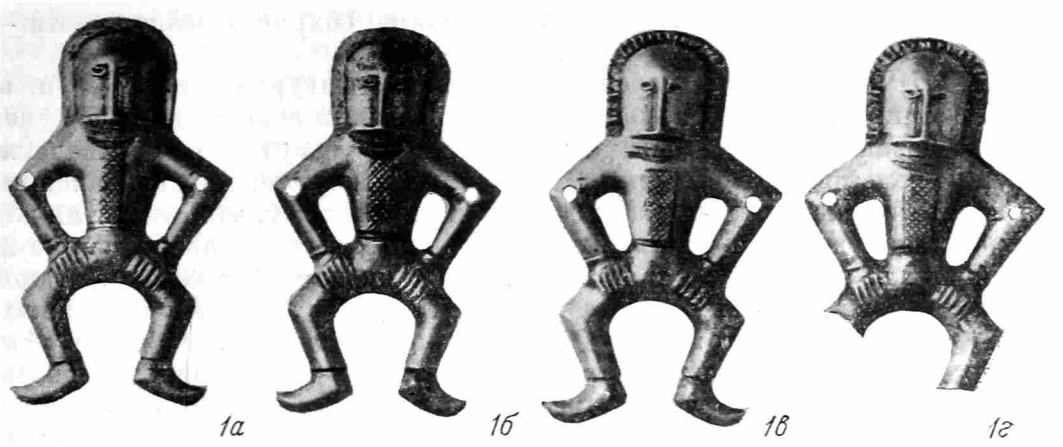
50. Большие серебряные щипцы наподобие каминных. Место сгиба проковано, как на «овечьих» ножницах, и украшено точечным орнаментом. На расстоянии 10 см от сгиба прутья щипцов гладкие, а далее книзу они орнаментированы разносторонней ковкой, придающей чешуйчатый вид

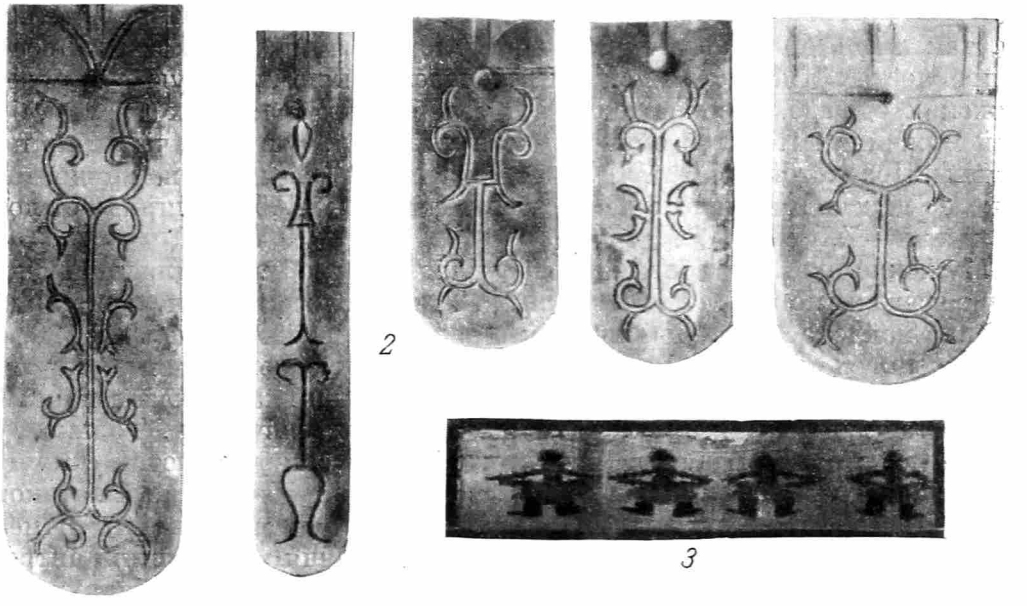
[1] См. Б. А. Рыбаков. Новый Суджанский клад...

[2] Коллекции Черниговского исторического музея. Данную фибулу интересно сравнить, например, с фибулой из Керчи V в.

[3] Л. А. Мацулевич. Византийский антик в Прикамье. МИА, вып. 1, 1940, табл. II, *2*.

[4] Там же, Ук. соч., рис. 2.





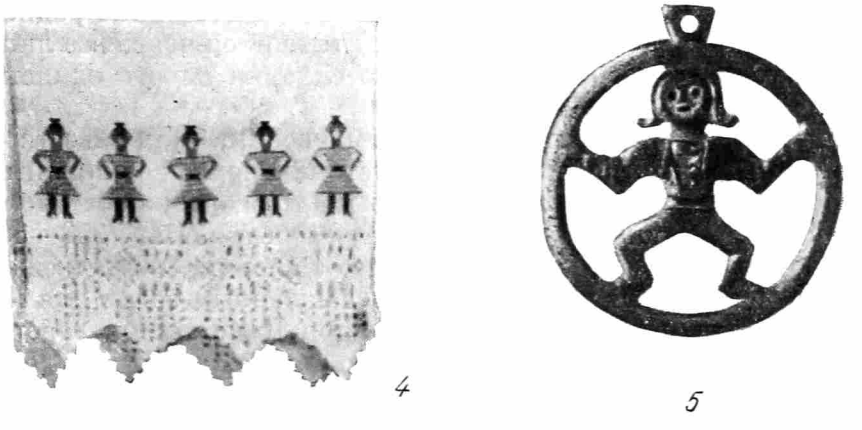


Рис. 20. Мартыновский клад:

1а, б, в, г— серебряные мужские фигурки; *2* — наконечники ремней с тамгами; *3* — вышивка на полотенце (Болгария); *4*— вышивка на полотенце (Брянская обл.); *5*— подвеска V—VII вв.— Чигиринский р-н Киевской обл.

серебряному пруту. Концы обломаны; длина сохранившейся части — 43 см. Назначение щипцов неясно.

51—54. Четыре литые серебряные мужские фигурки (рис. 20, *1а*, *б*, *в*, *г*). Все они одинаковы, за исключением разделки волос: у двух фигурок волосы обозначены радиальными черточками, а у двух — не обозначены. Фигурки рельефные, а с оборотной стороны вогнутые, предназначенные для набивания на какую-либо плоскость. Судя по тому, что отверстия для прикрепления довольно больших размеров и их всего по два, фигурки не пришивались, а именно прибивались. Мужчины изображены в такой позе: ноги разведены в стороны и согнуты в коленях; руки лежат на ляжках. Лицо сделано грубовато: прямой, очень длинный нос переходит в усы. Рот сделан очень широким, глаза малы. Одеты в рубаху с широкой вышитой вставкой посредине груди; рубаха подпоясана. Длинные узкие порты доходят до щиколоток, заставляя вспомнить описание древних антов византийцами. Вышитые рубахи того типа, что представлен на мартыновских фигурках, широко бытуют до настоящего времени как в районе Мартыновки, так и повсеместно у украинцев, белоруссов и южных великороссов. В древностях Киевской Руси мы встречаем такую широкую вышивку на мужских одеждах, изображенных на серебряных браслетах (гусляр, бегущий мужчина). Пояс обозначен двумя линиями. Фигурки частично позолочены. Позолотой покрыты волосы, часть лица, вышивка на груди, пояс, руки по локоть и ноги по колено. Высота фигурок—7,5 см, ширина от локтя до локтя — 4,5 см.

Мужские схематизированные фигурки очень обычны для этой эпохи. Чаще всего их помещали внутри круга. Такая подвеска с человечком в круге была найдена А. А. Бобринским в б. Чигиринском уезде (рис. 20, *5*)[1]. Лицо человека сделано несколько лучше. Показаны длинные, почти до плеч, кудри. На груди обозначена широкая вышивка, показан пояс. Ноги расставлены так же, как и на мартыновских фигурках. Только руки не уперты в бока, а расставлены в стороны и соприкасаются с кругом. Ряд аналогий можно указать на Северном Кавказе (Чми, катакомба № 19; Лизгор, Камунта) и на Кубани (Гилячский могильник)[2]. Именно в это время, в V—VI вв., появляются изображения мужчин или антропоморфных божеств. Известная антропоморфная фибула, обнаруженная В. А. Городцовым на хуторе Блажки, близ Зенькова, по трактовке головы чрезвычайно близка к мартыновским фигуркам. Здесь та же радиальная разделка волос, такой же длинный, узкий, тянущийся через все лицо нос, безжизненные геометрические глаза. Даже складки ворота одинаковы и там и здесь.

Серебряные фигурки, аналогичные мартыновским, были известны даже древним историкам. Так, Олимпиодор, историк первой половины V в., записал рассказ о святилище, где были зарыты три серебряных идола. События, записанные Олимпиодором, относятся к середине IV в. (353—361 гг.): «Историк говорит, что он слышал от некоего Валерия, принадлежавшего к знати, известие о серебряных кумирах, посвященных богам для [пред]отвращения нашествия варваров. Во дни царя Констанция, говорит он, когда Валерий управлял Фракией, получено донесение, что найден клад. Валерий, придя на указанное место, узнал от тамошних жителей, что

[1] А. А. Бобринский. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губ. в 1909 г. ИАК, вып. 40, 1911, рис. 19, стр. 55.

[2] Чми. Коллекции ГИМ. Лизгор — МАК, VIII, 1900, табл. LXIII, *6*. Камунта — И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, в. III, рис. 120, стр. 115; Гиляч — раскопки Т. М. Минаевой на Кубани. Фигурка, очень похожая на камунтскую, с вещами V в.

это место священно и что в нем посвящены кумиры по старинному обряду. Он донес об этом царю и получил письменный приказ взять объявленное. Итак, когда это место было раскопано, найдено три кумира, сделанных из цельного серебра; они лежали по варварскому обычаю, подбоченившись обеими руками, одеты были в пеструю варварскую одежду, головы имели косматые и обращены были к северу, т. е. к стране варварской. Недолго спустя после взятия этих кумиров, всего лишь через несколько дней, готское племя первое совершает набег на всю Фракию, а немного позднее и гунны и сарматы намеревались напасть на Иллирию и на самую Фракию, ибо посвященные кумиры лежали между Фракией и Иллириком; повидимому, число кумиров — три — служило заклятием против всякого варварского народа»[1].

55. Серебряные изображения коня (рис. 21); длина 10 см. Техника та же, что и у мужских фигурок. Имеется три отверстия для прикрепления. В изображении коня чувствуется сочетание двух противоречивых манер: с одной стороны, реализм, переходящий в натурализм (зубы, высунутый язык), а с другой — сильная стилизация и геометризация. Грива коня, например, дана в виде широкой дуги с продольными рубчатыми линиями, заключенными в рамку. Копыта сделаны в виде полумесяцев. У коня позолочены: грива, копыта, зубы, язык, ухо, глаз и ноздря. Хвоста у коня нет, но, судя по тому, что на крупе есть отверстие и рядом с ним небольшая протертая в серебре выемка, можно утверждать, что к коню был прицеплен какой-то хвост из волос или ниток, свободно болтавшийся сзади и протерший в этом месте круп. Конь изображен бегущим рысью влево и как бы ржущим, так как пасть его широко раскрыта.

56. Серебряное изображение коня, совершенно подобное предыдущему, но повернутое в другую сторону: конь бежит вправо. Небольшое отличие есть в отделке морды — язык здесь висит, тогда как в № 55 он лежит на нижней челюсти.

57. Серебряное изображение коня без позолоты; длина 8 см. Разломано на четыре части. При общей стилевой близости к № 55—56 здесь есть и отличия. Глаза и ноздри сделаны более узкими, зубы гипертрофированы. Конь изображен не на рыси, а в галопе, поэтому ноги у него совмещены. Копыт в виде полумесяцев нет, а вместо них есть отверстия, к которым, вероятно, что-то привешивалось. Хвост сделан в форме небольшой восьмерки, как у поросенка. Очевидно, эти петли служили для привешивания хвоста из волос или ниток. Грива такая же стилизованная, но внутри рамки из нескольких рельефных линий помещена двойная S-образная спираль, как на фибуле. Техника орнамента здесь точно такая же, как и на фибуле. Конь изображен скачущим вправо.

На этом кончается описание вещей Мартыновского клада, хранящихся в Киеве[2].

58. Серебряная фигурка коня, совершенно подобная № 55 и являющаяся его двойником. Ноги частично обломаны.

59. Серебряное изображение коня, парное к № 57; конь скачет влево.

---

[1] См. ВДИ, 1948, № 3, стр. 301—302.

Мотив подбоченившихся мужских фигур встречается в русском и болгарском этнографическом материале. Мне известно, например, русское вышитое полотенце из села Вщижа Брянской обл. с пятью фигурами (вышивка А. Я. Фроленковой). Мотив четырех подбоченившихся мужчин есть и в Болгарии. Таковы старинные полотенца из города Шумен в северо-восточной Болгарии (рис. 20, *3*, *4*).

[2] № 58 и 59 каким-то неизвестным путем попали в Британский музей в Лондоне. См.: «Acta Archaeologica», т. I, вып. 3, 1930, стр. 256, рис. 20.

Рис. 21. Мартыновский клад. Изображения коней и человека.

Кони и мужские фигурки составляли, по всей вероятности, единую композицию.

К сожалению, у нас нет точных данных о числе конских фигур. Исходя из парно подобранных коней, можно допустить, что каждому мужчине соответствовали два коня, различно повернутые. Если бы это было так, то всего должно было быть восемь коней. Мы же знаем их только пять. Недостает одного коня, аналогичного № 56 (пара к № 58), и пары коней, аналогичных № 57 и 58.

Впрочем, должен оговориться, что всякие расчеты здесь основаны только на предположениях. Несомненно, что технически и стилистически фигурки коней связаны как с изображениями людей, так и с другими вещами Мартыновского, Хацковского и Мало-Ржавецкого кладов. Один и тот же спиральный орнамент, одна и та же красочная игра позолоты на фоне чистого серебра, которую мы видим на наушниках, на фибуле, на височных кольцах и поясных наборах.

Дата Мартыновского клада определяется многочисленными аналогиями с вещами V—VI вв. и византийскими клеймами VI в. Возможно, что клад составился из вещей, накапливавшихся на протяжении некоторого времени. На мужских поясных наборах мы явно ощущаем их неоднородность и две хронологически различные группы (хотя и недалеко отстоящие друг от друга). Все фигуры коней и людей, фибулу и часть поясных пряжек первой и второй групп, мне кажется, нужно отнести к V в. или к самому началу VI в. Клад, очевидно, принадлежал нескольким лицам. Женский набор, судя по двум разрозненным наушникам, составился из вещей двух особ. Более цельным в этом отношении представляется Мало-Ржавецкий клад, принадлежавший одной владелице. В Мартыновском же кладе есть и следы двух венчиков и большее, чем в Малом Ржавце, число височных колец — восемь вместо шести. При этом в Мартыновском шесть колец (гарнитур?) целых, а два раскрученных. Трудно решить, кому — мужчине или женщине—принадлежали серебряные кони и люди. Исходя из единства стиля этих фигурок с женскими украшениями, их, быть может, следует связать с женщинами. Тогда и двойственность стиля коней легко объяснить: в одну группу пойдут кони № 55, 56, 58 с радиальной разделкой и позолотой грив и мужские фигурки № 53, 54 с такой же радиальной разделкой волос; в другую—отойдут кони № 57 и 59 (без позолоты) и мужчины без разделки волос (№ 51, 52). Мужские вещи, вероятно, принадлежали также не менее чем двум владельцам. Зарыт был Мартыновский клад, судя по поясным наборам третьей группы, в VI в., скорее всего в середине столетия.

Мартыновский клад — исключительный по богатству и разнообразию комплекс м е с т н ы х вещей. Византийская часть клада очень бледна по сравнению с местными изделиями, из которых первое место по художественному значению бесспорно принадлежит златогривым коням и златокудрым мужам в вышитых одеждах. Почти полное тождество женских вещей Мартыновского и Мало-Ржавецкого кладов позволяет говорить об устойчивых типах височных колец и головных уборов, характерных только для данного района. Богатые клады местных серебряных изделий V—VI вв. на рр. Роси и Тясмине являются важным источником для воссоздания истории этой части Русской земли.

* * *

Вещи из кладов на р. Роси весьма своеобразны. Части женских головных уборов, височные кольца не имеют прямых аналогий нигде. Ни в многочисленных могилах Суук-Су, ни в Чми, ни в Салтове, ни в древностях долины Дуная мы не найдем таких женских украшений, какие так полно представлены в Мартыновском и Мало-Ржавецком кладах. Попытка Н. Феттиха объявить Мартыновский клад аварским ни на чем не основана[1]. Никаких доказательств Феттих привести не мог, а для того чтобы скрыть своеобразие Мартыновского клада, он решился даже изъять из своей публикации все височные кольца и наушники, оставив только фигурки коней и мужчин и поясные наборы, не являющиеся исключительной принадлежностью древностей Поросья. На территории аварского каганата женских (этнографически наиболее характерных) вещей мартыновского типа нет[2].

---

[1] N. F e t t i c h. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. «Archaeologia Hungarica», XXI. Budapest, 1937, табл. CXXVI.

[2] A. A l f ö l d i. Zur historische Bestimmung der Avarenfunde. ESA, IX, 1934.

Из всех древностей Восточной и Центральной Европы ближе всего к кладам на Роси стоят древности Северской земли. Один и тот же тип фибул и очень близкие височные кольца, основанные и там и здесь на одном орнаментальном принципе спирали. Будучи прикреплены к кокошнику, двуспиральные кольца северянок и односпиральные кольца жительниц Поросья выглядели одинаково. Это близкое сходство и позволяет объединить

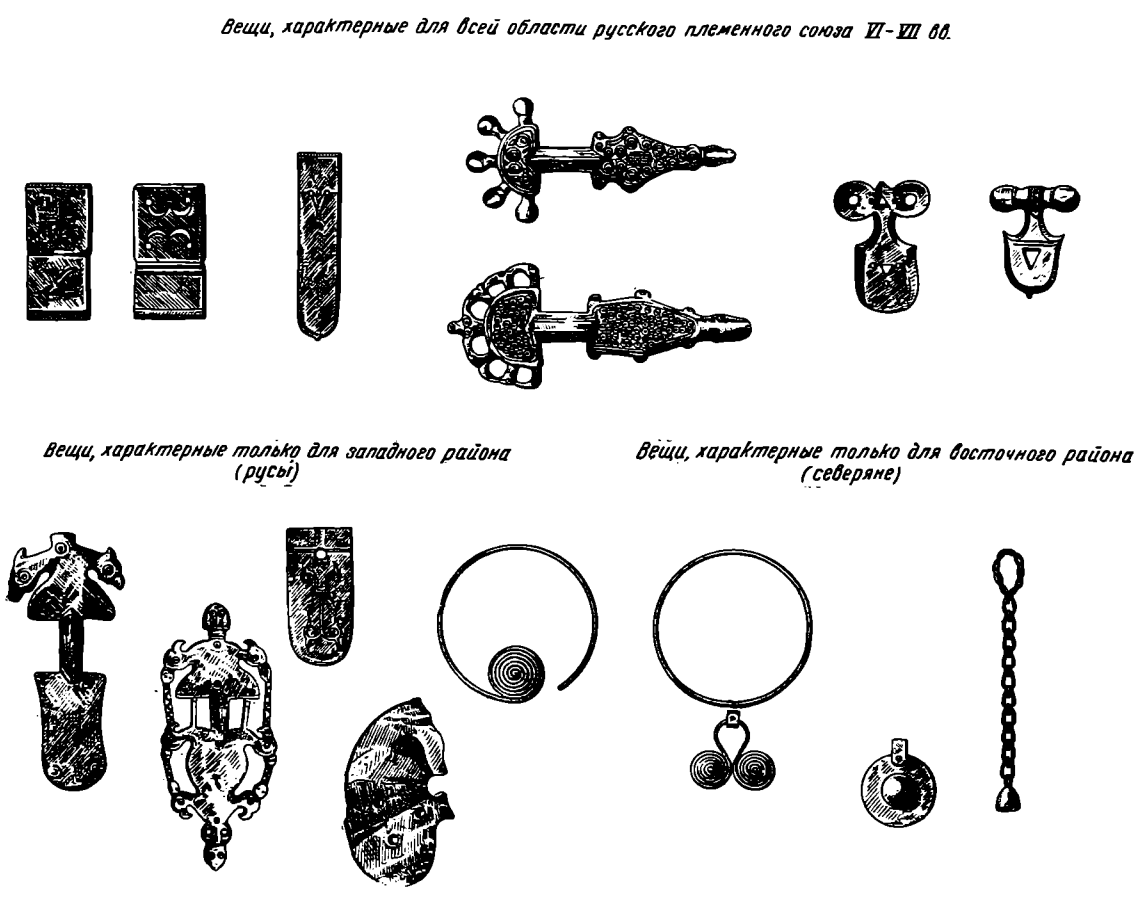


Рис. 22. Вещи, характерные для всей области русского племенного союза VI—VII вв. и для отдельных его частей.

Поросье и Северу в одну область с двумя вариантами — западным и восточным (рис. 22). Западный и восточный районы жили совместной жизнью, одновременно переживая многие явления. Отдельные вещи проникали из одного района в другой. Так, в северском Суджанском кладе есть обломок одного височного кольца мартыновского типа; в окрестностях Змиева (хут. Зайцева) есть односпиральное височное кольцо несколько более позднего типа[1]. Односпиральные височные кольца известны нам не только в тех вариантах, которые дают Мартыновский и Мало-Ржавецкий клады. С вещами несколько более поздних типов (VII—VIII вв.) встречены височные кольца с отогнутой спиралью. Такие находки известны из с. Пекарей и

[1] Архив ИИМК, ф. 5, д. 334.
В Киевском историческом музее есть четыре двуспиральных височных кольца, найденные на Правобережье (инв. № 16383).

из Княжьей Горы (оба пункта —в устье Роси), из Обухова (западнее Триполья) и Самгородка (близ Черкасс). К этому типу относится и упомянутая выше находка близ Змиева[1]. География находок более поздних отогнутоспиральных височных колец совпадает с географией кладов V—VI вв.— Днепр, низовья Роси и бассейн Тясмина. Район односпиральных височных колец всех вариантов совпадает с районом наибольшего распространения пальчатых фибул V—VI вв.

Все перечисленные выше черты своеобразия и самобытности древностей Поросья помогают нам подойти к определению племенной принадлежности населения этого района. Для этого важно установить следующее:

1. Район и отдельные пункты распространения древностей V—VI вв. совпадают с размещением полей погребений. Следовательно, эти древности размещены на славянской (антской) территории.

2. Древности мартыновского типа совершенно своеобразны и являются местными изделиями, хотя и носят следы связей с югом (пояса). На юге нет вещей, особо характерных только для Поросья,—спиральных височных колец.

3. Характерные особенности костюма, выясняемые по инвентарям кладов, находят прочные параллели в русском, украинском и белорусском этнографическом материале (кокошники с «ушами», вышитые на груди мужские рубахи, вправленные в шаровары).

4. Знаки-тамги на поясах Мартыновского и Хацковского кладов близки к позднейшим «знакам Рюриковичей» XI—XII вв.

5. В районе кладов примечательна топонимика: р. Рось, р. Россава, Русская Поляна.

6. Район кладов V—VI вв. совпадает с той частью Русской земли XII в. (в самом узком смысле слова), которая во всех случаях именовалась Русью и представляла собой Русь как таковую: Киевщина и Поросье. Формула «вся Русская земля и Черные Клобуки» обозначала Киевщину (Киев, Белгород, Вышгород) и русские города по р. Роси, где, кроме русского населения, жили и отряды Черных Клобуков, охранявшие южную границу.

7. Соответствие между областью пальчатых фибул днепровско-северского типа (область древностей русов) и районом кладов мартыновского типа такое же, как между Русской землей XII в. от Киева до Курска и Русью в пределах только Киевщины и района размещения торческих сторожей.

Все сказанное выше приводит нас к выводу, что древности V—VII вв., обнаруженные по р. Роси, несколько севернее ее (до Киева?) и южнее ее (до начала луговой степи), следует связать с конкретным антским племенем — русами или росами.

Распространение имени росов — русов на соседнее антское племя северян произошло, очевидно, в VI в., в связи с совместной борьбой против авар и Византии, когда анты Посемья, верховьев Сулы, Псла, Ворсклы и Донца вошли в союз с могущественными и богатыми росами — русами Среднего Приднепровья[2].

---

[1] Архив ИИМК, ф. 5, д. 334.

[2] Древнейшей формой самоназвания русских была, очевидно, «рос», засвидетельствованная и Псевдо-Захарией Ритором для VI в., и топонимикой, и византийскими авторами. Смена «о» на «у» могла произойти позднее (в VIII—IX вв.), когда в Приднепровье появилось много выходцев из северных славянских племен, для которых более характерно «у» — «рус». Смену «о» на «у» мы видим и в названиях соседних народов: булгары и болгары. «Русская Правда» в ее древнейшей части носит название «Правда Роська». Арабоязычные и персоязычные авторы всегда употребляли форму «рус», а греки — «рос». К этому можно добавить, что имя антского вождя звучит у автора VI в.— Боз, а у автора XII в.— Бус.

* * *

В середине I тысячелетия, в IV—V вв., территория Среднего Приднепровья довольно резко делилась на две различные зоны, граница между которыми шла примерно по водоразделу Роси и Красной. На север от этого рубежа встречено много бронзовых фибул с цветной эмалью (Черняхов, Михайловка, Борзна, Межигорье, Жукин, Старгородка, Редичев, Мощин). Иногда они встречаются в длинных курганах смоленских кривичей; ряд фибул найден в литовском Понеманье и в Прибалтике. В кладах этого типа встречены лунницы с эмалью, браслеты, бронзовые широкие венчики, гривны, орнаментальные цепи.

В бассейн Роси фибулы с эмалью проникли с севера только в одном месте — с. Ромашки, известное своими полями погребений (севернее Роси, на ее притоке Гороховатке). По берегам самой Роси, особенно в ее низовьях, в углу, образуемом Росью и Днепром, и южнее, а также на левом берегу Днепра, по Суле мы встречаем в IV—VI вв. совершенно особый тип фибул, одновременных фибулам с эмалью, но географически не смешивающийся с ними. Это — фибулы, близкие по общей схеме конструкции к пальчатым, но со следующими отличиями: нижний щиток гладкий, лопатообразный, а верхний щиток представляет собой композицию из сильно стилизованной человеческой фигуры и двух звериных (конских?) голов, обращенных в разные стороны (рис. 23, *1—9*). Двуглавые бронзовые фибулы известны в следующих местах: Пастерское, Скибицы (в 40 км от Таращи, южнее Роси), Мартыновка, Хмельное (на Роси) (рис. 24, *1*), Трощин (в 12 км севернее Канева), Поставмуки (близ впадения Удая в Сулу), Лебиховка (у устья Сулы), б. Золотоношский уезд без обозначения места.[1]

За пределами этой небольшой территории двуглавые фибулы встречены только однажды в Крыму, в могильнике Суук-Су (погреб. № 131), где были: один женский костяк с двумя двуглавыми фибулами и два мужских костяка, из которых один датирован боспорской монетой Фоборса (286—308 гг. н. э.)[2]. Возможно, что вещи женского погребения несколько моложе мужских (например, пряжка), но все же материал этого погребения позволяет датировать двуглавые фибулы IV—VI вв.[3] Приблизительно в V в. старые местные двуглавые фибулы приобретают черты сходства с идущими с юга образцами керченского производства[4].

Наряду с употреблением простых воспроизведений южных образцов, древние русы создали причудливое сочетание местного и причерноморского. Эти фибулы, известные под именем «антропо-зооморфных», содержат в основе схему круглощитковой фибулы с дополнением, во-первых, той композиции, которая составляла сюжет двуглавых фибул, а во-вторых — с усилением всех элементов звериной и птичьей орнаментики, которая

---

[1] Д. Н. Эдинг. Антропо- и зооморфные фибулы Восточной Европы. «Уч. зап. Научно-иссл. ин-та этнических и национальных культур народов Востока», т. II. М., 1930, стр. 135—137, рис. 14—18.— Коллекции ГИМ в Киеве.

[2] ЗООИД, XXVII, стр. 111—112.

[3] Двуглавая фибула была однажды найдена в кургане близ дер. Поставмуки на правом берегу р. Удай, близ его впадения в Сулу. Костяк лежал головой на запад, обложенный бревнами. Кроме фибулы, при костяке были найдены бронзовая булавка и стрела. См. Н. Авенариус. Материалы по доисторической археологии России. ЗРАО, VIII, 1895, стр. 178—185, рис. 53.

[4] Примером может служить фибула из Пастерского городища (Б. И. Ханенко Древности Приднепровья. Вып. IV, табл. V, рис. 161). Она представляет собой сочетание двуглавой схемы с пальчатой фибулой мартыновского типа.

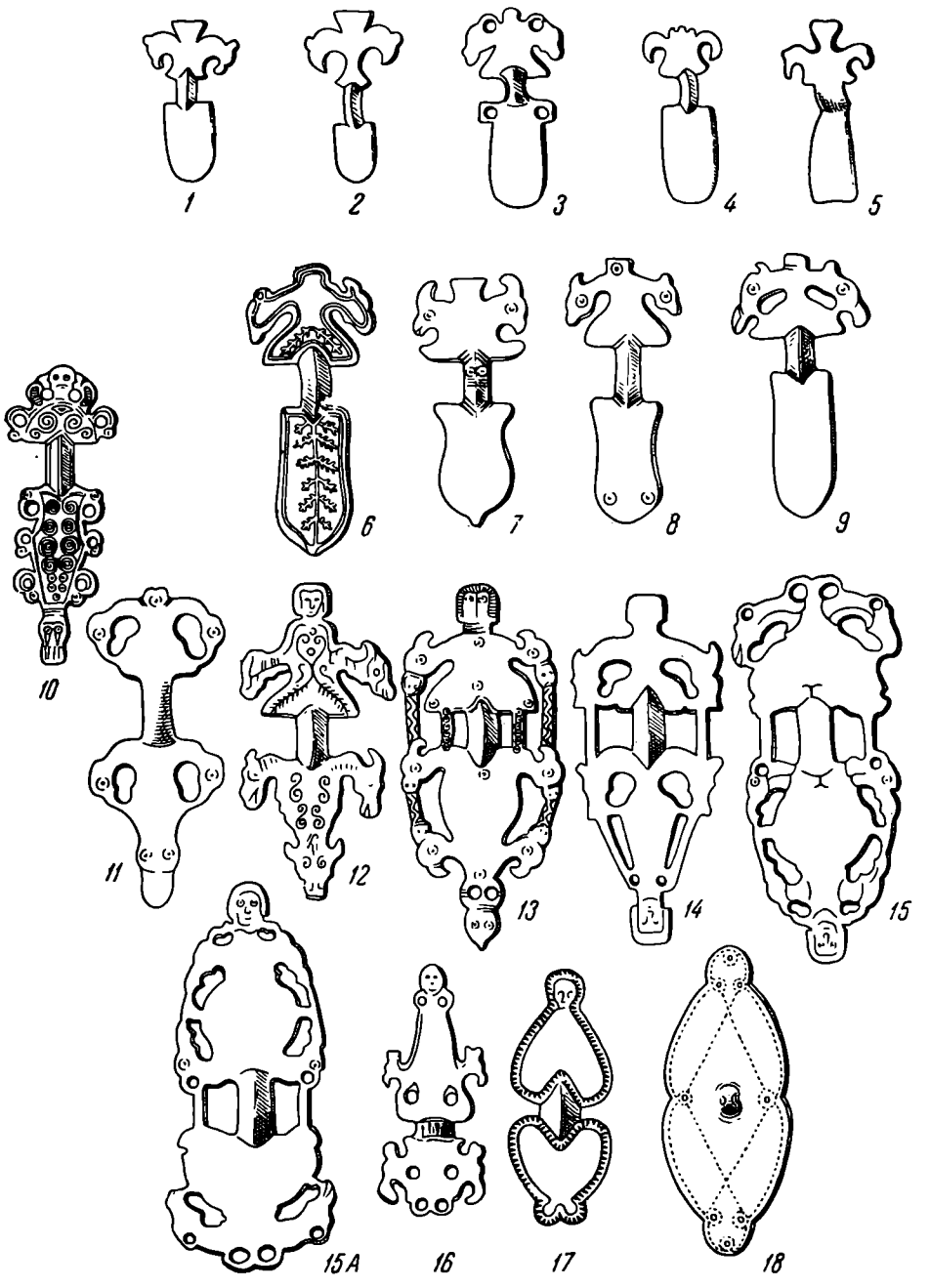


Рис. 23. Эволюция звериноголовых и антропоморфных фибул IV—VII вв.:

1 — Таращанский р-н Киевской обл.; *2* — Лебиховка Полтавской обл.; *3* — Пастерское городище; *4* — Золотоношский р-н Полтавской обл.; *5* — с. Трощин Каневского р-на Киевской обл.; *6*, *7* — Суук-Су (Крым); *8* — с. Хмельное Каневского р-на Киевской обл.; *9* — с. Поставмуки Полтавской обл.; *10*, *11* — Пастерское городище; *12* — с. Мартыновка Каневского р-на Киевской обл.; *13* — хут. Блажки Зеньковского р-на Полтавской обл.; *14* — Пастерское городище; *15* — из коллекций Киевского исторического музея; *15а* — та же фибула, но перевернутая; *16*, *17* — Пастерское городище; *18* — с. Ивахники Полтавской обл.

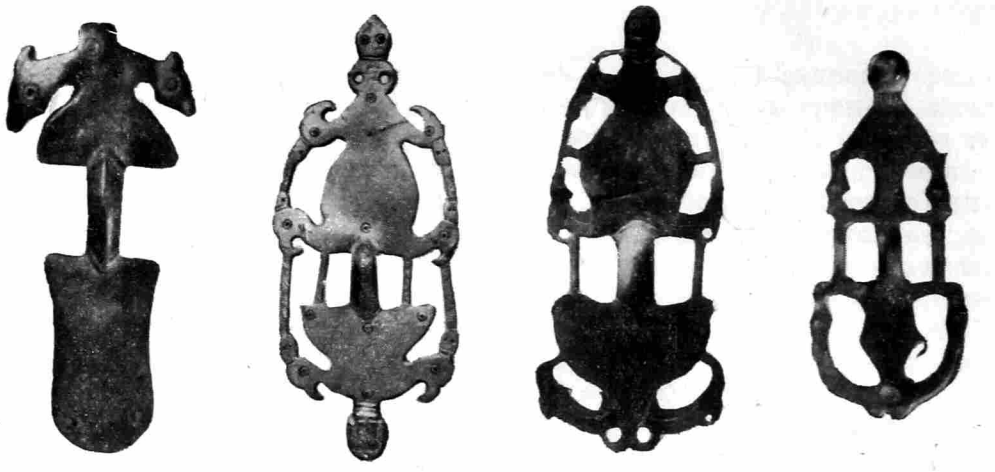


Рис. 24. Русские фибулы V—VII вв.:

1 — с. Хмельное, Каневского р-на Киевской обл.; *2* — хут. Блажки Зеньковского р-на Полтавской обл.; *3* — из коллекций Киевского исторического музея; *4* — Пастерское городище.

в стилизованном виде была на боспорских образцах. Птичьи головы почти везде сменены мордами козлов и взнузданных коней, появляется мотив змей, осложняющий композицию.

Мотив ящера в узкой части фибулы сменяется головой человека, которая становится доминирующей в орнаментике более поздних фибул.

Фибулы со сложной композицией (рис. 23, *10—16*) встречены только в трех пунктах: Пастерское (очень много экземпляров и вариантов), хут. Блажки близ Зенькова (между Ворсклой и Псломом) (рис. 24, *2*) — серебряная фибула, Борковский могильник близ Рязани — две предельно стилизованные фибулы. На Роси их нет. Усложнение композиции двуглавых фибул и их усиленное «озверение» начались еще в IV в. и особенно энергично протекали на протяжении V в. Очевидно, это связано с какими-то сдвигами в идеологии, отражавшими изменения в антском обществе в период борьбы с готами и гуннами и накануне византийских походов.

Двуглавые фибулы IV—VI вв. занимают на карте область среднего и нижнего течения Роси, бассейн верхнего Тясмина и переходят на левый берег Днепра, где встречены по Суле и от устья Сулы вверх по Днепру до Переяславля Русского (рис. 15). Эта область занимает лесистые пространства Приднепровья. Далее на север идет область фибул с выемчатой эмалью, со своим совершенно особым стилем, особым подбором украшений; их называют вещами «межигорского» или «мощинского» типа. В лесах близ Киева и устья Десны найдены богатые клады в Межигорье (под Вышгородом) и в Жукине на Десне. Возможно, что именно эти-то комплексы межигорского типа и следует связывать с летописными полянами, о которых в IV в. нельзя еще было сказать, «яже ныне зовомая Русь».

Поляне и Русь в IV в. еще отличались друг от друга как по внешнему виду украшений, так и по своим связям. Жители Киевщины, носители эмалевых фибул, были связаны с землями радимичей, вятичей, кривичей и литовцев («...а с уличи и с древляны имеше рать»). Комплексы межигор-

ского типа в IV—V вв. не выходят далеко на юг и окаймляют опушку лесной полосы в северной части лесостепи (рис. 15). Комплексы с двуглавыми фибулами занимают южную часть лесостепи, они как бы прячутся от южных кочевников в лесных островках на берегу обширного степного моря.

Однако весь облик кладов IV—VI вв. свидетельствует о постоянных связях со степью, с лежащими по ту сторону степи городами Причерноморья. Ведь от Пастерского городища до Ольвии было всего пять дней конного пути по нормам средневековых географов. Область двуглавых фибул IV—V вв.—это область росов—русов от р. Роси до Русской Поляны и Переяславля Русского. В их обряде погребения, в облике прикладного искусства ощущается верность тацитовского наблюдения над смешением венетов с сарматами. Венеты-росы как земледельческий народ оказались сильнее в языковом отношении, и сарматы, оседавшие в лесостепи, оказались ассимилированными; русский язык победил сарматский, как он побеждал впоследствии многие другие[1].

Русские дружинники в IV—V вв. постоянно и регулярно «бродили» по степям между Средним Приднепровьем и «Русским морем». Вероятно, часть их вливалась в те военные союзы, которые потекли в конце IV в. в Западную Европу[2]. Часть русов, как и других антов, могла оседать на берегах Черного моря; этот процесс особенно усилился в VI в. (например, Борисовский могильник близ Геленджика, Суук-Су в Крыму). Но не подлежит сомнению, что основные массы дружин, выделяемых южными антскими племенами, возвращались из походов к себе на родину, как это было и в VI в., по словам византийцев. Это же мы наблюдаем и в IV в.

С областью двуглавых фибул Поросья, где веком позднее появляются пышные клады мартыновского типа, мы можем сопоставлять упоминаемый Иорданом «народ росомонов», первым начавший борьбу с Германарихом и поэтому подвергшийся осуждению готского историка, назвавшего этот народ «вероломным» («Rosomonorum gens infida»)[3].

В названии народа «росомоны», сохранившемся у готского историка Иордана (возможно, родом алана), легко расчленить две части: «росо-мойне» т. е. «росы-мужи», «люди-росы», так как «мойне» по-осетински значит «муж» (славянское мѫжъ)[4]. Где произошло столкновение росов с Германарихом, сказать трудно; вероятнее всего, это было вдали от земли росомонов, где-нибудь в низовьях Днепра.

После событий конца IV в., когда южнорусскими степями завладели гунны, возможно, что часть русских бродников, наполнявших ранее эпизодически причерноморские степи, вынуждена была покинуть их и прочнее обосноваться на родине. С этим может быть связано появление в Поросье кладов мартыновского типа. Доказательством того, что эти клады V—VI вв. связаны с местным населением IV в., является преемственность фибул и общность стиля. Доказательством же того, что воинственные

---

[1] См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

Наследием побежденных скифо-сарматских языков в русском языке можно считать такие слова, как «хорошо» (при общеславянском «добро»), «собака» («пес»), «топор» («секира») и некоторые другие.

[2] Одна богато украшенная серебряная двуглавая фибула IV в. известна в Италии из Фано (провинция Пезаро). Русскую топонимику мы найдем на Дунае: город Русе выше Силистрии, «Пояна-Руска» в Рудных горах.

[3] Иордан, гл. 24.

[4] См. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949, стр. 172.

владельцы кладов были хорошо знакомы не только с северной окраинной степи, где они жили, но и с ее южной, приморской окраиной, являются тамги на поясах Хацковского и Мартыновского кладов (рис. 25). Знаки мартыновского типа известны нам в обоих вариантах на юге до эпохи гуннского нашествия. Камень с начерченной конской головой из Кривого Рога, камень Недвиговского городища на Дону имеют уже эти знаки (и). Знак типа известен на золотом флаконе из Ольвии IV в. Связь знаков с нашим причерноморским югом не подлежит сомнению[1].

К рубежу V—VI вв. мы видим тамги южного причерноморского типа уже на вещах из лесостепи на берегах правых притоков Днепра—на Роси и Тясмине. Мартыновский и Хацковский клады дают нам два одинаковых знака типа А и Б (и). Сходство между обоими кладами очень велико; знаки там тождественны. Особенно интересно то, что в обоих кладах есть такие наконечники поясов, которые имеют по две тамги сразу.

Если рассматривать эти тамги как знаки родовых старейшин или племенных вождей, то нам придется признать дуальную организацию племени, отголоски чего можно наблюдать и значительно позднее. Двойственное число знаков может объясняться и тем, что владелец пояса метил его знаком отцовского рода и материнского. В той среде, где женщины, быть может, носили шлемовидные головные уборы, уважение к тамге материнского рода естественно. Дальше Приднепровья на север или на запад знаки этой системы не пошли. На Балканах с VI по IX в. держится стреловидный знак (Садовац, Ак-Алан, Мадара)[2] или сложный знак из развилка и двух вертикальных линий около него (Плиска)[3]. В Мартыновском кладе есть еще третий знак — в виде трезубца. Двузубые и трезубые тамги с этих пор и остались в Среднем Приднепровье до того времени, когда киевские князья стали ставить их на монетах, печатях и всем своем имуществе[4].

Есть и промежуточные звенья. В Перещепинском кладе конца VII—начала VIII в. есть наконечник пояса, украшенный, как и наконечники Мартыновского или Хацковского клада, двумя знаками в виде трезубца. Верхний трезубец имеет внизу раздвоенный отросток (рис. 25, *19*), а нижний — простой. Нельзя ли связать в одну генетическую цепь дружинные клады VI в. на Киевщине (со знаками подонско-ольвийского типа), дружинный клад VII—VIII вв. на Полтавщине и княжеские вещи XI—XII вв. на Киевщине и Черниговщине?

Совершенно особый интерес представляет наличие знака мартыновско-хацковского типа на трапециевидной подвеске из Мощинского клада близ Мосальска[5] (рис. 25, *14*). Мощинский комплекс (возможно, киевского происхождения) одновременен Мартыновскому, хотя и резко отличен от него. Наличие одинаковой тамги может говорить о появлении связей между русским и полянским районами, о какой-то подчиненности владельца мощинского комплекса знатным русским воинам, владельцам кладов в Поросье.

---

[1] И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. Л., 1933.

[2] Сборник в паметь на проф. Петър Ников. «Известия на Българското-историческо д-во», XVI—XVIII, София, 1940, стр. 191.

[3] Н. Мавродинов. Ук. соч., стр. 244—245.

[4] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности...

[5] Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

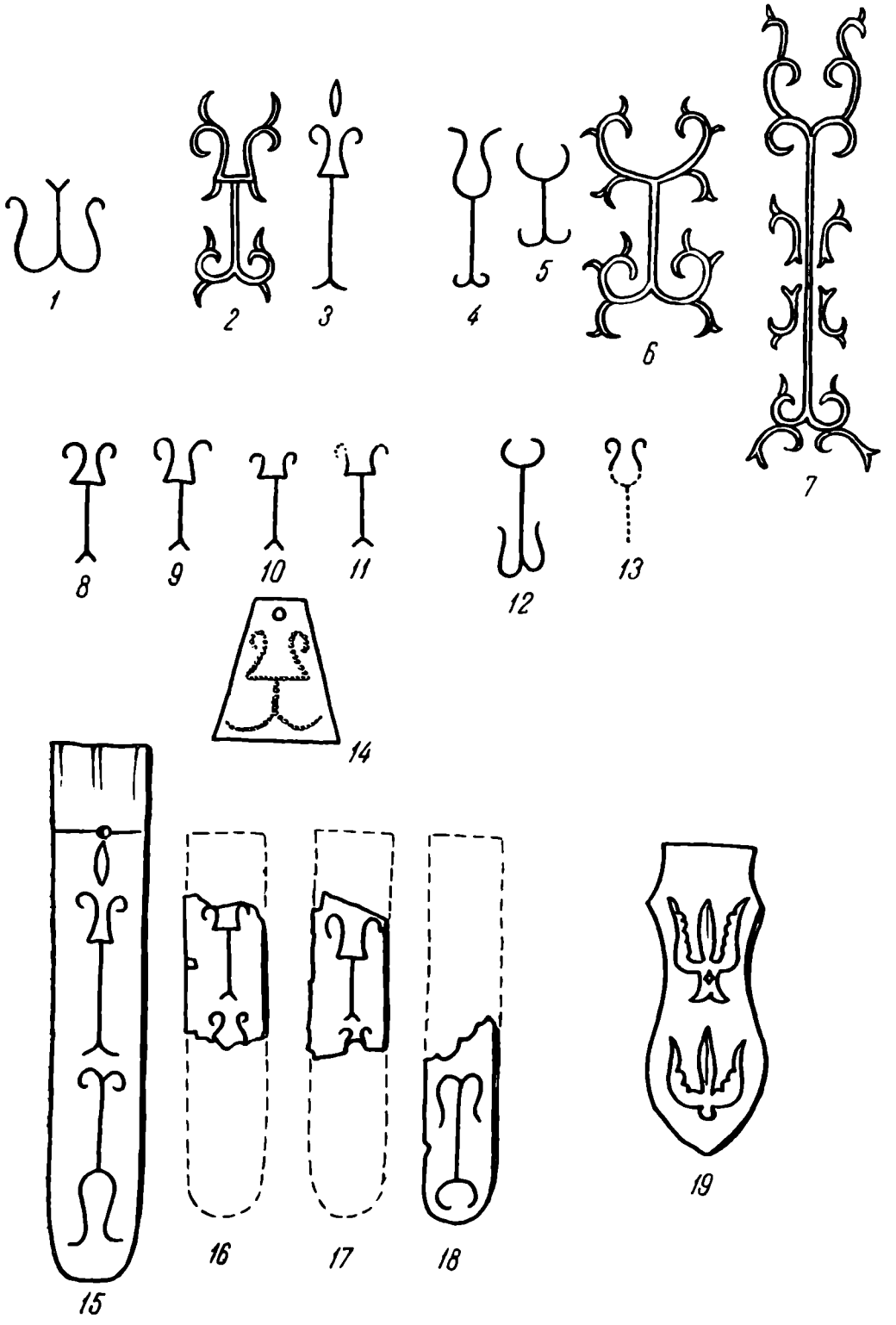


Рис. 25. Тамгообразные знаки VI—VIII вв. на серебряных поясных наборах:

Верхний и средний ряды — одиночно расположенные знаки: *1—7* — с. Мартыновка Каневского р-на Киевской обл.; *8—13* — с. Хацки; *14* — знак на подвеске (с. Мощин Калужской обл.). Нижний ряд — парно расположенные знаки: *15* — с. Мартыновка; *16—18* — с. Хацки; *19* — с. Перещепино Полтавской обл.

* * *

Ретроспективный анализ, начатый нами рассмотрением историко-географических данных XIV, XIII и XII вв. и законченный разбором археологических и исторических материалов IV—V вв., привел нас к следующему:

1. Понятие «Русская земля» у писателей XII—XIV вв. имело два основных значения: во-первых, этим обозначалась территория русской (точнее, древнерусской) народности или Русского государства (для XI в.); во-вторых, словами «Русская земля» обозначалась только юго-восточная часть русских земель, Приднепровская Русь, обнимавшая лесостепную полосу от Киева до Курска.

2. Это второе, суженное представление только о лесостепной Руси употреблялось летописцами анахронистически как географическое определение, и оно в X—XIII вв. совершенно не соответствовало политической реальности, так как на территории Русской земли в узком смысле слова существовало в XI—XIII вв. несколько враждовавших княжеств.

3. Археологический материал X—XIII вв. полностью подтверждает единство русской народности в географических рамках Русской земли в широком смысле слова. Но по отношению к лесостепной Приднепровской Руси археологический материал X—XIII вв., так же как и данные политической географии того времени, не позволяет говорить о каком-либо выделении этой области из состава всех русских земель.

4. Установив несоответствие летописного понятия «Русская земля» в его узком значении исторической действительности X—XIII вв. и признав это понятие анахронизмом для летописной эпохи, мы предприняли поиски в эпохах, предшествующих X в., таких археологических комплексов, ареал которых соответствовал бы области Приднепровской Руси. Оказалось, что только в VI—VII вв. область Руси (в узком смысле) представляла бесспорное единство, доказываемое многочисленными комплексами с пальчатыми фибулами. Ареал комплексов VI—VII вв., которые в 1928 г. были названы А. А. Спицыным «древностями антов», с поразительной точностью совпадает с областью Приднепровской Руси, что позволяет, во-первых, назвать эти древности русскими, а во-вторых — приурочить выделение Русской земли (в узком смысле) как определенного исторического целого к эпохе VI—VII вв.

5. Эпоха VI—VII вв., в отличие от предыдущей эпохи полей погребений, крайне бедна славянским археологическим материалом. Повсеместно, в том числе и в Русской земле, пока еще очень плохо изучены места поселений; совершенно недостаточно погребальных комплексов. Русская земля VI—VII вв. из всех славянских земель, пожалуй, наиболее богата археологическими находками. Находимые здесь мужские поясные наборы с серебряными бляшками предназначались для ношения оружия. Женские комплексы богато представлены фибулами и височными кольцами разных типов. Несмотря на фрагментарность археологических данных, мы можем сделать ряд исторических выводов. Одним из важнейших выводов является тот, что женские украшения VI—VII вв. позволяют четко разграничить Русскую землю на два различных района: восточный, связанный с племенем северян, и западный, связанный с племенем собственно русов.

6. Русская земля VI—VII вв. составилась только из тех земель, которые входили во II—V вв. в широкую область полей погребений. Следовательно, древности русов происходят с коренной славянской территории. Русская земля географически составляла юго-восточную часть области полей погребений, обращенную к сарматским степям. Дальнейшее изучение

полей погребений должно поставить одной из своих задач выявление локальных вариантов и глубокое изучение племен северян и собственно русов.

7. Археологические находки IV—V вв. в юго-восточной части области полей погребений свидетельствуют о походах русов и северян на юг, в Причерноморье, откуда были вывезены вещи боспорского и византийского изготовления. О прочных связях с югом говорит и самый характер русских вещей VI—VII вв., являющихся местным, приднепровским вариантом причерноморских изделий V в., широко распространившихся в Европе в связи с «великим переселением народов». Связи славян с Причерноморьем могли существовать и в более раннее время; дальнейшему изучению должны быть подвергнуты русские знаки собственности, известные нам как из бассейна р. Роси, так и из Причерноморья.

8. Ряд древностей Русской земли VI—VII вв. как в северском, так и в собственно русском районах генетически связан с более поздними курганными материалами IX—XII вв. (северянские височные кольца), а также находит прямые аналогии в русском, украинском и белорусском этнографическом материале XVIII—XIX вв. Укажем, например, детали кокошника («уши») из кладов в бассейне р. Роси, имеющие аналогии в русских северных кокошниках, и характер мужской одежды VI в., полностью совпадающий с этнографической одеждой этих же мест (рубаха с вышитой грудью, вправленная в порты).

Таковы основные выводы нашего ретроспективного изучения проблемы происхождения Руси. Из изложенного выше ясно, что происхождение Руси — вопрос, совершенно не связанный с норманнами-варягами, а уходящий на несколько столетий вглубь веков от первого появления варягов. Продвигаясь от более известного (более позднего) к менее известному, мы добрались уже до IV в. Может быть, дальнейшие исследования позволят углубиться еще далее.

В заключение необходимо кратко изложить вопрос о происхождении Руси и образовании русской народности в исторической последовательности событий и явлений.

Труды И. В. Сталина ясно показали основные этапы развития общности людей, этапы развития языков: род — племя — народность — нация[1].

Р у с ь — п л е м я. Применительно к русской народности мы не можем еще пока, при состоянии наших знаний, ставить вопрос о выявлении в доисторическом прошлом родовых групп, да и проблема происхождения Руси едва ли восходит к доплеменному времени. Но конкретное славянское (антское) племя русь мы предположительно можем уже нащупать.

Напомню, что южнорусские летописцы XII в., употребляя понятие «Русская земля» и в широком и в узком его значениях, иногда сужали его еще больше, и тогда под словами «вся Русская земля» подразумевали только Киев, Поросье и незначительную часть Левобережья. Именно здесь в IV—VII вв. можно проследить в археологическом материале известное своеобразие: двуглавые, антропоморфные и зооморфные фибулы (сосуществующие с более широко распространенными пальчатыми фибулами), «уши» головных уборов, огромные спиральные височные кольца и устойчивый тип знаков собственности на поясах. При нанесении всех этих данных на карту мы получаем небольшую территорию протяжением 150 × × 100 км по берегам р. Роси, ее притока Россавы, по Днепру (от Треполя до Русской Поляны, близ устья Тясмина) и отчасти по р. Суле (рис. 15).

[1] См. И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

Это — южная окраина лесостепной полосы. В эпоху полей погребений черняховского типа (II—V вв.) здесь, на территории русов, было много поселений и кладбищ. Поля погребений встречаются и южнее русов — в Днепровской Луке, где их предположительно можно связывать с уличами. Наиболее богатые клады вещей V—VI вв. зарыты близ низовьев Роси.

Возможно, что именно здесь и находился центр племени росов — русов. В устье р. Роси, по всей вероятности на месте знаменитого городища Княжья Гора, находился древний город Родня (Родьня), известный по летописному рассказу о борьбе Ярополка и Владимира Святославичей в 980 г. Город Родня был, очевидно, очень хорошо известен на Руси, так как по поводу осады 980 г. целую сотню лет продержалась поговорка: «Бѣда аки в Роднѣ». Не стоит ли название города Родни в связи с загадочным наименованием русов: «*Роди же нарицаемии руси...*»?[1] Крупным центром росов—русов было также Пастерское городище, расположенное на юге их земли.

Древнейшей формой наименования племени следует считать «рос», засвидетельствованную Иорданом и продолжателем Захарии Ритора. В таком случае р. Рось носила племенное имя, но возможно также, что племя получило имя по реке, как, например, пояснял летописец наименование полочан — «речки ради Полоты...». Позднее, к IX—X вв., утвердилась форма «рус», так же как имя антского вождя Боза (Иордан) превратилось позднее в Буса («Слово о полку Игореве»). Будучи расположено на юге славянского мира, племя росов не могло остаться в стороне от общего для всех народов той эпохи стремления к богатым южным городам. Находясь на Днепре — магистральной дороге к Понту, это племя легче многих других антских племен могло постоянно выделять дружины для участия в походах против городов рабовладельческого Рима. Исходя из условий времени, можно допустить, что в III—V вв. часть русских дружин более или менее длительно проживала на юге среди сармато-аланских и готских дружин, приобретая некоторые черты сармато-аланской материальной культуры. Возможно, что следами пребывания росов на юге являются те из «загадочных знаков Причерноморья», которые идентичны знакам, встреченным на р. Роси. «Росомоны» («народ-рос») Иордана обитали, очевидно, на юге, в непосредственной близости от ставки готского князя Германариха. Это нисколько не противоречит тому, что основной массив племени находился на Среднем Днепре: во-первых, расстояние от земли росов до устья Днепра равнялось всего пяти дням конного пути, а во-вторых — мы знаем ряд примеров расщепления племен в процессе устремления на юг: северяне на Десне и северяне на нижнем Дунае, ободриты у Балтийского моря и ободриты на среднем Дунае и другие[2]. Приблизительно к эпохе Буса и Германариха относится целый ряд отдельных вещей и погребений в Среднем Приднепровье с характерными богатыми вещами IV—V вв. южного боспорского происхождения. Это — еще одно свидетельство связей росов и их соседей с югом. В местных, собственно русских

[1] ПСРЛ, т. IX, стр. 13.

Никоновская летопись сохранила очень древний вариант сказания (IX—X вв.) о походе Руси на Царьград в 860 г., в котором и встречено это интересное наименование русов «родами».

[2] Рассказ Иордана о росомонах представляет большой интерес. Из него мы узнаем, что какой-то знатный рос был союзником или подчиненным Германариха и вышел из повиновения. Тогда готский князь приказал разорвать конями жену этого роса Сунильду, после чего братья Сунильды (тоже росомоны), в порядке кровной мести, убили самого Германариха. Это могло произойти лишь при том условии, что росомоны были не покоренным племенем, а равноправными союзниками.

изделиях IV—VI вв. чувствуется своеобразный стиль, имеет место тератологическая тематика и постоянно присутствует та композиция, которая удержалась в русской вышивке вплоть до XIX в.,— человеческая фигура между двумя конями[1].

Племя росов в IV—V вв. рисуется нам как одно из сильных антских (восточнославянских) племен, более и ранее других связанное с Причерноморьем. «Росомоны» — это русские дружинники на юге, которым приходилось то вступать в союз с готским князем, то враждовать с готами.

Русь — союз племен. Во II—V вв., в эпоху полей погребений черняховского типа, можно допустить существование среди венетско-антских племен обширного племенного союза полян, охватывавшего область от Днепра до Вислы и созданного, вероятно, для борьбы с Римом. Этот предполагаемый союз племен мог послужить ядром славянской народности, но изменившиеся исторические обстоятельства привели к распаду этого союза и к формированию новых племенных союзов. Борьба с гуннами и аварами на всей южной границе славянства, а также начавшиеся в VI в. походы и передвижение славян вглубь Византии перекроили группировки славянских племен. В VI в. юго-западные антские племена были объединены в союз волынян, а на юго-востоке, там, где приходилось прежде всего встречать идущие из степей опасности, сложился союз племен, получивший имя Руси, имя, удержавшееся за этой территорией спустя шесть столетий. В состав русского племенного союза, несомненно, входили сами русы (росы) и северяне (сѣвер), составившие основное ядро союза. Эти два племени жили общею жизнью, судя по археологическим данным, не менее двух столетий: VI и VII.

Возможно, что несколько позднее в русский союз вошли и киевские поляне («поляне, еже ныне зовомая Русь») и днепровские уличи, если их можно отождествлять с русским племенем «луджага», упоминаемым Масуди. Кроме этих славянских племен, в состав Руси могли входить и ассимилированные славянами сарматские поселенцы в лесостепи.

У большинства древних авторов восточнославянские племена в VI в. выступают еще под именем антов (диалектная форма от «венеты», «вѦты»); авторы говорят о начавшемся распадении славян и о появлении новых названий, но имя народа рос, народа богатырей, дошло до нас только в одном источнике VI в.

В VII в. имя русов окончательно вытесняет устаревшее наименование антов.

Русский племенной союз VI—VII вв. успешно вел борьбу с аварами, болгарами и хазарами. Нам совершенно неизвестны древности кочевников внутри лесостепной полосы; это свидетельствует о том, что русские дружинники не впустили степняков в свои земли.

Русь была очень активна и вне своей земли. Едва ли можно сомневаться в том, что русские племена, скрытые общим собирательным именем антов, приняли участие в завоевании Византии. Русское племя северян проникло в низовья Дуная. Возможно, что «грады русские по Дунаю», известные нам по записям XIV в., восходят к тому русскому населению, которое появилось здесь в VI в.

С движением русов на юго-запад, может быть, нужно связывать и болгарский город Русе (Рущук) на Дунае, (Русокастро за Дунаем) и Руску Пояну в южной части Карпат. Грузинский автор Георгий Мтацминдели пишет, что русы в 626 г. осадили Константинополь. Одновременно с

---

[1] Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1949, № 1.

этим, как бы предвосхищая будущие походы киевских князей на юго-восток, русы VII в. устремляются и к Каспийскому морю. Так, в 643 г. правитель Дербента ставил себе в заслугу то, что он удерживает натиск воинственных русов. Предположительно с продвижением русов на юго-восток можно связывать известный Борисовский могильник VII в. близ Геленджика. Русский племенной союз на протяжении VI—VII вв. подготавливал объединение ряда племен Восточной Европы. Отдельные находки русских вещей мы знаем на Волыни, где в XII в. упоминаются «волости земли русской». Русскую тамгу V—VI вв. мы находим на Оке (Мощинский клад), типичные русские вещи проникают, с одной стороны, в Крым (Суук-Су),

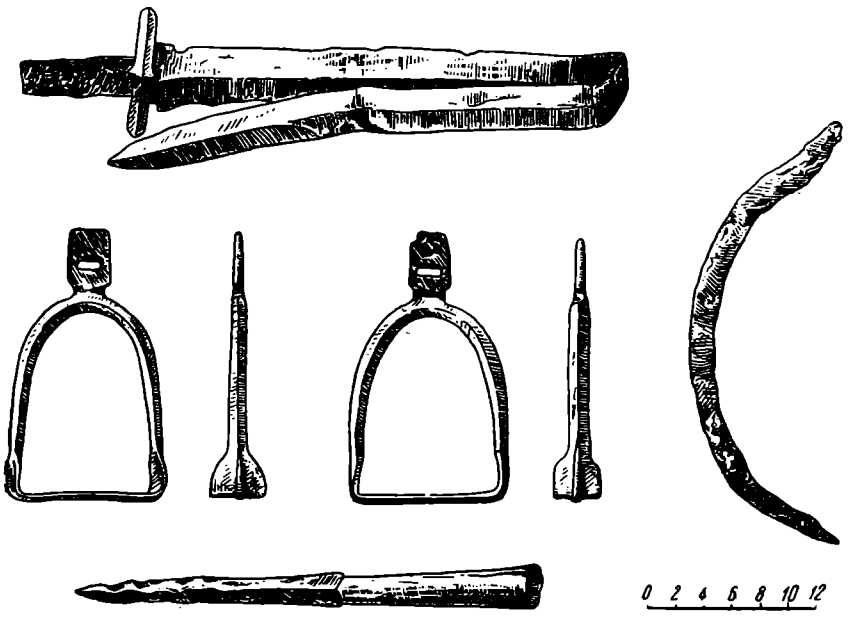


Рис. 26. Вещи VIII в. из русского дружинного погребения (с. Ново-Покровское, близ Харькова).

а с другой — на Оку, в мордовско-муромские земли. Можно думать, что на Оку проникали не только русские вещи, но и русские люди, так как находки русских древностей сделаны именно там, где позднее возникли русские города Рязань и Муром (Борковской и Подболотьевский могильники). Рязано-муромские земли находились на другом конце лесостепной полосы и имели удобное сообщение по степям с областью Руси; не с этого ли времени началось освоение русами бассейна нижней Оки? В далекое долетописное время русы проникли, очевидно, и в бассейн Ильменя, где известен г. Старая Русса, считавшийся историками местом образования Руси.

Русский племенной союз был длительным и прочным образованием, создавшим свою общую с незначительными оттенками культуру на пространстве от Киева до Воронежа, выполнявшим важную функцию обороны от кочевников и не менее важную функцию первичного собирания восточнославянских племен. Прочность союза русов и северян явствует уже из того, что их общая территория, объединенная в VI в., удержалась в народной памяти до XII в. До тех пор, пока русский союз племен не охватил всех восточнославянских племен, у иноземцев, писавших о Восточной Европе, иногда появлялось противопоставление руси славянам в этническом смысле. С русами VII—VIII вв. мы можем связывать ряд

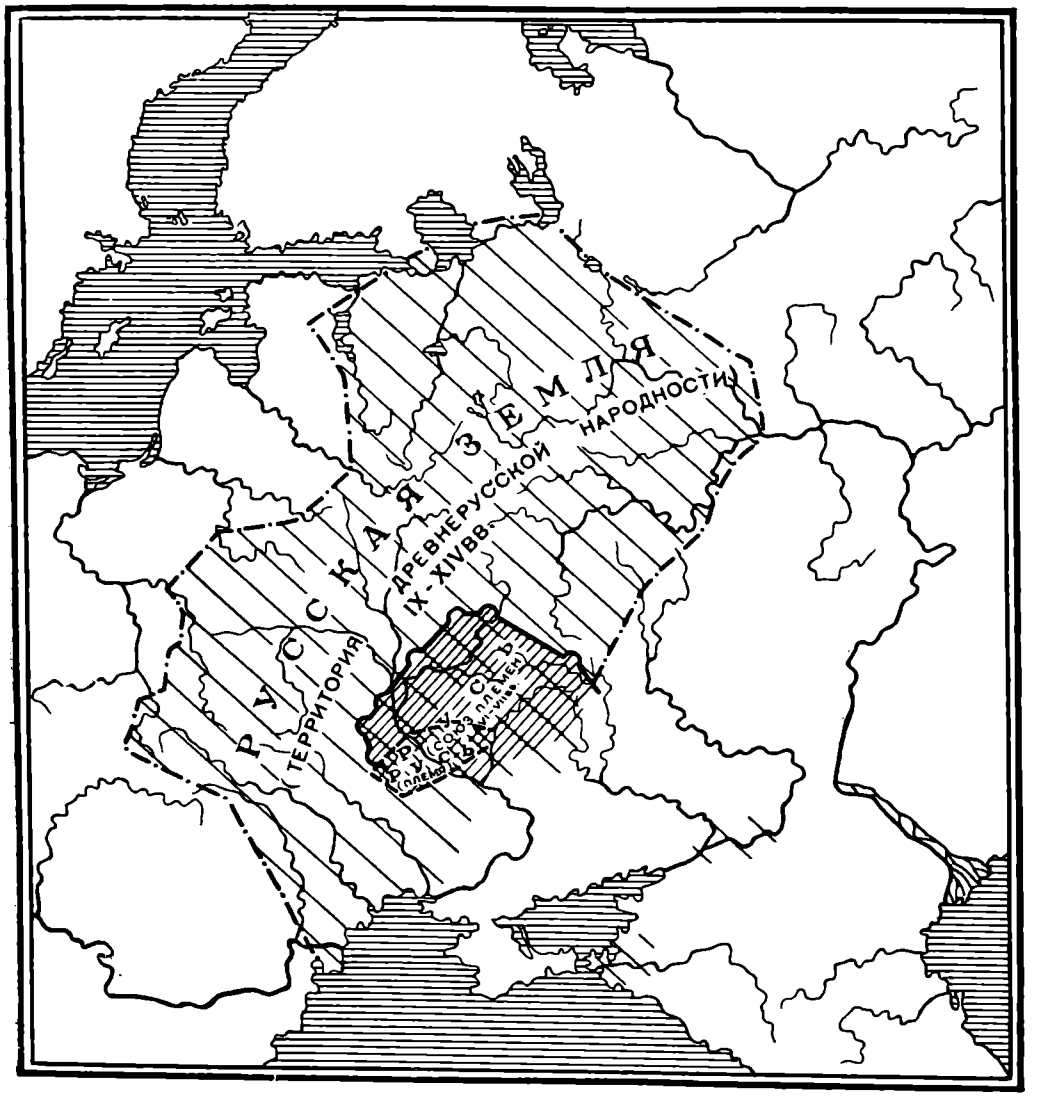


Рис. 27. Древнерусская народность IX—XIV вв. и ее историческое ядро — русский племенной союз VI—VII вв.

погребений (трупосожжений) с великолепным набором конского снаряжения и оружия (Вознесенское, Тополи, Ново-Покровка и др.) (рис. 26). Это были те русы, о которых восточные авторы говорили, что «они воюют со всеми окрестными племенами и одерживают верх».

Русь—народность. Русский союз племен, включавший антские племена русов и северян (а впоследствии, может быть, полян и уличей), был, как мы видели, устойчив и активен. «Союз родственных племен, оказавшийся в силу тех или иных исторических условий прочным и долговечным, неизбежно уже через одно-два столетия превращается в народность»[1]. Соглашаясь с этим тезисом, мы должны признать, что в географических рамках Русской земли (в узком смысле—от Киева до Курска) в VI—VII вв. уже складывалась русская народность, обособлявшаяся от остальных

[1] Б. В. Горнунг, В. Д. Левин, В. Н. Сидоров. Проблема образования и развития языковых семей. «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 50.

славянских племен. Однако почти одновременно с обособлением зарождавшейся русской народности происходило вовлечение все новых и новых восточнославянских племен в орбиту русского племенного союза, деятельность которого в VII в. была уже заметна и в Грузии и в Дербенте.

Нам совершенно неясен процесс объединения племен и племенных союзов вокруг Руси в VII—VIII вв.; мы знаем лишь конечный результат — сложение к IX—X вв. единой культуры, единого языка, единой государственной территории. Но ясно, что этот процесс шел весьма интенсивно и повсеместно. Поэтому едва ли целесообразно называть русский племенной союз народностью; это — ядро складывавшейся древнерусской народности, объединившей все восточнославянские племена и ассимилировавшей ряд иноязычных племен. Сложение племенного союза было шагом по пути к образованию народности. К IX в. понятие Русской земли во второй раз расширилось — теперь Русской землей стали называть земли всех восточнославянских племен, скрепленные в рамках древнерусского государства. В эту эпоху сложилась древнерусская народность, включавшая в себя предков русских, украинцев и белоруссов, с единым языком и единой культурой. Областные различия в культуре и в языке несомненно существовали. Указанные И. В. Сталиным основные диалекты русского и украинского языков (курско-орловский и полтавско-киевский) территориально совпадают с древней Русью VI—VII вв., с русским племенным союзом, предшествовавшим образованию древнерусского государства IX в.

Археологические материалы позволяют нам восполнить недостаток письменных памятников и проследить постепенное разрастание небольшого племени русов (на р. Роси) в Русский племенной союз, объединивший в VI в. целый ряд лесостепных антских племен, и превращение группы племен в народность, а союза племен — в крупнейшее в Европе государство (рис. 27).

На этот исторический путь от племени к народности потребовалось около шести столетий. А для того чтобы древнерусская народность превратилась в русскую, украинскую и белорусскую нации, потребовалась еще почти тысяча лет.

Определение территории устойчивого союза нескольких восточнославянских племен под гегемонией одного из них — Руси — позволяет нам полнее использовать археологический материал VI—VII вв. для социальной характеристики древних русов. В последующих полевых работах особенно важно обратить внимание на изучение поселений и укреплений в «Русской земле VI—VII вв.».

Ближайшей задачей дальнейшего изучения древних русов автор считает комплексное рассмотрение письменных и археологических источников VIII—X вв., которое позволит обрисовать сложный процесс образования древнерусской народности и древнерусского государства — Киевской Руси.

Х. А. МООРА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА В ПРИБАЛТИКЕ

(По археологическим данным)

Древнейшая история народов Прибалтики вплоть до конца XII в., до сложения у них феодальных отношений и возникновения первых государственных образований, в значительной степени еще не исследована, что объясняется крайней скудостью письменных источников. Пролить некоторый свет на процессы развития общества в эти ранние периоды в Прибалтике является поэтому важной задачей археологии. Разумеется, на основании изучения одних только археологических памятников, отражающих общественные явления лишь косвенно, вопросы развития общественных отношений разрешены быть не могут. Разработка этих вопросов может проходить с успехом лишь при условии привлечения письменных, языковых, фольклорных и этнографических данных. Это относится в особенности к Прибалтике по той причине, что значительная часть наших археологических материалов была накоплена еще в буржуазный период, когда проблема развития общественных отношений в классовых интересах националистической буржуазии замалчивалась археологами и историками и когда целью исследования археологических памятников могло быть изучение всяких других явлений, но никак не возникновения классов. Несмотря на то, что после восстановления в Прибалтийских республиках Советской власти в области археологических изысканий сделаны большие успехи и вся работа перестроена на основе марксистско-ленинской методологии, наши материалы являются пока все же еще слишком односторонними и недостаточными для более или менее детального изучения развития в Прибалтике древнего общества. Однако критическое использование старых археологических материалов и изучение всех богатых новых данных, добытых уже в советский период, дают возможность, основываясь на трудах классиков марксизма-ленинизма, в частности на ценнейших указаниях И. В. Сталина в его гениальных трудах по языкознанию и по экономическим проблемам социализма, наметить хотя бы самую общую картину развития общественного строя у народов Прибалтики, в том числе и ранних классовых отношений.

Первый вопрос, на котором нам следует остановиться, это вопрос о характере хозяйства у народов Прибалтики в начальный период развития у них классовых отношений. Этого вопроса мы должны коснуться в особенности потому, что еще до недавнего времени он разрешался по-разному. Одни исследователи, в том числе, например, академик Ю. В. Готье, считали, что племена Прибалтики были в I тысячелетии н. э. в основном еще

охотниками и рыболовами и что земледелие было у них только «чем-то вроде подсобного занятия»[1]. Другие же отстаивали точку зрения, согласно которой в этот период земледелие уже являлось основой хозяйства. В главе по ранней истории Литвы, написанной в учебниках по истории СССР таким выдающимся специалистом, как покойный академик В. И. Пичета, хозяйство дофеодальной эпохи охарактеризовано весьма неопределенно[2]. В 1947 г. появилась небольшая, но весьма ценная статья В. Т. Пашуто о хозяйстве средневековой Литвы[3]. В этой статье, на основании письменных и других источников, автор не только убедительно показывает, что основой хозяйства древних литовцев и их ближайших соседей с начала нашей эры было земледелие, но одновременно вскрывает необоснованность и классовые корни старой концепции о большой отсталости экономики литовских племен. Пашуто показывает, что мысль о крайней экономической отсталости литовцев и других племен Прибалтики восходит к древним хроникам немецких крестоносцев и распространялась позже главным образом немецкими реакционными историками для доказательства великой «цивилизаторской» роли немецких феодальных колонизаторов. Хотя некоторые более прогрессивные буржуазные историки и замечали, что эта точка зрения несовместима с фактом быстрого возвышения Литвы в XIII в., но, исходя из антинаучного идеалистического понимания истории, они объясняли возникновение Литовского государства целиком внешними причинами.

После появления статьи В. Т. Пашуто не может быть никакого сомнения в том, что у племен Прибалтики на рубеже нашей эры земледелие стало основой хозяйства. К тому же заключению несколько раньше пришли уже и археологи на основании изучения вещественных памятников. Я не буду здесь останавливаться на всех археологических доказательствах этого факта, а ограничусь лишь приведением двух карт (рис. 1 и 2). Первая из них показывает распространение в северной части Прибалтики, на территории Эстонии, памятников III и II тысячелетий до н. э., т. е. периода, на протяжении которого основой хозяйства были охота и рыбная ловля (хотя под конец его появились уже и зачатки скотоводства и земледелия). На второй карте показано распространение памятников первых веков нашей эры, когда земледелие стало ведущей отраслью хозяйства. Сравнение этих карт показывает с большой наглядностью, что в начале нашей эры происходит быстрое освоение не заселенных до того возвышенных частей территории Эстонии, т. е. основных земледельческих районов, и что в то же время редеет заселенность низин, речных бассейнов и морского побережья, где сосредоточивалась главная часть населения до последнего тысячелетия до н. э. Такую же картину мы наблюдаем и на территории Латвии и Литвы. На крайнем западе Литвы и на территории нынешней Калининградской области у предков древних куршей и эстиев, или пруссов, этот процесс проходил, повидимому, уже в конце последнего тысячелетия до н. э.

Наряду с земледелием важное место в хозяйстве занимало скотоводство. Другие же занятия (рыбная ловля, охота, бортничество, ремесленное

[1] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 197.

[2] «История СССР», под ред. В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова, т. I. Госполитиздат, 1941, гл. VIII, § 2. Недостаточно четко показан уровень развития земледелия у литовцев также в другом учебнике, вышедшем позже: «История СССР», под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева, т. I. Госполитиздат, 1947, гл. XV, § 2.

[3] В. Пашуто. Хозяйство и техника средневековой Литвы. ВИ, 1947, № 8, стр. 74—81. Во время печатания настоящей статьи появилась новая работа В. Пашуто. О возникновении Литовского государства. ИАН СИФ, т. IX, № 1, стр. 29—49.

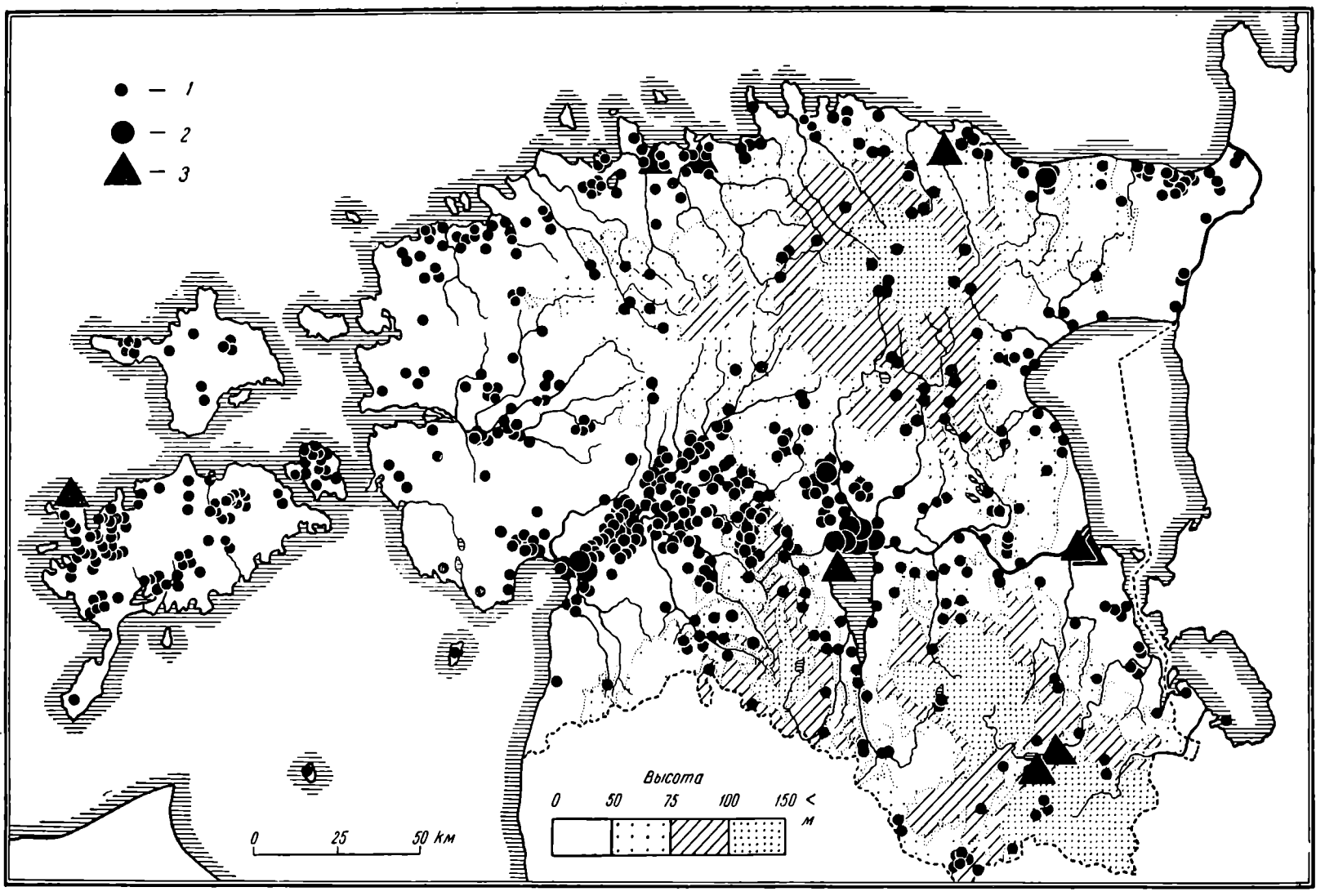


Рис. 1. Распространение на территории Эстонской ССР памятников III—II тысячелетий до н. э.

1—2 — случайные находки; *3* — изученные поселения.

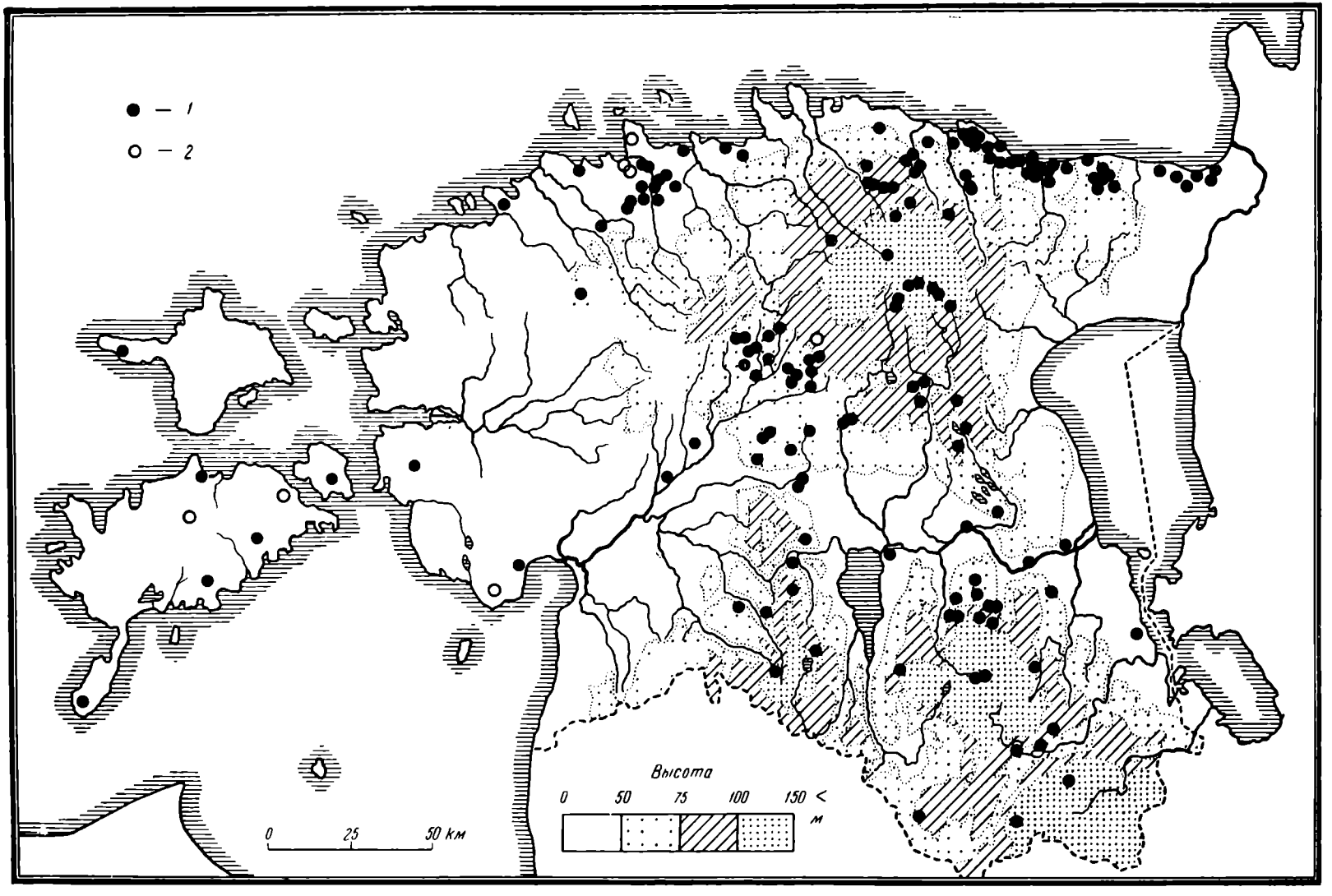


Рис. 2. Распространение на территории Эстонской ССР памятников I—IV вв. до н. э.

1 — могильники; *2* — римские монеты.

производство) имели более или менее подсобное значение. В силу этого все дальнейшее развитие общества определяется, начиная с первых веков нашей эры, главным образом развитием земледелия и землевладения.

В период с I по IV в. земледелие в Прибалтике носило в основном характер подсечного. Это была, однако, уже не единственная форма земледелия: существовали, вероятно, уже также и начатки переложного

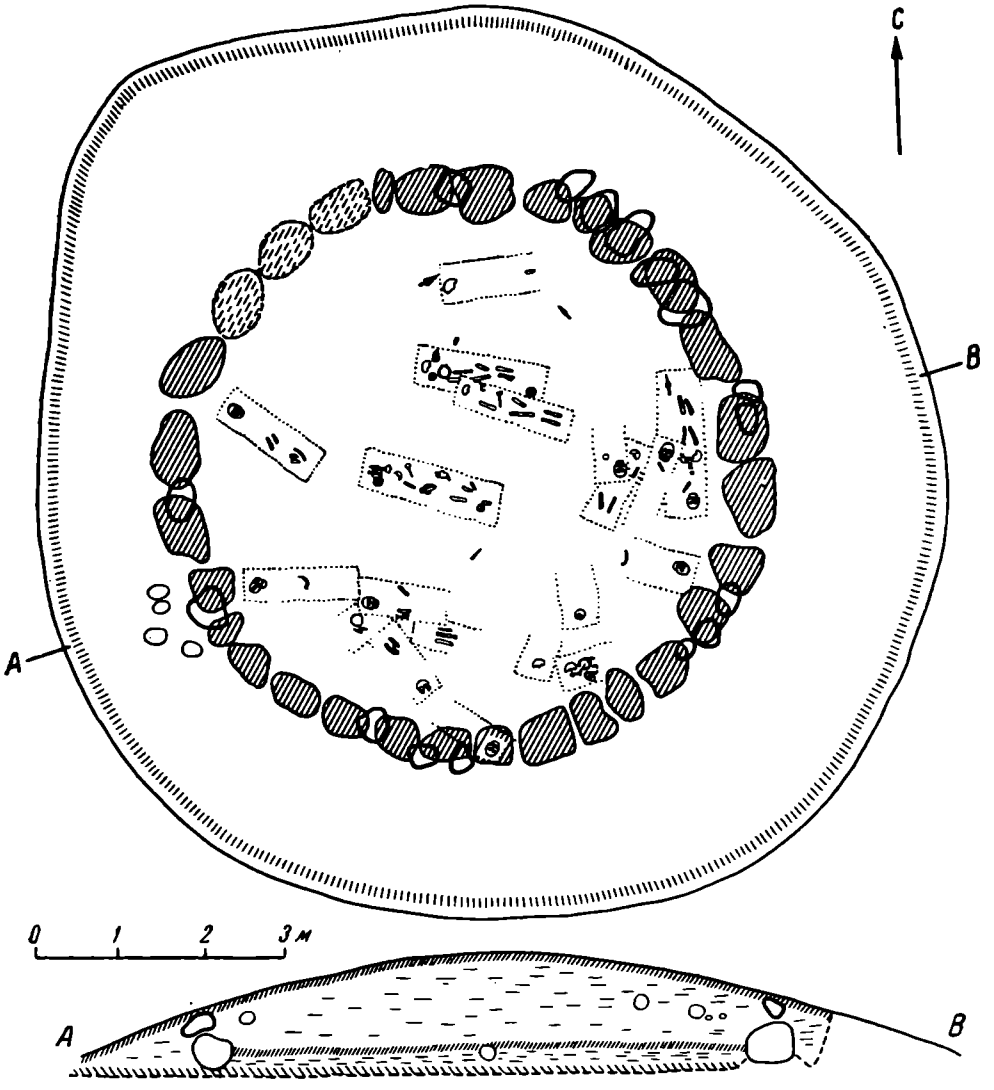


Рис. 3. Одна из курганных насыпей с захоронениями коллективного характера в курганной группе III—VI вв. (Слате Акнистского района Латв. ССР).

земледелия. Наряду с мотыгой и другими простыми земледельческими орудиями применялся, повидимому, и известный легкий тип рала или сохи с людской тягой. Подсечное земледелие играло в это время важную роль. Племена Прибалтики жили в этот период главным образом семейными общинами. При родо-племенном строе род находился уже в процессе распада. Типичными памятниками первых веков нашей эры являются у летто-литовских племен небольшие курганные могильники, каждый по нескольку насыпей с захоронениями коллективного характера (рис. 3), а у финских, т. е. ливо-эстонских, племен — коллективные

каменные могилы, содержащие по нескольку трупосожжений и обнесенные каменными оградами (рис. 4). В начале нашей эры население, жившее до тех пор более или менее ясно выраженными родовыми группами, в связи с освоением новых, пригодных для обработки земель, расселяется меньшими общинами и более равномерно на широких территориях. Этим сравнительно небольшим семейным общинам, очевидно, и принадлежали только что названные коллективные могильники. Для начала нашей эры весьма показательно и другое явление: укрепленные поселения, характерные для последнего тысячелетия до н. э., прекращают свое существование или превращаются в убежища, используемые только в периоды опасности. Таким образом, все памятники свидетельствуют о том, что на рубеже нашей

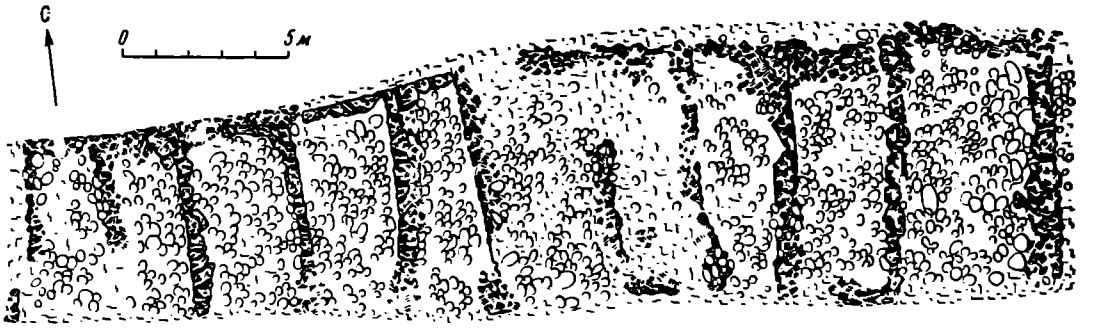


Рис. 4. Каменный могильник со сложенными из плитняка оградами (II—V вв.) в Пада (Кивиыльский р-н Эст. ССР).

эры в экономике и в социальных отношениях племен Прибалтики произошли значительные изменения. Укажем, что на крайнем юго-западе Прибалтики у предков пруссов и куршей в начале этого периода могильники с коллективными захоронениями уступают место погребениям одиночного характера. Судя по этому, можно полагать, что у них на самом рубеже нашей эры уже началось выделение малых семей, хозяйство которых основывалось, вероятно, на пашенном земледелии.

Археологический материал показывает, что в рассматриваемый период металлы — железо и бронза — прочно вошли в обиход. Обработка металлов достигла значительного технического уровня. Обмен, хотя и сохранял еще межплеменной характер, стал более необходим для хозяйства.

В общем материальная культура в этот период не свидетельствует еще о резкой имущественной дифференциации. Только на юго-западе, у пруссов и племен западной части Литвы, встречаются могилы с богатым инвентарем, в том числе с отдельными серебряными украшениями. Тут, как уже отмечалось, мы имеем дело, вероятно, с началом обособления малых семей, между тем как скопления бронзовых украшений, встречаемые в некоторых случаях в остальной Прибалтике, можно считать скорее всего богатствами отдельных глав патриархальных семей или представителей родовой знати.

Период с IV—V по VIII—IX в. отличается по своему характеру от предшествующего. Начиная примерно с V в., могильники с коллективными захоронениями сменяются во всей Прибалтике одиночными погребениями. Это является совершенно очевидным признаком обособления одиночных семей. Необходимо все же иметь в виду, что погребальные обычаи представляют собою явление надстроечного порядка, которое, следовательно, отстает от фактического развития общественных

отношений. И. В. Сталин учит, что «надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе»[1]. Учитывая это, мы приходим к заключению, что обособление одиночных семей должно было начаться уже несколько раньше распространения в Прибалтике одиночных захоронений,—вероятно в IV в., а в ее крайней юго-западной части — еще раньше.

Таким образом, начинает распадаться и другое звено родо-племенной организации — семейная община. Основной причиной этого был дальнейший рост производства, прежде всего появление новых способов обработки земли, в особенности распространение в период с IV по VIII в. пашенного земледелия. Пашенное земледелие являлось в наших условиях важнейшей предпосылкой возникновения обособленных хозяйств и характеризовало начало резкого имущественного и социального расслоения. О возникновении пашенного земледелия говорят, с одной стороны, находки в непосредственном соседстве с Прибалтикой — в Старой Ладоге — железных сошников, датируемых VII в. Пахотному орудию с железным сошником предшествовало несомненно соответствующее орудие, изготовленное целиком из дерева. С другой стороны, примерно в то же время славянское название сохи воспринимается эстонским и другими западнофинскими языками (ср. эст. sahk). Уже в первой половине I тысячелетия существовало в эстонском и в других западнофинских языках название рала (ader). К тому же времени относится появление в эстонском языке названий для борозды (vagu), поля (põld), некоторых новых злаков (ржи — rukis, овса — kaer) и еще ряда других терминов, свидетельствующих о разностороннем развитии в этот период земледелия. Значительная часть новых терминов является заимствованием из балтийских языков и показывает, таким образом, что балтийские племена шли в области земледелия несколько впереди финских.

Одновременно наблюдается и дальнейшее развитие скотоводства. Это засвидетельствовано между прочим широким распространением косы-горбуши, начиная с V—VI вв. Это орудие, встречавшееся в первые века н. э. только у предков пруссов и куршей, появляется теперь часто в жемайтских и земгальских мужских погребениях, а позже — и у других племен. Его появление указывает на рост заготовки сена, что, по всей вероятности, стояло в связи с появлением стойлового содержания скота, а последнее связано в свою очередь, как утверждают этнографы, с использованием скота в качестве тягловой силы при обработке земли. Развитие скотоводства было, таким образом, непосредственно связано с развитием земледелия.

Археологический материал отражает и дальнейшее развитие ремесленного производства. Многочисленные металлические предметы, железные топоры, серпы и другие производственные орудия, железное оружие, а также бронзовые и серебряные украшения показывают высокий уровень металлообрабатывающего ремесла. Изящностью форм и совершенством техники в особенности отличаются железные изделия, встречаемые в VI—VIII вв. в юго-восточных районах Литвы. Пока все же трудно сказать, можно ли уже по отношению к этому периоду говорить о начале отделения ремесла от земледелия.

В рассматриваемый период наблюдается также дальнейший рост обмена. Наряду со связями с племенами Привисленья играли значительную роль сношения с восточнославянскими племенами Приднепровья. Из

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

Приднепровья Прибалтика получала между прочим большую часть своего серебра.

В результате роста производительности труда и обособления в связи с этим отдельной семьи, становящейся хозяйственной единицей, на смену родственным связям приходят новые, территориальные связи. В территориальной, сельской общине уже нет имущественного равенства. С возникновением частнособственнических отношений начинает все более резко выступать имущественное расслоение. Выделяются семьи, более обеспеченные орудиями труда, рабочей силой, скотом и способные вследствие этого захватить лишние участки земли.

Начиная именно с описываемого периода, прослеживается во всей Прибалтике появление отдельных погребений с богатым инвентарем, в особенности с предметами украшения из драгоценных металлов. Из особенно богатых погребальных памятников назовем для примера могильник, в Вершвай вблизи Каунаса в Литве[1], куршский могильник в Гейстаути, в юго-западной части Латвии, земгальский могильник в Плавниеккалнс, близ Риги, и богатое погребение в Киримяэ, на северо-западе Эстонии. В Литве обнаружены в некоторых случаях даже целые могильники, отличающиеся на протяжении долгого времени богатыми захоронениями. Примером такого некрополя может служить только что названный могильник в Вершвай[2]. Раскопками этого памятника установлено, что он просуществовал примерно тысячу лет, с III до XII в. включительно. В нем было обнаружено большое число исключительно богатых могил. В качестве примера приведем содержание одного женского погребения (№ 98), датируемого серединой I тысячелетия (рис. 5). В этой могиле были найдены, между прочим, массивная серебряная гривна днепровского типа и два серебряных браслета с утолщенными концами — тип, который в Прибалтике до этого был представлен только бронзовыми экземплярами; на груди лежало украшение из цепочек, прикрепленных к одежде при помощи посеребренных булавок. Весь инвентарь показывает хорошую технику изготовления. В Гейстаути отличалось особым богатством мужское погребение № 2. В нем найден длинный боевой нож, серебряная шейная гривна, серебряная же пряжка, отличающаяся изящностью как формы, так и орнамента и имеющая следы позолоты; вторая пряжка изготовлена из бронзы, но покрыта листовым серебром; массивный бронзовый браслет и миниатюрный глиняный сосудик, отличающийся, как и весь инвентарь, исключительно хорошей работой (рис. 6). Характерно, что наиболее ценные предметы были положены в могилу в особом ларчике, из чего можно заключить, что они, повидимому, составляли личные ценности погребенного[3]. Мужские погребения этого периода характеризуются богатством оружия, что, очевидно, является признаком учащения вооруженных столкновений.

Наряду с богатыми могилами о резком имущественном расслоении свидетельствуют также характерные для этого периода клады серебряных вещей и отдельные золотые предметы. Эти клады являлись, несомненно, богатствами отдельных семей. Они состоят чаще всего из серебряных шейных гривен, браслетов или пряжек (рис. 7). Напомним, что драгоценная шейная гривна являлась у многих древних народностей (кельтов, германцев, славян) украшением, отличавшим представителей знати.

---

[1] Некоторые приведенные в настоящей статье сведения по литовским памятникам любезно предоставили автору канд. истор. наук В. К. Куликаускене (Вильнюс) и П. Ф. Тарасенко (Каунас).

[2] Инвентарь хранится в Каунасском Гос. художественном музее.

[3] Инвентарь из раскопок Гейстаутиского могильника хранится в Гос. центральном историческом музее в Риге.

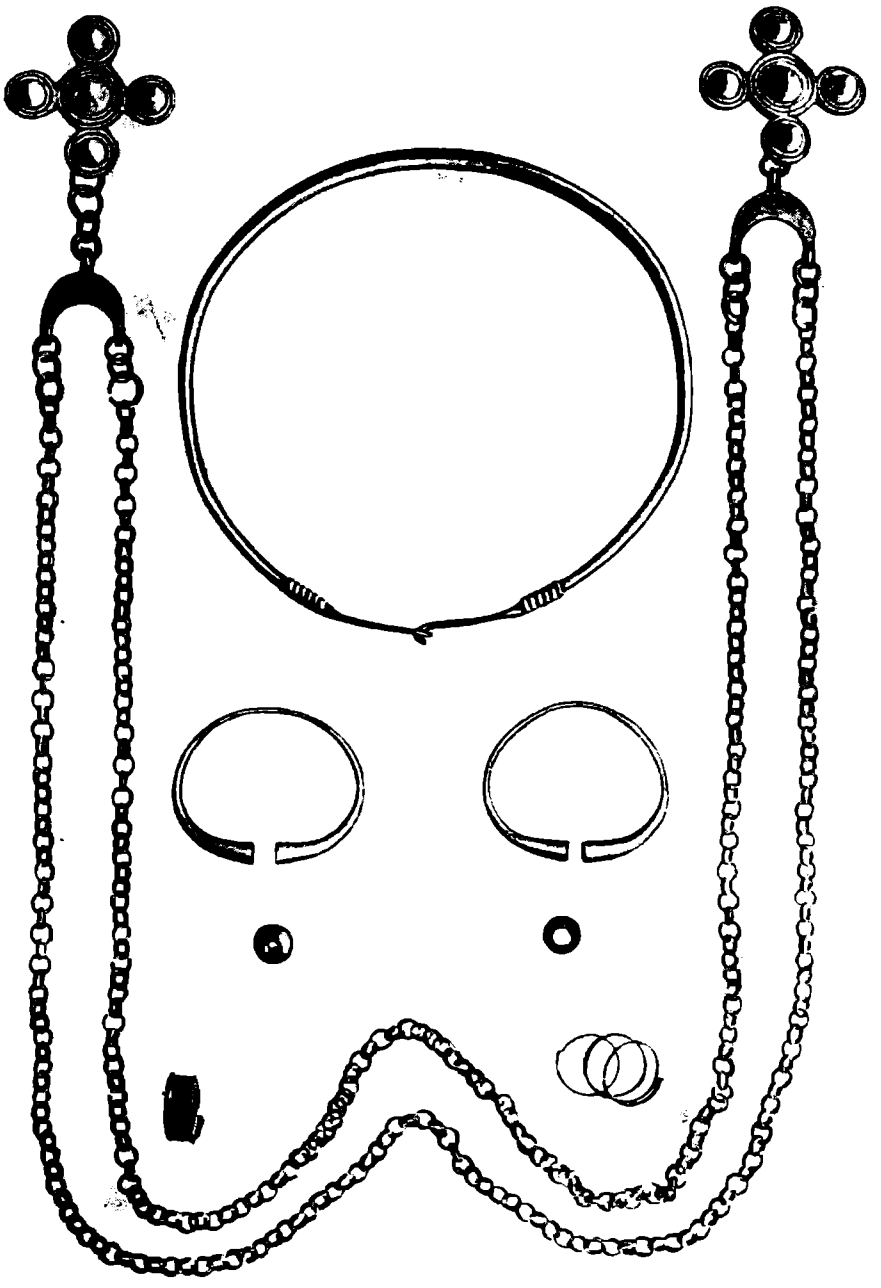


Рис. 5. Инвентарь женского погребения (№ 98) V в. из Вершвайского могильника (Вилиямпольский р-н Лит. ССР).

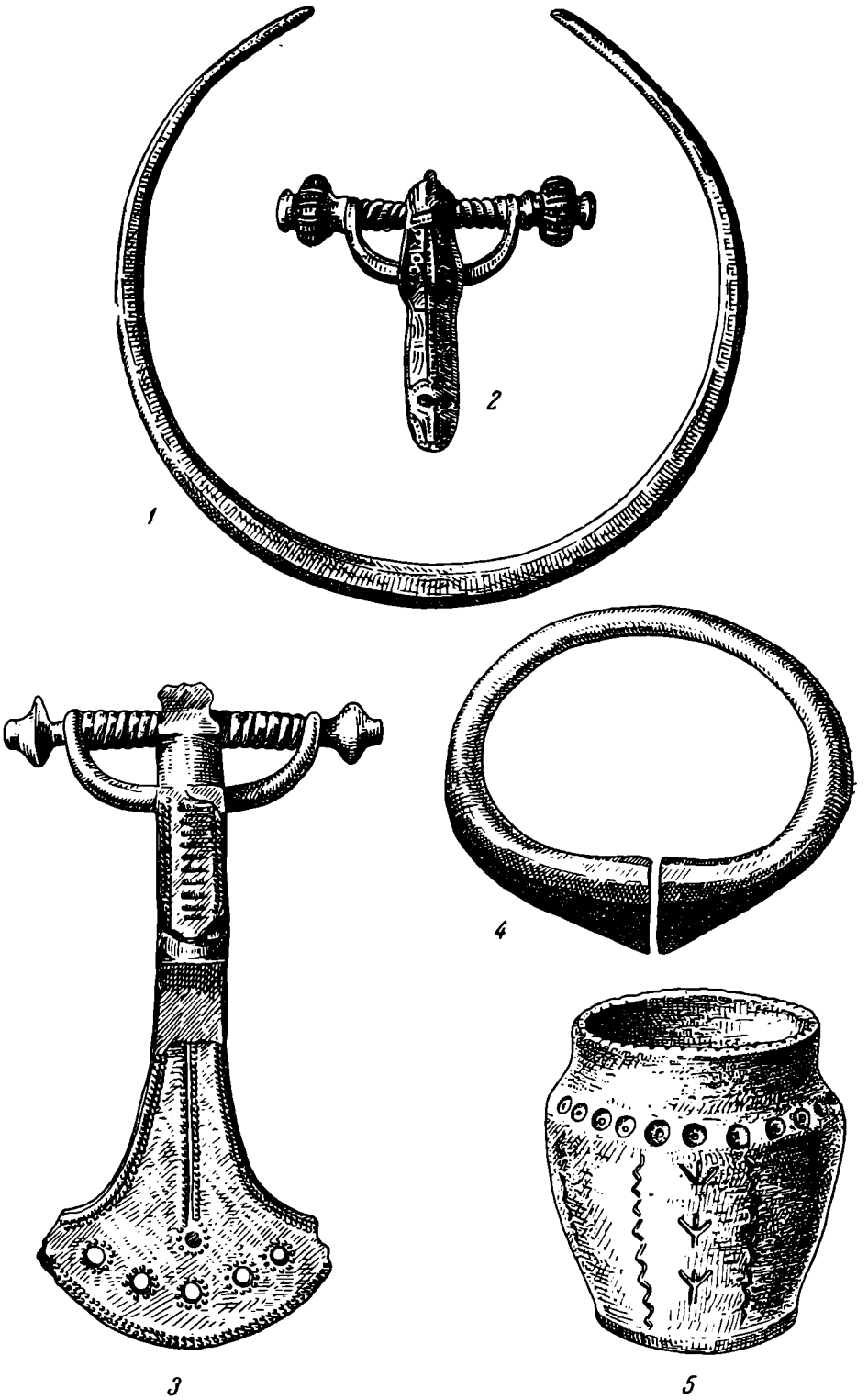


Рис. 6. Часть инвентаря из мужского погребения № 2 (V—VI вв.) Гейстаутиского могильника (Лиепайский р-н Латв. ССР).

1 — шейная гривна; *2*, *3* — пряжки; *4* — браслет; *5* — глиняный сосудик

Рис. 7. Серебряные шейные гривны из кладов VII—VIII вв. Две верхние из Думпьи (Баускский р-н Латв. ССР), нижняя — из Балтинава (Карсавский р-н Латв. ССР).

В Литве, начиная с середины I тысячелетия, все чаще появляются мужские погребения с конями. Таким захоронением было, например, погребение № 35 в Рекятэ, Салантайского района (рис. 8)[1]. Погребенный имел при себе два копья очень хорошей работы, втульчатый топор и косу-горбушу; на груди его лежали две арбалетовидные пряжки, из них одна серебряная; рядом с покойником был захоронен его конь (представлявший

Рис. 8. Погребение с конем (V—VI вв.) в Рекятэ (Салантайский р-н Лит. ССР).

в то время, несомненно, большую ценность); его удила отличаются исключительно большими кольцами. Захоронения с конями являются, без сомнения, могилами представителей знати. По этим погребениям мы можем заключить, с одной стороны, что в это время в народном ополчении получает большое значение конница, а с другой — что ее составляли имущие, знать.

О возникновении грабительских войн и возросшей потребности в обороне свидетельствует и усиленное укрепление в этот период городищ. Изучение городищ в Эстонии и Латвии показало, что V—VI вв. и последующие столетия являются периодом возникновения целого ряда новых укреплений и дальнейшего усиления существовавших до этого городищ.

[1] Хранится в Каунасском Гос. художественном музее.

Как уже отмечалось выше, в начале нашей эры укрепленные поселения предыдущего периода превратились в убежища, в которых население появлялось только временами, спасаясь от врагов. На первых порах городища-убежища имели лишь слабые валы и другие оборонительные сооружения. Вообще культурные отложения первых веков н. э. на прибалтийских городищах отличаются небольшой толщиной. К тому же в них обнаружено мало вещей. Это все указывает на то, что городища использовались в тот период не особенно интенсивно. Начиная с V—VI вв. картина меняется. Эти и последующие века оставили на городищах не только более значительный и более богатый культурный слой, чем предшествующий период, но эти наслоения свидетельствуют также о том, что в этот период городища подвергались чаще разрушениям. После каждого разрушения их защитные сооружения выстраивались заново и постепенно усиливались. Из этого необходимо сделать заключение, что население в этот период было принуждено значительно чаще искать укрытия в городищах, чем прежде. Раскопки ряда эстонских городищ привели нас к выводу, что они носили в этот период — по крайней мере у эстонских племен — еще общинный характер, т. е. что они строились и использовались одной или несколькими территориальными сельскими общинами. В южных же частях Прибалтики появляется к концу этого периода новый тип городищ, отличающийся особенно сильными оборонительными сооружениями, характерными уже для следующего периода.

Весьма типична история городища Даугмале, расположенного на южном берегу р. Даугавы, в 24 км выше Риги. Оно возникло как укрепленное поселение в последнем тысячелетии до н. э.; в первые века н. э. оно превратилось в городище-убежище, которое, однако, лишь в V—VI вв. было сильнее защищено. В это время был выложен камнями склон городища в целях его укрепления; несколько подсыпан, был, повидимому, и вал.

По литовским городищам имеется пока очень мало данных. Раскопки более значительного масштаба произведены лишь на двух городищах, в Апуоле и Ипильтис, расположенных на крайнем северо-западе литовской территории, первое — в Скуодайском, второе — в Кретингском районе. Оба городища существовали уже в первые века н. э. и являлись, повидимому, общинными убежищами[1]. Апуоле было отгорожено валом высотой лишь в 1,5 м, а Ипильтис, вероятно, только частоколом из деревянных плах. В середине I тысячелетия вал городища Апуоле был подсыпан до высоты примерно в 3 м, и на нем были сооружены новые деревянные городни. Далее укрепления этого городища больше не усиливались до VIII в. Первоначально сравнительно слабо защищенное городище Ипильтис получило новые укрепления примерно в VII в., когда оно было отгорожено мощным валом до 7 м высотой.

Несмотря на то, что мы располагаем по прибалтийским городищам пока лишь сравнительно небольшим раскопочным материалом, он все же позволяет сделать совершенно определенный вывод, что, начиная примерно с середины I тысячелетия, население все чаще должно было искать защиты в городищах. В связи с этим происходит усиленное строительство городищ, укрепляются уже существующие и закладываются новые городища.

Итак, все археологические памятники в полном соответствии друг с другом показывают, что отрезок времени с IV—V по VIII в. был периодом значительных сдвигов в экономике и общественных отношениях

[1] Во избежание недоразумений отметим, что под общинными городищами в настоящей статье подразумеваются укрепления территориальных общин.

племен Прибалтики. Прослеживается значительный рост производства, быстрое возрастание имущественной и социальной дифференциации, возникновение частнособственнических отношений, распад первобытно-общинного строя и появление зачатков антагонистического классового общества. Хотя первые письменные данные о наличии рабства, как у эстов на севере, так и куршей на юге Прибалтики, относятся уже к X в.[1], характер только что описанных памятников не оставляет сомнения в том, что рабство впервые появилось не в X в., а что все предпосылки для его распространения имелись налицо уже в середине I тысячелетия. Эксплуатация имущей верхушкой рабов являлась важным фактором, ускорявшим дальнейшее обогащение знати и вместе с тем разложение первобытно-общинных отношений.

Период, охватывающий IX и X вв., является дальнейшим этапом выделения и усиления имущих верхов древнего общества. Для этого периода мы имеем уже и некоторые отрывочные письменные сообщения, в особенности в древнерусских летописях, в которых не раз упоминаются племена Прибалтики. Некоторые сведения содержат также скандинавские источники. В основном же мы должны и при изучении истории этого периода попрежнему опираться на данные археологии. Необходимо сказать, что из числа археологических памятников могильники, связанные в своей обрядности древними традициями, лишь слабо отражают развитие общественных отношений; в особенности это относится к земгальским и латгальским могильникам. По литовским, куршским и эстонским могильникам имущественное и социальное расслоение прослеживается несколько лучше. Однако по отношению к погребальным памятникам вообще мы должны учесть цитированное выше указание И. В. Сталина об отставании надстроечных явлений от изменений в базисе.

На литовских могильниках можно сравнительно четко наблюдать различия между погребениями выделившихся из народной массы имущих, с одной стороны, и бедных — с другой. Погребения имущих отличаются, в частности, лучшим качеством оружия. Между тем как в обычных мужских могилах оружие состоит из копья или топора, в погребениях богатых мы находим, начиная с конца VIII в., нередко и меч. Среди мечей имеется немало ценных привозных экземпляров, но у литовцев и у некоторых других летто-литовских племен чаще встречаются мечи местного производства, свидетельствующие о высоком уровне у них кузнечного дела. Появление меча у богатых лиц свидетельствует о том, что и по вооружению они выделялись из массы народа. В IX—X вв. появился широколезвийный топор, который имел по сравнению с прежним, узколезвийным, большую эффективность и как орудие труда, и как боевое оружие. Погребения с конями, которые прежде были более или менее одиночными явлениями, встречаются примерно с X в. в некоторых литовских могильниках в большом числе.

Для богатых женских погребений характерно наличие в них многочисленного металлического, в том числе и серебряного убранства. Бронзовые предметы украшения, в частности пряжки и браслеты, носят, особенно часто у летто-литовских племен, характер массового изготовления, что характеризует уровень развития металлообрабатывающего ремесла. В связи с массовостью изготовления металлических предметов, а также с развитием обмена наблюдалось, уже начиная с предшествующего периода, постепенное исчезновение в предметах украшения тех локальных племенных

[1] О рабстве у куршей повествуется в саге об Эгилсе Скаллагримссоне (около 925 г.), а у эстов — в саге об Олафе Тригвассоне (примерно 967 г.).

особенностей, которые еще в первые века выражались с большой четкостью. С IX в. распространяется по всей Литве трупосожжение, которое было прежде свойственно только одной части литовских племен. Таким образом, как на территории Литвы и Латвии, так и в Эстонии, прослеживается совершенно ясно стирание племенных границ. Родоплеменной строй отступает в прошлое, и начинается формирование в Прибалтике народностей.

Ярче, чем могильные инвентари, отражают имущественное расслоение многочисленные клады, которые в южной части Прибалтики, южнее реки Даугавы, состоят обычно из серебряных слитков, севернее же — главным образом из монет. Серебряные слитки и их топография в Прибалтике описаны в недавно вышедшей работе Г. Б. Федорова[1]. Автор этой работы приходит к заключению, что центром возникновения и распространения характерного для Прибалтики типа трехгранных слитков была Литва, где они появляются в X в. и продолжают бытовать до XIV в. Таким образом, по крайней мере в южной части Прибалтики, в Литве, развитие торговли достигло к X в. уровня, на котором начинает возникать своя денежная система. Прибалтийские, точнее — литовские, слитки-гривны примыкают непосредственно к русским, что явствует, в частности, из того, что они имеют общий с русскими вес в полфунта, и их подразделением является тот же рубль, что и у русских слитков. Монетные клады содержат в IX—X вв. главным образом серебряные арабские диргемы, проникшие в Прибалтику несомненно через посредничество русских соседей. Монетных и других кладов IX—XI вв. обнаружено пока на территории одной Эстонии более 100. Наряду со слитками и монетами в состав кладов нередко входят также серебряные украшения, чаще всего шейные гривны, пряжки и браслеты[2]. Указанные многочисленные клады являются богатствами, накопленными отдельными семьями. Наиболее крупные из этих кладов принадлежали, несомненно, верхам знати. Эти клады — яркий показатель того большого значения, которое к этому периоду приобрела для знати прибалтийских племен торговля. Из прежних межплеменных меновых сношений обмен к этому периоду превратился в непосредственную торговлю с отдаленными странами и центрами. О посещениях эстонцами Новгородского торга повествует одна из скандинавских саг[3]. О значительной роли, которую для развития торговли племен Прибалтики играли сношения с Киевской Русью, с ее растущими городами, свидетельствуют не только многочисленные монеты и предметы восточного происхождения в названных кладах, но и заимствование языками всех прибалтийских народов из русского языка многих торговых терминов (напр., русское «торг» — эстонское «turg», латышское «tirgus»; русское «безмен» — эстонск. «pāsmer», латышское «bezmens» и др.). Прибалтика восприняла, как уже упоминалось, и русскую весовую и денежную систему. Таким образом, мы видим, какое большое значение имели тесные связи с древней Русью для экономического и культурного развития народов Прибалтики.

Важнейшими предметами торговли были, наряду с пушниной, драгоценные ткани, соль, металлы и, в особенности, рабы. О наличии рабства

---

[1] G. B. F e d o r o v a s. Lobiu su Lietuvos lydiniais ir monetomis topografija. (Топография кладов с литовскими слитками и монетами). УЗИИЛ, Вильнюс, 1951, стр. 181 и сл. См. также: Г. Б. Ф е д о р о в. Классификация литовских слитков и монет. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 114.

[2] Краткое описание серебряных украшений и монет, обнаруженных на территории Эстонии, дает A. M. T a l l g r e n. Zur Archäologie Eestis, II. Tartu, 1925, стр. 138. Литература по литовским и латышским кладам приведена в вышеупомянутой работе Г. Б. Федорова.

[3] Сага об Олафе Тригвассоне.

и о торговле рабами в Прибалтике в X в. сохранились, как мы уже отмечали, некоторые сообщения в письменных источниках.

Но не рост ремесленного производства или торговли являлся тем фактором, которым прежде всего определялось дальнейшее развитие экономической мощи знати. Такое объяснение дается обычно буржуазными исследователями, на каждом шагу модернизирующими и тем самым искажающими картину древних исторических явлений. На самом деле этим фактором был в первую очередь рост земледелия, в особенности пашенного, и связанного с ним скотоводства. За обособлением отдельной семьи и скоплением в руках отдельных семей богатств последовал захват имущими семьями лишних земельных участков и других угодий. Необходимой предпосылкой этого было, с одной стороны, расширение рабства и, с другой, начало эксплуатации имущими труда своих сообщинников. Установленный нами выше факт наличия и дальнейшего роста в Прибалтике рабства сам по себе говорит о начале скопления земель в руках имущих. Рабочая сила рабов могла иметь для них ценность главным образом при использовании ее для сельскохозяйственных работ. Предположение о концентрации земельных богатств к тому же хорошо согласуется со всем тем, что мы по разным источникам вообще можем заключить об уровне социально-экономического развития племен Прибалтики в данный период.

Особый интерес для анализа характера социальных отношений представляют опять-таки данные о городищах. Начиная с IX—X вв. у балтийских племен (у литовцев же, повидимому, отчасти уже в VII—VIII вв.) возникают городища нового типа, с особенно мощными защитными сооружениями; прежде всего бросается в глаза значительная высота валов, достигающая 7 м и больше. При этом валы нередко укреплены внутренней деревянной конструкцией, и их склоны покрыты для прочности глиной или другими материалами, которые иногда доставлялись издалека. В некоторых случаях на этих городищах были произведены значительные работы для увеличения крутизны склонов. Всем этим указанные городища отличаются от прежних укреплений территориальных общин, не имеющих таких мощных валов и других оборонительных сооружений. Проведение трудоемких работ, о которых говорят сильные укрепления этих городищ, стало, очевидно, возможным только при условии использования рабского и другого подневольного труда, которым располагали верхи имущей знати.

Указанный тип городищ вырос уже не из потребностей широких масс населения, а прежде всего в интересах имущих. Эти городища возникают обычно в важнейших территориальных центрах, располагаясь чаще всего в местностях с плодородной, благоприятной для развития земледелия почвой. Районы с наиболее плодородной почвой шли в развитии экономики и общественных отношений совершенно явно впереди других. Около наиболее мощных городищ располагались, начиная с X—XI вв., поселения, в которых наблюдается постепенное сосредоточивание ремесленного производства, начинающего в этот период, по крайней мере в Южной Прибалтике, отделяться от земледелия.

В укрепленные пункты этого типа превращаются названные нами выше городища Апуоле и Ипильтис в Литве. Первое получает высокий вал в VIII в. (рис. 9), второе, возможно, уже в VII в. Около городища Ипильтис возникает в X в. поселение — посад. Наличие посада установлено также у Апуоле, хотя пока еще не известно время его возникновения. На территории Латвии соответствующий тип укреплений появляется, повидимому, немного позднее. Все изученные поздние латышские городища или возникли или получили мощные валы, начиная с IX—X вв. Так, в X в.

построено, например, городище Талси, в северной части территории древних куршей, а в IX в.,— Межотне, один из важнейших центров земгаллов. Городище Даугмале близ Риги было, вероятно, укреплено примерно в то же время высоким валом. В X в. построено сильное городище Ерсика на северном берегу среднего течения Даугавы, и т. д. Характерно, что одновременно с возникновением в VIII—X вв. этих мощных укреплений прекращает свое существование ряд общинных городищ (в Литве, например, Возгельское и Мошкенское, в Эстонии — Клооди, Пеэду).

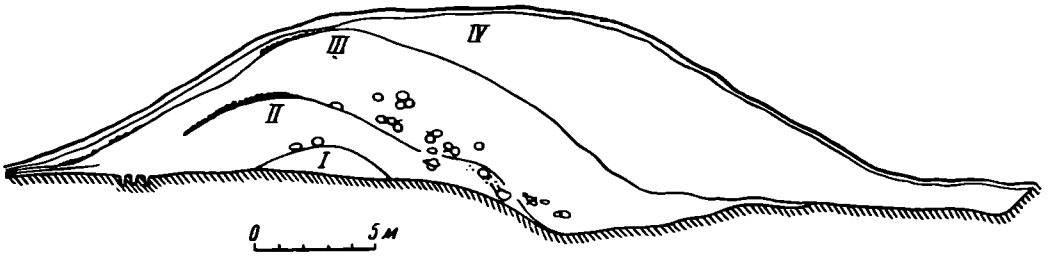


Рис. 9. Схематический разрез вала городища Апуоле (Скуодайский р-н Лит. ССР).
I — слой первых веков н. э.; II — слой VI—VII вв.; III — слой VIII—IX вв.; IV — слой X—XIII вв.

В процессе дальнейшей дифференциации самой знати мощные укрепленные пункты попадают, естественно, в зависимость от наиболее сильных и превращаются в за́мки. В известном описании поездки Вульфстана в IX в. к западным пруссам, или эстиям, сообщается, что он застал у пруссов много городов (правильнее было бы, пожалуй, «замков»), «и, — сообщает он далее,— в каждом городе король..., и король и богатые люди пьют кобылье молоко, а бедные и рабы — мед. И много бывает у них войн»[1]. Если пруссы, в особенности западные, в своем общественном развитии несколько и опередили другие народы Прибалтики, то все же не может быть никакого сомнения в том, что в это время, по крайней мере в южной части Прибалтики, мы увидели бы такую же картину, какую нам рисует Вульфстан. В замках властвовали наиболее могущественные верхи знати, успевшие поставить в зависимость от себя не только рядовых общинников, но и других, менее богатых представителей знати, которые стали их дружинниками. Таким образом, городища из прежних оборонительных пунктов всего свободного народа превращались в те замки для подавления свободы народа, к которым относятся красноречивые слова Ф. Энгельса: «...в их рвах зияет могила родового строя...»[2]. Весьма характерно, что Вульфстан отмечает частые войны у пруссов. Ведь это период, когда войны и грабеж стали, выражаясь словами Энгельса, «регулярными функциями народной жизни»[3], одним из постоянных средств дальнейшего обогащения и возвышения имущих. Это подтверждается как большим числом городищ, так и множеством оружия в могильных инвентарях. Показательно также и то, что Вульфстан указал на резкое различие в условиях жизни богатых, с одной стороны, и бедных — с другой.

IX—X вв. можно охарактеризовать как период, на протяжении которого в результате скопления в руках знати богатств, в том числе и земельных, и увеличения эксплуатации ею рабского труда при начинающемся закабалении общинников, а также в результате учащения грабительских

[1] «Scriptores Rerum Prussicarum», I. Leipzig, 1861, стр. 733.
[2] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 170.
[3] Там же, стр. 169.

войн, имущая верхушка не только выделилась из общины и стала над общиной, но уже и сама подвергалась процессу дифференциации. Общественные отношения рассматриваемого периода можно уже назвать раннефеодальными.

Все сказанное относится, однако, прежде всего к южной части Прибалтики, главным образом к литовцам, тогда как у их северных соседей, в особенности у эстов, наблюдается некоторое отставание. Несмотря на то, что и у эстов, судя, например, по многочисленности монетных кладов или по находкам в отдельных погребениях ценного оружия, прослеживается резкое имущественное и социальное расслоение, некоторые другие памятники сохраняют облик, характерный для предшествующего периода. Так, городища общинного типа продолжают существовать вплоть до X и даже до XI в. Появление сильно укрепленных городищ типа замков относится здесь в основном, повидимому, лишь к XI в. Судя по этому, у эстов традиции первобытно-общинного строя сохраняли свою силу дольше, чем у их южных соседей.

Наконец, отрезок времени, охватывающий XI и XII вв., можно охарактеризовать как период дальнейшего роста крупного землевладения и вместе с тем оформления феодальных отношений, находящих свое завершение в возникновении политической надстройки в виде первых государственных образований. Так как конец этого периода освещается уже целым рядом письменных источников, то это значительно облегчает истолкование археологических памятников, имеющих большое значение для изучения развития не только материальной культуры и экономики, но и общественных отношений. При этом необходимо сказать,что именно вследствие наличия письменных источников археологические памятники этого периода изучены сравнительно мало. Поэтому мы тут не можем еще дать сколько-нибудь цельной картины последовательного развития общества в этот период, а должны пока довольствоваться приведением и истолкованием лишь отдельных, разрозненных фактов.

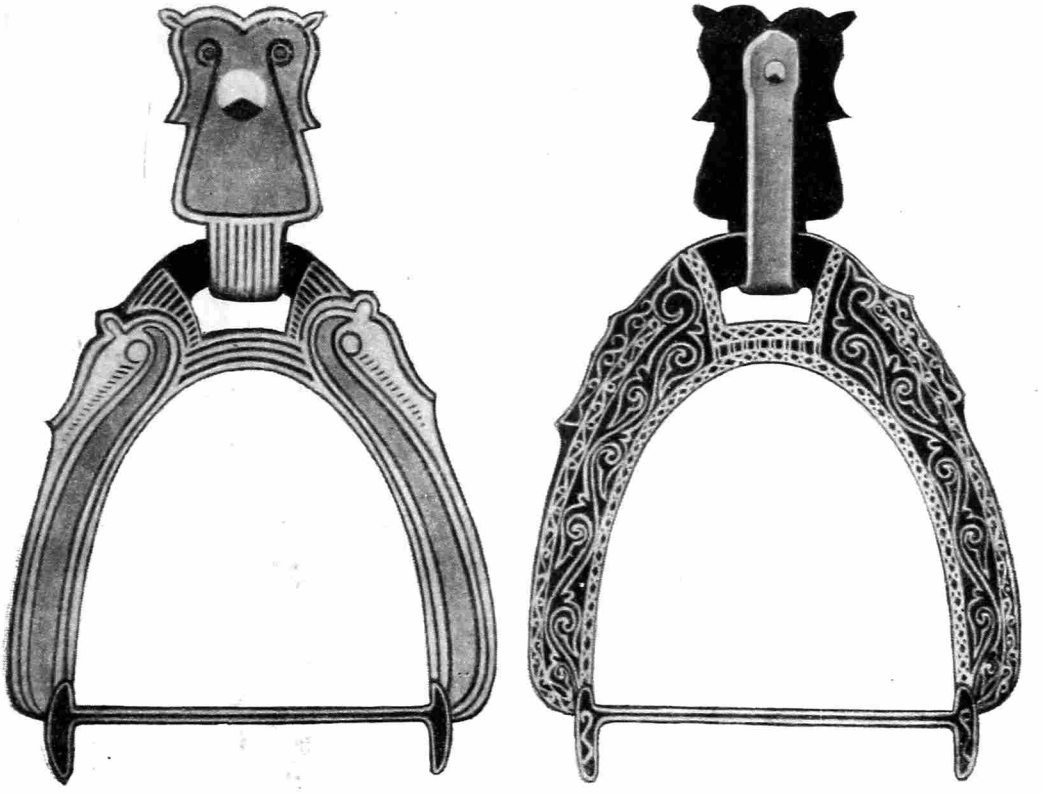
Ввиду того что процесс социального развития разных народностей Прибалтики проходил и в этот период неравномерно, целесообразно рассмотреть его у разных групп отдельно.

Литовцы в этом отношении шли попрежнему впереди других. Мы предполагали для Литвы возникновение первых зачатков феодальных отношений — концентрацию земель в руках знати и начало закабаления общинников — уже в предыдущий период. Начиная с XI в., возникают некоторые явления, в которых можно совершенно очевидно усмотреть признаки дальнейшей феодализации литовского общества.Так, с этого времени постепенно исчезает из литовских погребений оружие. Это явление, прослеживаемое уже несколько раньше у пруссов, а также в древнерусских курганах, объясняется тем, что народные массы перестали быть, говоря словами Энгельса[1], «вооруженным народом», как в период родового строя. Привилегия носить оружие с этого времени оставалась только за господствующим классом.

Начиная с XI в., богатые захоронения с конями, встречавшиеся уже и раньше, становятся на некоторых литовских могильниках массовыми. Так, в упомянутом выше Вершвайском некрополе, около Каунаса, обнаружено около 300 погребенных коней, в Римайсяй (Рамигалского р-на)— около 100, большое число погребений коней вскрыто также на могильнике в Граужяй (Кедайнского р-на). Нередко конские уборы отличаются

[1] См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 111.

особым богатством. Покрытые листовым серебром удила и стремена, украшенные прекрасным узором, были найдены, например, в Римайсяй (рис. 10). Не менее ценные стремена обнаружены также в Вершвай и в других местах. Погребения с конями, в особенности с ценным конским убором, с полным основанием считаются литовскими археологами захоронениями представителей знати — князьков-военачальников и их дружинников.



а *б*

Рис. 10. Посеребренное стремя XII—XIII вв. из Римайсяй (Рамигалский р-н Лит. ССР).

а — лицевая сторона, *б* — оборотная

Многие богатые погребения этого периода отличаются лишь большим числом разного рода обычных бронзовых украшений, в частности множеством пряжек. Встречаются отдельные захоронения, особенно в XII в., инвентарь которых отличается высоким качеством входящих в него предметов. Так, одно погребение в богатом Граужяйском могильнике содержало, помимо двух серебряных слитков, две роскошные серебряные пряжки, отличающиеся исключительно хорошей техникой выполнения. Нет сомнения, что такие изделия ювелирного искусства не были доступны рядовому общиннику, но были изготовлены специально для представителей господствующего класса. Примерно в то же время, т. е. в XII в., такие драгоценные украшения, показывающие не только высокий уровень ювелирной техники, но и особые, необычные для украшений рядовых общинников узоры, появляются в отдельных кладах, как, например, в кладе, обнаруженном в Гелиогаляй, близ Укмерге[1]. Судя по форме украшений,

[1] E. Volteris. Die Silbersachen des Stadtmuseums in Kaunas. «Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 1930». Riga, 1931, стр. 267.

многие из них являются не привозными, а произведениями местного ремесла. Последнее обстоятельство не только подтверждает обособление в Литве ремесла от сельского хозяйства, но и свидетельствует о его высоком техническом уровне и дальнейшей специализации.

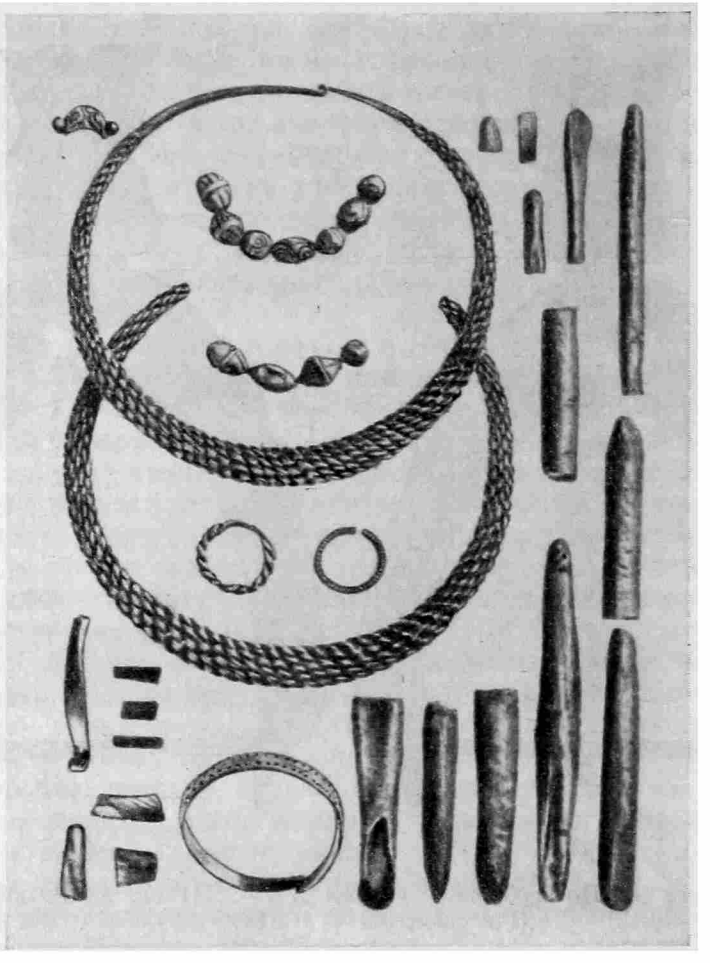


Рис. 11. Серебряные слитки, серебряные и золотые украшения из клада XI в., найденного у Лиелварде (Огрский р-н Латв. ССР).

С другой стороны, эти украшения, как и роскошный конский убор и ценное оружие, показывают, что в Литве выделился не существовавший ранее класс потребителей ценных изделий ювелирного и кузнечного ремесла. То же явление наблюдается на соответствующей стадии развития и у других народов.

Литовские поздние городища-замки, которые несомненно могут дать важные материалы для уяснения многих интересующих нас вопросов и некоторые из них связанные с именами отдельных литовских князей, до сих пор, к сожалению, еще совершенно не изучены.

Данные археологии хорошо согласуются с данными письменных источников, согласно которым в Литве в конце рассматриваемого периода существовали мелкие феодальные государственные образования. Упомянем хотя бы сообщение Волынской летописи, которое под 1219 (1215) г. перечи-

сляет 21 князя из разных частей Литвы[1]. Эти государственные образования сложились, повидимому, в XI—XII вв. и послужили основой для созданного Миндовгом в середине XIII в. единого Литовского государства.

На *территории Латвии*, у латгаллов, земгаллов и куршей, а также у ливов, процесс формирования классового общества достиг к концу рассматриваемого периода примерно той же ступени развития, как у их соседей — литовцев, или отставал лишь немного. Из числа археологических памятников могильники, в особенности у латгаллов и земгаллов, отличаясь исключительной консервативностью погребальных обычаев, содержат весьма однообразный инвентарь, который лишь очень слабо отражает процессы

Рис. 12. Витой серебряный браслет из Икшкиле (Огрский р-н Латв. ССР).

классового расслоения древнего населения. В этом отношении важным дополнением к ним являются опять-таки клады серебряных монет, слитков и предметов, которыми особенно богат XI век. В XII же веке, с изменением соответствующих представлений и обычаев, клады закапывались уже редко. Состав кладов показывает, что в этот период, как и прежде, значительная часть серебра и предметов роскоши поступала в Прибалтику в результате торговых связей с русскими городами. В качестве примера можно привести клад XI в., найденный близ Лиелварде, на правом берегу нижнего течения Даугавы, и частично воспроизведенный на рис. 11. Он содержал 243 западноевропейских серебряных монеты, 11 серебряных слитков, две витые серебряные шейные гривны, два серебряных браслета, два золотых перстня и ряд фрагментов серебряных предметов. Подобные лиелвардским витые гривны изготовлялись златокузнецами во многих русских городах, и их носили представители русской знати. Произведением русского, вероятно киевского, златокузнеца является также витой серебряный браслет, случайная находка в Икшкиле, на правом берегу нижнего течения Даугавы (рис. 12). На обоих его концах были вставлены драгоценные камни. Этот роскошный браслет XI в. принадлежал в свое время какому-нибудь знатному латгаллу или ливу. Одним из наиболее крупных кладов является комплекс, обнаруженный у Салгале, Елгавского района, на древней земгалльской территории. Кроме одной серебряной шейной гривны

[1] ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 161, 162.

XI в., от него сохранилось 39 серебряных слитков общим весом около 5,75 кг[1]. Первоначально этот клад был значительно крупнее, но десять слитков из его состава утеряны.

Значительно ярче, чем в материалах латгалльских могильников, социальное расслоение отражается в инвентаре ливских погребений. Тут мы встречаем в отдельных погребениях серебряные украшения, совершенно сходные с украшениями, входящими в состав кладов. Характерно, что и тут предметы роскоши чаще всего русского происхождения. Ливская знать, очевидно не имевшая еще в XI—XII вв. своих мастеров-златокузнецов, способных удовлетворять ее потребности в предметах роскоши, покупала изделия у русских мастеров. Для примера назовем серебряный наконечник ножен меча XI в., найденный в погребении знатного лива в Путели, в районе нижнего течения р. Гауи (рис. 13). Единственная, но очень близкая параллель этому роскошному наконечнику найдена к княжеском погребении Десятинной церкви в Киеве. Он представляет собой, как и киевский наконечник, вероятно, работу русского мастера[2]. В некоторых ливских могилах обнаружены остатки драгоценных шелковых тканей и даже золотой парчи, проникших сюда, без сомнения, в результате торговых связей с русскими городами.

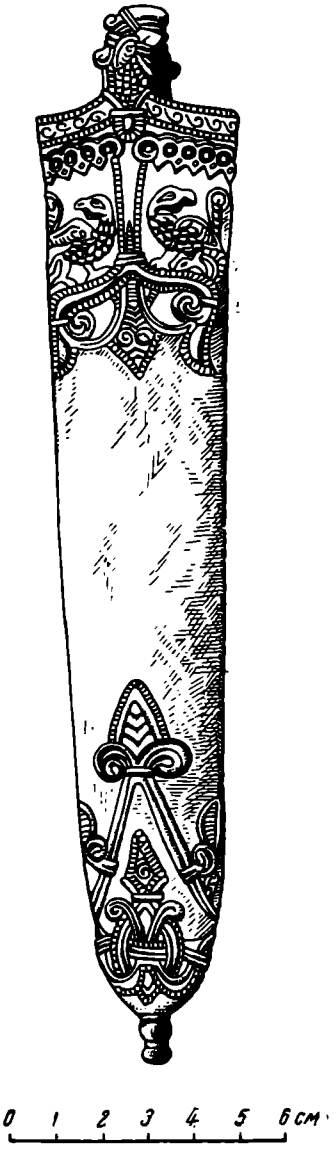


Рис. 13. Серебряный наконечник ножен меча из Путели (Сигулдаский р-н Латв. ССР).

Старая формалистическая буржуазная археология усматривала в подобных привозных предметах роскоши лишь признаки богатства и доказательство существования торговых сношений между известными народами. Мы можем добавить, что вместе с предметами роскоши знать прибалтийских народов воспринимала у русской знати и ее представления о своем особом социальном положении. О том, что тесные связи поддерживаемые народами Прибалтики с русскими соседями, значительно опередившими их в своем социальном развитии, ускоряли оформление в Прибалтике, в особенности в ее восточных частях, классовых отношений, свидетельствует также проникновение в прибалтийские языки целого ряда соответствующих терминов. Так, например, латышские слова: bajars—боярин, smirds — смерд, kalps — холоп, begats — богатый и другие заимствованы из русского языка, вероятно, именно в рассматриваемый период.

---

[1] Хранится в Гос. центральном историческом музее в Риге.

[2] Вопрос о происхождении как киевского, так и путельского наконечника рассмотрен весьма детально Г. Корзухиной (СА, XIII, 1950, стр. 63 сл.), которая приходит к заключению, что путельский наконечник должен был быть изготовлен на месте. Ввиду того, что он как по своей форме, так и по орнаментике является чуждым Прибалтике, мы все же считаем его русской работой.

В свете этих фактов становится вполне понятным то обстоятельство, что именно среди латгаллов, т. е. наиболее восточной части населения территории Латвии, формирование классового общества шло быстрее, чем у других народностей, и что тут процесс феодализации общественных отношений принял к концу XII в. наиболее четкие формы. В начале XIII в. мы встречаем на латгалльской территории два зависимых от Полоцка государства—Ерсикское и Кокнесское княжества, которые возникли в результате срастания интересов латгалльской знати с интересами их русских соседей, вероятно, в XII в.

Резиденцией ерсикского князя был замок, вернее, город Ерсика на правом берегу среднего течения Даугавы (рис. 14). Это одно из самых крупных древних укреплений на территории Латвии. Известно, что здесь стояли в начале XIII в. между прочими постройками две православные церкви. Еще в буржуазной Латвии были начаты раскопки этого городища, но полученные при этом материалы были отчасти уничтожены во время нашествия гитлеровцев. В результате раскопок было установлено, что город Ерсика был сильно укреплен, как и многие другие поздние города, начиная с X в. После этого город много раз подвергался разрушениям, но отстраивался заново. К северу от городища была выявлена территория обширного поселения — посада или предградья. Недалеко от городища, на возвышенном берегу Даугавы обнаружен и частично вскрыт типичный латгалльский могильник. К сожалению, сохранившиеся планы и описания раскопок городищ составлены настолько тенденциозно, что ими можно будет пользоваться только после их детальной проверки в ходе новых раскопок. Ерсика была первым известным нам на территории Латвии раннефеодальным городом. Поэтому археологическое исследование как остатков его крепости, так и посада имело бы исключительно большой интерес не только для истории Прибалтики, но и с точки зрения истории древней Руси.

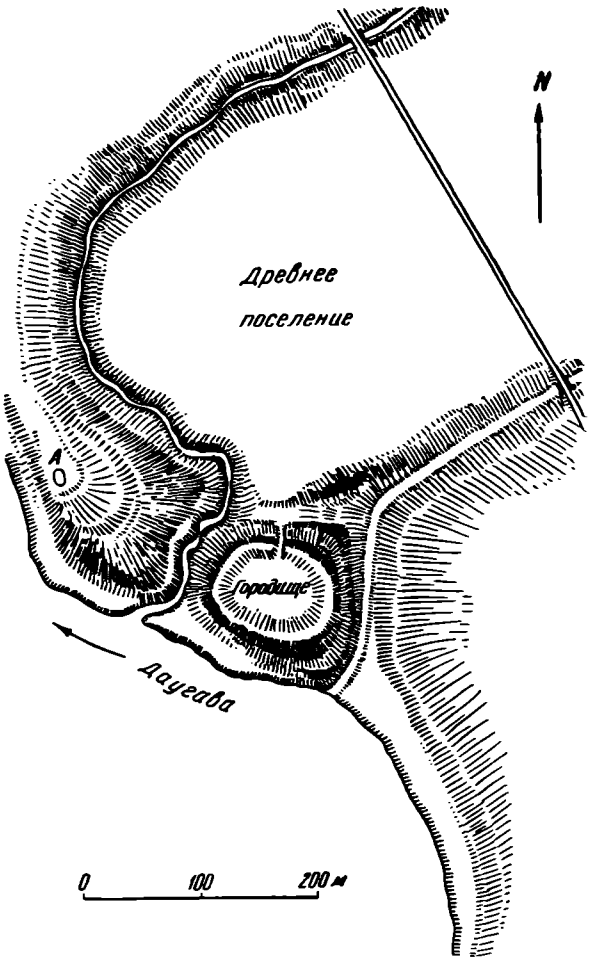


Рис. 14. Городище Ерсика на правом берегу Даугавы (Ливанский р-н Латв. ССР).
А — могильник. По плану И. Дёринга 1878 г.

Ерсика и соседнее Кокнесе, в которых сидели зависимые от Полоцка князья, не были единственными в своем роде укрепленными пунктами на латгалльской территории. Несколько севернее от них нам известен

по древним источникам ряд подобных замков латгалльских князьков, из числа которых Хроника Ливонии (XII, 6) особо отмечает трех; характерно, что они названы по соответствующим замкам: Таливалд Беверинский, Варидоте Аутинский и Руссин Сотеклеский. О Таливалде мы узнаем, кроме того, что он и его сыновья были весьма богаты, владея обширными землями, — черты, не оставляющие сомнения в том, что тут перед нами действительно феодальный князек.

По данным как письменных источников, так и археологических раскопок поздние латышские городища-замки, в противоположность многим более ранним общинным городищам, были постоянно обитаемы. На них обнаружены остатки как отдельных жилых и хозяйственных построек, так и мастерских. Так, например, при раскопках, произведенных за последние годы Институтом истории и материальной культуры Академии наук Латв. ССР на городище Асоте, обнаружено основание небольшой мастерской с печью для плавки железа. Асоте, расположенное на северном берегу Даугавы, несколько ниже Ерсики, было замком знатного латгалла, подвластного ерсикскому князю. Вскрытые остатки домницы представляют собой, повидимому, плавильную печь мастера, работавшего на властвовавшего в Асоте знатного латгалла. Таким образом, феодализирующиеся верхи знати закабаляли и заставляли работать на себя общинников не только на своих полях, но и на своих усадьбах в качестве ремесленников. Тут мы встречаемся с первым появлением тех усадебных или вотчинных ремесленников, дальнейшие судьбы которых на Руси прослежены Б. А. Рыбаковым[1].

У ливов мы находим совершенно аналогичные условия. Их земли на нижней Гауе распадались на две части: в одной властвовал Каупо, которого Хроника Ливонии называет князем (quasi rex) ливов, а в другой — Дабрелис. Центром власти Дабрелиса являлся замок Саттезеле, расположенный на высоком берегу Гауи и отгороженный с напольной стороны валом высотой в 8 м. Каупо имел даже два замка, из которых один, в Тураида, назывался «большим», а другой, в Кубезеле,— «малым». Первое городище имеет в настоящее время вал высотой более 7 м, а второй — высотой в 6 м.

Ни городища упомянутых латгалльских князьков, ни соответствующие ливские памятники археологами, однако, еще не изучены.

Археологами буржуазной Латвии были начаты раскопки городища Межотне, не раз упоминаемого в Хронике Ливонии Генриха Латышского и представлявшего собой, наряду с замком Тервете, другой важнейший центр земгаллов. Но эти работы не дали, ввиду методологической несостоятельности буржуазной археологии, сколько-нибудь значительного материала для изучения развития древнего земгалльского общества. Городище Межотне приняло характер замка, вероятно, в IX в. В результате археологических изысканий, произведенных Институтом истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР, около городища Межотне выявлены следы крупного поселения, растянувшегося вдоль берега долины р. Лиелупе на протяжении 1 км и являющегося весьма характерным для поздних замков у балтийских народностей. На другом конце этого поселения расположено городище Вийнакалнс, которое меньше и, вероятно, несколько древнее, чем Межотне. Вблизи Вийнакалнса обнаружен на широком плоском уступе долины р. Лиелупе древний земгалльский могильник (рис. 15).

---

[1] История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1951, стр. 167.

Среди поздних городищ-замков встречаются, наряду с крупными укрепленными пунктами, и некоторые сравнительно небольшие замки. Типичным для таких небольших, но все же сильно укрепленных замков, принадлежащих верхам земгалльской знати, является упомянутое уже выше городище Тервете — резиденция наиболее крупного земгалльского князька начала XIII в. Виестарда и его не менее известного преемника Намейсиса. Это мысовое городище имеет площадь всего в 1000 м², но защищено с напольной стороны исключительно мощным валом высотой в 10 м. Городище это археологами пока не раскапывалось, поэтому время его возникновения остается еще неизвестным. Можно, однако, предполагать, что оно, в противоположность крупным замкам, укрепленным первоначально, видимо, усилиями многих представителей знати, было построено как замок главным образом одной мощной семьи. Ввиду его незначительных размеров, замок этот, как показали произведенные в 1951 г. Институтом истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР раскопки, в XI в. был расширен пристройкой с напольной стороны форбурга. За ним с той же стороны был расположен посад. В Тервете обнаружено еще и второе поселение, лежавшее по другой стороне оврага, окружавшего мыс городища.

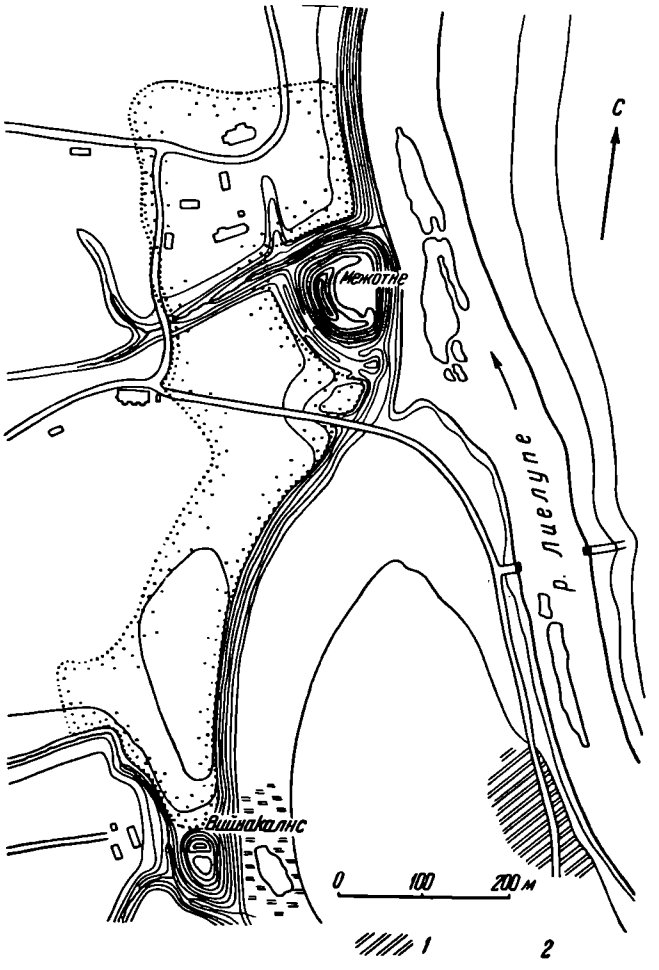


Рис. 15. Городища Межотне и Вийпакалнс на берегу р. Лиелупе (Елгавский р-н Латв. ССР).
1 — могильник, *2* — посад.

Остатки обширного предградья установлены и у крупнейшего куршского укрепленного центра — древнего городища Кулдига. К сожалению, приходится отметить, что остатки этого посада, как и других предградий у городищ, археологами еще не изучены. В общем обитавшие на территории теперешней Латвии народности находились в начале XIII в. примерно на одинаковой ступени развития общественных отношений. Все же у части латгаллов возникли к этому времени уже раннефеодальные государства, между тем как другая часть латгаллов, а также земгаллы, курши и ливы стояли на пороге возникновения государственных образований.

Ввиду того что об *эстонских* городищах готовится к печати специальная статья, в которой будут рассмотрены все интересующие нас вопросы,

мы здесь охарактеризуем эстонские памятники лишь в самых общих чертах. О многочисленных кладах серебряных монет IX—XI вв. в Эстонии уже упоминалось выше; отмечалось также, что процесс развития классовых отношений протекал у эстонцев несколько медленнее, чем у их южных соседей. Причину этого необходимо, повидимому, искать прежде всего в более северном местоположении территории Эстонии, а также в меньшей плодородности почвы, в особенности в северо-западных районах Эстонии, по сравнению с почвами южных частей Прибалтики.

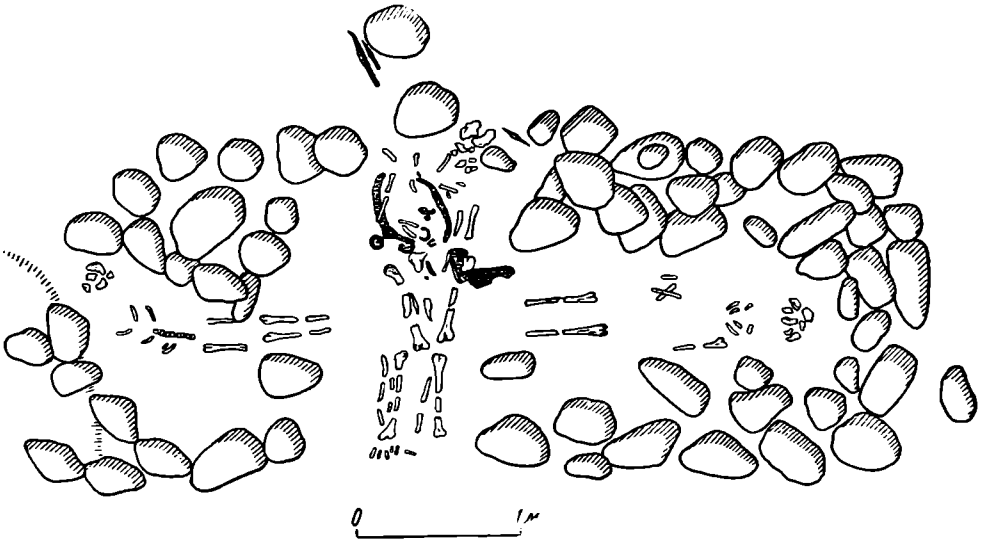


Рис. 16. Совместное погребение двух рабов и их хозяина (XI в.) в Ийла (Раквереский р-н Эст. ССР).

В результате всего этого территория Эстонии была и значительно реже населена, чем территории нынешней Латвийской и Литовской ССР. Это сказывается хотя бы и в том, что городищ в Эстонии насчитывается лишь немногим больше 100, между тем как в Латвии их установлено более 350, а в Литве — даже более 1000.

Изучение эстонских городищ, которое в отдельных местах сочеталось с исследованием соседних могильных памятников, показало, что городища тут сравнительно долго, в некоторых случаях вплоть до XI в., сохраняли характер территориально-общинных укреплений. Одновременно в результате их исследования было установлено, что размеры и характер, а также продолжительность существования отдельных типов городищ далеко не однообразны на всей территории Эстонии, а подлежат известным изменениям в зависимости от местных условий.

Рабство стало распространяться у эстонских племен, как и у их соседей, примерно с середины I тысячелетия. Судя по некоторым данным письменных источников, к X в. торговля рабами приняла широкие размеры[1]. Особенно возрастает торговля рабами, и в связи с ней, повидимому, и эксплуатация рабского труда, начиная с XI в., когда, по рассказам скандинавских саг, резко учащаются морские набеги эстов и куршей на шведские и датские побережья для добывания рабов. К XI в. относится интересный памятник, способный пролить некоторый свет на положение рабов,—

[1] Сага об Олафе Тригвассоне. Ср. также В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 303.

совместное погребение двух рабов и их хозяина в Ийла, Раквереского р-на, на северном побережье Эстонии (рис. 16). В середине лежал хозяин,— судя по обильному инвентарю, имущий человек,— а по обе стороны, ногами к нему, останки рабов без всякого инвентаря. Хозяин имел при себе, кроме украшений (бронзового браслета, бронзовой пряжки и серебряной подвески — монеты XI в.) и оружия в виде копий и топора, также и орудия, представленные двумя косами-горбушами. Показательно, что он имел при себе не одну косу, а две,— следовательно, они были предназначены для обоих рабов и указывают вместе с тем на характер выполнявшихся ими работ. При хозяине имелись между прочим и удила, представлявшие символически его коня. О том, что все три покойника были захоронены совместно и что, следовательно, рабы были убиты, свидетельствует общее для всех трех погребений каменное ограждение, связывающее их в один комплекс. Тот факт, что рабы должны были следовать за своим хозяином в могилу, является признаком того, что к этому времени уже миновала пора раннего рабства, и рабы уже считались полной собственностью своих хозяев.

Несмотря на распространение эксплуатации рабского труда, все же древнее эстонское общество развивалось не в направлении сложения рабовладельческих порядков, а, как и у их соседей, в направлении все возрастающего использования труда общинников и постепенного их закабаления имущей знатью. Возникавшие именно в этот период городища-замки были опорою не для подавления рабов, а для господства над общиной.

Сильно укрепленные городища, представлявшие собой центры господства имущей верхушки, возникают у эстов, повидимому, не ранее X в., большей же частью лишь с XI в. Так, например, в XI в. было построено одно из крупнейших городищ северо-западной Эстонии— Варбола, упоминаемое как Ливонской Хроникой, так и древнерусскими летописями («Нос Воробьиный»). В это же время возникают сильные и крупные городища на островах Сааремаа и Муху. Время возникновения сильных укреплений в важнейших центрах древних южноэстонских «земель», в Тарту, Отепяа и Вильянди, пока еще точнее не установлено. По данным предварительных раскопок, проведенных в Отепяа, представляется вероятным, что это городище было выстроено примерно в X в. У Отепяа имеются следы посада, древность которого еще не определена. В Тарту был заложен, как известно, в 1030 г. Ярославом Мудрым русский город Юрьев. На его месте, к сожалению, еще никогда не производилось археологических раскопок. Как Тарту — Юрьев, так и Отепяа — Медвежья Голова расположены в юго-восточной части Эстонии, входившей в состав Киевской Руси. Результаты археологических исследований городища Отепяа пока еще слишком ограничены, чтобы на основании их можно было сказать, как велико было и в чем выражалось русское влияние на формирование этого центра и его характера.

Наряду с крупными городищами-замками у эстов, как и у других прибалтийских народностей, имелись и отдельные небольшие сильно укрепленные замки. Таким сравнительно небольшим, но сильным укреплением был Леоле-Лыхавере — замок Лембиту, известного старейшины и военачальника эстов в период борьбы против немецких феодалов-агрессоров в начале XIII в. Раскопками городища Лыхавере установлено, что это укрепление возникло на рубеже XII—XIII вв. Лыхавере расположено неподалеку от Вильянди — важнейшего и сильно укрепленного центра древней «земли» Сакала. В том же районе имеется, кроме Лыхавере, еще два небольших замка — Наану и Синиаллику, все они, по данным предварительных исследований, существовали одновременно,

в XII—XIII вв. Таким образом, в районе крупного центра Вильянди имелось несколько меньших укрепленных пунктов, являвшихся, повидимому, как и Лыхавере, замками отдельных феодализирующихся представителей знати.

Если на основании имеющихся данных попытаться определить общий уровень общественного развития у эстов, то можно сказать, что в рассматриваемый период и эсты совершенно явно вступили на путь феодализации общественных отношений, но они не достигли еще завершения этого процесса — возникновения соответствующей политической надстройки, государственных образований.

В заключение считаем нужным отметить, что данная здесь картина возникновения и развития раннего классового общества в Прибалтике является пока еще несовершенной. Она основана во многих случаях лишь на небольшом фактическом материале и представляет собой поэтому только общую схему, которую предстоит во многом конкретизировать и уточнить. Но мы уверены в том, что планомерное и дружное продолжение тех работ, которые ведутся над изучением наших археологических памятников академиями наук Прибалтийских республик совместно с Академией Наук СССР при всемерной поддержке партии и Советского правительства, позволит уже в ближайшее время эту картину значительно уточнить и углубить.

К. Ф. СМИРНОВ

ИТОГИ И ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ САРМАТСКИХ ПЛЕМЕН И ИХ КУЛЬТУРЫ

Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» призывает советских археологов к глубокому и всестороннему изучению истории и культуры древних племен и народностей, населявших территорию нашей Родины. Основополагающие теоретические положения И. В. Сталина, высказанные в этом труде, раскрывают широкие перспективы для конкретного изучения истории и культуры отдаленных предков социалистических наций СССР. Среди основных проблем советской археологии одно из первых мест занимает проблема изучения сарматов и их культуры на юге нашей страны.

Из современных народов Советского Союза лишь осетины являются прямыми потомками северокавказской группы сарматских (аланских) племен. Однако изучение истории и культуры сарматов важно не только для истории культуры осетинского народа. В последние века античного периода, начиная со II в. до н. э. и вплоть до «великого переселения народов», обширный сарматский мир занимал важнейшее место в истории юга Европейской части нашей страны. В это время сарматы, создавая крупные союзы племен, известные в истории под названием аорсов, сираков, роксоланов и аланов, занимали обширную, в основном степную территорию, граничащую на востоке с Аральским морем. Прикаспийские и волжские степи, Северный Кавказ вплоть до Кавказского хребта, основные степные районы старой Скифии между Доном и Днепром были сплошной территорией сарматского населения, а сарматская культура, сменив на этой территории скифскую, оказала большое воздействие на развитие культуры соседних племен и народностей, в том числе на культуру среднеазиатских гуннов, многочисленных племен горных районов Кавказа, крымских и нижнеднепровских скифов и греческих городов Северного Причерноморья, а также наложила свой отпечаток на культуру «полей погребений», основным носителем которой являлись древнеславянские племена. Устойчивость и сила этой культуры в это время проявилась в так называемой сарматизации соседнего несарматского населения, т. е. в принятии им сарматского костюма, вооружения, художественного стиля, многих сторон погребального обряда и т. д. Игнорируя сарматское население греческих городов Северного Причерноморья (особенно Боспорского царства), нельзя понять своеобразия их исторического и культурного развития в первые века н. э. Вместе с германскими, славянскими и другими племенами сарматы приняли участие в разгроме одряхлевшего рабовладельческого мира, в том числе форпостов этого мира в Северном Причерноморье.

В эпоху «великого переселения народов», когда происходило особенно интенсивное схождение и расхождение различных племен, единый сарматский мир был нарушен: часть сарматских племен (аланы) осталась на Северном Кавказе, часть была увлечена прежде всего гуннским движением далеко на запад, значительная часть была ассимилирована новыми пришельцами с востока и, вероятно, славянскими племенами Приднепровья. Без учета этих сохранившихся групп сарматского населения степей нашего юга, постепенно потерявших свой язык (кроме северокавказских аланов), нельзя изучать племенные объединения и раннефеодальные образования юго-востока нашей страны, в первую очередь сложение и развитие в Приазовье болгарского союза, образование царства Волжских булгар и Хазарского каганата, основным населением которого были, очевидно, потомки поволжских и предкавказских сарматов[1].

Культура раннесредневекового населения степного Подонья, Приазовья, всего Северного Кавказа и отчасти Поволжья, представленная археологическими памятниками, развилась на базе общесарматской культуры первых веков н. э. В меньшей степени, но все же заметный отпечаток наложили сарматы на развитие культуры восточных славян. Однако последний вопрос остается ныне слабо изученным, хотя заслуженно все более и более привлекает к себе внимание археологов, занимающихся изучением славянских племен.

Уж более 100 лет ведется накопление памятников сарматской культуры юга нашей страны, составивших ценнейшие коллекции отечественных музеев (особенно Гос. Эрмитажа, Гос. исторического музея, музеев Саратова, Краснодара, Киева и др.). В результате археологических исследований 1901 и 1903 гг. в б. Изюмском и Бахмутском уездах В. А. Городцов впервые выделил подлинные массовые сарматские памятники[2], в то время как ряд крупнейших русских археологов, в том числе и А. А. Спицын[3], ошибочно относили к сарматским характерные скифские памятники IV—III вв. до н. э., а яркие сарматские памятники Прикубанья определялись их исследователем Н. И. Веселовским как римские[4], несмотря на то, что уже И. Толстой и Н. Кондаков верно определили кубанские сарматские древности[5]. Несколько позже сарматов на Кубани выделил Ю. Кулаковский[6]. Ошибка Н. И. Веселовского была исправлена М. И. Ростовцевым, который дал первую, далеко не полную сводку сарматских памятников Южного Приуралья, Нижнего Поволжья, Прикубанья, Подонья и Украины[7].

Планомерное и систематическое исследование массовых (рядовых) сарматских памятников (городищ, бескурганных и курганных могильников), особенно на территории степного Поволжья, Дона и Кубани, является целиком заслугой советских археологов. Многолетние научно проведенные раскопки в этих районах, прибавившие к старым археологическим материалам ценнейшие вещественные источники для изучения сар-

[1] М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.

[2] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. 1901 г. Тр. XII АС, т. I; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ. 1903 г. Тр. XIII АС, т. I.

[3] А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1918.

[4] Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской обл. в период римского владычества. Тр. XII АС, т. I, стр. 341—373.

[5] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. II, III, 1889—1890.

[6] Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

[7] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской обл. эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, вып. 37, 1918; его же. Скифия и Боспор. Л., 1925.

матов и их культуры, научная разработка старых и новых источников позволили советским археологам поставить и сделать попытку разрешить целый ряд важнейших вопросов сарматской истории и археологии.

В настоящий момент лучше изучены древнейшие сарматские области, составлявшие бóльшую часть Азиатской Сарматии Птолемея, простиравшейся на восток от Дона. В результате полевой работы ряда советских археологов (П. Д. Рау, Б. Н. Гракова, И. В. Синицына, К. В. Сальникова, Т. М. Минаевой и др.) в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье исследовано более 600 сарматских погребений VI в. до н. э.—IV в. н. э., большинство которых уже частично или полностью опубликовано и послужило основой для ряда научных работ в этой области. За последние 15 лет подверглись исследованию также городища на северо-восточной периферии сарматского мира (в Челябинской обл.)[1], по берегам Исети, Миасса, Синары и других рек Южного Зауралья. Эти городища и одновременные им курганы Челябинской обл. дали много общих черт с памятниками прохоровской культуры Южного Приуралья (бассейна р. Урал), но еще ближе они стоят к памятникам «сарматоидной» культуры соседних северо-восточных районов нижнего течения Исети и Тобола[2].

Изучение сарматских памятников Поволжья и Приуралья привело большинство советских археологов, работающих в области сарматской археологии, к бесспорному выводу: основной территорией формирования сарматских племен являлись задонские и поволжско-уральские степи, где прослеживается беспрерывное, более чем тысячелетнее развитие одной и той же культуры, начиная с VI в. до н. э.[3] Археологические и палеоантропологические материалы с территории Поволжья, Южного Приуралья и Западного Казахстана позволяют установить генетическую связь ранних сарматов — савроматов с носителями андроновской и отчасти родственной ей срубно-хвалынской культур эпохи бронзы, причем родство андроновцев и савроматов по палеоантропологическим данным убедительно доказано работами Г. Ф. Дебеца[4]. Археологические же данные еще весьма незначительны и требуют специального изучения[5].

Раскопками большого количества рядовых сарматских погребений опровергнута точка зрения М. И. Ростовцева о том, что в степях Северного Прикаспия сарматы представляли лишь господствующее племя наездников, а не сплошное, этнически единое население кочевников на всей территории волжско-уральских степей[6]. Эта точка зрения М. Ростовцева впервые была опровергнута Б. Н. Граковым в результате его исследований рядовых сарматских курганов в южном Приуралье[7]. Исследованиями советских археологов доказана также несостоятельность его представления о том, что савроматы не могут быть отождествлены с более поздними

---

[1] К. В. Сальников. Три года работы на городище Чудаки. КСИИМК, X, 1941, стр. 69—71; его же. Древнейшее население Челябинской области. Челябинск, 1943.

[2] И. А. Дмитриев. Мысовские стоянки и курганы Тюменского округа Уральской обл. ТСА РАНИОН, IV, 1928.

[3] P. Rau. Die Graben der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. 1929; Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3.

[4] Г. Ф. Дебец. Материалы по палеоантропологии СССР (Н. Поволжье). «Антропол. журнал», 1936, № 1, стр. 65—80; его же. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 146—148, 167—171.

[5] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Сев. Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 97—98.

[6] М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской обл., стр. 113.

[7] Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. ТСА РАНИОН, т. IV, М. 1928, стр. 146—156.

сарматами якобы потому, что последним были чужды характерные для савроматов сильные пережитки матриархата[1]. Несмотря на скудость письменных и археологических источников по социальному и политическому строю сарматов, глубокие следы уже отжившего матриархального строя прослежены у сарматов последних веков до н. э.[2]

Создана четырехчленная хронологическая классификация памятников сарматской культуры волжско-уральских степей, основы которой были положены П. Д. Рау[3]. Им было выделено в 1927 г. две поздние ступени развития сарматской культуры степного Поволжья: ступень А (I—II вв. н. э.) и ступень Б (III—IV вв. н. э.)[4]. Однако под влиянием М. Эберта, исходя из предвзятого мнения о запаздывании культурного развития древнего населения Поволжья по сравнению с «варварским миром» западных областей Европы, П. Рау на целый век омолодил выделенные им две последние ступени развития сарматских племен Н. Поволжья.

Основой для проверки датировок сарматских памятников Поволжья и южного Приуралья послужили прежде всего меото-сарматские погребения Прикубанья I в. до н. э.— I в. н. э., которые дали все главные типы вещей ступени А или, по нашей терминологии, среднесарматского этапа. Следовательно начало этого этапа надо отнести к I в. до н. э., а начало следующего, позднесарматского этапа (ступень Б по П. Рау) не к III в. н. э., а ко II в., так как уже во II в. мы имеем налицо все руководящие типы позднесарматских вещей: длинные мечи без перекрестья, фибулы с подвязанным приемником, фибулы с пластинчатой дужкой, зеркальца-привески, ритуальные четыреугольные глиняные сосудики, крупные черешковые трехлопастные стрелы и пр. Большинство позднесарматских могил датируется II—III вв. н. э. Концом позднесарматского этапа надо считать IV — начало V в. н. э., когда сарматы теряют свою политическую самостоятельность в результате гуннской экспансии на Запад и начавшегося так называемого великого переселения народов.

В 1929 г. П. Рау удалось выделить в Поволжье наиболее ранние памятники савроматов VI—IV вв. до н. э. Полная классификация всех сарматских памятников не только Поволжья, но и соседних степей южного Приуралья, была дана в 1947 г. Б. Н. Граковым[5], который выделил четыре основных этапа тысячелетнего развития сарматов прикаспийских степей и дал краткую, но четкую характеристику основных археологических особенностей каждого этапа. Эта классификация в последнее время уточнена Б. Н. Граковым и К. Ф. Смирновым с учетом новых археологических данных. Новая классификация отражает основные этапы развития сарматских племен Поволжья и Южного Приуралья[6] и во многом соответствует уже намеченным этапам развития меото-сарматской культуры Прикубанья[7]. Опыт наших последних, еще не опубликованных исследований сарматской культуры Северного Причерноморья

[1] M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Cambridge, 1922, стр. 113.

[2] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3.

[3] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927; его же. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926; его же. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet.

[4] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga.

[5] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3.

[6] К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. ДИСИФМГУ, 1947, № 5; Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов; К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Сев. Прикаспия.

[7] Н. В. Анфимов. Хронология грунтовых могильников Прикубанья сарматского времени. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 16—17; К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952.

убеждает, что последние два этапа развития сарматской культуры на ее родине (среднесарматский — I в. до н. э.—II в. н. э., позднесарматский — II—IV вв. н. э.) вполне применимы и для сарматов Северного Причерноморья, в степях между Доном и Днепром.

На древнейшем савроматском этапе (VI—IV вв. до н. э.) культура сарматов (блюменфельдская, по Б. Н. Гракову) чрезвычайно близка скифской; ее отличительные черты от последней впервые были подмечены П. Д. Рау и Б. Н. Граковым, наметившими ее две основные локальные области[1], которые нами названы Поволжским и Самаро-Уральским сарматскими районами. Вероятно, указанный Поволжский район, находящийся между рр. Доном и Уралом, и был территорией геродотовских савроматов, составлявших отдельное племя или отдельную, соседнюю скифам, группу сарматских племен. Родство культуры скифов и савроматов в данном случае соответствует их языковому родству, о котором знал Геродот: «Савроматы говорят на скифском языке, но издревле искаженном...»[2].

Следующие два этапа развития сарматов волжско-уральских степей (раннесарматский — IV—II вв. до н. э. и среднесарматский — I в. до н. э.—II в. н. э.), резко отличающиеся между собой по материальной культуре и значительно меньше по погребальному ритуалу, отражают большие изменения среди сарматских племен, культура которых теряет свой прежний скифский облик. Вместо почти единой для всей территории формы погребального обряда, господствовавшей с IV—III вв. до н. э., появляется несколько погребальных типов, свидетельствующих об усложнении племенного состава сарматского общества. Их территориальное размещение, при учете особенностей погребального инвентаря, особенно керамики, позволило наметить несколько локальных вариантов сарматской культуры этой области[3]. Здесь происходило формирование сильнейших союзов аорсов, роксоланов и аланов, которые со II в. до н. э. расширили свою территорию до пределов Кавказа на юге и до Днепра на западе.

Культура сарматов приобретает много общих черт с культурами кочевых народов среднеазиатского Востока[4]— и земледельческого населения среднего течения Сыр-Дарьи[5] и Хорезма[6]. Однако сарматская культура и формирующиеся союзы отдельных сарматских племен были вполне самостоятельными. Находясь в тесном контакте с обширным и родственным миром массагетских племен Средней Азии, сарматы все же не составляли подчиненной части массагетской конфедерации и в политических событиях Северного Причерноморья выступили как вполне самостоятельная сила. Нет никаких оснований преуменьшать самостоятельную роль сарматов в политических событиях Северного Причерноморья (их

---

[1] P. R a u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet; B. G r a k o v. Monuments de la culture scythique entre la Wolga et les monts Oural. ESA, III, 1928; е г о ж е. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, IV, 1929; К. Ф. С м и р н о в. Сарматские племена Сев. Прикаспия, стр. 99, рис. 28.

[2] Г е р о д о т. История, IV, 117. ВДИ, 1947, № 2, стр. 280.

[3] К. Ф. С м и р н о в. Сарматские племена Сев. Прикаспия.

[4] М. В. В о е в о д с к и й и М. П. Г р я з н о в. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3. А. Н. Б е р н ш т а м. Кенкольский могильник. Л., 1940.

[5] А. Т е р е н о ж к и н. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. ИУзФАН СССР, 1940, № 9; Т. Г. О б о л д у е в а. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской обл. КСИИМК, XXIII, 1948.

[6] С. П. Т о л с т о в. Древний Хорезм. М., 1948: е г о ж е. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.

взаимоотношения со Скифией, греческими городами, населением Кавказа) и рассматривать их действия лишь как результат политики Хорезма[1].

На позднесарматском этапе (II—IV вв.) сарматские племена Северного Прикаспия и прежде всего аорсы и аланы входили в состав аланской конфедерации, яркая характеристика которой дана Аммианом Марцеллином[2]. Археологический материал, характеризующий сарматские племена II—IV вв. с любой территории, будь то Поволжье или Северный Кавказ, бассейн Дона или Приднепровья,— весьма однообразен. Это однообразие, очевидно, объясняется результатом политической и экономической общности сарматских племен в рамках аланского союза племен, основанного еще в I в.

На последнем этапе самостоятельного политического существования прикаспийских сарматов, особенно в IV в. н. э. мы наблюдаем постепенное появление в Поволжье не только гуннских элементов в материальной культуре (например, длинные луки с костяными накладками и соответствующие им крупные наконечники стрел), но и гуннских могил, в которых резко деформированные черепа имеют монголоидные черты (например, в могиле с подбоем конца IV в. у с. Иловатки Сталинградской области, исследованной К. Ф. Смирновым в 1952 г.).

В IV—V вв. в прикаспийских степях появляются новые археологические памятники: курганы с жертвенными кострищами[3], бескурганные так называемые речные погребения[4], которые дают новый, ранее неизвестный обряд у поволжских сарматов, но в основном сарматский набор вещей: длинные мечи без перекрытья, кольчуги, золотые и серебряные украшения сбруи в полихромном стиле (с цветными вставками из стекла, янтаря, гранатов или альмандинов) и пр.

За последние годы И. В. Синицын выделил группу поволжских погребений V—VIII вв. н. э.[5], для которых характерно сохранение ряда черт ритуала позднесарматского этапа: устройство могил с подбоем, деформация черепов. Уцелевшая после гуннского движения часть сарматских племен Поволжья вероятно сливается с новыми тюркскими племенами, теряя свой язык, но сохраняя многие элементы материальной и духовной культуры сарматов.

Накопленный в основном за советский период большой археологический материал, характеризующий сарматские племена волжско-уральских степей, дает возможность поставить ряд новых вопросов о взаимосвязях сарматов этих областей с соседними племенами на севере (носители ананьинской культуры) и на востоке, в частности — поставить вопрос о характере взаимосвязей с Хорезмом и среднеазиатскими гуннами, подчинившими себе в конце концов северокаспийских сарматов. Для нас еще совершенно неясна восточная граница расселения сарматских племен, для чего необходимо прежде всего развертывание больших археологиче-

---

[1] С. П. Толстов. Ук. соч.

[2] Аммиан Марцеллин. История, XXXI, 2, 13; 2, 17; 2, 21; ВДИ, 1949, № 3, стр. 303—305.

[3] Т. М. Минаева. Погребение с сожжением близ г. Покровска. «Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», т. VI, вып. 3 (педагогический факультет). Саратов, 1927; П. Д. Рау. Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья. ТСА РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 431—437.

[4] И. В. Синицын. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. Известия Саратовского Н.-Волжского института краеведения им. М. Горького, т. VII. Саратов, 1932, стр. 56—75.

[5] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.

ских исследований в пределах Западного Казахстана, между р. Уралом и Аральским морем.

Далеко не одинаково исследованы памятники сарматской культуры Северного Кавказа и предкавказских степей. Большой заслугой советских археологов в этой области является систематическое исследование городищ и грунтовых могильников Прикубанья (исследования Н. А. Захарова, А. А. Миллера, В. А. Городцова, М. Н. Покровского, Н. В. Анфимова, Т. М. Минаевой и др.) и по среднему течению Терека и левому берегу Сунжи[1]. К сожалению, большинство вновь добытых ценных материалов еще не опубликовано. За последние годы были открыты памятники сарматской культуры и в прикаспийской части Дагестана[2], которые ближе всего стоят к поволжским. Таким образом, тесная связь древних племен прикаспийской части Дагестана, к которым прежде всего следует отнести удинов, с северокаспийскими аорсами подтверждается новыми археологическими открытиями. Эти археологические факты находятся в соответствии с указанием Страбона[3] о торговом пути аорсов через Дагестан в Закавказье и Мидию и объясняют западнокаспийский этноним Плиния «утидорсы»[4], в котором следует видеть смешение удинских племен с аорсами. Некоторые советские ученые, последователи Н. Я. Марра (И. А. Джавахишвили, Л. А. Мацулевич), отрицая принадлежность сарматов к североиранской группе языков, считали Кавказ прародиной сарматов[5]. Мнения о кавказском происхождении основной группы сарматов (аланов) придерживались и некоторые дореволюционные русские ученые (например, Ю. Кулаковский)[6]. Мы располагаем некоторыми археологическими данными, как будто бы подтверждающими довольно раннее появление сарматов в западной части Предкавказья, на Кубани[7]. Однако лишь с III—II вв. до н. э. на Северном Кавказе (Прикубанье, Грозненская обл.) появляются более яркие признаки уже давно сформировавшейся в задонско-волжских и прикаспийских степях сарматской культуры. Судя по археологическим данным, на основании старых раскопок Н. И. Веселовского и исследований грунтовых могильников, именно в это время начинается интенсивное заселение Прикубанья сарматами и их смешение с древним земледельческим меотским населением. Основное население Северного Кавказа VI—IV вв. до н. э. отличалось по погребальному обряду от савроматов задонских и волжских степей. Появление сарматов (прежде всего сираков, судя по письменным источникам) в Прикубанье не

---

[1] «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» (макет), ч. III—IV. М.—Л., 1939, стр. 43.

[2] Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 19—20; его же. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, вып. 23. 1951, стр. 208—225; К. Ф. Смирнов. Новые данные о сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 113—119; его же. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 159—160; его же. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949. МИА, вып. 23, 1951, стр. 226 сл.; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, XLV, 1952, стр. 83 сл.

[3] Страбон. География, V, 8. ВДИ, 1947, № 4, стр. 224—225.

[4] Плиний. Естественная история, VI, 36, ВДИ, 1949, № 2, стр. 302.

[5] И. А. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4, стр. 30 сл.; Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. СЭ, VI—VII, 1947, стр. 125 сл.

[6] Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

[7] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952.

нарушило дальнейшего развития местной, более высокой культуры меотов, приобретавшей все более и более общесарматские черты[1]. Проникновение сарматов в Прикубанье не было катастрофическим для местного населения: очевидно, сираки, а затем аланы, видя большие экономические выгоды для себя на богатых землях Прикубанья, постепенно здесь оседали, что привело в последние века до н. э. к резкому увеличению поселений, которые начинали возникать уже в VI—V вв. до н. э.[2] Целый ряд различий в погребальном ритуале и в материалах городищ позволил Н. В. Анфимову высказать мнение, что основной границей расселения меотских и сарматских племен Прикубанья является левый приток Кубани — Лаба[3]. Эта гипотеза основывается на материалах последних веков до н. э. и первых веков н. э. Отсутствие достаточного археологического материала VI—IV вв. до н. э. из районов восточнее Лабы пока не позволяет определенно утверждать, что эти районы были уже в то время сплошь заселены сарматскими племенами.

Для более позднего времени мнение Н. В. Анфимова подтверждается и материалами из раскопок Н. И. Веселовского. Определенная группа погребений зубовско-воздвиженского типа с характерными чертами сарматского обряда, в которой ранние курганы датируются III—II вв. до н. э., а самые поздние — II в. н. э., занимает в основном закубанские районы на восток от Лабы и может быть связана с сираками[4]. Это вовсе не означает, что сарматы совсем не проникали западнее: следы их пребывания в первые века н. э. отмечены археологическими исследованиями и на Таманском полуострове, в землях Боспорского царства[5].

Сарматские типы могил и сарматский погребальный обряд прикубанских курганов I в. до н. э.—II в. н. э. не оставляют сомнений в значительном приливе сарматов в Прикубанье из задонско-волжских степей.

Исследования меото-сарматских городищ и могильников, произведенные В. А. Городцовым[6], М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым[7], показали, что в Прикубанье рано создается очаг довольно развитого плужного земледелия[8]. В отличие от господствующего в степях Задонья и Заволжья

[1] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, вып. 23, 1951, стр. 155 сл.

[2] Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, 1949, стр. 241 сл.; Е. И. Крупнов. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 27 сл.

[3] Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 85—86; его же. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, вып. 23, 1951, стр. 204.

[4] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья, стр. 14.

[5] В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3-4, стр. 293; его же. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг., Тр. ГИМ, XVI, 1941.

[6] В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. СЭ, 1935, № 3, стр. 71—76; его же. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, I, 1937, стр. 171—185; «Археологические исследования в РСФСР 1934—36 гг.». М.—Л., 1938, стр. 210—213.

[7] М. В. Покровский и Н. В. Анфимов. Карта древних поселений и могильников Прикубанья. СА, IV, 1937, стр. 265—274; М. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. «Тр. Краснодарского пединститута», т. VI, вып. 1, Краснодар, 1927, стр. 3 сл.; «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 215—218; Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, XVI, 1947; его же. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, вып. 23, 1951.

[8] Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху; его же. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, вып. 23, 1951, стр. 144 сл.

скотоводческого кочевого хозяйства, у меотов и сарматов Прикубанья и дельты Дона в течение всего периода сосуществовали два хозяйственных уклада: оседлый земледельческо-скотоводческий и скотоводческий кочевой или полукочевой. Нижнедонские и прикубанские земледельческие поселения были также центрами различных ремесел, среди которых особого развития достигло гончарное производство. Таким образом, в свете последних исследований сарматские центры в дельте Дона (вокруг Танаиса)[1] и в Прикубанье, находящиеся в тесном контакте с Боспорским царством, выступают как наиболее передовые среди сарматского мира, где хозяйственный и социальный прогресс шел быстрее, чем в заволжских степях. Приблизительно с I в. до н. э. в Поволжье начинает распространяться античный импорт и еще больше — сарматские вещи (особенно керамика) нижнедонского и прикубанского типа. В политических событиях на Боспоре и в Закавказье, начиная с I в. до н. э., если не ранее, начинают принимать активное участие предкавказские сираки и аорсы, а с I в. н. э.— аланы, которые выдвигаются на первое место как наиболее могущественные племена.

Исследования могильников IV—V вв. н.э. в среднем Прикубанье (Пашковский могильник № 1)[2] и в верховьях Кубани (Гилячские могильники, могильник Байтал-Чапкан)[3] показали, что культура населения Прикубанья в это время развивалась на базе меото-сарматской культуры Северного Кавказа первых веков н. э., причем Т. М. Минаевой выявлены генетические связи аланов верховья Кубани с сарматами Поволжья[4]. В это время на Северном Кавказе все более и более распространяется обычай искусственной деформации головы, существование которого как массового явления во II—IV вв. доказано для Поволжья (до 80% всех черепов из сарматских могил II—IV вв. имеет искусственную деформацию).

Неравномерное исследование сарматских памятников Северного Кавказа и предкавказских степей еще не позволяет создать полный монографический труд по северокавказским сарматам. До сих пор очень слабо изучен старинный центр сиракских племен — Манычская долина[5]. Кроме единичных, очень ярких сарматских памятников Ставропольского плато, мы не имеем из этого района массовой серии памятников. Также до сих пор мы знаем очень мало сарматских памятников из центральных районов Северного Кавказа и степей северо-западного Прикаспия (бассейн Терека и Кумы). Если нам в основных чертах становится ясной

---

[1] А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. ИРАИМК, т. IV, 1925; его же. Северо-Кавказская экспедиция 1926—1927 гг. СГАИМК, II, 1929; Б. В. Лунин. Очерки истории Подонья—Приазовья. Ростов н/Д., 1949; Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949.

[2] М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, I, 1936, стр. 159—171; Археологические исследования в РСФСР, 1938, стр. 215; К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Сев. Кавказа, стр. 125; его же. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана, стр. 155—159.

[3] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 2-3. Ставрополь, 1950, стр. 205 сл.; ее же. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, вып. 23, 1951, стр. 273 сл.

[4] Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, стр. 297; ее же. Могильник Байтал-Чапкан, стр. 235.

[5] М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. ИГАИМК, вып. 109, 1934, стр. 201 сл.; «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1938, стр. 201—204; М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1934—1935 гг. СА, IV, 1937, стр. 93—131; его же. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 365 сл.; Б. В. Лунин. Археологические раскопки и разведки в Ростовской обл. в 1938—1939 гг. «Памятники древности на Дону», I, Ростов н/Д., 1943, стр. 19—21.

картина распространения сарматов и их культуры в Прикубанье, то этого нельзя сказать в отношении центральных районов Северного Кавказа, которые были заняты аланскими племенами. Путем археологических исследований необходимо ликвидировать белые пятна в степях Предкавказья, где сарматские племена появляются довольно рано (отдельные памятники прохоровской культуры в Ставропольщине и Грозненской обл.). Самым слабым местом в советском сарматоведении является изучение сарматов и их культуры в основных районах Европейской Сарматии Птолемея, т. е. в Северном Причерноморье, между Доном и Днестром. Эта проблема находится в неразрывной связи с историей славянских племен и их культуры. Хотя ираноязычные сарматы не составляли части соседнего с ними обширного мира славянских племен, однако их взаимосвязи оставили в культуре и древних славян и сарматов заметные следы, которые все более и более выясняются по мере усиления интереса советских археологов-славяноведов к истории и археологии сарматов.

Изучение сарматов Северного Причерноморья — одна из важнейших задач сарматской археологии. С 1951 г. сектор скифо-сарматской археологии ИИМК Академии Наук СССР начал разработку темы по истории сарматов Северного Причерноморья в плане создания общего сводного труда по истории и археологии скифов и сарматов Северного Причерноморья. За последние годы сарматская тематика стала разрабатываться и в Институте археологии Академии наук УССР.

Большой вред изучению сарматов Северного Причерноморья, как и всей советской археологии, нанесла «теория стадиальности» Н. Я. Марра, яркое выражение которой мы находим в работах В. И. Равдоникаса[1]. В соответствии с «теорией» Н. Я. Марра Равдоникас, полностью отрицая роль миграций и взаимосвязей в истории древнего населения юга нашей страны, в сложении древних культур и признавая лишь голый автохтонный процесс, не считал сарматов конкретно-историческими племенами, отличными от скифов. Сарматская эпоха в Северном Причерноморье, которая начинается у Равдоникаса слишком рано (IV—III вв. до н. э.), оказывается, «стадиально не может быть оторвана от скифской». Равдоникас не заметил больших этнических изменений в населении Северного Причерноморья в последние века до н. э., ожесточенной борьбы сарматов со скифами и вытеснения первыми последних из ряда областей старой Скифии, хорошо прослеживаемого на основании письменных и археологических источников. Для Равдоникаса между скифами и сарматами различия лишь социальные, так как в сарматский период в Причерноморье «возникает настоящее классовое расслоение»[2].

Недооценка роли сарматов в истории Северного Причерноморья нашла свое отражение в вузовском учебнике А. В. Арциховского, где неверно указывается, что «правильнее говорить не о вытеснении одного народа другим (т. е. скифов сарматами.— *К. С.*), а только о смене господствующего племени»[3]. В этой связи следует вспомнить свидетельство Диодора Сицилийского, который прямо говорит о большом и опустошительном завоевании Скифии сарматами, приведшем к вытеснению или уничтожению части скифского населения: «Эти последние (т. е. савроматы.— *К. С.*) много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть

---

[1] В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Сев. Причерноморья. «Готский сборник», ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 5 сл.

[2] В. И. Равдоникас. Ук. соч., стр. 85.

[3] А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 94.

Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили бóльшую часть страны в пустыню»[1].

Сарматы между Доном и Днестром — не автохтонное, а пришлое население. Первое передвижение сарматов на западную сторону Дона, зафиксированное письменными источниками, относится ко второй половине IV в. до н. э. Так, перипл Псевдо-Скилака помещает в Европе, т. е. западнее Дона, одно из савроматских племен — сирматов: «[За скифами сирматы] народ и река Танаис, [которая] составляет границу Азии и Европы»[2]. Б. Н. Граков первые передвижения сарматов в пределы Скифии ставит в связь с ослаблением Скифского царства после гибели скифского царя Атея в 339 г. до н. э. Сарматские памятники этого времени на правобережье Дона нам пока еще неизвестны. Очевидно, постепенное просачивание отдельных сарматских племен на запад от Дона во II в. до н. э. закончилось большим завоеванием основных земель Скифии крупными сарматскими силами, среди которых Страбон называет сарматов-язигов западнее Днепра и роксоланов между Днепром и Доном[3], в которых следует видеть не отдельные племена, а крупные союзы племен, получившие свое название от руководящих племен язигов и роксоланов. Ко II в. до н. э. относится присоединение к политическому союзу государств Малой Азии (ок. 179 г. до н. э.) царя европейских сарматов Гатала[4], участие роксоланов в союзе с Палаком против Диофанта (в 20-х годах II в. до н. э.)[5] В полном соответствии с этими свидетельствами находятся археологические данные: наиболее ранние, пока лишь единичные сарматские погребения между Доном и Днепром, т. е. на территории роксоланов, относятся к III—II в. до н. э.[6]

В известной сводке М. И. Ростовцева[7] собрана очень небольшая часть сарматских памятников Северного Причерноморья, накопленных в дореволюционное время русской археологией. Ростовцев использовал в основном лишь некоторые опубликованные материалы из раскопок В. А. Городцова и Е. П. Трифильева. Надо отбросить неправильное представление о незначительном числе сарматских погребений в Северном Причерноморье. До сих пор не привлекали должного внимания материалы сарматской культуры из раскопок Н. Е. Бранденбурга, Д. Я. Самоквасова, А. А. Бобринского, Е. Н. Мельник, Н. Е. Макаренко, Д. И. Эварницкого и других. В советский период новые сарматские погребения были вскрыты у с. Нещеретова Харьковской обл. (раскопки А. А. Потапова и И. Н. Луцкевича, 1928—1929 гг.), в Полтавской обл. у с. Кантемировки (раскопки М. Я. Рудынского, 1924 г.)[8] и у сс. Климовицы и Абазовки (раскопки М. Я. Рудынского, 1926—1927 гг.)[9], близ Никополя (раскопки Б. Н. Гракова, 1939 г.), в Запорожской обл. в районе Днепрогэса (во время строительства в 1930 г.), у г. Большой Токмак (раскопки В. Ф. Пешанова, 1950 г. и К. Ф. Смирнова, 1952 г.), у г. Мелитополя (могильник

---

[1] Диодор Сицилийский. Библиотека, II, 43. ВДИ, 1947, № 4, стр. 251.
[2] Скилак Кариандский. Европа, 68. ВДИ, 1947, № 3, стр. 241.
[3] Страбон. География, VII, 3, 17. ВДИ, 1947, № 4, стр. 200.
[4] Полибий. История, XXV, 2 (XXVI, 6), 12. ВДИ, 1947, № 3, стр. 302.
[5] Страбон. География, VII, 3, 17. ВДИ, 1947, № 4, стр. 201.
[6] К. Ф. Смирнов. О погребении роксолан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 213 сл.
[7] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925.
[8] М. Рудинський. Кантемирівські могили римської доби. Зап. ВУАК, вып. 1, Киев, 1931, стр. 127—156; его же. Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник, присвячений 35-річчю музею, I, 1, стр. 54—55; А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 66—67.
[9] М. Рудинський. Досліди на Полтавщині. «Коротке звідомлення ВУАК за 1926 рік». Київ, 1927, стр. 144—145.

в Кизиярской балке) и у с. Ново-Филипповки Ново-Васильевского района, где раскопки были начаты Т. Г. Оболдуевой в 1947 г., а в 1951 г. под руководством А. И. Тереножкина вскрыто несколько десятков курганов, входящих в большой сарматский могильник. Последнее крупное открытие показало, что на территории Украины имеются такие же массовые могильники рядового сарматского населения, как и в Поволжье, и только отсутствие почти до последних лет планомерных разведок и раскопок сарматских памятников не давало возможности обнаружить их в большом числе на Украине.

Таким образом, мы имеем более 200 сарматских погребений различных времен между Доном и Южным Бугом, большинство которых обнаружено восточнее Днепра. Для начала систематического изучения сарматских племен и их культуры в Северном Причерноморье, главным образом на территории Украины, необходима прежде всего сводка всех археологических материалов с датировками и характеристикой локальных особенностей. Эти материалы опубликованы лишь частично, чаще всего в виде весьма кратких публикаций без достаточного иллюстративного материала, и пользоваться ими в таком виде весьма затруднительно. К сожалению, многие коллекции сарматских вещей и архивные материалы, хранившиеся в музеях юга нашей страны, уничтожены фашистскими оккупантами во время Великой Отечественной войны.

Имеющиеся археологические материалы, особенно полученные за последние годы, не оставляют никакого сомнения в происхождении основной массы северочерноморских сарматов из задонских и волжско-уральских степей. Основная масса сарматских погребений II в. до н. э.— II в. н. э. в степной части между Доном и Днепром, т. е. на территории страбоновских роксоланов, тождественна поволжским (особенно саратовским) по типам погребальных сооружений, деталям погребального обряда и основному набору погребального инвентаря. И здесь и там в одном и том же могильнике встречаются одновременно различные погребальные типы, в том числе и так называемые диагональные погребения, которые нигде в количественном отношении не преобладают над другими типами погребений. Диагональные погребения встречаются и в бассейне Северного Донца, и в Северном Приазовье, и на левобережье нижнего Днепра[1]. Основной район их распространения во II в. до н. э.— I в. н. э., по последним данным,— степи между Доном и Уралом на широтах между Саратовом и Сталинградом. Этот тип погребения был перенесен и на левый берег Днепра не позже II в. до н. э., очевидно, завоевателями Скифии — роксоланами (диагональное погребение у дер. Вороной б. Новомосковского у.)[2]. Западнее Днепра, несмотря на присутствие и там типичных сарматских комплексов вещей и отдельных погребений, диагональных погребений пока не известно. Очевидной прародиной роксоланского союза сарматских племен следует считать саратовское Поволжье последних веков до н. э.

Погребения позднесарматского, аланского типа (II—IV вв.) также хорошо известны на всей территории между Доном и Днепром. Они тоже очень близки поволжским, и многие костяки имеют деформированные черепа. Вероятно, не случайно большинство этих погребений нам известно в районе Северного Донца, т. е. на территории салтовской культуры, происхождение которой от сарматской (аланской) культуры первых веков н. э. ни у кого теперь не вызывает сомнения. На Полтавщине,

[1] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан.

[2] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 87—88; К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 217.

в бассейне Орели и Ворсклы, все известные сарматские погребения относятся к позднему времени (II—IV вв.), т. е. мы наблюдаем как будто бы картину расселения некоторой группы сарматских племен на север. Только позднесарматские памятники, правда иного характера, известны в низовьях Днепра, на его левобережье. Это преимущественно так называемые «речные» погребения гуннского времени (IV—V вв.), которые известны в Северном Причерноморье, главным образом в низовьях Днепра и в Северном Приазовье; они же известны в Поволжье[1] и сравнительно далеко на севере, в верховьях Псла (близ г. Суджи)[2], и на западе, в бассейне Прута (Концешты)[3].

Следовательно, имеющийся в нашем распоряжении археологический материал позволяет говорить о расширении во II—IV вв. сарматской территории между Доном и Днепром, с одной стороны, на север, в пограничные юго-восточные районы раннеславянской культуры полей погребений, с другой — в низовья Днепра, т. е. на территорию Малой Скифии. Этот материал позволит в ближайшее время наметить общие контуры локальных вариантов сарматской культуры Северного Причерноморья и сделать первую попытку связать их с наиболее крупными племенными образованиями на этой территории, указанными Птолемеем.

Нам до сих пор неизвестны характерные сарматские материалы, которые говорили бы о сколько-нибудь заметном и длительном пребывании сарматских племен в Крыму, хотя определенная сарматизация населения Крыма, как Неаполя Скифского, так и греческих колоний всего Северного Причерноморья в первые века н. э., бесспорна. Со всей необходимостью встает вопрос о выяснении характера этой сарматизации. Советскими археологами-античниками проделана уже большая работа по выяснению роли местных, в частности сарматских элементов в истории и культуре античных городов Северного Причерноморья. Совместная работа античников и специалистов по скифо-сарматской археологии над этой проблемой может принести еще бóльшие результаты; кроме того, она позволит уточнить датировки самих сарматских комплексов.

Хуже обстоит дело с сарматскими памятниками в степных районах западнее Днепра, хотя отдельные памятники известны на Ингульце, Ингуле и Буге, в том числе в самой Ольвии. В этих районах прежде всего необходимы большие полевые исследования. Необходимо выделить сарматские элементы в культуре местных городищ и грунтовых могильников, выявленных в низовьях Днепра и Южного Буга. Из старых дореволюционных раскопок известны некоторые курганные погребения сарматского времени на нижнем Днестре, в районе Тирасполя и Днестровского лимана. Однако и в этом районе еще необходимы большие полевые исследования, чтобы выяснить, оставили ли сарматы заметные следы своего пребывания в юго-западных районах нашей страны, через которые они прошли на Дунай, к границам Римской империи.

Основная масса сарматских памятников Северного Причерноморья занимает степные области и непосредственно граничит с юго-восточной областью распространения памятников культуры полей погребений[4].

[1] И. В. Спицын. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. «Изв. Сарат. Н.-Волжского ин-та краеведения им. М. Горького», т. VII, Саратов, 1936, стр. 71—87.

[2] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе ИГАИМК, вып. 112, 1934.

[3] Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 56—57; его же. Byzantinische Antike. Berlin, 1929, стр. 123—137; A. Odobesco. La trésor de Petrossa. Paris, т. I, 1889—1900, стр. 146, 487—488.

[4] Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен. Архив ИИМК, № 1048.

На левобережье Днепра, как мы уже отмечали выше, лишь несколько позднесарматских погребений вклинивается в лесостепную зону по Ворскле и в верховьях Псла. Исключение составляет компактная группа погребений днепровского правобережья, занимающая южные районы Киевской (по Роси и Россаве) и северные районы Кировоградской (по Тясмину и Выси) областей. Эти погребения, в основном впускные, с северной ориентировкой погребенных, с характерным сарматским инвентарем, известны по старым раскопкам А. А. Бобринского, Н. Е. Бранденбурга и Д. Я. Самоквасова[1]. Находки в этих погребениях типичных форм сарматского оружия, конского убора, керамики, украшений и ритуальных сосудов свидетельствуют не только о взаимосвязи сарматов с древним несарматским населением, но и о частичном проникновении сюда отдельных сарматских групп населения из соседних степей. Таким образом, мы имеем две основные области сосуществования отдельных сарматских и славянских групп населения, где особенно интенсивно шел процесс взаимодействия двух этнически и культурно различных племенных массивов,— лесостепные районы днепровского левобережья и правобережья. Вопрос о культурных взаимосвязях сарматов и славян, поставленный еще В. А. Городцовым[2], в последние годы поднят советскими археологами-славяноведами.

Мы пока не можем сказать, когда проникли отдельные группы сарматского населения в лесостепные районы днепровского правобережья; в период ли наиболее интенсивного натиска сарматов из-за Дона в последние века до н. э., или же их расселение произошло несколько позже. Однако ни одно из погребений с сарматским инвентарем этого района, которое может быть ориентировочно датировано, не относится ко времени позднее I—II вв. н. э. Если сюда проникли отдельные сарматские группы, то они вскоре были сметены или ассимилированы славянскими племенами этого района. В могильниках черняховского типа именно этой территории мы наблюдаем некоторые черты сарматского обряда или инвентаря[3].

Ю. В. Кухаренко прослежено постепенное продвижение культуры полей погребений с левобережья Днепра в верховья Северного Донца[4], где ее носители непосредственно сталкиваются с сарматами. И в этой области памятники полей погребений несут ряд черт сарматской культуры. Здесь процесс взаимодействия сарматов и славян ощущается сильнее, и поэтому возникает вопрос, все ли памятники полей погребений бассейна Ворсклы и верховьев Донца связаны со славянами? Во всяком случае такие памятники, как Кантемировские курганы IV в., по обряду погребений могут быть признаны только сарматскими и, таким образом, не могут быть включены в группу памятников культуры полей погребений. И тем более ошибочно увлечение некоторых украинских археологов, отождествлявших типичные сарматские памятники степных районов Северного

---

[1] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I—III; ОАК, 1896, стр. 78 сл.; А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском у. Киевской губ. ИАК, вып. 14, 1906, стр. 29—30; его же. Отчет о раскопках в Чигиринском у. Киевской губ. в 1908 г. ИАК, вып. 35, 1910, стр. 50—51, 172; его же. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уу. Киевской губ. в 1909 г. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 51; Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, М., 1908; его же. Основание хронологической классификации.

[2] В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, I, 1926, стр. 7—36.

[3] Ю. В. Кухаренко. Ук. соч.

[4] Там же.

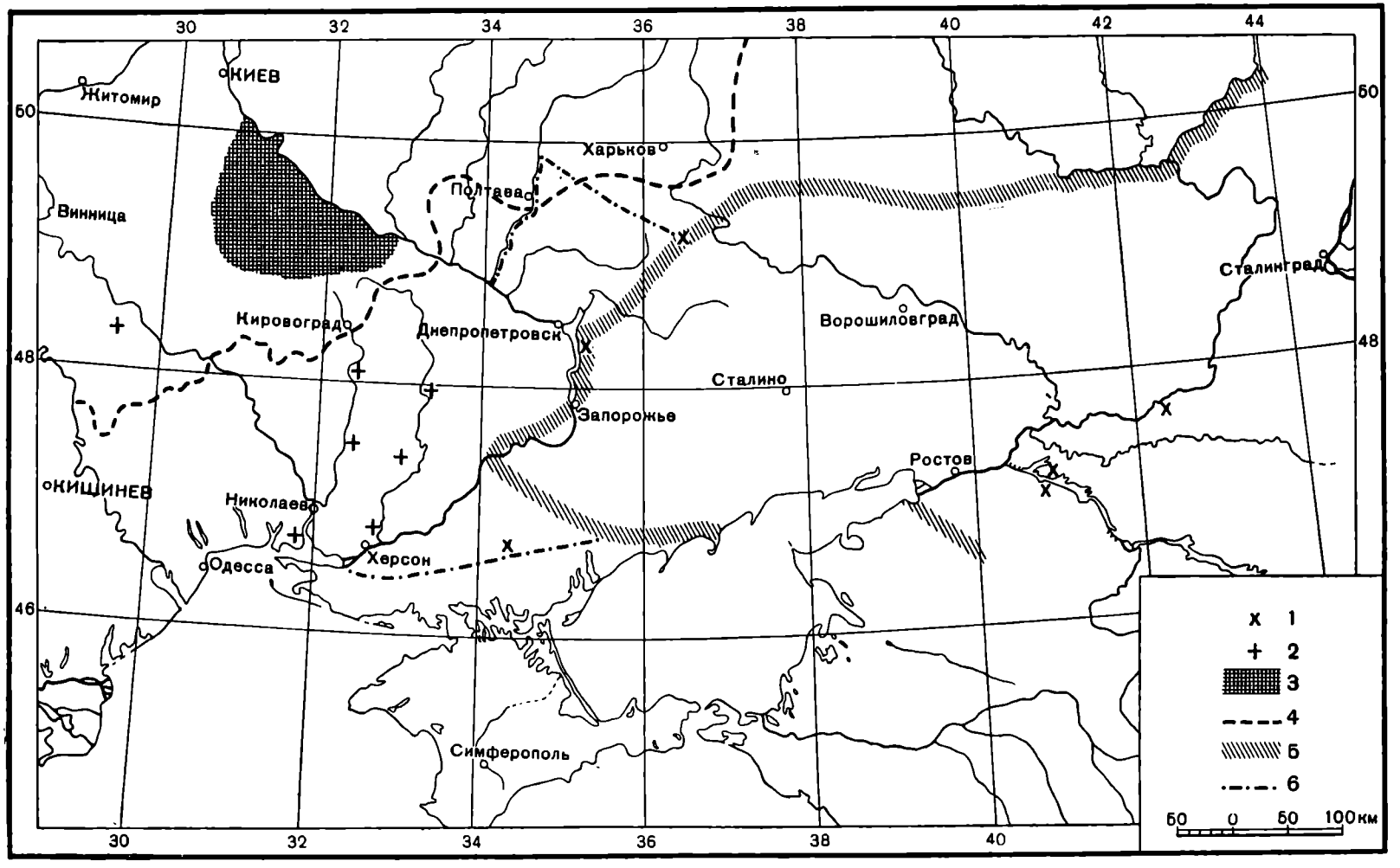


Схема распространения сарматских погребений в Северном Причерноморье:

1 — сарматские погребения III—II вв. до н. э.; *2* — отдельные сарматские (?) погребения правобережной Украины; *3* — район погребений с сарматским инвентарем на правом берегу Днепра; *4* — границы степи и лесостепи; *5* — граница распространения основной группы сарматских погребений I в. до н. э.— IV в. н. э.; *6* — граница распространения позднесарматских погребений II—IV вв.

Донца с культурой полей погребений[1]. С другой стороны, необходимо отметить определенное воздействие культуры полей погребений на соседние позднесарматские (очевидно аланские) племена бассейна Северного Донца. Вопрос о взаимодействии раннеславянских племен и сарматов в первой половине I тыс. н. э. заслуживает большого внимания: несмотря на то, что степи были заняты населением, чуждым славянам и по языку, и по экономическим основам, и по общему облику культуры, отдельные поселения культуры полей погребений уже в первые века н. э. появляются в Днепровской луке[2], а отдельные элементы этой культуры (трупосожжение, керамика и пр.) проникают еще далее на юг и юго-восток, например в Крым (Инкерманский и Чернореченский могильники, исследованные Е. В. Веймарном) и даже в Прикубанье[3].

Для плодотворного разрешения важнейших вопросов сарматской археологии (происхождение сарматских племен, сложение их культуры и основные этапы ее развития, социально-экономическое и политическое развитие отдельных сарматских групп на обширной территории их расселения, хронология сарматских памятников, отождествление локальных групп сарматских памятников с известными из письменных источников наиболее крупными племенными образованиями, расселение сарматов, роль сарматов в истории античных рабовладельческих центров Северного Причерноморья, взаимосвязи сарматов с их соседями — скифами, населением Средней Азии, Кавказа и особенно со славянскими племенами, роль поздних сарматов в племенных и политических образованиях юго-востока Европейской части нашей страны в период раннего средневековья, роль их культуры в формировании культур населения юга нашей страны раннего средневековья и в том числе славянской культуры) необходима совместная работа специалистов по скифо-сарматской археологии с археологами-античниками, кавказоведами, археологами, изучающими Среднюю Азию, и славяноведами, а также с антропологами и языковедами.

С неотложной необходимостью встает задача проведения больших полевых разведочных и раскопочных работ в наименее исследованных районах сарматского расселения, и прежде всего на Украине, в Приаральском районе, в Предкавказье, центральных районах Северного Кавказа и в Крыму.

Начавшиеся в 1951 г. в связи с великими стройками коммунизма большие археологические исследования в Поволжье (на Еруслане, на левом берегу Волги) и на Украине (по Молочной) уже привели к открытию новых ценных памятников сарматской культуры. Дальнейшее расширение запланированных полевых археологических исследований на территории великих строек коммунизма в ближайшие 4—5 лет даст советским археологам огромный вещественный материал для постановки и разрешения ряда важнейших проблем истории и культуры народов СССР и, в частности, для выяснения места и роли обширного сарматского мира в истории нашей Родины.

---

[1] І. Луцкевич. Матеріали до картп поширення пам'яток культури полів поховань на території Харьківської області. «Археологія», II. Київ, 1948.

[2] Ю. В. Кухаренко. Ук. соч.

[3] К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана, стр. 158—159.

А. Н. РОГАЧЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

(По материалам Тельманской стоянки в Костенках)[1]

Начиная с 1948 г. в Костенках систематически ведутся поиски многослойных палеолитических поселений. Эти работы теснейшим образом связаны с разработкой проблемы периодизации истории первобытного общества и дали уже весьма важные материалы для хронологизации памятников верхнепалеолитического времени. В результате разведок 1948—1949 гг. и раскопок 1950 г. в Костенках I, Костенках V и на Тельманской стоянке выяснена многослойность этих поселений верхнепалеолитического времени[2]. Нижние слои Костенок I и Тельманской стоянки оказались вообще наиболее древними памятниками Восточно-Европейской равнины и вносят существенные изменения в установившуюся у нас хронологическую шкалу памятников верхнепалеолитического времени.

Изучение верхнепалеолитических остатков жилищ, поселений и многослойных памятников на Дону и в бассейне Десны позволяет ставить вопрос о конкретном ходе исторического процесса на территории Русской равнины в эпоху верхнего палеолита и заставляет пересмотреть концепцию о стадиальном развитии верхнепалеолитических культур.

В июне — октябре 1950 г. Костенковский отряд Палеолитической экспедиции ИИМК Академии Наук СССР производил раскопки Тельманской стоянки с целью изучения нижнего культурного слоя, обнаруженного там разведкой 1949 г.

В 1950 г. на Тельманской стоянке около основного шурфа 1949 г. был развернут раскоп площадью в 120 м², углубленный на 4 м, а в отдельных местах до 5 м.

Тельманская стоянка, судя по исследованиям 1950 г., является четырехслойным памятником, что окончательно утверждает вывод о наличии на открытых местах, удобных для поселений первобытных общин, как и в пещерах, многих культурных напластований с различной техникой обработки камня.

Первый, или верхний, слой Тельманской стоянки в 1937 г. был изучен П. П. Ефименко, открывшим здесь углубленное в землю округлое жилище диаметром в 6 м, с остатками хорошо выраженного очажного

---

[1] Статья печатается в порядке обсуждения.

[2] А. Н. Рогачев. О нижнем горизонте Костенок I. КСИИМК, XXXI, 1949; его же. О нижнем слое Тельманской стоянки в Костенках. КСИИМК, XXXVII, 1951.

углубления, заполненного массой костного угля и расположенного в средней части жилища. В 1949 и в 1950 гг. был исследован прилегающий к полуземлянке со стороны входа участок поселения, а также была расчищена западная половина полуземлянки, засыпанная П. П. Ефименко в расчищенном виде (рис. 1). Завершение исследования части полуземлянки путем контрольного вскапывания, сделанное нами в силу необходимости

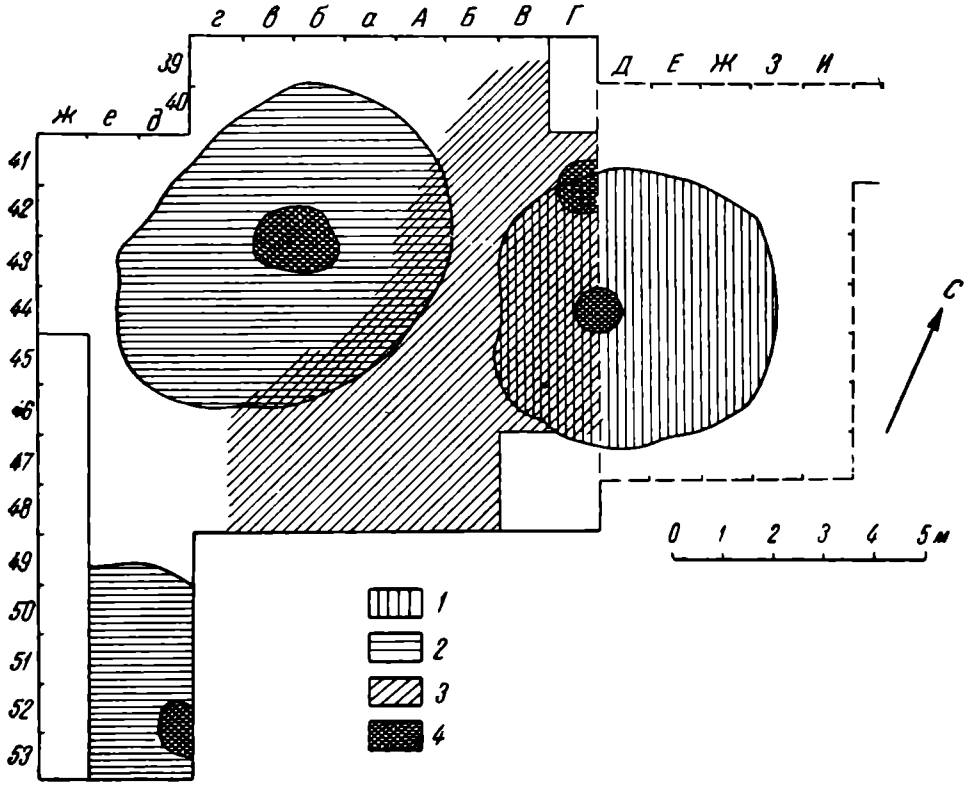


Рис. 1. Тельманская стоянка. Схематический план остатков жилищ первого (верхнего), второго и третьего культурных слоев.

1 — жилище первого слоя; *2* — жилище второго слоя; *3* — находки и следы остатков жилища третьего слоя; *4* — скопление золы.

изучения нижележащих слоев, существенно дополнило представление об этом жилище. В полу жилища, четко прослеживаемого еще в 1937 г., было расчищено четыре ямы; две из них, наиболее крупные, были расположены частично под очажной лункой. Заполнение ям состояло из типичных остатков обитания, которые характерны и для культурного слоя, залегавшего на дне полуземлянки. Завершение исследования западной половины жилища верхнего слоя путем контрольного вскапывания позволяет сближать Тельманскую полуземлянку с углубленными в землю округлыми жилищами Костенок IV, в полу которых было обнаружено большое количество больших и малых ям, вырытых обитателями Костенок IV в разное время. Исследование западного участка поселения (рядом с полуземляночным жилищем) дает возможность отметить еще одну черту сходства его с округлыми жилищами Костенок IV. Только в западном направлении у всех этих жилищ имелся мощный, постепенно выклинивавшийся культурный слой, а также отмечалось почти полное отсутствие каких-либо находок за пределами других краев жилых углублений. Наличие столь же мощных линз культурного слоя, как и внутри самых жилищ, в определенных местах

рядом с жилыми углублениями позволяет объяснять это явление конструктивными особенностями наземной части. Повидимому, на местах входов в жилища имелись утепленные постройки в виде сеней.

Солютрэйские приемы в технике обработки кремня на поселениях Костенки IV и Тельманской стоянке и наличие черепа пещерного льва, найденного в Тельманском жилище, в слое на полу, а в Костенках IV — в западном округлом жилище, в верхней части слоя, около очага, при сходстве размеров и типа жилищ, может свидетельствовать о генетической связи этих двух памятников. Обитатели округлых жилищ Костенок IV, обладая несомненно более развитой культурой, выражающейся в более совершенной технике обработки кремня, камня и кости, вместе с тем сохранили традиции своих предков — обитателей Тельманской стоянки в приемах обработки кремня, в домостроительстве и также, повидимому, в родовой эмблеме, если в этом плане рассматривать черепа львов, залегающие в определенных условиях, подобно черепам овцебыков, найденным в полуземлянках на тождественных поселениях в Костенках I (верхний слой) и в Авдееве.

Коллекция из верхнего слоя Тельманской стоянки немногочисленна, но она существенно дополняет коллекцию П. П. Ефименко, собранную в 1937 г. при изучении округлого жилища. Среди кремневого инвентаря полностью отсутствуют столь обычные, встречающиеся почти во всех верхнепалеолитических поселениях, концевые скребки и микропластинки с притупленным ретушью краем, что послужило одной из причин для прежней ошибочной датировки этого памятника начальной порой верхнепалеолитического времени (П. П. Ефименко). Подавляющую массу кремневых орудий составляют листовидные острия, изготовленные при помощи солютрэйской ретуши из массивных пластинок и отщепов; некоторые из них внешне напоминают мустьерские остроконечники. Вместе с тем обитатели поселения верхнего слоя широко практиковали резцовую технику обработки кремня, а приемом солютрэйской ретуши изготовляли из пластинок наконечники копий, у которых черешок и острие тщательно оформлялись плоской ретушью. Из костяных орудий было найдено, главным образом в заполнении ям, вырытых внутри жилища, больше десятка обломков лощил и небольшая подвеска с обломанным ушком, вырезанная из бивня мамонта.

Второй культурный слой залегал на 1 м ниже верхнего, на глубине 3,60—3,80 м, в нижней части лёссовидного суглинка, и был отделен от верхнего тонкой прослойкой ископаемого гумуса (рис. 2). Он был мощным и представлял остатки двух рядом расположенных жилищ с тождественной коллекцией находок. Одно из жилищ было изучено полностью, а второе обнаружено и вскрыто всего лишь на площади 8 м². Изученное жилище второго слоя было небольшим, имело округлую форму, в поперечнике достигало 6—7 м. Оно, повидимому, было слегка углублено в землю, что подтверждается не только строгой локализацией находок, но и определением краев этого углубления, отмеченных на плане жирной линией (рис. 3). Культурный слой, заполнявший это жилое углубление, отличался от окружающего суглинка сильной гумусированностью, более темным цветом, большой насыщенностью культурными остатками, исчезавшими совершенно за пределами жилища. Граница жилого углубления четко и ясно была прослежена по всему его северному краю и частично у юго-западного края. На остальных участках она была установлена условно на основании распространения находок, характеризующих культурный слой. Юго-восточный край жилища представляется особенно нечетким из-за смешения здесь двух культурных горизонтов с различными бытовыми отбросами и с различным составом коллекций. У юго-восточной и восточной стен

раскопа было расчищено большое количество мелких осколков бивней мамонта, крупных осколков костей, залегавших в суглинке, лишь местами сильно гумусированном. При расчистке этих своеобразных находок встречались в небольшом количестве кремневые отщепы, пластинки и кварцитовые отщепы. Такие находки совершенно отсутствовали в слое округлого жилища и имелись в небольшом числе у юго-восточного края и в противоположном направлении за пределами жилища, в двух западных углах раскопа. Заполнение округлого жилого углубления второго слоя, наоборот, характеризовалось присутствием лишь мелких осколков костей животных и полным отсутствием бивней мамонта. Наличие большого количе-

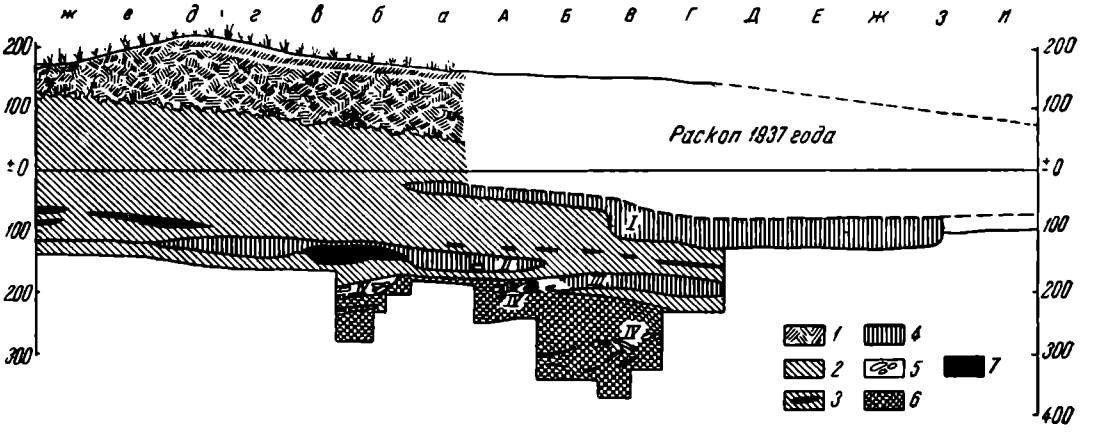


Рис. 2. Тельманская стоянка. Разрез по линии между 42 и 43 квадратами.

1 — чернозем; *2* — лёссовидный суглинок; *3* — прослойка ископаемого гумуса, местами окрашенная охрой; *4* — культурный слой; *5* — отдельные находки костей и кремней; *6* — слоистый суглинок с прослойками мела и гумуса; *7* — остатки очага.

ства расщепленного кремня, в том числе крупных пластинок, обилие мельчайших чешуек кремня и острий с притупленным краем вместе с костным углем, кусочками охры и слабой окраской слоя красной охрой выделяло остатки округлого жилища, которое не было полностью установлено из-за недостаточной площади раскопа. У восточной стены раскопа слой с кварцитами и осколками бивней, частично перекрытый остатками жилища второго слоя, залегал на 20 см глубже пола жилища второго слоя. Это позволило и сходные с этими находки к юго-востоку от жилища, залегавшие на одном уровне с ним, точно так же как и отдельные осколки бивней и кварцита, встреченные за пределами жилища в западных углах раскопа, считать остатками более раннего поселения, т. е. третьим культурным слоем.

В центре округлого жилища второго слоя имелось большое скопление золы, насыщенной мелким костным углем и обожженными кремнями. Оно имело неправильную, в общем округлую форму, в диаметре несколько больше 1 м. При разборке этой очажной массы под ней не было обнаружено обычного в таких случаях очажного углубления.

На расстоянии 3,5 м к югу от края этого жилища был обнаружен край второго жилища второго слоя (рис. 3).

При разборке второго культурного слоя было собрано больше 5 тыс. экземпляров расщепленных кремней, среди которых преобладали отщепы и мельчайшие чешуйки; значительная часть их, несомненно, является отбросами при ретушировании кремня. Характерно отсутствие нуклеусов или ядрищ, а среди кремней с вторичной обработкой преобладают мел-

кие и мельчайшие игловидные острия и их обломки, собранные в большом количестве.

Общий вид культурного слоя, состав кремневого инвентаря и техника обработки кремня в обоих жилищах совершенно тождественны. В траншее,

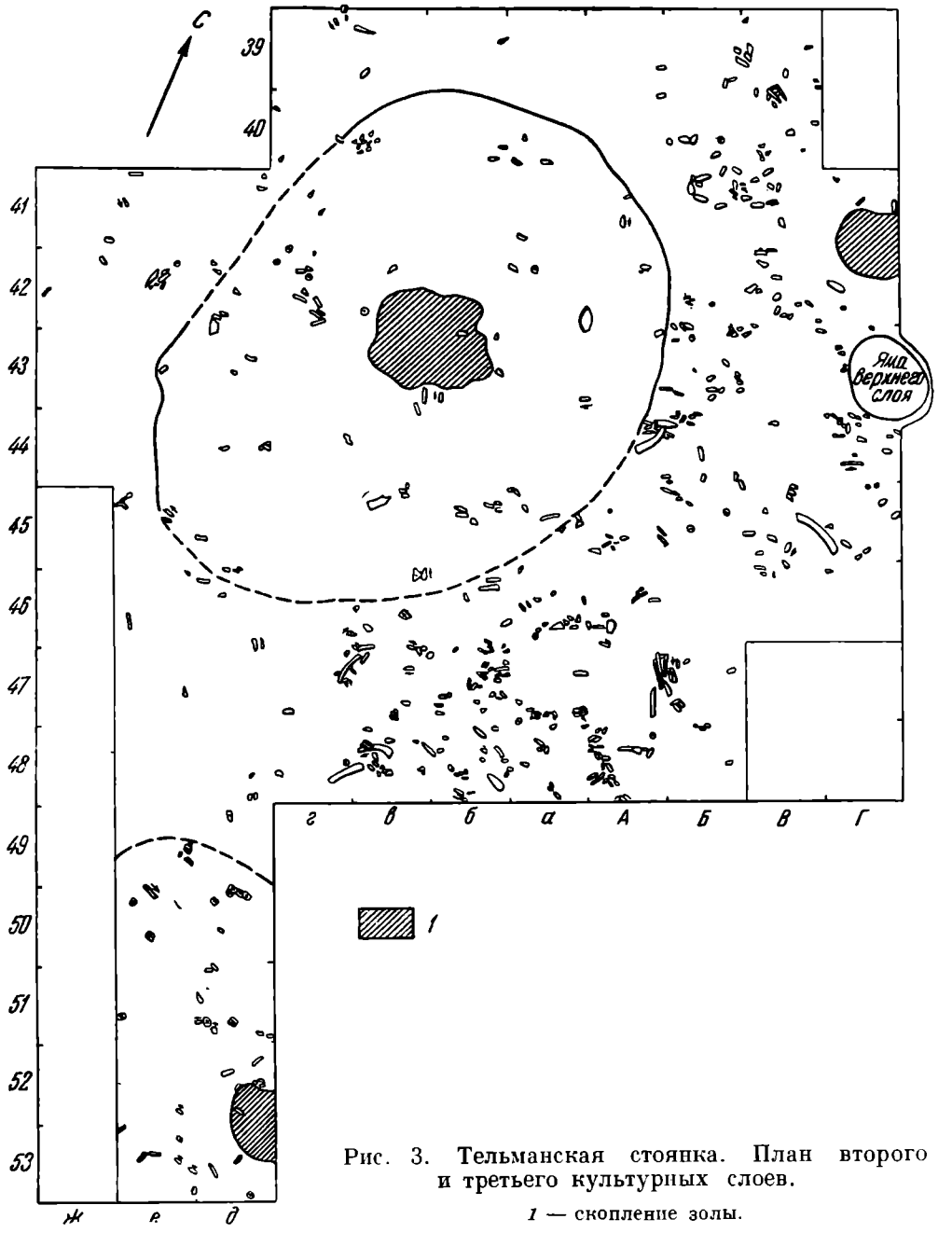


Рис. 3. Тельманская стоянка. План второго и третьего культурных слоев.

1 — скопление золы.

заложенной с целью разведки этого жилища, были обнаружены остатки очага с такими же характерными признаками, как и вышеописанный очаг. На участке между жилищами встречались отдельные находки кремней, а около частично вскрытого очага слой был насыщен находками не менее, чем слой соседнего жилища. В частности, наряду с большим количеством кремней, здесь было найдено несколько поделок из кости в виде

небольшой подвески с орнаментированной поверхностью, острие и лощило. Уже теперь можно полагать, что оба жилища являются остатками одного поселения. Остатки двух округлых жилищ, связанных единством культурного слоя, имеются и в Костенках IV.

Коллекция из второго слоя Тельманской стоянки, названного в 1949 г. нижним, отличается от коллекции из верхнего слоя значительно более развитой техникой обработки кремня[1]. Обитатели поселений верхнего и второго слоя добывали кремневые желваки в различных месторождениях. Кремень верхнего слоя светлый, полупрозрачный, с молочного цвета пятнистой патиной, без меловой корки. Кремень второго слоя — темный,

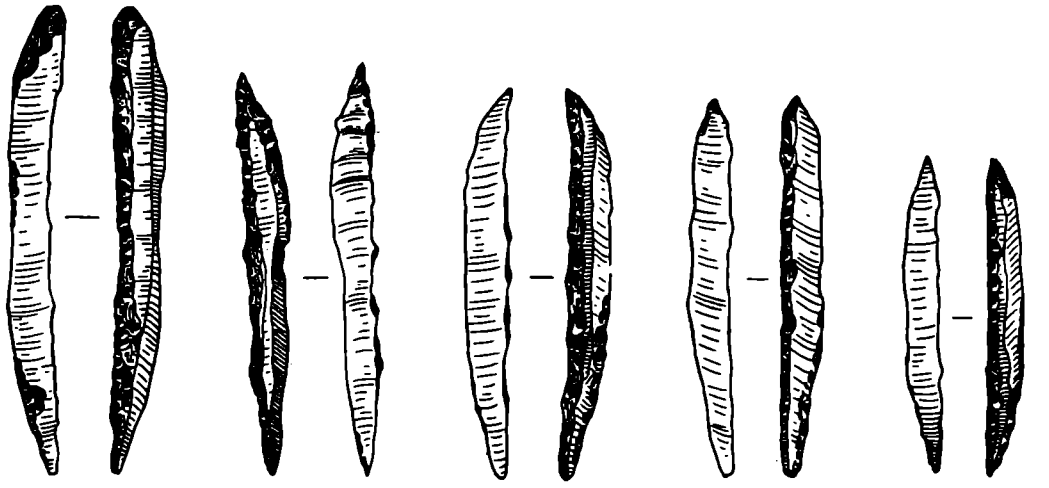


Рис. 4. Игловидные острия

полупрозрачный, с меловой коркой, почти не поддается патинизации. Патина имеется лишь в виде легкого голубоватого налета.

По составу кремневого инвентаря эта коллекция совершенно отлична от коллекции верхнего слоя. Во втором слое нет листовидных острий и совершенно отсутствует солютрэйская ретушь, зато изобилуют микропластинки с притупливающей край ретушью и с основанием, оформленным в виде острия. Имеются концевые скребки, много срединных и угловых резцов с ретушью на конце. Следует отметить большое количество крупных пластин с ретушью или с легкой подправкой краев и пластин с выемками на краях, оформленных ретушью. Техника обработки кремня второго слоя характеризуется наличием большого числа миниатюрных, тщательно изготовленных игловидных острий (рис. 4, *1—5*). Эти орудия нередко имеют удивительно малые размеры, что свидетельствует о необыкновенно высокой технике расщепления кремня и совершенстве приемов ретуширования тончайших и длинных микропластинок (рис. 5, *1*). Эти мелкие острия с притупленным краем (рис. 4, *1—5*) по внешним очертаниям совершенно сходны с амвросиевскими остриями. В полностью изученном жилище были найдены два орудия, представляющие типичные трапеции типа Шан-Кобы. Однако бесспорно то, что эти орудия относятся к древней поре верхнепалеолитического времени: они залегали в нижней части толщи лёссовидного суглинка на второй надпойменной террасе.

[1] А. Н. Рогачев. О нижнем слое Тельманской стоянки в Костенках. КСИИМК, XXXVII, 1951.

Третий культурный слой Тельманской стоянки, как указывалось выше, залегал частично в смешении со вторым слоем, но в северо-восточной части раскопа он им перекрывался (рис. 3). Совершенно особый его внешний вид и насыщенность большим количеством осколков бивней мамонта, крупными осколками костей животных, присутствие наряду с кремнем относительно большого числа кварцитов и отсутствие орудий, характерных для округлых жилищ второго слоя, не позволяет сомневаться в том, что он представляет собой остатки иного, более древнего поселения. Третий слой не был изучен полностью, он продолжался под северо-восточные стены раскопа. В нем у восточной стены раскопа были заметны

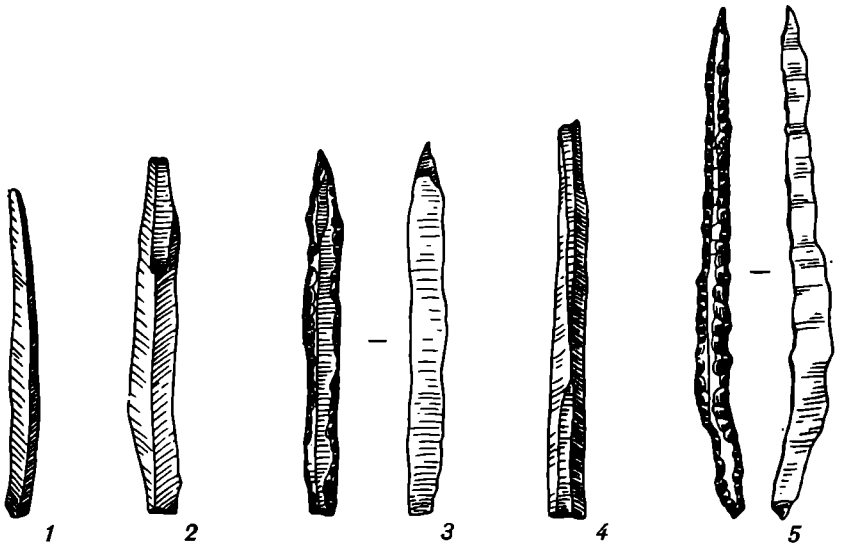


Рис. 5. Микропластинки (*1*, *2*, *4*) и игловидные острия (*3*, *5*). (увеличено в 4 раза).

слабые признаки скоплений очажной массы, содержащей золу и мелкие костные угли.

Дальнейшее изучение остатков третьего слоя позволит не только пополнить коллекцию, но и собрать важные сведения о характере поселения и жилищ, которые, очевидно, разрушены лишь частично, в силу залегания на более крутом склоне, чем тот, на котором было основано здесь поселение второго слоя.

Коллекция из третьего слоя состоит примерно из 500 кремневых и кварцитовых осколков, среди которых имеется два-три десятка орудий и несколько поделок из бивня мамонта. Мелкие острия, пластинки с ретушью в виде выемок и резцы, характерные для второго слоя, в коллекции совершенно отсутствуют. Есть кремни с резцовыми сколами, пластинки и отщепы с ретушью. Кроме того, здесь было найдено три уплощенных в сечении, веретенообразных стержня, вырезанных из бивня мамонта и являвшихся, вероятно, наконечниками метательных орудий. Среди осколков бивней имеется большое количество тонких и длинных фрагментов, полученных в результате продольного раскалывания бивня.

Четвертый, или нижний, культурный слой изучен не на всей площади раскопа, а лишь частично на отдельных его участках. В обоих шурфах находки четвертого слоя отсутствовали. Этот слой является полностью разрушенным и переотложенным в древности, до того как здесь было основано поселение третьего слоя. Под третьим и вторым культурными слоями, на глубине 4—5 м от поверхности, в слоистых породах, подстилавших лёссовидный суглинок, было расчищено большое количество крупных

трубчатых и других костей мамонта, залегавших иногда скоплениями и имевших часто вертикальное или сильно наклонное положение. Местами здесь имелись скопления костей мамонта, продолжавшиеся больше метра вглубь от пола второго и третьего слоев.

При расчистке костей мамонта, залегавших в слоистом суглинке, было собрано около двух десятков кремневых пластинок и отщепов, несомненно верхнепалеолитического времени, и три концевых скребка. При дальнейших раскопках памятника, возможно, удастся найти участки более богатые кремнем, чтобы пополнить эту коллекцию, представляющую глубокий интерес в силу залегания ее в определенных стратиграфических условиях.

Таким образом, в результате исследований 1950 г. Тельманская стоянка предстала перед нами в совершенно новом свете. Изучение этого памятника должно быть продолжено в интересах разработки хронологии памятников верхнепалеолитического времени и для получения новых материалов, освещающих проблему жилищ и поселений.

Исследования многослойных поселений в Костенках поколебали сложившиеся взгляды на датировку верхнепалеолитических поселений Русской равнины. Под слоями, датируемыми ориньяко-солютрэйским и солютрэйским временем, найдены слои, которые не только уточняют датировку верхних слоев Тельманской стоянки и Костенок I, но требуют пересмотра укоренившегося у нас неправильного подхода к изучению верхнепалеолитических памятников. Изучение многослойных памятников открывает возможность разработки стратиграфически обоснованной схемы смены верхнепалеолитических культур. Костенковско-Боршевский район палеолитических местонахождений, являющийся опорным районом при решении вопросов хронологии памятников верхнего палеолита для территории Русской равнины, в силу наличия многослойных поселений и его центрального положения на этой территории должен привлечь к себе большее внимание.

Изучение жилищ и поселений, впервые широко начатое советскими исследователями во главе с П. П. Ефименко, расширило круг источников, и на базе их по-новому, более глубоко, начал осмысляться весь материал. Многослойные памятники и такие сходные между собой поселения, как Костенки I и Авдеево, открывают перспективу воссоздания конкретной истории первобытной культуры нашей страны в верхнепалеолитическое время.

Ошибка П. П. Ефименко в датировке верхнего слоя Тельманской стоянки не является частной или случайной. Она проистекает из его концепции развития общества и культуры в верхнепалеолитическое время, изложенной в статье «Современное состояние советской науки об ископаемом человеке»[1]. В этой статье Ефименко подразделяет верхний палеолит восточноевропейской части СССР на следующие шесть последовательно сменяющих друг друга стадий: 1 — тельманская стадия, отвечающая раннему солютрэ, сменяющая мустье; 2—костенковская стадия, отвечающая развитой солютрэйской культуре; 3—мезинская стадия, отвечающая концу солютрэ и переходному времени к мадленской эпохе; 4 — кирилловская стадия, ранний мадлен; 5 — гонцовская стадия, поздний мадлен; 6 — боршевская стадия, конец мадлена. Эта хронологическая последовательность, по его мнению, «совершенно необходима, в первую очередь, для осмысления и правильного понимания общего направления в прогрессивном раз-

[1] «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, 1950, стр. 81—89.

витии (и его стадиального характера) населявших эту территорию первобытных общественных образований»[1].

Советские исследователи палеолита и прежде всего сам Ефименко собрали большой материал по жилищам и поселениям верхнепалеолитического времени. Эти обширные, несомненно общинно-родовые жилища и поселения они правильно определяли, установив, что родовые общины в их начальной матриархальной форме несомненно существовали уже в раннее время верхнего палеолита. Советские исследователи подтвердили тем самым положение Маркса о том, что «уже задолго до введения земледелия общий дом был одной из материальных основ прежних форм общины»[2]. Стадиальный характер развития «первобытных общественных образований» верхнепалеолитического времени должен был бы, естественно, найти какое-то отражение в форме или типе жилищ и поселений. Однако,как ни мало в этом отношении изучены памятники, можно уверенно сказать, что на протяжении верхнепалеолитического времени в типах жилищ и поселений стадиальность развития общества не прослеживается. В различных формах и типах жилищ и поселений отражается реальная этнографическая пестрота, хорошо известная по типам и формам жилищ и поселений индейских племен Северной Америки. Следовательно, этими первостепенного значения фактами теория стадиального развития общества и его культуры в верхнепалеолитическое время не обосновывается, да и не может быть обоснована.

Не обосновывается этот взгляд и принятой на Западе типологической классификацией «эпох верхнего палеолита», признающейся многими советскими исследователями за эпохи развития первобытной техники и культуры. Солютрэйская эпоха разделяется у П. П. Ефименко на две стадии — тельманскую и костенковскую; мезинская, кирилловская, гонцовская и боршевская стадии развития «первобытных общественных образований» относятся им к мадленской эпохе. Однако легко заметить, что концепция Ефименко в конечном счете основывается на упрощенном понимании эволюции кремневого инвентаря. С этой точки зрения предлагаемая им шестистадиальная схема эпохи верхнего палеолита не может быть принята из-за того, что она вступает в противоречие с фактами, полученными при изучении многослойных поселений. Все многослойные памятники Костенковско-Боршевской группы, ставшие известными в последние годы, противоречат этой концепции стадиального развития.

В свете изучения нижних слоев Тельманской стоянки совершенно непригодным оказывается следующее положение Ефименко. «Наличие в производственном инвентаре Тельманской стоянки многочисленных орудий, вполне типичных для эпохи мустье, в сочетании с зарождающейся солютрэйской техникой, определенно говорит о том, что поздний палеолит Восточной Европы, как, очевидно, и на территории Венгрии, Польши и других стран Европы, начинается не с пресловутого ориньяка, но с солютрэйской стадии, как это представлял в свое время Г. де Мортилье»[3]. Верхний слой Тельманской стоянки оказывается не столь уж древним памятником, хотя техника обработки кремневых орудий этого поселения примитивнее, чем на поселении второго слоя. Четыре слоя Тельманской стоянки показывают, что процесс развития техники обработки кремня в эпоху верхнего палеолита совершался неравномерно.

---

[1] П. П. Ефименко. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, 1950, стр. 87.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 680.

[3] П. П. Ефименко. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке, стр. 85.

Вторым памятником, якобы относящимся к тельманской стадии, является нижний слой Костенок I с весьма совершенными наконечниками метательных орудий, с округлыми скребками. Эти орудия по совершенству форм и техники их обработки с точки зрения теории стадиального развития следовало бы датировать эпохой раннего металла, если бы не вполне определенное их залегание под другим мощным позднесолютрэйским слоем[1]. Однако нижний слой Костенок I оказывается несомненно более древним, чем раннесолютрэйский слой Тельманской стоянки и по геологическим условиям залегания одновременен второму слою Тельманской стоянки, если не древнее его. Нижний слой Костенок I и второй слой Тельманской стоянки залегают в отложениях второй надпойменной террасы, под мощной толщей лессовидных суглинков, в основании которых здесь и там имеются горизонты ископаемого гумуса, могущего в данном случае иметь стратиграфическое значение, так как памятники расположены на правом берегу Дона в одинаковых оврагах на расстоянии 3 км друг от друга. Верхние слои обоих этих памятников, относимые к двум разным стадиям — тельманской (раннесолютрэйской) и костенковской (позднесолютрэйской), оказываются тоже весьма близкими друг к другу по времени, так как они залегают в верхней части лёссовидных суглинков одной и той же террасы.

П. П. Ефименко был прав, когда писал, «что ранняя пора верхнего палеолита может быть, видимо, связана одинаково как с ориньякскими, так и с солютрэйскими формами культуры — вернее, ориньякской или солютрэйской техникой обработки кремня»[2].

К третьей, мезинской, стадии Ефименко относит нижний горизонт Костенок IV (Александровка). Он не сомневается в послесолютрэйском возрасте этого поселения и отмечает «прямую генетическую связь» его с предшествующей костенковской стадией, проявляющуюся в переживании некоторых черт солютрэйской культурной ступени[3].

С нашей точки зрения, эти выводы являются недостаточно обоснованными. Удлиненное жилище нижнего горизонта Костенок IV перекрыто остатками поселения с солютрэйскими чертами культуры. Следовательно, послесолютрэйский возраст нижнего горизонта, не имеющий и малейших признаков солютрэ, вызывает большое сомнение.

Генетическую связь между верхним слоем Костенок I и Костенками IV установить невозможно. По типу жилищ они различны: в Костенках IV мы имеем простейший тип удлиненных трехсекционных жилищ, а в Костенках I удлиненное жилище окружено рядом крупных ям и полуземлянок. Население, оставившее эти поселения, обладало совершенно различными навыками и традициями в технике обработки кремня и кости. Своеобразие этих поселений настолько велико, что можно утверждать, что эти общинно-родовые группы не имели между собой ни генетической, ни территориальной связи. Понятие генетической связи, употребляемое в стадиальном значении, является столь же необоснованным, как и сама стадиальная концепция развития общества и его культуры в верхнепалеолитическое время.

Есть прекрасный пример поразительного сходства или общности двух верхнепалеолитических поселений. Это Костенки I и Авдеево. Оба поселения были построены по единому плану, с необычайным сходством

[1] А. Н. Рогачев. О нижнем горизонте Костенок I. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 64—74.

[2] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 351.

[3] П. П. Ефименко. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке, стр. 86.

деталей на них. Эти поселения имеют тождественные по составу и по технике обработки кремневые и костяные орудия. Сходство их проявляется в наличии одинаковой скульптуры (женские статуэтки, изображения мамонта) и в схожем орнаменте на костяных орудиях и предметах украшения.

Между тем имеются различия в деталях орнаментации кости, в технике изготовления отдельных орудий. Имеется различие в устройстве небольших утепленных жилищ на этих поселениях; например, некоторые из таких полуземлянок в Авдееве имели удлиненные входы. Эти различия свидетельствуют о неполном тождестве упомянутых поселений. Отрицая для столь раннего времени возможность возникновения этнических массивов, нельзя представить одновременное (синхронное) существование этих двух поселений, к тому же отдаленных друг от друга расстоянием в 300 км. Поэтому приходится полагать наличие прямой генетической связи культуры обитателей этих поселений.

Прямая генетическая связь двух памятников, как видно из этого примера, проявляется во всех элементах культуры — в типе жилища и его деталях, в одинаковом составе кремневых и костяных орудий и в памятниках религиозной обрядности. Вообще генетическая связь памятников может проявляться не во всех, а лишь в отдельных элементах культуры. Примером такой генетической связи является верхний слой Тельманской стоянки и поселение с округлыми жилищами Костенок IV, что было отмечено в начале статьи.

Эти примеры показывают, что понятия «генетическая связь» и «прямая генетическая связь» памятников имеют совершенно определенное значение. Они помогают отобразить действительное развитие культуры одного поселения по сравнению с другим и тем воссоздать реальное конкретно-историческое развитие культуры. Установление генетической связи между поселениями является весьма важным средством, помогающим в конкретно-историческом, а не в стадиальном схематизированном виде осветить историю культуры верхнепалеолитического времени.

Теория стадиального развития общества и культуры в эпоху верхнего палеолита, предлагаемая П. П. Ефименко, является распространением марровской теории стадиального развития языка на археологический материал. О том, что эта концепция выросла на почве идей Марра, пишет сам Ефименко[1]. Идеи и теории Н. Я. Марра, в том числе и теория стадиального развития языка, упрощали и вульгаризировали марксизм, они извращали марксистско-ленинское учение о первобытно-общинном строе, согласно которому развитие форм общин имело эволюционный характер. «Не все первобытные общины,— писал Маркс, — построены по одному и тому же образцу. Наоборот, они представляют собою ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции»[2]. Сторонники стадиальности в развитии общества и культуры палеолита под влиянием идей Н. Я. Марра увлекались стадиальными, «диалектическими скачками» и «кризисами», призванными объяснить смену одного кремневого инвентаря другим. В своеобразии кремневых орудий верхнепалеолитического времени отражен не только прогресс, но и несомненно особенности, обусловленные спецификой развития культуры первобытно-общинного строя; эти особенности заключаются в редкости населения и подвижности его, естественной и закономерной при господстве присваивающих форм хозяйства.

---

[1] П. П. Ефименко. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке, стр. 82—83.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 693.

Положения И. В. Сталина, высказанные в труде «Марксизм и вопросы языкознания», помогли советским археологам освободиться от влияния вульгаризаторских ошибок Н. Я. Марра и указали пути их преодоления. Овладение марксистско-ленинской теорией позволяет преодолеть допущенные серьезные ошибки и правильно осветить конкретную историю первобытной культуры СССР. Растущее совершенство полевых и лабораторных исследований палеолита будет содействовать этому.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПАНТИКАПЕЯ

Раскопки 1945—1949 гг. дали обильные и разнообразные материалы, существенным образом пополнившие наши представления об истории и культуре древнего Пантикапея. В частности, удалось собрать много новых данных по вопросам, связанным с градостроительством и зодчеством Пантикапея, которым посвящен настоящий очерк (рис. 1).

Исследования последних лет показали, что Пантикапей был основан милетцами в первой половине VI в. до н. э., а еще в VII в. до н. э. ему предшествовал греческий эмпорий. Вместе с тем у нас имеются веские основания предполагать, что еще ранее на месте Пантикапея находилось киммерийское урочище, а может быть и убежище[1]. Возможно, что при постройке древнейших зданий в Пантикапее иногда использовались строительные материалы, взятые из киммерийских сооружений. Так, при раскопках 1949 г. на северном склоне горы Митридат (Эспланадный раскоп) был обнаружен развал бута мощной, вероятно крепостной стены, сооруженной не позднее начала V в. до н. э. Этот бут состоял из громадных глыб. Судя по состоянию их поверхности, они ранее, чем были заложены в стену, в течение очень долгого времени находились под открытым небом. В таком случае вполне возможно, что материал для рассматриваемой стены был взят с догреческой, вероятно киммерийской постройки, подобно тому как в одну из стен другого боспорского города Дии-Тиритаки были заложены примитивные киммерийские скульптуры.

Следует отметить также находки керамики VII и начала VI в. до н. э.— времени, предшествующего возникновению города. Эта керамика была обнаружена на восточном и северо-восточном склонах Первого Кресла возвышающейся над Керчью горы Митридат, что указывает на вероятное местонахождение там древнейшего эмпория.

Пантикапей доархеанактидова времени (до 480 г. до н. э.) занимал вершину и склоны Первого Кресла. Развалины жилых домов первой половины VI в. и конца VI — начала V в. до н. э. были обнаружены на северо-восточном склоне (Верхне-Митридатский раскоп 1949 г.), а несколько далее на запад были открыты остатки, по всей видимости, оборонительной стены, сооруженной не позднее начала V в. до н. э. (Эспланадный раскоп 1949 г.).

Работы 1947 г. (Первый Босфорский раскоп) показали, что южный склон Первого Кресла уже с IV в. до н. э., несомненно, находился в черте города, а в III в. до н. э. Пантикапей распространился до района Скалистого выступа, к востоку от Второго Кресла. Наконец, раскопками

[1] ВМГУ, 1948, № 8, стр. 12 и сл.

1948—1949 гг. установлено, что уже во II в. до н. э. вершина, а также верхняя часть южного и западного склонов Второго Кресла были заняты древним городом.

Установить изменение границ древнего города на территории, находящейся на южной части склонов и за пределами горы Митридат, значительно труднее, ибо она занята современной Керчью. Мы можем только

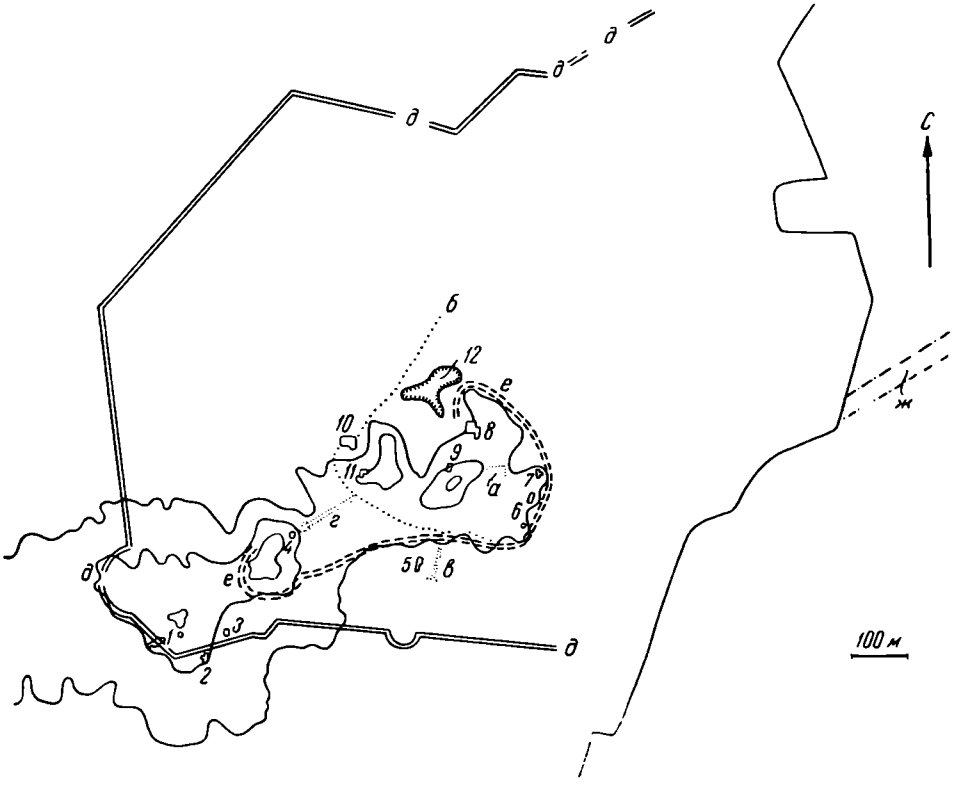


Рис. 1. Схематический план Пантикапея.

1 — Западный раскоп 1948 г.; *2* — Третий Босфорский раскоп 1949 г.; *3*—Второй Босфорский раскоп 1949 г.; *4*—раскоп у Скалистого выступа 1947 г.; *5*—Первый Босфорский раскоп 1946—1947 гг.; *6* — раскоп над музеем 1945 г.; *7* — раскоп около памятника Стемпковскому 1945 г.; *8* — Верхний Митридатский раскоп 1949 г; *9* — раскоп к северу от Первого Кресла 1948 г; *10* — Эспланадный раскоп 1945—1949 гг; *11*— Верхний Эспланадный раскоп 1948 г.; *12* — раскоп Думберга; *а* — возможное место храма доархеанактидского времени; *б* — примерная западная граница города в доархеанактидское время; *в* — расширение границ города в IV в. до н. э.; *г* — расширение границ города в III в. до н. э.; *д* — граница города в позднеантичное время; *е* — стены акрополя; *ж* — древний мол.

примерно наметить границы Пантикапея, руководствуясь остатками городских стен, нанесенными на план начала XIX в. Видимо, эти границы проходили около подошвы крутого южного склона горы Митридат: на север город простирался значительно дальше, чем на юг; общая же площадь Пантикапея, когда он достиг наибольших размеров, была примерно 100—120 га.

Особенностью местоположения Пантикапея было размещение города на вершине и склонах горы Митридат. Эта особенность была отмечена еще Страбоном[1], который писал, что Пантикапей представляет собой холм, заселенный со всех сторон. При подобном расположении города перед планировщиками возникла нелегкая задача. Нужно было наиболее рацио-

[1] Strab., VII, 4, 4.

нальным образом разместить город на склонах, нередко очень крутых, и добиться наиболее удачного сочетания сети улиц с рельефом местности. Раскопки 1945—1949 гг. показали, что строители Пантикапея умело справились с этой задачей, широко применив террасную систему планировки[1].

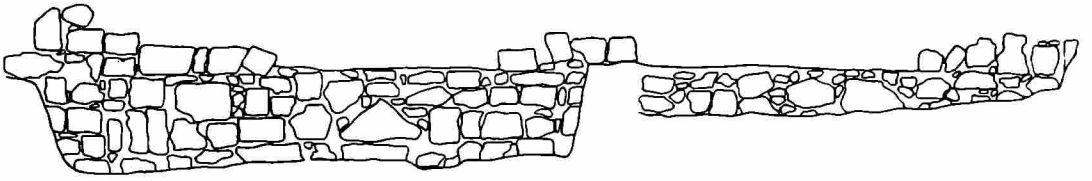


Рис. 2. Подпорная стена на восточном склоне горы Митридат, раскопанная в 1945 г.; фасад.

Террасы, поддерживаемые мощными подпорными стенами, были обнаружены в 1945 г. на восточном (рис. 2, 3), в 1946—1947 гг. на южном и в 1949 на северо-восточном (рис. 4) склонах горы Митридат. Открытие в последние годы подпорных стен Патикапея позволило уяснить не всегда

Рис. 3. Подпорная стена на восточном склоне горы Митридат.

четкие свидетельства археологических отчетов XIX в. об обнаруженных тогда аналогичных сооружениях.

Работами 1949 г. на северном склоне Митридата было установлено, что подпорные стены террас сооружались в Пантикапее еще в IV в. до н. э. Вскрытый этими раскопками участок находился в черте акрополя Пантикапея. Судя по обнаруженным остаткам подпорных стен, нередко хорошо сохранившимся, неоднократно (III в. до н. э., I и II вв. н. э.) производилась коренная перепланировка участка, сопровождавшаяся грандиозными земляными работами при сооружении насыпей; не менее значительного

[1] КСИИМК, XXI, 1947, стр. 93 и сл.

труда требовала постройка монументальных подпорных стен террас или платформ.

С резким изменением направлений подпорных стен, несомненно, были связаны и соответствующие перемены в ориентации возвышавшихся над ними зданий. В силу этого можно заключить, что планировка акрополя Пантикапея неоднократно претерпевала значительные изменения и, вместе с тем, что она была свободной, т. е. не подчинялась какой-либо геометрической сетке.

Рис. 4. Подпорная стена платформы II в. н. э. на Верхнем Митридатском раскопе 1949 г.

С террасной планировкой жилых кварталов города нас познакомили раскопки 1946—1947 гг. на южном склоне горы Митридат[1]. Там в слое IV—III вв. до н. э. была обнаружена мощная подпорная стена; примыкавшая к ней часть верхней террасы, вероятно, была занята улицей, на которую выходили дома. Задворки этих домов могли прилегать к стене следующей террасы. Во всяком случае надо полагать, что именно такими задворками была занята нижняя терраса, подходившая к открытой нами подпорной стене,—там была обнаружена выгребная яма. На том же раскопе в 1946 г. был открыт небольшой участок города III в. н. э.[2] Он представлял собой ограниченный тремя домами перекресток неширокой, расположенной почти горизонтально улицы и поднимающегося от нее вверх узкого переулка. Переулок проходит по такому крутому подъему, что верхняя часть его, возможно, переходила в лестницу. Это позволяет предполагать, что различные террасы сообщались одна с другой не только посредством проездов, но также и лестниц.

[1] КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 36.
[2] Памятники искусства. «Бюлл. ГМИИ», 1947, № 2, стр. 14 и сл., рис. 10.

Террасы Пантикапея, превратившие в уступы склоны горы, опоясывали их со всех сторон (рис. 5). Возможно, что о наличии таких террас в Пантикапее свидетельствует Аппиан[1] в своем описании событий, предшествовавших гибели Митридата. Согласно древнему историку, в то время, когда восставшие войска венчали на царство Фарнака, находившийся на акрополе Митридат смотрел на это событие ἐκ περιπάτου, т. е. с кругового обхода. Этот «круговой обход», вероятно, был одной из верхних террас акрополя.

Таким образом, в основу плана города, по всей видимости, была положена система террас, которые в свою очередь были связаны с рельефом местности. В этом была своеобразная черта планировки Пантикапея, свойственная ему еще в IV в. до н. э. Она отличает Пантикапей от ряда городов как метрополии, так и Северного Понта.

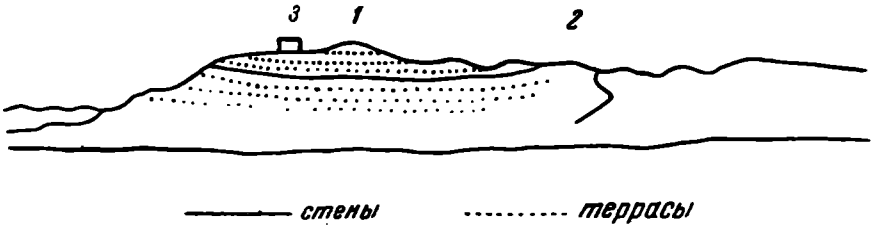


Рис. 5. Схема предполагаемого силуэта Пантикапея.
1 — Первое Кресло Митридата; *2* — Второе Кресло Митридата; *3* — храм

Как известно, в греческих городах Средиземноморья, планировавшихся в V в. до н. э., применялась регулярная сетка улиц, согласно так называемой гипподамовой системе. Так были распланированы Милет, Пирей, Фурии, Олинф. Раскопки Б. В. Фармаковского[2] показали со всей очевидностью, что гипподамова система возникла задолго до Гипподама, ибо она была применена в Ольвии еще в VI в. до н. э. Есть основания полагать, что и Фанагория[3] была распланирована по регулярной системе также еще до Гипподама. Это обстоятельство представляется нам весьма важным: оно показывает активную роль эллинских колоний, в частности северопонтийских, в развитии античного градостроительства и городской планировки. Деятельными участниками и смелыми новаторами в этих начинаниях, несомненно, были и пантикапейские зодчие.

Вернемся к пантикапейской планировке, в основу которой, как мы говорили, была положена система террас. Должно отметить, что в пределах отдельных террас, в жилых кварталах Пантикапея иной раз наблюдается определенное стремление к регулярному расположению отдельных домов и даже стен комнат. Весьма примечательно, что стены трех домов III в. н. э., выходящие на уже упоминавшийся нами перекресток, имели направление с севера на юг или с востока на запад. Такую же ориентацию имели стены дома III—II вв. до н. э.[4], раскопанного в 1947—1948 гг. на северном склоне Митридата (Эспланадный раскоп). Однако соблюдение подобной ориентации отнюдь не было правилом: на раскопах К. Е. Думберга 1898 г.[5] и 1899 г.[6] стены зданий имеют иные направления.

---

[1] App. Mithr., IV, 111.
[2] Б. В. Фармаковский. Розкопування Ольбії р. 1926. Одесса, 1929, стр. 40.
[3] ДИСИФМГУ, 1950, IX, стр. 35.
[4] КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 31 и сл.: XXXIII, 1950, стр. 19 и сл., рис.15.
[5] ОАК, 1898, стр. 13, рис. 7.
[6] ОАК, 1899, стр. 19, рис. 28.

Пантикапей — один из древнейших городов европейского Боспора. Около середины VI в. до н. э. он достиг уже такого уровня экономического развития, что начал чеканить монету. Надо полагать, что Пантикапей в известной мере служил образцом, которому стремились следовать другие, меньшие боспорские города. Исследования Дии-Тиритаки[1] и Киммерика[2] показали, что там во всяком случае в распланировке зданий широко применялся террасовый принцип.

Террасная планировка Пантикапея, занимавшего местами довольно крутой, но не обрывистый холм, определила основные очертания силуэта древнего города. Пантикапей значительно отличался от городов метрополии, подобных Афинам или Приене, резко делившихся на нижний город и возвышавшийся над ним акрополь, расположенный на крутой, обрывистой скале. Столь заметного деления, видимо, не было в Пантикапее: акрополь, занимавший вершину Митридатовой горы (от Первого Кресла до Скалистого выступа к востоку от Второго Кресла), не был особенно резко отделен природой местности от остальных городских кварталов, занимавших другие части горы. Стены и башни акрополя выделялись лишь немного больше, чем обычные подпорные стены террас.

На обращенной к морю части акрополя, к востоку от Первого Кресла, находился, вероятно, обширный храм, сооруженный в ионийском ордере, повидимому, еще в начале V в. до н. э. Ниже мы еще будем говорить об этом здании; здесь же отметим, что если эта постройка представляла собой периптер, то она была вряд ли менее 12 м высотой, 28 м шириной и 40 м длиной. Таким образом, надо полагать, что во времена Археанактидов и Спартокидов[3] силуэт города определялся этим довольно значительным по величине зданием, господствовавшим над акрополем и скорее всего представлявшим собой храм Аполлона[4]. Ниже, на террасах и платформах, располагались другие здания акрополя, нижняя из террас которого была увенчана оборонительной стеной, отделявшей верхний город от расположенных уступами жилых кварталов. Основанием этой стене и ее башням служили соответствующим образом подтесанные выходы материковой известняковой скалы, белой после отески и довольно быстро приобретающей очень приятную по тону серую патину. О том, какова была расцветка других сооружений, мы можем судить лишь приблизительно. Главный храм города с желтоватыми колоннами и несколько более светлым антаблементом должен был четко выделяться на голубом фоне неба. При расположении остальной массы зданий преимущественно по склонам горы, зрителю, смотрящему на город извне, были видны главным образом крыши. Их темнокрасный или оранжеватый цвет в соединении с беловатыми, желтоватыми и сероватыми тонами стен должен был определять цветовое пятно города. Вероятно, в нем преобладали теплые, жизнерадостные тона.

Подобно акрополю, нижний город также был ограничен оборонительной стеной, вдоль внутренней стороны которой проходила стратегическая дорога, как это показали раскопки 1948 г. к западу от Второго Кресла.

---

[1] В. Ф. Гайдукевич. Итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, 1947, № 3, стр. 195.

[2] И. Б. Зеест. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг. ВДИ, 1949, № 3, стр. 97.

[3] Как показали находки (в 1945 г.) частей архитрава и колонн описанного здания в кладке и культурном слое I в. до н. э., оно было разрушено не позднее этого времени.

[4] Культ Аполлона, несомненно, должен был быть перенесен в Пантикапей его основателями, выходцами из Милета, где этот бог был патроном государства. Весьма показательно, что связанные с культом Аполлона изображения льва или его головы встречаются на древнейших монетах как Милета, так и Пантикапея. Прямых указаний о храме Аполлона в Пантикапее мы не имеем, но нам известны надписи IV—III вв. до н. э., содержащие посвящения жрецов Аполлону-врачу (IOSPE, II, № 6, 10, 15).

Раскопки различных частей Пантикапея в 1945—1949 гг. неизменно открывали перед глазами исследователей такую картину: все раскапываемые районы отличались один от другого; к тому же за время длительного существования города нередко характер того или иного района сильно менялся. Так, например, участок, раскопанный в 1949 г. на северо-восточном склоне горы, в VI—V вв. до н. э. был занят жилыми домами (рис. 6, № 20, 49, 50; № 17, 29, 39, 40, 25, 41, 42; № 32, 33, 34, 35). В III—II вв. до н. э. там наблюдаются монументальные террасы, возможно связанные с общественными зданиями, стоявшими на акрополе Пантикапея. В I в. до н. э. их сменяет эргастерий коропласта. В I—II вв. н. э. мы вновь наблюдаем подпорные стены монументальных, видимо общественных зданий.

Вероятно, общественными зданиями были заняты два других участка, расположенных в черте древнего акрополя. Это районы Верхнего Эспланадного раскопа 1948 г. и раскопа у Скалистого выступа 1945 и 1947 гг. На последнем раскопе монументальное, видимо общественное здание III—II вв. до н. э., сложенное из великолепно отесанных больших блоков, сменилось в I—IV вв. н. э. жилыми домами, отличающимися невысоким уровнем строительной техники.

Несомненно богатыми кварталами города был занят район северного склона горы Митридат, раскапывавшийся К. Е. Думбергом в конце XIX в. Более скромный характер имели жилые дома, обнаруженные на южном склоне Митридата в 1946 г. Они относятся к III в. н. э. и представляют для нас особый интерес, ибо на других раскопах постройки III—IV вв. н. э. обычно оказываются совершенно уничтоженными выборкой камня в последующие времена, и добычей археолога являются только вымостки, россыпи камня, куски мраморных облицовок и иные строительные обломки.

Сложную и вместе с тем неоднократно менявшуюся картину раскрыли раскопки 1945—1949 гг. на северном склоне горы Митридат (Эспланадный раскоп). Обнаруженный там развал бута, видимо оборонительной стены, сооруженной не позднее V в. до н. э., показал, что в то время данный участок был окраиной Пантикапея. В IV—II вв. до н. э. границы города постепенно расширялись и на нашем участке в это время стояли богатые, повидимому жилые дома. В I в. до н. э.— II в. н. э. описываемый район резко изменил свой облик: в восточной части его были сооружены винодельни, незастроенная западная часть была занята мусорной свалкой. В III—IV вв. н. э., в период сильной рустификации Пантикапея, там появилось большое зерновое хозяйство с многочисленными пашенными ямами и каменной оградой, сооруженной из громадных глыб.

Из сказанного видно, что особенно значительные изменения характера городских районов наблюдаются нами в I в. до н. э. Как показали раскопки 1945 г. на восточном склоне горы Митридат, обнаруженные там подпорные стены террас возникли в связи с обширными восстановительными работами в I в. до н. э. и были вызваны разрушением города в конце II в. до н. э. или в первых десятилетиях I в. до н. э. Следы этих разрушений и последующих восстановительных работ неоднократно наблюдались и при последующих раскопках[1].

Разрушение Пантикапея и необходимость проведения восстановительных работ были, повидимому, результатом ряда исторических событий, известных нам по письменным источникам. В конце II в. до н. э. город стал местом военных действий, связанных с ожесточенной классовой борьбой.

[1] ВМГУ, 1949, № 7, стр. 59 и сл.

Городом овладели скифские рабы, восставшие под предводительством Савмака[1]. Затем последовало взятие Пантикапея войсками Диофанта, полководца понтийского царя Митридата Евпатора[2]. Позднее, незадолго

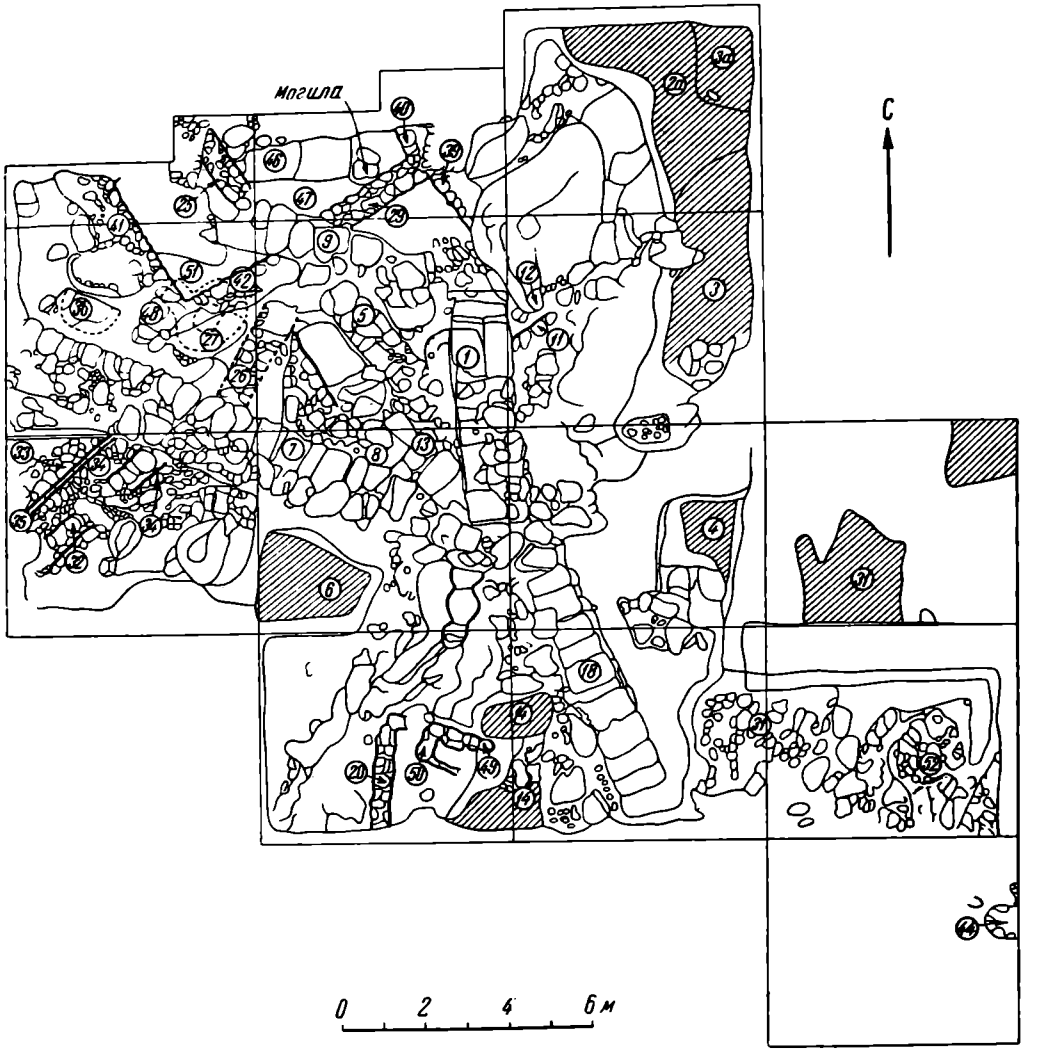


Рис. 6. Генеральный план Верхнего Митридатского раскопа 1949 г. (Номера соответствуют нумерации, дававшейся в ходе раскопок; даны основные объекты).

1 — подпорная стена II в. н. э.; *2* — вымостка III—IV вв. н. э.; *3* — вымостка IV в. н. э.; *4* — вымостка III—IV вв. н. э.; *5* — фундамент стены I в. н. э.; *6* —вымостка III—IV вв. н. э.; *7* — подпорная стена III—II вв. до н. э.; *8* — известняковая трамбовка III—II вв. до н. э; *9* — вымостка III—II вв. до н. э.; *11* — подпорная стена IV в. до н. э.; *12* — вымостка II в. н. э.; *13* — подпорная стена IV в. до н. э.; *14* — вымостка III — IV вв. н. э.; *18*— подпорная стена I в. н. э.; *20*— стена начала VI в. до н. э.; *25*— стена конца VI в. до н. э.; *26* — стена I в. до н. э.; *27* — печь коропласта I в. до н. э.; *29* — стена конца VI в. до н. э; *31* — вымостка III—IV вв. н. э.; *32* — фундамент стены конца V в. до н. э; *33* — субструкция вымостки конца V в. до н. э.; *34* — субструкция вымостки конца V в. до н. э.; 35 — водосток конца V в. до н. э.; *36* — печь коропласта I в. до н. э.; *39* — стена конца VI в. до н. э.; *40*—стена конца VI в. до н. э.; *41* — стена конца VI в. до н. э.; *42* — стена конца VI в. до н. э.; *44* — вымостка IV в. н. э.; *46*— пол конца VI — начала V в. до н. э.; *47*— пол конца VI в. до н. э.; *48*— развал кладки IV в. до н. э.; *49* — стена начала VI в. до н. э.; *50* — очаг начала VI в. до н. э.; *51*— пол конца VI в. до н. э.; *52* —вымостка III—IV вв. н. э.

---

[1] С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ. 1938, № 3 (4), стр. 49 и сл.

[2] IOSPE, I, № 352.

до гибели Митридата (т. е. 63 г. до н. э.), Пантикапей постигла стихийная катастрофа — страшное землетрясение[1], разрушившее боспорские города. Наконец, связанные с этими событиями разрушения, вероятно, были усилены временным захватом Пантикапея Фарнаком (в 47 г. до н. э.) вместе со скифами и сарматами.

Трудно сказать, что причинило больше разрушений Пантикапею — войны конца II—I вв. до н. э. или землетрясение, разразившееся в конце правления Митридата. Не исключена возможность, что стихийные силы оказались более губительными для монументальных построек, и именно действию их нужно приписать гибель ионийского храма на акрополе и больших жилых домов. Несомненно, однако, что характер восстановительных работ I в. до н. э. был полностью определен обстановкой, сложившейся на Боспоре в результате исторических событий конца II и первой половины I в. до н. э. Одним из последствий этих событий было разрушение боспорских городов, во всяком случае — некоторых, и активное участие местного населения, в том числе сарматского, в их восстановлении.

Восстановленный из развалин Пантикапей I в. до н. э. во многом отличался от прежней столицы Спартокидов, хотя террасный принцип планировки и был сохранен. Изменение, вызванное иными экономическими условиями, привело к тому, что прежние части города, застроенные общественными зданиями или богатыми жилыми домами, теперь нередко оказывались занятыми винодельнями, эргастериями или довольно скромными жилищами.

Таким образом, как бы ни менялся характер отдельных частей Пантикапея, постоянным оставался различный характер последних[2]. В силу этого, несмотря на то, что в Пантикапее, как и в других античных городах Понта и восточного Средиземноморья, в основном преобладало малоэтажное строительство, здесь тем не менее не было той монотонности, которая в значительной мере была свойственна жилым кварталам Олинфа или Приены. Различный характер каждого из небольших участков Пантикапея вносил разнообразие во внешний облик и обогащал его силуэт.

Возможно, это связано с тем обстоятельством, что Боспор, начиная с IV в. до н. э., представлял собою государство, в которое входили разнохарактерные элементы. Эта бóльшая сложность Боспорского государства по сравнению с полисами метрополии могла отразиться и на составе населения его столицы — Пантикапея, а равно и на характере его застройки.

Высокому уровню городской планировки Пантикапея полностью отвечали благоустройство и хорошее санитарное состояние боспорской столицы. Улицы и переулки города содержались в порядке, некоторые из улиц были снабжены водостоками еще в V в. до н. э. Как показали раскопки (1948 г.) участка к северу от Первого Кресла Митридата, весь мусор (в том числе строительный) начисто удалялся из центральных частей города на мощные городские свалки. Представление об этих грандиозных, многометровых по толщине пласта свалках, расположенных к западу от древнего города, нам дали раскопки конца XIX и начала XX в. При жилых домах были выгребные ямы; одна из них, оригинальной конструкции,

---

[1] Dio Cass., XXXVII, 11, 4; Oros, VI, 5, 1.

[2] Различный характер отдельных частей города особенно резко выступает в сарматскую эпоху. Тогда мы наблюдаем наличие богатых построек на акрополе (Верхний Митридатский раскоп 1949 г. и Верхний Эспланадный 1948 г.), довольно зажиточный жилой квартал на южном склоне Митридата (Боспорский раскоп 1946 г.), более бедные жилые кварталы в западной части города (раскоп у Скалистого выступа 1947 г. и к западу от Второго Кресла 1948 г.), сельскохозяйственный район на северном склоне Митридата (Эспланадный раскоп 1945—1949 гг.) и, наконец, портовую часть города с рыбозасолочными сооружениями (на месте прежнего кинотеатра «Ударник»).

облицованная рядами камней, образующими свод, схожий по форме с микенскими склепами, была обнаружена в слое IV—III вв. до н. э. на южном склоне Митридата (Первый Босфорский раскоп). Картину городского благоустройства довершает здание терм, обнаруженных Е. К. Думбергом в конце XIX в. на северном склоне Митридата.

Возможно, что еще в киммерийское время на Боспоре был известен прием подтески выходов известняковых скал, которые в изобилии встречаются на любой возвышенности Керченского полуострова. Этот прием «скального зодчества» получил очень широкое применение в строительстве античных городов Боспора. Однако строители не ограничивались вырубкой выходов скал при выравнивании полов или включением выступа массива в нижнюю часть кладки стен. Работы 1948 г. на северо-западном склоне Первого Кресла Митридата (Верхний Эспланадный раскоп) показали размах подобных работ при фортификационных сооружениях. Грандиозный выход скалы[1] на значительном протяжении был обработан в виде вертикальной стены до трех с половиной метров высотой, служившей монументальным основанием для крепостных стен и башен. Над краем этого отвесного среза скалы четко видны и по сие время многочисленные подтески, служившие постелями для укладки блоков, из которых были сооружены твердыни пантикапейского акрополя.

Строительная техника Пантикапея находилась на высоком уровне. Характерной особенностью ее было постоянное применение кладки насухо. Основным строительным материалом был камень, преимущественно известняк. Применялись как грубо наломанные камни (в качестве бута и в кладках бедных построек), так и прекрасно отесанные, нередко большие блоки. Тесаный камень был в ходу еще в VI в. до н. э. Нам известны блоки полигональной тески и правильные квадры, иногда с рустовкой. Лучшие сооружения эпохи Спартокидов[2] и первых веков нашей эры[3] были выполнены прекрасной квадровой кладкой. В более позднее время, в эпоху сильной сарматизации Боспора, известно применение кладок из больших глыб камня, из которых сооружались ограды[4].

Кровли пантикапейских зданий обычно покрывались глиняной черепицей обычного типа (т. е. плоскими солеными и желобчатыми калиптерами). Применение черепицы в Пантикапее засвидетельствовано находками 1948—1949 гг., во всяком случае, с конца VI — начала V в. до н. э. Помимо наиболее распространенной глиняной черепицы, нередко покрытой красной краской, в Пантикапее применялась мраморная черепица, а также черепица, вытесанная из известняка, и, наконец, черепица, выделанная из светлой глины и явно имитирующая мраморную.

По краям крыш располагались скульптурно украшенные антефиксы (рис. 7); известны также высеченные из известняка водометы в виде львиных голов с открытой пастью, откуда во время дождя низвергалась вода (Верхний Митридатский раскоп 1949 г.).

Раскопки 1945—1949 гг. дали много материала, характеризующего отделочные работы стен зданий, видимо получившие значительное развитие в Пантикапее. Были обнаружены многочисленные обломки цветной, рас-

---

[1] Он имеет протяжение не менее 20 м с севера на юг и никак не меньше, чем на такое же расстояние, с запада на восток.

[2] Таковы, например, кладка № 37 II в. до н. э. на Босфорском раскопе 1947 г. или стены № 5 и 6 большого, повидимому общественного здания III—II вв. до н. э. на раскопе у Скалистого выступа также 1947 г.

[3] Таковы подпорная стена террасы (№ 18) I в. н. э. и подпорная стена платформы (№ 1) II в. н. э. на Верхнем Митридатском раскопе 1949 г.

[4] Например, стена № 38 III в. н. э. на Эспланадном раскопе 1946—1947 гг.

писной и украшенной лепниной штукатурки, аналогичной найденной при раскопках Е. К. Думберга в конце прошлого столетия. Больший интерес представляют обломки мраморных облицовочных плиток, которые встречались в значительном числе, особенно на акрополе Пантикапея. Эти плитки были сделаны из белого, красного или пестрого мрамора; судя по обломкам, первоначально они имели различную форму в виде продолговатых узких дощечек, кругов и др. Различные очертания этих небольших

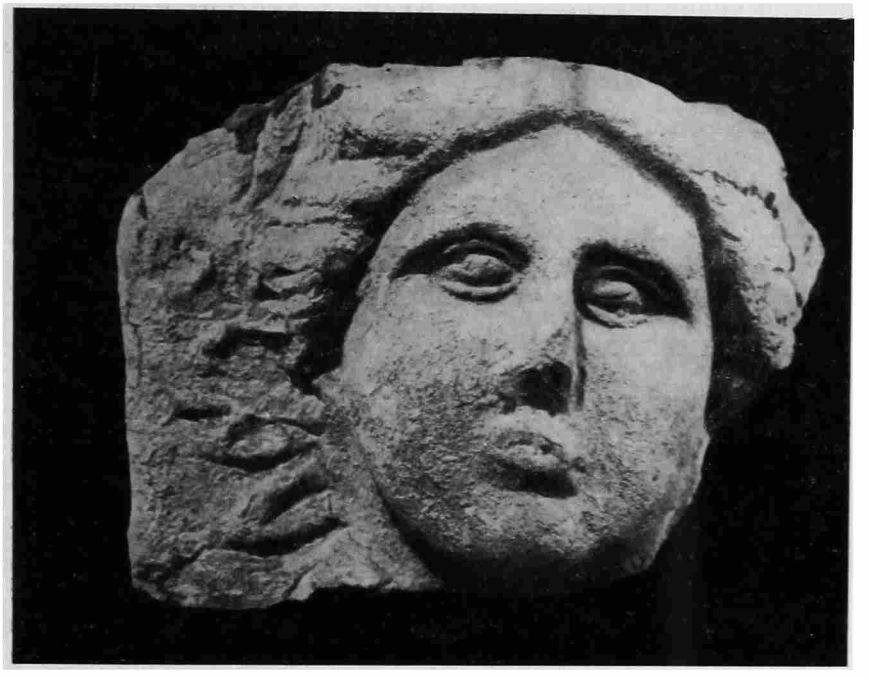


Рис. 7. Боспорский антефикс, украшенный головой Деметры или Коры.

плиток показывают, что ими были выложены сложные узоры. Подобные инкрустации были, видимо, воспроизведены в живописи боспорских склепов так называемого «инкрустационного стиля». Эти боспорские росписи нередко возводились к александрийским и другим заморским образцам. Находки облицовочных плиток на горе Митридат заставляют думать об иных, более близких, своих, пантикапейских образцах.

Находка в 1945 г. мраморного блока со скульптурно исполненными украшениями свидетельствует о значительном своеобразии архитектурного декора в Пантикапее. Этот блок представляет тщательно отесанный квадр, длиною 0,70, а высотой и шириной 0,22 м. На лицевой стороне квадра высечен орнамент в виде мотива крестообразного меандра между двумя розеттами. Характер исполнения меандра очень своеобразен: мастер следовал, видимо, не вырезанным в камне, а живописным образцам. В силу этого боковая сторона выступающей вперед детали оказалась не отвесно углубленной, а показанной в раккурсе. О живописных образцах, которым мог следовать наш мастер, нам дают представление обломки расписной штукатурки, обнаруженные при раскопках Пантикапея в конце XIX в.[1]

[1] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 120, табл. XL, 1; табл. XLI, 1.

Многочисленные находки архитектурных фрагментов при раскопках 1945—1949 гг. подтвердили и ранее намечавшийся вывод о широком распространении ордерных сооружений в зодчестве Пантикапея. Упомянем некоторые из них. Хороший образец дорийской капители был обнаружен в 1947 г. в слое II в. до н. э. на южном склоне Митридата. Высеченная из известняка капитель была покрыта тонким слоем штукатурки. В 1945 г. был найден обломок ствола дорийской колонны с каннелюрами 0,10 м шириной и 0,016 м глубиной; поверхность этой колонны была покрыта очень прочной белой штукатуркой. Куски дорийских карнизов с гуттами неоднократно встречались в 1949 г. Были обнаружены также обломки ионийского ордера: капители (в 1947 г.), антаблемента (в 1946 г.) и пр.

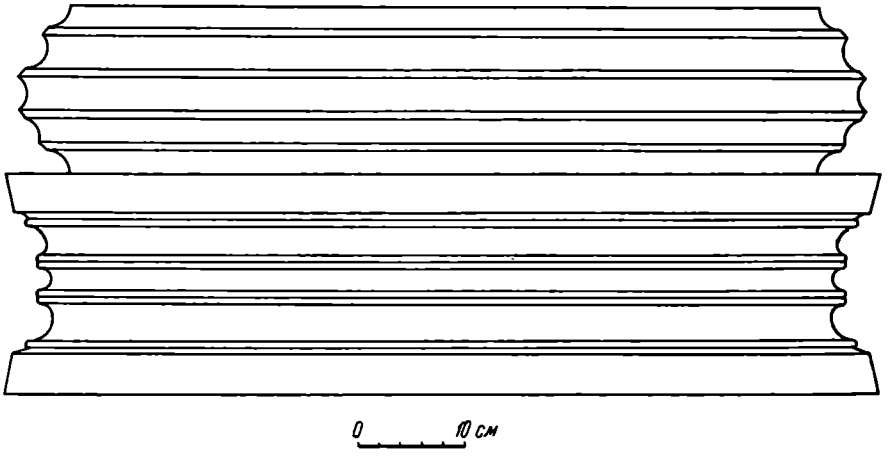


Рис. 8. База колонны ионийского ордера. Раскопки 1945 г.

Возможно, в коринфском ордере была сооружена монументальная постройка, от карниза которой до нас дошли три больших блока, найденных на Верхнем Эспланадном раскопе в 1948 г.; размер одного из них — 0,96 × × 0,60 × 0,30 м. Наконец, следует отметить куски мрамора и известняка с различными архитектурными профилями, порезкой в виде ов и иных мотивов, а иногда и со следами расписных узоров.

Среди обнаруженных в Пантикапее архитектурных обломков особого внимания заслуживают две находки. Первая представляет уже упоминавшиеся нами части баз колонн и архитрава большого ионийского здания, обнаруженные в 1945 г. на восточном склоне горы Митридат. Части баз представляют собой три плинта, или, вернее, спиры (диаметр до 0,865 м, высота 0,223, 0,227 и 0,228 м), и два торуса (диаметр 0,83 м, высота 0,175 м), высеченные из плотного известняка (рис. 8). От архитрава сохранился один блок высотой 0,683 м, шириной 0,248 м и наибольшей длиной 0,77 м. Архитрав расчленен на три фасции и увенчан профильком. Эти фрагменты, несомненно, относятся к довольно раннему времени, примерно второй половине VI — началу V в. до н. э., и во всяком случае они предшествуют периоду правления Археанактидов. Исходя из размеров базы, можно примерно установить высоту колонны, которая достигала, вероятно, 6 м. Антаблемент скорее всего был двучастный, следовательно высота его должна была составлять около метра (поскольку архитрав имел 0,683 м в высоту). При таких обстоятельствах высота ордера равнялась 7 м. Это заставляет полагать, что наш ордер стоял снаружи, а не внутри здания, а следовательно постройка, к которой он принадлежал, должна была

служить храмом. Исходя из данных об известных нам памятниках храмового зодчества Ионии VI—V вв. до н. э., мы можем предполагать, что исследуемое пантикапейское здание могло представлять собою либо периптер, либо диптер. В первом случае, т. е. если считать здание периптером (при шести колоннах по фасаду), высота здания должна была составлять около 12 м (высота основания здания примерно 1,5 м, колонн — 6 м, антаблемента — 1 м, фронтона — 2,5 м, акротерия — приблизительно 1 м),

Рис. 9. Фрагмент дорийского архитрава здания, посвященного Аспургу.

ширина около 18 м, длина не менее 40 м. Во втором случае, если храм был диптером (при восьми колоннах по фасаду), высота его должна была достигать примерно 13 м, ширина около 23 м, а длина не менее 50 м. Место находки частей ионийского храма не оставляет сомнения в том, что он мог стоять на вершине горы Митридат, у ее восточного склона, ибо трудно допустить, чтобы тяжелые каменные блоки поднимали вверх только для того, чтобы бросить их в насыпь террасы. Именно около восточного склона, на горе, находится простирающаяся до Первого Кресла значительная ровная площадка, где вполне достаточно места для предполагаемого здания, особенно при обычной для эллинских храмов восточной ориентации. Отсутствие поблизости иного сколько-нибудь подходящего места побуждает нас считать вполне вероятной предлагаемую нами реконструкцию данной части пантикапейского акрополя.

Другой архитектурный обломок представляет собой мраморный блок, являющийся частью дорийского архитрава (рис. 9). Высота его 0,31 м, ширина 0,17—0,22 м, в длину он сохранился на 1,18 м. На верхнем крае блока — гутты двух триглифов. Бóльшая часть поверхности архитрава занята посвятительной надписью боспорскому царю Аспургу. Надпись датирована 320 г. боспорской эры, что соответствует 23 г. н. э. Ряд благо-

приятных обстоятельств позволяет восстановить с довольно большой степенью уверенности первоначальный облик здания, частью которого был наш блок. Оно имело пятиколонный[1] фасад и по два триглифа над каждым интерколумнием (рис. 10). Обоснование этой реконструкции требует довольно много места, поэтому ограничимся ссылкой на одну из наших работ[2], в которой мы подробно занимались данным вопросом. Отметим только, что посвящение здания, вне зависимости от того, было ли оно

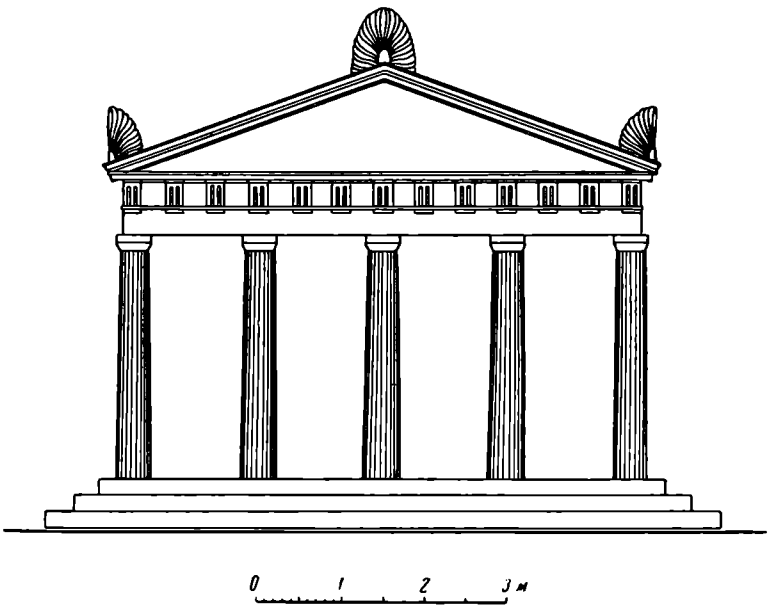


Рис. 10. Фасад здания, посвященного Аспургу, 23 г. н. э. (реконструкция).

портиком или, что представляется нам более вероятным, храмом, с несомненностью указывает на обожествление Аспурга. Этот акт последовал спустя некоторое время после обожествления Августа и строительства храмов Роме и Августу. В этот период притязаний Рима на Боспор обожествление Аспурга должно было поднять авторитет боспорского царя, сделав его равным по достоинству римскому императору.

Из других надписей, найденных в Пантикапее, упомянем обнаруженное в 1949 г. и принадлежащее царю Фарнаку (63—47 гг. до н. э.) посвящение Артемиде[3], впервые познакомившее нас с титулом этого правителя:

βασιλ]εὺς βασ[ιλέων
μέ]γας Φαρνάκ[ης
Ἄρ]τέμιδι συμ[βώμῳ

[1] Пятиколонный фасад был, видимо, характерной особенностью сооружений, посвященных героизированным покойникам или обожествленным правителям. Его мы находим на рельефе III—II вв. до н. э. из Пантикапея (В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947, стр. 83, рис. 48) и на монетах Котиса II и Евпатора (А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, вып. 16, 1951, табл. XLVII, 17; табл. XLVIII, 4).

[2] КСИИМК, XXXIII, стр. 26—28, рис. 18.

[3] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (в 1949 г.). КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 226. В публикации этой надписи — досадные опечатки.

Трудно сказать с уверенностью, где помещалась эта надпись; она могла находиться в закрытом помещении и под открытым небом в священной округе святилища.

Раскопки 1945—1949 гг. обнаружили остатки жилых домов, давшие нам возможность собрать некоторые данные о жилищном строительстве Пантикапея с VI в. до н. э. до III в. н. э.

Древнейший из известных нам пантикапейских домов был построен еще в первой половине VI в. до н. э., возможно еще до возникновения полиса, во времена предшествовавшего ему эмпория. Развалины этого дома были обнаружены в 1949 г. на северо-восточном склоне Митридата (Верхний Митридатский раскоп). Сохранилась часть прямоугольного в плане помещения с глинобитным полом; возведенные на каменном цоколе стены были выложены из сырца. В помещении находился очаг, сооруженный из сырцовых кирпичей. Около дома обнаружена ограда, сложенная из небрежно обработанных камней. Скромный характер постройки контрастирует с довольно большим количеством обломков богатой расписной керамики, обнаруженной в этом доме, что заставляет видеть в нем скорее рассчитанное на непродолжительный срок пристанище купца, чем постоянное жилище небогатого пантикапейца.

Иной характер имел другой дом, сооруженный еще в конце VI в. и существовавший в начале V в. до н. э., также обнаруженный в 1949 г. на Верхнем Митридатском раскопе. Стены его целиком были выведены из камня, о чем можно говорить с уверенностью, ибо они местами сохранились на 2,5 м в высоту. Этот дом, несомненно, был многокомнатным; при частичных раскопках его в 1949 г. выявлены четыре помещения, одно из которых служило складом припасов, а другое — кухней. Благодаря находке в этом доме одного целого сосуда и двух фрагментов с выцарапанными на них буквами, можно установить имя владельца или во всяком случае одного из обитателей этого дома — Кой. Дом Коя позволяет говорить о развитом жилищном строительстве в Пантикапее еще в последних десятилетиях VI в. до н. э. Еще более сложный план имел дом III—II вв. до н. э., частично раскопанный в 1947—1948 гг. на Эспланадном раскопе. В нем было не менее семи помещений различной формы и размеров. Часть их имела узкую прямоугольную форму, другие были значительно шире. Стены этого дома также были сооружены из камня.

Раскопки 40-х годов установили надежную стратиграфию Пантикапея и в силу этого позволили с большой определенностью разобраться во многом из того, что было неясно в старых археологических отчетах. В частности, можно примерно определить характер и время сооружения, на которое натолкнулся А. Е. Люценко в 1871 г. при раскопках крутой покатости горы Митридат с юго-восточной стороны, близ церкви Александра Невского. В далеко не совершенном отчете[1] об этих работах говорится, что на поверхности материка, срезанного под насыпью уступами, была обнаружена часть постройки. Таким образом, здесь склон горы был превращен в террасы, на которых размещались сооружения. На нижнем уступе Люценко обнаружил ряд сложенных насухо столбов-опор, а на соседнем с ним — остатки стен. Эти отрывочные сведения об остатках постройки, расположенных на различных уступах, побуждают сопоставить их с

[1] Архив Керченского музея. «Журнал археол. разысканий» 1871 г., А 1, со ссылкой на рапорт от 31/XII 1871 г. за № 34; Архив ИИМК. Дело 1871/16; тот же журнал и «Краткая записка» А. Е. Люценко, при рапорте от 31/XII 1871 г. за № 54; Архив ИИМК. Дело 1871/16, ОАК, 1871, стр. XXXIX и сл.

террасными домами Помпей[1]. Вместе с тем следует отметить, что обнаруженные Люценко строения вряд ли могут быть датированы позднее III—II вв. до н. э., ибо при раскопках последних лет ни разу не были найдены стояв-

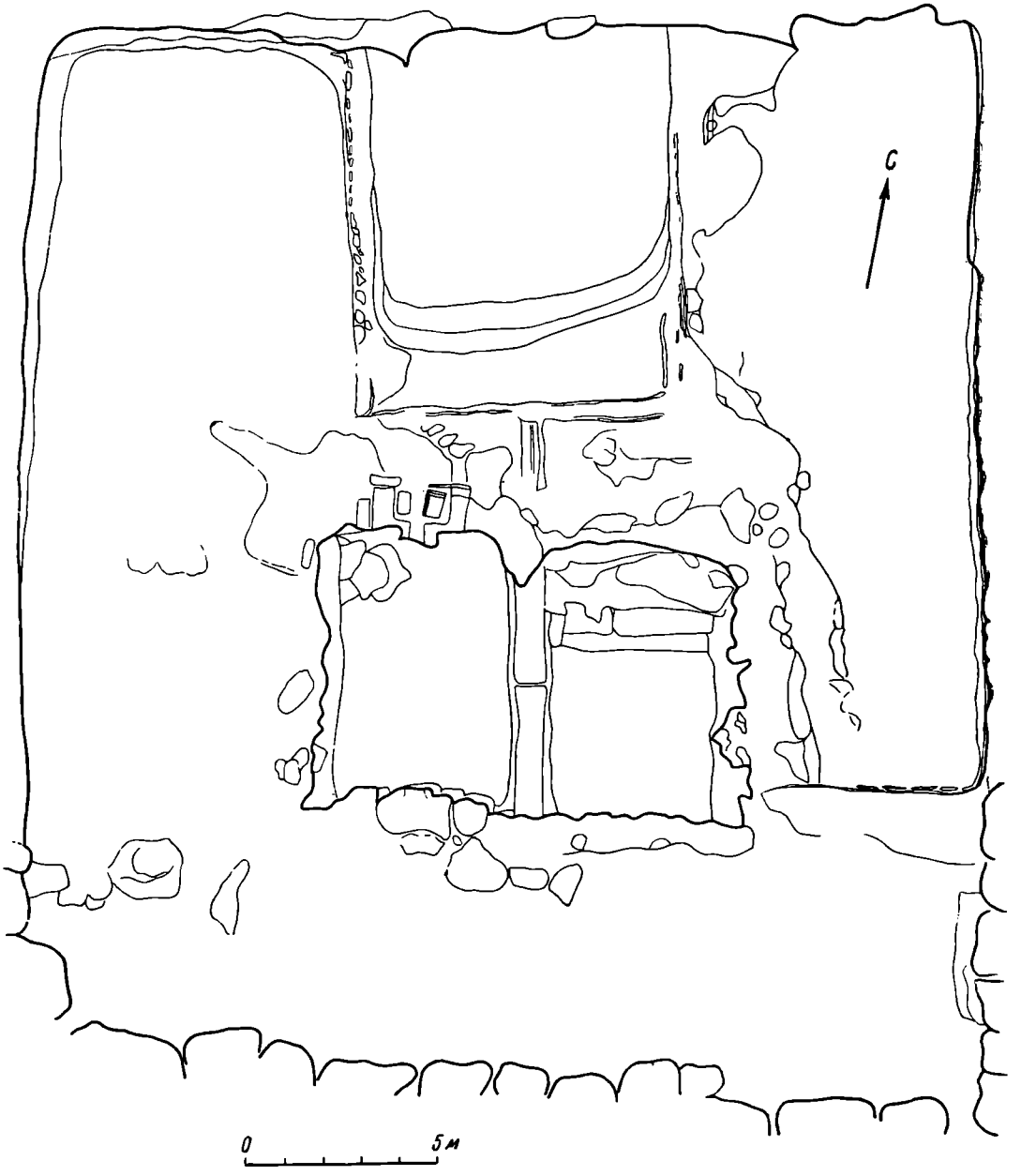


Рис. 11. План винодельни II в. н. э.

шие на материке остатки домов более позднего времени. Весьма раннее (еще в V в. до н. э.) применение в Пантикапее террасного принципа в городской планировке, надо полагать, создало необходимые предпо-

[1] Достойно внимания место, выбранное для террасных домов Пантикапея — с юго-восточного склона открывается прекрасный вид на южную часть Керченского залива, а равно на хребет Юз-Обу с возвышающейся над ней цепью величественных курганов.

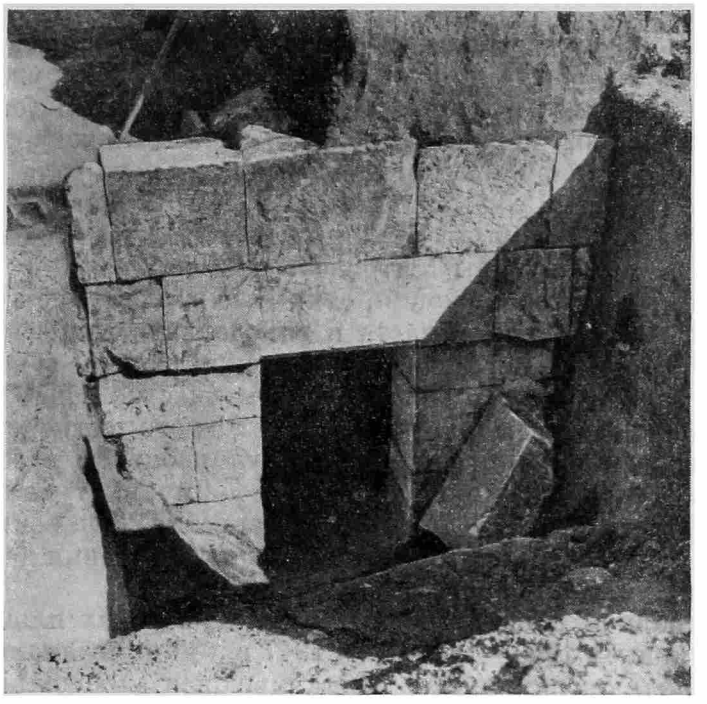


Рис. 12. Керченский склеп, открытый в 1948 г. Фасад.

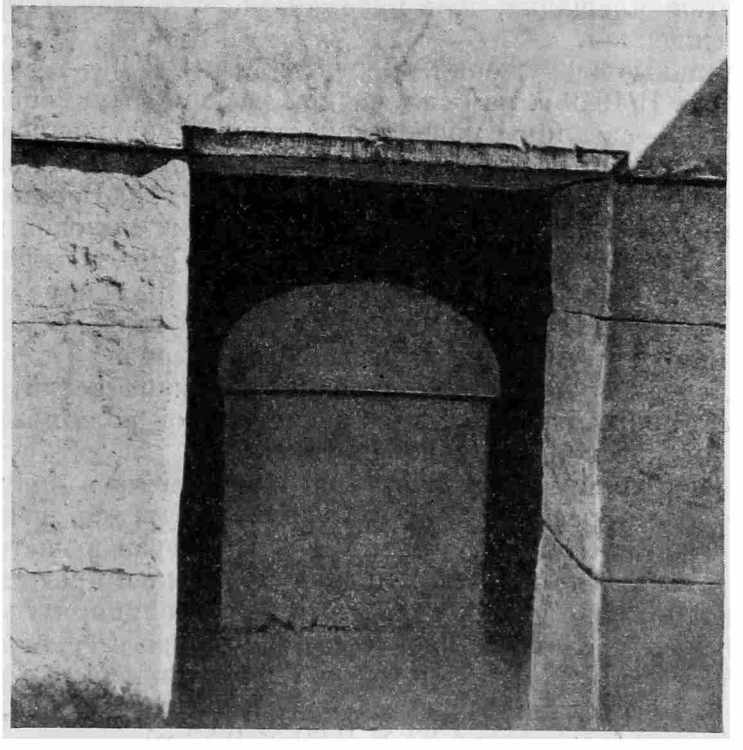


Рис. 13. Керченский склеп, открытый в 1948 г Вход.

сылки для строительства террасных домов во всяком случае еще в период Спартокидов.

Сравнительно скудны наши материалы по жилищному строительству сарматской эпохи. Части домов III в. н. э. были обнаружены на южном склоне горы Митридат в 1946 г. (Босфорский раскоп); стены их сложены довольно тщательно; дворик одного из домов имеет очень солидную вымостку. Значительно ниже был уровень строительного дела в эту эпоху на окраинах Пантикапея, где, видимо, ютилась городская беднота. Остатки такой бедной постройки были обнаружены в 1947 г. на раскопе к востоку от Скалистого выступа горы Митридат.

Производственные сооружения, открытые в последние годы, представляли собой эргастерий коропласта и винодельню. Первый из них, обнаруженный в 1949 г. на Верхнем Митридатском раскопе (рис. 6, № 27, 36), относится к I в. до н. э. На огражденном участке обнаружены остатки двух небольших обжигательных печей сходного устройства. Наиболее сохранившаяся из них была сооружена на глинобитном массиве толщиной 0,12 м. Этот массив имел округлую в плане форму, выступая в виде прямоугольного зуба со стороны топочного отверстия. Под печи был выстлан мелкими известняковыми камнями. Глинобитные стенки достигали 0,30 м в толщину, диаметр топочного помещения — 1,20 м.

На Эспланадном раскопе остатки винодельческих площадок встречались при раскопках 1945—1946 гг. В 1947 г., помимо аналогичных остатков, была обнаружена хорошо сохранившаяся винодельня II в. н. э. (рис. 11). Размеры ее в плане были 8,60 × 7,40 м. Она имела разделенную на два отсека цистерну для сусла и две дошедшие до нас в прекрасном состоянии цементированные площадки для давления винограда ногами виноделов; третья площадка, для механического давления прессом, оказалась поврежденной.

Оборонительные сооружения, обследованные в 1948—1949 гг., мы уже называли выше. В 1949 г. на Эспланадном раскопе были обнаружены, по всей видимости, развалины крепостной стены, сооруженной не позднее начала V в. до н. э. До нас дошел только развал бута из больших камней, ширина которого достигала 2,34 м. Работами 1948 г. на Верхнем Эспланадном раскопе были выявлены грандиозные подсеки выходов материковой скалы до 3,5 м высотой, служившие основанием стен и башен акрополя. В том же 1948 г. к западу от Второго Кресла были обнаружены остатки городской оборонительной стены в виде развала бута из громадных каменных глыб. Ширина этого бута достигала пяти метров.

Наконец, следует упомянуть о находках обломков статуй, постаментов их и надписей, свидетельствующих о значительной роли монументальной скульптуры в городском ансамбле Пантикапея.

Погребальная архитектура Пантикапея пополнилась монументальным каменным склепом, раскопанным в 1948 г. в кургане, расположенном недалеко от станции Керчь II (рис. 12—15). Курган в настоящее время имеет 5,5 м в высоту и около 65 м в диаметре. Склеп представляет собой прямоугольное в плане помещение, перекрытое полуциркульным сводом. Вся постройка была сложена насухо, из тщательно отесанных каменных блоков. Фасад склепа (2,47 м высотой и 2,78 м шириной) выложен из пяти рядов камней. Посередине фасада находится широкая дверь, перекрытая громадным блоком (размером 1,82 × 0,60 × 0,52 м).

Внутреннее помещение имело в длину 2,85 м, в ширину 1,68 м и в вышину (до шелыги) 2,17 м. Пята свода была на той же высоте, что и подошва блока, перекрывающего дверной проем (1,40 м). Таким образом подчеркивалось единство замысла зодчего при сооружении фасада и внутреннего

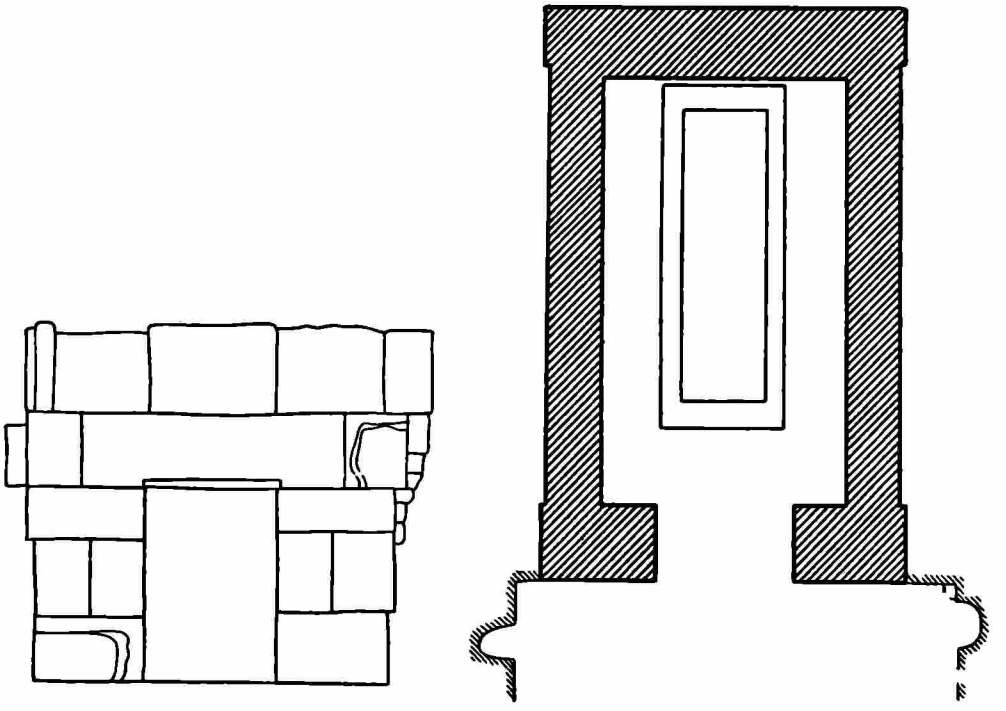


Рис. 14. Керченский склеп, открытый в 1948 г. Фасад и план.

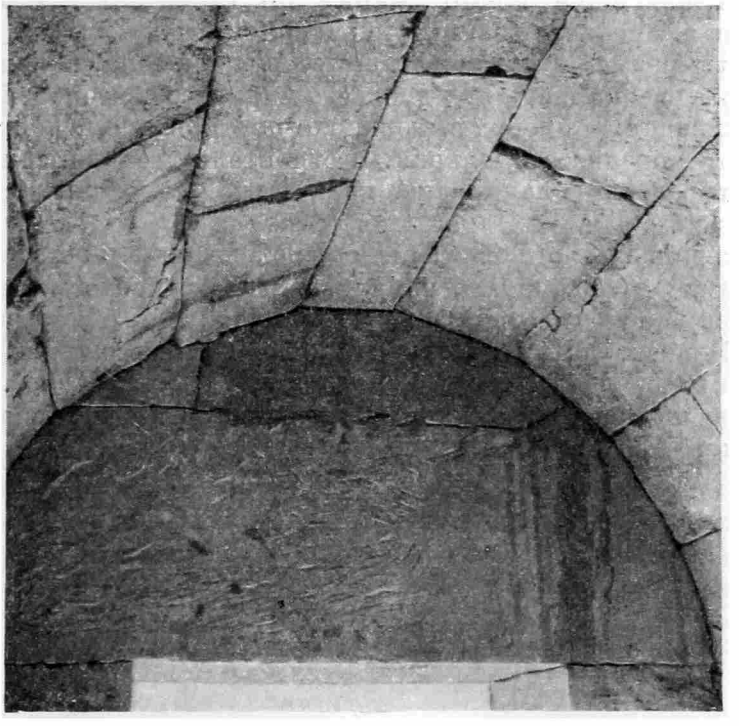


Рис. 15. Керченский склеп, открытый в 1948 г.
Верхняя часть входной стены и свод.

помещения склепа. В склепе стоял каменный саркофаг в виде большого ящика (размером 2,55 × 0,80 × 0,75), накрытого крышкой, имевшей подобие отлогого свода. Этим устанавливалось соответствие между сводчатыми очертаниями потолка склепа и округлой крышкой находившегося в нем саркофага. Архитектура склепа и обнаруженные в нем находки позволили отнести его к I в. н. э. Лишенный каких-либо украшений, склеп 1948 г. характеризуется суровой простотой и силой своих строго тектонических архитектурных форм. Этим он резко отличается от расписных боспорских склепов первых веков нашей эры, в свою очередь не однородных по направлениям. В одних из них еще подчеркивается ордерное решение стены, в других внимание переносится на отделку стены под инкрустацию ее дорогими облицовочными материалами, причем все эти мотивы могут совмещаться с фигурными композициями. Античные в своей основе росписи этих склепов восприняли некоторые чисто боспорские элементы. С другими истоками следует связать корни того направления в погребальной архитектуре, к которому относится склеп 1948 г. Строительная техника его квадровой кладки стен и клинчатого свода, несомненно, эллинского происхождения. Однако отмеченный нами характер строго лапидарного стиля, стремление с предельной ясностью выразить строительную конструкцию, ригористический отказ от каких-либо украшений и связанный с этим отход от ордерной трактовки стены,— все это в сильнейшей мере сближает наш склеп с знаменитыми уступчатыми склепами IV в. до н. э. Погребальные сооружения эпохи ранних Спартокидов, возникшие, по всей вероятности, на местной основе и созвучные по своей тектонике срубным конструкциям, также были совершенно чужды по своему художественному замыслу эллинской ордерной системе.

Таковы главнейшие новые данные по строительству Пантикапея, которые были получены в результате раскопок 1945—1949 гг. Они наглядно показывают размах строительства столицы Боспора, вклад, сделанный им в культурную сокровищницу древнего мира, его своеобразие и самобытность, что отличает этот город не только от центров эллинской метрополии, но также и от Херсонеса и Ольвии. В строительстве Пантикапея, в частности в его городской планировке, нашли свое отражение большие, оригинальные идеи.

Исходя из долголетнего опыта античного зодчества и широко пользуясь его последними достижениями, пантикапейские строители умели использовать и возникшие на местной основе формы (склепы с уступчатыми перекрытиями). Более того: им удавалось умело сочетать античные конструкции с местным художественным направлением (склеп 1948 г.). Эта особенность весьма примечательна для архитектуры Пантикапея — столицы греко-меотского государства.

А. И. ВОЩИНИНА

О СВЯЗЯХ ПРИУРАЛЬЯ С ВОСТОКОМ в VI—VII вв. н. э.

(Уфимский клад, найденный в 1941 г.)

Осенью 1941 г. в Уфе, в центре города, был найден клад: два серебряных сосуда с рельефными изображениями прекрасной работы и редкой сохранности и медный сосуд с крышкой. Серебряные сосуды—чаша и блюдо поступили в 1946 г. в Государственный Эрмитаж[1], медный сосуд с крышкой хранится в Центральном краеведческом музее Башкирии в Уфе. Клад был обнаружен во время земляных работ. По словам рабочих, сосуды были найдены на глубине около 70 см от поверхности; медный кувшин был разбит ударом лопаты и распался на мелкие кусочки, из которых часть тулова кувшина с крышкой была сохранена. Тщательное обследование земли вокруг находки, произведенное сотрудниками музея, не обнаружило никаких следов захоронения и никаких строительных остатков[2]. Задачей настоящей статьи является публикация найденных в Уфе предметов (описание вещей, определение сюжетов и стиля и датировка их), а также сводка некоторых сведений о находках сасанидской утвари на территории Башкирии в связи с вопросом о местной, так называемой бахмутинской культуре.

1. Чаша с орлом (рис. 1—4)

Серебряная с позолотой чаша с рельефным изображением орла, несущего джейрана. Диаметр ее — 12,6 см, высота 4 см. Повреждений нет. Чаша имеет полусферическую форму с устойчивым, слегка приплюснутым донышком. На внешней ее стороне — рельеф с гравировкой: орел держит в лапах джейрана. На рельефе следы черни; гладкий фон позолочен. По краю чаши с внешней стороны — четкий рельефный поясок в виде так называемой «жемчужной нити» и выходящих из-под нее рельефных рубчатых фестонов. По краю с внутренней стороны — гладкий золотой ободок. Внутри донышко не позолочено и покрыто рельефными кружками, расположенными на расстоянии около 0,5 см один от другого; на донышке также имеются следы черни.

---

[1] По инвентарю Гос. Эрмитажа — №№ S. 297—298.

[2] Осенью 1942 г. в Уфе, на сессии Академии Наук УССР, посвященной проблемам Башкирии, мною было сделано краткое сообщение о находке. Об этой же находке упоминается в защищенной в Уфе в 1943 г. диссертации Д. И. Блифельда (сотрудника АН УССР) «Археологические памятники Башкирии середины первого тысячелетия нашей эры» (см. также в газете «Красная Башкирия» от 1 сентября 1941 г. статью «Ценная находка»).

Крупная рельефная композиция — орел, держащий в когтях джейрана, занимает бóльшую часть наружной поверхности сосуда. Орел изображен в профиль с поднятыми, раскрытыми крыльями, условно показанными в фас. Когти его впились в спину джейрана, который изображен бегущим с закинутой вверх головой и как бы распластавшимся под тяжестью орла:

Рис. 1. Чаша с орлом. Общий вид внешней поверхности с рельефом.

левые передняя и задняя ноги зверя вытянуты вдоль туловища; правые ноги подогнуты так, что копыта передней и задней ног почти сходятся. Фигурка необычайно жива, реалистически проста и в основных чертах лишена условности. В ней есть выражение трогательной беспомощности зверя, контрастирующей с величавой мощью орла. Фигура орла, напротив, в основных своих чертах условна: схематическая передача раскрытых крыльев птицы строго каноническая, повторяющая традиции, идущие от искусства древнего Востока. Витая гривна с фестонами на груди орла подчеркивает в нем царственное начало. Орел — древнейшая эмблема неба, света, солнца, солнечного божества[1].

[1] О культе орла на Востоке см. Л. Штернберг. Культ орла у сибирских народов. Сборник статей. «Первобытная религия в свете этнографии». Л., 1936, стр. 112 и сл. Об изображении орла в искусстве Ближнего Востока см. также: J. Orbeli, Sasanian and early islamic metalwork. SPA, I. Оксфорд, 1938, стр. 742; К. В. Тревер. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. Л.—М., 1937, стр. 17; Phyllis Ackerman. Some problems of early iconography. SPA, I, стр. 882.

Композиция дана в невысоком рельефе: основные формы тела животных моделированы пластически, но в то же время плоско; детали переданы гравировкой. Очертания мускулатуры ног, копыт, когтей, перья хвоста и крыльев нанесены глубокими, четкими врезами. Мелкие детали, как

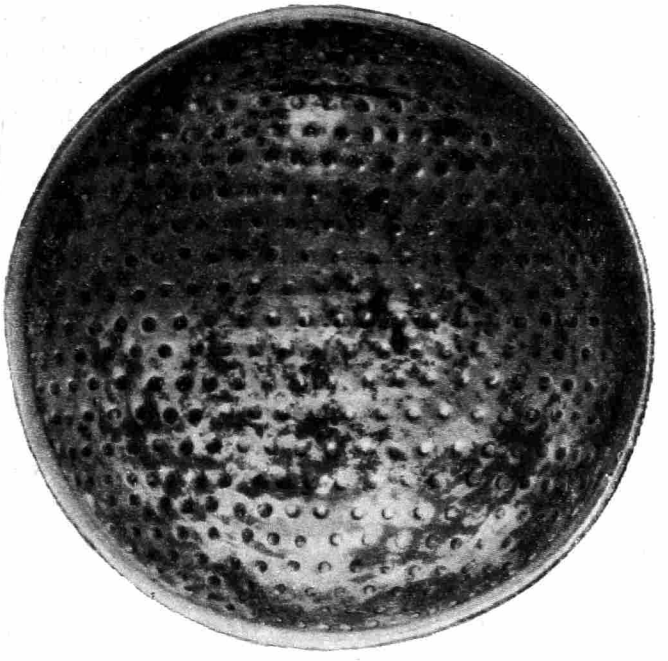


Рис. 2. Чаша с орлом. Внутренний вид дна.

Рис. 3. Чаша с орлом. Вид сбоку.

рисунок перьев, гривны на шее орла, шерсть животного, нанесены тонкими неглубокими линиями или пунктиром в схеме условно геометрического орнамента: округлость бедра джейрана подчеркнута спиралью из расположенных рядами точек в чисто орнаментальном рисунке. Таким образом, резьба на рельефе дана двояко: толстыми и тонкими линиями, и сочетается с мягким объемом рельефа — технический прием, характерный для иранской «сасанидской» торевтики.

Принцип построения композиции, с точки зрения стиля, также типичен для иранского искусства сасанидского периода: совершенно своеобразное сочетание элементов условного с реалистическим. Торжественно условное изображение орла сочетается с живой, выразительной фигурой джейрана.

Но, несмотря на убедительную живость в передаче его стремительного движения, в основе изображения лежит традиционная схема фигуры бегущего горного животного. Эту традиционность схемы в сочетании с непосредственной живостью образа мы встречаем в монументальном искусстве Ирана. Изображение джейрана на уфимской чаше, несомненно, близко к фигурам преследуемых зверей — оленей и газелей на скальном рельефе Так-и-Бостана[1], где изображена охота сасанидского царя, как полагают, Хосрова II (590—627 гг.).

Рис. 4. Чаша с орлом. Деталь рельефа.

Тот же традиционный мотив изображения бегущих зверей находим мы в иранском серебре времени Сасанидов[2].

Среди образцов восточной торевтики эрмитажного собрания, а также среди других собраний, известных нам по изданиям, уфимская чаша полной аналогии не имеет. Но есть сосуды, совпадающие с ней или по сюжету и композиции, или близкие ей стилистически. В качестве наиболее близкой аналогии по стилю рельефа может быть приведена серебряная

[1] F. Sarre. Die Kunst des alten Persien. Br., 1925, табл. 86, 87; SPA, IV, табл. 163, B, деталь табл. 168, B; F. Sarre und E. Herzfeld. Iranische Felsreliefs. Br., 1910, табл. XXXVII.

[2] Ср. фигуру раненого козла на иранском блюде с изображением Хосрова и Ормизда в собрании Эрмитажа (И. А. Орбели — К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. 13), а также две фигуры (под конем) на блюде с царской охотой в собрании Метрополитанского музея (SPA, IV, табл. 213).

с позолотой чаша из Перещепинского клада (иранской работы)[1]. На сердцевидных выступах этой чаши — мелкие рельефные изображения: орел, терзающий птичку; бегущий олень; скачущая лошадь; лисицы, перегрызающие горло птице; рыбы и птицы. Здесь прежде всего обращает на себя внимание необычайное мастерство в умении вписать композицию в сложный контур медальона. Эта задача здесь решена так же безупречно, как и на нашей уфимской чаше. Бегущие фигуры коня и оленя даны в такой же характерной позе (особенно олень с закинутой головой), как и уфимский джейран. В той же манере гравировки трактована шкура зверей, т. е. рядами пунктира, закрученными на бедрах спиралью (см. изображение лисицы, терзающей птицу); повторяется рисунок мускулов ног и копыт животных. В изображении птичек перещепинской чаши есть общая с уфимским орлом, условно расчлененная характеристика перышек и крыльев. Кроме общности стилистической, необходимо отметить также и орнамент по краю чаши, совершенно совпадающий с орнаментом уфимской чаши. Таким образом, перещепинская чаша, несмотря на своеобразную форму и иной сюжет изображения, является стилистически наиболее близкой аналогией к уфимской.

Близкое к нашему рельефу изображение орла имеется на большом иранском серебряном блюде из коллекции Стоклэ[2]. Большая фигура птицы, изображенная в том же раккурсе, в тех же пропорциях и в той же орнаментальной схеме, занимает центральную часть блюда.

Мотив орла, несущего джейрана, неоднократно встречается в сасанидской торевтике. Среди образцов эрмитажной коллекции находятся две серебряные с позолотой вазочки (обе, очевидно, иранской работы) с подобным мотивом, в такой же композиции. На одной из них (из Молотовской обл.)[3] в двух медальонах изображен орел: совпадение трактовки орла и джейрана на этом сосуде с уфимской чашей совершенно очевидно; изображение на нем лишь несколько более обобщено и стилизовано. На втором подобном же сосуде (купленном в Баку)[4] это изображение помещено в одном из четырех ромбических медальонов на тулове — орел с джейраном в той же композиции вправо; стиль рельефа тот же, что и на упомянутом сосуде из Молотовской обл.

Наконец, в Эрмитажном собрании находится еще серебряное без позолоты блюдо, повторяющее этот сюжет (из района Соликамска Молотовской обл.)[5]. На блюде — гравированный рисунок этой же композиции, обращенный влево; стиль изображения на соликамском блюде совершенно своеобразный, выпадающий из ряда разбираемых образцов. В нем есть крайняя геометризация форм, тяготеющее к примитиву схематическое изображение, не имеющее ничего общего с изысканной условностью стиля так называемых «сасанидских» вещей. В то же время при сопоставлении соликамского блюда с предметами местной, так называемой «чудской» работы бросается в глаза общность своеобразной наивной условности изображения животных. Возможно, что соликамское блюдо было сделано

[1] И. А. Орбели — К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 35—37; Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XLII, XLIII, № 70. К. В. Тревер. Серебряный сасанидский кубок из Урздонского ущелья, стр. 125, табл. V, рис. 45. «Тр. Отд. истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа», т. IV.

[2] SPA, IV, табл. 225, B.

[3] И. А. Орбели — К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 39; Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. LIV, № 88; SPA, IV, табл. 216, B.

[4] И. А. Орбели — К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 40; Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. CXV, № 288.

[5] И. А. Орбели — К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 31; Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. XC, № 162.

местным мастером[1]; но кто бы ни был этот художник, он воспроизвел распространенный в «сасанидском» металле мотив, имевший несомненно мифологическое значение.

Таким образом, уфимская чаша явилась четвертым сосудом в коллекции Эрмитажа, повторяющим этот сюжет и композицию. К. В. Тревер, рассматривая чердынское блюдо с изображением орла, несущего в когтях обнаженную женщину, считает это изображение символом осеннего равноденствия — сочетания солнца и природы, где солнце принимает образ орла, а природу олицетворяет женское божество[2].

На уфимской чаше солнце также дано в образе орла, а джейран, повидимому, заменяет женское плодоносящее начало — олицетворение природы.

Внутренняя сторона чаши, покрытая мелкими круглыми шишечками, могла представлять небесный свод, усеянный звездами, а внешняя — выпуклая, позолоченная и блестящая, с изображением орла-солнца являлась, быть может, символом солнца. Чаша имела, возможно, культовое назначение.

Таким образом, и сюжет рельефа на уфимской чаше, связанный с иранской мифологией, и его композиция, совершенно совпадающая с предметами прикладного искусства сасанидского Ирана, и стилистическая общность с рельефами Так-и-Бостана заставляют высказать предположение о принадлежности уфимской чаши к числу предметов, вышедших из рук сасанидских мастеров. Как известно, советское востоковедение вносит все бóльшую дифференциацию в группу сасанидских памятников, выделяя из них, на основании раскопок и исследований, предметы, относящиеся к культуре народов Средней Азии, Кавказа и собственно Ирана. Уфимская же чаша не имеет ни сюжетно, ни технически особенностей, характерных для среднеазиатской или кавказской торевтики, и в то же время отличается признаками, свойственными искусству иранских торевтов.

Приведенные выше предметы, совпадающие в тех или других чертах с нашей чашей, относятся в основном к VI—VII вв., что позволяет датировать и уфимскую чашу тем же временем.

2. Блюдо с изображением царской охоты (рис. 5)

Серебряное с позолотой блюдо на кольцевой ножке украшено внутри рельефным изображением царской охоты. Диаметр его 20 см, высота 4,6 см, высота ножки 1,3 см, диаметр кольца ножки 7,7 см. По краю идет гладкий золоченый ободок. Снизу блюдо гладкое, покрыто черной патиной; следов надписи нет. Кольцо подставки припаяно медью. Сохранность блюда очень хорошая — лишь в рельефе есть незначительный изъян: утрачена бляшка от уздечки коня и поводья. На месте, где была прикреплена бляшка, находится отверстие менее булавочной головки; от тонкой нити поводьев остался чуть заметный след.

Рельеф с тонкой гравировкой представляет многофигурную, вписанную в круг композицию: сасанидский царь в его типичном облике (хорошо известном по его изображениям на скальных рельефах, серебряных блюдах и монетах) на скачущем коне стреляет из лука в стадо диких коз,

[1] А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА, стр. 126—127, рис. 329, 331, 334. Передача в резьбе деталей — глаз, перьев, лап — и самая техника резьбы на чудских предметах совпадают с рисунком на соликамском блюде; композиция же его резко отлична от чудских изображений. Это дает возможность предположить копированье мотива местным, «чудским» мастером.

[2] К. В. Тревер. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. М.—Л., 1937, стр.17, табл. III.

убегающих в направлении, обратном к бегу коня. Среди коз находится охотничья собака. Фигура всадника передана в раккурсе, характерном для многочисленных сасанидских изображений охоты: нижняя часть туловища обращена влево; грудь развернута в фас; руки, направляющие лук, и голова обращены вправо. Вправо от головы царя — рельефный полумесяц и крупная звезда в форме шестилистной розетки. Головной убор царя составляет корона со ступенчатыми зубцами, шаром в отрогах

Рис. 5. Блюдо с изображением царской охоты. Внутренний вид дна с рельефом.

полумесяца и двумя развевающимися за головой лентами. Лицо царя имеет, очевидно, портретные черты: широкие выдающиеся скулы, большой прямой нос, толстые губы. Усы и большая вьющаяся борода переданы мельчайшими чешуйками. Часть головного убора закрывает затылок, но оставляет видимым ухо с серьгой, украшенной грушевидной подвеской. Вокруг головы пунктиром нанесен нимб. На шею надета гривна. Грудь покрывает «апезак» (украшение, которое носил только царь) с медальоном в виде круглой золоченой бляшки. Рисунок ткани кафтана передан группами тройных точек. Шаровары, покрывающие ноги до подъема ступни, расширяются книзу. Узкая ступня с вытянутым носком обута в мягкий башмак с тщательно прорисованной застежкой; на золотом поле резьбой

показаны концы лент, завязанных у щиколотки. От пояса свисает длинный меч с крестовидной рукоятью в гладких ножнах с треугольным наконечником.

Пропорции фигуры царя переданы условно: большая голова, короткий торс с очень тонкой талией, короткие ноги. Наряду с этим поражает реалистическая до мельчайших деталей трактовка рук, верным и вместе с тем изящным жестом натягивающих тетиву лука; пластично передана мускулатура рук в узких рукавах одежды, четкой резьбой нанесены суставы пальцев и ногти.

В этом изысканно-тщательном изображении сасанидского царя, представленного во всей пышности убранства иранского владыки, мы видим, как художник, следуя традициям придворного искусства, сочетает торжественную условность позы с живостью движения. Зато фигура скачущего коня совершенно статична и стилизована до крайности. Конь напоминает деревянного шахматного коня. Его короткая грива, копыта, мускулатура трактованы орнаментально; подчеркнуто богатство убора царского коня: на голове полумесяц, на ремнях золотые бляшки или фалары, хвост перевязан узлом сложного рисунка, на крупе шишковидные, орнаментально трактованные подвески-кисти. Чепрак седла позолочен и гравирован тонкой сеткой.

Передать стремительность движения в фигуре скачущего коня не входило в задачу художника. Конь в этой композиции составляет часть внушительного, торжественного облика царя. В то же время в изображении других животных мастер дает волю своеобразному реалистическому пониманию живой природы. Все четыре козла, по-разному изображенные и по-своему живые, показаны в традиционном беге зверей в сценах охоты, что нами уже отмечалось в разборе фигуры джейрана на чаше. Перед нами дикие козы двух пород: одни — с короткими острыми рожками и гладкой шкурой, другие — с большими выгнутыми рогами и пятнистой грудкой. Пятна на груди животных переданы тонкой резной сеткой. Изображения животных даны пластично, в высоком рельефе, частью скульптурно: передние ноги изображены объемно и выделяются над общей плоскостью рельефа. Исключительная сохранность уфимского блюда оставила эти хрупкие детали неповрежденными. Однако, верный традициям орнаментальности, мастер украшает бедра животных гравированной веерообразной розеткой. В спину каждой из четырех коз вонзилась стрела, вырезанная на золоченом поле рельефа. Изумительна по оригинальной живости фигурка собаки: она вся как будто собрана и воплощает напряженное внимание; длинные уши прижаты, поджат хвост; от ошейника идет нарезанная по золоченому полю короткая линия поводка.

Приемы обработки рельефа на блюде значительно разнообразнее, чем на чаше с орлом; здесь применен рельеф различной высоты, доходящий, как выше указывалось, до полной объемности. Гравировка исполнена и тонкими, как волос, штрихами, и иногда глубокими резкими линиями; местами резьба выходит за пределы рельефа, продолжая рисунок на золотом фоне. Подобный прием можно видеть на многих сасанидских серебряных сосудах.

В изображении на блюде мы также наблюдаем основную стилистическую черту, типичную для определенного периода развития придворного искусства сасанидского Ирана: сочетание условной, торжественной фигуры царственного охотника с живыми, стремительно движущимися фигурами животных. Подобное сочетание является условным приемом противопоставления «божественности» царя миру земному, воплощенному в изображении животных.

Отличительной чертой уфимского блюда является простота линий рисунка, отсутствие сложности композиции, умеренные орнаментальность и стилизация. Изображение царя в сложном раккурсе совершенно традиционно.

Это же самое можно сказать и о фигурах коз, которые тоже по-своему ярко типичны. Все это говорит о зрелом периоде в искусстве сасанидского Ирана, о периоде твердо выработанных, установившихся традиций, к которому могут относиться как уфимская чаша, так и блюдо.

Пытаясь провести сравнение уфимского блюда с другими, мы наблюдаем следующую картину: по форме и принципам украшения наше блюдо повторяет большинство сасанидских серебряных блюд: по размерам оно принадлежит к числу наименьших. Некоторые детали изображения вовсе не имеют аналогий: так, например, изображение охотничьей собаки среди преследуемых животных встречается впервые; рельефный полумесяц и звезда как отделенная от головы царя эмблема — тоже новый мотив[1]; некоторые сочетания деталей костюма и головного убора царя также совершенно своеобразны.

Наиболее близким к изучаемому блюду является кунгурское блюдо (рис. 6) с двойным сюжетом, хранящееся в Эрмитаже[2]: вверху Хосров I Ануширван (531—578 гг.) среди приближенных; внизу, под чертой, его сын Ормизд IV (579—590) охотится на козлов. Эта сцена охоты во многих чертах повторяет сюжет на уфимской чаше: фигура Ормизда передана в том же характерном раккурсе; та же передача движения рук и натягивающих лук пальцев. Совпадает в основных чертах форма одежды и головного убора; лишь в частностях есть различие: шар на голове Ормизда не сопровождается полумесяцем, на затылке его пучок волос, которого нет у царя на уфимском блюде. Меч передан совершенно одинаково как у обоих всадников, так и в руках сидящего Ануширвана. Убранство коня в основном повторяется. Можно усмотреть даже общие портретные черты лица Ормизда с царем уфимского блюда: подчеркнуты широкие скулы, большой нос, форма бороды и усов. Рисунок ткани в виде изогнутых острых углов совершенно такой же, как на нашем блюде; манера тщательной моделировки пальцев — тоже общая. Ясно выступает также общность стилистических черт: сдержанность стилизации, простота и ясность композиции, приемы гравировки.

Сопоставляя уфимское блюдо с блюдами более раннего периода (IV—V вв.), т. е. с изображениями Шапура II, Шапура III, можно усмотреть лишь отдельные совпадающие черты; со стороны же стилистической оно резко отличается от них.

Монеты сасанидских царей, как известно, дают возможность с наибольшей вероятностью определить личность царя по совокупности совпадающих признаков. Что касается головы царя на нашем блюде, то более всего она сходна с профильными изображениями на монетах Хосрова I и Ормизда IV[3]: большой горбатый нос, длинная борода, шнурок усов и того же типа головной убор в виде трехбашенной короны с шаром в полумесяце.

Серебряные чаши, опубликованные С. П. Толстовым[4] как хорезмийские, и изображения на монетах Хорезма, несмотря на ряд сходных черт

---

[1] Звезда и полумесяц как самостоятельная эмблема, не связанная с головным убором царя, появляется на монетах только со времени Хосрова I (P a r u c k. Sasanian coins. Bombay, 1924, табл. XIX—XX, № 414—433; стр. 386—389).

[2] И. А. О р б е л и — К. В. Т р е в е р. Ук. соч., табл. 13; SPA, IV, табл. 239, A.

[3] P a r u c k. Ук. соч., табл. XIX—XX, № 414—440, стр. 385—386.

[4] С. П. Т о л с т о в. Монеты шахов древнего Хорезма. ВДИ, 1938, № 4, стр. 120 и сл., табл. I, рис. 1, 2; е г о ж е. Древний Хорезм. М., 1949, табл. 84 и 87.

в изображении головного убора (трехзубчатая корона с символом луны и солнца), стилистически отличны от уфимского блюда. В них отсутствуют условность и орнаментальность стиля, которые так типичны для феодального искусства сасанидской Персии. В то же время именно эти черты характеризуют уфимскую чашу и блюдо. Изображение царя на уфимском блюде так очевидно совпадает с изображениями царей на сасанидских

Рис. 6. Кунгурское блюдо.

монетах и стилистически так близко к фигурам царей на блюдах, созданных иранскими мастерами, что уфимское блюдо можно считать образцом иранской торевтики.

Итак, если принять предложенные сопоставления с кунгурским блюдом и монетами Хосрова I и Ормизда IV, то датировка уфимского блюда концом VI в. не расходится с датировкой чаши; оба сосуда из уфимского клада, таким образом, могут относиться к одному периоду.

В этот исторический период, после маздакитского движения, уже сложились феодальные отношения в сасанидском Иране, поэтому могли быть созданы предметы художественной торевтики такого стиля и такой

тематики, как серебро уфимского клада, вполне соответствующие официальному искусству этого времени.

3. Часть сосуда с крышкой[1]

Третий предмет Уфимского клада (находящийся в Уфимском музее) — фрагмент сосуда, представляющий собой верхнюю часть тулова небольшого тонкостенного сосуда с прикрепленной на петле крышечкой. Размеры фрагмента: наибольшая высота 4,6 см, наибольший диаметр 6 см. Тонкие стенки сосуда вычеканены; металл — белая медь или низкопробное серебро — имеет белый оттенок внутри сосуда и позолочен снаружи. Стенки сосуда округлые, с неправильной формы выступами, дающими возможность предположить форму фигурного сосудика. Вся поверхность обломка покрыта выпуклыми чешуйками с гравировкой, изображающими перышки птицы. Крышка — конусообразная, профилированная, с петелькой в центре; к плечикам тулова прикреплена ручка в виде дужки из пластины ступенчатой формы. В обработке этого сосуда отсутствуют технические приемы, характерные для двух первых предметов. Здесь может идти речь о фигурном сосуде местного происхождения, но последнее может быть выяснено только при изучении предметов производства местной культуры соответствующего периода.

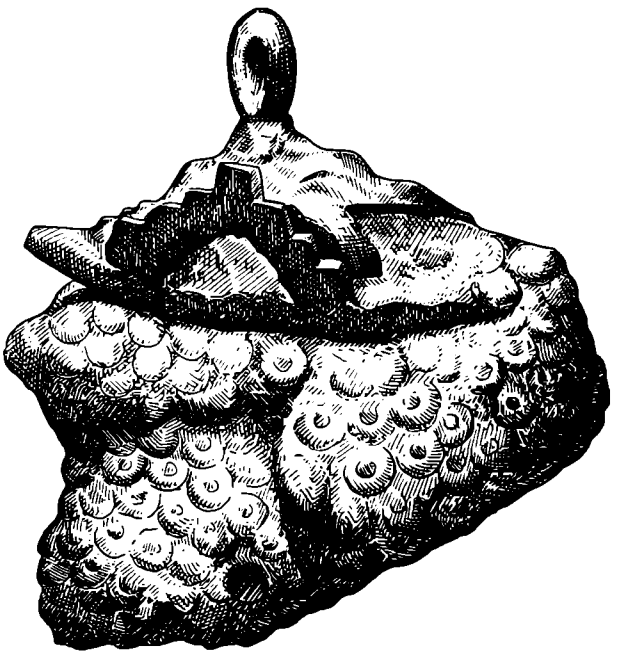


Рис. 7. Обломок сосуда с крышкой.

Случайная находка серебряных иранских сосудов сасанидского времени в Уфе в 1941 г. вряд ли была первой такой находкой в Башкирии. Однако точных документальных сведений об этом нет. Местный археолог-краевед, научный сотрудник Краеведческого музея Башкирской АССР М. И. Касьянов устно сообщил мне о находках серебряных сосудов подобного типа, лично им виденных. Так, в 1926 г. в Аургузинском районе БАССР близ с. Асламбаева (вверх от Уфы по р. Белой), за 40 км влево от реки, Касьянов видел в руках местного крестьянина обломок большого серебряного блюда — сасанидского, по утверждению М. И. Касьянова, с изображением всадника и бегущего безрогого зверя. Приобрести его для музея не удалось. В 1912 г. в Покровском районе, в окрестности с. Бахмутина (вверх от г. Уфы по р. Уфе), близ городища Чандар, крестьянин нашел вблизи р. Шарвал серебряный сосуд в форме свернувшейся змеи, прекрасной, по словам находчика, работы, и показал его М. И. Касьянову. Этот сосуд также не мог быть приобретен М. И. Касьяновым.

[1] По инвентарю Башкирского центрального краеведческого музея — № 4075/2-ИО.

Касьянов передал также рассказ крестьянина дер. Анненково (того же Покровского района), Григория Караваева, о найденных в 1910 г. вблизи устья пещеры, после весеннего половодья, двух больших серебряных тарелках с изображением всадников и зверей, которые он продал проходившему коробейнику.

Наш уфимский клад является первой находкой в Башкирии, которую удалось сохранить. Проникновение восточной серебряной утвари в Башкирию, в область Приуралья[1], объясняется завозом их сюда, особенно в Прикамье, в процессе торговых сношений местных племен со странами

Рис. 8. Резное изображение на сердоликовой печати, найденной в Уфе в 1939 г.

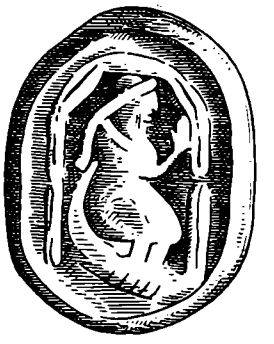


Рис. 9. Сасанидская халцедоновая печать с резным изображением сидящей Анахит.

Востока; серебряную посуду сюда могли завозить и хорезмийские[2], и персидские[3], и иные восточные купцы.

Река Белая и ее приток Уфа всегда были судоходными реками и с древнейших времен служили водными путями, по которым шла торговля со странами Востока.

Находки и раскопки последних лет в Уфе и районах БАССР, к сожалению, слишком скудны и случайны, чтобы дать ясное представление о характере местной культуры I тысячелетия н. э. Тем не менее эти находки проливают некоторый свет на этот вопрос и дают вехи для проложения путей дальнейших исследований.

Интересный материал, характеризующий местную культуру этого района Башкирии в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э., дали раскопки 1936 и 1939 гг., связанные со случайными находками в двух местах, также в центре г. Уфы (на расстоянии 100 и 150 м от нашего клада). Оба раскопа открыли могильники с богатейшим материалом (насколько нам известно, неопубликованным), относящимся к VI—VII вв. н. э.[4]

---

[1] Серебряные чаши IV—II вв. до н. э. были найдены в Оренбургской губ. (Чкаловской обл.), в с. Прохоровке, на границе Башкирской АССР и Чкаловской обл. в 1873 г. См. МАР, вып. 37, табл. 1, а также в БАССР: ахеменидская бронзовая чаша из Куганокского клада. (См. Н. И. Булычов. Древности Восточной России, т. II, табл. 3).

[2] С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма. ВДИ, 1938, № 4, стр. 145.

[3] А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА, VIII, вып. 1, 1906, стр. 32—33.

[4] Датировка VI—VII вв. принадлежит действ. члену АН УССР П. П. Ефименко, видевшему этот материал в Уфе в 1936 г. Соображения его зафиксированы в протоколе заседания Центрального краеведческого музея Башкирии с участием П. П. Ефименко и были приложены к отчету раскопок (Протокол заседания научных сотрудников

Основной инвентарь этих могильников составляют бронзовые и золотые бляшки, подвески, пряжки ремней, ожерелья, керамика. Сохранились остатки костяков. В одном из погребений, раскрытом в 1939 г.[1], был обнаружен предмет, имеющий особенно важное значение в связи с нашим материалом, а именно маленькая сердоликовая печать[2] (рис. 8). Печать эта— очевидно вставка в перстень, круглой формы (диаметр 1 см), плоская, с острым ребром по профилю. На тонком слое белой поверхности (сердолик двуслойный) врезано мелкое изображение сидящей фигуры в профиль влево, играющей на струнном инструменте типа арфы. Фигура в длинной одежде, вдоль спины спускается длинная коса (или лента). Рисунок схематичный, условный; оттиск изображения дает довольно высокий рельеф. Следов оправы перстня не найдено. Форма печати и изображение на ней ставят ее в тесную связь с резными камнями сасанидского Ирана[3] (рис. 9). Находка этой, вероятно, привозной печати среди типично местного инвентаря — явление чрезвычайно интересное, указывающее на наличие привозных предметов в обиходе представителей местной культуры VII в.

По своему характеру материал этих двух могильников (а, может быть, это один большой могильник, так как расстояние между местами раскопок 1936 и 1939 гг. не более 150 м) теснейшим образом связан с инвентарем Бахмутинского могильника, раскопанного в 1928 г. А. В. Шмидтом во время экспедиции Академии Наук СССР[4]. Могильник этот расположен на правом берегу р. Уфы, в 90—95 км севернее г. Уфы, в Покровском районе близ с. Бахмутина. Специфические особенности инвентаря Бахмутинского могильника побудили А. В. Шмидта выделить бахмутинскую культуру, очевидно характерную для северной Башкирии, и датировать ее V—VII вв. н. э. (первый период: V в.— начало VI в., второй период: VI—VII вв.). Инвентарь уфимских погребений связан со вторым периодом Бахмутина, т. е. датируется концом VI—VII вв., что совпадает с датировкой П. П. Ефименко[5]. Интересно, что оба археолога в своем определении даты исходили из разных критериев: А. В. Шмидт основывался на характере местного материала, а П. П. Ефименко — на характере золотых украшений из раскопок 1936 г.

Следует отметить, что некоторые находки серебряных сасанидских сосудов, о которых сообщает Касьянов, сделаны в Покровском районе, близ с. Бахмутина.

На основании сказанного выше можно предположить, что Уфимский клад 1941 г. также имеет отношение к местной, бахмутинского типа культуре; это подтверждается и датировкой наших серебряных сосудов (VI в.), которые, как предметы культа, могли бытовать в среде местного населения, носителей так называемой «бахмутинской культуры», в VI и VII вв.

Центрального краеведческого музея Башкирии от 25/VII 1936 г. Архив музея). Материал из раскопок находится в Краеведческом музее Башкирии и был просмотрен мною весной 1946 г.

[1] Рукописный отчет раскопок Б. Койшевского в 1939 г.

[2] Инвентарь Центрального краеведческого музея Башкирии (Исторический отдел, № 3198/1).

[3] SPA, 1, стр. 795, рис. 273, B: халцедоновая печать с аналогичным изображением сидящей Анахит (колл. Метрополитанского музея).

[4] А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции. Журн. «Хозяйство Башкирии». Уфа, 1929, прилож. к № 8—9.

[5] Вопрос о тесной связи бахмутинского материала второго периода с находками 1936 и 1939 гг. в Уфе освещен также в упомянутой выше диссертации Д. И. Блифельда. «Археологические памятники Башкирии середины I тысячелетия н. э.».

Связь же культуры бахмутинского типа с культурой Прикамья отмечает А. В. Шмидт[1].

Таким образом, неоднократные находки восточного серебра в Прикамье и находка Уфимского клада — не случайное совпадение: здесь по рекам Уфе, Белой и Каме, очевидно, проходили торговые пути, связывавшие этот район Приуралья с Востоком.

[1] «Обе стадии бахмутинской культуры — и тип Бахмутино I, и тип Бахмутино II — имеют свои аналоги в Пермском крае. Бахмутино I соответствует харинский культурный тип IV—V вв., Бахмутино II — ломоватовская культура (VI—VIII вв.), хорошо представленная в близком к пределам Башкирии Кунгурском крае. Близость между башкирскими и пермскими культурами довольно значительна» (А. В. Шмидт. Ук. соч., стр. 25).

В. В. ДЖАПАРИДЗЕ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА ГРУЗИИ XI—XIII вв.

(Краткий очерк)

Еще лет 30 назад о средневековой грузинской керамике вообще ничего не было известно. Огромный размах археологических исследований и наблюдений в советской Грузии открыл широкие возможности для изучения материальной культуры всех веков, в том числе и средневековой керамики, которая в изобилии поступает в музеи Тбилиси, Телави, Гори, Сухуми. Основные фонды средневековой керамики сосредоточены в Государственном музее Грузии им. академика С. Н. Джанашиа.

Наша статья основана на материале, добытом за последние годы на территории Грузии археологическими экспедициями, но параллельно изучались и все так называемые «случайные» находки, хранящиеся как в Гос. музее Грузии, так и в других музеях (Тбилисском, Телавском, Горийском, Боржомском и Сухумском).

Весь материал грузинской средневековой керамики делится на два вида: керамика с окрашенным черепком и фаянс. Первая наиболее многочисленна и состоит из следующих групп: а) простая, неглазурованная керамика; б) покрытая красным ангобом; в) разрисованная красным и черным ангобом; г) ангобированная глазурованная керамика. Так называемые «сфероконические» сосуды представляют обособленную группу.

Фрагменты фаянса имеют местное происхождение или же привезены из Китая, Ирана.

Вся эта разнохарактерная средневековая грузинская керамика полностью пока не изучалась. Отдельными исследователями в разное время изучены лишь те или иные группы или образцы керамики. В первую очередь необходимо отметить работу покойного Л. В. Мусхелишвили, затронувшего в своей отчетной статье вопрос о керамике, раскопанной в Дманиси[1]. Специально изучал дманисскую глазурованную керамику с красным черепком З. П. Майсурадзе. В своей диссертации[2] он рассматривает: а) общие вопросы технологии глазурованной керамики с красным черепком (глазури, керамические краски, получение ангобированной продукции); б) вопросы керамического сырья Дманисского района;

---

[1] Л. В. Мусхелишвили. Дманиси. (История города и описание городища). «Материальная культура эпохи Ш. Руставели», под ред. академика И. А. Джавахишвили (на груз. яз.). Тбилиси, 1938; его же. Раскопки в Дманиси. СА, VI, 1940.

[2] З. П. Майсурадзе. Грузинская художественная керамика XI—XIII вв. (Дманисская ангобированная керамика). Канд. диссерт. Тбилиси, 1946.

в) способы художественного украшения глазурованной керамики г. Дманиси и г) основные художественные мотивы. Работа З. П. Майсурадзе дает наиболее полное представление о дманисской глазурованной керамике с красным черепком. Исследования отдельных образцов дманисской керамики коснулись Б. А. Шелковников, А. Банк и А. Л. Якобсон. Некоторым комплексам этой керамики уделил внимание и автор этой работы.

В своих отчетных докладах о результатах Тбилисской и Руставской экспедиций Г. А. Ломтатидзе также коснулся вопросов, связанных с грузинской керамикой и керамической промышленностью[1]. Весь комплекс Тбилисской керамической мастерской он датировал XII—XIII вв.

Задачей данной статьи является ознакомить широкий круг читателей с наиболее многочисленной и характерной группой грузинской средневековой керамики — глазурованной с красным черепком.

По археологическим данным выяснено, что техника глазуровки была известна в Грузии с древнейших времен; достаточно упомянуть, что как Мцхетской, так и Триалетской археологическими экспедициями открыт ряд глазурованных кубков в грунтовых погребениях. Эти кубки в форме горшочка на поддоне с петлевидной ручкой датируются урартской эпохой[2].

К следующей хронологической группе относятся сосудики грушевидной формы, покрытые зеленой глазурью. Гос. музей Грузии располагает несколькими образцами таких сосудиков из Мцхета; такие же сосуды впоследствии были найдены в Триалети, Армази и Дзвели Анага (Кахети). Они датируются первыми веками нашей эры[3]. Керамика последующих IV—X вв. пока не обнаружена. Трудно допустить, что в Грузии была совершенно утрачена техника глазуровки в течение такого длительного времени. Глазурованная керамика средневековой Грузии (XI—XIII вв.) делится на одноцветную и многоцветную. В обоих случаях глазурь свинцовая, прозрачная, с той только разницей, что в одноцветной керамике применяются главным образом глазури, окрашенные окислами металлов, а в многоцветной — исключительно бесцветная глазурь.

ОДНОЦВЕТНАЯ ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА

В одноцветной поливной керамике использованы главным образом глазури трех цветов — зеленая, голубая и сравнительно редко буро-фиолетовая. Очень редко попадаются изделия с бесцветной глазурью.

По технике украшений всю одноцветную глазурованную керамику можно разделить на четыре группы: 1) расписанная белым ангобом; 2) ангобированная глазурованная без росписи; 3) покрытая белым ангобом и украшенная гравировкой; 4) покрытая белым ангобом и украшенная орнаментом при помощи выемчатой техники.

Таким образом, все сосуды, кроме первой группы, покрыты под глазурью белым ангобом.

К е р а м и к а, р а с п и с а н н а я б е л ы м а н г о б о м, представлена главным образом мисками разных размеров и, сравнительно

[1] Г. А. Л о м т а т и д з е. Отчетный доклад Тбилисской археологической экспедиции 1948 г. (на груз. яз.); е г о ж е. Отчетный доклад Руставской археологической экспедиции 1950 г. (на груз. яз.); е г о ж е. К истории древнегрузинской керамической промышленности (на груз. яз.). Журн. «Наука и техника», № 8. Тбилиси, 1949.

[2] Б. А. К у ф т и н. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 52, табл. XX. Мцхетскую коллекцию таких же кубков А. Н. Каландадзе датирует IX—VI вв. до н. э.

[3] Б. А. К у ф т и н. Ук. соч., стр. 25, табл. XX. Такой же сосуд, найденный в Армазисхеви, Г. А. Ломтатидзе датирует II в. н. э.

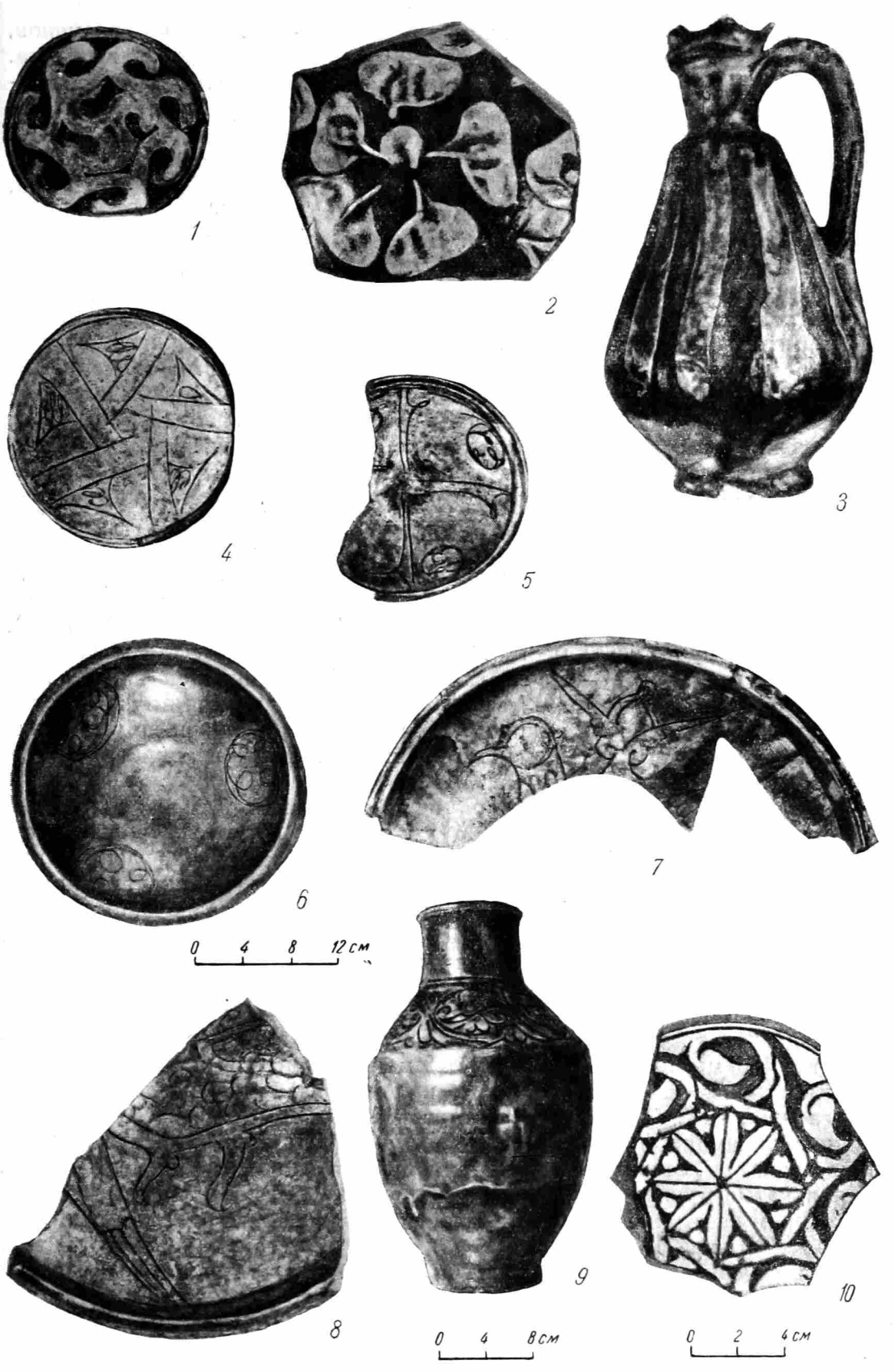


Рис. 1. Одноцветная глазурованная керамика.

реже, кувшинами или кувшинчиками. Миски — различных размеров, обычно имеют низкие кольцевые ножки и вертикальные, низкие же борта.

Интересно отметить, что, в зависимости от окраски глазури, орнаментальные мотивы бывают разные; так, для мисок с голубой глазурью специфическим и очень распространенным мотивом являются круги с наружными крючками (рис. 1, *1*). Крючки загнуты в одном направлении, что создает впечатление вращения. Мотив этот, видимо, был распространен, так как подобные миски найдены в Дманиси, Гударехи, Тбилиси, Армази, Икалто (Кахети) и других местах. Иных мотивов на мисках с голубой глазурью мы не встречали. Для мисок с зеленой глазурью характерны иные орнаментальные мотивы. Во всех случаях на фрагментах из Дманиси и Ахмета (Кахети) под зеленой глазурью белым ангобом нанесены листообразные изображения или кружки. В некоторых случаях листья составляют розетку (рис. 1, *2*). В отдельных случаях белым ангобом расписаны и кувшины. Например, широкими полосками ангоба расписан под прозрачной голубой глазурью маленький кувшинчик из Тбилиси (рис. 1, *3*).

Изделия без росписи покрыты только окрашенной глазурью; бесцветная глазурь в данном случае не применяется. Глазурь главным образом зеленая и голубая. Вся керамика этого типа (даже такие специфические сосудики, как светильники) под глазурью покрыта белым ангобом. Эта группа керамики характеризуется некоторым разнообразием форм сосудов. Встречаются миски, вазы, кувшинчики; особенно характерны солонки и светильники. Миски обычно покрыты зеленой глазурью; они или их фрагменты найдены в Дманиси, Гударехи, Тбилиси, Ацкури (Кахети), Икалто, Сухуми и других местах. Солонки представляют собой миниатюрные сосуды (диаметр 3,9—5,5 см, высота 2,5—4,5 см) круглой формы с низкими боками, широким устьем и сравнительно широким донышком; почти все они покрыты зеленой поливой. Бóльшая часть солонок не украшена. Меньшая же, с широкими плоскими краями, украшена гравировкой, а некоторые образцы расписаны красками.

Среди грузинской одноцветной керамики самая большая группа— сосуды с подглазурной гравировкой. Фон этих сосудов яркий, а контуры рисунка — темного тона (на сосудах, расписанных ангобом, наблюдается обратное явление: фон темный, а рисунок яркого тона). В этой группе объединены сосуды различного назначения: миски, блюда, тарелки, вазы разных размеров, кувшины с носиками, солонки и пр.

Интересны орнаментальные мотивы на этой керамике: среди геометрических мотивов встречаются треугольники, пятиугольники и так называемая «Соломонова печать», или «щит Давида», образуемый путем пересечения двух треугольников. Вообще все геометрические фигуры неправильной формы и прочерчены быстрым движением руки, так что часто линии в углах или не смыкаются, или же, наоборот, пересекают друг друга (рис. 1, *4*, *5*). Наиболее распространенным мотивом именно в этой группе керамики являются петельчатые кружки, которые встречаются почти повсюду, особенно на мисках с голубой и зеленой поливой (рис. 1, *6*). Петельчатые кружки обычно выгравированы одним движением руки на некотором расстоянии один от другого. Образцы с такими кружками найдены в Дманиси, Тбилиси, Гударехи, Икалто, Рустави и других пунктах. Кроме перечисленных пунктов, геометрическими мотивами под зеленой глазурью украшены фрагменты мисок из Дзвели Шуамта (Кахети) и некоторые образцы керамики из Сухуми. Миски с зеленой и, реже, голубой поливой, украшенные растительным орнаментом, встречались в Дманиси, Гударехи, Икалто и других пунктах. Исключительно интересны фрагменты большого блюда из Тбилиси с изображением птицы, покрытым

голубой глазурью (рис. 1, *7*, *8*). Рисунок выполнен гравировкой по ангобу, уверенными линиями. Птица изображена с раскрытыми крыльями, сильно стилизованным хвостом и необычайно короткими ногами. Корпус птицы сплошь обработан чешуйками, а крылья — штрихами. Изображение птицы на тбилисской миске представляет исключение.

К лучшим образцам одноцветной керамики с подглазурным украшением принадлежат вазы с растительными мотивами на плечиках (рис. 1, *9*). Хорошо обдуманные пропорции, строгие формы, распределение орнамента и голубая глазурь придают красоту вазе. Для этих ваз характерны сравнительно широкая и невысокая шейка, покатые плечики, высокое, сужающееся книзу тулово и низкая ножка. Эти вазы встречаются в Тбилиси, Дманиси, Рустави. Такая ваза, обнаруженная Руставской археологической экспедицией в 1950 г., представляет полную аналогию тбилисской. Интересно отметить, что грузинские мастера часто украшали шейку вазы каннелюрами или кругообразными впадинами, нанесенными нажимом пальца, как это видно на дманисских образцах.

Кроме ваз с голубой глазурью, встречаются вазы с зеленой и буро-фиолетовой глазурью, которые также украшались растительными мотивами.

Кувшины, покрытые окрашенной глазурью, попадаются редко. Большой фрагмент кувшина случайно найден в Тбилиси среди других обломков позднесредневековой керамики. Кувшин имеет корпус округлой формы и широкое днище. Такие кувшины обычно снабжены невысоким и узким горлом и ручкой. Тбилисский кувшин отличается от аналогичных сосудов носиком у горлышка, поставленным почти вертикально. Он имеет на верхней части тулова петельчатые кружки, прочерченные по белому ангобу под голубой прозрачной глазурью.

К группе одноцветной глазурованной керамики примыкает несколько фрагментов мисок из Дманиси, покрытых бесцветной глазурью. Один из них украшен растительными мотивами, выполненными выемчатой техникой; в середине фрагмента нанесена восьмилепестковая розетка, окаймленная непрерывным растительным орнаментом, состоящим из завитков (рис. 1, *10*).

МНОГОЦВЕТНАЯ ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА

Как бы ни привлекала наше внимание своей красотой одноцветная керамика, она все-таки несколько суха, строга. Естественно, и грузинские гончары средневековья должны были искать новые пути и средства для украшения керамики. Как уже упоминалось, для окраски керамических изделий в Грузии, так же как и на всем Ближнем Востоке, широко применяли окислы железа, меди и марганца. Применение этих красителей придает грузинской глазурованной керамике совершенно иной облик. Эта керамика приобретает, если можно так выразиться, жизнерадостность, она красочна и нарядна. Все образцы керамики этого типа покрыты прозрачной глазурью.

Поскольку со способами украшения связан и характер украшения, то они рассматриваются нами во взаимной связи, по группам. По способу украшения грузинскую многоцветную керамику можно разделить на следующие группы: 1) расписанная белым ангобом и цветными пятнами; 2) расписанная цветными пятнами по белому ангобу; 3) расписанная кистью, главным образом геометрическим орнаментом; 4) украшенная гравировкой и пятнами; 5) украшенная выемчатым орнаментом; 6) украшенная комбинированным способом (кистью, пятнами, резервацией, гравировкой).

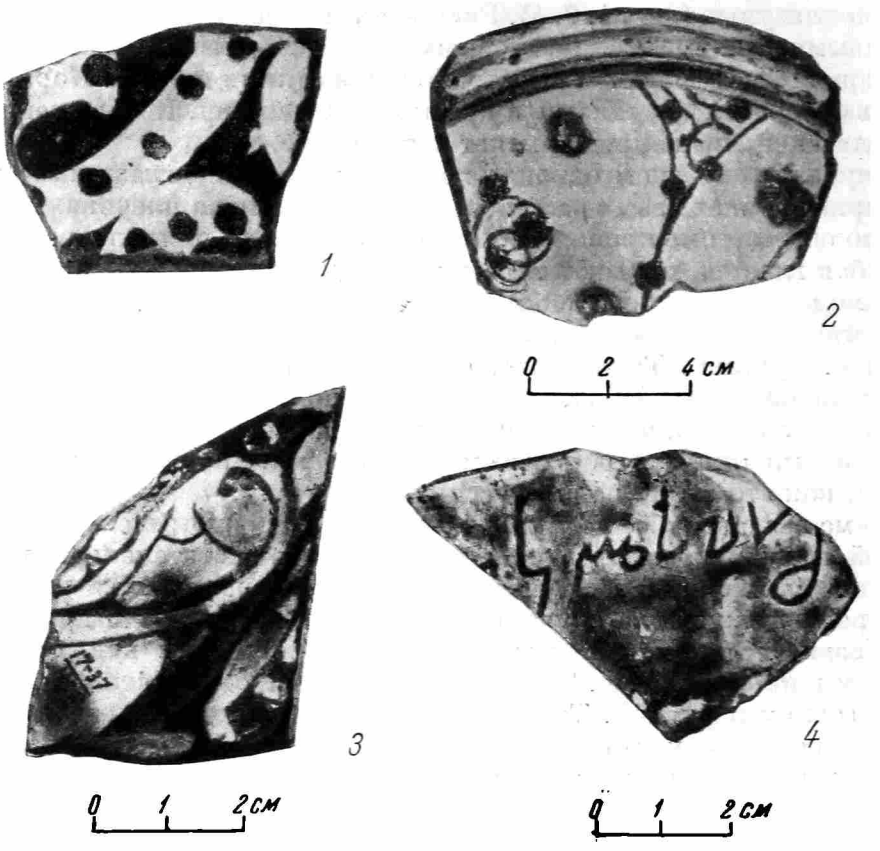


Рис. 2. Многоцветная глазурованная керамика.

Обломки мисок, расписанных широкими полосками белого ангоба и украшенных пятнами голубой и буро-фиолетовой глазури, пока найдены в ограниченном количестве в Дманиси и Икалто (рис. 2, *1*). Орнамент представлен или крючкообразными широкими полосками белого ангоба, или же листовидными изображениями из розоватого ангоба. Нанесенные на слой ангоба голубые и буро-фиолетовые пятна отличаются одно от другого не только по цвету, но и по характеру; буро-фиолетовые пятна лежат «неподвижно» на слое ангоба, тогда как голубые растекаются. Голубые пятна более прозрачны и легки, а буро-фиолетовые тяжелы и темны; вообще подобное сочетание красок оставляет очень приятное впечатление, особенно на фоне розового ангоба.

Обломки мисок, расписанных по белому ангобу кистью, попадаются в немалом количестве во многих пунктах Грузии, но процент сосудов этого типа во всей многоцветной керамике невелик. Такая керамика попадается в Дманиси, Гударехи, Тбилиси, Икальто, акабети и других пунктах. В этой группе мисок для росписи использованы все существующие в средневековой Грузии краски металлических окислов — зеленая, желтая (или светлокоричневая) и буро-фиолетовая. Изображены незамысловатые художественные мотивы, главным образом геометрические.

Характерной группой для средневековой грузинской керамики являются миски, украшенные гравировкой и пятнами голубого и буро-фиолетового цветов. Ангоб на них

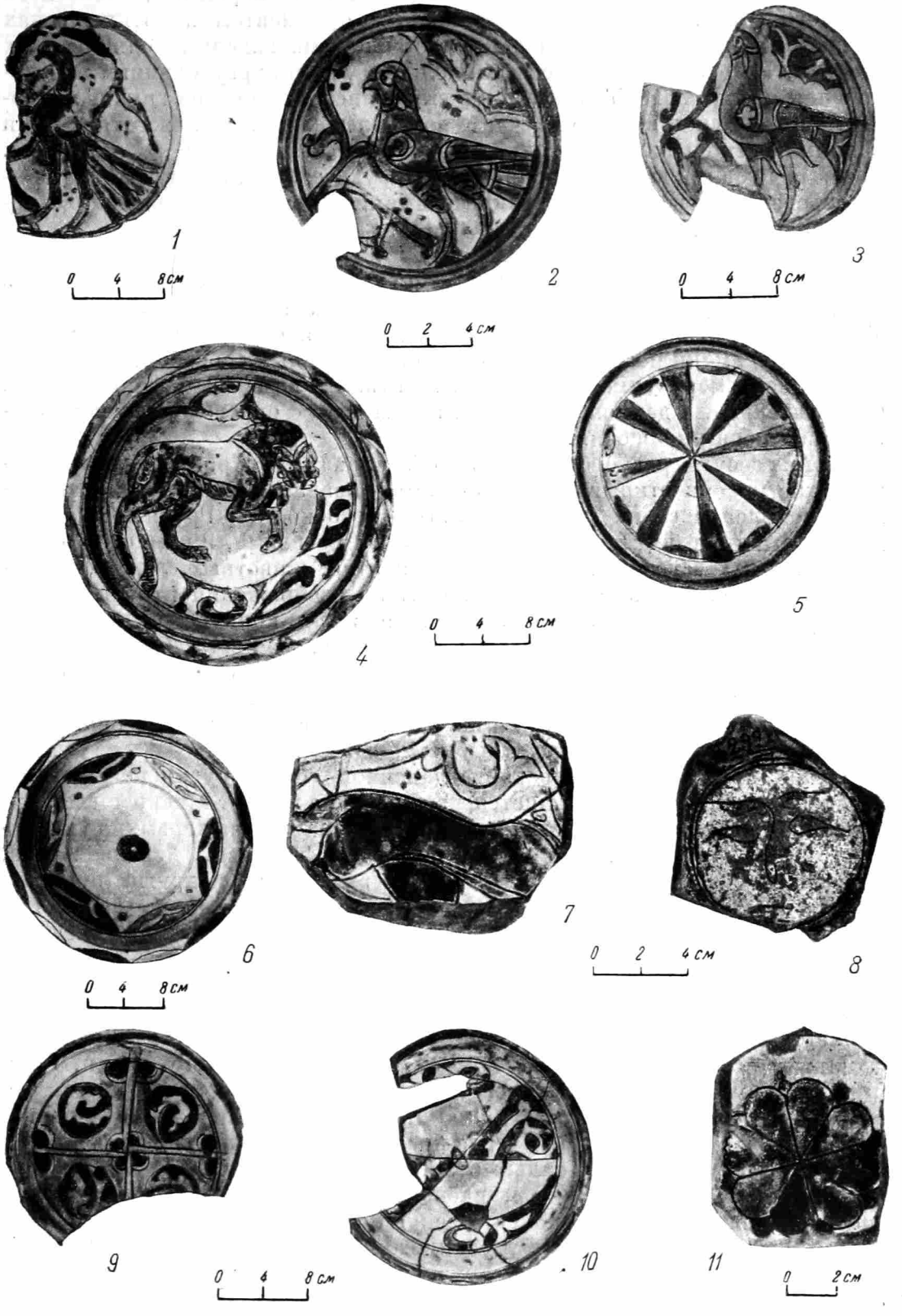


Рис. 3. Многоцветная глазурованная керамика.

в отличие от всей остальной многоцветной керамики, телесного розового цвета. Очень распространенным орнаментом на этих мисках являются такие же петельчатые кружки, какие мы видели на одноцветных сосудах. Встречаются также параллельные линии, треугольники и большие петли (рис. 2, *2*). Так же, как в вышеописанной первой группе многоцветной керамики, и в этом случае буро-фиолетовые пятна лежат тяжелыми каплями «неподвижно», а голубые — прозрачны, легки и расплывчаты. Розовый цвет придает этой группе некоторую теплоту, а голубые пятна — своеобразную нежность. Обломки керамики такого типа найдены в Дманиси, Гударехи, Гори и Земо Ничбиси.

Всю остальную многоцветную глазурованную керамику с красным черепком правильнее будет объединить в одну группу керамики, расписанную комбинированным способом. Такая группировка оправдывается тем, что вся остальная часть многоцветной керамики расписана не одним определенным способом, а несколькими одновременно: кистью, цветными пятнами, резервом и гравировкой. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с определенной комбинацией способов украшения.

Форма сосуда, разнообразные способы украшения и разноцветные керамические краски открывали грузинским гончарам большие возможности для проявления своих художественных способностей. Грузинская керамика этого типа богата и орнаментальными мотивами, и композиционно.

На мисках встречаются изображения птиц, животных, людей, растительные и геометрические мотивы. Обычно изображения птиц и животных, раскрашенные условно зеленой и желто-коричневой красками, представлены среди растительных побегов зеленого цвета. Буро-фиолетовая краска грузинскими керамистами используется и в этом случае очень ограниченно; этой краской обычно нанесены точки между изображением и растительным орнаментом, или же узкая полоса этой краски окаймляет композицию вокруг донышка или борта.

Самой излюбленной и распространенной темой грузинской позднесредневековой керамики является изображение птицы. Миски с фигурой птицы встречаются почти всюду, где только обнаружена керамика указанного выше периода: в Дманиси, Гударехи, Тбилиси, Дзвели Анага, Рустави, Икалто, Гори, Триалети, Салесавис Хеви и других пунктах. Фигура птицы, выполненная способом гравировки, занимает на мисках центральное место (рис. 3, *1*, *2*, *3*); изображена в профиль, влево, в боевой позе, создающей впечатление хищности. Птица представлена среди растительных орнаментов, из которых один обычно дается резервом, а другой (зеленого цвета) — гравировкой. Наконец, характерны буро-фиолетовые точки, разбросанные по свободному пространству миски.

Миски из Тбилиси (рис. 3, *1*), Дманиси (рис. 3, *2*), Гударехи, Гори (рис. 3, *3*), Дзвели Анага и др. имеют общие черты. Несмотря на то, что они происходят из разных мест, у птиц, изображенных на мисках, одинаковые по очертанию фигуры (боевая поза, созданная выступающей вперед грудкой, загнутый клюв, сильные ноги и лапы); распределение красок, разбивка крыла на три части, расположение растительных мотивов и вообще вся композиция (за исключением некоторых деталей) — общие. Миски с изображением птиц указанного типа были распространены во многих пунктах средневековой Грузии. Здесь же следует заметить, что на мисках изображались не только хищная птица описанного выше типа, но и другие птицы, вроде павлина с длинной шейкой и клювом и др.

На грузинской керамике изображаются и животные. Обломки глазурованных мисок с изображениями животных в достаточном количестве

найдены в Дманиси, Гударехи, Тбилиси, Каспи, Самшвилде, Икалто и других пунктах. К сожалению, за некоторыми исключениями, все обломки настолько малы, что по ним трудно определить, какое животное изображается в том или ином случае. По обломкам видно, что животные, так же как и птицы, изображаются среди растительных орнаментов; раскраска и здесь условная: применяются зеленые и светлокоричневые краски. Буро-фиолетовой краской нанесены только точки. Особенно интересной следует считать большую миску из Каспи с изображением льва среди растительных мотивов (рис. 3, *4*). Миска эта найдена вместе с двумя другими мисками меньшего размера (рис. 3, *5*, *6*); она имеет плоские и широкие края, низкие борта и кольцевую ножку. Центральную часть миски занимает крупная фигура льва, выполненная гравировкой. Грива, грудь, живот и внутренние стороны задних ног, густо покрытые шерстью, окрашены зеленой краской, а вся остальная часть фигуры — желто-коричневой, причем части фигуры, покрытые шерстью, подчеркиваются также дугообразными линиями и углубленными точками или же штрихами (круп, конец хвоста). Фигура повернута вправо, морда обращена к зрителю, передние лапы согнуты как бы для прыжка, сильный хвост загнут между ног. Линии смелые и точные. Растительные мотивы даны тут с характерной для грузинской керамики скупостью. Эта миска — один из лучших образцов средневековой грузинской керамики и по стилю и характеру рисунка органически связана со всей грузинской керамикой этого периода. Она и в техническом отношении является лучшим образцом грузинской керамики с красным черепком.

По художественному исполнению не уступает ей фрагментированная миска с низкой кольцевой ножкой из Тбилиси (Тбилисская археологическая экспедиция 1948 г.), на которой изображена фигура крупного и сильного зверя (рис. 3, *7*). Морда и лапы зверя не сохранились. Фигура зверя представлена среди типичных для грузинской керамики зеленых растительных мотивов.

Наконец, несколько обломков большой миски с изображением фигуры зверя, также среди растительных мотивов, найдено и в Самшвилде[1]. На обломках сохранились лишь задняя часть тулова зверя, задние лапы и длинный хвост. В отличие от названных образцов, растительные мотивы слишком густо заполняют свободные пространства миски в виде многочисленных стебельков, выступающих из основных стеблей и заканчивающихся трехлистниками. Злоупотребляет художник и буро-фиолетовыми точками — они нанесены повсюду. Эта миска как по стилю, так и по некоторым орнаментальным деталям (трехлистники) и даже тону зеленой краски отличается от образцов грузинской керамики названного типа.

Обломков с человеческими изображениями всего шесть — пять из Дманиси и один из Гори. На дманисских обломках изображено лицо человека, а на горийском — часть фигуры (не сохранились ноги и голова). На одном из дманисских обломков человеческое лицо нанесено кистью по белому ангобу и покрыто прозрачной глазурью, на остальных четырех изображения выполнены гравировкой. На трех других больших обломках имеются крупные изображения человеческих лиц. Они заключены в ободки из двух концентрических кругов, пространство между которыми окрашено буро-фиолетовой или коричневой краской. За буро-фиолетовым

[1] Указанные обломки, так же как и ряд других, были найдены в Самшвилде у главного храма старшим научным сотрудником Института истории грузинского искусства Н. Г. Чубинашвили, который нам предоставил возможность изучить эту группу обломков. Пользуюсь случаем принести ему свою искреннюю благодарность.

кругом следует круг зеленого цвета, состоящий из двух широких полос, которые, переплетаясь, расходятся в четыре стороны, а к бортам миски опять, должно быть, сходятся и образуют миндалевидные листья[1] (рис. 3, *8*). Эти три изображения человеческих лиц имеют общие черты.

Еще одно изображение человеческого лица—на маленьком обломке миски из Дманиси, который представляет собой полуфабрикат. По размеру видно, что на миске изображалась не только голова человека, но и вся фигура.

Наконец, на горийском фрагменте сохранилась часть фигуры человека, почти от плеч до нижних конечностей выполненная гравировкой. Одежда имеет узоры в виде кружочков. Ясно видны согнутая правая рука и от руки влево кувшин с двумя ручками.

Вся остальная часть грузинской глазурованной многоцветной керамики с красным черепком украшена главным образом геометрическим и растительным орнаментами, хотя изредка встречаются и некоторые другие мотивы. Эта часть грузинской керамики преобладает и встречается повсюду, где только найдены обломки средневековой керамики. Орнаментальные мотивы выполнены гравировкой, но грузинские керамисты часто также прибегают к технике резервирования. В окраске орнаментов и в этом случае преобладают зеленая и желто-коричневая краски; буро-фиолетовой краской пользуются главным образом для контуров орнаментов и нанесения точек. Следует заметить, что керамика из Икалто (Кахети) в этом отношении представляет некоторое исключение. Наконец, общей характерной чертой и для этой части глазурованной керамики нужно признать манеру включать всю композицию изображений на мисках в круги (обычно два). Круги выгравированы, и расстояние между ними иногда окрашено. Сосуды, расписанные собственно растительными мотивами, не встречаются. На мисках растительные мотивы сочетаются с геометрическими. В этой группе керамики очень распространенным приемом орнаментации является деление всей внутренней части миски на четыре сектора и заполнение этих секторов отдельными растительными орнаментами. Внутреннее поле мисок обычно расчленено на четыре сектора или крестообразно проведенными линиями, или радиальными несходящимися полосами (полоски эти в большинстве случаев коричневого цвета), или же крестообразно выгравированным четырехлистником с миндалевидными листьями (рис. 3, *9*, *10*). Обломки мисок, расписанных в указанном стиле, особенно характерны для гударехской керамики; часто встречаются такие же обломки и среди триалетской керамики; один большой обломок миски найден и в Гори. Несколько образцов керамики указанного типа было найдено в Икалто и Дманиси.

На образцах керамики из Икалто совершенно ясно наблюдается такой же стиль орнаментации, какой мы видели по гударехским (а также триалетским и дманисским) образцам, т. е. членение всего поля миски коричневыми полосами или поперечными линиями на секторы. Но тут отсутствуют всякие геометрические фигуры с растительным орнаментом внутри. Зато пространства между полосами заполнены большой группой буро-фиолетовых точек, или же, чаще всего, в углы диаметрально противоположных линий, разделяющих поле миски на четыре сектора, вписаны двойными дугами лепестки, составляющие маленькие розетки. Часто розетки составлены двумя пересекающимися восьмерками.

Наконец, есть еще один обломок миски с широкими полосками буро-фиолетового цвета, украшенными приемом резервации. Резервированные простые растительные мотивы украшают также и миску из Каспи (рис. 3, *6*).

[1] Л. В. Мусхелишвили. Раскопки в Дманиси. СА, VI, 1940, рис. 7, *4*.

Распространенным мотивом являются розетки, главным образом восьмилепестковые. Они состоят из миндалевидных лепестков совершенно правильной формы, расположены кругообразно и раскрашены поочередно зеленой и коричневой красками. Небольшого размера, эти розетки занимают центр миски, и надо полагать, что поля миски были украшены не только розетками (рис. 3, *11*).

Ряд образцов глазурованной керамики с красным черепком расписан геометрическим орнаментом. Так, например, третья чаша из Каспи расписана радиальными лучеобразными полосками зеленого и коричневого цветов (рис. 3, *5*). Такими же лучеобразными полосками зеленого и желтого цветов расписана фрагментированная чаша из Самшвилде, с той лишь разницей, что лучи отходят из маленького кружочка, помещенного в центре миски. Распространен и шахматный орнамент. Миски, расписанные этим орнаментом, были найдены в Дманиси и Гударехи. Надо полагать, что весь этот большой и разнообразный материал дает типичную картину развития глазурованной керамики средневековой Грузии.

Описанная выше глазурованная керамика с красным черепком производилась в Грузии. Кроме общих соображений, на которых мы не останавливаемся, о местном производстве говорят следующие факты.

1. В ряде пунктов по Грузии найдено то или иное количество бракованных образцов керамического производства, а также полуфабрикатов.

2. В некоторых пунктах найдены обломки глазурованной посуды с подглазурной грузинской надписью.

3. В Тбилиси, в старой части города, открыты остатки керамической мастерской, датируемой XII—XIII столетиями[1].

4. Керамические изделия вообще и глазурованная посуда в частности найдены во многих пунктах Грузии. По восточной Грузии находки образцов средневековой керамики зафиксированы в тридцати с лишним пунктах, а по западной — в четырех (Сухуми, Очемчири, Зугдиди и Цагери). Список этот, конечно, не полон, но в будущем он, несомненно, пополнится новыми данными.

Перечисленные факты, доказывающие местное происхождение глазурованной керамики, позволяют также в некоторых случаях установить отдельные центры керамического производства средневековой Грузии. Если считать неоспоримым, что там, где были найдены бракованные образцы и полуфабрикаты глиняной посуды, следует искать и центр керамического производства, то на данном этапе изучения истории грузинской керамической промышленности можно установить несколько центров ее в средневековье.

На основании предварительного изучения дманисской керамики руководитель Дманисской археологической экспедиции Л. В. Мусхелишвили еще в 1938 г. в своей отчетной статье о раскопках в Дманиси в 1936—1937 гг. совершенно справедливо отмечал: «...не может быть никакого сомнения в том, что посуда эта выделывалась на месте»[2]. Он указывал также, что «в Дманиси найдено несколько фрагментов, представляющих собой обломки полуфабрикатов, ангобированных и уже с прочерченным рисунком, но не подвергшихся глазуровке», и что на трех обломках есть грузинские подглазурные надписи. Дальнейшее изучение дманисской коллекции установило наличие среди раскопанного материала не только полуфабрикатов, но и образцов керамического брака, причем они исчисляются не единицами,

[1] Г. А. Ломтатидзе. К истории древнегрузинской керамической промышленности (на груз. яз.). «Наука и техника», № 8. Тбилиси, 1949.

[2] Л. В. Мусхелишвили. Ук. соч., стр. 444. Ту же мысль он повторил в другой статье — см. СА, 1940, VI, стр. 283.

а десятками (их 61). Кроме того, в Дманиси же найдено несколько обломков глиняных клиньев, вставляющихся внутрь обжигательных печей [1].

В Дманиси был также найден обломок глиняного треножника, назначение которого хорошо известно в керамической промышленности.

Обильный и неопровержимый материал в этом отношении дала Тбилисская археологическая экспедиция 1948—1949 гг. Института истории им. академика И. А. Джавахишвили. В старой части Тбилиси, в районе моста Трехсот аргвинцев, экспедиция открыла керамическую мастерскую. Здесь было выявлено семь обжигательных печей разной сохранности, расположенных близко одна от другой. Печи по вертикали состояли из двух частей: нижней — топочной, которая в плане имела грушевидную форму, и верхней — обжигательной, цилиндрической формы. Устье топки было перекрыто стрельчатым сводиком. Стены сложены из плоского квадратного кирпича, а нижняя часть топки — из совершенно не обработанных камней и частично из больших булыжников. Кирпичи сложены на глине. Интересно, что обжигательную часть печи с внутренней стороны опоясывали глиняные клинья, вделанные в стены на одном уровне с таким расчетом, чтобы клинья большей своей частью выступали наружу. Таких поясов из глиняных клиньев в печах было несколько ярусов (по предположению Г. А. Ломтатидзе — 4—5). Определенно установлено, что на этих клиньях для обжига, при помощи глиняных же S-образных крюков, вешались сосуды с ручками, а сверху укладывались миски. Такие клинья и крюки в большом количестве были найдены как в самых печах, так и вокруг и около них. Естественно, что в районе керамической мастерской в большом количестве, грудами были найдены бракованные образцы и полуфабрикаты глиняной посуды разной формы и назначения. Там же были найдены как целые готовые сосуды, так и большое количество обломков глазурованной керамики. На пространстве от мастерской к р. Куре была обнаружена водосточная трасса, состоящая из глиняных труб. Там же было найдено несколько ручных мельниц, материал для заготовки глазури — камешки и обломки кварца и полевого шпата, сосуды, наполненные белым порошком, каменная ступка, весы, глиняные треножники, словом — целый комплекс орудий и средств производства для мастерской керамической промышленности. Такого богатого материала для установления центра керамической промышленности в других частях Грузии пока не обнаружено, но некоторые признаки позволяют предположить керамическое производство и в других пунктах. Так, например, обломки полуфабрикатов имеются среди маленькой коллекции образцов позднесредневековой керамики из Икалто (Телавский музей), Дзвели Анага, а также среди подъемного материала на территории Руставской крепости.

Таким образом, по имеющимся теперь данным [2], Дманиси, Тбилиси, Икалто, Дзвели Анага, Рустави — вот центры керамической промышленности позднесредневековой Грузии.

Датировка грузинской средневековой керамики вообще, глазурованной в частности, основана на археологических данных, добытых Дманисской, Гударехской и Тбилисской экспедициями. Во всех этих трех пунктах керамическую продукцию сопровождали многочисленные нумизматические находки, которые облегчают датировку. В Дманиси за две археологические кампании найдено 350 монет, из них: грузинских 171, византийских 38,

[1] Более подробно о них будет сказано дальше.

[2] Ст. научн. сотр. Гос. музея Грузии нумизмат Д. Г. Капанадзе в 1942 г. видел в Сухумском музее большой обломок глазурованной миски с подглазурной грузинской надписью древнегрузинским письмом асомтаврули. К сожалению, во время моего осмотра сухумской коллекции в 1949 г. этого интересного фрагмента не оказалось.

происходящих из восточных стран 64, сильно изношенных и потому оставшихся не определенными 77. Хронологически этот материал распределяется следующим образом: самые древние монеты — византийские: VI, VII, IX, IX—X вв.— по одной монете, X в.— восемь, XI в.—23, XI—XII вв.— две, XIII в.— две монеты. Самые ранние грузинские монеты, найденные в Дманиси, датируются XII в.: Димитрия I (1125—1156 гг.) — одна монета и Георгия III (1156—1184 гг.) — две. Обе монеты восточных государств (Илдигизидов) также датируются XII в. Таким образом, монет XII в. всего семь. Сильно возрастает число монет главным образом за счет грузинских монет. В Дманиси найдены 163 грузинские монеты XIII в., из которых 100 монет царицы Русудан (1227 г.). Монет восточных государств XII—XIII вв.— шесть, а XIII в.— 37. Византийских монет XIII в. оказалось две. Всего монет XIII в.— 208. Резко падает количество монет в XIV в.; их найдено всего восемь: одна грузинская и семь восточных.

Прежде чем делать какие-либо выводы, нужно заметить, что византийские монеты IX—XI вв. часто попадаются вместе с грузинскими или восточными монетами XII—XIII вв. Поэтому при датировке керамики нумизматическими данными в отношении византийских монет необходимо проявлять некоторую осторожность, но игнорировать полностью эти монеты, конечно, не приходится. Следует особо отметить один из обломков глазурованной многоцветной миски с подглазурной грузинской надписью на обороте. На обломке сохранилось пять букв грузинской надписи, которые, к сожалению, поняты быть не могут, но палеографическими признаками хорошо датируются XI в. (рис. 2, *3*, *4*). На это справедливо указывал еще Л. В. Мусхелишвили в 1938 г[1]. Гударехская керамика по найденным вместе с ней монетам XII—XIII вв. датируется XII—XIII вв.

Тбилисская археологическая экспедиция 1938—1939 гг. вместе с богатой керамикой дала не менее богатый нумизматический материал[2]. При раскопках керамической мастерской среди большой кучи отбросов производства, а также на территории мастерской было обнаружено 140 монет. Самым интересным фактом нужно считать открытие человеческого захоронения на территории мастерской. В кармане (или, может быть, кисете из материи) погребенного обнаружены 132 монеты. В составе этой находки оказалось: монет, чеканенных именами царицы Тамары и ее супруга Давида Сослана,— три (1200 г.), царицы Русудан — 84 (1127 г.), Ильдигизида Абубекра — 32 (XII—XIII вв.), румских сельджуков — три, Джелал Эддина — три (1226 г.) и, наконец, один арабский фельс IX—X вв. Шесть монет ввиду изношенности невозможно было определить. Из остальных монет, найденных Тбилисской экспедицией, заслуживают внимания монеты Георгия III, царицы Тамары, Георгия IV и царицы Русудан. Эти нумизматические данные датируют тбилисскую керамику и мастерскую XII—XIII вв. Результаты первой кампании Руставской археологической экспедиции 1950 г. тоже говорят о том, что руставскую керамику нужно датировать XII—XIII вв.

Наконец, для датировки грузинской керамики интересно отметить, что в 1930 г. в Двири был найден клад византийских золотых монет в глиняном горшочке, накрытом маленькой глазурованной солонкой. Аналогичные солонки найдены всюду, где только была обнаружена

---

[1] Л. В. Мусхелишвили. Ук. соч., стр. 403.

[2] С результатами Тбилисской экспедиции я ознакомился по отчетному докладу руководителя экспедиции Г. А. Ломтатидзе, который любезно предоставил мне рукопись доклада. Подробности о нумизматических данных сообщены мне Д. Г. Капанадзе. Обоим исследователям приношу глубокую благодарность.

средневековая грузинская керамика. В горшочке оказалось 49 византийских золотых монет XI в. и один арабский пробитый диргем VIII в.

На основании всего изложенного представленная часть грузинской керамики датируется XI—XIII вв.; особое распространение эта керамика, на основании археологических же данных, получает в XII—XIII вв.

Изучение грузинской керамики XI—XIII вв. ставит перед нами ряд вопросов, требующих разрешения. Отсутствие систематических раскопок (изучение средневековых городищ Грузии на сегодня ограничивается лишь кратковременными археологическими кампаниями) затрудняет решение основных вопросов развития средневековой керамической промышленности Грузии. Однако, на основании имеющегося материала, нам кажется возможным выдвинуть некоторые из этих вопросов.

В чем выражается самобытность грузинской керамики данного периода? Эта керамика является грузинской не только по своему местонахождению, но главным образом потому, что она имеет свои собственные характерные черты, отличающие ее от керамики любой другой страны данного периода. Прежде всего заметим, что грузинская керамика не выпадает из общего развития закавказской и ближневосточной керамики данного периода; керамические краски, глазури, техника украшения, часто даже тема и композиция — общие. С другой стороны, своеобразность грузинской керамики выявляется в формах сосудов, орнаментальных мотивах, распределении орнамента и красок на поверхности сосуда, тонах и сочетании красок и главным образом в понимании и трактовке художественных мотивов. Оригинальность грузинской керамики особенно ярко выявляется при сопоставлении ее орнаментов с орнаментами на керамике других стран, имеющей аналогичные мотивы.

Для примера можно взять изображение птицы на глазурованных мисках. Фигура птицы — хорошо известный мотив средневековой керамики Ирана, Армении, Азербайджана, Херсонеса, Византии и других стран, но тип хищной птицы с ее описанными выше чертами и боевой позой нигде так четко не оформлен, как на грузинской керамике. Очень важно то, что в данном случае мы имеем дело не с узко местным явлением, а с общегрузинским; это изображение совершенно одинаково понимается и трактуется гончарами Дманиси и Гударехи, Тбилиси и Гори, Дзвели Анага и Икалто и т. д. При этом интересен не только рисунок, но и композиция: птица трактуется среди растительных мотивов, но если, например, в иранской керамике фигура птицы втиснута в круг, поле которого так заполнено растительным орнаментом, что получается впечатление птицы, запутавшейся в растениях, то в грузинской керамике наблюдается обратное явление: вокруг птицы оставлено свободное пространство и растительные орнаменты даны очень скупо. Тождественны по стилю и миски с изображениями животных, найденные в разных местах Грузии.

Подробное изучение синхронного материала позволяет нам заключить, что грузинская керамика не копирует, не подражает керамике других стран, а создает свои собственные формы, художественные мотивы, собственный стиль и имеет вполне самобытный облик. Эта область грузинской материальной культуры идет в ногу с общим развитием грузинской культуры эпохи великого грузинского поэта Шота Руставели.

На основании изучения большого археологического материала можно прийти к выводу, что а) производство ангобированной глазурованной керамики с красным черепком широко было развито в средневековой Грузии, б) керамическая промышленность данного периода вполне оформлена и развита, в) она оригинальна и самобытна.

Р. К. КУЛИКАУСКЕНЕ

ПОГРЕБЕНИЯ С КОНЯМИ У ДРЕВНИХ ЛИТОВЦЕВ

Одним из наиболее интересных, наиболее характерных погребальных памятников Литвы являются погребения с конями, или так называемые «конские погребения», количество которых значительно.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов относительно самого термина «конские погребения». Он обозначает погребения, в которых, кроме различного инвентаря, находятся захоронения одного или нескольких коней. В сущности этот термин неточен, так как отдельных конских захоронений (без захоронения хозяина коня) не было.

В исследованных в центральной Литве памятниках были обнаружены массовые конские захоронения. В некоторых местах (Пакапяй, Вершвай, Римайсяй) трупосожжения были обнаружены в одной части могильника, а несожженные кони — в другой. Это выделение конских захоронений и их концентрация в одном месте дали основание для создания термина «конские погребения», или «конские могильники».

Необходимо отметить, что обычай захоронения коня вдали от погребаемого хозяина не должен вызывать удивления, так как замечено, что в Литве в конце I и начале II тысячелетия существовал обычай закапывать в некоторых случаях погребальный инвентарь отдельно от умершего; по-видимому, по верованиям того времени, этот инвентарь в «загробной жизни» должен был служить тому, кому он предназначался, независимо от того, где он был закопан. Так же поступали и с конями.

Отдельные захоронения с конями на территории Литвы впервые были найдены в середине прошлого века Киркором, но изучены они были только в конце XIX в. Исследователь восточнолитовских курганных могильников Ф. В. Покровский подметил, что в курганных мужских погребениях среди инвентаря встречаются и предметы конского снаряжения, а иногда погребениям сопутствуют захоронения коня[1]. Позднейшие исследователи тоже обращали свое внимание на это характерное явление. Так, например, те курганы, в которых были обнаружены конские скелеты или только предметы конского снаряжения, В. Шукевич выделил в отдельную группу[2]. В XX в. число обнаруженных захоронений с конями увеличилось. В восточной Литве такие захоронения были исследованы в Лапушишках[3]

---

[1] Об основных результатах исследований Ф. В. Покровского см. Тр. IX АС в Вильне в 1893 г., тт. I и II, 1895 и 1897 гг.; Тр. X АС в Риге 1896, т. I, 1899.

[2] W. Szukiewicz. Strefy archeologiczne na Litwie. «Rocznik Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie», 1819, стр. 10.

[3] J. Ziogas. Archeologiški Tyrinejimai Gaidės apylinkėje. «Lietuvių Tauta», 1, 3, стр. 313—333.

(б. Зарасайского уезда) и в курганах в Старых Мацяляй, Пликишкяй, Жингяй[1] (все б. Вильнюсского и Тракайского уездов). В западной Литве обнаружены пока только отдельные захоронения с конями, в то время как в центральной Литве исследования, произведенные в 1938—1940 гг., выявили несколько особенно больших могильников с массовыми захоронениями коней.

Все до сего времени исследованные в различных районах Литвы погребения с конем не одновременны. Самые ранние погребения с конями в Литве относятся ко II—I вв. до н. э., о чем говорит исследованный в 1950 и 1951 гг. Курмайчский могильник (район Кретинга). Здесь в кургане № 3 при трупосожжении вместе с керамикой были обнаружены и зубы коня. То же самое явление замечено и в погребении № 9. Поэтому можно предположить, что в Литве уже на рубеже I тысячелетия н. э. в отдельных случаях начали хоронить коней вместе с их владельцами. В этот период такое явление встречается еще довольно редко, но со временем оно распространялось все шире и шире, что подмечено в ряде исследованных более поздних памятников. В упомянутом Курмайчском могильнике, в погребении № 23, датируемом III—IV вв. н. э., обнаружено конское захоронение с остатками бронзового снаряжения, а в так называемом «коллективном погребении», в котором исследованы четыре трупоположения и конское захоронение, найдены и железные удила[2]. Этот характерный для литовских племен обычай подмечен и на нынешней территории Латвийской ССР, недалеко от Литвы, в Мазкатуши (район Руцава), где имеется одно погребение с конем, датируемое тоже III—IV вв. н. э.[3] Этим же временем до сих пор было принято датировать и конское захоронение в Лаздининкай (район Кретинга), но эта датировка вызывает некоторые сомнения. Нужно отметить, что в Лаздининкайском могильнике были открыты погребения разных периодов железного века. Упомянутое конское захоронение было датировано III—IV вв. только потому, что оно обнаружено вблизи человеческих погребений III—IV вв. Но оно могло принадлежать и позднейшему погребению, так как конь был захоронен отдельно от хозяина, и связать его с определенным человеческим погребением невозможно.

Аналогичным конскому захоронению в Лаздининкай является конское погребение в Рудайчяй, обнаруженное во время исследований 1940 г. Здесь тоже было найдено отдельное конское захоронение, находившееся вблизи трех трупосожжений, которые относятся к IX—XII вв. Конское захоронение точно датировать тоже нельзя, так как Рудайчяйский могильник в целом датируется временем от III—IV в. до начала II тысячелетия.

Повидимому, эти конские захоронения в Лаздининкай и Рудайчяй можно датировать не III—IV вв., а более поздним временем. Об этом говорит то характерное для более позднего времени обстоятельство, что кони захоронены отдельно от своих хозяев.

Очень интересное захоронение с конем в западной Литве имеется в могильнике Рекяте (Салантайского района)[4], исследованном в 1940 г. Так как здесь конское захоронение находилось в одной яме с человеческим погребением и поэтому может быть точно датировано, мы остановимся на нем несколько подробнее. В погребении № 35 этого могильника, с левой сто-

---

[1] W. Holubowicz. Pięc lat pracy terenowej museum archeologicznego Universiteta Stefana Batorego. «Rocznik archeologiczny», I. Wilno, 1937.

[2] Дневники исследований и весь материал находятся в Институте истории Литвы АН Литовской ССР.

[3] Результаты исследований в Мазкатуши находятся в Рижском историческом музее.

[4] См. рис. 8 к статье Моора «Возникновение классового общества в Прибалтике», помещенной в настоящем сборнике.

роны человеческого скелета, лежал на левом боку конский скелет. Коню в пасть были вдеты железные удила с очень большими кольцами на концах, отличающиеся от обычных удил того времени. Кроме того, на лбу конского скелета лежали две железные шпоры, повидимому принадлежавшие хозяину коня. Это погребение своим богатым инвентарем заметно выделялось среди других погребений в Реките. Выше головы погребенного лежали железная коса, втульчатый железный топор с немного расширяющимся острием; с правой стороны находились два железных наконечника копий с профилированными верхушками. У пояса одежда умершего была застегнута двумя арбалетовидными фибулами, из которых одна была бронзовая, а другая серебряная. На левой руке был бронзовый браслет с утолщающимися круглыми концами, а на пальце той же руки находился бронзовый спиральный перстень. Кроме того, в области груди найдено несколько разделителей ремня[1]. Весь этот инвентарь позволяет датировать погребение довольно точно — концом V и началом VI в.

Интересно заметить, что, начиная с первых веков нашей эры, очень часто в мужских погребениях находится конское снаряжение; самого же коня не хоронили вместе с покойником. Это явление наблюдается особенно часто с половины I тысячелетия н. э. Так, в том же самом могильнике Реките почти во всех мужских погребениях обнаружено конское снаряжение; повидимому, их следует считать погребениями всадников.

В восточной Литве, в районе курганов, захоронения с конем, относящиеся ко второй половине I тысячелетия, известны из двух местностей: Антазаве[2] и Римшенай Швенчионского района[3]. В Антазаве конь был захоронен вместе со своим хозяином, а в Римшенай части конского скелета были найдены над остатками трупосожжения. Кроме того, еще одно захоронение этого периода было исследовано в 1938 г. в Лиепинай (Мариампольского района)[4].

Но особенно много захоронений с конями появляется с конца I и начала II тысячелетия (800—1200 гг.). В этот период имеются уже не только отдельные, но и массовые захоронения коней, являющиеся характерными погребальными памятниками этого периода. Одиночные конские захоронения этого времени исследованы в Паулайчяй и Никеляй (Прекульского района)[5], в Скомонтай (того же района)[6]; особенно они часты в восточной Литве, в районе курганных могильников.

Очень редким является конское захоронение в Никеляй. Конь здесь был захоронен в одной могиле со своим хозяином (на расстоянии 48 см от него). Погребение отличалось особенно богатым инвентарем. Умерший был похоронен с оружием (двумя копьями, однолезвийным мечом в деревянных ножнах, положенным на груди), украшениями (подковообразной фибулой, витой гривной с петельчатыми концами, бронзовым массивным браслетом, спиральными кольцами) и с орудиями труда (железной косой и серпом). На покойнике был кожаный пояс, поверхность которого украшена бронзовыми продолговатыми узкими пластинками. Конь захоронен с полным снаряжением: в зубы вдеты удила, шея украшена бронзовой витой гривной, у нижней челюсти оказались бронзовые пластинки,

---

[1] Дневники исследований находятся в Каунасском гос. художественном музее.

[2] Ф. В. Покровский. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы. Тр. IX АС в Вильне, т. II, 1893, стр. 163—164.

[3] Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии, отд. оттиск из Тр. X АС в Вильне, т. I, 1899, стр. 7.

[4] Дневники исследований находятся в Каунасском гос. художественном музее.

[5] «Senove», IV, стр. 284—286.

[6] «Senove», I, стр. 30—43.

различного вида оковки и спиральные кольца. Погребение можно датировать X—XI вв.

В Скомонтай умерший был сожжен и погребен поверх несожженного коня. Погребение отличалось тем, что конь от своего хозяина был отделен вымощенной площадкой из камней. Поверх трупосожжения тоже была вымощенная площадка, но только меньших размеров (рис. 1).

Если в западной Литве кони чаще всего хоронились несожженными[1], то в восточной захоронения более разнообразны: иногда мы встречаемся с трупосожжением человека (в этот период в восточной Литве господствовал обряд трупосожжения), захороненного вместе с несожженным конем, как, например, в Лапушишках (б. Зарасайского у.)[2] или Швейцарай (Вильнюсского района)[3], но довольно часто здесь кони сжигались вместе со своим хозяином, о чем говорят уже упомянутые курганы в Швейцарай, Зезюлках (б. Лентупяской вол. Швенчионского уезда)[4] и Засвиряй[5]. В этих местностях вместе с сожженными человеческими костями были найдены и сожженные кости коня. Иногда же кони лежали отдельно от хозяина, даже в отдельных курганах. Подобное явление подмечено в Жингяй[6], Пликишкес[7] (Вильнюсского района) и Будрионис (б. Лентупяйской вол. Швенчионского уезда)[8].

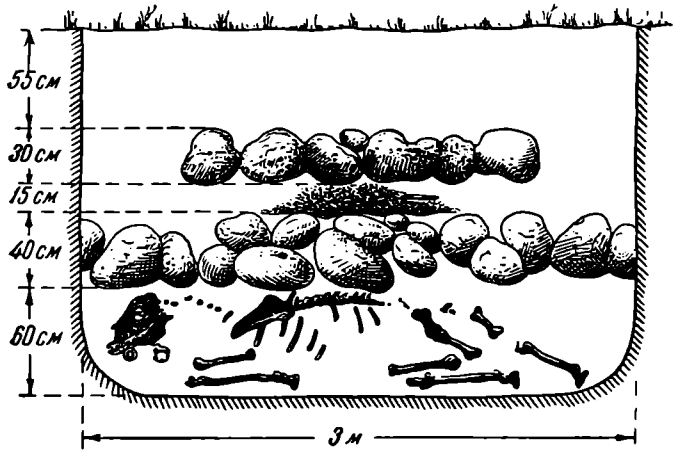


Рис. 1. Скомонтай. Площадка поверх трупосожжения.

По имеющимся до сего времени данным, массовые конские захоронения характерны только для конца I и начала II тысячелетия н. э. и обнаружены исключительно в центральной Литве. Подобные погребальные памятники были исследованы в Граужяй, Русейняй (Кедайняйского района), Пакапяй, Вершвай (Вилиямпольского района) и Римайсяй (Рамигольского района)[9]. Эти систематически исследованные могильники

[1] До последнего времени можно было утверждать, что в западной части Литвы кони всегда хоронились несожженными, но исследования 1951 г. в Лайвяй (район Салантай) внесли некоторые изменения. Здесь исследовано несколько погребений всадников с характерным для них инвентарем. В некоторых ямах обнаружены довольно большие куски сожженных костей, вероятнее всего принадлежащих коням. Погребения, судя по инвентарю, относятся к XI в. (материал еще не изучен).

[2] J. Ziogas. Ук. соч., стр. 314—324.

[3] Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Тр. IX АС, т. I, 1895, стр. 215—220; А. Спицын. Литовские древности. — Tauta ir žodis, III, стр. 154.

[4] Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии. Тр. X АС, т. I, 1899, стр. 125—132.

[5] Там же, стр. 79—97.

[6] H. Cehak-Holubowiczowa. Zabytki archeologiczne wojewodstwa Wilenskiego i Nowogrodskiego. Wilno, 1936, стр. 40; W. Holubowicz. Pięc lat pracy terenowej, стр. 86.

[7] Там же.

[8] Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии, стр. 137—143.

[9] Дневники и инвентарь, найденный при этих раскопках погребальных памятников, находятся в Каунасском гос. художественном музее.

дали более 500 отдельных конских захоронений, что позволяет более точно узнать господствовавшие в то время в Литве погребальные обряды.

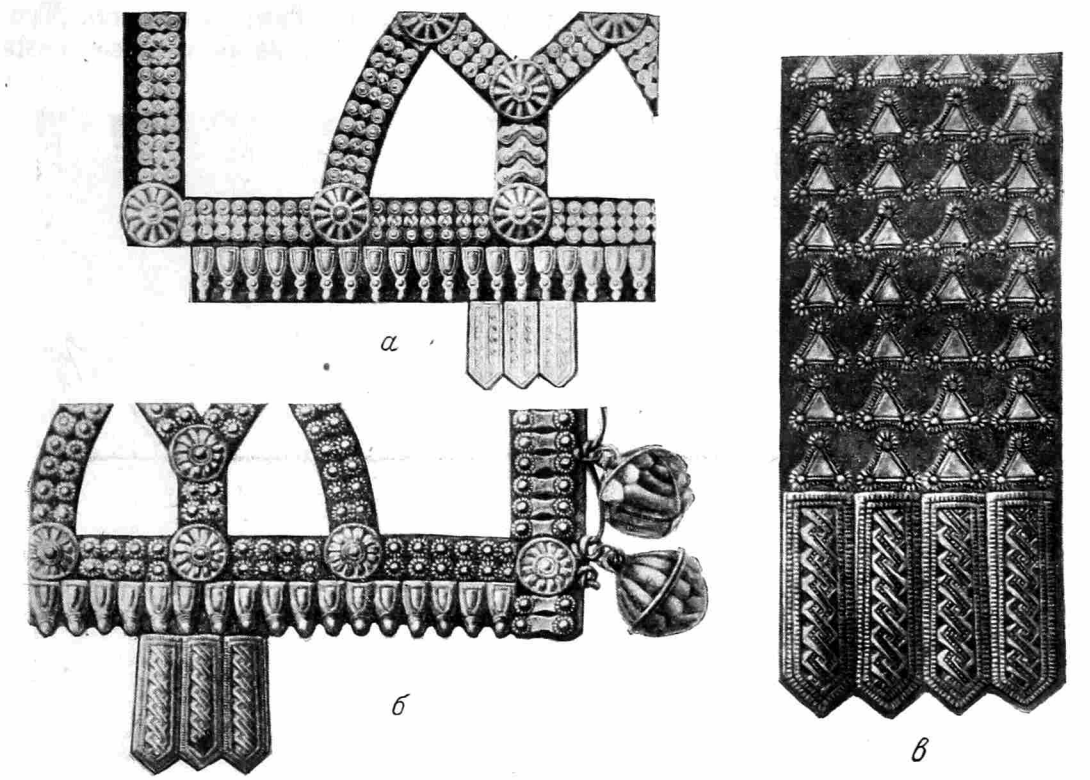


Рис. 2. Реконструкции узд.

Во всех упомянутых могильниках центральной Литвы коней обычно находили несожженными. Только в некоторых местах, как, например, в Граужяй и Русейняй, остатки трупосожжения человека находились поверх захоронений несожженных коней; в других могильниках — Пакапяй, Вершвай, Римайсяй коней хоронили отдельно, в одной части могильника, а людей — в противоположной. В таких случаях коней закапывали на глубине 20—40 см от поверхности земли. В конских захоронениях мы обычно находим один конский скелет, однако иногда встречаются два, три и даже восемь скелетов, которые лежат на боку, на спине или захоронены стоя. Конские скелеты обычно оказывались в неестественных положениях, и потому можно предполагать, что в некоторых случаях кони вталкивались в могилы живыми и закапывались. Это мнение особенно подтверждают некоторые конские захоронения в Вершвай, по которым можно судить, что коней, повидимому, для того, чтобы они вели себя

Рис. 3. Оковка узд.

более спокойно, хоронили с завязанными глазами или с надетыми на голову мешками, наполненными зерном[1]. Повидимому, коней перед захоронением очень утомляли. Об этом сообщают письменные источники, относящиеся к несколько более позднему времени. Так, например, Дусбург, описывая верования древних пруссов, пишет: «В настоящее время

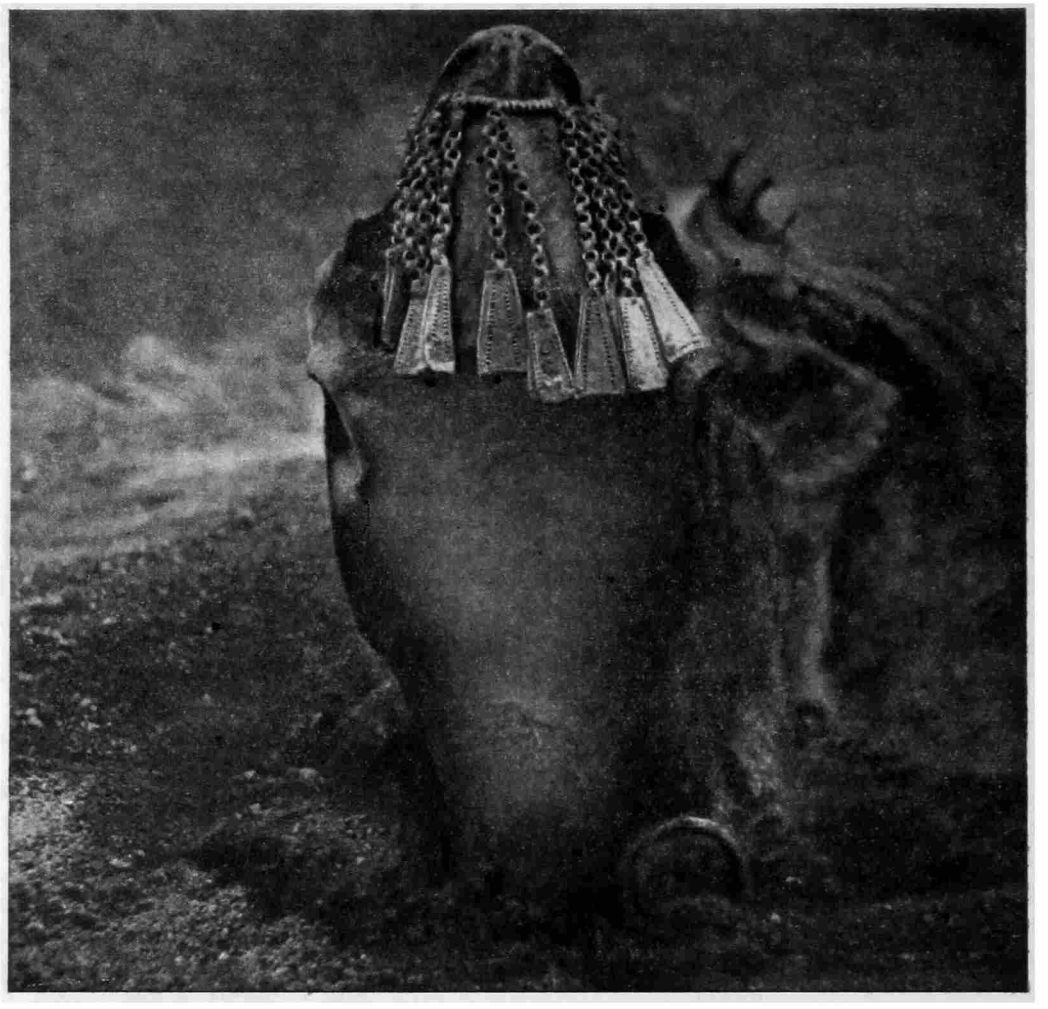


Рис. 4. Украшение головы коня, прикрепляемое к узде.

литовцы и другие неверующие этого племени упомянутую жертву по своему обряду сжигают в каком-нибудь святом месте, но коней так утомляют ездой, что они едва могут стоять на ногах»[2].

Коней хоронили со снаряжением, которое в некоторых случаях бывало не только богатым, но и роскошным. Их головы украшали характерными, встречающимися во всех исследованных могильниках бронзовыми спиральными пластинками. Число таких пластинок в отдельных захоронениях различно — от одной до трех. Поверхность пластинок орнаментировалась рядами мелких штрихов, а часто была и посеребренной. Во многих случаях в середине этих спиралей находились остатки льна или конопли,

[1] Дневники исследований находятся в Каунасском гос. художественном музее.
[2] Перевод на литовский язык хроники Дусбурга, находящийся в Институте истории Литвы АН Литовской ССР, № 41, стр. 54—55.

обмотанные ниткой, при помощи которой они прикреплялись к узде или к гриве. Очень часто в том же месте, в верхней части черепа, находили и янтарные бусины в виде двойного конуса со срезанными вершинами.

Особенно украшенными были узды, несколько экземпляров которых сохранилось в Вершвайском могильнике. Они удивляют нас своею роскошью. Узды изготовлялись из прочных кожаных ремней, поверхность которых почти вся покрывалась металлическими украшениями. Особенно

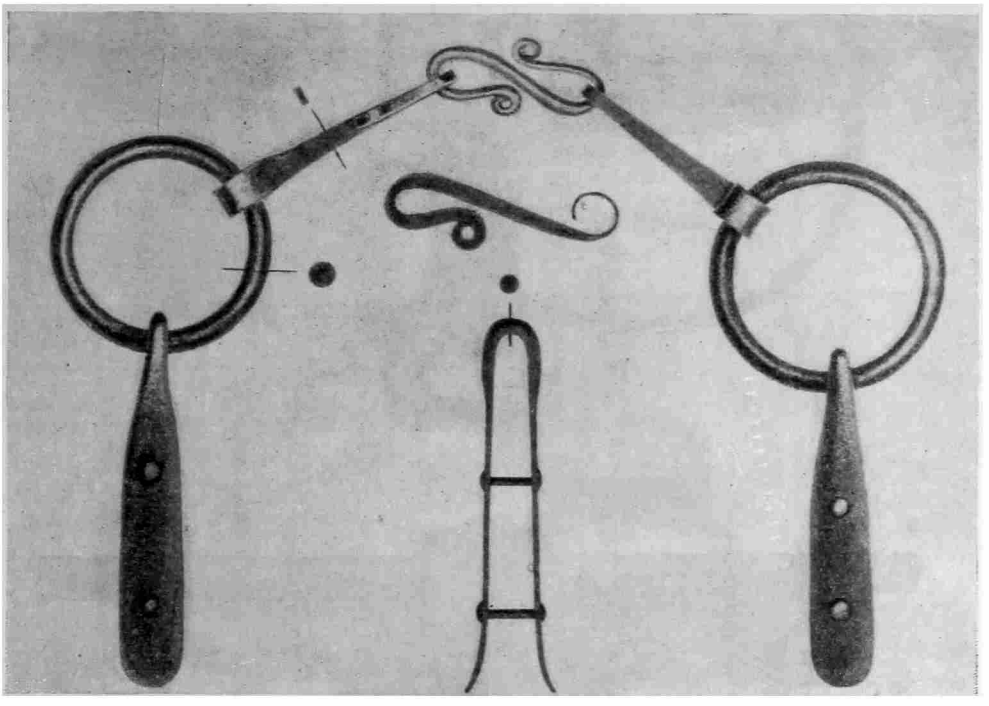


Рис. 5. Характерные трехчленные удила.

любили украшать ремни рядами посеребренных свинцовых кружочков (рис. 2, *а*, *б*, *в*). Иногда скрещения узд укреплялись характерными посеребренными крестовидными оковками (рис. 3). Кроме того, вдоль по обоим сторонам шел ряд бронзовых бубенчиков, которые, как правило, прикреплялись к боковым ремням узды, но иногда они украшали и верхнюю ее часть (например, в конском захоронении № 2 в Граужяй). Довольно часто узда украшалась рядами спиралей и цепочек, оканчивающихся различными, чаще трапециевидной формы, подвесками (рис. 4). Обычно у коней были вдеты удила, в большинстве случаев трехчленные, с круглыми кольцами на концах, форма которых, можно сказать, оставалась неизменной в продолжение всего железного века (рис. 5). Но как одиночные, так и массовые конские захоронения конца I и начала II тысячелетия дали много удил и с псалиями. Иногда они были ажурными, как, например, из Першукштай (б. Миколинская вол. Швенчионского уезда)[1], или богато инкрустированы серебром (Римайсяй, рис. 6).

Необходимо отметить найденные в Граужяй и Русейняй двучленные удила с костяными, слегка изогнутыми псалиями, с украшенной поверхностью. В двух случаях в Граужяй были найдены костяные псалии со скульптурными изображениями конских головок. Аналогичные псалии

[1] Тр. IX АС, II, 1897, табл. X.

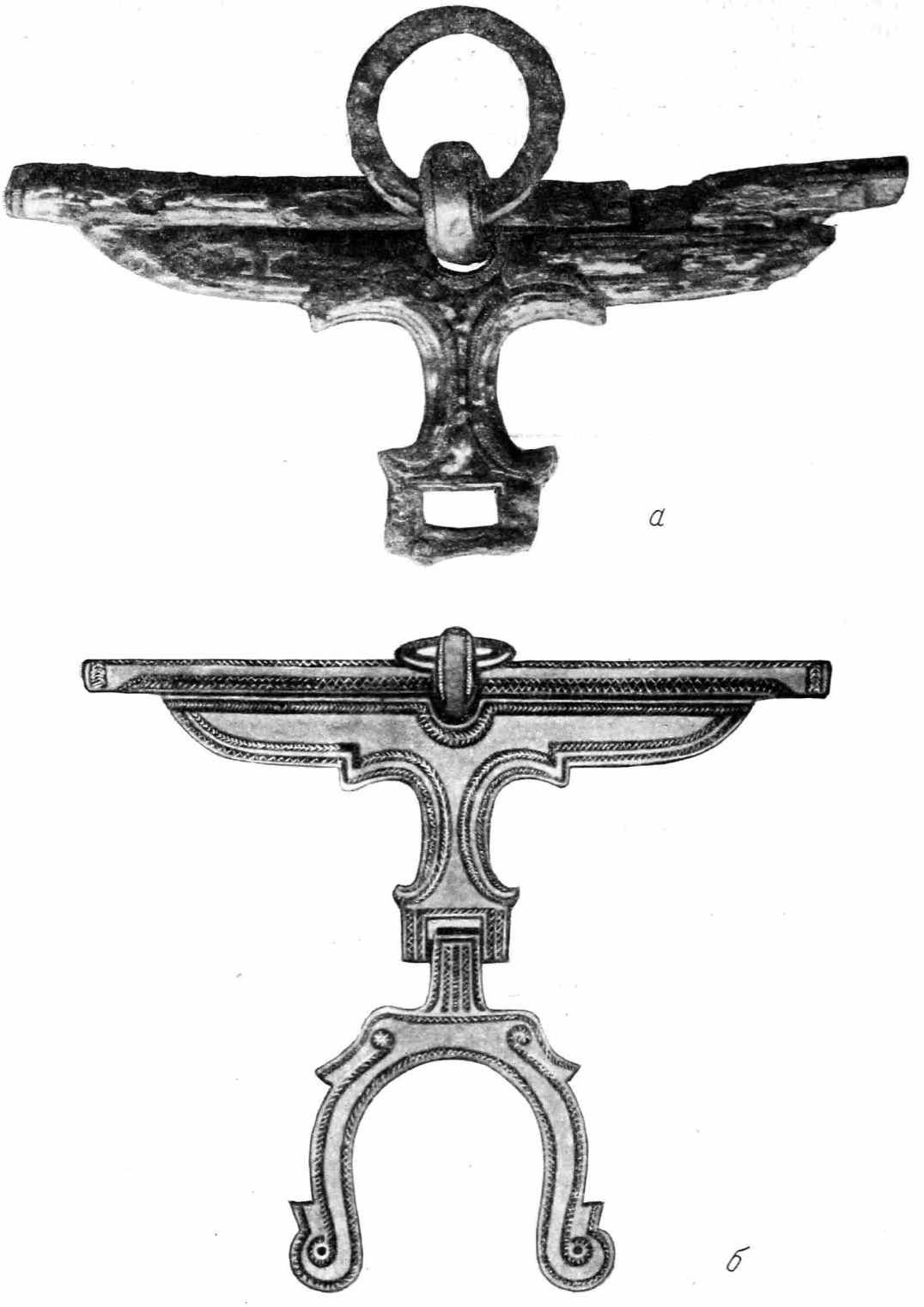


Рис. 6. *а* — посеребренные псалии удил из Римайсяй; *б* — реконструкция.

известны и из Вершвайского могильника, только здесь они были не костяные, а бронзовые. Если удила, в особенности трехчленные, известны уже из самых ранних захоронений, то стремена, по имеющимся до сего времени

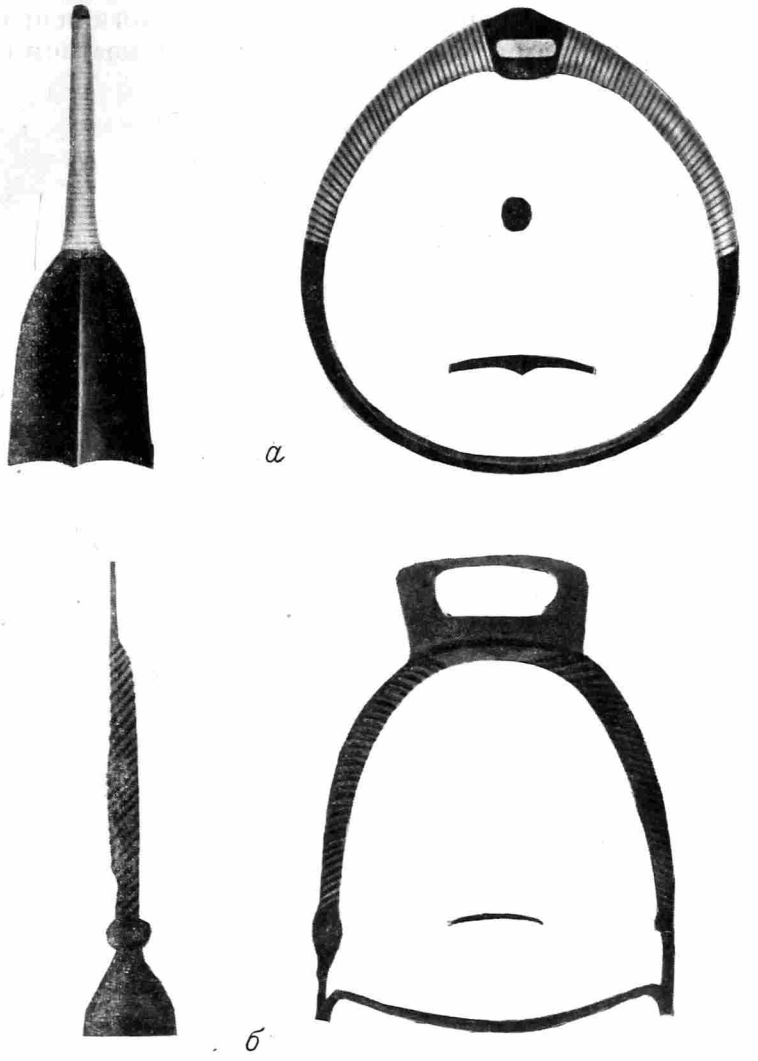


Рис. 7. Стремена из Граужяй.

данным, появляются только во второй половине I тысячелетия н. э. Наибольшее количество разнообразной формы стремян дали массовые конские захоронения. Находимые при конских скелетах стремена по своей форме очень разнообразны. Одни из них имеют ровное основание (рис. 7, *б*), другие — изогнутые (рис. 7, *а*), одни—овальную дужку, другие—плоскую. В зависимости от формы дужки стремена к седлу прикреплялись по-разному. Стремена с овальными дужками обычно имели в верхней части сплющенный четырехугольный выступ с четырехугольным же вырезом в середине, в который и продевались ремни (рис. 7, *б*). В стременах с плоской дужкой четырехугольный вырез делался в самой дужке (рис. 8). Стремена с овальной дужкой составляют бóльшую часть найденных стремян. Они в большом количестве были встречены в могильниках Граужяй и Вершвай, а также в курганах восточной Литвы. В некоторых случаях их поверхность была посеребренной (Вершвай, Граужяй).

Особенной роскошью отличаются стремена с плоской дужкой. Самые роскошные из них дал Римайсяйский могильник; здесь найдены стремена, дужки которых с обеих сторон были инкрустированы серебром и украшены разнообразным орнаментом. Надо отметить, что самые эти стремена (см. рис. 10 к статье Х. А. Моора) буржуазные археологи неправильно считали привозными изделиями. Нельзя сомневаться в местном происхожде-

Рис. 8. Стремя из Римайсяй, покрытое серебром.

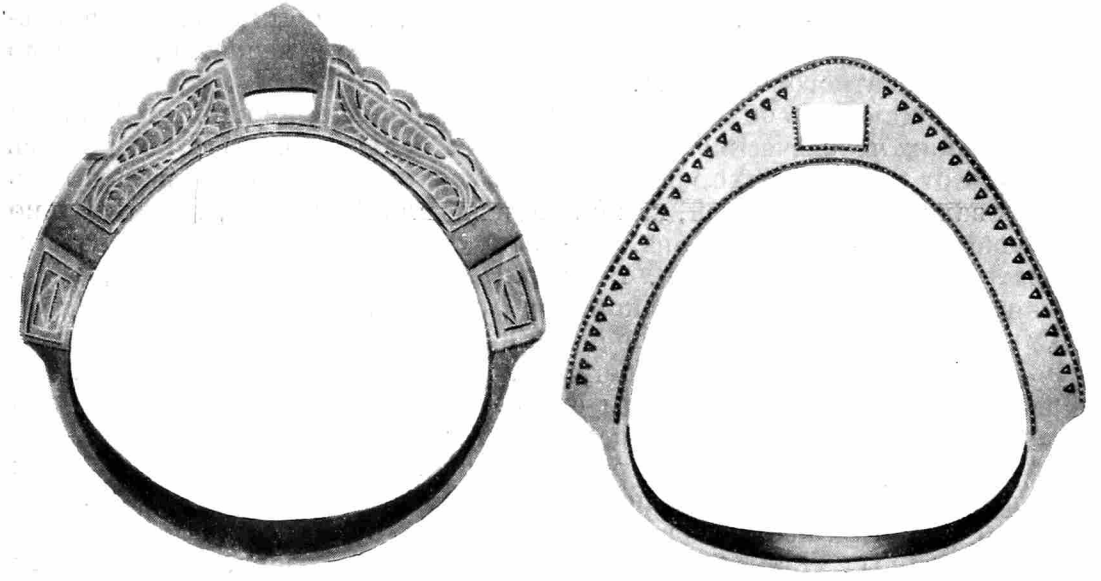
нии как этих стремян, так и вообще всего богатого конского снаряжения. Примером предметов местного происхождения могут служить стремена из Пакапяй (рис. 9, *а*) и из Кейенай (рис. 9, *б*), инкрустированные серебром и украшенные характерным для этого периода орнаментом, состоящим из ряда расположенных по краям дужки мелких треугольников (рис. 9, *б*).

Конские шеи украшались витыми бронзовыми гривнами с коническими или петельчатыми концами (Вершвай), а хвосты — характерными бронзовыми, подобными браслетам, кольцами (Вершвай, Граужяй).

Большинство из указанных выше массовых конских захоронений на основании найденного в них материала датируется XI—XII вв.

Традиция хоронить коня вместе с человеком имела широкое распространение и у литовских пруссов, в особенности в области Сембов-Натангов. Здесь, как и в центральной Литве, особенно интенсивно она проявляется в конце I и начале II тысячелетия. Об этом говорят не только иссле-

дованные погребальные памятники, но и письменные источники. Например, в Христбургском договоре (1249) было помещено условие, что пруссы, причем не только они сами, но и их потомки, не должны ни сжигать умерших, ни погребать их вместе с конями или людьми, с оружием, одеждой и



а *б*

Рис. 9. Стремена: *а* — из Пакапяй; *б* — из Кейенай.

другими ценными предметами, ни выполнять других языческих обрядов, но своих умерших погребать по христианскому обычаю на церковных кладбищах[1].

* * *

Необходимо сделать некоторые выводы. Мы уже видели, что самые ранние погребения с конями на территории Литовской ССР появляются на рубеже и в первых веках нашей эры. Но эти захоронения не отличаются еще богатым инвентарем; наоборот, погребальный инвентарь, а также и конское снаряжение довольно просты. И только начиная с половины I тысячелетия н. э., в этих характерных погребениях появляется более богатый инвентарь как погребенного всадника, так и захороненного коня. Примером является упомянутое погребение № 35 в Реките, которое выделяется среди других погребений этого могильника не только наличием конского захоронения, но и принадлежащим всаднику разнообразным и богатым инвентарем, среди которого находим и серебряную фибулу. В этих характерных погребениях первых веков нашей эры можно проследить рост имущественного неравенства, которое около середины I тысячелетия н. э. очень ярко выражается в погребальных памятниках Литвы. Начиная со второй половины I тысячелетия н. э., все чаще появляются серебряные украшения (гривны, фибулы, браслеты и другие предметы), которые могли принадлежать только богатым людям. В этих богатых погребениях второй половины I тысячелетия н. э. с конями, ясно говорящих об имущественном положении захороненных, можно видеть самые ранние проявления социального неравенства в Литве.

---

[1] P. Pakarklis. Kryžiuočių valstybės santvarkos bruožai. 1949, стр. 240. Перевод договора на литовский язык.

Больше данных об образовании классового общества в Литве дают нам отдельные и особенно массовые захоронения с конями конца I — начала II тысячелетия. Так, упомянутое нами погребение в Никеляй резко выделяется из числа других погребений X в. не только наличием коня, но и оружием: кроме копий, на грудь был положен однолезвийный меч с двумя прямыми крестовинами. Можно предполагать, что обыкновенный земледелец такого оружия не имел и им не пользовался; вероятно, это было погребение знатного человека.

Как должны быть объяснены массовые захоронения с конями? В таких могильниках человеческие трупосожжения большей частью находились отдельно от конских захоронений. Если эти трупосожжения находились поверх захороненных коней, как в Граужяй или Русейняй, то они сильно разрушены, так как находились неглубоко от поверхности земли, и потому изучать их почти невозможно. Разрешать этот вопрос приходится, основываясь только на материале конских захоронений.

Уже тот факт, что коней хоронили с полным снаряжением, взнузданными и оседланными, показывает, что, по верованиям того времени, они должны были служить для езды своего хозяина-всадника в «загробной жизни». О том, какую важную роль играли кони в военных походах литовцев, говорит нам хроника Генриха Латыша. Автор описывает события начала XIII в., т. е. немного позднее, чем время упомянутых нами захоронений с конями, поэтому его сообщения очень ценны. Таких мест в хронике, в которых Латыш, описывая нападения литовцев, подчеркивает особую роль всадников, очень много. Поэтому, вероятно, мы не ошибемся, утверждая, что массовые захоронения коней и рядом с ними находящиеся трупосожжения людей являются погребениями воинов-всадников вместе со своими верными боевыми друзьями — конями. Очевидно, это не обыкновенные воины, которыми могли быть все литовцы, но воины-дружинники, являющиеся представителями уже феодального класса.

Некоторые из массовых конских захоронений обращают на себя особое внимание. Мы упоминали, что число захороненных коней колеблется от одного до четырех и даже до восьми. Неодинаковое количество совместно захороненных коней и наличие в некоторых из этих захоронений роскошного конского снаряжения должны быть объяснены сильным социальным неравенством. Богатый воин «брал» с собою в «загробную жизнь» и большее количество боевых коней. Герман Вартбергский рассказывает, что князь Альгирдас был сожжен с 18 боевыми конями[1].

Массовые конские захоронения позволяют утверждать, что на рубеже XI—XII вв. у литовцев уже существовал феодализм. Несомненно, что для выяснения вопроса об образовании в Литве классового общества необходимо еще исследование городищ этого периода. Большой интерес в этом отношении представляет, например, Вершвай, где наряду с открытыми особенно богатыми массовыми конскими захоронениями XI—XII вв. есть и совершенно не исследованное городище. Между ним и могильником существует, конечно, определенная связь. Возможно, что на этом городище было место обитания какого-то феодала, имевшего свою дружину. Надо полагать, что исследования городищ и других видов памятников, которые будут произведены в дальнейшем, выявят более конкретные и полные данные для разрешения затронутого здесь вопроса об образовании классового общества в Литве.

[1] «Scriptores Rerum Prussicarum», т. II, 1863, стр. 113.

М. К. КАРГЕР

К ИСТОРИИ КИЕВСКОГО ЗОДЧЕСТВА КОНЦА XI — НАЧАЛА XII в. ЦЕРКОВЬ СПАСА НА БЕРЕСТОВЕ

В старой археологической литературе церковь Спаса на Берестове обычно относили ко времени Владимира Святославича, считая ее одним из древнейших храмов Киева. Мнение это восходит к традиционным представлениям, сложившимся в Киеве еще в XVII в. Так, А. Кальнофойский в объяснительном тексте к гравированному плану Киева, приложенному к Тератургиме, писал: «Между западом и севером [от Печерского монастыря] идем дорогой через угол Спасский, т. е. мимо церкви Преображения Господня: ее построил из камня (zmurował) св. Владимир; но теперь стены ее едва стоят, мусор покрыл всю землю»[1]. К этому же времени относил постройку Берестовской церкви и автор Синопсиса, утверждавший, что Владимир повелел поставить в Киеве великую каменную церковь Спаса[2]. Постройкой Владимира считал Спасскую церковь и Петр Могила, как об этом свидетельствует ктиторская надпись, исполненная в фресковой технике над западным порталом церкви после восстановления храма: «Сию церковь созда великий и всея России князь и самодержец св. Владимир, во святом крещении Василий. По летех же многих и по разорении от безбожных татар произволением божиим обновися смиренным Петром Могилою архиепископом митрополитом Киевским, Галицким и всея Росии, екзархою святаго Константинопольскаго апостольскаго престола, архимандритом Печерским, во славу на Фаворе преобразившегося бога слова. 1643 года, от сотворения миру 7151».

Мнение о том, что церковь Спаса на Берестове является постройкой Владимира, основывалось, повидимому, на известии Хроники Стрыйковского, где в книге IV имеется следующий текст: «I kazał [Владимир] zmurować cerkiew w Kijowie Swiętego Spassa z kamie wielkiego, na tym miejscu, gdzie był bałwan Piorun przed tym chwalon, i cerkiew swiętego Wasila na imię swoje, ktoremu było przemieniono na chrziu, inszych tez cerkwi bardzo wiele na tych miejscach, gdźie przed tym rozmaite bałwany stały, roskzał nabudawać kosztem przewaznym»[3].

Ошибку Стрыйковского отмечал еще Е. Болховитинов, правильно указавший, что автор Хроники «смешал сказания Несторовы и вместо церкви

[1] «Тератургима». Киев, 1638, стр. 24.
[2] «Киевский Синопсис». Киев, 1836, изд. 5, стр. 77.
[3] «Kronika Macieja Stryjkowskiego». Варшава, 1846, т. I, стр. 132.

св. Василия, построенной на месте идола Перуна, назвал оную Спасскою, а Васильевскую второю, не упомянув даже о Десятинной»[1]. Объяснение этой путаницы Болховитинов видел в том, что польский хронист ошибочно перенес на Киев летописное известие о постройке в 989 г. церкви Спаса в Василеве.

Однако вплоть до недавнего времени находились защитники мнения о принадлежности Берестовского храма эпохе Владимира. К числу их относятся М. Берлинский[2], Н. Самойлов[3], автор текста к изданию И. Фундуклея «Обозрение Киева в отношении к древностям»— С. Крыжановский[4], М. Максимович[5], П. Лебединцев[6], Н. Сементовский[7], а в более позднее время — А. Павлинов[8], Ф. Шмит[9], Г. Лукомский[10] и некоторые другие.

Сторонники этого мнения особенно оживились в начале 60-х годов прошлого века, когда под слоями новой записи на стенах храма была обнаружена фресковая роспись достаточно хорошей сохранности, которую ревностные почитатели Берестовского храма не замедлили отнести ко времени Владимира или, по крайней мере, Ярослава.

Проведенная в 1863—1865 гг. по инициативе П. Лебединцева реставрация фресок, во время которой была раскрыта, а потом и грубо переписана роспись времени Петра Могилы, не отрезвила сторонников глубокой древности храма. Реставрационный комитет, состоявший из П. Лебединцева, С. Лашкевича и печально известного по реставрации софийских фресок И. Желтоножского — фактического производителя реставрационных работ, был непоколебимо убежден в том, что открываемые фрески церкви Спаса относятся ко времени кн. Владимира.

Критическое отношение к сенсационным известиям и слухам об открытии фресок «древнейшей всех ныне существующих в России церквей», широко распространившимся не только в киевской прессе, но и в столичных журналах и газетах, проявил в те же годы один из наиболее компетентных в ту пору знатоков киевского зодчества П. Лашкарев, подвергший справедливому сомнению прочно укрепившуюся датировку храма. Изучив технику кладки здания и учитывая некоторые факты, связанные с последующей историей храма, в частности неоднократные погребения в нем князей из рода Мономаховичей, Лашкарев пришел к заключению, что дошедшая до нашего времени «церковь Спаса на Берестове, принадлежавшая монастырю, основанному во второй половине XI в., построена была византийскими зодчими в первой половине XII в., и, может быть,

---

[1] Описание Киево-Софийского собора. Киев, 1825, стр. 8—9.
[2] М. Берлинский. Краткое описание Киева. СПб., 1820, стр. 44, 147.
[3] Н. Самойлов. Киев в начале своего существования. М., 1834, стр. 48.
[4] Обозрение Киева в отношении к древностям, изд. И. Фундуклеем. Киев, 1847, стр. 57.
[5] М. Максимович. Обозрение старого Киева. Собр. соч., т. II. Киев, 1877, стр. 91.
[6] П. Л [ебединцев]. Церковь Спаса на Берестове в Киеве, бывшая придворной св. вел. князя Владимира, древнейшая всех ныне существующих в России церквей. Киев, 1862.
[7] Н. Сементовский. Церковь Спаса на Берестове — древнейшая в России. «Киевлянин», 1867, № 87; его же. Древнейшая в России церковь Спаса на Берестове. Киев, 1877.
[8] А. Павлинов. Архитектура в России. Домонгольский период. «Вестник изящных искусств», т. VI, 1888, стр. 51; его же. История архитектуры в России. Домонгольский период. «Русск. худож. архив», 1892, вып. V—VI, стр. 255; его же. История русской архитектуры. М., 1894, стр. 17.
[9] Ф. Шмит. Искусство древней Руси — Украины. Харьков, 1919, стр. 36.
[10] Г. Лукомский. Киев. Мюнхен, 1923, стр. 10.

именно усердием Владимира Мономаха, желавшего иметь в ней усыпальницу для своего семейства»[1].

Со строительной деятельностью Мономаха связывали Берестовский храм, вслед за П. Лашкаревым, Н. Петров[2], Д. Слюсарев[3] и большинство современных авторов, писавших о Берестовском храме[4]. Убедительность доводов Лашкарева заставила даже и наиболее стойкого защитника глубокой древности памятника — Лебединцева — отказаться от своей точки зрения[5].

Были попытки связать постройку церкви Спаса со строительной деятельностью сына Мономаха — князя Юрия Долгорукого. К этому предположению склонялся Е. Е. Голубинский[6], а вслед за ним С. Голубев[7].

Опираясь на одноименность церкви Спаса на Берестове с собором Спаса в Чернигове, М. Д. Приселков высказывал слабо обоснованное предположение, что монастырь на Берестове был основан черниговским князем Святославом Ярославичем, назвавшим его по имени своего черниговского соборного храма Спаса[8].

* * *

Летописных известий о постройке церкви Спаса на Берестове нет. Первое упоминание о существовании Спасского монастыря в Киеве встречается в летописи под 1072 г.: в этом году игумен Спасский — Герман участвовал в торжестве перенесения мощей Бориса и Глеба из старой Вышгородской церкви Бориса и Глеба в новую, выстроенную кн. Изяславом Ярославичем. Повидимому, по имени этого настоятеля Спасский монастырь позже назывался «Германечь», как это явствует из летописного известия о нападении в 1096 г. половецких орд хана Боняка, которые, прорвавшись к южным окраинам города, «увратишася на монастыре и пожгоша монастырь Стефанечь, деревне и Германечь»[9]. Название монастыря по имени Германа позволяет думать, что последний и был если не основателем, то во всяком случае первым его игуменом.

Спасский монастырь на Берестове возник около 1072 г., однако не на пустом месте. Летописный рассказ о начале Печерского монастыря, занесенный еще в Никоновский свод 1073 г. и читавшийся там, по мнению А. А. Шахматова[10], под 1062 г., сообщает о существовании на Берестове

---

[1] П. Лашкарев. Что осталось от древней Киевской церкви Спаса на Берестове? «Тр. Киевской духовной академии», 1867, июль; Церковно-археологические очерки. Киев, 1898, стр. 114.

[2] Н. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1898, стр. 72.

[3] Д. Слюсарев. Церкви и монастыри, построенные в Киеве князьями, начиная с сыновей Ярослава до прекращения Киевского великокняжения. «Тр. Киевской духовной академии», т. I, вып. 1, 1892, стр. 423.

[4] К. Шероцкий. Киев (Путеводитель). Киев, 1917, стр. 254; Ф. Эрнст. Київ. Киев, 1930, стр. 484; Д. Ф. Красицкий и П. К. Федоренко. Усыпальница Юрия Долгорукого. М.—Л., 1948, стр. 14—15.

[5] П. Лебединцев. Спас на Берестове. «Киевская старина», т. XXII, 1888, июль. Документы, известия и заметки, стр. 3.

[6] Е. Голубинский. История Русской церкви, т. I (вт. полов.). М., 1904, изд. 2, стр. 301—302.

[7] С. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. II. Киев, 1898, стр. 447, прим. 81.

[8] М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 120—121.

[9] Ипат. лет. 6604 (1096 г.).

[10] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 444—445.

еще при Ярославе церкви Апостолов, в которой начал свою церковно-политическую карьеру будущий первый русский митрополит Иларион: «...боголюбивому князю Ярославу любяще Берестовое, и церковь сущую святых апостол, и попы многы набдящу и в них же бе прозвутерь, именем Ларион, мужь благ и книжен и постник»[1].

Возможно, что церковь Апостолов была дворцовым храмом княжеского села Берестова еще при Владимире, который, как известно из других летописных сообщений, имел на Берестове свой дворец. Позже церковь Апостолов не упоминается в источниках; очевидно, монастырь Спаса, выстроенный Германом или при его участии, заменил старую церковь Апостолов.

В течение XII в. церковь Спаса на Берестове упоминается неоднократно в Киевской летописи в качестве княжеской усыпальницы. В 1138 г. «...преставися Еуфимия Владимировна [дочь Владимира Мономаха.— *М. К.*] и положена бысть на Берестовемь, у святого Спаса»[2]. В 1158 г. «...преставися Киеве Гюрги Володомиричь [Юрий Долгорукий.— *М. К.*], князь Киевский, месяца мая, в 15, в среду на ночь, а заутра в четверг положиша у монастыри св. Спаса»[3]. В 1173 г. «...преставися благоверный князь Глеб, сын Юрьев, внук Володимерь в Киеве, княжив 2 лета... И съпрятавше тело его и положиша и у святого Спаса в монастыре, иде же его отець [кн. Юрий Долгорукий.— *М. К.*] лежить»[4].

Высказывалось справедливое предположение[5], что здесь же была погребена и супруга Мономаха, умершая в 1127 г., в княжение ее сына Мстислава[6].

Приведенные летописные известия о погребении в церкви Спаса на Берестове дочери, сына, внука, а вероятно и супруги Владимира Мономаха, несомненно, свидетельствуют о том, что основанный в конце XI в. «Германечь монастырь» явно стал в начале XII в. «отним» монастырем Мономаховичей.

Последнее упоминание о церкви Спаса на Берестове в Киевской летописи относится к 1231 г. В этом году «игумен Петр Спасьский» присутствовал в Софийском соборе при посвящении епископа Ростовского Кирилла[7].

Дальнейшая судьба храма мало известна. В 1543 г. польские королевские ревизоры, описывавшие города юго-западной Руси, перечисляя церкви Киева, упоминают среди прочих церковь Спаса[8]. В 20-х годах XVII в. Спасской церковью и Берестовым владела киевская митрополия, находившаяся в руках униатов. В 1631 г. униатский митрополит Рутский уступил Петру Могиле, тогда еще только печерскому архимандриту, «Спасский кут с церковью мурованною, подданными и всеми принадлежностями» в обмен на уступленные Могилой в пользу митрополии лаврские поместья на Софийской горе (т. е. в Старом Киеве)[9].

К началу XVII в. от древней церкви Спаса сохранились только руины. В объяснительном тексте А. Кальнофойского к плану Киева о Берестов-

---

[1] Ипат. лет. 6559 (1051) г.
[2] Лавр. лет. 6646 (1138) г.
[3] Ипат. лет. 6666 (1158) г., Лавр. лет. 6665 (1157) г. См. также Соф. I, Новг. IV, Новг. V, Воскр., Льв., Лет. Пер.-Суздал., Тип. лет. 6665 (1157) г. и Густ. лет. 6666 (1158) г.
[4] Ипат. лет. 6681 (1173) г.; то же в Лавр. лет., Воскр., Ник., Льв., Ерм., Лет. Пер.-Суздал. 6680 (1172) г.
[5] Д. Слюсарев. Ук. соч., стр. 423.
[6] «Княгини Володимеря преставися месяца июля 11 день», Ипат. лет. 6635 (1127) г.
[7] Лавр. лет. 6739 (1231) г.
[8] «Zrzodła do dziejow Polskich». Вильно, 1844 (цит. по Н. Закревскому. Ук. соч., т. I, стр. 30).
[9] С. Голубев. Ук. соч., стр. 448—449.

ской церкви сказано: «...теперь стены ее едва стоят, мусор покрыл землю»[1]. На самом плане изображены развалины большого каменного здания. Купола на церкви нет; одна из стен заделана бревнами, около здания груды мусора, на котором растет деревцо. Однако руины храма увенчаны крестом. Повидимому, несмотря на разрушение, церковь Спаса все же была в это время действующим храмом.

Мнение Н. Петрова, рассматривавшего упомянутое изображение на плане Кальнофойского как остатки дворца киевских князей Олельковичей и полагавшего, что от церкви Спаса, окончательно разрушенной Менглигиреем в 1472 г., к началу XVII в. «остались только развалины и мусор»[2], не имеет под собою серьезных оснований.

Реставрация церкви Спаса связана с именем Петра Могилы. Известно, что Петр Могила имел особые причины интересоваться восстановлением из руин тех древних киевских храмов, которые в ту пору связывались, порой без достаточных к тому оснований, с именем кн. Владимира. В церковно-политической борьбе между православной, униатской и католической церквами, развернувшейся на Украине в эту пору, памятники древнейшего киевского зодчества играли роль веских аргументов в пользу исконности православия на Руси. Наряду с восстановлением руин Десятинной церкви, оставшихся действительно от выстроенного кн. Владимиром древнейшего киевского храма, Петр Могила восстановил как постройки Владимира и церковь Василия (Трехсвятительскую), в действительности выстроенную в конце XII в., и церковь Спаса на Берестове, выстроенную в конце XI или в начале XII в. Возобновление Берестовской церкви было произведено, повидимому, между 1640 и 1642 гг.; в июне 1644 г. церковь была заново расписана греческими мастерами. О реставрационных работах Петра Могилы в церкви Спаса на Берестове свидетельствует несколько надписей на различных предметах, хранившихся в ризнице церкви, и две надписи, исполненные в технике фрески на стенах храма[3].

Среди фресковых изображений, исполненных в 1644 г. «перстами греков», т. е. афонскими стенописцами, обращает на себя внимание ктиторский портрет, изображенный в средней части храма над аркой, ведущей в алтарь.

---

[1] «Тератургима». Киев, 1638, стр. 24.

[2] Н. Петров. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев, 1897, стр. 72.

[3] 1. Надпись на серебряном кресте с изображением распятия на лицевой стороне и крещения на обороте, под которым вырезан также герб Петра Могилы: «Сей крест сотворити повелил смиренный Петр Могила, архиепископ митрополит Киевский, в славу распятого Христа и даде его в храм Преображения его на Берестову, его же сам разоренный обнови в лето 1642 ное[бря] 1 дня».

2. Надпись на серебряном потире: «Сей божиих таин кивот даде святому Спасу на Берестове преосв. отец Петр Могила в славу Христу богу 1642 ноеб. 1 дня».

3. Надпись на переплете евангелия львовской печати 1636 г. с гербом Петра Могилы на том же переплете: «Сие евангелие даде в храм Преображения господня на Берестове в славу Христа бога, в память себе и родителем своим Петр Могила, архиепископ митрополит Киевский в лета 1641».

4. Надпись на серебряной мощехранительнице, найденной при реставрации церкви в 1863—1865 гг. под напрестольной доской: «1643 года».

5. Надпись над западным порталом, исполненная в фресковой технике, о постройке храма кн. Владимиром и об обновлении его в 1644 г. Петром Могилой, приведена выше (см. стр. 227).

6. Греческая надпись вязью, исполненная в фресковой технике, над аркой в средней части храма (в переводе Порфирия Успенского): «Петр Могила, архиерей бога, сей храм благолепный воздвиг господу владыке и, окончив славный и прекрасный дом сей из камней, расписал [его] перстами греков... в лето от Христа 1644 в месяце июне, от сотворения мира 7152 индикта 12».

Тексты всех вышеперечисленных надписей были опубликованы С. Голубевым. Ук. соч., стр. 449—451.

Перед сидящим на троне Христом в первосвященническом облачении изображен коленопреклоненный Петр Могила, преподносящий Христу возобновленный им храм. Справа от Христа изображена богоматерь, слева — князь Владимир. В свитке, идущем от уст Владимира, написано: «Призри, господи, на церковь сию, юже создах недостойный»; в свитке, идущем от уст Петра Могилы, слова: «Да будут очи твои выну на храм сей».

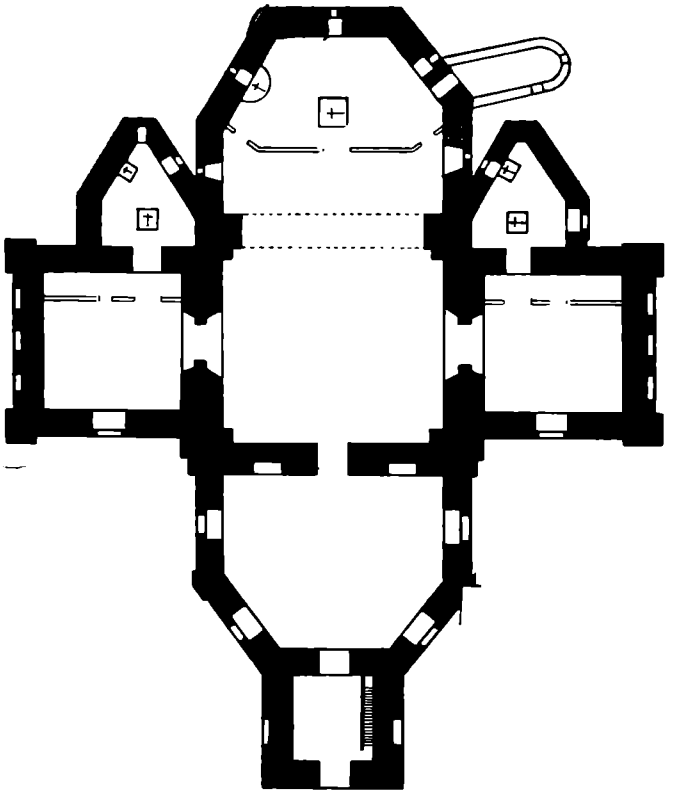


Рис. 1. Церковь Спаса на Берестове. План.

Церковь, которую Петр Могила подносит Христу, увенчана тремя главами, из которых средняя размещена над серединой древней части храма, западная — над новым притвором, восточная — над средней апсидой.

Реставрация, произведенная Петром Могилой, придала остаткам древнего храма совершенно новый облик украинской крестообразной церкви (рис. 1). На плане Киева 1695 г. церковь Спаса изображена однокупольной[1]. На плане 1713—1715 гг. она показана с тремя куполами[2], что, однако, может быть, происходит лишь от условности изображения. С пятью куполами церковь дана впервые на рисунке художника Иванова, исполненном в 1810 г.[3] (рис. 2).

На месте деревянного могилянского притвора с западной стороны церкви был в конце XVII или в начале XVIII в. выстроен каменный притвор; в 1813—1814 гг. к притвору была пристроена двухэтажная колокольня (рис. 3).

* * *

Если вопрос о дате Берестовского храма вызывал столь различные толкования, то не меньше разногласий было и по вопросу о том, что́ же сохранилось от древнего храма до наших дней и каков был первоначальный архитектурный облик церкви Спаса.

Еще более ста лет назад один из первых исследователей памятника Н. Самойлов правильно догадывался, что от древней церкви «осталась одна только средина [современного храма.— *М. К.*], во всю ширину с приделами, выключая алтарей»[4], т. е. западная часть древнего храма. Автор

[1] План Киева, составленный в 1695 г. Изд. Киевской комиссии для разбора древних актов. Киев, 1893.

[2] Подлинник плана хранится в Софийском заповеднике в Киеве.

[3] Альбом Бороздина в Рукописном отделе Гос. публичной библиотеки в Ленинграде.

[4] Н. Самойлов. Киев в начале своего существования. М., 1834, стр. 48.

высказывал предположение о первоначальных размерах здания, подтвержденное 80 лет спустя раскопками П. П. Покрышкина. «Если бы,— писал

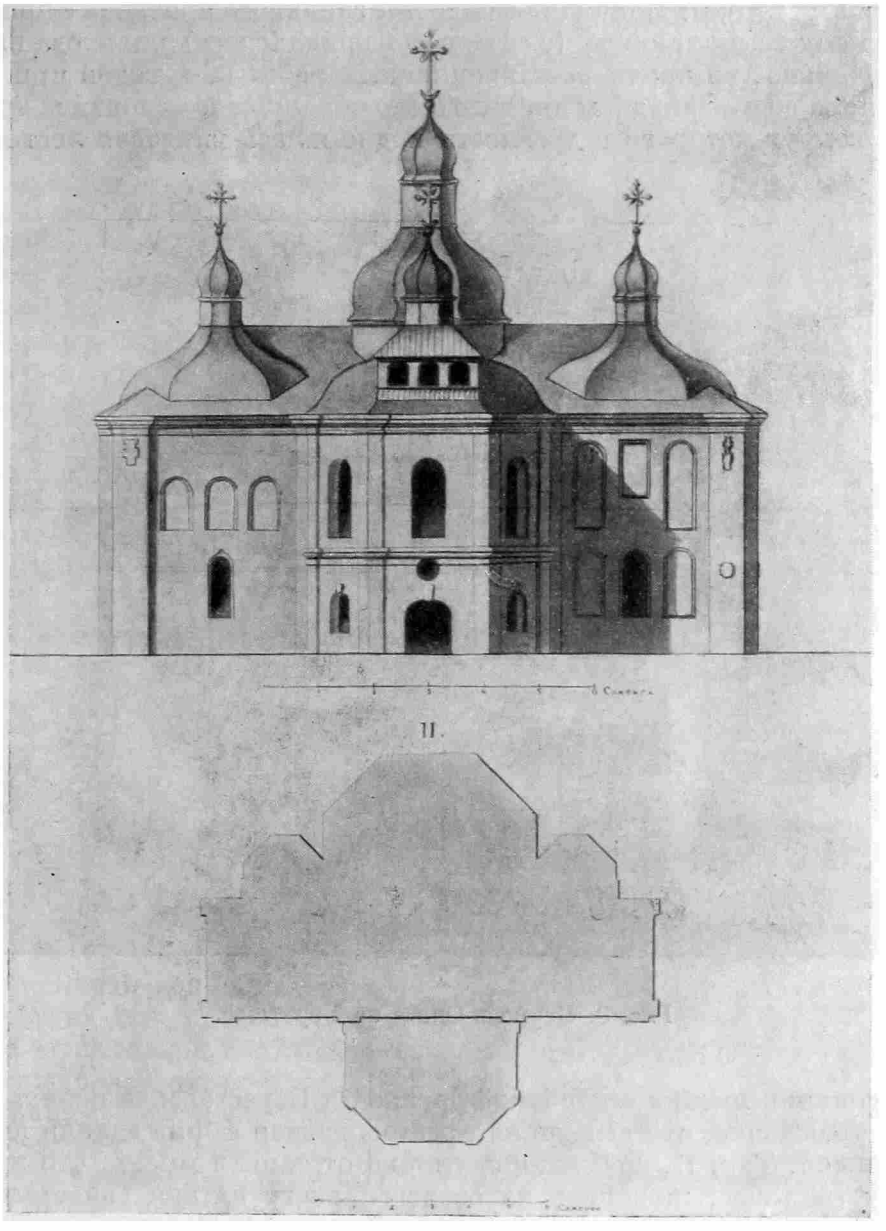


Рис. 2. Церковь Спаса на Берестове по рис. худ. Иванова (1810 г.).

он,— снять грунт земли от углов боковых приделов к востоку, то, без сомнения, можно б открыть фундаменты и узнать величину древней церкви»[1].

Мнение Н. Самойлова поддержал С. Крыжановский[2], а еще несколько позже подробно обосновал П. Лашкарев[3], доказав на основе изучения

[1] Там же, стр. 48.

[2] Обозрение Киева в отношении к древностям, изд. И. Фундуклеем. Киев, 1847, стр. 57.

[3] П. Лашкарев. Ук. соч., стр. 108, 110.

техники кладки наличие в Берестовской церкви нескольких разновременных частей, из которых только среднюю часть нынешнего крестового храма и его северный и южный приделы исследователь признал древними, служившими в храме Мономаха в качестве западного притвора с примыкавшими к нему усыпальницей (с севера) и башней (с юга) для входа на хоры. Действительно, во время реставрационных работ 60-х годов при снятии нового пола в юго-западном приделе было обнаружено основание круглого столба, вокруг которого в древности поднималась винтовая лестница на полати[1].

Рис. 3. Церковь Спаса на Берестове.

Сторонники мнения о глубокой древности Берестовской церкви высказывали убеждение, что нынешняя крестообразная форма здания является изначальной. Так, П. Лебединцев упорно отстаивал мысль, что древняя, как ему казалось, живопись на своде главного алтаря свидетельствует тем самым и о древности самой алтарной апсиды. Крестообразный план храма он считал первоначальным[2].

Еще более рьяно эту точку зрения отстаивал Н. Сементовский, который в полном, как ему казалось, совпадении планов церкви Спаса в Киеве и церкви Спаса в Корсуни видел подтверждение своей мысли, что церковь св. Спаса на Берестове, построенная в 989 г., есть первая каменная церковь в Киеве, воздвигнутая по образцу Спасской Корсунской[3].

За этими же авторами некритически следовал А. Павлинов, рассмат-

[1] П. Лебединцев. Спас на Берестове. «Киевская старина», т. XXII, 1888, июль, стр. 11.
[2] Там же, стр. 7—9.
[3] Н. Сементовский. Ук. соч., стр. 11—12.

ривавший первоначальную церковь Спаса как здание крестового типа[1]. В 1909—1913 гг. храм был реставрирован под руководством П. П. Покрышкина, а в 1914 г. им же были произведены раскопки фундаментов восточной, разрушенной части памятника. Археологические работы, прерванные начавшейся войной, не были закончены. Судя по рапорту П. П. Покрышкина в Археологическую комиссию от 12/IX 1914 г., «раскопками были открыты остатки фундаментов всей церкви, за исключением некоторых частей, оставшихся необнаруженными под земляными гребешками в северной трети всего плана»[2].

К сожалению, почти вся отчетная документация реставрационных работ 1909—1913 гг. и раскопок 1914 г. (дневники, отчеты, обмеры, зарисовки) бесследно пропала, за исключением многочисленных фотографий, сохранившихся в Архиве Археологической комиссии[3]. Фотографии, подробно иллюстрирующие основные этапы реставрационных и археологических работ, позволяют до некоторой степени восстановить результаты исследований П. П. Покрышкина. Опубликованный в 1913 г. самим исследователем, широко известный с тех пор план церкви Спаса был исполнен еще до начала раскопок восточной части здания, вследствие чего восточная половина храма показана на нем особой пунктирной штриховкой с обозначением «предполагаемое»[4] (рис. 4). Тщательное изучение фотодокументации раскопок восточной части храма приводит к выводу, что «предположения» Покрышкина в основном подтвердились раскопками 1914 г., однако наряду с этим дополнительно были открыты такие части здания, которые весьма существенно изменили его облик.

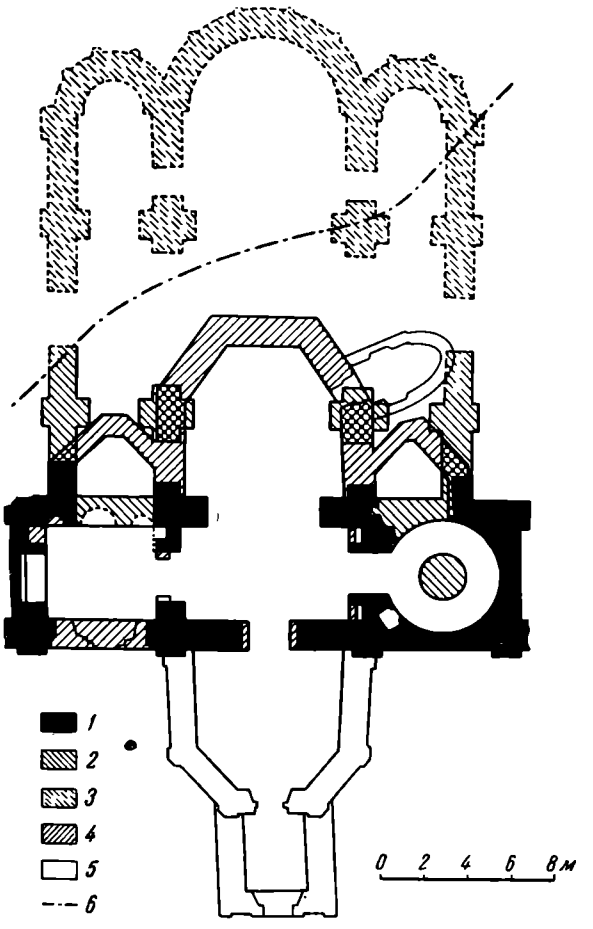


Рис. 4. Церковь Спаса на Берестове. План (по обмерам П. П. Покрышкина, 1913 г.)

1 — стены XI в; *2* — открытое раскопками; *3* — предполагаемое; *4* — добавленное в 1643 г.; *5* — добавленное в XVIII и XIX вв.; *6* — граница крепостного вала.

Раскопками 1914 г. были открыты хорошо сохранившиеся фундаменты, а местами и нижние части восточной половины южной и северной стен, юго-восточного и северо-восточного подкупольных столбов и трех апсид

[1] А. Павлинов. Архитектура в России. Домонгольский период. «Вестник изящных искусств», т. VI, 1888, стр. 51; его же. История русской архитектуры. М., 1894, стр. 17.

[2] Архив ИИМК АН СССР, ф. I, д. 275, 1903 г., л. 97.

[3] Ныне Фотоархив ИИМК АН СССР.

[4] ОАК, 1909—1910 гг., стр. 184, рис. 231.

храма (рис. 5—8). Фундаменты церкви Спаса представляют бутовую кладку, заложенную в материковом лёссе. У подошвы фундамента прослежены деревянные брусья-лежни, скрепленные в перекрестьях железными костылями. Лежни всюду сгнили, образовав пустые каналы в бутовой кладке нижних частей фундамента[1]. Судя по ряду фотографий, снятых в процессе раскопок, продольные лежни обычно укладывались по четыре в ряд с небольшими промежутками между ними (рис. 9). Деревянные субструкции засыпались мелко битым камнем и заливались раствором извести. Выше лежит бутовая кладка из крупного дикого камня на растворе извести. Подкупольные столбы храма были воздвигнуты на пересечении продольных и поперечных ленточных фундаментов, расположенных по основным осям здания. Отрезок поперечного ленточного фундамента между юго-восточным подкупольным столбом и южной стеной был, повидимому, выбран, но не до подошвы (рис. 10). Бутовая кладка фундаментов, будучи несколько шире, чем лежащая на них кирпичная кладка стен, образует обрез, прикрытый сверху кирпичной вымосткой в один ряд (рис. 10). Глубина заложения фундаментов не превышает 1 м.

Судя по данным, полученным в результате тщательных археологических исследований памятника в 1910—1914 гг., церковь Спаса на Берестове представляла в древности большой трехнефный шестистолпный трехапсидный храм с резко выделенной западной частью.

В юго-западном углу, несколько выступая за линию южной стены храма, находилась прямоугольная снаружи и круглая внутри башня для входа на полати с круглым столбом посередине. Основание этого столба было обнаружено, как упоминалось уже выше, еще при реставрационных работах 60-х годов прошлого века. Удаление поздней штукатурки на внутренней поверхности стен башни позволило обнаружить на ней следы винтовой лестницы, по которой поднимались на полати храма.

Изучение кладки стен башни помогло установить весьма любопытную черту строительной истории храма. Нижние ряды кирпичной кладки стен внутри башни на высоте до 0,5 м образуют квадрат в плане подобно наружному очертанию башни, и только потом углы были заложены и кладку стали вести по кругу. Видимо, по первоначальному плану внутренность башни предполагалось сделать прямоугольной, и уже в процессе постройки этот план был изменен.

Исследования кладки стен и раскопки внутри северо-западной угловой части здания позволили установить не только первоначальный план этого помещения, но и его назначение. В северной части древней восточной стены этого помещения, под кирпичной закладкой XVII в., была обнаружена маленькая, полуциркульная в плане апсида. Раскопками сохранившейся лишь в нижней своей части южной половины этой стены были установлены следы двух других апсид. Все три апсиды, из которых средняя была несколько больше угловых, размещались в толще восточной стены северо-западного углового помещения. В толще его северной стены расположен глубокий аркосолий, предназначенный для погребения.

По вопросу о назначении северо-западного помещения церкви Спаса высказывались различные предположения. Не только П. П. Покрышкин, но и многие из его предшественников считали это помещение усыпальницей. И. В. Моргилевский, сопоставив северо-западное угловое помещение церкви Спаса на Берестове с совершенно аналогичным по плану помещением, открытым раскопками 1923 г. возле юго-западного угла церкви Спаса в Чернигове, высказал предположение, что помещения эти служили

[1] ОАК, 1909—1910 гг., стр. 183.

Рис. 5. Церковь Спаса на Берестове. Восточная часть храма.

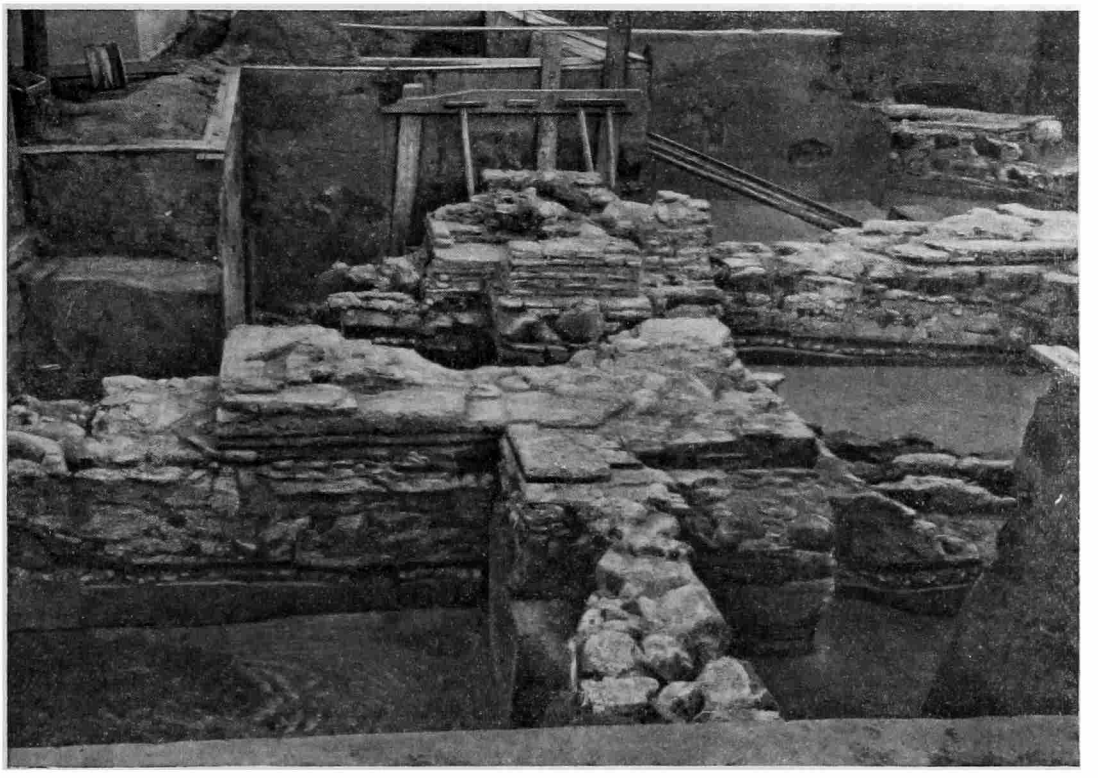


Рис. 6. Церковь Спаса на Берестове. Юго-восточный столб и южная стенка (в процессе раскопок).

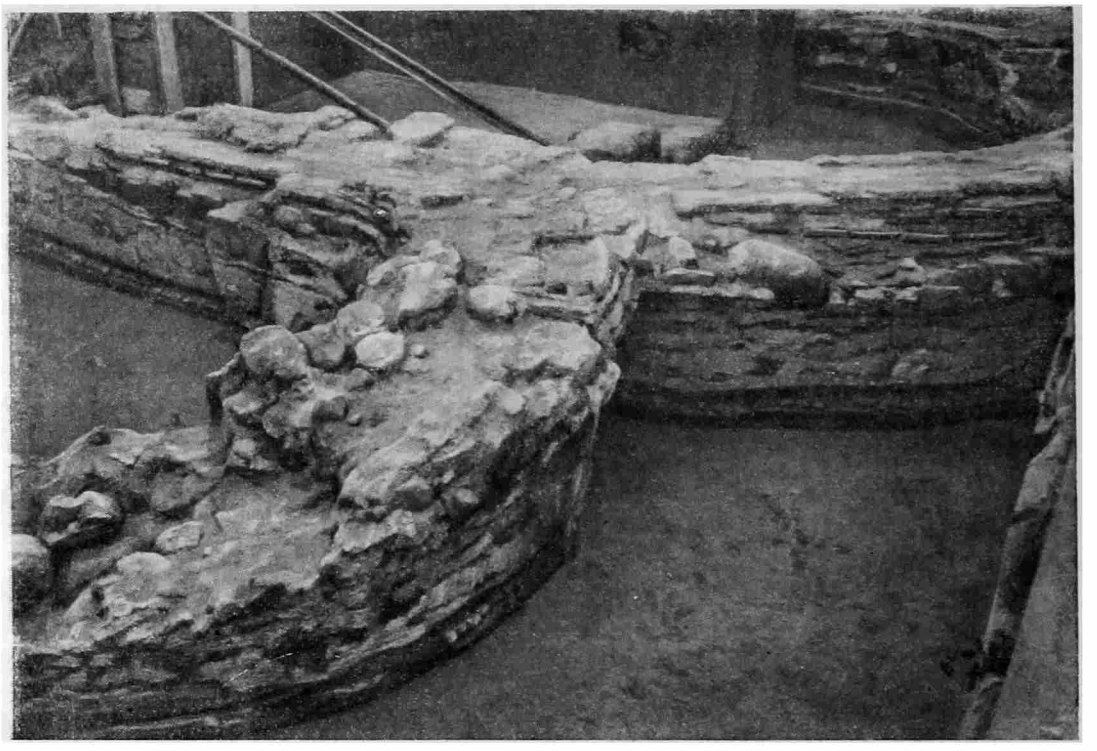


Рис 7 Церковь Спаса на Берестове. Средняя и южная апсиды (в процессе раскопок).

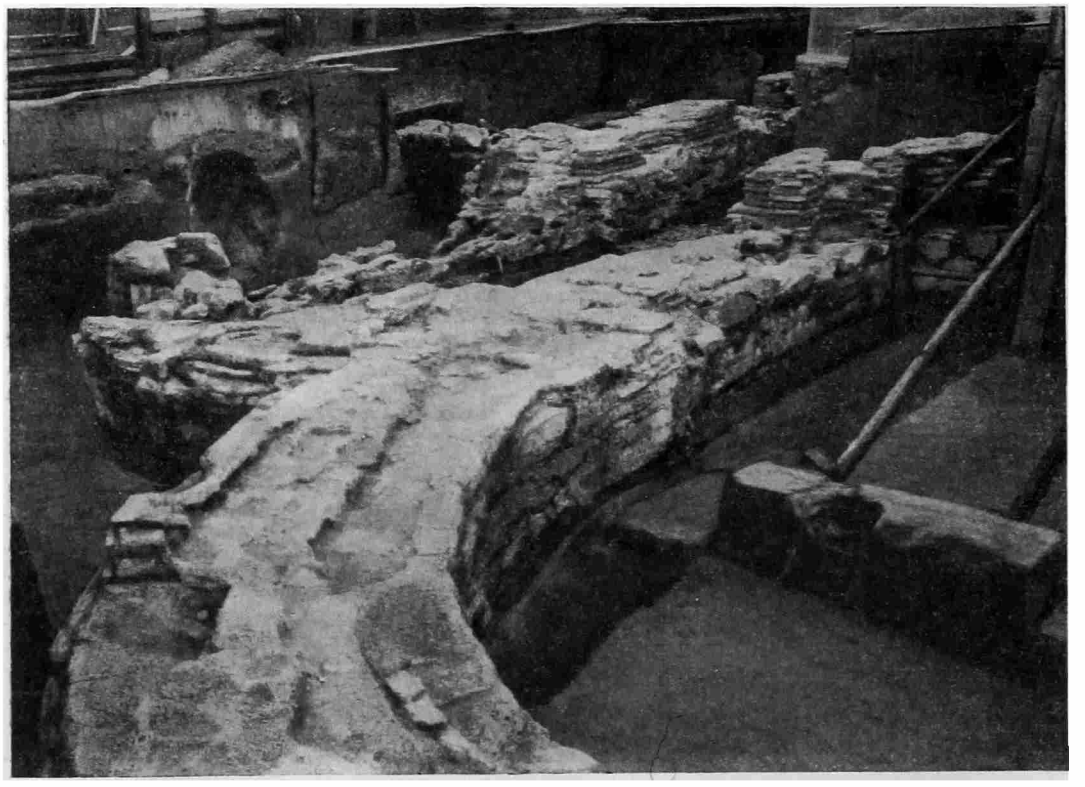


Рис. 8. Церковь Спаса на Берестове. Южный неф.

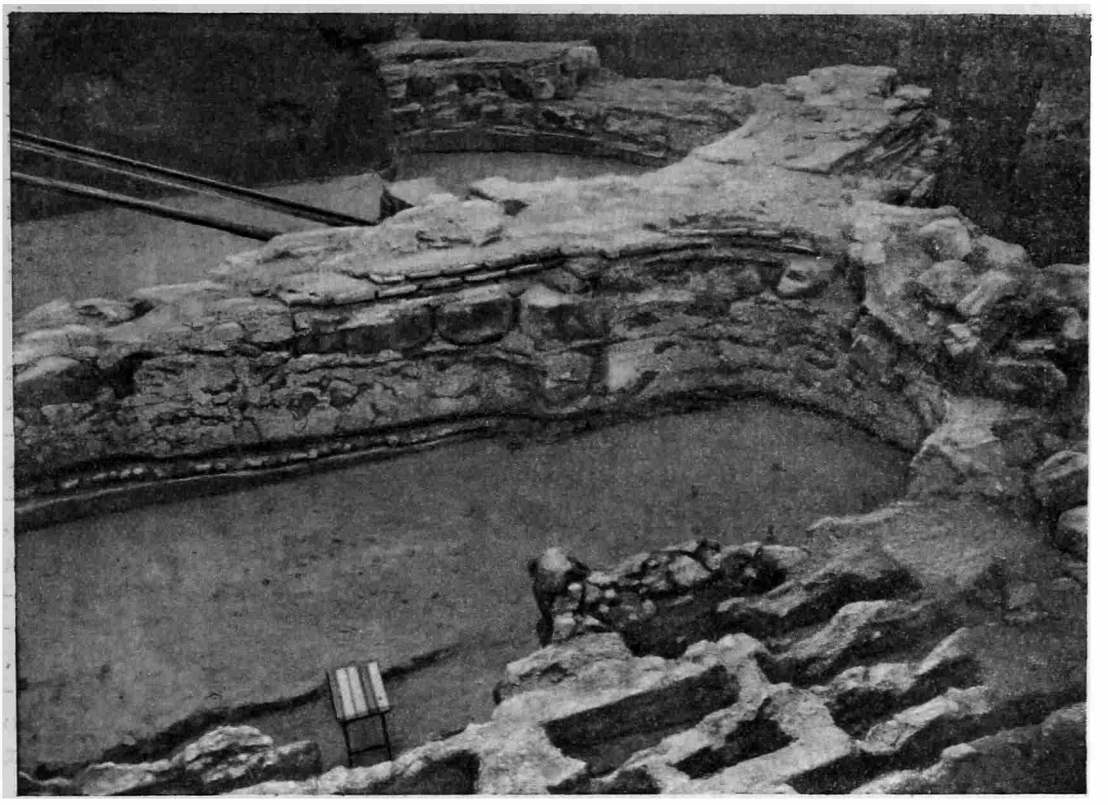


Рис. 9. Церковь Спаса на Берестове. Восточная часть храма. На переднем плане отпечатки лежней.

Рис. 10. Церковь Спаса на Берестове. Фундамент столба и южной стены.

в обоих названных храмах не только усыпальницами, но и крещальнями[1]. В том, что совмещение функций усыпальницы и крещальни в одном и том же помещении считалось вполне допустимым, убеждает пример крещальни церкви Елецкого монастыря в Чернигове, где, так же как и в церкви Спаса на Берестове, был обнаружен погребальный аркосолий[2].

Крещальня-усыпальница церкви Спаса своей северной частью несколько выступает за линию северной стены храма, как бы образуя тем самым до некоторой степени самостоятельный архитектурный объем, хотя и сросшийся с основным массивом здания. Асимметричность этого выступа подчеркнута тем, что он не равен выступу юго-западной башни храма, самостоятельность объема которой выражена значительно сильнее.

Вскрытая археологическими раскопками восточная половина храма показала, что композиция здания в древности была значительно сложнее. У южной стены храма, примыкая к ее среднему членению, находился в древности небольшой притвор (рис. 11). Фундамент этой пристройки, примыкающий впритык к фундаменту южной стены храма, был заложен на значительно меньшую глубину (рис. 5), что свидетельствует о меньшей высоте этой пристройки. Техника бутовой кладки фундамента, как и техника кирпичной кладки стен южного притвора, не оставляет ни малейших сомнений в одновременности его постройки с основным массивом трехнефного здания храма. Из южного притвора в храм вел широкий портал, нижняя часть которого открыта раскопками (рис. 12, ср. рис. 5—6). Не располагая точными обмерными данными, мы восстанавливаем размеры этого притвора на предлагаемой реконструкции по материалам многочисленных фотографий, сделанных в процессе раскопок (рис. 13).

Война 1914 г., прервавшая раскопки храма, не позволила завершить археологическое исследование памятника. Северная часть храма, как сообщал об этом сам руководитель работ, не была раскопана полностью. Об этом же свидетельствует и фотодокументация раскопок. Едва ли, однако, могут быть серьезные сомнения в том, что к северному фасаду здания примыкал притвор, аналогичный южному. Вот почему мы считали себя вправе показать его на публикуемой реконструкции первоначального плана храма, повторив условно, впредь до дополнительных раскопок, форму и размеры притвора у южной стены.

Вопрос о существовании притвора у западной стены храма был предметом дискуссии в связи с трактовкой некоторых архитектурных особенностей западного фасада Берестовского храма. Как известно, на западном фасаде церкви Спаса, в его среднем членении, ныне выходящем внутрь поздней пристройки, над западным входом в храм видны следы примыкания какого-то свода, имеющего очертание трехлопастной арки. К. Шероцкий, а вслед за ним Н. И. Брунов трактовали эту деталь западного фасада церкви Спаса как доказательство существования у Берестовского храма западного притвора, перекрытого «трехлопастными сводами»[3], против

[1] І. Моргилевський. Дослід пам'яток старого чернігівського будівництва в рр. 1923—1924. «Україна», 1925, № 1-2. Ср.: его же. Спасо-Преображенський собор в Чернігові за новими дослідами. Чернігів та північне лівобережжя. Киев, 1928, стр. 177. Мысль о том, что северо-западное помещение церкви Спаса на Берестове служило в древности крещальней, впервые была высказана еще П. Лебединцевым («Спас на Берестове», КС, т. XXII, 1888, июль, стр. 9).

[2] І. Моргилевський. Дослід пам'яток старого чернігівського будівництва в рр. 1923—1924.

[3] К. Шероцкий. Киев. (Путеводитель). Киев, 1917, стр. 256; N. Brounoff. Un nouveau type d'église dans la Russie du nord-ouest au XII-ième siècle. Årsbok, 1925, стр. 19; его же. Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 г. М., 1926, стр. 7.

Рис. 11. Фундамент южной стены и южного притвора храма.

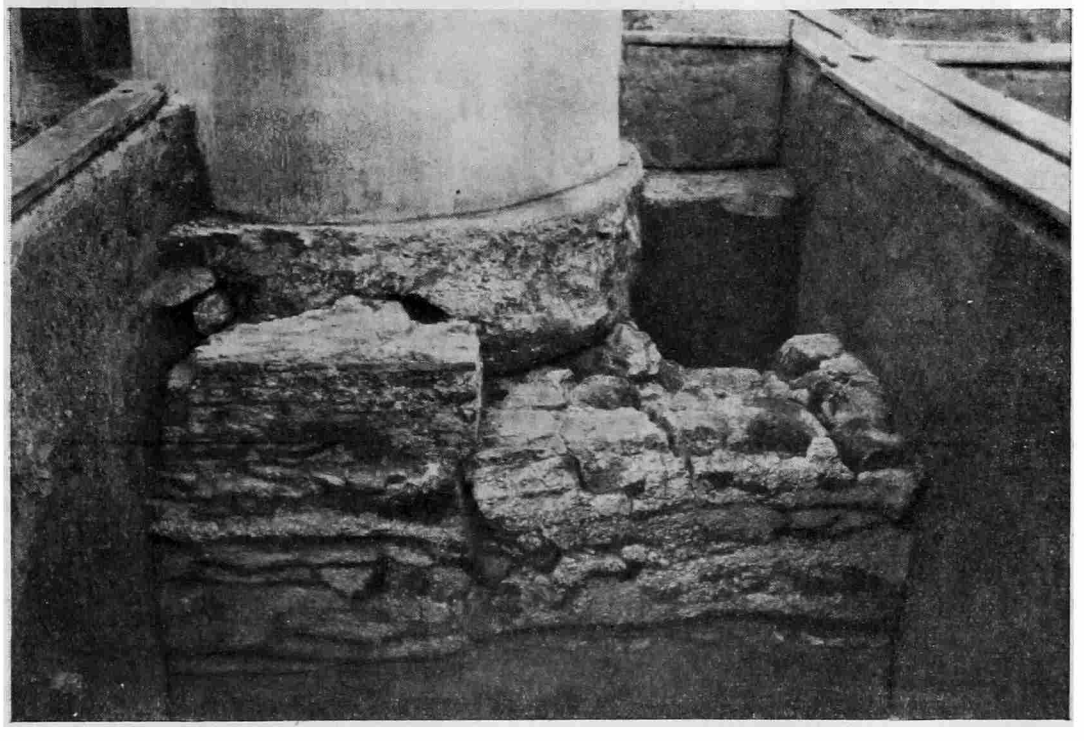


Рис. 12. Задний угол южного портала церкви.

чего решительно возражал И. М. Хозеров, считавший эту деталь остатком «кирпичного рельефа, который, по его мнению, имел исключительно декоративное значение»[1]. В доказательство своей мысли Хозеров указывал на то, что средняя дуга этого трехлопастного рельефа не соединяется с боковыми полудугами, а в образующихся между ними разрывах кладка стены имеет нетронутую поверхность, характерную для наружных фасадов храма, т. е. тем самым эти разрывы нужно признать изначальными. Кроме того, Хозеров исключал конструктивную возможность существования трехлопастного свода[2].

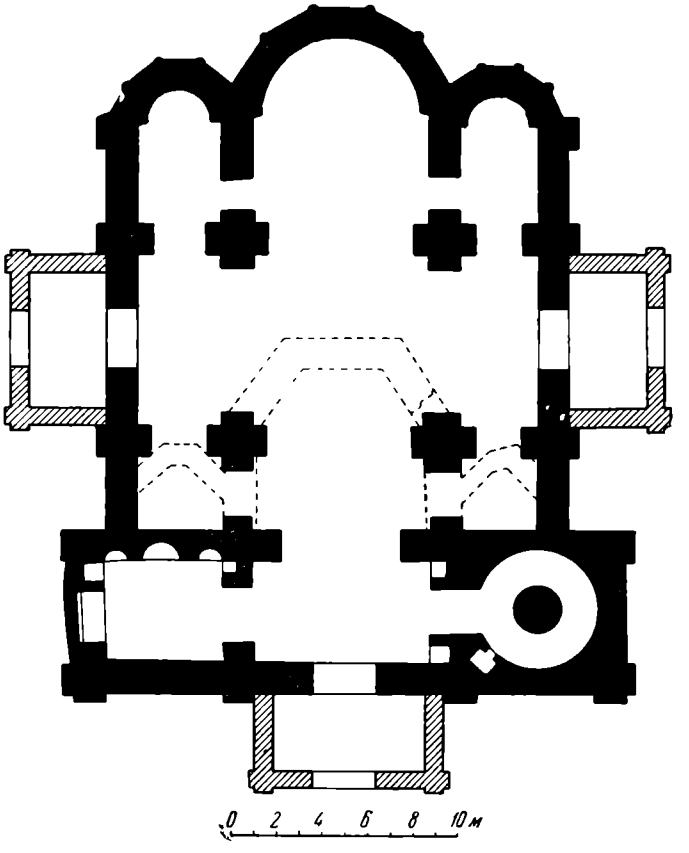


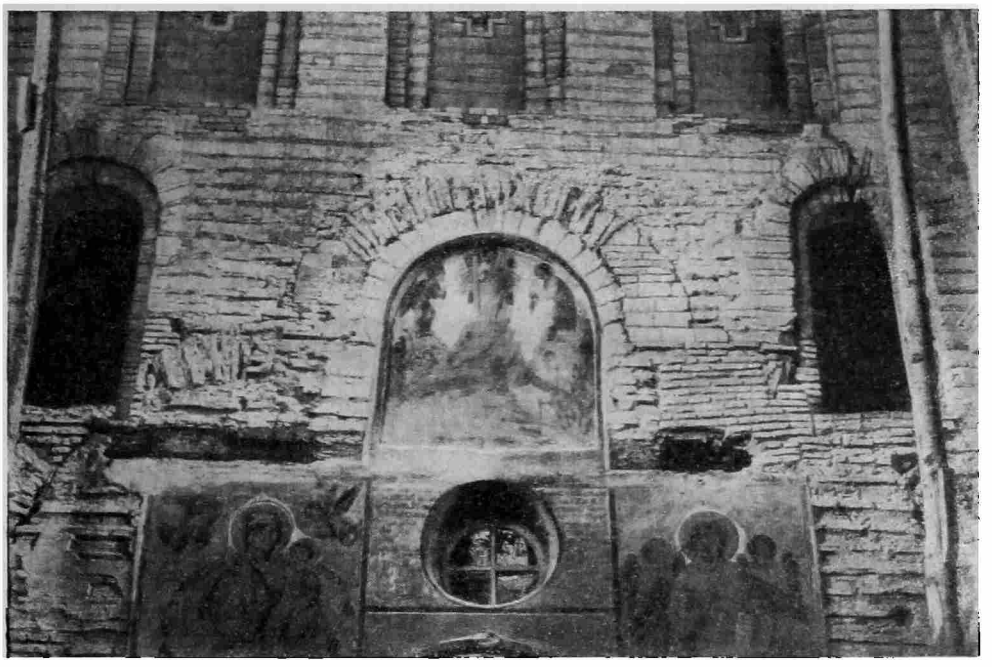
Рис. 13. План-реконструкция церкви Спаса на Берестове.

Не беря на себя решение вопроса о конструктивной возможности трехлопастного свода, мы вынуждены отвести основное наблюдение Хозерова как безусловно ошибочное. Части стен (в местах разрывов), признанные автором за первоначальные, в действительности являются результатом реставрационных работ П. П. Покрышкина (рис. 14*б*). На фотографии этого участка стены, сделанной до реставрации (рис. 14*а*), отлично видно, что «места разрывов» трехлопастной арки в действительности грубо переложены в позднейшее время и отнюдь не свидетельствуют в пользу изначальности разрывов трехлопастной арки на три части.

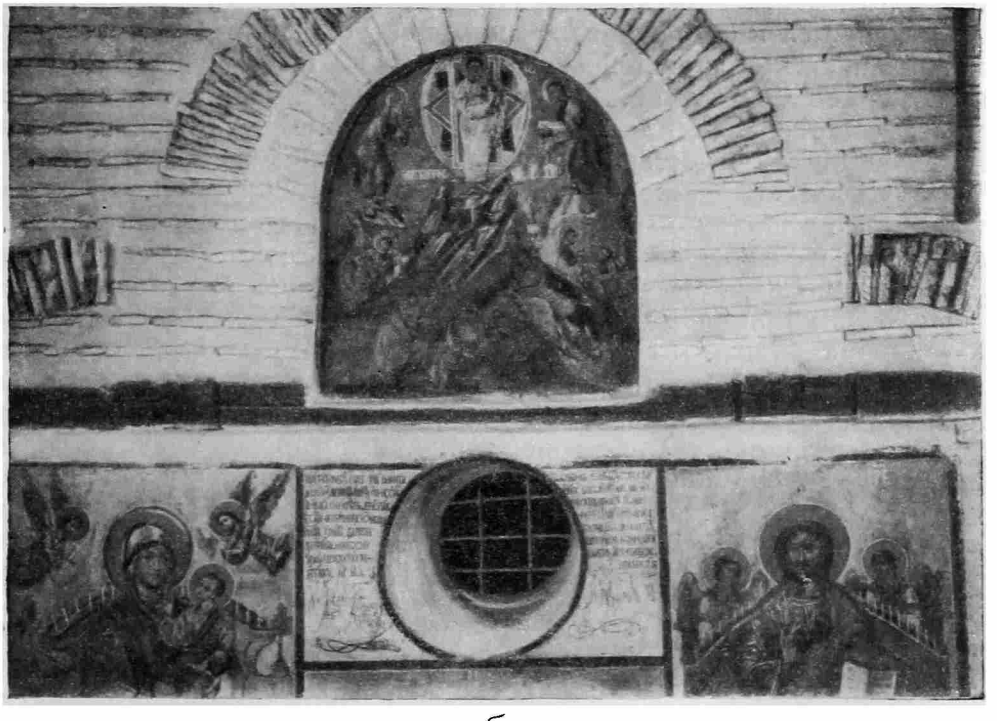
Более серьезное недоумение вызывает другая особенность западного фасада церкви Спаса. Следы примыкания северной и южной стен западного притвора, хорошо заметные рядом со средними лопатками западного фасада, обрываются, не доходя 1,45 м до современного уровня пола. Ниже, на древней поверхности фасада, никаких следов примыкания стен притвора нет. И. М. Хозеров считал, что расположенные рядом с лопатками выступы также являлись лишь «декоративными рельефами», опиравшимися на консоли и составлявшими вместе с полудугами и средней дугой «единую декоративную композицию середины фасада»[3].

Не считая возможным рассматривать эти следы в качестве остатков декоративной композиции, мы полагаем, что отмеченная особенность кладки

[1] І. Хозеров. Спас на Берестю. Попередні повідомлення. «Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва», І. Киев, 1930, стр. 113.
[2] Там же.
[3] Там же.



а



б

Рис. 14. Западный фасад церкви.

а — до реставрации, *б* — после реставрации.

западного притвора имеет то же объяснение, что и описанная выше особенность кладки стен башни. Повидимому, мысль о постройке западного притвора родилась в процессе строительства, когда западная стена была возведена уже до высоты 1,45 м. Кладка южной и северной стен западного притвора до этой высоты была сделана впритык, а выше строители решили делать перевязь. Западный притвор по своему размеру почти не отличался от южного и северного. Три притвора, несколько пониженные по отношению к основному массиву храма, придавали Берестовской церкви черты крестообразного здания, сильно отличавшие ее от других современных ей киевских построек конца XI — начала XII в.[1] Среди памятников южнорусского зодчества этой поры некоторую аналогию церкви Спаса на Берестове представлял, повидимому, храм архангела Михаила в Переяславле Южном, развалины которого частично были открыты нашими раскопками 1949 г.[2]

Западная часть храма, сохранившаяся примерно на две трети своей первоначальной высоты, позволяет достаточно полно представить древний облик церкви. Фасады древнейшей части храма во время реставрационных работ 1910—1913 гг. были освобождены от позднейшей штукатурки, и характерная кладка стен была оставлена открытой, как это было в древности.

Большинство исследователей, писавших о церкви Спаса на Берестове, описывали ее кладку как типично «великокняжескую», сравнивая ее с кладкой всех остальных киевских построек X—XI вв., а иногда и XII—XIII вв. Это глубокое заблуждение, свидетельствующее о полном невнимании к истории строительной техники древней Руси, характерном до недавнего времени для многих историков древнерусского зодчества, нужно решительно отбросить. Кладка церкви Спаса на Берестове в действительности резко отличается и от кладки киевских построек X—XI вв. и тем более от кладки киевских зданий XII — начала XIII в. В отличие от первых, кладка церкви Спаса (рис. 15) не относится к технике «opus mixtum», т. е. к смешанной кладке из кирпича и камня. В церкви Спаса камень употреблен лишь в качестве материала для кладки фундаментов и в весьма незначительном количестве как бут в толще кладки стен. На фасадах храма нигде не проступают типичные для киевских построек X—XI вв. ряды камня, чередующиеся с рядами кирпича. Вместе с тем кирпичная кладка церкви Спаса отнюдь не может быть отнесена и к так называемой равнослойной кирпичной кладке, господствовавшей в киевском зодчестве XII — начала XIII в. В отличие от последней, для кладки церкви Спаса характерно чередование рядов кирпича, лежащих в плоскости фасада, с рядами, утопленными в кладке и прикрытыми слоем розоватого (от примеси толченого кирпича) раствора, толщина которого значительно превышает толщину кирпича. Церковь Спаса на Берестове среди киевских построек XI—XII вв. является единственным представителем этой техники, не привившейся, повидимому, в киевском зодчестве, но ставшей с середины XII в. характерной особенностью зодчества Полоцкой з мли.

Фасады церкви Спаса отличаются среди киевских памятников еще одной характерной чертой. Излюбленным приемом зодчего церкви Спаса являются ряды декоративных ниш с полуциркульным верхом, почти сплошь покрывающие древние фасады храма. На разных участках фасадов

[1] О существовании в церкви Спаса на Берестове трех притворов по данным раскопок 1914 г. упоминали К. Шероцкий («Киев. Путеводитель». Киев, 1917, стр. 256) и Д. В. Айналов («Искусство киевского периода». «История русской литературы», т. I, 1941, стр. 31—32). Однако это известие, не подтвержденное ни графической документацией, ни ссылкой на источник, не нашло признания в последующей литературе.

[2] М. К. Каргер. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований. СА, XV, 1952, стр. 57.

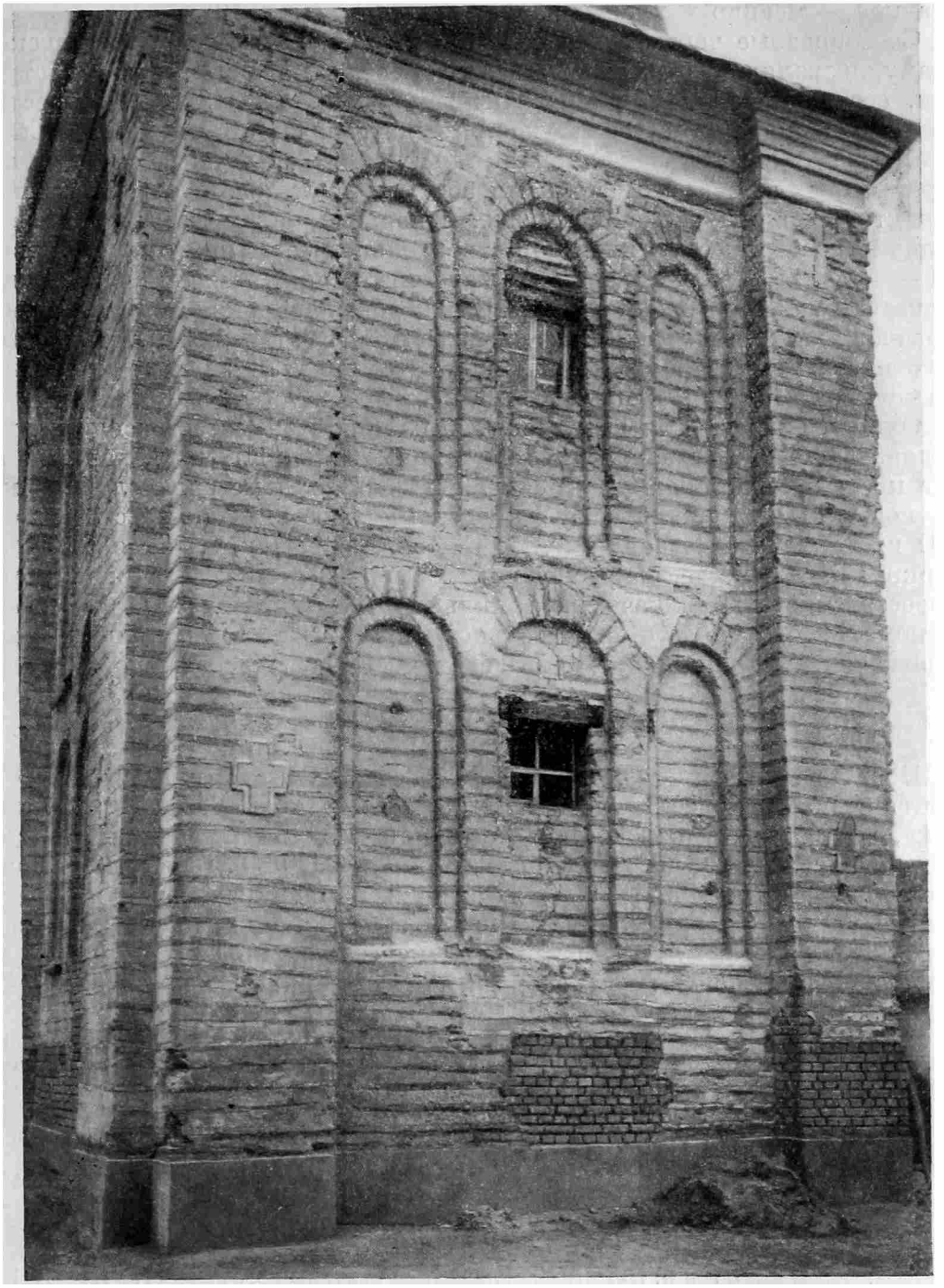


Рис. 15. Общий вид древней части храма.

ниши имеют различные очертания и размеры; различаются они и по характеру профилировки (рис. 15—18). Кроме ниш на фасадах церкви Спаса обильно применены орнаментальные мотивы, выполненные кирпичной кладкой,— меандр и кресты различных форм (рис. 19).

Своеобразные черты строительной техники, присущие Берестовскому храму, позволяют еще раз вернуться к вопросу о дате памятника. Субструкции, состоящие из деревянных лежней, скрепленных на перекрестьях железными костылями, обнаруженные под фундаментами церкви Спаса, в отличие от более древней техники выкладки деревянных субструкций, скрепленных деревянными колками, вбитыми вертикально между лежнями, характерной для киевских построек X и первой половины XI в. [1], являются типичной особенностью киевской строительной техники второй половины XI — начала XII в. Эта техника известна в ряде памятников киевского зодчества указанного периода — в Вышгородской церкви Бориса и Глеба[2], в развалинах храма, раскопанного нами в 1947 г. в усадьбе Художественного института[3], в развалинах большого храма Зарубского монастыря, раскопанного нами в 1948—1949 гг.[4]

Охарактеризованная выше техника кладки стен Берестовской церкви, являющаяся как бы переходной от техники «opus mixtum», характерной для киевских построек X — начала XI в., к технике равнослойной кирпичной кладки, привившейся в киевском зодчестве начиная с 30-х годов XII в., также указывает на рубеж XI и XII вв. как на время постройки церкви Спаса. Вместе с перечисленными выше фактами, характеризующими Берестовский храм в качестве фамильной усыпальницы семьи Владимира Мономаха, особенности строительной техники храма вполне подтверждают гипотезу о принадлежности его к числу построек этого князя.

* * *

Первоначальный облик церкви Спаса на Берестове, как он вырисовывается на основе археологического изучения остатков западной части памятника, сохранившихся в составе постройки Могилянской поры, а также восточной части храма, вскрытой раскопками 1914 г., отнюдь не позволяет согласиться с той характеристикой памятника, которую неоднократно выдвигал в последние годы Н. Н. Воронин, рассматривавший Берестовский храм как «первый опыт новых дворцовых построек»[5], как «небольшой дворцовый храм —первый образец церкви феодального двора»[6].

---

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 70—72; Д. В. Милеев. Вновь открытая церковь XI в. в Киеве и положение исследований в связи с новыми застройками города. «Тр. IV съезда русских зодчих в СПб. (1911 г.)». СПб., 1911, стр. 117—121.

[2] М. К. Каргер. К истории Киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. СА, XVI, 1952, стр. 88—98.

[3] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 215—221.

[4] М. К. Каргер. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб. СА, XIII, 1950, стр. 55—57.

[5] Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII вв. М., 1945, стр. 11.

[6] Н. Н. Воронин. Древнерусские города. М., 1945, стр. 19.

Эта же точка зрения была изложена в первом (ненапечатанном) варианте главы о зодчестве домонгольского периода, написанной Н. Н. Ворониным совместно с автором настоящей статьи в 1938 г. для «Истории культуры древней Руси». Ошибочная концепция этой части главы отражена также в докладе автора «Зодчество Галицко-Волынской земли в XII—XIII вв.», прочитанном 22/X 1939 г. на пленуме ИИМК, посвященном истории Западной Украины. Краткое изложение доклада см. КСИИМК, III, 1940, стр. 14—21, в частности стр. 18.

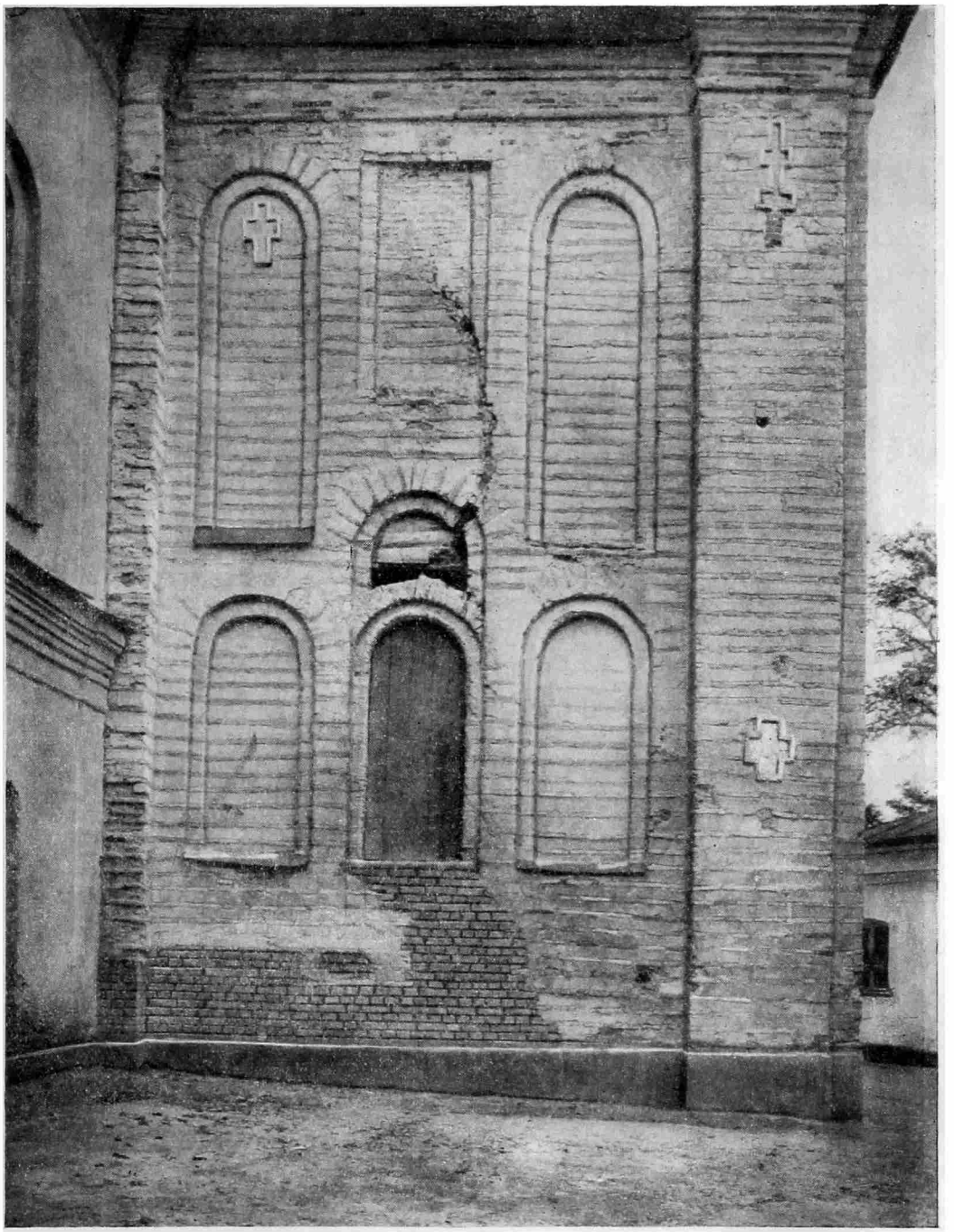


Рис. 16. Западный фасад башни.

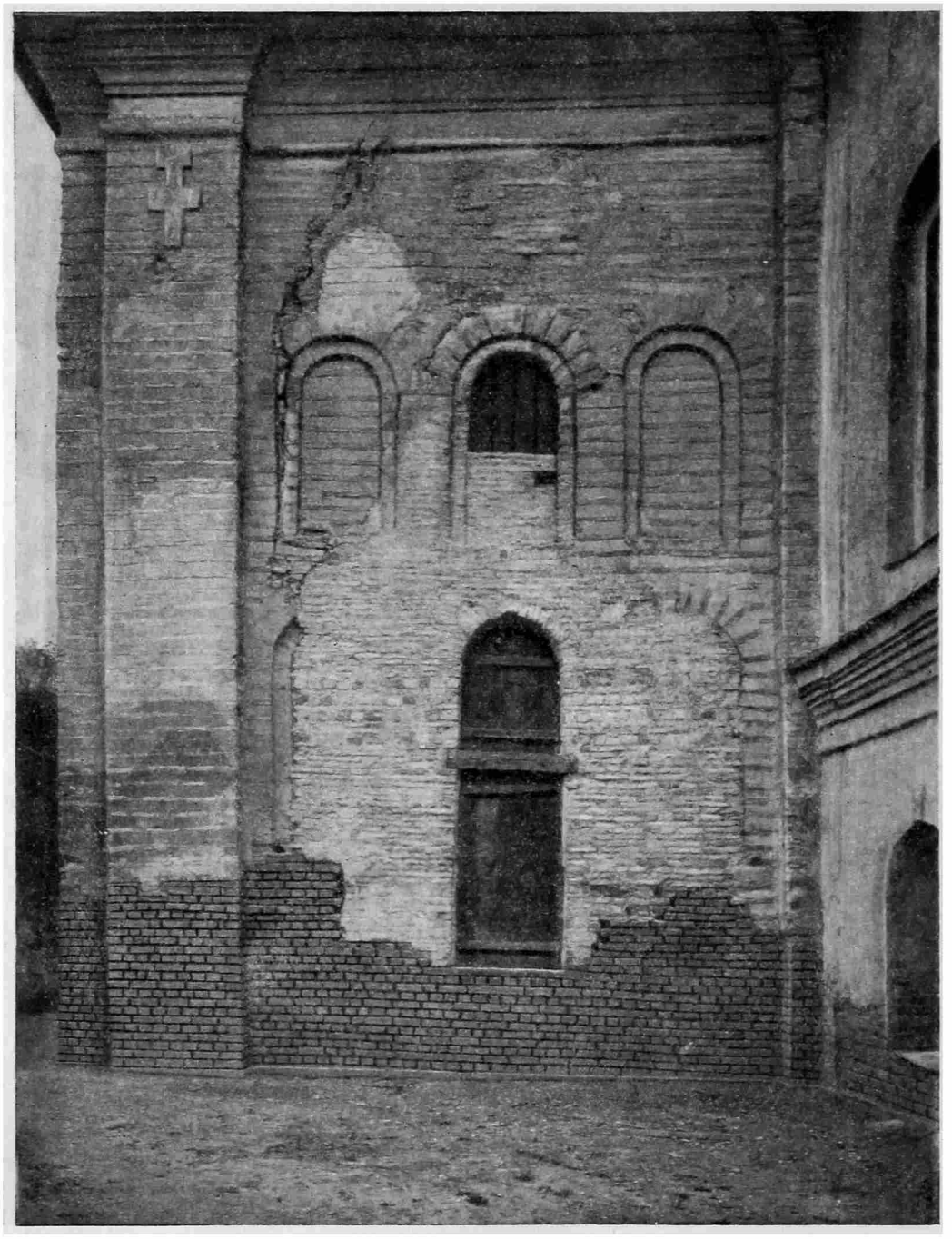


Рис. 17. Западный фасад усыпальницы.

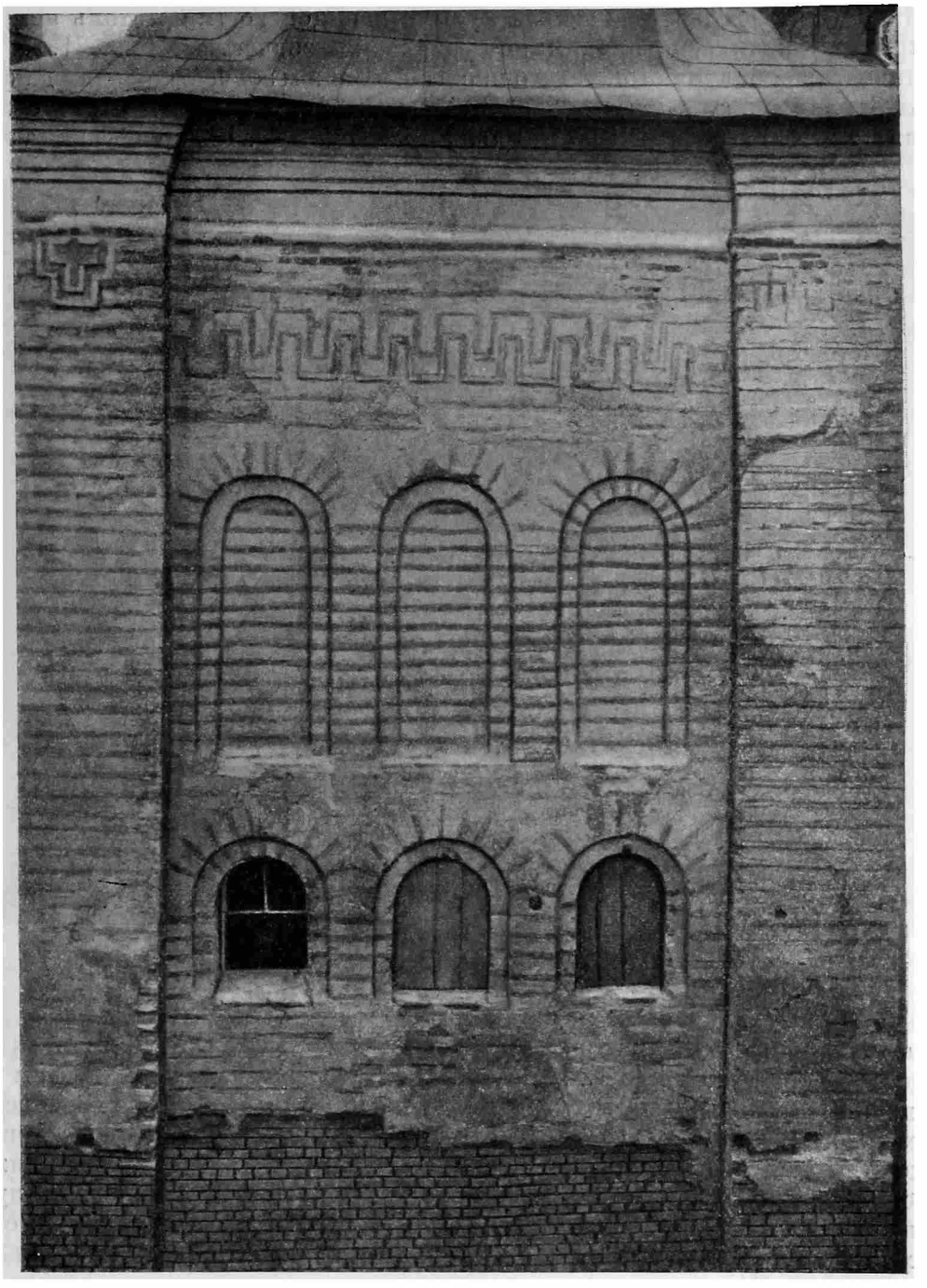


Рис. 18. Восточный фасад башни.

Изучая происхождение малых храмов дворцового типа, столь широко распространившихся во владимиро-суздальском зодчестве XII в., Н. Н. Воронин пытался найти истоки этого нового в русском зодчестве (периода феодальной раздробленности) явления в архитектуре Киева второй половины XI в. Главное внимание исследователя привлекли два киевских храма этой

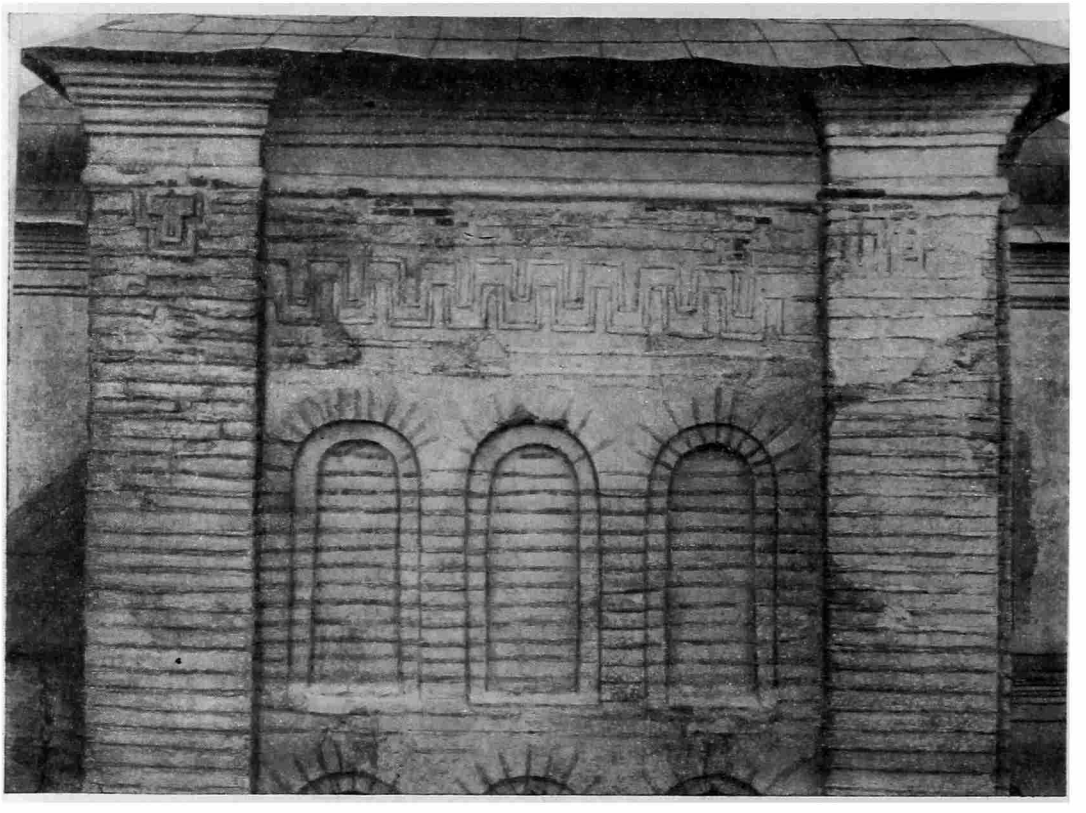


Рис. 19. Деталь кладки.

поры — церковь Спаса на Берестове и собор Михаила в Выдубицком монастыре. Вот что писал о них Н. Н. Воронин: «Повидимому, первым опытом новых дворцовых построек была обстройка Владимиром Мономахом дедовского села Берестова под Киевом на исходе XI в., от которого до нас дошла церковь Спаса на Берестове, и несколько более ранняя церковь княжеского Выдубицкого монастыря, в которой зодчие также нащупывали пути к типу княжеского дворцового храма. Это были *небольшие* крестовокупольные храмы с *четырьмя* [! — *М. К.*] столбами, одной главой и хорами в западной части. Придворная церковь служила в то же время и усыпальницей владельца: в притворе Берестовской церкви помещались и лестница на хоры, и маленькое помещение для усыпальницы. В церкви Выдубицкого монастыря зодчие стремились ввести лестничную башню в самое тело храма. Во всем этом проявлялось стремление к *малым* масштабам и *возможной простоте композиции* [курсив везде наш.— *М. К.*] придворной церкви. Так во времена Мономаха в архитектуре Киева создаются первые образцы решений архитектурных задач, поставленных на очередь новым этапом истории древней Руси»[1].

[1] Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII вв., стр. 11.

В другой работе Н. Н. Воронин прямо переносил на Берестовскую церковь черты архитектурного ансамбля Боголюбовского замка. «С златоверхими теремами дворца,— писал он,— храм [Спаса.— *М. К.*] *связывался легкими переходами* в своеобразное сложное целое, замкнутое кольцом крепких стен усадьбы»[1].

Раскопки восточной части Выдубицкого собора и тщательное исследование сохранившейся западной части храма, проведенные Киевской археологической экспедицией в 1945 г., позволили восстановить подлинный первоначальный облик этого замечательного памятника, ни одна черта которого не подтвердила приведенной выше характеристики. Михайловский собор Выдубицкого монастыря не только не был «небольшим четырехстолпным храмом», как полагал Н. Н. Воронин, зодчие его не только не «проявляли стремления к малым масштабам и возможной простоте композиции придворной церкви», но как раз наоборот — характерной чертой Выдубицкого храма была удлиненная по оси восток — запад композиция плана, придававшая ему до некоторой степени базиликальные особенности. Выдубицкий собор, как это неоспоримо доказано нашими раскопками 1945 г., можно и должно сопоставлять не с малыми храмами Владимиро-Суздальской земли, а с крупнейшими и оригинальнейшими сооружениями Киевской Руси — собором Спаса в Чернигове[2] и храмом-усыпальницей Бориса и Глеба в Вышгороде[3].

Церковь Спаса на Берестове, несмотря на роднящую ее с собором Михаила особенность устройства башни, не только не была простым повторением Выдубицкого храма, но, наоборот, отличалась от него по основному композиционному решению. Церковь Спаса, являвшаяся большим шестистолпным храмом с тремя притворами, по своему плану ни в чем еще не предвосхищала поисков малого храма дворцового типа. Как и храм Михаила в Выдубицком-Всеволоже монастыре, как и собор Дмитриевского-Изяславова монастыря, церковь Спаса-Мономахова монастыря на Берестове представляла самостоятельное новое решение задачи, стоявшей перед зодчими конца XI — начала XII в. Киевское зодчество второй половины XI — начала XII в. продолжало и развивало традиции эпохи Ярослава. Сыновья и внуки Ярослава, конкурируя между собой, создавали за городской чертой, а отчасти и внутри города, свои фамильные («отни») монастыри, которые по масштабу и пышности оформления немногим уступали фамильным монастырям их отца и деда Ярослава.

---

[1] Н. Н. Воронин. Древнерусские города, стр. 19.

[2] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947 гг.). Киев, 1950, стр. 166.

[3] М. К. Каргер. Вышгородский храм-усыпальница Бориса и Глеба. СА, XVI, 1952, стр. 94—95.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН УССР[1]

АРХЕОЛОГІЯ, т. I, 1947; т. II, 1948; т. III, 1950; т. IV, 1950; т. V, 1951.

АРХЕОЛОГІЧНІ ПАМ'ЯТКИ УРСР, т. I, 1949; т. II, 1949.

Археологические памятники на территории Украинской ССР широко известны и имеют огромное значение для исторической науки. Исследование их, систематически проводившееся в послеоктябрьский период и принявшее особенно большой размах в послевоенные годы, значительно пополнило число источников по истории нашей Родины. Поэтому следует приветствовать возобновление издательской деятельности Института археологии АН УССР, прерванное войной. С 1946 по 1952 г. вышло пять сборников «Археологія», два сборника «Археологічні пам'ятки УРСР» и несколько монографических исследований. Эти издания являются публикацией большого количества важных археологических материалов, отражающих, к сожалению, не в полном объеме, археологические полевые исследования института как в довоенные годы, так и в послевоенный период (1946—1951 гг.). При этом большинство публикаций, хотя и кратких, отличается стремлением выделить самое существенное и, в отдельных случаях, хорошим анализом археологических источников.

Однако в подборе материала для своих сборников Институт археологии, повидимому, целиком полагается на самотек, не придерживаясь определенного плана. Поэтому ряд важнейших разделов археологической работы и большие теоретические вопросы зачастую остаются совершенно не освещенными в изданиях института. Это недопустимо для сборника «Археологія», который должен бы служить основным теоретическим органом Института археологии АН УССР и всех украинских археологов. В действительности «Археологія» не является таким боевым, теоретическим органом.

Крупнейший недостаток в работе института заключается в том, что в его изданиях не нашли достаточного отражения гениальные работы И. В. Сталина по вопросам языкознания. С этой точки зрения с особым вниманием следует отнестись к V тому, подписанному к печати 13 мая 1951 г. и вышедшему в свет к знаменательной дате — первой годовщине появления работ товарища Сталина по вопросам языкознания. Сборник

---

[1] Настоящая рецензия представляет собой обработанные для печати отзывы секторов и научных сотрудников ИИМК на издания Института археологии АН УССР. Обработка произведена В. В. Кропоткиным.

открывается работой И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»; ей же посвящена редакционная передовая статья «Великий вклад в сокровищницу науки». Естественно было ожидать, что в сборнике найдут место работы украинских археологов, направленные к искоренению марристских заблуждений в археологии и к решению значительных исторических проблем в свете указаний товарища Сталина. Но уже упомянутая выше передовая вызывает крайнее недоумение. Важнейшему событию современной науки, открывшему перед советской археологией новые перспективы и являющемуся для нее неисчерпаемым источником творческих идей, редакция посвятила лишь неполные две страницы, на которых очень кратко повторены избранные положения из работ И. В. Сталина. Ни развернутой критики марризма в археологии и в особенности в работе украинских археологов, ни конкретных выводов относительно дальнейшей работы института в статье нет. Может быть украинским товарищам нечего критиковать? Достаточно обратиться к статье директора института и ответственного редактора сборника «Археологія» академика П. П. Ефименко «К вопросу об истоках культуры эпохи поздней бронзы на территории Волго-Камья», чтобы прийти к противоположному выводу. Статья полностью соответствует марристской стадиальной схеме. Немало таких же ошибок в капитальном труде П. П. Ефименко «Первобытное общество» (1938).

В статье В. Н. Даниленко «К киммерийской проблеме» содержатся прямые рецидивы марровской теории социально-этнических стадий в форме каких-то «этно-исторических трансформаций» киммерийцев в сколотов (скифов). Столь же странно утверждение Даниленко о нахождении центра киммерийской культуры в Приднестровье, основанное не на исследовании конкретного материала, а на сомнительном сопоставлении имени Таргитая с названием племени тирагетов. Вопрос об этнической характеристике киммерийцев Даниленко решает без учета указаний, данных И. В. Сталиным в труде «Марксизм и вопросы языкознания». Характеристика «этноса» у автора путаная; киммерийцы считаются у него народностью, тогда как они представляли собой отдельные племена или союз племен.

Среди сравнительно немногочисленных статей, посвященных разработке проблем скифо-сарматской археологии, выделяется исследование И. В. Фабрициус, совершенно не приемлемое в отношении методологии и теоретического уровня. Статья Фабрициус «К вопросу о топографизации племен Скифии» (т. V) опубликована редакцией в дискуссионном порядке. Она затрагивает спорные вопросы скифской этногеографии, которые много раз ставились в археологической науке как в дореволюционный период, так и в наши дни. В последнее время ими много занимался проф. М. И. Артамонов. Однако распределение племен Скифии по Геродоту на современной карте, произведенное Артамоновым, большинством археологов ставится под сомнение. Фабрициус, так же как и Артамонов, сделала попытку согласовать археологический материал с данными Геродота. Те выводы, к которым она пришла, лишь до некоторой степени совпадают с выводами Артамонова. Однако попытка Фабрициус распределить племена, названные Геродотом, на современной карте представляется еще менее удачной, чем этногеография Артамонова. Определяя площадь, обозначенную Геродотом для Скифии в 520 тыс. м², Фабрициус приходит к заключению, что Скифия VI—V вв. до н. э. занимала современную Украинскую республику, без западных ее областей. Далее автор сам себе противоречит, доказывая, что все среднее Приднепровье принадлежало нескифским племенам — будинам, центр которых находился в левобе-

режье Днепра (Посулье). Союз будинов далее противопоставляется скифам, населявшим, по Фабрициус, Приазовье и Нижнее Приднепровье (царские и кочевники), бассейн Ингульца (земледельцы) и верхнее Побужье (пахари). В отличие от Артамонова, Фабрициус не считает возможным включать в Скифию весьма близкую к верхнему Побужью культуру Среднего Поднестровья (западноподольские курганы, исследованные польским археологом Сулимирским).

В этом распределении племен у Фабрициус чувствуется еще более произвольное, чем у Артамонова, отношение к источникам — не только к письменным, но и к археологическим. Отмечая отдельные черты сходства в материальной культуре и главным образом в керамике племен, населявших Среднее Поднепровье, с культурой племен, населявших верхнее Поднестровье, где жили невры, Фабрициус принимает это за подтверждение данных Геродота о том, что невры в середине VI в. до н. э. селились среди будинов. Вряд ли наличие в курганах среднего Поднепровья отдельных сходных с высоцкими форм сосудов может быть достаточным для того, чтобы объяснить весьма путаное место Геродота. Близкие связи Среднего Поднепровья с Верхним Поднестровьем существовали еще задолго до скифского времени.

Совсем неприемлемым представляется вывод Фабрициус о гелонах Геродота. Автор помещает их в верховьях р. Тясьмин, на площади около 20 км². Гелонам якобы принадлежат городища Галущинское, Шарповское, Макеевское и Будянское. Гелоны — это греки, выходцы из Ольвии, постепенно ассимилировавшиеся местным населением. Однако они продолжали оставаться колонией-полисом, который высылал своего рода торговые форпосты на север и на юг. Такими форпостами греков Фабрициус считает Бельское городище и ряд поселений в низовьях рек Роси и Росавы. Сведения Геродота о гелонах-эллинах, занимавшихся земледелием в стране будинов-кочевников, относятся к числу самых запутанных в IV книге его «Истории». Ни один из исследователей, занимавшихся изучением скифской географии, не относился к ним как к достоверным. Совершенно невероятно, чтобы в такой воинственной стране, какой была Скифия VII—VI вв. до н. э., могла обосноваться греческая колония. Те доказательства, к которым прибегает Фабрициус, совершенно не убедительны и производят странное впечатление. Зачем понадобилось автору статьи поселить греков-колонистов в самом центре Украины?

Четыре городища, приписываемые автором полису гелонов, представляют собой поселение VI—первой половины V в. до н. э. Десятки других таких же поселений известны в лесостепной полосе Украины. Наличие в них греческой керамики может указывать на интенсивные торговые связи этого района с греческими колониями в VI—V вв. до н. э., но не более. Повидимому, эти городища не принадлежали скифам-пахарям, как это считалось ранее, а являлись поселениями нескифских племен геродотовской Скифии — невров, андрофагов, меланхленов. Племя будинов, по Геродоту, находилось значительно восточнее.

Отсутствие местной посуды в погребениях со скифским оружием и конским убором в богатых курганах у сел. Каштановки, Журовки и Макеевки также не может рассматриваться как доказательство их принадлежности гелонам-эллинам. В курганах были погребены богатые дружинники, в руках которых в этот период находилась торговля с греками и на долю которых приходилась бóльшая часть получаемой от торговли прибыли, так же как и бóльшая доля военной добычи. Богатые погребения с греческими сосудами без местной керамики встречаются и в других районах как Среднего, так и Нижнего Поднепровья.

Таким образом, некритическое отношение к сведениям Геродота приводит Фабрициус к преувеличению и искажению характера и роли греческой колонизации в жизни населения Северного Причерноморья. Это очень вредит правильному пониманию истории Скифии и материальной культуры скифов и ряда других нескифских племен.

Невозможно принять и последний вывод автора о том, что будины, великое племя, вместе с родственными им неврами и скифами-пахарями легли в основу южной ветви восточных славян. Тот факт, что никакого изменения в этническом составе населения Среднего Поднепровья не произошло в течение скифского периода, заставляет относить появление здесь славян к еще более ранней поре, а скифов-пахарей локализовать в более южных областях. Действительно, если сведения Геродота верны и скифы-пахари являются ираноязычным племенем, как и скифы-кочевники, то они никак не могут быть предками славянских племен Среднего Поднепровья. Одно из двух: или надо доказать, что сведения Геродота не верны и скифы-пахари являются особым, нескифским племенем, или же, если мы считаем скифов-пахарей и скифов-земледельцев ираноязычными племенами (по скифской легенде они, как и скифы-кочевники, происходят от одного предка), то всякие рассуждения о скифах-пахарях как предках восточных славян отпадают, и локализация их в Среднем Поднепровье отодвигает исконные области славян в более западные или северные области, что противоречит археологическому материалу. Известно, что многие буржуазные археологи Западной Европы, всячески принижавшие историческое прошлое древних славян, помещали славянскую прародину в Пинские болота. Эти рассуждения, извращающие археологические свидетельства, не имеют ничего общего с наукой.

Что касается истории скифских племен и особенно происхождения скифов-кочевников, то и здесь Фабрициус не свободна от пережитков учения Марра. Игнорируя свидетельство Геродота о приходе скифов из Азии, автор старается во что бы то ни стало доказать автохтонность не только земледельческих, но и кочевых племен Скифии. Для этого Фабрициус доводит существование ямной и катакомбной культур на территории Нижнего Поднепровья и Приазовья до предскифского времени, что противоречит общепризнанным в советской археологии датировкам. Вопрос о происхождении срубной культуры и отношении ее к скифам Фабрициус обходит молчанием. А между тем в последнее время все бóльшую поддержку находит мнение, высказанное В. А. Городцовым и рядом других исследователей, о приходе носителей срубной культуры из Поволжья и их генетической связи со скифами. Именно они сыграли весьма значительную роль в формировании приднепровских скифов, т. е. тех, которые по легенде, переданной Геродотом, вторглись из Азии.

Очень мало конкретны и те немногие социальные характеристики скифов, которые изредка встречаются в статье Фабрициус.

Положительным моментом в исследовании Фабрициус является попытка выделения локальных вариантов скифской культуры. Однако важные для археологической карты 14 культурных областей, отражающих эти варианты, не нашли соответствующего применения в работе и фигурируют в ней в качестве приложения.

Таким образом, это исследование не соответствует требованиям, которые в настоящее время ставятся перед советской наукой; статья написана в духе порочного марровского автохтонизма и изобилует грубыми фактическими ошибками. Помещение статьи Фабрициус, даже в дискуссионном порядке, является ошибкой редакции сборника «Археологія».

Несколько лучше обобщающие теоретические статьи по славяно-русской археологии, но и они содержат многочисленные и в некоторых случаях грубые ошибки, как, например, статьи М. Брайчевского. Его статья «К вопросу о так называемых римских влияниях в культуре древних славян» посвящена мало исследованной проблеме — характеру и значению экономических и культурных связей римских провинций и городов Северного Причерноморья с древними славянами в первые века нашей эры. Автор, голословно отрицая прогрессивное значение экономических и культурных связей древних славян с Римской империей, проявляет нигилистическое отношение к источникам и бесспорным историческим фактам, очень напоминающее отрицание антимарксистской вульгаризаторской «школой» Покровского прогрессивного значения принятия христианства на Руси и культурных связей Киевской Руси с Византией. Брайчевский модернизирует взаимоотношения между славянами и Римской империей, видя в них нечто вроде колониальной неэквивалентной торговли, при помощи которой более развитые римляне «бесстыдно эксплуатировали» различные племена Северного Причерноморья. Автор пишет: «В действительности так называемая торговля римлян с «варварским» населением была бесстыдной эксплуатацией этого населения и стала для империи способом выкачивания продуктов, необходимых для ее существования (в тех случаях, когда оружие оказывалось бессильным)»[1]. Брайчевский запутал совершенно очевидные отношения Рима и многочисленных племен, окружавших границы Римской империи. Действительно, покорение соседних территорий производилось римскими легионами самыми жестокими методами, а власть римлян в завоеванных областях поддерживалась террористическими средствами. Известны многочисленные походы римлян на соседние территории, где они захватывали большое количество необходимой им рабской силы. Но хорошо известно, что древние славяне никогда не были подчинены римлянам, а источники не сообщают нам о походах римских легионов во внутренние области Северного Причерноморья. Ясно, что славянская знать поддерживала с Римской империей только торговые и культурные связи,—никакого принуждения в этом не было и быть не могло. Поэтому утверждение, что римляне «бесстыдно эксплуатировали» древних славян, совершенно неправильно. В русской и иностранной буржуазной историографии много говорилось о неполноценности славян и об их подчинении и эксплуатации то готами, то варягами, то хазарами и т. д. Брайчевский выдумал еще каких-то новых «эксплуататоров» древних славян, допустив грубую ошибку и искажение исторических фактов. Опубликование статьи Брайчевского заслуживает решительного протеста и осуждения.

В статье Брайчевского «О датировке шиферных пряслиц»[2] игнорируются взгляды Б. А. Рыбакова по этому вопросу. Автор заявляет, что «проблему датировки шиферных пряслиц в нашей археологической науке до сих пор никто специально не изучал» (т. IV, стр. 9), очевидно, «забывая», что Рыбаковым на эту тему опубликовано специальное исследование, где доказано, что в хорошо датированных монетами комплексах шиферные пряслица встречаются только со второй половины X в. В известном черниговском княжеском кургане Черная могила таких пряслиц еще нет, а найдены глиняные пряслица. Очевидно, что, только опровергнув точные доказательства Рыбакова, автор может надеяться на иное разрешение этого вопроса. Брайчевский же просто замалчивает доказательства

[1] «Археологія», V, стр. 90.
[2] «Археологія», IV, 1950.

Рыбакова, чем опорочивает и его известную монографию «Ремесло древней Руси», некоторые важные выводы которой исходят из датировки шиферных пряслиц XI—XIII вв.

Недостатками страдают и работы по палеолиту и неолиту.

В этом же четвертом томе помещена малоудачная статья В. Н. Даниленко «О наскальных изображениях Каменной могилы». Автор разделяет наскальные изображения Каменной могилы на ряд комплексов — палеолитический, эпипалеолитический, неолитический и эпохи бронзы. Однако почему одно из изображений относится к раннему неолиту, а другое к эпипалеолиту — мы не узнаем из статьи. Полное отсутствие обоснований датировок отдельных изображений видно и при сравнении со статьей О. Н. Бадера «О петроглифах Каменной могилы», давшего другое разделение изображений во времени (например, изображение лошади, считаемое Даниленко самым поздним, Бадер считает одним из самых ранних). Даниленко, раскопавший многослойную стоянку у Каменной могилы, имел полную возможность провести хотя бы сравнение фаунистических остатков из разных слоев стоянки с изображенными на Каменной могиле животными, но он этого не сделал. Он не сравнил рисунков Каменной могилы с другими изображениями на камнях из Причерноморья, что могло бы ему помочь при датировке изображений. Не дав убедительной хронологии петроглифов Каменной могилы, Даниленко не сумел убедительно расшифровать и их семантику. Его построения по этому вопросу недалеко ушли от марристских рассуждений о первобытной магии и т. п. Расшифровка многих рисунков сомнительна. Так, рисунки «решеток», которые Даниленко считает неолитическими изображениями охотничьих загонов, сделанными для магической помощи при охоте, известны на керамике скотоводческо-земледельческой срубной культуры эпохи поздней бронзы и, таким образом, должны быть объяснены иначе. В этом же сборнике помещены авторефераты двух диссертаций по палеолиту: В. Н. Даниленко «Нижнепалеолитическое стойбище Круглик как исторический источник» и И. Г. Шовкопляса «Супоневская палеолитическая стоянка». Нельзя не отметить узости тем диссертаций, не ставящих больших исторических вопросов. К тому же местонахождение Круглик, описанное Даниленко, представляет собой более чем сомнительный памятник, давший небольшое число кремней, о которых нельзя уверенно сказать, обрабатывал ли их когда-либо человек. Во всяком случае, делать на основании таких материалов выводы о «необходимости ретроспективного рассмотрения вопроса о метательных орудиях как ведущей линии в развитии первобытной техники» (стр. 176) и т. д. никак невозможно. Статьи по первобытной археологии IV тома «Археологiи», как и в других томах, показывают слабое состояние этого отдела науки в Институте археологии АН УССР.

В публикуемых работах украинских археологов зачастую наблюдается замалчивание достижений советских ученых, работавших на территории Украины, а приводимая библиография по конкретным вопросам нуждается в серьезных дополнениях. Все эти «случайные упущения» дезориентируют читателя, представляя историю исследования ряда исторических проблем в искаженном виде. Примером этого может служить статья М. Я. Рудинского «Пушкаревская палеолитическая стоянка и ее место в палеолите Украины», открывающая I том сборника «Археологiя». Прежде всего удивляет тот факт, что автор, публикуя в 1947 г. материалы своих раскопок 1932 г., полностью игнорирует уже опубликованные материалы о раскопках, проведенных в Пушкарях в 1936—1946 гг. М. В. Воеводский издал план района Пушкарей с обозначением названий оврагов и расположенных в них палеолитических стоянок. Рудинский не считается с опу-

бликованными ранее данными, дает другие названия оврагам и стоянкам близ Пушкарей, что создает путаницу, в которой нелегко разобраться человеку, даже хорошо знающему Пушкаревский район. Но еще существеннее другое. Рудинский определяет место Пушкаревской стоянки среди других палеолитических стоянок только при помощи аналогий в западноевропейских материалах (даже названия орудий дает по-французски) и находок на Украине, совершенно не считаясь с палеолитом других районов СССР, в частности, не учитывая материалов Костенко-Боршевского района на Дону, где мы имеем полную стратиграфию верхнего палеолита, в том числе слои, идентичные Пушкаревской стоянке. В результате этого стоянка Пушкари неверно датирована Рудинским эпохой раннего ориньяка, тогда как сравнение ее с верхним слоем Костенок I позволило бы отнести ее к позднему солютре. Статья Рудинского 1947 г. очень напоминает его старые статьи 1926—1930 гг. в сборниках «Антропология», где палеолит и неолит Украины изучались вне связи с материалами других районов СССР при помощи отдаленных французских аналогий. Публикация такой статьи в наши дни производит по меньшей мере странное впечатление!

Не менее ярким примером искажения истории исследования является публикация недоработанной посмертной статьи Е. Ю. Кричевского, являющейся лишь частью работы, задуманной покойным исследователем. Публикация этой части в отрыве от остального материала искажает замысел всей работы. В результате важнейший вопрос хронологической классификации трипольской культуры преподносится редакцией в плане исследований конца XIX — начала XX в. с полным игнорированием последних работ, в том числе и работ самого Кричевского.

В значительной степени игнорированием результатов исследований археологов РСФСР вызывается порочная тенденция, характерная для многих авторов сборников «Археологія»,— стремление объяснить все или почти все археологические явления лишь связями территории Украины с западными соседями и с историческим процессом, происходящим в западных областях. В результате этого на восточные районы Украины не обращается должного внимания. Работы, посвященные археологии этих районов, за редким исключением в рецензируемых изданиях не появляются. До сих пор остаются совершенно не освещенными вопросы сармато-славянских отношений в первые века нашей эры на территории Украины, не решена проблема роменской культуры и ее взаимоотношений с салтово-маяцкой культурой в последние века I тысячелетия н. э.

В последние годы на Украине широко развернулись археологические полевые работы. Однако сообщения о результатах этих раскопок не нашли достаточно полного отражения в изданиях Института археологии, в особенности в отношении культуры «полей погребений». Информации о раскопках часто составлены недостаточно полно, без должного количества иллюстраций и планов, а иногда и просто небрежно (отчет Гончарова о раскопках Райковецкого городища).

Многие раскопки вообще никак не отражены в названных изданиях. Нет ни публикаций, ни обзорных статей, которые бы полностью показали размах археологических исследований в УССР.

Недостаточное место в изданиях украинских археологов занимает и археология античной эпохи. Мало внимания уделено исследованию Ольвии, совершенно нет работ о Тире. Не поставлен вопрос о взаимоотношении античных колоний с окружающими территориями, который привлекает в последнее время внимание многих исследователей (В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, Т. Н. Книпович и т. д.).

В сборниках отсутствует важный раздел критики и библиографии. В пяти выпусках нет ни одной критической статьи, ни одной рецензии, за исключением мало удачной статьи В. А. Богусевича о происхождении древнерусских городов, в которой критикуются взгляды по этому вопросу С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, В. В. Мавродина и Н. Н. Воронина, а также старые работы русских буржуазных историков. В русском резюме статьи Богусевич пишет: «Среди советских историков наиболее ценные суждения о происхождении древнерусских городов высказывали в своих работах С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров и В. В. Мавродин. Однако и они не отличаются последовательностью взглядов. Например, и С. В. Юшков и М. Н. Тихомиров, забывая марксистское положение о важнейшем признаке города как сосредоточения ремесла и ремесленного населения, часто причиной происхождения городов считают возникновение княжеских замков» (стр. 49). Странная критика! С одной стороны, указанные авторы высказали «наиболее ценные суждения» о происхождении древнерусских городов, а с другой — они забыли основное марксистское положение о важнейшем признаке города как места сосредоточения ремесла и торговли. В то же время и в этой, и в другой статье того же автора — «О топографии древнего Чернигова» замалчиваются известные работы Б. А. Рыбакова по этим вопросам. Метод замалчивания достижений русских советских археологов характерен и для некоторых других статей, например М. Я. Рудинского «Пушкаревская палеолитическая стоянка и ее место в палеолите Украины» и т. д. Необходимо отметить также недостаточное внимание в изданиях Института археологии АН УССР к новейшим открытиям советских археологов. Публикуемый в них материал большей частью добыт в 1920—1930-х годах; большие работы последних лет получают на страницах сборников слишком слабое освещение. Таким образом, сборники не отражают хода полевых исследований на территории УССР, они превращаются в бессистемную публикацию залежавшихся материалов.

Круг авторов, принимающих участие в изданиях Института археологии, от тома к тому сужается, причем в последних томах представлены почти исключительно авторы из Киева и Львова; археологи других городов Украины не привлечены, так же как и ученые Москвы и Ленинграда. Усиливающийся отрыв от других научных учреждений, отсутствие контакта с ИИМК АН СССР, возрастающая замкнутость в области изучения и публикации памятников особенно сказываются в области скифо-сарматской и славяно-русской археологии.

Обращает на себя внимание и тот факт, что археологические исследования, опубликованные за пределами УССР, полностью выпадают из поля зрения издательства, на них не ссылаются авторы, пишущие о тех же исследованиях в изданиях Института археологии АН УССР.

В передовой редакционной статье к III тому сборника «Археологія» неоднократно подчеркивается, что данное издание является журналом. Можно ли в какой-либо степени согласиться с этим утверждением? Нет, нельзя. Сборники выходят крайне нерегулярно. Так, в 1949 г. не вышло ни одного тома. Передовые статьи, призванные обобщать и направлять работу украинских археологов, в указанных изданиях заменены краткими редакционными отписками, которые не ставят основных задач и проблем советской археологии. Например, передовая к III тому посвящена лишь краткому пересказу содержания статей указанного тома.

Русские резюме статей отличаются чрезмерной краткостью, а иной раз и неясным изложением, в силу чего не дают должного представления о содержании статей. Нельзя также согласиться с применяемой системой

переводов статей русских авторов на украинский язык. Такие работы следует печатать в оригиналах.Не может быть, чтобы редакция сборников «Археологія» считала, что украинские читатели не знают и не понимают русского языка.

Оценивая сборники Института археологии АН УССР в целом, следует признать, что они не отвечают требованиям, предъявляемым нашей наукой к подобным изданиям. Они не имеют своего лица, засорены ошибками в духе буржуазного объективизма и аполитичности, не развертывают большевистской критики и самокритики, что особенно нетерпимо после разоблачения ошибочности «нового учения» Марра и его учеников и последователей.

Совершенно очевидно, что состояние археологических изданий отражает серьезные недостатки работы Института археологии в целом, замкнутость и оторванность украинских археологов от важных научных проблем советской науки и археологической общественности Москвы и Ленинграда. Это нетерпимое положение должно быть как можно скорее изжито. «Археологія» должна стать боевым, теоретическим органом советских археологов на Украине.

Советская археологическая общественность надеется, что Институт археологии сумеет преодолеть серьезные недостатки в своей издательской деятельности и превратить свой периодический орган — сборники «Археологія» в политически заостренное издание, отражающее действительные достижения в разрешении больших и важных проблем древней истории нашей Родины.

В 1952 г. Институтом археологии АН УССР были изданы тт. III и IV сборников «Археологічні пам'ятки УССР», в которых продолжается публикация материалов полевых исследований за 1947—1948 гг. В том же году изданы тт. VI и VII сборников «Археологія». В этих изданиях имеется ряд интересных статей и публикаций, но не видно решительной перестройки работы и ликвидации тех недостатков, о которых говорится в нашей рецензии. Попрежнему не развернута большевистская критика и самокритика, попрежнему нет активной борьбы с марризмом. Важнейшей теме о значении трудов И. В. Сталина для археологической науки посвящена только одна статья (А. И. Тереножкин. Труд И. В. Сталина по вопросам языкознания и некоторые вопросы изучения Скифии, «Археологія», т. VII). В остальных статьях эта тема совершенно не разрабатывается. Такое положение крайне ненормально.

Гораздо более благоприятное впечатление, чем другие издания, производят «Краткие сообщения Института археологии» (вып. 1, 1952), издающиеся на русском языке. Не вдаваясь в оценку отдельных статей, опубликованных в «Кратких сообщениях», необходимо отметить, что цель их — «хотя бы кратко, но быстро откликаться на основные археологические открытия и исследования, что способствовало бы возможно более скорому внедрению их в советскую науку, педагогическую практику и музейную экспозицию» (из предисловия редакции, стр. 4) — заслуживает полного одобрения.

А. П. СМИРНОВ. ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ. «Труды Государственного исторического музея», вып. XIX. М., 1951. 275 стр. Тираж 4500 экз. Цена 15 р.

История татар Поволжья и их предков — волжских булгар — давно привлекала внимание ученых. За годы советской власти эта отрасль исторической науки значительно обогатилась. Однако история волжских булгар, несмотря на значительный интерес, проявлявшийся к этому вопросу[1], до недавнего времени оставалась все же слабо освещенной. Только с развертыванием археологических исследований на территории Татарской, Чувашской и Марийской республик под руководством автора рецензируемой книги — А. П. Смирнова стало возможным постепенное заполнение этого белого пятна в истории народов СССР.

Для изучения истории волжских булгар археологический материал имеет особое значение, так как письменных источников по этому периоду истории народов Среднего Поволжья очень мало. Начатые более 20 лет назад археологические исследования на территории Среднего Поволжья в настоящее время значительно расширены[2]. До сих пор материалы исследований периодически печатались А. П. Смирновым и его сотрудниками в отдельных статьях и сообщениях[3]. В рецензируемом издании результаты исследований систематизированы и изложены достаточно полно, хотя итоги последних раскопок и не смогли получить соответствующего отражения.

Богатство научного материала сочетается с доступной формой изложения.

Археологический материал, в сочетании с письменными источниками, умело сопоставляется также с материалом этнографическим и фольклорным, а в отдельных случаях с антропологическим и лингвистическим. Это позволило А. П. Смирнову прочитать впервые многие страницы истории волжских булгар и всесторонне охарактеризовать булгарскую культуру с X до начала XV в. во всем ее многообразии. Работа в целом является ценным опытом обобщения и научного истолкования археологических источников по истории волжских булгар.

---

[1] Краткий историографический обзор исследований дан в работе А. П. Смирнова «Очерки по истории волжских булгар». «Тр. ГИМ», вып. XI, М., 1940.

[2] А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт. Археологические работы в районе строительства Куйбышевской ГЭС. ВАН СССР, 1951, № 14, стр. 33—34.

[3] З. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская. Раскопки Великих Болгар. КСИИМК, XXXIII, 1950; З. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская. Исследования города Болгара. КСИИМК, XXVII, 1949; А. П. Смирнов. Археологические памятники на территории Марийской АССР. Козьмодемьянск, 1949; А. П. Смирнов. Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948 и др.

А. П. Смирнов показывает самостоятельность и своеобразие булгарской культуры и ее высокий уровень, разоблачая тем самым представления буржуазных ученых о неполноценности культуры волжских булгар. Он правильно указывает, что «история волжских булгар — одна из значительных и интересных страниц нашего прошлого. Без знания истории волжских булгар нельзя написать историю казанских татар, чуваш, мордвы, мари, удмуртов и коми» (стр. 3). История волжских булгар также была тесно связана с историей древней Руси, особенно с историей Владимиро-Суздальского, Рязанского и Московского княжеств.

Всю книгу можно разделить на две части. В первой части (главы I, II и III) дается общий очерк истории волжских булгар до образования Казанского ханства. Вторая, гораздо более обширная часть книги (главы IV, V, VI, VII и VIII) специально посвящена характеристике материальной культуры булгар.

В первой главе автор выдвигает новую, хорошо аргументированную точку зрения на происхождение волжских булгар, выделяя значение пришлых аланских и местных племен. А. П. Смирнов показывает генетические связи археологических памятников волжских булгар с более ранними памятниками этой же территории, с культурой городищ «рогожной керамики» и с пьяноборской культурой (стр. 11—12). Изучая этногенез волжских булгар, автор проявил большую осторожность в лингвистических вопросах[1]. Такой подход спас автора от беспочвенногофантазирования о «яфетическом» характере населения Волго-Камья эпохи бронзы, о тюркоязычности первобытных племен, живших около Казани, о стадиальном перевоплощении древнейших яфетических племен Восточной Европы в тюркоязычных болгар и татар — от всего того, что, к сожалению, имело место в трудах некоторых историков, занимающихся вопросами этногенеза татарского народа[2]. Только рабски следуя антиисторической схеме Н. Я. Марра, можно было отбрасывать достижения сравнительно-исторического метода и выдвигать бездоказательную идею происхождения тюркских языков Поволжья из совершенно не похожих на тюркские «яфетических» языков, которые якобы «были предками в равной степени позднейших тюркских, и финских, и славянских языков»[3]. А. П. Смирнов также совершенно правильно не смешивает язык с другими сферами человеческой деятельности и не переносит закономерности, действующие в этих областях, на закономерности развития языка. Проделанный им анализ показывает, что преемственность культур на территории Среднего Поволжья не служит доказательством непрерывности языковой традиции на этой территории. Первую сильную струю тюркского влияния он связывает с приходом сюда в VII—VIII вв. н. э. из степей Приазовья булгарских племен, в основе своей алано-сарматских, но, несомненно, испытавших гуннское влияние (стр. 22, 83). На булгарском археологическом материале X—XII вв. А. П. Смирнов достаточно убедительно доказывает существование южных и северокавказских культурных элементов, связанных с той областью, где, по сведениям византийских источников, жили древние булгары, причем эти элементы очень устойчивы и их довольно много (стр. 20—22 и др.). Автор делает правильный вывод, что на Среднюю Волгу пришли не отдельные случайные выходцы с юга,

---

[1] Единственная ссылка на Н. Я. Марра на странице 26 относится к факту, хорошо известному из исторических источников (о значении слова «Сувар»).

[2] См., например, сборник «Происхождение казанских татар». Казань, 1948, стр. 92, 94. ИАН СССР. Отд-ние литературы и языка, т. VIII, вып. 4, 1949, стр. 394.

[3] Сб. «Происхождение казанских татар», стр. 92.

а большая, сильная этническая группа, которая сумела в чуждых условиях сохранить свой тюркский по характеру язык (стр. 27).

Но из того, что тюркская речь зазвучала в Среднем Поволжье сравнительно поздно, А. П. Смирнов не делает вывода об отсутствии древних корней волжских булгар и татар на этой территории. Результатом скрещивания пришлых с юга булгарских и местных племен было «не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков»[1], ассимиляция местных племен и победа булгарских. Древнейшее население края, воспринявшее от пришельцев с юга их язык, вошло в состав волжских булгар, передав им, конечно, некоторые языковые элементы и бытовые черты. В этом отношении весьма интересно свидетельство современника — высказывание Масуди, относящееся к середине X в.: «Булгаре составляют великий могущественный народ, который подчинил себе все соседние народы»[2].

Особый интерес представляет конкретно-историческое изучение второй волны тюркских племен — кипчаков.

Приведенный во второй главе книги материал о генезисе феодализма у волжских булгар свидетельствует о несостоятельности распространенного среди некоторых советских историков, глубоко ошибочного утверждения о Булгарском государстве IX—X, XI—XII и начала XIII в. (т. е. до монгольского завоевания 1236 г.) как о дофеодальном государстве[3]. С точки зрения этого утверждения представляется весьма неясным экономический строй Булгарского государства домонгольского периода. Признавая существование дофеодального государства, мы не можем ясно показать, какой же общественно-экономической формации соответствует это государство. Из приведенного в книге А. П. Смирнова материала видно, что и мнение о Булгарском государстве как временном и непрочном военно-административном объединении не имеет оснований[4]. Он также опровергает созданное буржуазной наукой представление о низком уровне развития производительных сил на территории Среднего Поволжья в средние века.

Археологические данные, приведенные А. П. Смирновым, указывают на разложение первобытно-общинных отношений и появление классов примерно с IV в. н. э. и говорят о высоком уровне развития производительных сил у населения Волжско-Камского края во второй половине I тысячелетия н. э. Уже в VIII в. существовало здесь плужное земледелие (стр. 16). Анализ найденных А. П. Смирновым в зерновых ямах многочисленных остатков зерен злаков и семян сорных растений свидетельствует о разнообразном составе зерновых культур, возделываемых на старопахотных почвах, и указывает на возможность только паровой системы земледелия. Последние раскопки 1949—1951 гг. доставили большой новый материал, дающий все основания полагать, что «булгары создали самостоятельную земледельческую культуру, которая по технике и по составу возделываемых культур занимала высокое место в средневековой Европе»[5]. В этой связи отметим, что проводимая в книге «История Татарской АССР» точка

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 53.

[2] А. Я. Гаркави. Дополнения к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах». СПб., 1871, стр. 34—35.

[3] «Материалы по истории Татарии», вып. 1. Казань, 1948, стр. 168; С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1, изд. 3. М., 1950, стр. 61.

[4] М. Сафаргалиев. Один из спорных вопросов истории Татарии. ВИ, 1951, № 7, стр. 75.

[5] А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт. Археологические работы в районе строительства Куйбышевской ГЭС. ВАН СССР, 1951, № 11, стр. 40.

зрения о заимствовании народами этой области паровой системы земледелия, принижающая уровень экономического развития народов Среднего Поволжья, должна быть оставлена[1]. Именно в результате развития земледелия ко второй половине X в. феодальные отношения у булгар становятся ведущими, а феодальный способ производства господствующим. А. П. Смирнов показывает, что местное население прошло длительный путь развития, и о примитивности булгарского общества этого времени не может быть и речи. Наличие небольших городищ-замков, обнесенных мощной системой оборонительных сооружений, автор рассматривает как естественное продолжение истории частного землевладения, начавшейся с момента распада родовых отношений и появления частной собственности на землю, как результат труда подневольного населения (стр. 28—29, 36—37). Складывавшаяся государственная власть помогла окрепнуть владельцам этих замков. «Этот первый период истории Булгарского государства,— утверждает А. П. Смирнов,— характеризуется борьбой сторонников старых родовых отношений и новых, феодальных» (стр. 32). Он обращает внимание на основной признак феодального способа производства и методологически вполне правильно ставит вопрос о характере эксплуатации, вопрос о том, кого именно эксплуатировал булгарский землевладелец. Анализируя скупые сведения письменных источников и археологический материал, А. П. Смирнов подходит к весьма важному выводу, что рабство не могло существовать в булгарском обществе в широких масштабах, что преобладала эксплуатация зависимого крестьянства (стр. 36—37). По его мнению, «сороковые — шестидесятые годы X века можно условно признать датой, отделяющей дофеодальный период волжских булгар от феодального» (стр. 38). Стало быть, дофеодальный период, когда складывались и созревали феодальные отношения у булгар и создавалась соответствующая им надстройка, необходимая феодализирующейся знати, облегчившая ей овладение землей и свободным крестьянством, относится к более раннему времени. Автор правильно отмечает, что «период формирования булгарского государства проходил под властью Хазарского каганата. До начала X в. различные племена еще не были объединены и непосредственно подчинялись хазарскому кагану» (стр. 27). Хазарский каганат не играл никакой положительной роли в создании государственности волжских булгар, а только тормозил процесс объединения булгарских племен и развитие булгарской государственности. В непрерывной борьбе с хазарским засилием, которое продолжалось до третьей четверти X в., складывалось феодальное булгарское государство. А. П. Смирнов правильно подчеркивает, что только разгром древней Русью Хазарского каганата в 965 г. окончательно освободил булгар от хазарского ига и создал необходимые условия для самостоятельного развития Булгарского государства (стр. 32).

Третья глава посвящена краткому очерку политической истории волжских булгар под игом Золотой Орды. Здесь автор дает правильную марксистско-ленинскую оценку монголо-татарского завоевания Волжской Булгарии, сопровождавшегося разрушением ее важнейших городов и древнейших очагов земледельческой культуры, и подчеркивает реакционную роль золотоордынского ига. Население Волжской Булгарии долго и упорно сопротивлялось иноземному нашествию. История Булгарии этого периода рассматривается в тесной связи с историей самой

[1] «История Татарской АССР», т. 1. Казань, 1950, стр. 157. Эта неправильная точка зрения получила отражение и в статье Н. И. Воробьева «Этногенез чувашского народа». СЭ, 190, № 3, стр. 67.

Золотой Орды. Автор убедительно доказывает свой тезис о том, что, «войдя в состав нового государства, Булгария явилась одним из элементов, из которых сформировалась золотоордынская культура Нижнего Поволжья» (стр. 53). Насильственно уведенные из Волжской Булгарии ремесленники играли в жизни городов Нижнего Поволжья довольно большую роль, и культура булгарских городов XIII—XIV вв. получила много общих черт с культурой городов Нижнего Поволжья (стр. 64). Недостаточно раскрывается на фактическом материале интересное утверждение автора: «Булгарские князья, признававшие власть татар, получили назад свои владения. Никакой разницы в положении их и русских князей мы не наблюдаем» (стр. 54). А. П. Смирнов оправдывает такую лаконичность в изложении этого вопроса следующими словами. «Мы плохо знаем внутреннюю историю золотоордынской Булгарии. Этот период для нас еще более темен, чем эпоха X—XII вв.» (стр. 60). Почему же нельзя было привлечь шире сравнительно-исторические данные о деятельности монгольской администрации в других покоренных землях? В частности, автор почему-то вовсе не использовал для этой цели материалы из монографии А. Н. Насонова «Монголы и Русь».

Вопрос об освобождении булгар от золотоордынского ига также заслуживает дальнейшего исследования. В то время как междоусобная борьба золотоордынских ханов привела во второй половине XIV в. к полному упадку производительных сил Золотой Орды, поддерживавшихся и развивавшихся насильственными мероприятиями ханов, производительные силы булгарского общества медленно, но неуклонно развивались, несмотря на тяжелое иго. «Эта новая обстановка, несомненно, повлекла за собой ряд изменений в положении Булгарии. Стало заметным стремление булгарских князей к сепаратизму, к эмансипации» (стр. 67). Но еще не ясны все детали процесса объединения булгарских земель в одно целое крупное государственное образование вокруг Казани, которая в силу удачного расположения на торговом пути и относительной безопасности от набегов соседей получила определенное преобладание над Болгаром и стала центром сложившегося во второй четверти XV в. Казанского ханства. А. П. Смирнов разделяет мнение историков, приписывающих основание Казанского ханства Улу-Мухаммеду (стр. 73, 76, 83). Однако есть достаточное основание предполагать, что это было сделано не самим Улу-Мухаммедом, постоянно занятым походами на русские земли, а его сыном Махмутеком. Последний в 1445 г., согласно сведениям ряда русских летописей, убил местного казанского вотчича князя Али и провозгласил себя первым казанским ханом»[1].

Наибольший интерес представляет вторая половина книги, выводы которой, в сущности, определяют общее направление всей работы А. П. Смирнова. Эта часть работы целиком написана на основе кропотливого анализа археологического материала.

Четвертая глава «Пережитки булгарской культуры у казанских татар и чуваш» поднимает тему, которой не раз касались в различных статьях и исследованиях как сам А. П. Смирнов, так и другие авторы в связи с этногенезом народов Поволжья[2]. Но данную главу можно считать,

---

[1] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, т. I. СПб., 1863, стр. 6—7.

[2] А. П. Смирнов. К вопросу о происхождении татар Поволжья. СЭ, 1946, № 3; Н. И. Воробьев. Происхождение казанских татар по данным этнографии. СЭ, 1946, № 3; Н. И. Воробьев. Этногенез чувашского народа по данным этнографии. СЭ, 1950, № 3 и др.

пожалуй, наиболее убедительной из всего написанного ранее. По мнению автора, «если провести сравнение культуры булгаро-татарской с культурой Казанского ханства и современных татар, то не трудно будет убедиться в том, что основой культуры казанских татар является булгарская» (стр. 76). Значительную ценность имеет вывод автора, что «процесс формирования татар в районе Поволжья был весьма длительным и сложным. Его нельзя начинать лишь с эпохи монгольского завоевания, как это обычно принято делать. Это время внесло меньше всего новых элементов в этногенез татар» (стр. 82). Таким образом, вопреки мнению большинства буржуазно-националистических историков, татары Среднего Поволжья не рассматриваются как прямые потомки завоевателей монголо-татар.

Интересны страницы пятой главы, посвященной характеристике военного искусства волжских булгар. Булгарам X—XII вв. были известны приемы постройки крепостей, отвечавших всем требованиям военной техники того времени. По мнению А.П. Смирнова, булгарские города имели оборонительный характер, так же, как и русские города, о чем мы можем судить по летописи и по археологическим данным (стр. 93). «За длительное время существования Булгарского ханства оборона булгарских городов значительно эволюционировала, — пишет автор. — Позднее, в момент монгольского нападения, они сумели в продолжение трех лет сдерживать натиск монгол, а в период Казанского ханства Казань, или, как ее еще называли «Новый Болгар», являлась первоклассной крепостью» (стр. 93). Наряду с этим автор вскрывает и причины слабости булгар в полевом военном искусстве. Основным родом войска у них была тяжелая конница, а пехота имела подсобное значение. Поэтому тактические приемы булгар, рассчитанные главным образом на неожиданное и внезапное использование конницы, были мало пригодны в борьбе с противником, обладавшим хорошими пешими дружинами. Булгарская конница не была также приспособлена к взятию городов, и систематической и правильной осаде.

Пожалуй, самой удачной главой исследования А. П. Смирнова является шестая глава — о ремеслах. Одностороннее изучение булгарской торговли приводило до сих пор к переоценке ее исторической роли и к искаженному изображению всей булгарской экономики, когда торговля заслоняла собой ремесло, а импорт подменял местное производство[1]. Поэтому изучение А. П. Смирновым ремесла как важнейшей части той базы, на которой строилась высокая булгарская культура, следует приветствовать. В основу главы положен археологический материал, хранящийся в Государственном музее ТАССР, в Государственном Историческом музее в Москве, в Государственном Эрмитаже в Ленинграде и в коллекции Заусайлова в Хельсинки.

«Булгарское царство было одним из немногих государств средневековой Европы, в котором в наиболее короткий срок создались условия для высокого развития ремесленного производства в ряде отраслей» (стр. 105). Отделение ремесла от земледелия совершилось задолго до X в. в связи с переходом к плужному земледелию, так как потребовалось значительное количество железных земледельческих орудий. Дальнейшая дифференциация ремесла уже относится к X—XIII вв. и была связана с последующим развитием производительных сил и феодальных отношений.

---

[1] См., например, Н. Н. Ф и р с о в. Из истории торгово-промышленной жизни Поволжья (с древнейших времен до осмотра этого края Екатериной II). Казань, 1898, стр. 9.

С X в. началась характерная для средневековых городов специализация кузнечного и оружейного производства. А. П. Смирнов тщательно анализирует технику, дает обзор ремесленной продукции и показывает, что ремесло было разделено на городское и сельское.

Приводимые им данные в корне изменяют старые представления об уровне развития металлургии у булгар. В 1947 г. при исследовании Болгарского городища были открыты сыродутные горны и литейные печи, дата которых хорошо устанавливается золотоордынскими монетами. Выдающуюся научную ценность представляет находка при раскопках этого же года чугунного котла. Тщательное изучение культурных напластований, произведенное З. А. Акчуриной под руководством автора книги, доказало, что «горизонт культурного слоя над котлом никогда не нарушался, и котел действительно лежал в слое XIV века» (стр. 112). В 1949 г. при раскопках вместе с многочисленными кусками чугунного литья (около 10 тыс. кусков) были обнаружены остатки чугунолитейного производства в Болгарах «в самом нижнем горизонте золотоордынского слоя начала XIV века или может быть, конца XIII века» (стр. 115). Исследованием Б. А. Колчина установлено, что температура плавления найденного булгарского чугуна равняется примерно 1100°. Чугунные изделия напоминают по форме образцы лепной булгарской глиняной посуды, повторяя в чугуне тот же самый тип, что достаточно ясно свидетельствует о местном производстве чугуна. Все это убедительно доказывает, что булгары в XIV в. располагали такой железоделательной техникой, которая давала возможность получить чугун. Это дает право пересмотреть общепринятую точку зрения, относящую появление чугуна на территории СССР к XVI в. Следует также поставить вопрос о более раннем знакомстве народов СССР с чугуном по сравнению с Западной Европой. Если древнейшей литой вещью считалась находка в Англии, в церкви графства Суссекс, могильной плиты XIV в. (причем все исследователи считали, что чугун получен из Stukofen), то, по справедливому замечанию А. П. Смирнова, найденный в Болгарах в 1947 г. чугунный котел «является одним из наиболее ранних образцов чугунного литья в Европе» (стр. 112).

Подробно описывая продукцию булгарских медников и ювелиров, А. П. Смирнов отмечает прекрасное качество металла, свидетельствующее о высоком уровне цветной металлургии у булгар. В своих изделиях «булгарские металлурги ни в одном случае не переходят через критическую грань примеси к меди не более 33,3% олова, допускаемого современной техникой» (стр. 117).

Изученная А. П. Смирновым техника обработки кости у булгар свидетельствует о большом навыке мастеров и об установлении определенных, раз навсегда принятых форм для производства тех или иных изделий, от которых ремесленники уклонялись редко. В главе проанализирован также весь комплекс булгарских керамических изделий — разнообразие форм и типов, наличие специальных ремесленных клейм — и дана классификация керамики отдельных булгарских городов.

Булгары славились обработкой кожи и дерева. Киевский воевода Добрыня во время похода на волжских булгар говорил своему князю Владимиру: «Сглядах колодник, и суть вси в сапозех; сим дани нам не платити, пойдем искать лапотник»[1]. Но техника обработки кожи и организация сапожного производства не получила у А. П. Смирнова подробного освещения, которое можно было бы дать на основе анализа археологического материала.

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 71.

Весьма интересно предположение автора о существовании в булгарских городах цеховой организации у ремесленников еще до появления там монголов (стр. 147), основанное на изучении социальной топографии городов Болгара и Сувара и на анализе поразительного сходства форм и орнаментики некоторых типов изделий и их технических приемов. В пользу предположения А. П. Смирнова говорят также надписи на замках, надгробия мастеров и общий характер булгарского ремесла, при котором могли и должны были существовать цехи.

Все приведенные в главе фактические данные дают достаточно обильный материал для суждения о высоком уровне развития булгарского ремесла.

В седьмой главе, называющейся «Русский элемент в культуре булгар», сопоставляя летописные свидетельства с разнообразным вещевым материалом, автор приходит к выводу «о существовании в древности близких культурных связей между древней Русью и булгарами» (стр. 162). При этом правильно ставится вопрос о взаимовлиянии: «Все это неизбежно способствовало появлению в булгарской культуре черт, свойственных русским, и в русской — булгарских» (стр. 154). Анализируя вещевой материал, автор доказывает следы русского влияния на развитие булгарского ювелирного искусства — на производство парадных топориков и материалов, применявшихся при изготовлении пластинок для украшения сбруи. Особый интерес представляют наблюдения автора, касающиеся использования булгарскими ремесленниками некоторых художественных мотивов, характерных для древней Руси, например растительного орнамента в форме трилистника, напоминающего знак Рюриковичей на древнерусских монетах (стр. 162—163).

В конце главы приведен новый археологический материал, который позволяет еще шире ставить вопрос о близких культурных связях между древней Русью и булгарами. При раскопках последних лет найдено много шиферных прясел и стеклянных браслетов, широко известных среди русских древностей, и немало обломков курганной славянской посуды XII—XIV вв., которая свидетельствует о проживании русских в Болгаре. Поэтому целиком и полностью надо согласиться со следующими словами автора: «Материал, полученный последними раскопками, дал возможность выяснить еще одну сторону взаимоотношений Руси с Булгарией, ранее ускользавшую от внимания историков,— разрешить вопрос о культурных связях между ними и о большом влиянии Руси на Волжскую Булгарию. Их тесные культурные взаимные связи, устанавливавшиеся в булгарский период, несомненно послужили основой того влияния, которое оказывала Московская Русь на политическую жизнь возникшего впоследствии Казанского ханства» (стр. 275).

Самой большой является последняя, восьмая глава—«Города волжских булгар». Начинается эта глава с утверждения, что «изучение развалин городов Волжской Булгарии не прошло еще первой стадии предварительного обследования...» (стр. 167). Действительно, за исключением появившегося еще в 1877 г. труда С.М. Шпилевского «Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губернии» и нескольких этюдов П. А. Пономарева о некоторых булгарских городах, нельзя назвать ни одной работы, где были бы затронуты вопросы истории городской жизни Волжской Булгарии. Попытка А. П. Смирнова воссоздать историю и внешний облик булгарских городов при помощи добытых им и его предшественниками вещественных памятников, а также письменных источников, легенд и преданий безусловно заслуживает внимания. Вполне естественно, что основное внимание автор уделяет Великим Болгарам, так

как «развалины столицы государства волжских булгар принадлежат к числу важнейших памятников нашего прошлого» (стр. 168).

Раскопки 1946—1948 гг. на территории Бабьего Бугра, где находится первый датированный древний могильник с поселением догородского периода, уточнили стратиграфию культурных напластований г. Великие Болгары. А. П. Смирнов приводит подробные данные по топографии города и его окрестностей. Любопытны соображения автора об этническом и социальном характере древнейшего поселения на территории Болгара (стр. 183). Однако он почему-то уклоняется от точной датировки основания г. Болгара и не сопоставляет своих наблюдений с выводами А. Ю. Якубовского, убедительно доказывающего на основе арабских источников и нумизматических данных, что столица волжских булгар была основана вскоре после путешествия Ибн-Фадлана, т. е. в 922, 923 и 924 гг.[1]

«Город Великие Болгары является единственным булгарским городом, где сохранились памятники архитектуры. Среди них два гражданских здания — бани, остальные культовые, датируемые XIV веком» (стр. 205). По планировке и общему облику город Болгар, исследованный А. П. Смирновым, ничем не отличался от обычного типа средневековых городов Поволжья. «Кварталы феодальной знати с их дворцами и улицами, вымощенными каменными плитами, с водными бассейнами, представляли собою красивую картину и резко отличались от скученных, грубо застроенных деревянными домами кварталов, где жили ремесленники» (стр. 145). Под пером А. П. Смирнова оживает внешний облик этого древнего города. Автор описывает Красную и Белую палаты, которые служили банями, и детально знакомит с их устройством, поскольку бани играли большую роль в общественной жизни булгар. Он детально описывает раскопанные кварталы древнего города, стараясь выделить отдельные здания и выяснить их назначение. Греческая палата оказывается церковью армянской колонии и характеризует тесные культурные связи Поволжья с Закавказьем. При раскопках в центре города были открыты остатки жилых деревянных домов, остатки части древней мостовой и водопровода XIV в. (стр. 201—202). Много внимания уделяет автор находкам бытового и производственного инвентаря. Он специально описывает обнаруженные при раскопках наиболее интересные вещи (например, остатки тканей и т. д.). «В отношении богатства и разнообразия вещественного материала Болгар является почти исключительным памятником. Это богатство — лучший показатель значения этого города, как крупного ремесленного и торгового центра феодальной Европы» (стр. 43). Находки таких вещей, как китайский селадон, среднеазиатская керамика, русские вещи, иранская керамика, сирийское стекло, византийская поливная керамика, подчеркивают широкие международные связи города.

Из других городов подробно описан Сувар, развалины которого расположены около дер. Кузнечихи в Кузнечихинском районе ТАССР. Автор излагает итоги собственных исследований на территории этого города в 1933—1937 гг.

В этой же главе дается краткая сводка данных по остальным городам, местонахождение которых в исторической литературе считается установленным, а именно: Биляр, Ошель, Жукотин, Тубулгатау, Керменчук, Казань, Кашан. Все булгарские города — это довольно крупные центры, окруженные ремесленными пригородами (стр. 105). Жители этих центров торговой и ремесленной жизни наряду с ремеслом занимались и сельским

[1] См. А. Ю. Якубовский. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгара IX и X веков. СА, X, 1948.

хозяйством, как и в других средневековых городах Европы. При раскопках найдены вещественные следы земледелия и скотоводства (стр. 148). Богатейший материал, добытый раскопками А. П. Смирнова, позволяет высоко оценивать городскую культуру булгар. Булгарские города развивались тем же путем и по тем же законам, что и города феодальной Европы. Но вместе с автором «приходится пожалеть, что булгарская деревня до сих пор не подвергалась еще детальному научному изучению» (стр. 115).

Рассмотрение всей книги в целом приводит нас к убеждению, что она является серьезным шагом вперед в деле систематизации и изучения памятников материальной культуры волжских булгар. В этом несомненная заслуга автора, в лице которого мы имеем наиболее активного и плодотворного исследователя древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья. Даже сделанный краткий обзор показывает, какие разнообразные интересные и важные вопросы затронуты и исследованы автором в рецензируемой книге. Нельзя не согласиться с ним, что «изучение вещественных и письменных памятников по истории народов Поволжья и систематические раскопки существовавших в Поволжье средневековых городов, проведенные в советский период, дали основание заново пересмотреть историю Волжской Булгарии, одного из ранних государств средневековой Европы, сыгравшего значительную роль в истории культуры некоторых народов Советского Союза» (стр. 275).

Однако рецензируемый труд А. П. Смирнова не свободен от недостатков.

Автор иногда избегает широких исторических обобщений и уклоняется от постановки новых больших проблем, обобщающих собранный им богатейший историко-археологический материал. Так, на его основе А. П. Смирнов мог бы поставить уже назревший вопрос о периодизации раннего и развитого феодализма у волжских булгар и татар, дать характеристику политических форм Булгарского государства в связи с развитием феодальных отношений. Было бы чрезвычайно ценно осветить духовную культуру далеких предков казанских татар.

Серьезный упрек вызывает способ использования автором показаний русских летописей, которые привлекаются им без анализа текста и учета времени возникновения того или иного летописного свода или известия, что особенно важно при использовании поздних летописных сводов, например Никоновского (XVI в.). Как правило, автор непосредственно цитирует текст и полностью полагается на его доброкачественность и бесспорность. Точно так же автор принимает ряд сведений из «Истории Российской с самых древнейших времен» В. Н. Татищева. Подобный подход к источникам приводит его порой к спорным или неверным выводам. Так, например, на наш взгляд, осталось недоказанным утверждение автора о возникновении Казани в XII в., опирающееся именно на показания позднейших летописных сводов, вносивших новую политическую и географическую терминологию в освещение ранних событий (стр. 61 и др.). В подкрепление своего взгляда автор ссылается на археологический материал, но не приводит его в характеристике Казани (стр. 269). Этот вопрос явно нуждается в критическом пересмотре.

Приведем и другой пример. В седьмой главе — «Русский элемент в культуре булгар», автор на основе большого материала делает правильный вывод о значительном воздействии русской культуры на культуру булгар. Но вопрос о взаимовлиянии булгарской и русской культур изложен неубедительно, так как автор, отмечая сходство форм и предметов, в ряде случаев не показывает, у кого и какой из отмеченных образцов был первоначальным. Выдвигая в примечании на стр. 165 совершенно

правильный тезис о том, что «сопоставление владимиро-суздальских храмов XII века с дюрбе городища Великие Болгары XIV века — незакономерно» и что решение вопроса о степени влияния булгар на сложение архитектуры Владимиро-Суздальской Руси следует «отложить до открытия памятников булгарской архитектуры XII—XIII столетий», А. П. Смирнов, однако, становится непоследовательным, когда начинает оперировать сведениями письменных источников по этому вопросу без тщательного источниковедческого анализа. Ссылаясь на известное указание В. Н. Татищева о заселении новых княжеских городов Юрием Суздальским[1], А. П. Смирнов пишет: «В качестве мастеров приходили и булгары. Это сообщение подтверждается Ипатьевской летописью, где при описании убийства князя Андрея говорится об огромной популярности владимирского князя у булгар». Данное место из книги В. Н. Татищева не дает никаких оснований предполагать, что булгарские новоселы были мастерами, а Ипатьевская летопись не подтверждает этого, а только говорит, что булгарские гости поражались блеском и совершенством княжеского дворцового храма в Боголюбове.

Приводимое на стр. 154, а также на стр. 137 рецензируемой книги свидетельство В. Н. Татищева о булгарских зодчих — строителях Юрьевского собора — не подтверждается другими, более ранними источниками. Точно так же не может быть признано вполне достоверным и сообщение «Жития» князя Андрея Юрьевича Боголюбского о привозе из Болгар в 1164—1165 гг. камней для постройки Успенского собора во Владимире и церкви Покрова в устье р. Нерли близ г. Боголюбова, на которое ссылается А. П. Смирнов на стр. 154 своей книги, так как текст этого «Жития» был составлен только в начале XVIII в.[2]

Недостаточность источниковедческого анализа чувствуется также в том, что, рассматривая порой весьма ответственные вопросы, автор приводит рядом показания восточных источников начала X в. и данные русских летописей о событиях XII—XIII вв. Так, например, неправильно использованы источники при решении вопроса о «феодальной борьбе», о вооруженных силах (стр. 39) и др. При подготовке книги к новому изданию автору следует тщательно пересмотреть свою интерпретацию данных русских письменных источников.

Нельзя также пройти мимо некоторых неверных положений, выдвинутых А. П. Смирновым. Например, трудно согласиться с его мнением о связи булгар и современных чувашей. На стр. 6 он пишет, что положение о родственности древних булгар и чувашей в настоящее время уточнено, но не показывает, как оно уточнено. На стр. 19 автор мимоходом бросает фразу: «В языке современных чуваш, которых связывают с древними булгарами, мы видим немало гуннских слов». А на стр. 55 и 85 он уже окончательно делает категорический, но весьма односторонний вывод о родстве булгарского и современного чувашского языка и видит в чувашах «одну из основных групп населения Волжской Булгарии и, несомненно, довольно значительную» (стр. 85). Но все это является результатом несомненного увлечения взглядами Н. И. Ашмарина[3]. Мне думается, что в таком спорном и неясном вопросе, как родство булгар и чуваш, нельзя полагаться на мнение одного ученого, в данном случае Н. И. Ашмарина, тем более, что его взгляды подверглись серьезной критике на сессии От-

[1] В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 3. М., 1774, стр. 76.

[2] В. Георгиевский. Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, 1896, стр. 3.

[3] Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши. Казань, 1902.

деления истории и философии АН СССР, посвященной вопросам истории чувашского народа[1].

Очень слабо аргументированы взгляды автора на происхождение мещеряков (стр. 57) и бессермян (стр. 76). Неправильно его утверждение, что «важнейшим памятником древнебулгарского языка... являются надгробные надписи, открытые в разных пунктах Булгарского царства» (стр. 85). Неясно изложен вопрос о соотношении булгарского и татарского языков (стр. 27). В связи с этим приходится констатировать ограниченность языкового материала, привлеченного автором. Лингвистические данные можно и должно широко использовать для познания истории народа и его культуры в свете ясного ответа И. В. Сталина на вопрос о связи между историей языка и историей народа: «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»[2]. Волжские булгары по языку принадлежат к народам тюркского происхождения. Изучение материалов, собранных в «Диване тюркских наречий» лингвиста XI в. Махмуда Кашгарского[3], и анализ словарного состава памятников древнетюркской и татарской письменности указывают на глубокую древность и устойчивость слов, входящих сейчас в основной словарный фонд татарского языка (терминология кровного родства и родственных отношений, хозяйственная лексика, бытовая лексика и т. д.). Проиллюстрируем это на нескольких примерах из области татарской земледельческой терминологии, основы которой были заложены еще в глубокой древности. Обращает на себя внимание корень *иг-*(*ик-*), который встречается еще в замечательном филологическом сочинении XI в. Махмуда Кашгарского в огласовке *ек-* со значением «сеять»[4]. В татарском языке до сих пор бытует большое количество производных слов от этого корня, обозначающих различные понятия земледельческого характера: «игу» — обрабатывать землю; «иген» — хлеб, жито; «игенчелек» — земледелие и т. д. От корня *иг* образовано и слово «игенче», издавна употребляющееся в татарском языке для обозначения крестьянина-земледельца и встречающееся в поэме «Нахж-эль-фарадис»[5]. Современные татарские названия злаков также имеются у Махмуда Кашгарского[6] и в половецком словаре 1303 г.[7] Общее татарское понятие — «ашлык» — для обозначения зерна, хлеба вообще было известно Махмуду Кашгарскому[8] и употребляется в поэме «Юсуф и Зулейха»[9], написанной поэтом Гали Кышани (т. е. из булгарского города Кашана) в 1210 г. Древность татарского термина «сабан» для обозначения сложного орудия плужного типа для обработки земли подтверждается Махмудом Кашгарским[10], половецким словарем[11]

---

[1] Материалы сессии, состоявшейся 30—31 января 1950 г. в Москве, опубликованы в № 3 журнала «Советская этнография» за 1950 г.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

[3] Atalay Besim Divani lügat it-türk tercümesi, тт. I—III. Ankara, 1939—1941. В дальнейшем ссылки на Махмуда Кашгарского даются по этому изданию на турецком языке.

[4] Махмуд Кашгарский. Ук. соч., т. I, стр. 168.

[5] Б. А. Ярфаров. Литература камско-волжских булгар X—XIV вв. и рукопись Нахж-эль-фарадис». Казань, 1950, стр. 13.

[6] Махмуд Кашгарский, т. I, стр. 123, 373; т. III, стр. 240.

[7] Codex Cumanicus Budapestini, 1880, стр. 130—131.

[8] Махмуд Кашгарский, т. I, стр. 373.

[9] На этот факт обратил мое внимание Б. А. Ярфаров.

[10] Махмуд Кашгарский, т. I, стр. 402; т. II, стр. 214; т. III, стр. 342, 416.

[11] Codex Cumanicus, стр. 8, 90, 180, 224.

и ярлыком Тимур-Кутлуга 1397 г.[1] Язык поэм «Юсуф и Зулейха» (1210) и «Нахж-эль-фарадис» (1358) очень близок к языку татарских письменных памятников эпохи Казанского ханства, к произведениям выдающегося татарского писателя XVI в. Мухамедьяра Махмуда Углы — «Тохфэи-мардан» (1539) и «Нуры-Сыдур» (1542)[2]. Изучение татарского языка в совокупности всех его особенностей, отличающих его от других родственных языков и отражающих процесс последовательного его вхождения в различные этнические и языковые общности, имеет исключительно большое значение для разрешения проблемы происхождения татарского народа и культурных взаимосвязей его с другими племенами и народами. Широкое использование данных сравнительно-исторического и диалектологического изучения татарского языка позволило бы А. П. Смирнову уточнить выдвинутые им положения и еще более повысило бы ценность его наблюдений и выводов по истории булгар и других народов Среднего Поволжья.

Данная на стр. 38 характеристика Киевского государства как государства «варварского» неправильна. В ходе дискуссии о периодизации истории СССР Киевская Русь IX—XI вв. получила освещение как раннефеодальное государство, история которого отражает единый период исторической жизни древней Руси, а не два периода — дофеодальный и начало феодального, как представляли раньше[3]. В то же время автор модернизирует общественный строй мордовских племен, заявляя, что «процесс феодализации у мордвы начал складываться... к XII веку» и что «к XII веку относится возникновение городов у мордвы» (стр. 47), к чему нет никаких оснований.

Невозможно согласиться с оценкой А. П. Смирновым похода золотоордынского князя Булат-Тимура на Волжскую Булгарию в 1361 г. как карательного похода. По мнению автора, стремление булгар к самостоятельности «заставило Булак-Тимура напомнить булгарам времена Батыя» (стр. 68). Наоборот, Булат-Тимур во время внутренних междуусобиц в Орде сделал попытку основать в Среднем Поволжье свое феодальное княжество, независимое от Золотой Орды, так же как князь Тагай основал такое княжество в мордовской земле с центром в Наручади. Только будучи правителем Булгарии, имея там определенную поддержку и опору, Булат-Тимур мог в 1367 г. совершить нападение на земли Нижегородского русского княжества, расположенного вверх по Волге от Булгарской земли.

Кроме того, слова «зая», «занял», «взял», которые употребляются в летописи при описании интересующего нас события 1361 г., не дают основания говорить о разгроме или разорении.

Нельзя утверждать, что после успешного похода на Булгарию в 1431 г. русские князья стали считать Булгарию в числе подвластных им земель и в качестве доказательства ссылаться на «Псковский летописец», где в титуле князя Ивана III упоминается князь Булгарский (стр. 72). Московский великий князь Иван III принял титул князя Булгарского в честь взятия Казани русскими войсками в 1487 г., а не в честь разорения Булгарии в 1431 г.

---

[1] И. Березин. Ханские ярлыки, т. II. Казань, 1851, стр. 5, 8.

[2] Н. Исәнбәт. Казан ханлыгы чоры әдәбиятыннан Мохеммедяр Махмуд Углы әсәрләре. «Совет әдәбияты». Казань, 1941, № 4.

[3] Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР см. ВИ, 1951, № 3, стр. 56; Б. Д. Греков. За осуществление задач, поставленных И. В. Сталиным в его работе «Марксизм и вопросы языкознания», ИАН СССР. Отделение истории и философии, 1951, т. VIII, № 4, стр. 318.

Чеканка монет продолжалась в Болгаре не до 1420 г., как утверждает автор на стр. 60, 72, 144 своей книги, а до 1428 г.[1]

Почему-то название персидской рукописи «Ферхег Наме» превращено в имя автора: «Недаром Фергат-Нано называл его (г. Болгар.— *Ш. М.*) тогда «золотым городом» — «Алтун тахт» (стр. 229). Казвини и Хамдулла, упоминаемые на стр. 231 как два различных автора, являются фактически одним автором по имени Хамдуллах Казвини.

Богатейший материал по раскопкам булгарских городов, изложенный в VIII главе, составляющей почти треть объема монографии, частью представлен в виде описаний, сходных с археологическим отчетом. При этом графический материал (планы, разрезы и др.) почти отсутствуют, что во многом затрудняет понимание читателем описываемых объектов, а многие чисто раскопочные подробности становятся просто непонятными. Крайне бедно или вовсе не иллюстрированы и другие разделы. Очень жаль, что издательство Государственного исторического музея поставило автора перед необходимостью сильного сокращения текста монографии и в особенности иллюстративного материала. В тексте книги и на таблицах всего 155 рисунков, что недопустимо для подобного капитального труда, подводящего итоги многолетним археологическим исследованиям. Книга А. П. Смирнова должна была отразить по возможности весь типичный для булгарской культуры вещевой материал, чтобы читатель и исследователь были в какой-то мере освобождены от необходимости искать этот материал, разбросанный в различных изданиях. Особенно это относится к многочисленным вещам и объектам, открытым экспедициями самого автора и почти не опубликованным.

Карта на стр. 41, рисующая культурные связи Булгарии, требует от автора специального сводного освещения в тексте. Вместо общей карты Восточной Европы XII—XIII вв. (стр. 48), где Булгария дана крайне мелко, следовало бы дать крупную карту самой Булгарии с нанесением всех городов и важнейших археологических памятников; этой карты не может заменить фактически «немая» карта булгарских оборонительных укреплений на стр. 95.

Однако и при отмеченных недочетах капитальная монография А. П. Смирнова является крупным этапом в изучении народов Поволжья. Она представляет первый опыт характеристики того вклада, который внесли предки казанских татар—волжские булгары—в общую сокровищницу культуры народов СССР. А. П. Смирнов воссоздает жизнь волжских булгар во всей ее многогранности и рассматривает сложный круг исторических вопросов на протяжении ряда веков. Дальнейшее всестороннее исследование древней истории булгар окажет большую помощь в деле конкретного изучения процесса образования татарского народа, а позднее и татарской нации. Принимая во внимание все возрастающие культурные потребности трудящихся масс татарского народа и его естественное желание знать свое богатое прошлое, было бы желательно перевести книгу А. П. Смирнова на татарский язык.

Книга А. П. Смирнова является новым доказательством огромной роли археологии для исторической науки и показывает новые успехи советской археологии.

Ш. Ф. Мухамедьяров

[1] А. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 502—503; В. Бартольд. Bulghār Enzyklopaedie des Islam, т. I. Leiden — Leipzig, 1913, стр. 824.

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ БУЛГАР В КНИГЕ А. П. СМИРНОВА «ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ»

Создание в X в. н. э. государства волжских булгар явилось важнейшим этапом в истории народов Поволжья и одним из наиболее значительных событий восточноевропейского средневековья. Объединив многочисленные местные и пришлые племена, Волжская Булгария явилась первым государственным образованием в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. Процесс классообразования, начало которого прослеживается уже в первые века нашей эры, был завершен, а начиная с эпохи Ибн-Фадлана мы можем говорить о формировании феодальных отношений. Как справедливо указывает автор рецензируемой книги, «производительные силы значительно вырастают; булгарский князь становится в центре того объединения, которое позднее выйдет на историческую арену под именем государства волжских булгар; складываются и созревают феодальные отношения, которые хотя еще и не господствуют в самом начале X в., но все же знаменуют скорое появление типичного феодального государства» (стр. 38). Экономический и социальный прогресс определил развитие высокой и оригинальной булгарской культуры, воспринявшей древние культурные традиции Поволжья и Приазовья и испытывавшей значительное влияние со стороны культуры древней Руси. Булгарская культура выдержала жесточайшее испытание монгольского нашествия и явилась основой, на которой сформировалась культура казанских татар и других современных народов Среднего Поволжья.

Одними из важнейших вопросов истории Волжской Булгарии являются вопросы о происхождении государства, определении этнических элементов, вошедших в его состав, выявлении культурных компонентов, взаимодействие которых привело к созданию булгарской культуры. Вместе с тем это и наиболее сложные вопросы, разрешение которых сталкивается со значительными трудностями. Немногочисленные письменные источники, касающиеся истории булгар, в большинстве своем относятся ко времени после X в., когда государство уже сложилось. К более раннему времени относятся лишь отдельные фрагменты из сирийских, армянских, византийских и персидских источников, не позволяющие осветить все стороны истории сложения государства. Такое состояние источников определило судьбу этого вопроса в исторической литературе. В большей части исследований сложный процесс возникновения Булгарского царства сводился к засвидетельствованному письменными источниками приходу в Среднее Поволжье из Приазовья кочевых булгарских племен. При этом полностью упускалась из виду роль, которую играли в формировании государства местные племена, аборигены Поволжья, история которых прослеживается здесь, начиная со II тысячелетия до н. э. И не удивительно:

в письменных источниках VIII—X вв. никаких сведений о них мы не найдем.

Только археологические данные, установившие точки соприкосновения древних культур Поволжья с булгарской культурой, обратили внимание исследователей на местные племена. Однако значительный материал, добытый дореволюционной русской археологией, не был достаточно изучен. Поэтому первые упоминания в исторических трудах о местных племенах, вошедших в состав Волжской Булгарии[1], носят общий характер. Указывалось лишь на самый факт существования в Среднем Поволжье добулгарского населения и древней культуры.

Лишь в советскую эпоху начались систематические и широкие археологические исследования на Средней Волге, позволившие во всеоружии подойти к проблеме происхождения Булгарского государства. Совершенно закономерно, что А. П. Смирнов, руководивший большей частью указанных исследований, в своей монографии уделил особое внимание этой проблеме. Еще в 1938 г. он писал о связи булгарской культуры с древними культурами Поволжья и о большой роли местных племен в формировании Булгарского государства[2]. В рецензируемой книге эта концепция представлена в наиболее развернутом и обоснованном виде.

В отличие от своих более ранних работ[3], А. П. Смирнов начинает главу «Дофеодальный период» не с истории булгарской орды, а с краткой характеристики древнейшего населения Волго-Камья. На основании антропологических и археологических данных он указывает на сложный, смешанный состав этого населения. Уже в ананьинскую эпоху в Прикамье отмечается смешение европеоидных и монголоидных типов, явившееся результатом связей этого района со степным Поволжьем и Сибирью. Приведенные автором доводы в пользу этого положения представляются полностью убедительными. Можно лишь добавить, что смешение различных групп населения и в более раннее время имело место на этой территории, являвшейся пограничной зоной между лесом и степью, зоной соприкосновения лесных охотничьих племен со степными скотоводческими племенами, создавшими срубную культуру.

Интересной иллюстрацией такого смешения является курган-кладбище эпохи бронзы, открытый в 1951 г. на северной границе Куйбышевской обл., у с. Хрящевки[4]. Среди 40 погребений этого кургана, наряду с типичными для срубно-хвалынской культуры, найдены большие ямы с беспорядочно наваленными костями нескольких человек. Подобные погребения, являющиеся результатом вторичного захоронения, известны в более северных районах, на территории Чувашской АССР. Сосуд, сопровождавший одно из таких погребений в нашем кургане, также необычен для срубной культуры и сближается с абашевскими формами.

В первые века нашей эры, как показывает А. П. Смирнов, связи между племенами становятся еще более тесными. Особенно четко представлены связи с западным Поволжьем. Отдельные группы населения проникают в это время из левобережья на правый берег, и наоборот, что подтверждается

---

[1] Н. Н. Фирсов. Прошлое Татарии. Казань, 1926; Б. Ф. Смолин. Археологический очерк Татреспублики. «Материалы по изучению Татарстана», т. II. Казань, 1925, стр. 32; Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 159.

[2] А. П. Смирнов. О возникновении государства волжских булгар. ВДИ, 1938, № 2.

[3] А. П. Смирнов. Очерки по истории древних булгар. «Труды ГИМ», вып. XI, 1940, стр. 58.

[4] А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт. Археологические работы в районе Куйбышевской ГЭС. ВАН СССР, 1951, № 11, стр. 38.

наличием скорченных погребений в пьяноборских могильниках. Представляется совершенно правильным вывод автора об ослаблении родовых отношений и сложении территориальной общины, что вело к тесному сближению населения. Оригинальной и убедительной иллюстрацией этих процессов являются описанные А. П. Смирновым фигурки, совмещающие черты нескольких тотемных животных. «Все эти факты,— заключает автор,— показывают, что в пьяноборскую эпоху в Прикамье складывались союзы племен — первый шаг к формированию народов» (стр. 9).

Таким образом, уже в глубокой древности северные племена Волго-Камья — предки удмуртов, коми, мари — находились в тесной связи с более южными и западными районами Поволжья, а также с Сибирью. Известная часть этих племен, генетически связанных с племенами ананьинской и пьяноборской культур, вошла в Булгарское царство. Но основную массу населения, как показал А. П. Смирнов, составляли не они, а «племена культуры городищ рогожной керамики и могильников типа Армиевского и Иваньковского, культуры, связанные с мордвой и чувашами, и, наконец, кочевники булгары» (стр. 27).

В эпоху сложения Булгарского царства автор различает на его территории две культуры: культуру оседлого населения лесной части области и сармато-аланскую культуру степного Поволжья. Первая представлена многочисленными городищами «рогожной керамики». Несмотря на значительную литературу, посвященную этим городищам, роль их в сложении булгарской культуры не была выяснена, а иногда и отрицалась совсем. Так, В. В. Гольмстен говорила о перерыве, якобы разделявшем время существования этих городищ и городищ Булгарского царства[1]. Гораздо правильнее решил эту проблему А. П. Смирнов. Рассматривая историю городищ рогожной керамики, он прежде всего отмечает, что «городища не характеризуют собой какую-то новую, принесенную со стороны культуру, а являются следствием развития более ранних стадий местной культуры» (стр. 13).

Изучение массового материала, и прежде всего керамики, позволило автору наметить деление городищ на ряд хронологических этапов — от более ранних через более поздние к городищам Булгарского царства. «Весь материал,— пишет А. П. Смирнов,— позволяет пока придти к следующим выводам. Вначале появились городища, расположенные на малодоступных местах и укрепленные рвом и валом, т. е. городища, являвшиеся в основе укрепленными деревнями, и, наконец, началось расселение родовых групп по открытым селищам и превращение укрепленных деревень в городища — убежища, куда население приходило только в случае опасности... Этот этап продолжался весьма долго; во всяком случае и в булгарскую и позднее, в татарскую эпоху существовали поселения этого же типа» (стр. 15). Итак, городища «рогожной керамики» смыкаются, с одной стороны, с древнейшими культурами края, а с другой — с булгарской культурой. Этот вывод А. П. Смирнова подтверждается работами последних лет. В 1951 г. автором настоящей рецензии было исследовано поселение близ дер. Тарновки Ставропольского района Куйбышевской обл. Поселение расположено на высоком берегу р. Воложки, с двух сторон ограждено сухими руслами, а с напольной стороны защищено оврагом. Нижние слои поселения относятся к эпохе бронзы, они насыщены фрагментами сосудов, характерных для срубной и, в отдельных случаях,

[1] В. В. Гольмстен. Доисторическое прошлое Самарского края. «Краеведение». Самара, 1924, стр. 150.

абашевской культур. Следующий слой относится к городецкой культуре и насыщен фрагментами сосудов с рогожным орнаментом и неорнаментированных, с очень грубой поверхностью. С этим слоем непосредственно смыкается домонгольский булгарский слой. В формах и технике производства сосудов этого слоя еще сильны влияния салтовской культуры. Особо выделяются массивные крышки сосудов, хорошо известные по раскопкам в Суваре и отсутствующие в золотоордынских слоях булгарских городищ. Наиболее поздний слой Тарновского поселения содержит типичную золотоордынскую керамику и обломки чугунных котлов. Он относится к XIV—XV вв.

С поздними стадиями развития поселений «рогожной керамики» теснейшим образом увязываются, как доказывает А. П. Смирнов, могильники типа Армиевского. Это позволяет автору значительно уточнить социальную характеристику племен лесной части Волго-Камья в эпоху, непосредственно предшествовавшую образованию Булгарского государства. «Первая черта,— пишет он,— бросающаяся в глаза при анализе Иваньковского и Армиевского могильников, это наличие богатых и бедных погребений — факт, свидетельствующий об отживании родовых отношений. ...Надо полагать, что богатые погребения таких могильников характеризуют выделение родовой аристократии и указывают на то, что общество того времени находилось на стадии развития, которую Ф. Энгельс назвал военной демократией» (стр. 15). Следует пожалеть, что этот важный вопрос представлен в книге слишком сжато, что опущены яркие примеры богатых и бедных погребений, приведенные в одной из прежних работ А. П. Смирнова[1]. Между тем анализ 129 погребений Армиевского могильника представляет убедительные доказательства приведенным положениям. Наряду с бедными погребениями, не имевшими никакого могильного инвентаря, кроме гроба, здесь найдены богатые погребения воинов с мечами, копьями, конской сбруей, многочисленными украшениями и дорогими тканями. Самые выводы представлены в работе 1940 г. в более конкретном и развернутом виде. Так, чрезвычайно интересно заключение автора о том, что размеры могил в ряде случаев определялись социальным положением умершего. С выделением социальной верхушки автор связывал и наличие в могилах оружия. «Специальным военным оружием являются мечи, резко выделяющие эти погребения из общего числа других могил, где если и найдено оружие, то только рядовое, которое могли иметь и охотники, как, например, стрелы и копья»[2]. Совокупность экономического неравенства (различие в инвентаре и размерах могил) и особого вооружения (мечи) рассматривается как свидетельство наличия обособившихся военных дружин. «Таким образом,— заключает автор,— можно констатировать, что в эпоху V—VII вв. в Поволжье начался распад родового строя с обособлением экономически сильных семейств и военных дружин. Иными словами, материал могильников говорит о формировании классового общества»[3]. Рецензируемая книга и по задачам своим и по охвату материала значительно шире и полнее «Очерков» 1940 г. Поэтому исключение из нее указанного материала представляется незакономерным, обедняющим аргументацию важного вывода об отживании родовых отношений.

Археологический материал позволил А. П. Смирнову определить и облик хозяйства племен «городищ рогожной керамики». Основными

[1] А. П. Смирнов. Очерки по истории древних булгар, стр. 67—68.
[2] Там же, стр. 68.
[3] Там же.

занятиями населения были оседлое скотоводство, охота и мотыжное земледелие. Примитивное мотыжное земледелие находилось еще в руках женщин, что давало им возможность принимать участие в производстве. Но главные отрасли хозяйства — скотоводство и охота — принадлежали мужчинам, что предопределило развитие патриархальной семьи. Прогресс земледельческой техники — переход к плужной обработке земли и подсечной системе в лесной местности — передал в руки мужчин и эту отрасль хозяйства, что способствовало еще большему укреплению патриархального строя. С развитием земледелия связана замена укрепленных деревень открытыми селищами и городищами-убежищами. Освоение плодородных земель левобережья Волги еще более ускорило развитие земледелия, и ко времени образования Булгарского царства этот край был уже в основном земледельческим. Это прекрасно подтверждается приведенными в книге сообщениями ибн-Русте, ибн-Фадлана и древнерусской летописи. «Болгаре,— писал ибн-Русте,— народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как то: пшеницу, ячмень, просо и др.» (стр. 17).

Осветив таким образом состояние населения лесной части территории Булгарского царства, автор переходит к кочевникам степей Среднего Поволжья. Еще в III—II вв. до н. э. здесь появились сарматские племена, основными центрами которых были более южные области Поволжья и Южное Приуралье. К этому времени относится могильник, открытый П. А. Дмитриевым в Башкирской АССР. Пребывание сарматов непосредственно на территории Волжской Булгарии подтверждено и находками последнего времени.

В 1951 г. нами было вскрыто впускное сарматское погребение в небольшом кургане эпохи бронзы близ дер. Хрящевки Ставропольского района Куйбышевской обл. Остатки костяка лежали в широкой прямоугольной яме, на толстой подсыпке древесного угля. Погребение было разрушено грабителями, однако при костяке удалось обнаружить обломки короткого железного меча с кольцевидным навершием и маленьких трехгранных черешковых стрел. Вместе с покойником в могилу были положены голова и конечности лошади. Это погребение можно отнести к I—II вв. н. э. Сарматские могильники первых веков нашей эры более многочисленны. К ним относятся известный Сусловский могильник, сарматские погребения по р. Колышлее, погребения под Бугурусланом и Куйбышевом. Материал этих могильников позволил автору сделать заключение о наличии экономического неравенства, о «закате родового строя» у сарматских племен степного Поволжья. Патриархальные отношения сложились здесь раньше, чем в более северных районах. Это связано с ролью полукочевого скотоводства как ведущей отрасли хозяйства сарматов. Дальнейшее развитие скотоводства, выделение больших стад, находящихся в собственности отдельных семей, привело к распаду родовой организации, к зарождению родовой аристократии. Этот процесс был ускорен торговым обменом, в который было втянуто Поволжье.

Эти заключения автора правильны, но доказательства их представлены в недостаточно развернутом виде. А. П. Смирнов ограничивается несколькими примерами из материалов Сусловского могильника. Этого слишком мало, тем более что эти примеры, приведенные автором ранее в работе «Очерки по истории древних булгар» в 1940 г., встретили серьезные фактические возражения со стороны И. В. Синицина[1]. Учитывая эти

[1] УзСГУ, т. XVII. Саратов, 1947, стр. 24.

возражения, в рецензируемой книге следовало бы, как мне представляется, подкрепить вывод о распаде родовой организации дополнительными примерами, описаниями характерных комплексов, тем более что такие комплексы упомянуты автором. Так, упоминается, но не описывается могильный комплекс близ дер. Федоровки Бузулукского района. Между тем этот комплекс очень характерен и является прекрасным доказательством происходившего в это время процесса обособления военных дружин. Вот как описывает комплекс В. В. Гольмстен: «Последний состоит из короткого железного меча с округлым концом, железной кольчуги, медного полушарной формы тонкого котла с железной дужкой и железным ободком, 19 железных трехгранных наконечников стрел, железных удил с серебряными кольцами, 5 серебряных пряжек с длинными язычками, массивного серебряного наконечника ремня, четырехугольной серебряной позолоченной бляшки, большого числа серебряных продолговатых накладок, каждая с двумя гвоздиками для прикрепления к ремню, нескольких обломков золотых пластинок со вставленными в гнезда, обведенными чернью красными камнями — гранатами или альмандинами и ряда обломков бронзовых, серебряных и золотых поделок»[1]. Погребение это датируется V в. и относится, следовательно, к заключительной стадии развития сарматской культуры, на основе которой развилась более поздняя алано-булгарская культура, особенно важная для нашей темы.

К этому же времени относятся небольшие курганы с трупосожжениями — обрядом, не характерным для сарматов. «Можно предполагать,— пишет А. П. Смирнов, что эти немногочисленные памятники оставлены антами, у которых, судя по материалу Приднепровья и Дона, господствовал обряд трупосожжения» (стр. 12). Эта смелая и интересная мысль пока не может еще считаться доказанной. Комплекс «погребений с сожжением» не имеет черт, характерных для «полей погребальных урн» и раннеславянской культуры; он увязывается скорее с кочевыми степными племенами (на это указывает хотя бы однолезвийный меч — переходная форма от меча к сабле). Обряд погребения является, конечно, важнейшим этнографическим признаком, но не исключена возможность, что и неславянские племена имели обряд трупосожжения. Для более позднего времени можно указать на Борисовский могильник, в котором известно много трупосожжений, принадлежащих, скорее всего, неславянским племенам, связанным с сармато-аланской культурой. Сами нижневолжские «погребения с сожжением» связывались открывшей их Т. М. Минаевой с сарматами[2]; в последнее время венгерские археологи допускали, что эти погребения принадлежат гуннам[3]. Окончательное разрешение этого важного вопроса — дело дальнейших исследований, при которых высказанному А. П. Смирновым предположению должно быть уделено должное внимание, поскольку самая мысль о раннем проникновении отдельных славянских групп на Среднюю Волгу представляется весьма плодотворной.

«Итак,— указывает А. П. Смирнов,— еще до времени возникновения Булгарского княжества лесостепная часть Поволжья была занята оседлыми племенами, а степная — кочевыми и оседлыми, включавшими в свой состав и булгар. И те и другие переживали последний этап распада

---

[1] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. ТСА РАНИОН, IV, 1928, стр. 134.

[2] Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ Покровска. УзСГУ, VI, вып. 3. Саратов, 1927.

[3] Gy. László. The significance of the Hun golden bow. «Acta archaeologica». т. I, вып. 1—2; Budapest, 1951, стр. 91.

родового строя» (стр. 19). Обе эти группы населения находились в тесной связи между собой. Обмен продуктами производства возрастал, выходя за рамки Поволжья. Волжский торговый путь приобретает все большее значение. Из Прикамья на юг идут меха, промысловая добыча которых началась еще в ананьинскую эпоху. С юга и юго-востока через кочевников волжских степей в Прикамье попадают украшения и оружие. Развитие торговли еще более усиливало процесс классообразования. Дальнейшее обострение его связано с появлением в Среднем Поволжье и Прикамье пришлой булгарской орды.

Кто же они были, булгарские племена, с именем которых связаны столь значительные события в различных частях Восточной Европы: в Приазовье, на Дунае и в Волго-Камье?

Решение этого вопроса в рецензируемой книге заслуживает особого внимания. В исторической литературе раннебулгарские племена обычно рассматривались как часть тюркской орды, связанной с гуннами и кочевавшей в южной России в послегуннское время. Ю. В. Готье в цитированной выше книге говорит о «пришлом тюркском племени булгар». Н. Н. Фирсов считал, что тюрки-булгары пришли в Поволжье из Азии, Основанием для таких заключений послужили лингвистические данные, относящиеся к более позднему времени, а также очень путаные и спорные сообщения древних авторов. Археологические данные не учитывались в силу недостаточной разработанности материала, относящегося к этому времени.

Анализ сообщений письменных источников и археологического материала привел А. П. Смирнова к совершенно иному выводу. «Из... свидетельств древних авторов,— пишет он,— явствует, что булгары были автохтонами степей Приазовья и входили в число алано-сарматских племен, долгое время по литературной традиции называвшихся скифами.

Византийские историки разделяли катрагов и булгар, точно так же как не смешивали гуннов и булгар (свидетельство Феофана), считая их самостоятельными народами. Археологический материал III—IX вв. н. э. весьма однохарактерен для большой территории юго-восточной Европы. Одни и те же памятники встречаются и у Харькова, где был открыт Салтовский могильник, и на Северном Кавказе, где известны могильники той же культуры у аулов Чми, Кумбулта, и аналогичные памятники по р. Кубани. Эта культура связывается обычно с аланскими племенами. Булгарские племена по занимаемой территории и по характеристике, данной им византийскими историками, должны быть отнесены к этой группе племен, генетически связанной с сарматами» (стр. 10). Эта мысль, несмотря на сложность проблемы и кажущуюся противоречивость источников, представляется глубоко плодотворной. Следует, однако, с сожалением отметить, что автор и этот важнейший вопрос изложил в чрезвычайно сжатой форме; представлены результаты исследования, указаны пути его, но развернутая система доказательств опущена. Между тем А. П. Смирнов первым поставил вопрос о происхождении булгар в указанном плане, поэтому представление всего хода исследования, всего арсенала доказательств было бы в рецензируемой книге чрезвычайно важно.

Недостаточно четко поставлен вопрос и о связи волжских булгар с дунайскими, вызвавший различные толкования в научной литературе.

Булгарская орда, появившаяся в VII в. на Средней Волге, может рассматриваться лишь в тесной связи с общей историей Булгарского племенного союза. Булгарские племена, упоминаемые письменными источниками начиная с III в. н. э., входили в ряд племенных союзов Северного Причерноморья, которые, как правильно указывает А. П. Смирнов,

«быстро возникали и быстро распадались в зависимости от политической обстановки» (стр. 11).

В V в. булгары сами возглавили союз племен, достигший значительного могущества и неоднократно упоминаемый византийскими писателями. В VII в. булгарский союз, ослабленный растущими классовыми противоречиями и столкновениями между племенами, распался под натиском хазар. Помимо булгарских племен, откочевавших к северу, на Волгу, «часть их перешла на Дунай, где они ассимилировались со славянами, а часть осталась в области Меотиды. Значительно позднее, в X в., в сочинении Абуль-Хасана Али ибн-Хусейна аль-Масуди эта последняя часть булгар упоминается иногда вблизи Черного и Азовского морей. Его сведения относятся к этим остаткам булгарских племен, черным болгарам, а не волжским. Этим и объясняется сбивчивость и кажущаяся ошибочность сообщений аль-Масуди» (стр. 11). Последние замечания чрезвычайно важны, так как именно памятники Приазовья, бассейнов Дона и Северного Донца и связь их с памятниками Дунайской Болгарии и Поволжья позволяют поставить вопрос о характере и происхождении булгарской культуры. К сожалению, этим памятникам в рецензируемой книге должное внимание не уделено. Между тем аль-Масуди является не единственным источником, свидетельствующим о пребывании булгарских племен в Приазовье после VII в.: об этом же сообщают древнерусская летопись, Константин Багрянородный («Черные Болгары»), аль-Балхи, ибн-Хаукаль, персидский аноним конца V в. Худуд-аль-Алем («Внутренние Болгары»). Сообщения письменных источников могут быть сопоставлены, как мне представляется, с определенной группой археологических памятников.

В Приазовье, по Дону и Северному Донцу, вплоть до границы лесостепи, была распространена так называемая салтовская культура VIII—X вв., происходящая от позднесарматской культуры и находящаяся в ближайшем родстве с культурой аланских племен Прикавказья и Северного Кавказа[1]. В это же время в Дунайской Болгарии, в могильниках, несомненно принадлежащих историческим булгарам, мы встречаемся с полным повторением салтовского комплекса. Примером может служить могильник Новый Пазар, исследованный в последние годы болгарскими археологами. Здесь открыты захоронения дружинников, при которых найдены типичные салтовские сабли, поясные украшения и лощеные кувшины, тождественные которым имеются в сармато-аланских могильниках. Вещи салтовского типа в значительном числе найдены и при раскопках древней болгарской столицы Абоба-Плиски.

Уже это позволяет утверждать, что определенная часть памятников салтовской культуры принадлежала булгарским племенам.

Известны ли такие памятники на территории Волжской Булгарии? А. П. Смирнов упоминает погребения VI—VIII вв. в районе рек Суры и Узы и близ г. Аткарска, отмечая, что их вещи «по характеру своему близки уже к вещам Салтовского и Борисовского могильников» (стр. 19). В другом месте упоминается комплекс с саблей, найденный у дер. Танкеевки, также близкий к салтовским комплексам. Наиболее важно для этого вопроса открытие, сделанное в 1950 г. Михайловым в Башкирской АССР, близ г. Стерлитамака, где найден большой могильник с комплексами салтовского типа. Наличие у волжских булгар погребальных камер, характерных для аланских могильников, засвидетельствовано

[1] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951.

ибн-Фадланом[1]. Отдельные вещи салтовского типа, особенно оружие и украшения, широко распространены в Волго-Камье, на Вятке и среди мордовских древностей правобережья Волги.

Однако не эти пока еще разрозненные и немногочисленные комплексы являются главным доказательством наличия на Средней Волге культуры, генетически связанной с культурой аланских племен Предкавказья и Приазовья. Гораздо важнее здесь массовый материал — керамика нижних слоев булгарских городищ. «Среди керамического материала городища Великие Болгары,— пишет А. П. Смирнов,— встречается немало обломков посуды, напоминающих по фактуре, форме и орнаменту посуду салтовского типа и сарматскую. Особенно интересны ручки в виде животных, повторяющие сарматские из района р. Кубани. Этот факт крайне знаменателен и косвенно свидетельствует о приходе на Среднюю Волгу с юга значительной и однородной по этническому составу группы, сумевшей сохранить на новом месте в продолжение длительного времени среди чуждых племен свои этнографические признаки» (стр. 11). Большие раскопки последних лет дали огромный материал, подтверждающий эти наблюдения. В домонгольских слоях городища Великие Болгары найдены сосуды с орнаментом в виде заштрихованных площадок, расположенных в шахматном порядке. Такая посуда известна на Тамани с первых веков н. э. То же следует сказать и о сосудах с ручками в виде горизонтальных выступов, более всего распространенных в Предкавказье (например, Пашковский могильник). Вновь найдено значительное количество кувшинов, близких к салтовским формам, с ручками в виде сильно стилизованной фигурки животного. Наконец, красная гончарная керамика с линейным зональным орнаментом, широко распространенная в болгарских городах, также не имеет корней в местном материале и связана с средневековой керамикой Приазовья. Керамика указанных типов появляется в городских слоях единовременно, большой компактной массой, что отмечается и на Болгарском городище, и на упомянутом выше Тарновском поселении.

Эти материалы полностью опровергают распространившееся среди казанских историков мнение о постепенном просачивании болгар с юга и о местном характере процесса сложения волжско-камских булгарских племен. Авторы «Истории ТАССР» отмечают в качестве доказательства своего положения отсутствие резкой разницы между добулгарскими и булгарскими слоями. При этом они, очевидно, имеют в виду наличие в поздних слоях керамики, связанной с местным материалом более раннего времени. Этот факт, однако, доказывает лишь то, что аборигены края продолжали жить на местах древних поселений, продолжали развивать свое ремесло. Но вместе с ними на этих поселениях начиная с VII в. жили пришлые племена, оставившие значительные группы керамики, не имеющие никаких корней в местных культурах и происходящие из областей, в которых располагалась Великая Болгария византийских историков. Эта керамика, как указывалось выше, появилась у местных племен не постепенно, а большой компактной массой, что доказывает единовременный приход из Приазовья большой племенной группы. Эти пришлые племена, родственные болгарам Аспаруха и племенам салтово-маяцкой культуры, были генетически связаны с аланами; начало развития их культуры прослеживается задолго до появления в Восточной Европе гуннов. У нас нет никаких оснований считать булгар тюркским племенем, пришедшим из Азии

[1] Ибн Фадлан. Путешествие на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 73—74.

с гуннами или после них. В свете изложенных фактов упоминание булгар Мар-Абаса-Катину не может считаться случайным.

А. П. Смирнов не останавливается на факторах, обусловивших приход булгарских племен именно в область Волго-Камья. Между тем здесь следовало бы упомянуть о тех связях Среднего Поволжья с Предкавказьем, которые прослеживаются с эпохи бронзы. Уже среди памятников срубно-хвалынской культуры мы находим керамику, бронзовые подвески, бронзовые и пастовые бусы, близкие северокавказским формам. В эпоху раннего железа эти связи усилились. Таким образом, булгарские племена шли в Среднее Поволжье по издавна известным путям, через области, в которых уже много веков кочевали родственные им сармато-аланские племена.

Недостаточно четко поставлен в книге вопрос и о тюркизации булгарских племен. Автор указывает, что «прототюркский элемент проник в значительной части на территорию Булгарии» благодаря хазарам, кратко упоминая об известной примеси этого элемента в более раннюю эпоху. Я уже говорил, что у нас нет оснований считать булгар тюркским племенем. Но об известной тюркизации аланских племен Приазовья, входивших в булгарский союз, мы говорить можем. Нашествия значительных масс азиатских племен в гунно-аварскую эпоху не могли пройти бесследно для них, причем естественно, что племена Приазовья подверглись значительно большему воздействию, нежели защищенные горами аланские племена Северного Кавказа. В VI—VII вв. племена булгарского племенного союза уже отличались от родственных им северокавказских аланов, уже в это время можно говорить о тюркизации булгар, об известном распространении среди них тюркского языка. Поэтому мне представляется, что прототюркский элемент проник в среду булгар не в хазарское время, а еще на юге, до прихода их на Среднюю Волгу, и лишь усилился благодаря активным связям с Востоком и приливу населения из Средней Азии в более позднее время.

Особо следует остановиться на Хазарском каганате и его роли в сложении государства волжских булгар. Можно поставить в упрек автору, что он ограничился указаниями на то, что «хазары подчинили себе значительную часть племен Восточной Европы и, в первую очередь, Среднее Поволжье» (стр. 22), что «период формирования Булгарского государства проходил под властью Хазарского каганата» (стр. 27). В книге не дана должная оценка господству хазар над племенами Волжской Булгарии. Между тем мы имеем все основания считать, что в создании Булгарского государства Хазарский каганат не сыграл никакой положительной роли, так же как не сыграл он «никакой положительной роли в создании государственности восточных славян»[1]. Хозяйничание в Поволжье хазар, которые «облагали пошлинами суда, направлявшиеся по важным торговым путям, совершали набеги на соседние народы, обкладывали их грабительскими данями»[2], значительно задержало формирование государства волжских булгар. В этой связи представляется интересным следующее сопоставление. Часть племен Приазовского Булгарского племенного союза, как указывалось выше, в VII в. откочевала на запад, за Дунай, где ассимилировалась славянами; другая часть племен этого же союза пришла на Волгу. Археологические памятники позволяют говорить, что к моменту распада Булгарского союза обе эти группы племен стояли на одном уровне общественного развития. Между тем судьбы этих групп на

[1] П. Иванов. Об одной ошибочной концепции. «Правда» от 25. XII 1951 г.
[2] Там же.

Дунае и на Волге сложились по-разному. На Дунае мы можем говорить о сложении Болгарского государства уже в VIII в.; во всяком случае надежным признаком существования государства являются законы, созданные в самом начале IX в. царем Крумом (802—814 гг.). На Волге же государство возникло лишь во второй половине X в., когда Хазарский каганат трещал под ударами русских войск. Таков был результат господства Хазарского каганата над племенами Средней Волги.

Дополнительные материалы, в том числе материалы раскопок последних лет, не изменяют, а лишь подтверждают основной вывод А. П. Смирнова: «Кочевники, представленные племенами, входившими, судя по памятникам материальной культуры, в число сармато-аланских племен, являлись булгарами, т. е. одним из племен, входивших в булгарский союз племен, по которому они и могли получить свое имя, передав его в свою очередь одному из городов на Волге. Более высокая военная организация кочевников дала им перевес над оседлыми соседями, и то обстоятельство, что все государство именовалось «Булгарским», показывает, что булгары подчинили себе все окрестные племена» (стр. 26 — 27).

В целом яркая и убедительная картина происхождения государства волжских булгар является большим достижением автора книги.

Н. Я Мерперт

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ШЕДЕВРОВ ТОРЕВТИКИ ИЗ СКИФСКИХ КУРГАНОВ

(По поводу статей А. П. Манцевич)

За последнее время в нашей периодической литературе появились две статьи А. П. Манцевич, посвященные шедеврам торевтики из скифских курганов. Одна была напечатана в журнале «Вестник древней истории» № 2 за 1949 г. («К вопросу о торевтике в скифскую эпоху»), другая — в сборнике «Советская археология», т. XIII за 1950 г. («Гребень и фиала из кургана Солоха»). В этих статьях автор ставит вопрос — в первой статье более осторожно, во второй более категорически — о возможности происхождения из Фракии части шедевров торевтики, обнаруженных в скифских курганах IV—III вв. до н. э.

Своеобразный характер таких вещей, как чертомлыцкая ваза, гребень из Солохи, гривна и сосуды из Куль-Обы и др., в которых высокое мастерство и традиции греческого искусства сочетаются с негреческими элементами в стиле и сюжете, обратил на себя внимание исследователей с момента открытия этих памятников, и по поводу их происхождения были выдвинуты разные точки зрения. В начале своей статьи, помещенной в «Вестнике древней истории», автор приводит сводку мнений разных исследователей по этому вопросу; однако у читателей сразу же вызывает досадное недоумение то обстоятельство, что здесь приведены только мнения, высказанные в дореволюционной литературе, и только тех исследователей, которые или считали подобные вещи предметами импорта из греческой метрополии, или были сторонниками скифского происхождения этих вещей. Статья автора направлена в основном против первой точки зрения, с которой он полемизирует на протяжении многих страниц, и только уже в самом конце статьи, после развернутой аргументации своей точки зрения, упоминает вскользь о том, что существует также и мнение о боспорском происхождении торевтики в скифских курганах (стр. 220). Между тем это мнение нужно считать установившимся в советской археологической литературе, поскольку оно было высказано за последнее время во всех основных работах по археологии Северного Причерноморья, в которых затрагивался этот вопрос. Такую точку зрения разделяют В. Д. Блаватский[1], Б. Н. Граков[2] и В. Ф. Гайдукевич[3]. Поэтому для советского читателя было бы гораздо интереснее, если бы полемика автора была направлена главным образом против последней точки зрения. Между тем автор стремится опровергнуть мнение о боспорском происхождении

[1] «Искусство Северного Причерноморья». М., 1947.
[2] «Скіфи». Київ, 1947.
[3] «Боспорское царство». М.—Л., 1949.

разбираемых вещей цитатой из Бертье-Делагарда, указывавшего, что «всеми утверждаемое чрезвычайное обилие золота на севере Черного моря и в особенности на Боспоре никем не доказано и не обосновано»[1]. Однако при всем этом Бертье-Делагард факта изготовления золотых изделий в боспорских мастерских не отрицал. Он лишь говорил, что богатые курганные находки южнорусских степей еще «не определяют обилия золота в стране» [2], и в связи с этим ссылался на Юстина, свидетельствовавшего о бедности скифов. Однако, по правильному указанию Б. Н. Гракова, свидетельство Юстина, которое приводит и А. П. Манцевич, нельзя принимать за чистую монету, поскольку в нем отражено определенное литературное направление, идеализировавшее скифов и противопоставлявшее суровую простоту их жизни изнеженным нравам греческих рабовладельцев. Но и то обстоятельство, что потребление золотых вещей, как свидетельствуют археологические материалы, в Скифии ограничивалось главным образом кругом скифской знати, еще никак не решает вопроса о происхождении тех золотых и серебряных изделий, которые, в большем или меньшем количестве, всегда имеются в скифских курганах. Что же касается вопроса о происхождении металла, из которого чеканились эти изделия, то сами сторонники боспорского происхождения этих последних не отрицают возможности поступления золота и серебра на Боспор из Южной Фракии [3].

Поднятый автором вопрос о возможности фракийского происхождения какой-то части золотых и серебряных изделий из скифских курганов Северного Причерноморья заслуживает большого внимания, поскольку факт близких сношений и даже родственных связей скифов с фракийцами отмечен еще у Геродота, а целый ряд явлений культурной жизни Боспора, как, например, фракийский характер имен царей династии Спартокидов, факт присутствия на Боспоре фракийских наемников, отражение фракийских культов в боспорской монетной чеканке [4] и пр., подтверждает эти взаимоотношения. Однако археологически вопрос этот до сих пор не разработан, а потому попытка автора вполне своевременна и заслуживает внимания.

Разберем те доводы, которые автор приводит в защиту высказанного им мнения.

Вывод о фракийском происхождении «значительной части шедевров торевтики, найденных в скифских курганах Северного Причерноморья, происхождение которых приписывалось ранее творчеству греков», автор делает на основании анализа целого ряда вещей, из которых она главным образом останавливается на серебряной вазе из Чертомлыка, серебряном сосуде из кургана Солоха, а также на золотом гребне и золотой фиале из того же кургана. Анализируя чертомлыцкую вазу, автор прежде всего обращает внимание на ее форму и указывает, что она аналогична форме амфор определенной группы, представленной в кургане Солоха и некоторых других скифских курганах и связываемой автором с изображениями на монетах Тероны (халкидское побережье).

В данном вопросе я позволяю себе сослаться на мнение много занимавшейся исследованием амфор И. Б. Зеест. Она хотя и согласна с тем, что форма чертомлыцкой вазы аналогична форме той группы амфор, которая представлена в кургане Солоха, но затрудняется усмотреть эту же форму

---

[1] Нум. сборник. М., 1911, стр. 5.
[2] Там же, стр. 8.
[3] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, 1949, стр. 118.
[4] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, вып. 16, 1951, стр. 171.

в сосуде, изображенном на теронской монете[1]. Действительно, на указанной монете ясно заметна только одна ручка на плече сосуда вместо двух, как это бывает у амфор, причем данное обстоятельство вряд ли можно объяснить стертостью штампа, поскольку на боках изображенного сосуда можно заметить еще две небольшие горизонтальные ручки, в результате чего сосуд приобретает характер уже не амфоры, а гидрии. Кроме того, по наблюдениям И. Б. Зеест, на серийном выпуске теронских монет фигурируют амфоры другого типа, и данная серебряная монета является как будто единичной. Что же касается амфоры, изображенной на другой монете (рис. 5), то в ней сходство с чертомлыцкой вазой ограничивается формой венца, а ножка и общие пропорции другие. Кроме того, как указывает сама А. П. Манцевич, монеты значительно старше чертомлыцкой вазы, и разрыв во времени между ними достигает 70—80 лет. Поэтому проведенное сопоставление чертомлыцкой вазы с греческими амфорами фракийско-македонского побережья не кажется достаточно убедительным.

Основная аргументация автора развертывается по линии орнаментации вазы и главным образом фриза с изображением дрессировки лошадей. Автор публикует многочисленную серию фрако-македонских и фессалийских монет, доказывая хорошо известный факт популярности эмблемы коня на монетной чеканке этих государств и указывая на сходство изображенных коней с конями на фризе чертомлыцкой вазы. Следует отметить, однако, что как раз монеты собственно фракийских племен имеют меньше всего сходства с деталями фриза, и воины, изображенные вместе с конями на этих монетах, очень мало напоминают «варваров» с чертомлыцкой вазы. Что касается монет македонских и фессалийских, серию которых можно было бы сократить без ущерба для аргументации автора, то мне кажется, что сюжет пасущихся и скачущих коней мог возникнуть у разных народов самостоятельно и независимо друг от друга, а общее сходство стиля и даже «расположения ног» лошадей, на которое указывает автор, объясняется тем, что как чертомлыцкая ваза, так и македонская монетная чеканка выполнены в традициях греческого классического искусства (стиль фессалийских монет гораздо схематичнее и суше) и ставить их в зависимость одну от другой не закономерно. Сам же автор приводит аналогии скачущей лошади на гребне из Солохи в греческом искусстве, которые можно было бы еще умножить (статуэтка Александра Македонского из Геркуланума, надгробная стела Дексилея и др.); а если автор среди этих аналогий упоминает и лекиф из Болгарии[2], то этот факт только подтверждает ту большую роль, которую греческое искусство играло как на Боспоре, так и во Фракии. Утверждение автора, что кони на гребне из кургана Солоха и на гривне из Куль-Обы потому изображены с такой жизненностью и экспрессией, что именно во Фракии сцены боя и охоты всадников можно было часто наблюдать в реальном быту[3], с таким же успехом можно отнести и к Боспору и к Скифии, где всадников и в бою и на охоте тоже можно было наблюдать сколько угодно. Автор приводит ряд интересных данных о роли фракийской конницы в истории Фракии и о популярности коня в быту фракийцев, однако и в быту боспорских племен конь имел определенное значение, подтверждающееся наличием эмблемы конской головы в боспорской монетной чеканке; а на некоторых монетах Боспора, правда, более поздних, чем чертомлыцкая ваза (именно III в. до н. э.), имеется даже изображение пасущейся лошади, на

[1] См. рис. 4 в статье А. П. Манцевич в ВДИ. 1949, № 2.
[2] СА, XIII, 1950, стр. 223.
[3] Там же, стр. 233—234.

стилистическую близость которого к изображениям лошадей на чертомлыцкой вазе указал еще А. Н. Зограф[1].

Далее, обращаясь к костюмам изображенных на чертомлыцкой вазе воинов, автор считает их фракийскими, но тут же признает, что костюм скифов был аналогичен фракийскому[2]. Почему же в таком случае следует считать, что на вещах, найденных в скифских курганах, на территории Скифии, изображены обязательно фракийцы, а не скифы? При этом вспомним, что на золотых бляшках явно местной работы скифы изображаются в таких же костюмах, как и на произведениях художественной торевтики[3].

Если же обратить внимание на вооружение изображенных воинов, то нужно констатировать, что оно носит скорее скифский, чем фракийский, характер. Характерным оружием фракийцев был железный меч серпообразной формы[4], которого мы на разбираемых памятниках нигде не видим, в то время как на обивке горита из кургана Солоха[5] один из воинов держит в руках типичный скифский акинак с бабочковидным перекрестьем. В руках другого воина в той же сцене изображен однолезвийный боевой топор, такой же, как и у воина на головном уборе из кургана Б. Близница, расположенного, кстати сказать, на территории Боспора. Для фракийцев же характерен двойной топор, как можно видеть на монетах фракийских царей, у менад на фракийских вазах и среди оружия, найденного в раскопанных курганах, в гробнице в Кирк-Килиссе[6]. Что касается горита, то если автор и прав, что «горит не является специфическим вооружением скифов Северного Причерноморья», поскольку он «имеется в виде эмблемы на монетах македонских царей» (ВДИ, стр. 213), то тем более этот вид вооружения нельзя считать специфическим только для фракийцев. Таким образом, только щиты, изображенные с воинами на гребне из кургана Солоха, совпадают по форме и манере ношения (на спине) с теми щитами, которые, по литературным данным, были в употреблении у фракийцев и македонян.

В свете сказанного остается непонятным, почему автор считает изображенную на обивке горита из кургана Солоха битву обязательно «одной из схваток между македонянами и фракийцами или между отдельными фракийскими племенами, схваток, которыми была богата история Македонии и Фракии»[7]. Почему не может здесь быть изображена битва между скифами и другими племенами или между различными скифскими племенами, история которых ведь тоже очень богата битвами и схватками?

Стремясь подчеркнуть негреческие элементы чертомлыцкой вазы, автор обращает внимание на композицию с двумя грифонами, терзающими оленя, причем подчеркивает «кровожадный характер этих грифонов, противоположный мирному характеру, присущему греческим грифонам» (ВДИ, стр. 200). Тут же автор указывает на сходство этой композиции с изображением на мозаике пола дома A-VI-3 из Олинфа, повидимому, связывая сюжет и стиль данной сцены с фрако-македонским кругом.

Однако сюжет так называемой «борьбы зверей», вариантом которой является сцена с грифонами, терзающими оленя, не менее, чем во Фракии, был широко распространен на Боспоре, повидимому, еще с эпохи

---

[1] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, вып. 16, табл. XLI, *15*.
[2] ВДИ, 1949, № 2, стр. 216.
[3] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. II, стр. 61, рис. 44.
[4] Г. Кацаров, САН, т. VIII, гл. XVII, стр. 545, там же — табл. III, *56 с*.
[5] ВДИ, 1949, № 2, стр. 214, рис. 27.
[6] САН, т. VIII, гл. XVII, стр. 545.
[7] А. П. Манцевич. ВДИ, 1949, № 2, стр. 213.

архаики. Говорить об этом дает право золотая обивка из большого кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1898 г. близ Ульского аула в Прикубанье. На этой обивке[1] изображена сцена нападения двух грифонов на горную козу и оленя. Интересна своеобразная трактовка этого распространенного мотива, отличная от того шаблона, который был создан греческим классическим искусством. Курган, в котором найдена обивка, относится к числу архаических скифских курганов Прикубанья; повидимому, и обивка должна быть датирована концом VI — началом V в. до н. э., т. е. еще до проникновения в Северное Причерноморье образцов классического греческого искусства. Широкое распространение этого сюжета на Боспоре в IV—III вв. до н. э., повидимому, связано с тем, что данный мотив был уже известен здесь с давних времен.

Таким образом, сюжет данной сцены, несомненно, появился на Боспоре независимо от фрако-македонского искусства. Что касается стиля и иконографии сцены терзания на фризе чертомлыцкой вазы, то она, как и олинфская мозаика, как многочисленные другие изображения подобного рода, выдержана в тех же формах греческого позднеклассического искусства, влияние которого испытывали в то время все культурные области и Средиземноморья и Причерноморья. Где и в каком именно греческом центре были выработаны иконография и «шаблон» данной сцены,— мы не знаем. Может быть, греческие города Фракийского побережья и имели какое-то отношение к выработке иконографии боспорского орлиноголового грифа, имеющего сходство с грифом на монетах Абдеры. Нельзя не отметить того факта, что на одной из абдерских монет IV в. [2] вдоль шеи грифа заметна та жгутовидная полоска, которую Б. В. Фармаковский назвал «стилизованным пищеводом» и которая является характерным признаком грифа в торевтике Северного Причерноморья. Однако местное изготовление боспорских грифов этим еще не опровергается.

Кроме чертомлыцкой вазы, автор в той же статье рассматривает серебряный сосуд из кургана Солоха с изображением сцены охоты на львов. В доказательство фракийского происхождения этой вещи автор указывает, с одной стороны, на негреческую форму данного почти полусферического сосуда с двумя горизонтальными ручками[3], а с другой — на сюжет изображенной сцены, в которой фигурируют львы. Автор считает, что сосуд не мог быть изготовлен в Пантикапее для скифа, никогда не видевшего львов в реальной жизни, в то время как во Фракии они действительно водились[4]. Однако нужно сказать, что хотя львы и не водились в степях Северного Причерноморья, но образ льва в искусстве этого края является привычным и распространенным мотивом. Он занимает определенное место и в скифском зверином стиле (начиная с келермесской львицы), и в искусстве Боспора. Ведь даже гербом Пантикапея был грифон с львиной головой, а в боспорской монетной чеканке неоднократно встречаются как львиные морды, так и целые фигуры льва. Фигуру льва, держащего в зубах копье в сцене охоты на сосуде из Солохи, автор сопоставляет с подобным же мотивом на монетах Аминты III, однако этот же мотив можно встретить и на боспорских монетах[5]. Поэтому изображение львов на скифском сосуде, сделанном в Пантикапее, вполне закономерно, тем более что эти сцены охоты и борьбы в искусстве того времени часто имеют культово-символический или мифологический смысл.

[1] ОАК, 1898, стр. 30, рис. 42.
[2] Каталог Британского музея, III, рис. на стр. 231.
[3] См. рис. 20 в статье А. П. Манцевич в ВДИ, 1949, № 2, и рис. 7 в статье в СА, XIII.
[4] ВДИ, 1949, № 2, стр. 214, и СА, XIII, стр. 234.
[5] А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XL.

Что же касается формы разбираемого сосуда, то сам автор указывает ближайшие аналогии этому сосуду в одновременных и более ранних скифских курганах, откуда явствует, что этот сосуд представляет дальнейшее развитие формы, выработанной еще в раннескифской лепной керамике.

Фракийское происхождение золотого гребня и золотой фиалы из кургана Солоха автор выводит главным образом на том основании, что эти вещи по своему стилю и сюжету могли быть созданы в такой области, где было тесное соприкосновение эллинской и местной культур, и для такой среды, которая сочетала эллинскую культуру с «варварским» бытом[1]. В поисках такой области и такой среды автор обращается к Македонии и Фракии, забывая, что подобная обстановка как раз очень характерна также для Боспора и Скифии, и все доказательства автора только лишний раз подчеркивают сходство культуры и быта фракийской и скифской аристократии. Что касается золотой фиалы, то Б. Н. Граков, на основании анализа надписи на ней, считает, что она происходила из Аттики, которая нередко производила вещи, рассчитанные на вкус покупателей, живших в других странах.

Основным же доводом автора в пользу фракийского происхождения разбираемой группы вещей является подробно обоснованное ею в обеих статьях указание на исключительное богатство Фракии золотом и серебром и на высокую технику обработки драгоценных металлов фракийскими мастерами. Конечно, у фракийцев, владевших богатейшими запасами золота и серебра, было развито и производство художественных изделий из этих металлов. Об этом говорят и письменные источники, так полно подобранные автором, и результаты археологических работ в Болгарии, обнаруживших в курганах на территории древней Фракии золотые и серебряные изделия. Однако среди всех болгарских находок до сих пор не найдено ничего похожего на ту группу художественных золотых и серебряных изделий из скифских курганов Северного Причерноморья, на которых изображены полные экспрессии сцены с реально этнографическими чертами из жизни местного населения. До сих пор группа таких вещей встречена только в Северном Причерноморье и других аналогий не имеет. Поэтому у нас все же больше оснований говорить о ее северопричерноморском происхождении.

Конечно, это еще не значит, что все изделия торевтики из скифских курганов происходят с Боспора. Безусловно, там есть и вещи, импортированные из греческой метрополии, в том числе, вероятно, и из греческих городов фракийского побережья, а может быть, и из самой Фракии. Однако наличие и специфика этого фракийского вклада в богатое наследие скифских курганов до сих пор не установлены, а те доводы, которые приводит автор в указанных выше статьях, недостаточно убедительны и не снимают роли Боспора в этом отношении. Близкое соседство боспорских мастерских, переживавших в IV—III вв. до н. э. время своего расцвета, высокое качество монетной чеканки, свидетельствующее об искусстве боспорских мастеров в области обработки металла, прослеженная по археологическим данным экспансия боспорской торговли в IV—III вв. в сторону поднепровской Скифии[2], дают все основания предполагать, что значительная часть предметов торевтики из скифских курганов происходит все-таки с Боспора.

---

[1] СА, XIII, стр. 236, 237.
[2] Б. Н. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 50.

Тем не менее, работа по изучению скифо-фракийских отношений не должна быть оставлена. Большая эрудиция автора в этой области, хорошее знание ею южнорусского и болгарского материала дают основание полагать, что она может прийти к интересным открытиям в этой области. Думается, однако, что для правильной постановки вопроса о скифо-фракийских отношениях нужно начинать изучение проблемы с более ранней эпохи. Приведенные автором общие соображения о сходстве форм культуры раннего железа на Дунае и в Поднепровье, может быть, объясняют и сходное развитие отдельных форм серебряных и бронзовых шарообразных сосудов на почве Скифии и Фракии, которое автор трактует как влияние фракийских форм на Скифию. Во всяком случае, изучение генезиса материальной культуры обеих областей, как мне кажется, поможет дать правильное освещение скифо-фракийской проблемы в ее развитии.

Н. Н. Погребова

ХРОНИКА

ИТОГИ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1951 г.

(Сессия Отделения истории и философии и пленум Института истории материальной культуры АН СССР)

Ежегодно весной советские археологи подводят итоги полевых археологических исследований за истекший год. Этому были посвящены сессия Отделения истории и философии и пленум Института истории материальной культуры Академии Наук СССР, происходившие 12—18 марта 1952 г.

В работе сессии и пленума приняли участие археологи Академии Наук СССР и ее филиалов (Туркменского, Казахского, Киргизского, Дагестанского, Крымского), академий наук Украины, Белоруссии, Грузии, Узбекистана, Азербайджана, Таджикистана, Эстонии, университетов Москвы, Ленинграда, Саратова, Воронежа, Тарту и научно-исследовательских институтов и музеев Москвы, Киева, Ленинграда, Тбилиси, Баку, Риги, Ашхабада, Фрунзе, Саратова, Молотова, Нежина, Краснодара, Симферополя, Херсонеса, Киева, Керчи, Пензы, Львова, Казани, Черновиц, Пскова, Рязани, Волковыйска, Бахчисарая, Сызрани, Дзауджикау.

Хотя основной темой работы сессии и пленума были итоги раскопок 1951 г., но, пользуясь столь широким собранием археологов, естественно было поставить и ряд докладов по теоретическим вопросам, интересующим всех участников заседаний. Таковы были доклады С. В. Киселева «Вопросы периодизации истории первобытного общества по археологическим данным», Б. А. Рыбакова «Хазары и Русь», Х. А. Моора «Возникновение классового общества в Прибалтике по археологическим данным» [1] и Л. А. Евтюховой «О некоторых вопросах современной археологической методики полевых исследований».

Во вступительном слове академик Б. Д. Греков отметил возросший размах научно-исследовательской и экспедиционной работы археологов в 1951 г. Одним из ярких показателей значительных достижений советской археологии является увеличение печатной продукции. Гениальное произведение И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» вооружило методом творческого марксизма все отрасли нашей науки, в том числе и археологию. В 1951 г. советские археологи продолжали в свете сталинских трудов борьбу за повышение идейно-теоретического уровня работы, за преодоление вредных влияний «теории» Марра. Специальное совещание было посвящено методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о нации и языке. В нем, наряду с археологами, приняли участие этнографы, языковеды, историки, антропологи. Конференция ИИМК, посвященная вопросам скифо-сарматской археологии, подвергла критическому пересмотру порочные буржуазные и марровские концепции. Велась работа по подготовке к совещанию по периодизации первобытно-общинного строя. Экспедициями добыт чрезвычайно ценный научный материал, раскрывающий новые страницы истории народов нашей Родины. Отмечая, что археологами многое сделано, Б. Д. Греков указал, что еще большие нерешенные проблемы стоят перед советскими учеными, и призвал энергично работать над их решением.

[1] Доклад Х. А. Моора печатается в настоящем томе.

В исторической и историко-археологической литературе часто неверно оценивается историческая роль Хазарского каганата и, в частности, взаимоотношения Хазарии и Руси; некоторые исследователи считают, что хазары защищали славян от набегов кочевников, что русская государственность вызревала в недрах каганата, что хазары способствовали развитию русской торговли. Критике этой ошибочной концепции был посвящен доклад Б. А. Рыбакова «Хазары и Русь». Указав, что хазарская теория сложения Киевской Руси так же неправильна и опасна, как и норманская, докладчик перешел к анализу источников для истории Руси и Хазарии в IX—X вв. Предпосылкой многих ошибочных представлений является некритическое отношение к источникам и в особенности полное доверие к так называемым «Ответам царя Иосифа» рисующим Хазарию огромной державой, владычествовавшей над многими народами. По мнению Б. А. Рыбакова, в «Ответах царя Иосифа» можно заметить некоторые последовательные литературные наслоения: в 960 г. (до разгрома Хазарии Святославом) был написан «Ответ царя Иосифа на письмо Хасдая ибн Шафрута», посланное из Испании в Хазарию. В «Ответе» была изложена история страны и указаны ее пределы и соседи. В 1080 г. в Тмутаракани или в восточном Крыму возникает так называемая «пространная редакция» «Ответа царя Иосифа» с хвастливым гиперболическим описанием каганата, в котором все ближайшие соседи хазар превратились в подданных кагана.

На рубеже XI и XII вв. в Испании, в среде барселонских евреев, текст пространной редакции подвергся сокращению в описательно-географической части и усилению эпической характеристики могущества каганата. Так появился документ, преувеличивающий роль Хазарии и ее размеры. Среднеазиатские, персидские, арабские и византийские источники IX—X вв., хорошо осведомленные о Хазарии, ничего не говорят о том, что русы и славяне были подвластны каганату. По этим источникам выясняется, что Хазария в X в. располагалась между Нижней Волгой, Нижним Доном и Кумо-Манычской впадиной; северная ее граница доходила до волго-донской «переволоки». Из соседних племен хазарам были подчинены только буртасы, жившие за «переволокой». Анализ всех источников приводит к выводу о тенденциозности и недостоверности поздней части еврейско-хазарской переписки (1080-х гг.), а, следовательно, и ошибочности исторических построений, на этот источник опиравшихся.

Рассказы русских летописей XI—XII вв. об уплате славянскими племенами дани хазарам нельзя принимать на веру без критики. Можно допустить, что северяне и часть вятичей (на Дону) эпизодически могли платить дань кочевникам-хазарам, но радимичи присоединены летописцем искусственно, а рассказ о полянско-хазарских отношениях неверно понимаем историками: вручение меча вместо дани — символ независимости.

Гибель Хазарии в результате похода Святослава явилась неизбежной, исторически предрешенной гибелью паразитарного государства с низким уровнем производительных сил, жившего преимущественно за счет торговых пошлин.

Доклад Л. А. Евтюховой касался некоторых вопросов современной методики полевых археологических исследований. В связи со сталинскими стройками коммунизма большое внимание уделяется исследованию археологических памятников, находящихся в их зоне. Такое ответственное положение нашей науки требует от археологов самого внимательного и строгого отношения к своим исследованиям.

Поскольку советские археологи ставят своей целью историческое исследование, необходима предельная тщательность при изучении памятников. Современная полевая методика советских археологов основана на полном и всестороннем изучении как поселений, так и курганов. Для раскопок памятников первого типа советские археологи, в отличие от буржуазных, исследуют их при помощи послойного раскрытия больших площадей. Раскопки курганов, преследующие всестороннее их изучение, ведутся на снос.

Важным вопросом при проведении раскопок является использование современной строительной и землеройной техники. К сожалению, до сих пор еще нет механизмов, которые могли бы заменить труд рабочего с лопатой при вскрытии культурного слоя.

Тем не менее есть полная возможность использования этих механизмов (скреперы и бульдозеры) для удаления отработанной земли из раскопов. Это сокращает до минимума непроизводительный труд рабочего на перекидку отработанной земли. Большого внимания заслуживает опыт Новгородской экспедиции 1951 г., применившей систему транспортеров и скипов с лебедкай и эстакадой [1]. Такая система механизации привела к тому, что один скип обслуживал одновременно 35—40 землекопов, занятых вскрытием культурного слоя.

В 1951 г. завершила свои работы Волго-Донская экспедиция, работавшая в составе шести отрядов и исследовавшая многочисленные памятники в зоне затопления канала. В числе других был изучен один из интереснейших памятников прошлого — развалины хазарского города Саркела, взятого в 965 г. русским князем Святославом. После этого здесь возник г. Белая Вежа, ставший важнейшим форпостом русской культуры и государственности в степях Подонья.

В докладе М. И. Артамонова были подведены итоги работ Волго-Донской экспедиции. При исследовании крепости Саркел установлен ее общий план, выявлены особенности строительной техники, изучены остатки гончарных печей, жилища-землянки рядового населения, развалины кирпичных зданий, по всей вероятности административного характера. Экспедицией получен большой материал, характеризующий ремесла. В русский период Саркел — Белая Вежа стал крупным городом, население которого занималось ремеслами и вело широкую торговлю. Среди многочисленных ремесленных мастерских русского периода особенно замечательны кузница и мастерская по обработке янтаря. Ряд вещей русского времени снабжен княжескими знаками; интересны клад серебряных вещей и монет, фрагменты сосудов с надписями и другие материалы. Установлено, что вместе с русскими в Белой Веже жили торки, участвовавшие в качестве союзников в восточном походе Святослава. Экспедиция собрала большой палеоботанический и остеологический материал, дающий возможность восстановить естественную обстановку I тысячелетия н. э. на Дону. Много ценного дали могильники, расположенные около Левобережного Цимлянского городища. Изучены половецкие курганы. В результате работ Волго-Донской экспедиции получены материалы, позволяющие решить ряд важных вопросов, касающихся отношений Византии и Хазарии, истории степных кочевников и, наконец, борьбы Руси с хазарами и половцами.

Доклад А. П. Смирнова был посвящен археологическим исследованиям в зоне Куйбышевской ГЭС. Шесть отрядов Куйбышевской экспедиции охватили археологическими работами территорию от Самарской луки на юге до окрестностей Казани на севере. Особый интерес представляют находки, относящиеся к эпохе нижнего палеолита, впервые сделанные на Волге в уроч. Тунгус, на левом берегу Воложки, в 10 км к юго-западу от с. Хрящевки Ставропольского района Куйбышевской обл., в окрестностях с. Бектяшки Сенгилеевского района, а также на Ундерском острове в Ульяновской обл. Для характеристики нижнего палеолита Волги важна находка каменных орудий в уроч. Красная Глинка на правом берегу Воложки в Тархановском районе Татарской АССР. Орудия вместе с костями животных были обнаружены в непотревоженном слое раннечетвертичных аллювиальных галечников, залегающих на высоте 8—10 м над уровнем реки и достигающих 2 м мощности. Кремневые орудия относятся к ашельскому и ранне-мустьерскому времени.

В районе Свияги и казанского течения Волги было обследовано 39 стоянок эпохи поздней бронзы (конца II — начала I тысячелетия до н. э.). Две стоянки — у дер. Атабаево Ланвиевского района и в 12 км к югу от Казани у дер. Б. Отары почти полностью раскопаны экспедицией. Черты срубной культуры в материале стоянок, а также обряд погребения людей в скорченном положении ясно свидетельствуют об огромной роли степных племен в формировании культуры населения Прикамья и, в частности, подтверждают точку зрения об участии степняков в формировании ананьинской культуры.

[1] Л. А. Евтюхова и Б. А. Колчин. О некоторых методических приемах археологических исследований в СССР. ВАН СССР, 1952, № 5.

Могильники эпохи бронзы исследовались на севере Куйбышевской обл., близ сел Ягодное и Хрящевка. Здесь открыто много курганных групп. Раскопано девять больших курганов, в которых обнаружено 92 погребения. Подавляющая часть погребений датируется последней четвертью II тысячелетия до н. э. и относится к срубно-хвалынской культуре. В большом кургане, раскопанном у с. Хрящевки, вскрыто 40 погребений и ряд ям-жертвенников с остатками кострищ и костями домашних животных. Могильник эпохи раннего железа открыт у р. Утки. Он принадлежит к ананьинской культуре и датируется VII—VI вв. до н. э.

Из памятников средневековья наиболее подробно были исследованы городище Великие Болгары и ряд деревень XII—XV вв., в частности, селища близ Казани, у дер. Зеленовки на Нижней Утке, Муранское и Печерские Выселки на Усе. Много внимания экспедиция уделила Муранскому могильнику XIII—XIV вв., где было вскрыто 41 погребение.

Раскопками в подгорной части городища Великие Болгары вскрыта площадь более 3000 м². Выявлено около 100 различных сооружений, в том числе дома, зерновые ямы, металлургические горны, печи для обжигания извести, общественные бани, колодцы и инженерные сооружения. Поселок в подгорной части возник еще в X в. Непрерывные наслоения здесь идут до XVI в. Раскопки дали огромный материал, характеризующий культуру болгар и их взаимосвязи с древней Русью. В керамике выделилось несколько групп, связанных с местными культурами предшествующего времени, а также значительная группа, не имеющая местных корней, но хорошо сопоставляемая с материалом Северного Кавказа и Приазовья. Находки свидетельствуют об одновременном приходе из Приазовья большой племенной группы булгар, которая в новой обстановке в течение долгого времени не только удерживала свои этнографические черты, но и оказала влияние на культуру племен Прикамья Эти черты перешли от булгар в культуру Казанского ханства и, видоизменившись, существуют в культуре современного татарского населения.

Работы Куйбышевской экспедиции дали значительный новый материал, еще не известный в археологии и позволяющий пересмотреть и уточнить ряд вопросов древней и средневековой истории народов Поволжья.

Сталинградская экспедиция в 1951 г. только приступила к развертыванию работы. О результатах работы Заволжского отряда экспедиции сообщил И. В. Синицын. Отряд вел исследования по левому берегу Волги от г. Энгельса Саратовской обл. до низовьев р. Еруслан в Сталинградской обл. На указанной территории экспедиция зарегистрировала более тысячи археологических объектов, состоявших преимущественно из курганных групп или одиночных курганов. У сел. Черебаево, Курнаевка, Потемкино, Бережновка, Молчановка было вскрыто 44 кургана, в которых обнаружено 135 разновременных погребений. Полученный материал позволяет проследить историю заселения Заволжья начиная с IV—III тысячелетия до н. э. и вплоть до XIV—XVI вв. н. э. Большой научный интерес представляют памятники, относящиеся к трем последовательным этапам развития древних племен в эпоху родового общества: 1) ямной культуры с круглодонной посудой неолитического облика; 2) срубной культуры — эпохи бронзы и 3) катакомбной — II тысячелетия до н. э. Открыты памятники скифов VI—V вв. до н. э. В низовьях Еруслана близ с. Бережновки были обнаружены сармато-аланские погребения VI—VII вв. н. э. В богатом могильном инвентаре представлены мечи, кинжалы, бронзовые и железные наконечники стрел, украшения и разнообразная посуда. Особую группу памятников представляют курганные погребения кочевников IX—XII вв. н. э. и времени Золотой Орды.

Исследования в зоне будущего Главного Туркменского канала были начаты Хорезмской экспедицией Института этнографии АН СССР еще в 1939 г.

В докладе С. П. Толстова были подведены итоги работ Хорезмской экспедиции 1951 г.

Археологические работы Хорезмской экспедиции проводились в трех районах: 1) в зоне трассы Главного Туркменского канала, на территории Туркменской ССР —

археологическая разведка берегов древнего русла Узбой; 2) в юго-западной части пустыни Кзыл-Кум, на территории Кара-Калпакской АССР,— раскопки Кой-Крылган-кала, раннеантичного памятника IV—III вв. до н. э.; 3) в северо-восточной части пустыни Кзыл-Кум, на территории Кзыл-Ордынской обл. Казахской ССР,— раскопки двух античных памятников рубежа и первых веков нашей эры в уроч. Джеты-Асар.

В течение полутора месяцев 1951 г. было пройдено от Красноводска до Куня-Ургенча свыше 2500 км. На этом пути было проведено сплошное обследование берегов Узбоя — 226 археологических поисков со сбором подъемного материала, а также раскопки и шурфовки на четырех памятниках близ русла. Этот маршрут дал возможность в общих чертах восстановить картину освоения человеком долины Узбоя. Наиболее богатым оказался материал по неолиту и бронзовому веку Узбоя Степень концентрации стоянок этих эпох на Узбое такова, что почти не было случая, когда поиски на любом участке берега не давали результатов. Неолитический материал оказался тесно связанным с кельтеминарской и неолитической культурами Хорезма и родственными им культурами Западного Казахстана, Приуралья и Прикамья. Находки бронзового века, доходящие до самого впадения притока Узбоя —Актама—в Каспий, относятся к тазабагъябской культуре Хорезма, представляющей вариант андроновской культуры Казахстана и Сибири. Густая заселенность берегов Узбоя в эту эпоху с полной убедительностью свидетельствует о том, что вплоть до начала I тысячелетия до н. э. по этому руслу текла вода. В начале античного времени картина резко меняется. Собственно античных памятников оседлой земледельческой культуры на Узбое нет совсем. Редкие находки античной эпохи сводятся к грубой керамике кочевых племен и наконечникам стрел скифского типа. Вне всякого сомнения, прекращение течения воды по Узбою падает именно на начало античного времени. В античную эпоху по Узбою не было и торгового пути от Хорезма в Хорасан, как это имело место в средние века. Все современные караванные тропы, большие и малые, восходят к средневековой эпохе, к IX—X вв. Вдоль этих троп по верхнему и среднему Узбою были построены большие укрепленные караван-сараи из камня и жженого кирпича. Караван-сараи имели однотипную, круглую планировку: они снабжались водой, собираемой на такырах и подводившейся при помощи кирпичных жолобов-водопроводов в специальное водохранилище, расположенное в центре караван-сарая. Караванный путь в раннем средневековье — от уроч. Игды, а после монгольского нашествия еще выше по Узбою, от уроч. Куртыш, поворачивал прямо на юг, в район теперешнего Кзыл-Арвата. Однако по обоим берегам Узбоя до самого устья находятся многочисленные следы кочевий, расположенных в «уях» — песчаных котловинах выдува. Никаких следов оседлых поселений и ирригационных сооружений, базирующихся на воды Узбоя, экспедиция не обнаружила. По верхнему Узбою встречены лишь следы примитивных пашен (бахчей) того же типа, что и ныне функционирующие бахчи на нижнем Узбое, для орошения которых используются весенние дождевые потоки, стекающие в русло. Таким образом, Узбой был мертвым руслом на протяжении почти трех тысячелетий. Только различные кочевые племена, предки нынешних туркменов, а затем и сами туркмены, базируясь на многочисленных пресных озерах и колодцах, да в средние века караваны купцов и военные отряды частично использовали это мертвое русло. Оно возникло в доирригационный период в результате сброса излишка аму-дарьинских вод и перестало функционировать с возникновением в Хорезме крупных ирригационных систем античного времени.

На Кой-Крылган-кала, в одном из помещений, раскопанном в 1950—1951 гг., были обнаружены большие пифосы-хумы с росписью на поверхности спиральным орнаментом красного цвета. На одном из хумов была открыта надпись знаками арамейского типа, относящаяся к IV—III вв. до н. э.,— самая старая хорезмийская надпись. Во внешней галлерее центральной башни, открывающейся наружу бойницами, были также открыты хумы, запечатанные глиняными пломбами с разнообразными печатями, из которых самой интересной является печать с изображением корабля. Очень интересен установленный раскопками нижний этаж помещений центральной

башни, над которым расположен сильно разрушенный верхний. В нижний этаж ведет арочный ход. Сделанные здесь находки исключительно интересны. Среди них должны быть упомянуты многочисленные фрагменты оссуариев и один целый глиняный оссуарий, увенчанный женской фигурой в половину натуральной величины, фрагмент хума с изображением всадника, миниатюрное изображение человеческой головы в весьма архаическом стиле, несколько напоминающее сумерийские изображения, статуэтка музыканта и т. д.

Раскопки комплекса памятников Джеты-Асара, начатые в 1948—1949 гг., были возобновлены в 1951 г.: два отряда экспедиции работали над исследованием городищ Алтын-Асар и Джеты-Асар № 9. Работы 1951 г. в Алтын-Асаре были в основном сосредоточены в юго-западной части большого общинного дома, где вскрыто в общей сложности 1400 м². Раскопано 19 помещений на различную глубину, причем установлено наличие примерно 16 слоев, общей мощностью свыше 10 м. Особенно интересный материал дали раскопки в Джеты-Асаре № 9, при которых был обнаружен ряд комнат с суфой в виде карэ и центральным очагом, в которых были найдены остатки плоских перекрытий из глины и жердей. Кроме этих комнат, были обнаружены сводчатые комнаты, перекрытые узкими коробовыми сводами.

Местная культура на протяжении всей тысячелетней ее истории отличается большой устойчивостью. Видимо, тохарские племена, заложившие основу джетыасарской культуры, как и племена аугасиев Нижней Сыр-Дарьи, подвергались в III—IV вв. влиянию гуннской культуры (и языка) и явились одним из составных элементов белых гуннов (эфталитов).

Отчет о работе Согдийско-Таджикской экспедиции сделали М. М. Дьяконов и А. М. Беленицкий. Экспедиция продолжала раскопочные работы на городище древнего Пянджикента, одного из важных феодальных городов верхнего Согда. Вскрывался громадный комплекс жилых помещений в центре городища, а также здания вблизи городского вала и за границей городища, к востоку от городской стены. Наиболее важные наблюдения сводятся к следующему: установлено наличие двух типов жилых комплексов — жилище знати и жилище крестьянина (пригородный дом). Центральной частью первого является квадратная парадная зала, к которой примыкают добавочные постройки в виде ряда служебных помещений. Главная зала имеет обычное плоское перекрытие, покоящееся на четырех колоннах. Остальные помещения перекрыты сводами. Центральной осью жилища крестьянина является коридор, по обе стороны которого расположены кухня-кладовая и две спальни. Крыша плоская, из коридора на крышу вел пологий крытый пандус.

В 1951 г. добыт обильный материал, характеризующий искусство Согда в доарабское время. Найдены статуэтки с изображениями людей и животных. Открыты остатки монументальной скульптуры и великолепной живописи со сценами религиозного и светского содержания. Реалистическая живопись отражает многие стороны жизни и культуры общества времени ее возникновения. По ней можно судить об этническом составе жителей (три типа) и о многих сторонах материальной культуры: одежде, вооружении, мебели, посуде и т. д. Стилистические особенности живописи свидетельствуют о длительной местной художественной традиции. Тот факт, что все вскрытые на городище здания принадлежат представителям господствующего слоя общества, позволяет предположить, что Пянджикент был городом, в котором проживали главным образом представители феодальной верхушки, состоявшей из земледельческой знати, жречества и, вероятно, купечества.

Важное историческое значение имеют раскопки древнебактрийского комплекса на городище Калаи Мир (руководитель раскопок М. М. Дьяконов). Наличие в VII—V вв. до н. э. развитого ремесла в сочетании с земледелием, основанным на ирригационной системе, свидетельствует о развитых формах общественного строя у древних бактрийцев этого периода. На это время падает завершение процесса классообразования в земледельческих районах Средней Азии и сложение первых государств.

М. Е. Массон сообщил о некоторых результатах работ Ю ж н о - Т у р к м е н с к о й археологической комплексной экспедиции. В составе экспедиции было девять отрядов, в том числе два исследовали памятники в зоне строительства Главного Туркменского канала, а третий изучал северную часть Марыйского оазиса. Большие раскопки велись на городище Старая Ниса. Здесь выявлены позднепарфянские хозяйственные помещения, связанные с производством вина, вскрыто несколько комнат дворца, причем был обнаружен разнообразный инвентарь, в том числе оружие и царская утварь.

Наибольший интерес представляют предметы мелкой серебряной скульптуры, инкрустации из слоновой кости, десятки оттисков печатей с парфянскими надписями и около 130 парфянских документов — остраконов II в. до н. э. В результате массового охвата памятников Марыйской обл. впервые выявлен ряд фактов по истории сельских поселений феодального времени: поселения V—VII вв. имеют, как правило, у края, обращенного к пескам, крупный замок-усадьбу (тепе) и размещаются полукольцом по радиально отходящим от него коротким улицам. В VIII в., в результате арабского завоевания, сельские поселения чахнут и замирают. В IX—X вв. они возникают на новых местах и имеют одноулочную планировку; со стороны песков прикрыты укрепленным рабатом, неподалеку от которого располагался базар. В XI—XII вв. при территориальном росте городов, где появляется много караван-сараев и отмечается усиление строительства зданий из жженого кирпича, одновременно наблюдается сокращение числа мелких поселений и обеднение существовавших. В конце XII — начале XIII в. поселений очень мало и они не богаты. Широким изучением и открытием ряда новых памятников архитектуры в Южном Туркменистане устанавливается общая линия развития своеобразного местного зодчества, которая прослеживается, начиная с парфянского времени (Ниса, Мервский оазис) в раннесредневековом строительстве VI—VII вв., в памятниках развитого феодального общества (в том числе в открытом замечательном мавзолее Худай-Назар-аулия начала XII в., в буддийской кумирне Мерва, в комплексе мавзолеев Гек-Гумбез), в народной жилой архитектуре туркменских племен XVIII—XIX вв.

А. Н. Бернштам, дав общий обзор археологических работ П а м и р о - Ф е р г а н с к о й экспедиции в 1951 г., основную часть доклада посвятил истории Ферганы в I тысячелетии н. э. и проблеме культуры катакомб в Средней Азии. Раскопками курганных могильников в Ферганской долине открыты погребения первых веков н. э. в виде катакомб и камер-подбоев.

В катакомбах двух цепочек курганов (южной и северной) были вскрыты единичные и коллективные погребения, причем, судя по материалу, северная цепочка с коллективными погребениями по времени более ранняя.

В Южной Фергане, в 10 км от города Ферганы, были открыты развалины крепости, расположенной в центре большого земледельческого оазиса и окруженной многочисленными замками-жилищами.

Экспедиция производила раскопки на территории цитадели, стены которой достигают 8 м высоты. Судя по материалам раскопок, это городище было покинуто в VI в., а замок существовал до VIII в. В VI—VII вв. на территории Ферганы было большое замковое строительство, причем, как правило, замки располагались в местах, наиболее удобных для сооружения оросительной системы.

Б. Б. Пиотровский сообщил о результатах исследования К а р м и р - б л у р а за десять лет раскопок, которые производились в цитадели и на территории древнего города Тейшебаини — урартского административного центра VII в. до н. э. Особенно большой материал дали исследования цитадели, площадью около 4 га, от которой хорошо сохранился нижний этаж, содержащий помещения хозяйственного назначения и кладовые. Во дворе цитадели раскопаны временные жилища, устроенные при осаде крепости и погибшие вместе с ней.

По данным раскопок на Кармир-блуре, можно судить о высоком уровне урартского земледелия и садоводства (о чем свидетельствуют ассирийские и урартские клино-

писные источники), а также о скотоводстве и отдельных ремеслах. В 1951 г. добыт значительный новый материал, характеризующий урартское виноделие. В прежние годы на Кармир-блуре были открыты две обширные кладовые для вина, содержавшие 152 караса, наполовину вкопанных в земляной пол и хранивших около 160 тыс. литров вина. В 1951 г. раскопана находившаяся около этих винных погребов кладовая, содержавшая свыше тысячи красных лощеных кувшинов для вина и 40 светильников. В других помещениях обнаружены следы, указывающие на то, что многие из разводимых в настоящее время в Армении сортов винограда были известны уже в урартский период.

Раскопки 1951 г. подтвердили предположение о том, что Тейшебаини в момент своей гибели находился в упадке, урартская власть в Закавказье сильно ослабела и дань перестала уже поступать в урартский административный центр. Во время осады в порожних кладовых цитадели были запрятаны различные ценности, повидимому, из храмовой кладовой Тейшебаини. При раскопках цитадели найдено значительное количество бронзовых предметов — памятников урартского искусства с клинообразными надписями урартских царей VIII в. до н. э.: два шлема, три колчана, семь декоративных щитов, шесть умбонов-щитов и 97 чаш.

В кладовых цитадели обнаружены предметы, отмечающие связи урартского административного центра с другими странами древнего Востока — с Ассирией, Египтом и областями Средиземноморья.

Многочисленные скифские предметы, обнаруженные в кладовых Кармир-блура, свидетельствуют о тесных взаимоотношениях скифов с урартскими административными центрами в Закавказье. Это обстоятельство подкрепляет сведения ассирийских источников о союзе скифов с урартами при их походах в Переднюю Азию.

В 1951 г. в одной из кладовых найден щит, богато украшенный фигурами львов и быков, размещенных в трех концентрических полосах, с надписью царя Аргишти I, указывающей на то, что этот щит был изготовлен для города Ирпуни. Подобные надписи имеются на трех щитах из Кармир-блура и указывают на правильность предположения, что в VII в. до н. э. в Закавказье произошла смена урартских административных центров; старые центры подверглись упразднению, но сокровища их кладовых были перевезены в новые.

В 1951 г. в план работ Кармир-блурской экспедиции были включены также разведочные раскопки на холме Арин-берд в Ереване, на котором сохранились развалины г. Ирпуни, урартского административного центра VIII в. до н. э., построенного царем Аргишти I. Раскопки открыли остатки дворцовой постройки, стены которой были украшены росписями.

Г. Гобеджишвили сообщил о предварительных итогах изучения памятников древней металлургии в верховьях р. Риони. Население древней Грузии было хорошо знакомо с добычей и обработкой меди, но вопрос о другом компоненте бронзового сплава — олове не был решен. Предполагалось, что металлурги работали на привозном олове. Сейчас удалось установить наличие местных разработок другого металла, заменяющего олово,— сурьмы. В верховьях р. Риони, в ущельях рек Зопхитури и Чвемури, экспедиция Института истории АН Грузинской ССР обследовала 25 древних выработок сурьмы и расчистила две штольни. Экспедицией собрана богатая коллекция каменных орудий, применявшихся при добыче руды. Таким образом, можно утверждать, что древнегрузинская бронзовая металлургия развивалась на базе местного горнорудного производства. Вопрос, к какому времени принадлежат упомянутые выше памятники, решается по материалам, добытым раскопками на Брильском могильнике. Он расположен на небольшой террасе у слияния рек Зопхитури и Риони, на расстоянии 9 км от с. Гебы. Это кладбище непрерывно использовалось около 2000 лет, начиная с середины II тысячелетия до н. э. Памятники, открытые в нижнем слое могильника, относятся ко времени от середины II тысячелетия до начала I тысячелетия до н. э. Большинство древнейших металлических предметов из Брили выковано или отлито из сурьмяной бронзы.

Б. А. Куфтин сделал доклад о результатах маршрутной экспедиции по южному склону Кавказского хребта.

В 1951 г. Трипольская экспедиция под руководством Т. С. Пассек продолжала археологические исследования в Черновицкой области УССР, на правом берегу Днестра и в Молдавской ССР. Было обнаружено свыше 60 археологических памятников различного времени: энеолитические поселения, стоянки эпохи бронзы, селища и курганы скифского времени, поселения времени «полей погребений», славянские городища. Основной задачей экспедиции были раскопки энеолитических поселений древнеземледельческих племен (III—II тысячелетий до н. э.) у сел. Берновa-Лука и Поливанов-Яр. Найдены землянки с глинобитными полами и с исключительно ценными для науки материалами, позволяющими осветить хозяйство и культуру земледельческих племен на наиболее раннем этапе их развития в Поднестровье. Установлено, что наряду с мотыжным земледелием племена эти занимались скотоводством, охотой и рыболовством. Интересно открытие на поселении Поливанов-Яр двух глубоких рвов, ограждавших поселок с напольной стороны.

О результатах экспедиции по изучению античных городов докладывали Т. Н. Книпович, В. Д. Блаватский и В. Ф. Гайдукевич.

В Ольвии обнаружен ряд эпиграфических памятников, являющихся весьма ценными историческими источниками; среди них особенно важен декрет III в. до н. э. в честь херсонесца Аполлония и его сыновей. Весьма существенны открытия памятников античной архитектуры в городах Северного Причерноморья. В Ольвии обнаружен перистильный дом первых веков н. э., который значительно обогащает наши представления о жилищном строительстве сарматского времени; в Евпатории раскрыто круглое в плане культовое здание IV—III вв. до н. э.; к несколько более раннему времени, V—IV вв. до н. э., относится стена общественного здания, раскопанного в Феодосии.

Существенные результаты дали раскопки малых городов Боспора: в Киммерике под слоями античного периода снова обнаружены напластования догреческого времени; в Илурате, среди раскопанных в 1951 г. усадеб, открыта одна, выделяющаяся размерами и отделкой; в числе помещений она заключала комнату, служившую местом культа. В Тиритаке обследована северо-восточная угловая башня, что позволило уточнить северную границу города. Далее производились разведки в районе Тобечикского озера, во время которых в одном из курганов обнаружен склеп с уступчатым перекрытием.

В связи с подготовкой к работам на Северо-Крымском канале производилась рекогносцировка в районе трассы канала. При этом установлено, что древний вал был расположен таким образом, что защищал всю систему долин вдоль восточного берега Керченского полуострова.

Раскопками Фанагории обследован ремесленный район, в котором находились керамические мастерские с V—IV вв. до н. э. до IV в. н. э.; кроме того, там продолжались исследования некрополя.

Наконец, значительные работы велись по изучению «хоры» — сельскохозяйственной территории азиатского Боспора, исследование которой впервые было начато в 1950 г. Обследовались земледельческие поселения северо-западной части Синдики (в окрестностях ст. Таманской). Произведены раскопки четырех синдских поселений и двух некрополей. Выяснены характерные особенности хозяйства (земледелие, скотоводство, керамическое ремесло и пр.), обмена, строительного дела и культуры синдов. Кроме того, собраны значительные материалы тмутараканской эпохи.

О раскопках на Ангаре и за Байкалом сделал доклад А. П. Окладников. Большой интерес представляют раскопки на Сосновом острове, в 8 км от Байкала, где прослежено четыре культурных слоя, в том числе раннего железного века и эпохи бронзы, до сих пор остававшихся неизученными в этом районе.

Ряд докладов на пленуме ИИМК был посвящен результатам исследований в области славяно-русской археологии. П. Н. Третьяков сообщил об итогах и перспективах работ Славянской экспедиции, которая ставит своей задачей собрать

материалы для решения ряда вопросов, связанных с проблемой происхождения славян.

Хотя Институт истории материальной культуры всегда занимался вопросами происхождения славян, но между прежними исследованиями в области славянской тематики и нынешними работами Славянской экспедиции существует настолько значительная разница, что Славянскую экспедицию можно охарактеризовать как лишь начинающую свою деятельность. Гранью между прежними исследованиями и современными послужило появление замечательного труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», освободившего нашу науку от порочных марровских концепций и открывшего перед исследователями в области этногенеза широчайшие возможности. Это отнюдь не значит, что полученные в результате прошлых исследований объективные научные ценности не имеют значения, но так как общее направление было ошибочно, то собранный материал не является тем, который в первую очередь необходим для решения основных вопросов.

Важнейшими задачами в области изучения этногенеза и древней культуры славянства являются следующие: 1) Выяснение истоков славянского этногенеза. Как полагает докладчик, их нужно искать в среде тех племен рубежа III и II тысячелетий до н. э., которые распространились между Одером и Днепром в период широкого развития пастушечьего хозяйства. Нужно изучить эти так называемые «племена шнуровой керамики», их отношение к другим европейским племенам и решить вопрос, являются ли они протославянами (что мало вероятно) или балто-славянами (что более вероятно). 2) Выяснение дальнейшей судьбы этих племен, их истории во II тысячелетии до н. э., когда эта племенная среда потеряла свою былую монолитность, когда, повидимому, сложились собственно славянские языки и летто-литовские языки, и диалекты.

Нужно также осветить вопрос о чрезвычайно мощном распространении в северном направлении южной раннеславянской культуры, которую археологи обычно называют зарубинецко-корчеватовской. Следует изучить восточнославянские племена I тысячелетия н. э., выяснить вопросы образования этих племен, исследовать их этнографию, экономику, социальный строй.

Необходимо пересмотреть вопрос о роли Рима в развитии так называемых «варварских», в частности славянских племен. Есть все основания утверждать, что «плодотворное римское влияние» больше тормозило, чем способствовало развитию славянской культуры.

В 1951 г. Окский отряд исследовал городище Жилино на Зуше. Важнейшим результатом этих работ является вывод, что древнейшие городища верхнего течения Оки имеют культуру, аналогичную не волго-окской дьяковской, а днестровской, известной под именем юхновской. Днепровский отряд работал в южной Белоруссии, он произвел разведку по Днепру от Могилева на юг, от устья Припяти и дальше по Припяти. Выявлено до сотни памятников. Среди них — группа днепровских городищ, близких к юхновским, группа городищ, на которых обнаружена культура зарубинецко-корчеватовского облика. Наряду с городищами имеются поля погребений. Одно городище и поле погребения первых веков до н. э. были раскопаны в с. Чаплине.

Неманский отряд обследовал верхнее течение Немана на протяжении 150 км. Здесь обнаружена неолитическая стоянка, несколько селищ и городищ X в. и последующих столетий.

Западно-Двинский отряд в течение трех лет работы выявил свыше 300 памятников и в верхнем течении Западной Двины, Тороны и в Озерном крае. Здесь проходило славяно-литовское пограничье. В середине I тысячелетия здесь появляются многочисленные длинные курганы, которые, несомненно, можно связывать с кривическими племенами. Подверглось раскопкам городище Подгай, относящееся к рубежу нашей эры и принадлежащее к группе местных, так называемых «дьяковских» городищ.

Калининградским отрядом произведены раскопки у с. Грачевки. Исследованы городища, относящиеся к началу и, вероятно, середине I тысячелетия н. э. Здесь обна-

ружены остатки наземных жилищ, обложенных камнем очагов и остатки совершенно своеобразной и до сих пор неизвестной культуры.

О научных открытиях Новгородской экспедиции сделал доклад А. В. Арциховский.

Раскопки в Новгороде Великом идут с 1929 г. Они дали уже огромные коллекции бытовых древностей времен вечевого строя, обнаружили много деревянных и каменных построек, доказали, вопреки мнению буржуазных ученых, что Новгород был городом ремесленников, установили, что по благоустройству это был передовой город Европы, и вообще подтвердили высокий уровень древнерусской культуры. Итоги новгородских работ 1951 г. дали много нового.

Самыми интересными являются находки берестяных грамот. Раскоп, где найдены берестяные грамоты, имел 7,5 м глубины; с такой неслыханной толщей культурного слоя связана здесь прекрасная сохранность органических остатков. Этот раскоп был заложен на месте древней Холопьей улицы, где обнаружено 25 уличных мостовых, залегавших друг на друге. Открытые вдоль улицы дома, дворы, амбары и прочие сооружения соответственно удалось разделить на 25 строительных ярусов, что позволяет четко датировать находки.

Берестяные грамоты сохранились прекрасно, поскольку буквы нанесены на бересту не чернилами, а процарапаны. Найден костяной инструмент для писания на бересте. Русские берестяные грамоты были до сих пор известны лишь от XVII—XIX вв., но эти поздние документы резко отличаются по облику и по технике выполнения от найденных теперь. Добытые на Холопьей улице грамоты относятся к XI—XIV вв. Даты, установленные палеографически по форме букв для каждой грамоты, совпадают с датами, установленными археологически по стратиграфии слоев. Всех берестяных грамот найдено теперь 10. По содержанию это семь частных писем, два хозяйственных документа и один поэтический отрывок. Все они, кроме одного частного письма, прочтены и истолкованы полностью. Находки грамот нельзя считать находками архива. Они залегали в разных местах и разных хронологических слоях. Слой того района Новгорода, где в 1951 г. начаты раскопки, насыщен берестой, в том числе грамотами.

На некоторых предметах, найденных при раскопках, обнаружены надписи, которые, равно как и грамоты, подтверждают широкое распространение грамотности в Новгороде. Деревянных вещей найдено много, что позволяет изучить новые для науки стороны древнерусского быта. Художественная резьба по дереву, камню и кости дает много нового для истории прикладного искусства. Прекрасными экземплярами представлены все категории железных изделий. Найден ряд новых вариантов печатей.

Добыто несколько десятков пудов древнего новгородского зерна, что позволяет изучить не только породы злаков разных времен, но и эволюцию агрономических систем, для чего наиболее важны примешанные к злакам зерна сорняков.

В Перыни близ Новгорода, где по летописи стояло святилище Перуна, удалось найти и раскопать это святилище. Оно имело форму правильного круга, 33 м в диаметре. В центре обнаружено основание статуи.

О работе Славяно-Днестровской экспедиции ИИМК и Молдавского филиала АН СССР сообщил Г. Б. Федоров. Отряд под руководством Р. Л. Розенфельдта произвел разведки на территории Сорокского, Бельцского, Рышканского, Дрокиевского, Флорештского, Тираспольского, Рыбницкого, Сусленского и Резинского районов Молдавской республики. Открыты и обследованы десять древних памятников, в том числе трипольские, скифские, раннеславянские, древнерусские и молдавские средневековые поселения. Были произведены небольшие раскопки позднетрипольского могильника у с. Выхватинцы и селища киммерийского времени у с. Цахнауцы.

Основной задачей экспедиции были раскопки городища у с. Екимауцы. Это славянское поселение племени тиверцев было основано в VIII в. и уничтожено печенегами в XI в. О внезапном разрушении городища и прекращении жизни на нем свидетельствует слой пожарища, заполняющий большинство сооружений, а также масса вещей,

оставшихся на месте, так как жители не успели спасти их и унести с собой или сами погибли. Нахождение большого количества оружия русского и печенежского свидетельствует о битве, разыгравшейся на городище. Об этом же говорит множество человеческих и конских костей, которыми была насыщена вся площадь городища в слое пожарища. Жизнь на городище после битвы не возобновлялась, и выше слоя пожарища культурный слой на городище отсутствует. Городище было окружено кольцевым валом и рвом. Вал достигал высоты 4—4,5 м; по верху вала шел деревянный частокол, внутренний склон вала был замощен камнями. Раскопки вала показали, что в конструкцию его входили городни — срубы размером 4×5 м, высотой около 4 м. Жилища были полуземляночного и наземного типа. Полуземляночные были углублены от 30 до 150 см, стенки их обмазывались глиной и обжигались. Наземные части стен состояли из жердей, переплетенных ивовыми прутьями и обмазанных глиной. Пол утрамбовывался. Глинобитные печи были полусферической или удлиненной овальной формы. Неподалеку от жилищ находились хозяйственные и зерновые ямы и выносные летние очаги. Многочисленны и разнообразны вещевые находки, в их числе комплект орудий труда кузнеца и ювелира, множество украшений, сделанных из серебра, и т. п.

Материальная культура тиверцев говорит об их тесном культурном единстве с Киевской Русью. Вместе с тем славяне Поднестровья имели культурные связи с западными и южными славянами. Раскопки Екимауцкого городища раскрыли ранее совершенно не известную яркую культуру славян Поднестровья.

И. Г. Шовкопляс прочел составленный им совместно с П. П. Ефименко доклад об итогах полевых археологических исследований на территории Украинской ССР.

Кроме названных выше докладов на пленарных заседаниях, интересные доклады (всего 71) были сделаны в секциях первобытной, славяно-русской, античной и скифо-сарматской археологии, а также археологии Сибири, Кавказа и Средней Азии.

М. З. Паничкина сообщила о работах в 1951 г. по изучению палеолита на Волге. А. Н. Рогачев сделал доклад о работах Палеолитической экспедиции ИИМК в Костенках в 1951 г. и о хронологии памятников верхнепалеолитического времени на Дону [1].

Н. Н. Гурина рассказала о результатах работы Нарвской археологической экспедиции и Карельского отряда экспедиции по изучению торфяников. Экспедицией проведено археологическое обследование Северной Карелии — бассейна р. Кеми и системы озер Куйто. Открыто 16 древних поселений, большинство которых относится к позднему неолиту, и два — к первым векам н. э. Стационарные работы, проводившиеся на юго-западе Карелии, были сосредоточены на поселении Чуй-наволок, относящемся к раннему железному веку. В результате разведки, произведенной по побережью р. Наровы, было зафиксировано наличие двух курганных групп и семи остатков селища XI—XIII вв. На левом берегу р. Наровы (в 7 км севернее г. Нарвы) обнаружено два неолитических поселения.

Л. Я. Крижевская рассказала о раскопках в Караидельском районе Башкирской АССР поселения эпохи неолита и эпохи бронзы, расположенного на левом берегу р. Уфы, при впадении в нее р. Юрюзани.

А. Х. Халиков в докладе об итогах работ 5-го отряда Куйбышевской археологической экспедиции рассказал о раскопках двух поселений эпохи бронзы — Атабаевском (Устькамском) и Балымском (Больше-Отарском). Атабаевское относится к первой четверти I тысячелетия до н. э., Балымское — к XII—IX вв. до н. э.

А. А. Иессен в докладе о работах курганного отряда Волго Донской экспедиции сообщил о раскопках курганов эпохи бронзы и раннего железа в окрестностях Саркела на левом берегу Дона.

О. Н. Бадер доложил об итогах Камской археологической экспедиции, ведшей работы в зоне строительства КамГЭС. Раскопками были затронуты: мезолитическая стоянка у Огурдина (близ Усолья), стоянки II тысячелетия—Бабов Бор в устье р. Иньвы,

---

[1] На материалах этого доклада построена напечатанная в настоящем томе статья А. Н. Рогачева.

Бор I у дер. Гари, могильник и селище у дер. Скородум (ананьинской эпохи), Опутятское городище (ломоватовской культуры), Кыласово городище и Баяновский могильник (родановской культуры). Разведочные работы охватили верховья Камы от ее истоков до с. Гайн, район Соликамска, рр. Горевую и Мулянку, а также бассейн р. Сылвы.

Л. Р. Кызласов сообщил о раскопках таштыкских погребений в Хакассии и их хронологии.

М. П. Грязнов сделал доклад об исследовании землянок бронзового века на древнем поселении, расположенном близ хут. Ляпичева (на берегу р. Царицы, в пойме Дона).

М. К. Каргер в докладе «К предистории русской археологической науки» на ярких примерах показал, как авторами древнерусских летописей были использованы известные в их время описания архитектурных и археологических памятников для подкрепления и доказательства исторических выводов.

Х. А. Моора сообщил о некоторых результатах исследования длинных курганов и городищ на юго-востоке Эстонской ССР. Производились раскопки длинных курганов в Линдера (Выруского района) и городища Рыуге. Последнее относится ко второй половине I тысячелетия н. э.

Итогом археологических работ в Калининградской обл. за 1949—1951 гг. был посвящен доклад Ф. Д. Гуревич.

Я. В. Станкевич рассказала об исследовании памятников I тысячелетия н. э. в верховьях Западной Двины.

И. И. Ляпушкин сделал доклад об археологической разведке 1950—1951 гг. в зоне затопления Цимлянского водохранилища. Здесь было обнаружено около 60 памятников, охватывающих время от рубежа эпохи камня и бронзы до позднего средневековья.

В. А. Богусевич сообщил о раскопках в Киево-Печерской лавре и об открытии в Чернигове каменных дворцовых сооружений XI—XII вв.[1]

П. А. Раппопорт сделал доклад о древнерусских оборонительных конструкциях с применением сырцовой кладки. Валы конструкции, подобной древнему Белгороду, обнаружены на городище у с. Заречье на р. Стугне и в г. Переяславле-Хмельницком.

А. Л. Якобсон рассказал об археологических разведках раннесредневекового поселения Горзувиты, В. П. Бабенчиков — о раскопках средневекового поселения близ с. Планерного, Б. Тимощук — о раскопках подкарпатских курганов в бассейне р. Серет.

Л. А. Голубева сделала доклад о раскопках на Белоозере, которые велись в двух пунктах — на древнейшей части территории старого города и в его посадской части, А. М. Ефимова — о результатах исследований гидротехнических сооружений XIV в. в г. Болгары, О. С. Хованская — о водоснабжении и канализации болгарских бань. Д. А. Авдусин сделал доклад о раскопках в г. Смоленске, М. М. Кобылина — о раскопках Фанагории, И. Б. Зеест — о раскопках в Феодосии, Н. В. Анфимов — о раскопках Семибратнего городища, А. И. Мелюкова — о раскопках скифских поселений на Днестре.

П. Н. Шульц сообщил о работах Северо-Крымской историко-археологической экспедиции, задачей которой является исследование памятников на трассе Северо-Крымского канала и на его разветвлениях, а также в зонах орошения. Были обследованы Перекопский ров и вал и прилегающие к нему остатки позднесредневековых крепостных сооружений и крупного поселения. На территории Раздольнинской ветви канала обнаружены две стоянки эпохи бронзы. На Феодосийской ветви, близ дер. Прибрежной, находится крупное приморское скифское селище. На трассе канала множество курганов различных эпох, особенно на Керченском полуострове, на водоразделах и Азовском побережье.

[1] См. в настоящем томе статью П. П. Ефименко и И. Шовкопляса, стр. 319.

И. Т. Кругликова сообщила о раскопках древнего Киммерика, М. А. Наливкина — о раскопках в Евпатории. Б. А. Литвинский сделал доклад об археологических работах в восточной части Ленинабадской области Таджикской ССР, Е. А. Давидович — о денежной реформе Мухаммед-Шейбани-хана, В. И. Спришевский — о погребальных сооружениях Муг-хана и каменных ящиках в восточной части Ферганской котловины, А. М. Массон — об археологических работах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции в Дихистане и А. К. Кебиров — о работах в Чаткольской долине.

Н. В. Хоштария сделал доклад об археологических исследованиях в Уреки (Грузинской ССР), где было изучено поселение конца II тысячелетия до н. э. — первых веков н. э. в песчаной приморской полосе.

И. Н. Цицишвили сообщил о новооткрытой гробнице в Мцхете, построенной в I в. н. э.

Д. Г. Капанадзе доложил о монетах, найденных Мцхетской археологической экспедицией.

В. В. Шлеев рассказал о результатах обследования крепостей в районе с. Ташбурун. Он считает возможным отождествить крепость, расположенную за оз. Пир-Гёль (Бали-Булак), к северу от Ташбуруна, с крепостью Менуахинили.

Р. М. Валидов сделал доклад о средневековом городище Судагылан (Мингечаур), О. А. Абибулаев — о раскопках холма Кюль-Тапа (Нахичеванская АССР), К. Ф. Смирнов — о Дагестанской экспедиции и Е. И. Крупнов — о Жемталинском кладе.

В резолюции, принятой сессией Отделения истории и философии и пленумом ИИМК, отмечены успехи археологов в 1951 г. и поставлен ряд задач, над решением которых надлежит работать в ближайшее время. Одной из таких важных задач является проблема происхождения славянства. Очень важна работа по изучению истории и культуры отдельных славянских племен, роли славянства в ликвидации рабовладельческого способа производства, а также работа по изучению древнерусских городов.

В области первобытной, скифо-сарматской и античной археологии необходимо дальнейшее обобщение достигнутых результатов в свете задач, поставленных И. В. Сталиным в работе «Марксизм и вопросы языкознания». Кроме того, необходимо обратить особое внимание на обобщение опыта методики полевых археологических работ путем публикации статей и периодического обсуждения методики раскопок отдельных экспедиций. Значительная часть проблем может быть решена при координации усилий ученых смежных с археологией дисциплин — языковедов, этнографов, антропологов, а также постоянной научной связи с академиями наук союзных республик, филиалами АН и другими научными учреждениями.

Общность задач советских ученых и ученых стран народной демократии требует расширения научных связей с археологами этих стран, которые должны выразиться в широкой взаимной информации о научных достижениях.

Десятилетие 1945—1955 гг., охватывающее две послевоенные Сталинские пятилетки, является важным этапом в развитии советской археологической науки. В 1945 г. состоялось первое Всесоюзное археологическое совещание, наметившее пути развития советской археологии на 10 лет. Пленум ИИМК постановил ходатайствовать перед Президиумом Академии Наук СССР о разрешении созвать в начале 1955 г. второе Всесоюзное археологическое совещание, задачей которого явится подведение итогов десятилетних работ по важнейшим проблемам советской археологии и составление единого всесоюзного плана археологических исследований.

ИТОГИ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНСКОЙ ССР в 1951 г.

Историческое постановление советского правительства «О строительстве Каховской гидроэлектростанции на р. Днепре, Южно-Украинского канала, Северо-Крымского канала и об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма» от 21/IX 1950 г. открыло перед советскими археологами невиданные ранее возможности для широкого размаха археологических исследований на территории будущих водохранилищ, каналов, систем орошения и строительных площадок на юге Украинской ССР.

Уже начиная с осени 1950 г., Институт археологии Академии Наук УССР предпринял широкие археологические разведки на территории будущих водохранилищ на рр. Днепре и Молочной. С середины лета 1951 г. были начаты полевые исследования большого масштаба в трех основных направлениях: во-первых, в зоне затопления будущего Каховского водохранилища как по правому, так отчасти и по левому берегу Днепра, на участке от Никополя до Берислава и Каховки; затем в долине р. Молочной, выше будущей плотины, к северу от г. Мелитополя, и, наконец, по левому берегу р. Ингулец в районе с. Снигиревки, где уже с лета 1951 г. развернулись подготовительные работы по сооружению каналов, соединяющих Днепровскую гидротехническую систему с Ингульцом.

Основной задачей археологических работ на Днепре, запланированных на лето 1951 г., было изучение городищ и неукрепленных поселений, расположенных в узкой полосе вдоль склонов береговых возвышенностей, ограничивающих долину Днепра. Значительные по своему масштабу раскопки здесь были осуществлены под общим руководством А. В. Добровольского в Бериславе, Любимовке, Змеевке, Гавриловке, Золотой Балке и некоторых других пунктах.

Среди этих памятников на территории Каховстроя можно различить пять основных типов поселений.

1. Поселения времени поздней бронзы (Змеевка и др.).

2. Поселения скифского времени V—IV вв. до н. э.

3. Поселения позднеэллинистической и раннеримской поры (городища Гавриловское и Любимовское и поселение Золотая Балка).

4. Поселения II—IV вв. н. э. с характерными остатками черняховского типа (Слободка—предместье Берислава и с. Дудчаны).

5. Поселения эпохи Киевской Руси.

Наиболее распространенный тип памятников здесь представляют поселения, относящиеся к концу I тысячелетия до н. э. и самому началу н. э. Ряд открытых и исследованных некрополей и отдельных захоронений на территории Каховстроя относится преимущественно к эпохе бронзы, а также к скифскому и сарматскому времени.

Среди поселений особый интерес представляет Гавриловское городище, одно из наиболее крупных на правобережье нижнего Днепра, занимающее площадь в 24 га (т. е. равное по своим размерам $^2/_3$ площади Ольвии). Оно защищено мощной системой

оборонительных сооружений (с напольной стороны в виде двух стен и земляного вала). В ходе раскопок удалось выяснить, что каменные строения располагались здесь главным образом вне акрополя. В самом же акрополе каменные здания размещались по преимуществу близ оборонительной стены, оставляя центральную часть акрополя свободной. Вскрытый в верхней части городища комплекс обширных каменных строений служил, видимо, либо для торгово-хозяйственных целей, либо для размещения гарнизона, охранявшего городище. Интересно, что среди керамического материала здесь преобладала местная лепная посуда, составляющая около 70% всех находок.

Другое большое поселение подобного типа, на котором были проведены довольно большие раскопки, находится на левом берегу Днепра, у с. Любимовки, севернее г. Каховки. Время возникновения этого городища относится к последним векам до н. э., и оно существовало затем ряд столетий. Остатки более позднего времени свидетельствуют, что, очевидно, с какими-то перерывами, оно доживает до эпохи Киевской Руси. Наряду с каменными жилыми и хозяйственными сооружениями здесь существовали и глинобитные постройки. Остатки защищавшей городище каменной стены раскрыты в его южной части.

Большое количество разнообразных амфор, представленных на обоих городищах, свидетельствует о наличии широких торговых связей с районами Причерноморья и Средиземноморья. Амфоры, красно- и чернолаковая посуда дают возможность датировать поселения этого типа на территории Каховского водохранилища позднеэллинистическим и римским временем.

Третье поселение того же времени и того же характера, но не укрепленное, находится у с. Золотая Балка. Помимо ряда жилых и складских помещений из камня и глины, здесь в процессе раскопок было обнаружено большое сооружение с двумя пристройками, в котором есть основание видеть сооружение культового характера (храм). Интересен весьма распространенный на всех этих поселениях тип очагов в виде больших круглых жаровень или сковород, установленных на каменных плитках и обложенных камнями. В других случаях такой очаг представлял собой круглую вымостку из щебня или гальки, облицованную глиной и окруженную глиняным же валиком. Очаги подобного типа известны на скифских поселениях Крыма.

Встречающиеся среди остатков жилищ на всех описанных поселениях глиняные подставки для вертелов, украшенные головами лошади или барана, свидетельствуют о культурной общности их населения и находят свои ближайшие аналогии в памятниках Средней Азии и Закавказья.

Судя по характерной керамике, к несколько более позднему времени, ко II—IV вв. н. э., относится четвертое из исследованных поселений — Слободка, расположенная в предместье г. Берислава, на склоне, обращенном в сторону Днепра. Продолжая строительную традицию предшествующих столетий, поселение это состоит из группы обширных каменных сооружений, причем в некоторых из них сохранились глинобитные очаги на каменной подстилке, по типу близкие к очагам предшествующего времени. В одном из этих жилищ у печи, под глинобитным полом, найден захороненный скелет крупной собаки. Захоронение собаки под печью является обычаем, широко распространенным у славянского населения, оставившего памятники черняховского типа.

Поселение с керамикой, характерной для культуры полей погребений, открыто и частично исследовано также в с. Дудчаны.

К более раннему, собственно скифскому времени относятся поселения и могильники, исследованные в разных местах на территории будущего Каховского водохранилища. Это — три небольших, плохо сохранившихся поселения в окрестностях сел. Нижний Рогачик и Бабин, на левом берегу притока Днепра — р. Конки, и одно лучше сохранившееся — у с. Усть-Каменки — на правом берегу Днепра, где было обнаружено много хозяйственных ям.

Наиболее интересным памятником этого времени оказался курганный могильник в с. Кут, давший помимо захоронений эпохи бронзы многочисленные скифские погребения, главным образом в катакомбах. Среди уцелевшего от грабителей погребального

инвентаря здесь представлены бронзовые и железные стрелы, золотая диадема, золотые перстни, серьги, бронзовые браслеты, бусы, прясла и пр.

Значительный курганный могильник сарматского времени, датирующийся рубежом н. э. и давший много вещественных находок, был исследован в с. Усть-Каменке, рядом с поселением скифского времени.

Что касается памятников эпохи бронзы, то хорошо сохранившееся поселение этого времени было исследовано в с. Змеевке Бериславского района. Судя по сделанным здесь находкам, оно относится непосредственно к предскифскому времени и характеризуется грубой лепной керамикой, украшенной валиками, а также чернолощеной посудой. Значительный интерес представляют остатки жилых и хозяйственных построек (очевидно, из дерева и глины) на каменных фундаментах. Все они прямоугольные в плане и имеют различные размеры, вплоть до очень больших. Печи сооружались здесь из плотно пригнанных каменных плит. С наружной стороны при всех жилищах, кроме того, были устроены и открытые очаги. Иногда на них еще стояли закопченные горшки. Находки жерновов и костей домашних животных указывают на то, что основными занятиями населения здесь были земледелие и скотоводство. Видное место в хозяйстве занимала и рыбная ловля.

Интересно, что на Змеевском поселении обнаружены культурные остатки, несомненно, относящиеся ко времени Киевской Руси. Здесь найдено было четырехугольное в плане жилище с кровлей на столбах и круглой печью, сложенной из каменных плит, а также хозяйственная яма, заполненная культурными отбросами. Вместе с костями домашних животных, обломками характерной гончарной посуды и пр. здесь встречены керамические фрагменты с зеленой и желтой поливой. Кроме того, под основным слоем с керамикой, характерной для предскифского времени, на Змеевском поселении обнаружены и следы поселения, относящегося к более ранней поре эпохи бронзы.

Курганные могильники эпохи бронзы исследовались возле хут. Хмельницкого, у с. Усть-Каменки, в селах Грушевка и Кут по правому берегу Днепра, в окрестностях с. Нижний Рогачик по левому берегу Днепра. Из исследованных здесь около сотни погребений бронзового века бóльшая часть относится к древнеямным, другие же сопровождаются керамикой, близкой к катакомбному и срубному типам.

Из отдельных интересных находок следует отметить небольшие каменные изваяния — идолы в виде грубо оформленных человеческих фигур. Они происходят из культурных отложений Слободки в Бериславе и из поселения в Змеевке. До более углубленного изучения вопроса трудно решить, относятся ли они к позднесарматскому, раннеславянскому или же к предскифскому времени.

Большие работы в 1951 г. были осуществлены Институтом и близ г. Мелитополя, у сел Терпенье, Ново-Филипповка, Троицкое и Долиновка, расположенных севернее будущей плотины Молочанского водохранилища.

Молочанская экспедиция под руководством А. И. Тереножкина провела раскопки многочисленных курганов, которыми очень богата долина р. Молочной. Всего здесь исследовано 54 кургана, среди которых были и довольно крупные насыпи, что в совокупности дало свыше 250 погребений, относящихся к различным периодам древней истории Приазовья.

Помимо большого количества погребений эпохи бронзы, преимущественно древнеямного и катакомбного типов, здесь открыт и изучен значительный курганный могильник сарматского времени. Очень большой интерес представляет находка каменной антропоморфной стеллы, перекрывавшей одно из ямных погребений. Она дает возможность уточнить датировку подобного рода памятников, сравнительно часто встречающихся в Причерноморье и до сих пор относимых к различному времени.

Отдельная экспедиция Института археологии под руководством М. Я. Рудинского была занята учетом и изучением наскальных изображений замечательной Каменной Могилы — холма-останца, возвышающегося посреди равнинной поймы р. Молочной и сложенного из огромных плит песчаника, местами образующих естественные навесы и гроты. Здесь, кроме реалистических изображений животных, отпечатков

человеческих рук, стоп и т. п., обнаружено много различных условных рисунков, смысл и значение которых до сих пор остаются неразъясненными.

Значительное число памятников в виде главным образом курганов эпохи бронзы и поселений с остатками каменных построек, относящихся к началу н. э., было раскрыто в ходе работ Снигиревской экспедиции под руководством Л. М. Славина на р. Ингулец.

На поселениях у сел Снигиревки, Н. Кондакова и Афанасьевки были обнаружены остатки зданий крупных размеров, состоящих из ряда помещений. Такие жилые сооружения сопровождались печами, сложенными из каменных плит, хозяйственными ямами-кладовыми и т. п. На этих поселениях встречено немало привозных, в основном ольвийских вещей, свидетельствующих об оживленной торговле местного населения с Ольвией в первые века н. э.

Кроме экспедиционных работ на территории новостроек, Институтом проведены и в других районах Республики значительные полевые исследования, во время которых раскрыто и изучено много памятников материальной культуры, относящихся почти ко всем периодам истории этих районов. Наиболее обширными из них были, как и в предыдущие годы, работы экспедиции «Большой Киев», руководимой П. П. Ефименко. В задачу многолетних работ этой экспедиции входит изучение археологических памятников на территории г. Киева и его широкой периферии с целью изучения исторических предпосылок, способствовавших образованию на Среднем Днепре крупнейшего центра древнерусской государственности и культуры — древнего Киева.

У хут. Красного Дарницкого района был открыт, а затем и полностью исследован (В. Н. Даниленко и М. Л. Макаревич) урновый могильник с трупосожжениями эпохи ранней бронзы (около начала II тысячелетия до н. э.), состоящий из 180 погребений, сосредоточенных на очень небольшой (около 70 м²) площади. Часто погребения непосредственно примыкали друг к другу. Ограниченность площади, занятой захоронениями, дает основание полагать, что здесь, возможно, находилось какое-то погребальное сооружение — легкая постройка, навес или что-нибудь подобное. Могильник располагался против Киева, на возвышении у самого края боровой террасы по левому берегу долины Днепра, доминировавшем над широкой заболоченной поймой. Возможно, что в древности это возвышенное место у края террасы представляло собой отдельный островок.

Раскопки могильника дали значительный вещественный материал; много сосудов различной величины и формы из характерно окрашенного в красный охристый цвет глиняного теста, более 10 боевых каменных топоров, три медных кинжала, много медных бус, несколько браслетов и пр. Однородность собранного материала и характер расположения погребений дают возможность предполагать, что могильник принадлежал какому-то определенному роду и существовал сравнительно недолго.

Наряду с аналогичными Софиевским и Чернинским могильниками, открытыми в окрестностях Киева в предшествующие годы, этот могильник представляет собой важнейший исторический источник эпохи ранней бронзы.

Очень ценными по своим результатам оказались раскопки на территории Историко-культурного заповедника «Киево-Печерская лавра», проводившиеся под руководством В. А. Богусевича. После сильных дождей, переполнивших водой дренажные колодцы, в одном из образовавшихся провалов обнаружились остатки древней кирпичной стены, ранее совершенно не известной. Раскопками установлено, что эта стена, толщиной около 2 м, была выстроена в XII в. и окружала территорию верхней части Лавры, представлявшей собой, таким образом, в XII—XIII вв. каменный замок, разрушенный татарами в 1240 г. Остатки каменных военно-оборонительных сооружений времени Киевской Руси, как известно, встречаются крайне редко; поэтому сделанная находка представляет большой интерес.

Киево-Печерский монастырь XI—XII вв. являлся центром крупного феодального хозяйства с развитым ремесленным производством, обслуживающим его потребности. Недалеко от указанной стены были найдены развалы двух больших горнов, сложенных из кирпича и глины. Они применялись в производстве смальты для мозаики различных

цветов (белый, черный, зеленый, красный, синий, желтый и золотистый). Тут же находились большие куски стеклянных сплавов, значительное число керамических тиглей, плошек и горшков с разноцветной стеклянной массой, а также много остатков разнообразной тонкостенной стеклянной посуды и небольших круглых оконных стекол.

Мозаика вырабатывалась в монастыре, очевидно, для украшения строившегося тогда Успенского собора.

Вокруг Киева продолжалось изучение остатков укрепленных городищ эпохи Киевской Руси с целью выяснения их жилых и военно-оборонительных сооружений (руководитель работ П. А. Раппопорт). В 1951 г. этими работами было охвачено шесть городищ на территории Киевской обл. (у сел Тростянец и Белгородка Киево-Святошинского района, Заречье Васильковского района и в г. Переяславе-Хмельницком) и Житомирской (у с. Грубского Коростышевского района и в с. Яроповичи Андрушевского района). Обследования показали, что древнерусские городища в большинстве случаев имели мощные оборонительные укрепления, сооруженные по единому образцу (внутренняя часть вала состояла из деревянного каркаса и срубов, засыпанных внутри и присыпанных сверху землей). Интересен факт находок на некоторых из городищ (например у сел Яроповичи и Грубское) грубой лепной глиняной посуды и других предметов, указывающих на существование в этих местах славянских поселений еще в предшествующее время, в VIII—IX вв.

В ряде пунктов по левому берегу Днепра южнее Киева разведками под руководством И. М. Самойловского обнаружены остатки древних могильников и поселений, относящихся к различному времени (погребения, видимо, V—IV вв. до н.э. возле с. Рудакова, с бронзовыми украшениями типа местной, нескифской, так называемой «подгорской» культуры, поселение культуры полей погребений у с. Гусеницы и др.).

В плане изучения памятников эпохи Киевской Руси на территории УССР раскопки были проведены также в Чернигове и Галиче.

Главным объектом раскопок в Чернигове, проводившихся под руководством В. А. Богусевича, были остатки крупного каменного сооружения XI в., находившегося между Спасским и Борисоглебским соборами и открытого в 1950 г. Раскопками установлено, что это было квадратное в плане здание (7,5×7,5 м), сложенное из тонкого желтого кирпича XI в. Фундамент состоял из булыжного камня и отличался большой мощностью, свидетельствующей, как полагает исследователь, о том, что здание имело первоначально более чем один этаж. У стен здания (повидимому, княжеского терема) найдено много древних вещей — кирпичей со знаками, поливных плит, смальты, глиняной посуды, изделий из железа, украшений, шесть шиферных пряслиц, частью с надписями и знаками, и др. Раскопками установлено, что и Спасский собор XI в. и исследованное здание были построены на мощном культурном слое времени от VIII до X в., содержащем остатки древних жилищ и хозяйственных построек, а также многочисленные обломки лепной посуды. Наличие этого культурного слоя указывает на существование на данной территории большого славянского поселения еще до возникновения исторического города Чернигова.

В восточной части Черниговского детинца открыт ранее не известный крепостной оборонительный ров X в. Как показывают находки, ров был засыпан в XI или XII в. и на его месте были устроены железоделательные и кожевенные мастерские.

В 1951 г. впервые были произведены раскопки на низменной части Чернигова — подоле, именуемом «Млиновище». Там были открыты остатки большой кирпичной печи XI в. для обжига кирпича. Это — круглое в плане сооружение (диам. 4,5 м), состоящее из двух стенок, между которыми находилась воздушная камера для обжига кирпича. В этой части города также обнаружены остатки землянок и хозяйственных ям и многочисленные обломки кружальной керамики. Такие находки указывают на ремесленное значение «подолов» древнерусских городов. Как и в верхней части города, здесь открыт культурный слой, видимо еще VIII в., с остатками хозяйственных ям и лепной керамикой.

Крупные работы совместно с Институтом общественных наук Львовского филиала АН УССР, Черновицким и Станиславским музеями были проведены Институтом археологии также на территории древнего Галича в с. Крылос Галичского района Станиславской обл. (руководители раскопок В. К. Гончаров и В. И. Довженок).

Древний Галич в свое время исследовался львовскими археологами, но их раскопки не стояли на должной научной высоте, а полученные материалы не были в достаточной степени изучены и исторически обобщены. Важное значение Галича как крупного древнерусского городского центра ставит перед советскими археологами задачу широкого и систематического его изучения. Такие работы были начаты в 1940 г. и возобновлены в 1951 г. Изучение топографии древнего Галича показало, что город делился на укрепленную нагорную (верхнюю) часть и подол. Прежние археологические работы в Галиче сосредоточивались только на территории аристократической части верхнего города, там, где находились княжеские и боярские дворцы и памятники монументальной церковной архитектуры.

Работы 1951 г. были направлены на изучение ремесленных кварталов, в результате чего в укрепленной части города открыт обширный район железодобывающего и железообрабатывающего производства с остатками домниц. В нижней, неукрепленной части города — подоле, являвшейся наиболее густо населенным районом древнего Галича, открыты остатки многочисленных ремесленных мастерских, из которых особенно интересна мастерская по вышлавке меди.

При раскопках открыты остатки жилищ с различными бытовыми предметами. Интересна находка каменной плитки с резным изображением грифона, по стилю напоминающей камнерезное искусство Владимиро-Суздальской Руси.

Материал, добытый работами 1951 г., дает возможность говорить о развитом ремесленном производстве в Галиче и о высоком культурном уровне его, как одного из крупнейших городов древней Руси.

Отдельные отряды Волынской экспедиции вели свои исследования в различных пунктах Правобережья, включая территорию западных областей УССР. Владимир-Волынский отряд Института археологии и Института общественных наук Львовского филиала АН УССР (руководитель Ю. Н. Захарук) исследовал поселение эпохи бронзы в с. Зимно и могильники лужицкой культуры в с. Млынище, Владимир-Волынского района Волынской области. На поселении в с. Зимно открыт мощный культурный слой с остатками наземных и земляночных жилищ с глинобитными печами и большим количеством вещественных находок, среди которых, кроме глиняных сосудов (типа так называемых воронковидных кубков), имеются глиняные пряслица, грузила для рыболовных сетей, костяные шилья, проколки, кремневые нуклеусы, ножи, скребки, наконечники стрел, каменные топоры-клинья и др. Кроме того, в культурном слое обнаружены кости диких и домашних животных, а также обгорелые зерна пшеницы, ячменя и бобовых.

В могильниках в с. Млынище, расположенных на песчаной террасе правого берега р. Западный Буг, были найдены остатки трупосожжений в урнах. Встречались одиночные и парные погребения. Урны с остатками сожжения в большинстве случаев были найдены в сопровождении других сосудов в виде чернолощеных кувшинов и мисок, а также предметов из бронзы (браслеты и пр.).

Другой отряд, работавший под руководством Г. Т. Титенко и С. С. Баранович, произвел раскопки поселения предскифского времени у хут. Ворошиловки Трояновского района Житомирской обл., расположенного на песчаной дюне по берегу небольшого высохшего озера. Поселение состояло из нескольких округлых в плане наземных жилищ, остатки которых выделялись на фоне дюны в виде темных пятен, диаметром до 20 м. При раскопках одного из жилищ обнаружено большое количество строительных остатков в виде камней и глиняной обмазки с отпечатками прутьев, а также много обломков лепной глиняной посуды, кремневых орудий, костей животных и пр. Среди керамических изделий преобладают тюльпановидные и баночные сосуды, орнаментированные гладким и расчлененным валиком по плечику, миски, а также сосуды, орна-

ментированные резным орнаментом, аналогичные керамике комаровской культуры. Из металлических находок следует отметить бронзовую булавку с конусовидной головкой и боковым ушком, которая дает возможность отнести поселение ко времени IX—VIII вв. до н. э.

Третий отряд (руководители — Г. Т. Титенко и В. И. Каневец) произвел большие раскопки на известном могильнике времени поздней бронзы и раннего железа у с. Высоцкого Заболотцевского района Львовской обл. Здесь раскрыто 130 погребений, находившихся на глубине 0,35—0,9 м от поверхности. Для могильника характерно сочетание двух обрядов погребения — трупоположения и трупосожжения как в урнах, так и без них. Установлены факты сочетания обоих обрядов в одной и той же могиле. Трупоположения (около 90% всех погребений) в большинстве случаев одиночные, реже — парные и даже групповые. Покойники лежали в вытянутом положении; погребения сопровождались лепными глиняными сосудами, поставленными в головах или ногах, а также предметами из бронзы, реже из железа и камня (шпильки, браслеты, височные кольца, железные наконечники копий, кремневые наконечники стрел, железные ножи и др.). Посуда представлена четырьмя формами: тюльпановидными и биконическими сосудами, черпаками и мисками.

Следует отметить найденные вне погребений глиняные фигурки четырехногого животного и водоплавающей птицы, украшенные какими-то знаками и изображениями.

Могильник может быть датирован временем около VIII в. до н. э.

Исследованию памятников предскифского и раннескифского времени были посвящены также работы Средне-Днепровской и Средне-Днестровской экспедиций.

Первый отряд Средне-Днепровской экспедиции (руководитель — А. И. Тереножкин) провел раскопки большого городища предскифского времени у с. Субботов Чигиринского района Кировоградской обл. Полученный материал дает основание датировать памятники этого типа переходным временем от Белогрудовки к раннескифскому времени. Исследованиями открыты жилища типа землянок, а также остатки бронзолитейного производства.

Второй отряд (руководитель — М. И. Вязьмитина) производил раскопки поселения в уроч. «Тарасова Гора» у с. Завадовки Каменского района Кировоградской обл. При остатках жилищ полуземляночного типа со стенами, обмазанными глиной, встречены куски пережженной глиняной обмазки (печины) со следами побелки и росписи красной краской. Они происходят, повидимому, от печей и сгоревших стен жилища (имеются явные следы пожара — обгорелые кости животных, находившиеся в жилищах).

Среди находок основное место занимает интересная глиняная лепная посуда различных размеров, типов, форм и орнаментаций. Часть сосудов украшена резным орнаментом, заполненным белой пастой. Из иных находок следует отметить бронзовые булавки, строительные материалы, кости животных и др. На основании всего этого поселение можно датировать VII — началом VI в. до н. э.

Третий отряд (руководители — Г. Т. Титенко и С. С. Баранович) занимался изучением памятников так называемого «белогрудовского» типа в окрестностях с. Собковки Уманского района Киевской обл. На одном из поселений этого времени были раскопаны курганообразные насыпи — «зольники» и курганный могильник. Множество небольших продолговатых возвышений на поселении оказались остатками наземных или слегка углубленных жилищ. Как на поселении, так и в курганообразных зольниках обнаружено много обломков лепной глиняной посуды разнообразных форм (тюльпановидной, баночной и др.), кремневые пилы, зернотерки, кости животных и пр. Собранный материал дает возможность датировать памятники этого рода временем около IX—VIII вв. до н. э.

Работы Средне-Днестровской экспедиции (руководитель И. Г. Шовкопляс) были направлены на окончание начатого в предыдущие годы исследования курганного могильника предскифского времени в с. Лука-Врублевецкая Каменец-Подольского района. Раскопаны последние два кургана (из восьми) с каменными насыпями, в ко-

торых обнаружены погребения как групповые (до 10 костяков), так и одиночные в виде трупоположений и трупосожжений. Все они, видимо, принадлежат одному населению и датируются временем около VIII—VII вв. до н. э. Подобные курганы, если судить, в частности, по групповым погребениям, представляли собой, нужно думать, своего рода усыпальницы, в которые покойники были положены в разное время.

Одновременно начаты раскопки поселения с остатками наземных жилищ и хозяйственных ям. Сделанные здесь находки состоят из большого количества лепной посуды, пряслиц, костяных проколок, сверленных топоров-молотков, костей животных и пр. Среди сосудов преобладают горшки, миски и черпачки с ручками. Значительная часть сосудов черно- или краснолощеная; резной орнамент бывает заполнен белой пастой. Поселение, судя по составу находок, относится к тому же времени, что и курганный могильник.

Средне-Днестровская экспедиция провела (под руководством М. Ю. Брайчевского) также небольшие работы на месте расположения древнеславянских каменных изваяний в с. Иванковцы Ново-Ушицкого района Каменец-Подольской обл. Еще осенью 1950 г. Институту было сообщено, что на огородах колхозников этого села имеются три столбообразных изображения, схематически передающих человеческие фигуры. Командированным туда В. И. Довженком было установлено, что эти изваяния имеют ближайшее сходство с знаменитым идолом Святовида, найденным в р. Збруч в 1848 г. и находящимся в Польше. Судя по имеющимся данным, можно было предполагать, что эти столбообразные фигуры расположены на площади поселения культуры полей погребений. Работы 1951 г. носили разведочный характер; во время их были открыты остатки небольшой наземной постройки, возможно культового назначения.

Донецкая экспедиция (руководители — И. Ф. Левицкий и Д. Я. Телегин) продолжала раскопки стоянок времени неолита и эпохи бронзы в бассейне среднего течения р. Северный Донец в пределах Харьковской и Сталинской областей.

На стоянке в уроч. Бондариха (вблизи г. Изюма) открыты следы довольно продолжительного обитания человека ранненеолитического времени. Кроме кремневых орудий, здесь встречены обломки древнейшей для этого района глиняной посуды, украшенной гребенчатым штампом.

На стоянке в уроч. Устье Оскола I обнаружен залегающий в ненарушенном культурном слое обильный позднеолитический керамический и кремневый материал. Керамика украшена гребенчатым и ямочным орнаментом. Кремневый инвентарь представлен большим количеством орудий.

На стоянке в уроч. Устье Оскола II установлено наличие двух разновременных горизонтов. Более древний представлен кремневым инвентарем микролитического облика (трапеции, пластинки с оббитым краем, скребки, резцы и др.), верхний — орудиями крупных размеров и глиняными сосудами с ямочно-гребенчатым орнаментом. На всех этих стоянках, как и на многих других, был собран большой вещевой материал, относящийся к различным периодам эпохи бронзы.

Археологическими разведками в г. Волочанске Харьковской области, где при строительных работах была встречена посуда, характерная для поселений салтово-маяцкого типа, на правом берегу р. Волчьей обнаружено два интересных поселения с обильными керамическими остатками. На одном из них открыто и исследовано небольшое, углубленное в землю жилище прямоугольных очертаний. Высота стенок углубленной части жилища достигает 1 м. Вход в жилище находился с восточной стороны и состоял из трех ступенек. По углам жилища обнаружены ямки от столбов, поддерживавших кровлю. Внутри него было собрано много лепной и круговой глиняной посуды, датируемой временем IX—X вв., а также кувшинов салтовского типа и амфор.

Институтом были исследованы два кургана эпохи бронзы в Успенском районе Ворошиловградской обл. (в 30 км на юго-восток от Ворошиловграда). В насыпи одного из них обнаружено два поздних кочевнических погребения (мужское и женское) с характерным для этого времени инвентарем в виде оружия (сабля, наконечники стрел) при

мужском и украшений при женском захоронениях. Основные погребения в грунтовых ямах, покрытых деревянным настилом, датируются временем срубной культуры.

Как и в предыдущие годы, производились поисковые работы в районе Днепровской ГЭС между гг. Днепропетровском и Запорожьем, где высоко поднявшаяся вода ежегодно размывает большие участки берегов озера Ленина. В результате этого ежегодно обнажаются и размываются многочисленные археологические памятники, относящиеся к различным периодам истории заселения порожистой части Днепра. В 1951 г., в районе озера Ленина, по его обоим берегам, обнаружено и частично исследовано путем раскопок более 20 разнообразных археологических памятников. К числу наиболее важных следует отнести: а) местонахождение среднепалеолитического времени у с. Васильевки Синельниковского района Днепропетровской обл., давшее обработанные кремни типа нижнего горизонта Киик-Кобы; отдельные находки типичного мустьерского скребла, мустьерского остроконечника и др.; б) остатки позднепалеолитических стоянок у с. Васильевки (пункт III) Синельниковского района и с. Звонецкого Солонянского района Днепропетровской обл., давших набор характерных орудий этого времени вместе с многочисленными обломками и отщепами кремня и кварцита, а также просверленные морские и речные раковины; в) неолитические стоянки у сел Кучугуры и Старые Кодаки со скоплениями раковин, кремнями, глиняной посудой, обломками сосудов из талька и костями животных; г) погребальные памятники эпохи бронзы с каменными вымостками у сел: Петрово-Свистуново и Орлово Красноармейского района Запорожской обл., Майорка Днепропетровского района и обл. и Федоровка Верхне-Хортицкого района Запорожской обл. (это характерные и весьма многочисленные погребальные памятники порожистой части Днепра указанного времени); д) поселение культуры полей погребений у с. Майорки и могильники этого же времени у сел Волошское Днепропетровского района и обл. и Ново-Александровка Верхне-Хортицкого района Запорожской обл.; е) надгробную антропоморфную стелу, найденную неподалеку от погребений эпохи бронзы под каменными закладками у с. Подпорожного, и др.

Кроме Института археологии, на территории УССР экспедиционные исследования проводили также другие научные, учебные и музейные учреждения Украины, Москвы и Ленинграда. Это прежде всего Ольвийская (руководители — проф. Т. Н. Книпович, Е. И. Леви и др.), Трипольская (руководитель — проф. Т. С. Пассек) и Скифская-степная (руководитель — проф. Б. Н. Граков) экспедиции, проведенные ИИМК АН СССР [1].

Кратко остановимся только на исследованиях, проведенных учреждениями УССР, к числу которых относятся Институт общественных наук Львовского филиала АН УССР, Харьковский государственный университет, Одесский археологический и Черновицкий краеведческий музеи.

Институт общественных наук Львовского филиала АН УССР провел упомянутые выше Галичскую и Волынскую экспедиции совместно с Институтом археологии. Третья—Днестровская экспедиция была проведена им совместно с Трипольской экспедицией ИИМК, работавшей под руководством проф. Т. С. Пассек. Большие раскопочные работы были проведены этой экспедицией на трипольском поселении у с. Ленковцы Кельменецкого района Черновицкой обл., начатые в 1950 г. (руководитель —Е. К. Черныш), во время которых были исследованы остатки наземных глинобитных и земляночных жилищ и собран обильный вещевой материал — орудия труда из кремня и кости, статуэтки из глины, разнообразная лепная посуда и пр. Возле с. Бабин того же района продолжалось изучение остатков двух позднепалеолитических местонахождений, на которых, кроме многочисленных кремневых орудий труда и отбросов производства, были обнаружены остатки кострищ, а также кости ископаемых животных (мамонта, северного оленя, зубра и др.).

---

[1] Результаты работы этих экспедиций изложены в отчете о пленуме ИИМК в марте 1952 г. См. стр. 313 настоящего сборника. Ольвийская экспедиция была проведена совместно с заповедником «Ольвия» АН УССР.

Начаты исследования и ряда других позднепалеолитических стоянок по правому берегу Днестра — у сел Вороновицы и Молодово Кельменецкого района Черновицкой обл. На них установлено наличие сохранившегося культурного слоя с остатками жилищ, кремневым инвентарем и костями ископаемых животных. Их раскопки будут продолжены.

Самостоятельную Северо-Донецкую экспедицию по исследованию памятников скифского времени на территории Харьковской обл. провел Харьковский государственный университет им. М. Горького (руководитель — Б. А. Шрамко). Раскопками и разведками было охвачено 20 различных памятников — в том числе девять городищ, шесть неукр пленных селищ, четыре курганных могильника и поселение эпохи бронзы. В результате исследований получен ряд важных материалов для освещения хозяйства и быта обитателей городищ и поселений. Установлено также, что некоторые из этих городищ и поселений были заселены в разное время — от эпохи бронзы до времени Киевской Руси.

На селище скифского времени у с. Б. Даниловки Харьковского района найдены железные шлаки, слитки олова и бронзы, а также бракованные бронзовые наконечники стрел, указывающие на местное изготовление металлических изделий на поселении, датируемом V—III вв. до н. э. Подобные находки получены также на селище у с. Островерховки Змиевского района и др. Наличие на этом селище серолощеной керамики черняховского типа, бронзовых фибул, железных булавок и пр. указывает на то, что на территории селища в первой половине I тысячелетия н. э. существовало раннеславянское поселение культуры полей погребения.

На селище у с. Шмаровки Харьковского района были обнаружены остатки наземного жилища V в. до н. э. с глинобитным полом и ямками от столбов по краям. Размеры его — 6 × 9,5 м. Это жилище было, повидимому, летним, так как очага внутри него не оказалось; последний находился вне жилища, на небольшом расстоянии от него и представлял собой неглубокую яму (диаметром около 1,5 м), заполненную золой, углем, обломками лепной глиняной посуды и костями животных.

На городище у с. Водяного раскопками была раскрыта землянка с глинобитным очагом внутри, относящаяся ко времени VIII—IX вв. Городище возникло на месте селища скифского времени.

На селище у с. Островерховки Змиевского района были проведены раскопки одного из многочисленных зольников. Под ним обнаружены остатки немного углубленного в почву наземного жилища скифского времени. Оно имело неправильно овальную форму и очаг с ямой перед ним. Здесь был собран значительный вещевой материал: железный топор, обломки железного серпа, бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы, глиняные пряслица, обломки зернотерки из кварцита, обломки лепной глиняной посуды, обугленные зерна хлебных злаков, кости животных и пр. В этом и других зольниках обнаружены также железные шлаки, слитки бронзы и другие следы местной выплавки и обработки металлов. Эти находки имеют большое значение для освещения хозяйства, быта и культуры оставившего их населения скифского времени (IV—III вв. до н. э.).

Одесский археологический музей проводил начатые в 1950 г. раскопки двух трипольских поселений в окрестностях с. Тимкова Кодымского района Одесской обл. (руководитель А. Л. Есипенко). Получен довольно большой вещественный материал, обычный для этого типа памятников.

Черновицкий краеведческий музей продолжал разведочные работы и раскопки отдельных памятников в пределах Черновицкой обл. (руководитель Б. А. Тимошук). Наиболее важным результатом экспедиционной работы музея, кроме открытия позднепалеолитической стоянки, нескольких трипольских и других поселений, являются раскопки курганного могильника у с. Глибокая Глибокского района типа так называемых «подкарпатских курганов» (III—VI вв. н. э.), относимого к раннеславянской культуре, а также открытие одновременных ему поселений, бывших до сих пор совершенно неизвестными.

Краткий перечень экспедиционных работ, проведенных на территории УССР, показывает, что их размах как в плане тематическом, так и территориальном (16 областей из 25) довольно широк, а полученные результаты имеют важное значение для освещения ряда вопросов древней истории юга европейской части нашей Родины.

В экспедиционных работах Института археологии принимали участие Институт истории материальной культуры АН СССР, Государственный Эрмитаж, Ленинградский университет, Институт истории и Институт зоологии АН УССР, Академия архитектуры УССР, а также более 20 музеев республики (Киевский, Харьковский, Днепропетровский, Черниговский, Ворошиловградский, Мелитопольский, Запорожский, Херсонский, Николаевский, Одесский, Уманский, Житомирский, Черновицкий, Станиславский и др.).

В 1952 г. экспедиционные работы на территории Украинской ССР, особенно в районах южноукраинских новостроек на Днепре, Молочной и Ингульце, продолжались в еще более широких масштабах.

П. П. Ефименко
И. Г. Шовкопляс

ОБСУЖДЕНИЕ В УЧЕНОМ СОВЕТЕ ИИМК КНИГИ А. Н. БЕРНШТАМА «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГУННОВ»

Вышедшая в 1951 г. в издании Ленинградского государственного университета книга А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» подверглась справедливой суровой критике. В декабре 1951 г. на совместном расширенном заседании сектора Средней Азии и Кавказа ИИМК и кафедры археологии Ленинградского государственного университета почти всеми выступавшими концепция автора о «всемирно-историческом значении гуннского похода на запад» и о «всемирно-исторической роли Аттилы» была резко осуждена как порочная и вредная. В 1952 г. на книгу Бернштама были опубликованы рецензии в журналах «Большевик», № 11 (З. В. Удальцовой), «Вопросы истории», № 5 (А. Х. Рафикова), «Вестник древней истории», № 1 (Н. Я. Мерперта и Л. Р. Кызласова), свидетельствующие о том, что немарксистская антиисторическая позиция Бернштама в вопросах истории гуннов самым решительным образом осуждается всей передовой советской научно-исторической общественностью. Статья в журнале «Большевик» определяет книгу Бернштама как порочную, содержащую крупнейшие идейно-теоретические ошибки.

27 июня 1952 г. на заседании Ученого совета ИИМК состоялось обсуждение книги А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» и рецензии на эту книгу, помещенной в журнале «Большевик». Все выступавшие согласились с анализом книги, данным в статье З. В. Удальцовой, и целиком присоединились к оценке книги Бернштама как идейно порочной.

На заседании выступил С. В. Киселев, который подчеркнул, что гунны снискали себе печальную известность в мировой истории. Их грабительские набеги наносили огромный ущерб трудолюбивому китайскому народу. Древний Китай уже в VI—V вв. до н. э. вынужден был огромную массу труда затрачивать на строительство пограничных укреплений (с III в. называемых Великой Китайской стеной). Продвигаясь на запад, гунны нанесли огромный урон народам Средней Азии, Северного Кавказа и Причерноморья. Их путь по Европе был также отмечен насилиями, грабежом и разорением городов, и только битва на Каталаунских высотах близ г. Тура положила этому конец. Классическое определение разрушительной роли гуннов дал И. В. Сталин, сравнивший 6 ноября 1943 г. орды Аттилы с гитлеровцами, которые «вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разрушают промышленные предприятия и культурные учреждения» [1].

Вопреки историческим данным Бернштам пишет: «Гуннское нашествие разбудило варварские «запасы» племен, сломивших Рим, и в этом заключается всемирно-историческое значение гуннского похода на запад, в этом заключается всемирно-историческая роль Аттилы» (стр. 162). Это утверждение смыкается с реакционными теориями буржуазной историографии: во-первых, с писаниями так называемых «евразийцев»,

[1] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1950, стр. 120.

среди которых в 20-х годах активную роль играли белоэмигранты, группировавшиеся вокруг «Евразийского издательства», и, во-вторых, с фальсификаторскими измышлениями турецких историков-националистов, которые в своем стамбульском журнальчике «Беллетен» из номера в номер печатают бредовые статьи о превосходстве «турецкой расы». Особенно большое значение в истории они придают гуннам, являющимся, по их ничем серьезно не обоснованному мнению, прямыми предками современных турок. Утверждение Бернштама о том, что гуннское нашествие будто бы «разбудило» варварские племена для борьбы с Римом, является грубым искажением действительности. Всякому известно, что гуннскому походу 451 г предшествовала многовековая борьба европейских племен с империей, раздираемой внутренними противоречиями. Еще задолго до Аттилы сокрушительные восстания рабов и «варварские завоевания» расшатали до основания рабовладельческий строй. В 410 г. самый Рим был взят Аларихом. Нападение гуннов на Европу скорее задержало агонию рабовладельческой империи, так как отвлекло европейские племена на защиту от гуннского разорения.

Далее, Киселев отметил, что Бернштам пытается обосновать «прогрессивную всемирно-историческую роль» гуннов тем, что они якобы «были прежде всего теми варварами, которые, по определению Ф. Энгельса, «вдохнули новую жизненную силу умиравшей Европе» (стр. 163). Здесь налицо грубая передержка: Энгельс нигде не приписывал такой роли гуннам. Наоборот, Энгельс, а вслед за ним советские историки давно доказали, что в сложении новых феодальных отношений в Европе, наряду с процессами разложения рабовладельческого строя, большое значение имели движения против Рима и Византии местных кельтских, германских и славянских племен. Эти племена несли с собой прогрессивные виды хозяйства и общинные формы социальных отношений. Именно это обстоятельство до предела ясно выражено в словах Энгельса: «Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин» [1]. Кочевники-гунны, в условиях переселения жившие главным образом за счет грабежа, имели гораздо более отсталые формы хозяйства и общественных отношений. Все попытки Бернштама изобразить их чуть ли не просветителями «варварской Европы» явно несостоятельны. А его заявление о том, что гунны несли будто бы с собой «черты древнейших государственных образований Средней Азии и, может быть, Китая», представляет собой лишь фантазию, почерпнутую все из тех же мутных «евразийских» источников.

Не прав А. Н. Бернштам и в своей попытке изобразить гуннов освободителями Европы, возглавившими поход на Рим. Действительно, в их войске в 451 г. были отряды покоренных ими европейских племен. Однако характерно, что не Рим, а вся «варварская Европа» встала с оружием против гуннов. В войсках Аэция против гуннов сражались, помимо римлян, визиготы, арморикане, саксы, савойские бургунды, рипуарские франки и другие племена. А как только гунны потерпели поражение, их покинули и те европейские племена, которые были принуждены к участию в походе Аттилы.

Такова первая группа ошибок Бернштама, наглядно показывающих, к чему приходит исследователь, не считающийся с марксистской историографией: он плетется в хвосте историографии буржуазной.

Вторая группа ошибок Бернштама, отметил далее Киселев, проистекает из того же невнимания автора к положениям марксизма-ленинизма, к росту советской науки. Его книга была подписана к печати спустя ровно год после того, как состоялось историческое выступление И. В. Сталина по вопросам языкознания, нанесшее решительный удар немарксистскому, вульгаризаторскому, так называемому «новому учению» о языке академика Марра. Широко известно, что Бернштам первое время после языковедческой дискуссии высказывался за необходимость сохранения части «марровского наследства» и отказался от этого только под влиянием критики со стороны большинства

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат. 1951, стр. 161.

советских археологов. Рассматриваемая книга показывает, что автор ее отказался от своих марровских взглядов только на словах, а на деле сохраняет в своей работе порочные идеи Марра, продолжая пользоваться его наиболее вредными, вульгаризаторскими положениями. Это прежде всего марровская «теория стадиальности», правда, местами завуалированная срочной подменой марровского термина «стадия» употребляемым в том же смысле словом «период». Уцелели у Бернштама и марровские стадиальные метаморфозы. Так, его тяньшанские саки «переоформляются» в тюрков, а припамирские саки — в иранцев (стр. 89—90). При этом он аргументирует главным образом выводами из своих же прежних промарровских статей, не считая нужным подвергнуть их самокритическому разбору. В наличии у Бернштама и марровская «теория о классовом языке» (стр. 9, 148, 166—167). Совсем как Марр, отыскивает Бернштам «скрещенные» этнические термины в духе анализа по четырем элементам. Та же антинаучная марровская эквилибристика продолжает применяться Бернштамом при «исследовании» эпических произведений. Таким путем, например, доказывается, что мифическая Айкаган (Луна-каган) древнетюркской легенды — «это образ женщины-мужчины — Иштари» (стр. 66), той самой Иштари, в которой Марр и его «ученики» видели общий для всего человечества образ на определенной стадии развития языка и мышления.

Вся эта марровская путаница служит основой для третьей группы неверных взглядов Бернштама. Выше уже отмечено, что его утверждения о прогрессивности исторической роли гуннов близки к аналогичным взглядам историков-пантюркистов. То же следует сказать и о другом выводе книги А. Н. Бернштама, всецело базирующемся на его марристских упражнениях и полностью игнорирующем современное понятие советских языковедов о языке-основе. Как и в своих прежних марровских работах, и в рассматриваемой книге автор продолжает говорить о будто бы существовавшем в VI—VIII вв. тюркском народе на Орхоне и Енисее. Между тем такого народа тогда не существовало. История в VI—VII вв. знает несколько тюркоязычных народов: прибайкальские курыкане, уйгуры, енисейские кыргызы, алтайские тюрки, захватившие Орхон в VI—VII вв., и ряд других, населявших область к западу от Алтая. Работы советских тюркологов показали, что каждый из этих народов имел свою длительную историю и отличался особенностями своего развития. Зато «ученые»-пантюркисты всячески пропагандируют существование мифического единого тюркского пранарода (в самом реакционном, расистском смысле этого понятия), от которого будто бы произошли современные турки, являющиеся, по словам пантюркиста Афета, «самым первым и высококультурным народом человечества»[1].

Помимо главных ошибок книги А. Н. Бернштама, в ней имеется еще масса противоречий и неточностей, свидетельствующих либо о невежестве автора, либо о неуважении его к читателю.

Одной из причин выхода в свет этой порочной книги является то, что ее автор упорно не желает прислушиваться к голосу критики, не желает самокритически рассмотреть свои марристские ошибки.

Заканчивая свое выступление, С. В. Киселев отметил, что те исследователи, которые не желают подвергнуть серьезной критике свои прежние ошибочные взгляды, допускают новые ошибки. На нашем участке исторической науки за последнее время имел место ряд срывов: неудачное выступление С. П. Толстова с его теорией «лингвистической непрерывности», ошибки А. П. Окладникова в его брошюре «Успехи советской археологии», неправильное освещение М. И. Артамоновым истории хазар и вопроса о происхождении славян, отразившееся в брошюре-лекции, изданной Ленинградским отделением Общества по распространению политических и научных знаний, и в особенности допущенные им ошибки в докладе, прочитанном летом 1952 г. на пленуме Института археологии АН УССР в Киеве. К этому нужно прибавить книгу К. М. Колобовой «Из истории раннегреческого общества», изобилующую марровскими установками, и последние работы Б. А. Куфтина о Колхиде, пронизанные марристскими «идеями». Эти

[1] «Беллетен», т. XI, № 42. Стамбул, 1947, стр. 177.

факты свидетельствуют о том, что необходимо продолжать критическую работу, что нельзя самоуспокаиваться и считать, что с марровскими ошибками уже покончено.

Н. Я. Мерперт в своем выступлении присоединился к оценке книги А. Н. Бернштама как порочной и указал на ошибочность попытки ее автора представить гуннов как носителей новой передовой культуры и социальных отношений. Бернштам тщится подвести экономическую базу под гуннскую культуру, которой гунны якобы осчастливили народы Восточной Европы и Дальнего Востока, пытаясь доказать, что гунны не были только кочевыми скотоводческими племенами, что по крайней мере часть из них занималась земледелием. Для подобных утверждений нет оснований. Автор указывает на археологические находки в Бурят-Монголии. Однако находки эти, как показало их исследование, свидетельствуют о том, что земледелие, приписываемое Бернштамом гуннам, на самом деле было делом рук китайских пленных, захваченных гуннами во время их походов; эти находки свидетельствуют о наличии китайской сельскохозяйственной техники, китайских плугов, китайского инвентаря. Исследование всего комплекса доказало и китайский характер тех поселений, где были обнаружены эти находки. Особо автор останавливается (в первой части своей книги) на роли гуннов по отношению к Китаю, считая, что становление феодальных отношений в Китае является чуть ли не целиком результатом гуннского нашествия. В китайской историографии существовали и существуют до настоящего времени две точки зрения на время возникновения феодализма в Китае. По одной из них, оно относится к рубежу двух эр и связано с гуннским нашествием; по другой — феодализм в Китае значительно древнее (почти на 1000 лет). Бернштам следует в своей книге первой теории. Между тем, есть прямые указания вождя китайского народа Мао Цзе-дуна, доказывающие справедливость противоположной теории.

В этом отношении чрезвычайно интересны те переводы с китайского из не опубликованных еще у нас сочинений Мао Цзе-дуна, которые приведены в «Вопросах истории»: «Начиная с династии Чжоу и Цинь, Китай представлял собой феодальное общество, его политика была феодальной политикой, его экономика была феодальной экономикой, и его культура, отражая эту политику и экономику, была феодальной культурой» [1].

«Этот феодальный строй,— пишет Мао Цзе-дун в другой статье,— начиная с династий Чжоу и Цинь растянулся более чем на три тысячи лет... В течение трех тысячелетий китайское общество было феодальным обществом» [1].

Следовательно, гунны нанесли огромный вред Китаю, который стоял несравненно выше по своему социальному и культурному развитию. Следовательно, гунны ни в какой мере не способствовали и не могли способствовать развитию феодализма в Китае и крушению рабовладения, которое произошло на много веков раньше.

Далее следует разобрать вопрос о связи восточных и западных гуннов, неотделимый от основного вопроса — об оценке завоеваний гуннов. Происхождение западных гуннов до сих пор неясно, причем буржуазная наука полностью доказала свое бессилие разрешить этот вопрос. Достаточно указать на вышедшую в 1948 г. в Оксфорде последнюю и, пожалуй, лучшую работу буржуазного ученого Томпсона — «История Аттилы и гуннов». Томпсон подверг более тщательному, чем Бернштам, анализу все письменные источники по истории западных гуннов. Автор пытался рассмотреть и экономику гуннов, и их социальный строй. Он использовал марксистскую литературу, но не смог оторваться от основных традиций буржуазной науки. Вопрос о связи западных гуннов с гуннами восточными Томпсон просто не берется решить. «В этой книге,— пишет Томпсон,— мы, подобно тому как делали римляне, довольствуемся началом истории гуннов не в Монголии, а в бассейне Кубани, сознавая, что о них ничего не известно вплоть до конца IV века, когда они напали на остготов». Такое утверждение, традиционное для буржуазной науки, является результатом полного игнорирования достижений советской науки. Советская наука позволила наметить ряд следов,

[1] ВИ, 1952, № 5, стр. 128.

оставленных гуннскими племенами при движении на запад. Казалось бы, Бернштам, который сам много работал в Средней Азии, должен был выступить против агностицизма и метафизических построений буржуазной науки. В его руках был большой материал, достаточный для того, чтобы разрешить вопрос о связи восточных и западных гуннов с позиций марксистско-ленинской науки. Однако в его книге этот вопрос не только не разрешен, но представлен в полностью извращенном и запутанном виде.

Явное влияние антинаучных, вульгаризаторских «теорий» Марра сказалось в утверждении Бернштама об «автохтонном» происхождении западных гуннов и аваров и в других положениях автора. Перечисление и краткий анализ первых упоминаний племен с именем гуннов в пределах Восточной Европы послужили основанием для следующего вывода: «...можно предполагать, что образование союза кочевников, известного под именем гуннов, в дальнейшем аваров (для Азии — гунн-эфталитов), объединение их на юге Восточной Европы, было процессом автохтонным, в котором возникновение местного объединения кочевых племен сочеталось с нашествием кочевников-гуннов с Востока, причем нашествие с Востока не положило начало гуннскому периоду на Западе, а лишь ускорило процесс образования племенных союзов Восточной Европы, и восточные гунны дали имя этому новому племенному объединению». Все это полностью извращает процесс создания в Восточной Европе гуннского племенного союза. История конкретных племен исчезает и превращается лишь в фактор, ускоривший процесс образования местных союзов, неизвестно по какой причине принявших наименование гуннов. Автор говорит о сочетании местного объединения племен с азиатскими, однако конкретные формы этого сочетания им не выяснены. Конечно, местные племена и союзы племен сыграли какую-то роль в создании гуннского союза. Но это была не та роль, которую подчеркивает Бернштам, не созидательная роль в деле создания союза,— это была борьба племен против гуннов и против созданного ими союза.

У Бернштама западные гунны оказались оторванными от восточных. Связь между ними не установлена и конкретно не обоснована. И фактически в решении вопроса о происхождении западных гуннов Бернштам не разбил агностицизма буржуазной науки, чего следовало ожидать, а лишь подменил его построением в духе псевдонаучных «теорий» Марра. Гунны потеряли конкретное содержание, перестали быть конкретной племенной группой, превратившись в своего рода стадию, пройденную автохтонными племенами.

Путаница в решении вопроса о связи западных гуннов с восточными вытекает из противоречий и грубых ошибок в социальной характеристике гуннского общества. Не выявлены основные социально-экономические причины движения гуннских орд на запад. Основной причиной переселения и грабительских войн гуннов явился рост социальных противоречий внутри их общества, возможность известной разрядки которых гуннская верхушка видела в завоевательных походах.

Те конкретные ошибки в изложении фактов, которые допускает Бернштам, дискредитируют советскую историческую науку, и относиться к ним, как к мелочам, нельзя. Взявшись писать о западных гуннах, он не использует подлинных источников, цитирует римских и византийских писателей не по боннскому изданию, а из вторых рук, главным образом по Шриттеру и Шафарику. Отсюда ряд ошибок. Так, автор пишет, что в 451 г. второе наступление гуннов было отбито Аэцием Теодориком около г. Труа на Марне. Ни г. Труа на Марне, ни Аэция Теодорика никогда не было. Аэций Теодорик — это два человека: римский полководец Аэций и вестготский король Теодорик. Город Труа стоит на Сене. Но место сражения в разных источниках локализуется по-разному: в одних указывается, что битва происходила возле г. Труа на Сене, в других — возле г. Шалона на Марне. Бернштам смешал эти сведения и получил г. Труа на Марне. Используя второсортные пособия, Бернштам пришел к заключению о втором наступлении гуннов. Было одно наступление, одна кампания, но так как она в разных источниках описывается по-разному, Бернштам говорит, что кампаний было две.

Создание подлинно марксистской истории гуннов крайне важно для истории нашей страны и для мировой истории. Отсутствие такой истории — большой пробел в

нашей историографии. Но, к глубокому сожалению, книга А. Н. Бернштама не восполняет этого пробела; более того, она извращает историю гуннов, она порочна по основной своей идее, и без преодоления, без разоблачения порочных положений Бернштама создание подлинной истории гуннов невозможно.

На заседании Ученого совета ИИМК выступил также Е. И. Крупнов, который указал на то, что исследование Бернштама очень поверхностно, что автор-археолог должен был уделить большее внимание памятникам материальной культуры гуннов. Между тем, единственная глава, посвященная этой теме, написана очень плохо и не дает возможности представить себе комплекс материальной культуры, который можно было бы с полным основанием именовать гуннским.

На заседании были оглашены представленные в письменном виде выступления Л. Викторовой и В. П. Шилова.

Л. Викторова отметила ряд недостатков в книге А. Н. Бернштама. Так, между заглавием книги и ее содержанием существует несоответствие. Читатель не находит в ней полной истории гуннов, но зачем-то включена история жужан, которые к гуннам почти не имели отношения и существовали значительно позже.

Бернштам пользуется неверным методом: он делает теоретическое построение, а затем привлекает лишь те факты, которые могут подтвердить это построение. Нужно же было делать выводы из конкретного археологического материала и показаний письменных источников.

Автором совершенно не учтены труды китайских историков, посвященные гуннской проблеме. Такие труды есть, и при исследовании истории восточных гуннов нельзя с ними не считаться, так как никакие западноевропейские исследователи не знают восточных гуннов лучше, чем их соседи — китайцы.

С тезисом о классовой борьбе у гуннов, который имеет место в книге А. Н. Бернштама, вряд ли можно согласиться, так как сам же автор считает гуннское общество племенным союзом, т. е. стоящим на ступени разложения первобытно-общинного строя и только начала выделения различных группировок, которые оформляются в класс значительно позже.

Тезис о прогрессивности гуннов порочен. Китайский народ сам оценил роль гуннов в своей истории. В работе китайского историка Цзан Бо-дзяня приведен большой фольклорный китайский материал гуннского времени о гуннских завоеваниях. Все песни и стихи этого периода — это буквально плач, вопль народа, воспринимавшего гуннские нашествия как стихийную катастрофу. Поэтому роль гуннов приходится оценивать резко отрицательно.

В. П. Шилов, основываясь на результатах раскопок Иволгинского городища и других памятников, показал, что земледелием у гуннов занимались не сами гунны, а бежавшие сюда китайцы и военнопленные, а также другие местные оседлые племена. Поэтому сам собою отпадает вопрос о существовании сельской общины у гуннов, а следовательно, и проблема прогрессивной роли гуннов в падении рабовладельческих обществ.

Участники заседания Ученого совета ИИМК отмечали, что за выход в свет порочной книги А. Н. Бернштама несет ответственность и коллектив ИИМК, так как заведующий ЛОИИМК М. М. Дьяконов был редактором книги, старший научный сотрудник ЛОИИМК проф. М. И. Артамонов рекомендовал книгу для печати, а старший научный сотрудник М. А. Тиханова дала положительную рецензию на книгу до ее опубликования. Ленинградскому коллективу ИИМК необходимо обратить самое серьезное внимание на идеологическую сторону своей работы и особенно на сектор Средней Азии и Кавказа, в котором не развернута критическая работа, вследствие чего члены сектора медленно преодолевают марристские заблуждения.

В заключительном слове член-корр. АН СССР А. Д. Удальцов отметил, что книга А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» содержит настолько серьезные ошибки и извращения, что выход ее в свет дискредитирует нашу науку. Нужно отвергнуть мнение, высказанное М. И. Артамоновым при обсуждении книги А. Н. Бернштама в

Ленинграде, о том, что вопросы, затронутые автором, дискуссионны и что можно рассчитывать на продолжение дискуссии по этим вопросам в дальнейшем. Было бы странно открывать дискуссию в защиту тех взглядов, которые высказал Бернштам, в то время как для всех ясна порочность его книги о гуннах. Только безответственностью автора, редактора и рецензентов можно объяснить появление в свет книги, содержащей серьезные политические ошибки. Автор ни на шаг не подвинул вперед разработку гуннского вопроса на основе марксистско-ленинской методологии, а наоборот, оказался в хвосте буржуазной историографии, отстаивая вредные и ошибочные взгляды, давно отвергнутые советской наукой.

В своей резолюции Ученый совет ИИМК отметил, что новые идейно-теоретические срывы и ошибки, совершенные Бернштамом, не случайны, так как известно, что в прошлом он был одним из убежденных последователей Марра и его «нового учения» о языке. Даже после выхода в свет гениальных трудов товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»,с предельной ясностью обнаживших всю порочность яфетической «теории» Марра, Бернштам на заседании Ученого совета ЛОИИМК ратовал за сохранение части «марровского наследства». Несмотря на наличие в своих старых работах грубейших ошибок марровского толка (о классовости языка, о стадиальности, о скрещении этнических элементов и пр.), во всех своих последующих публичных выступлениях и в ряде подготовленных к печати статей, посвященных тюркскому этногенезу и «критике» яфетической теории, Бернштам не показал, что он подлинно самокритически и до конца осознал свои ошибки и заблуждения, связанные с не преодоленным им еще влиянием марровщины.

Никакого урока для себя не извлек Бернштам и из двухдневного критического обсуждения его книги «Очерки по истории гуннов», состоявшегося на совместном расширенном заседании сектора Средней Азии и Кавказа ИИМК и кафедры археологии ЛГУ в декабре 1951 г. Судя по выступлению Бернштама на этом заседании, автор склонен отстаивать правильность своих тезисов и считать необходимым дальнейшее обсуждение гуннского вопроса. Ученый совет ИИМК АН СССР осудил неправильную позицию Бернштама и предложил ему в самое ближайшее время подготовить выступление в печати с подробным анализом и критикой своих собственных ошибок марровского толка; написать по гуннскому вопросу статьи, отражающие отношение автора к критическим высказываниям, сделанным при обсуждении его книги о гуннах. Необходимо, чтобы Бернштам проявлял больше чувства ответственности перед читателями при использовании в своей научной работе разнообразных исторических источников.

Одновременно Ученый совет осудил линию поведения М. М. Дьяконова, М. И. Артамонова, М. А. Тихановой, несущих ответственность за появление в свет порочной книги А. Н. Бернштама.

Ученый совет ИИМК призвал всех научных сотрудников института учесть этот печальный случай поверхностного и легкомысленного отношения к оценке работы, подготовленной к печати, и в дальнейшем самокритически и с большей ответственностью относиться как к подготовке к печати собственных работ, так и к рецензированию статей других сотрудников.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. А. ВИНБЕРГ и В. Б. ЕЧЕИСТОВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА за 1950 г.

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

1. Артамонов М. И. Происхождение славян. Стенограмма публичной лекции. Л., 1950, 52 стр. (Всесоюз. об-во по распростр. полит. и науч. знаний. Ленингр. отд-ние).
2. Арциховский А. В. Археология.— БСЭ, изд. 2, т. 3. М., 1950, стр. 167—174. Библиогр. в конце статьи.
3. Борисковский П. И. Некоторые вопросы становления человека.— КСИЭ, IX, 1950, стр. 15—20.
4. Бурчак-Абрамович Н. О. и Габашвили Е. Г. Находка ископаемой высшей человекообразной обезьяны в пределах Грузии.— «Природа», 1950, № 8, стр. 70—72 с 3 илл. Библиогр. 13 назв.
5. Герасимов М. М. Методика восстановления внешнего вида ископаемого человека по его черепу.— «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, 1950, стр. 166—177 с 4 илл.
6. Горбачева Н. П. К вопросу о происхождении одежды.— СЭ, 1950, № 3, стр. 9—27.

   Привлекаются археологические данные.
7. Горюнова Е. И. К вопросу об «остеологической статистике».— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 60—65.
8. Государственный список памятников архитектуры общесоюзного значения. М., 1950, 39 стр. (СССР, Мин-во городск. строительства. Упр-ние по охране памятников архитектуры).
9. Громов В. И. О верхней границе третичного периода.— «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, 1950, стр. 5—12. Библиогр. 12 назв.

   Палеонтологическая работа, написанная на основе изучения геологии и фауны палеолитических стоянок.
10. Громов В. И. и Никифорова К. В. Успехи и задачи четвертичной геологии в СССР в эпоху сталинских пятилеток.— ИАН СССР, сер. геол., 1950, № 1, стр. 66—72.

    В частности, и об успехах в области изучения палеолита.
11. Дебец Г. Ф. Антропогенез.— БСЭ, изд. 2, т. 2. М., 1950, стр. 531—534. Библиогр. в конце статьи.
12. Девель Т. М. Обозрение коллекций собрания фотоархива Института истории материальной культуры Академии Наук СССР.— СА, XII, 1950, стр. 289—336.
13. Домбровская Е. А. О заболеваниях и повреждениях древней фресковой живописи и методах ее реставрации.— «Практика реставрационных работ», I. М., 1950, стр. 193—208 с 6 илл.

14. Замятнин С. Н. О первоначальном заселении пещер.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 55—63.

15. Зворыкин Н. П. Методика укрепления каменных кирпичных кладок памятников архитектуры путем нагнетания растворов в трещины кладки.— «Практика реставрационных работ», I. М., 1950, стр. 173—192 с 21 илл. Библиогр. 24 назв.

16. Значение трудов товарища Сталина для изучения ранних периодов истории.— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 3—6.

17. Кальнинг-Михайловская Л. А. Охрана и изучение памятников архитектуры.— «Практика реставрационных работ», I. М., 1950, стр. 13—46 с 26 илл.

18. Кирьянов А. В. Реставрация древней керамики.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 157—164.

19. Левин М. Г. Проблема происхождения Homo sapiens в советской антропологии.— КСИЭ, IX, 1950, стр. 5—14.

20. Леммлейн Г. Г. Опыт классификации форм каменных бус.— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 157—172 с 3 илл.

21. Мазарович А. Н. Принципы стратиграфии четвертичных отложений.— «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, 1950, стр. 30—36.

Привлекаются археологические данные.

22. Монгайт А. Обсуждение трудов И. В. Сталина по вопросам марксизма в языкознании в Институте истории материальной культуры Академии Наук СССР.— ВДИ, 1950, № 3, стр. 202—207.

23. Никольский В. К. Антинаучность буржуазного мифа об исконности семьи и частной собственности.— УЗМПИ, XIV Кафедра ист. древн. мира, вып. 1, 1950, стр. 3—66.

Привлекаются археологические данные.

24. Никольский В. К. Начало религии.— УЗМПИ, XIV Кафедра ист. древн. мира, вып. 1, 1950 стр. 67—82.

Религиозные представления неандертальского человека по данным раскопок палеолитических погребений Зап. Европы и СССР (Тешик-Таш).

25. [Пидопличко И. Г.] Підоплічко І. Г. Похождення людини. Київ, АН УРСР, 1950; 36 стр. с 14 илл. Библиогр. стр. 31—32.

26. Программа курса «Основы археологии». Проект. [М.], МГУ, 1950, 8 стр. В вып. дан. авт.: А. В. Арциховский.— Без тит. л. и обл.

27. Семенов С. А. Верхнепалеолитические костяные рукоятки.— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 132—138 — с 3 илл.

28. Семенов С. А. Изучение функций палеолитических орудий по следам работы.—«Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, 1950, стр. 159—165.

29. Семенов С. А. О противопоставлении большого пальца руки неандертальского человека.— КСИЭ, XI, 1950, стр. 70—82 с 4 илл.

30. Третьяков П. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании.— ВИ, 1950, № 10, стр. 3—18.

31 Трофимова Т. А. [Рец. на кн.:] Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.— ВДИ, 1950, № 4, стр. 95—99.

32. Удальцов А. Д. Происхождение славян в свете новейших исследований. Стенограмма публичной лекции... М., 1950. 23 стр. (Всесоюз. об-во по распростр. полит. и науч. знаний).

33. Якимов В. П. Данные о людоедстве у людей эпохи нижнего палеолита.— «Природа», 1950, № 2, стр. 55—56. Библиогр. 8 назв.

34. Якимов В. П. Европейские неандертальцы и проблема формирования Homo sapiens.— КСИЭ, IX, 1950, стр. 21—33. Библиогр. стр. 32—33 (24 назв.).

II. ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

35. Археологическая комиссия [в Петербурге].— БСЭ, изд. 2, т. 3. М., 1950, стр. 166—167.
36. Базилевич К. В. История СССР с древнейших времен до конца XVII века. Курс лекций... М., 1950. 498 стр. (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б)).

    В разд. I «Первобытно-общинный и рабовладельческий строй на территории СССР. Первые политические объединения восточных славян» (стр. 3—30) привлекается археологический материал.
37. Громов В. И. М. В. Воеводский [1903—1948].— БКИЧП, № 15, 1950, стр. 97—99, с портр. Библиогр.: А. А. Формозов. «Список печатных работ М. В. Воеводского» (36 назв.).
38. Громов В. И. Работы М. В. Воеводского и изучение истории четвертичного периода.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 3—4.
39. Ефименко П. П. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке.— «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, 1950, стр. 81—87.
40. [Ефименко П. П.] Ефіменко П. П. Сучасний стан радянської науки про викопну людину.— ВАН УРСР, 1950, № 1, стр. 46—54.
41. Замятнин С. Н. Памяти Михаила Вацлавовича Воеводского. 1903—1948.— СА, XII, 1950, стр. 213—216 с портр. Библиогр.: Список печатных работ М. В. Воеводского (44 назв.).
42. Замятнин С. Н. Первая русская инструкция для раскопок (Находка костей «волота» в 1679 г.)— СА, XIII, 1950, стр. 287—291 с 2 факсимиле.
43. Итоги археологических исследований 1949 года. (Сессия Отделения истории и философии).— ВАН СССР, 1950 № 5, стр. 97—101.
44. Итоги археологических экспедиций 1949 г.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1950, № 3, стр. 284—291.
45. Каталог изданий Института археологии. Киев, 1950, 20 стр. (АН УССР). На обороте тит. л. сост.: И. Г. Шовкопляс и Е. В. Максимов. Каталог аннотирован.
46. Мерперт Н. Я. Некоторые итоги полевых археологических исследований в 1949 г.— ВДИ, 1950, № 2, стр. 220—226.
47. Окладников А. П. Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов.— УЗЛГУ, № 115, Фак-т народов Севера, вып. 1, 1950, стр. 22—37.

    Исследование памятников эпохи палеолита, неолита и бронзы.
48. Окладников А. П. Успехи советской археологии. Стенограмма публичной лекции. Л., 1950, 60 стр. с 18 илл. (Всесоюз. об-во по распростр. полит. и науч. знаний. Ленингр. отд-ние).
49. Работы академиков, членов-корреспондентов и научных сотрудников Академии Наук СССР, удостоенные Сталинских премий в области науки и изобретательства за 1949 год (Краткие аннотации).— ВАН СССР, 1950, № 4, стр. 9—27.

    О трудах: 1) Киселева С. В. «Древняя история Южной Сибири» (стр. 15—16); 2) Окладникова А. П. «Тешик-Таш. Палеолитический человек» (стр. 18—19).
50. Сессия Отделения истории и философии АН СССР и пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры за 1948 г. Информация.— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 7—10.
51. Советская археология [Сб. статей. Отв. ред. М. И. Артамонов], XII. М.—Л., 1950, 395 стр. с илл. (АН СССР. Ин-т истории материальной культуры).

    Статьи см. № 12, 41, 97, 108, 118, 127, 141, 159, 249, 350, 369, 574, 579. Рец.: Монгайт А. Л. и Кругликова И. Т.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 107—109.
52. Советская археология [Сб. статей. Отв. ред. М. И. Артамонов], XIII. М.—Л., 1950, 336 стр. с илл. (АН СССР. Ин-т истории материальной культуры).

Статьи см. № 42, 68, 96, 160, 176, 186, 189, 193, 201, 224, 246, 286, 289, 368, 553, 585, 586.

Рец.: Монгайт А. Л. и Кругликова И. Т.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 107—109.

53. Советская археология [Сб. статей. Отв. ред. М. И. Артамонов], XIV. М.—Л 1950, 305 стр. с илл. (АН СССР. Ин-т истории материальной культуры).

Статьи см. № 105, 169, 194, 239, 251, 274, 290, 359, 382, 442, 569.

Рец.: Монгайт А. Л. и Кругликова И. Т.—ВДИ, 1951, № 3, стр. 107—109.

54. Сокольский Н. И. [Рец. на:] Советская археология, IX, 1947; X, 1948.— ВДИ, 1950, № 1, стр. 154—158.

55. Толстов С. П. Успехи советской археологии Сталинской эпохи. [Доклад на торжественном заседании Отделения истории и философии АН СССР, посвященном 70-летию со дня рождения И. В. Сталина].— ВАН СССР, 1950, № 1, стр. 116—119.

56. Формозов А. А. Список печатных работ Михаила Вацлавовича Воеводского.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 5—6.

57. Шелов Д. Б. Сессия отделения истории и философии и пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых работ 1949 г.— ВДИ, 1950, № 3, стр. 207—211.

III. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ СССР

1. Общие работы

58. Археологія [Сб. статей. Глав. ред. П. П. Ефименко], III. Київ, АН УРСР, 1950. 191 стр. с илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

Статьи см. № 120, 129, 185, 238, 241, 266, 279, 312, 313, 573.

Рец.: Москаленко А. Н.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 122—129.

59. Археологія [Сб. статей. Глав. ред. П. П. Ефименко], IV. Київ, АН УРСР, 1950, 208 стр. с илл На укр. яз. Резюме на рус. яз.

Статьи см. № 89, 121—124, 130, 135, 146, 155, 156, 235, 242, 247, 267, 315.

Рец.: Москаленко А. Н.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 122—129.

60. Бадер О. Н. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. Пособие для начинающих археологов и краеведов. [Молотов], Молотовгиз, 1950, 118 стр. с 41 илл.

Памятники от эпохи палеолита до средневековья.

61. Бадер О. Н. Краткий очерк археологических работ в зоне канала имени Москвы.— МИА, вып. 13, 1950, стр. 8—14 с 1 картой.

Археологические работы 1932—1936 гг.

62. Бадер О. Н. Некоторые вопросы палеогеографии Урала и Северо-Восточной Европы в свете археологических данных.— «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, 1950, стр. 140—149 с карт. Библиогр. стр. 148—149.

Привлечены археологические данные от эпохи палеолита до эпохи железа.

63. Бадер О. Н. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции (1936, 1938, 1939 гг.)— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 174—180 с 5 илл.

Исследование петроглифов в уроч. «Каменная могила» и других памятников от эпохи палеолита до средневековья.

64. Борисковский П. И. Некоторые дополнения к археологической карте Среднего Поднестровья.— «Археологія», IV. Київ, 1950, стр. 117—131 с илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

Памятники эпохи палеолита, трипольской культуры и эпохи полей погребений.

65. Вопросы истории чувашского народа.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1950. № 2, стр. 180—185.

Изложение докладов П. Н. Третьякова и Т. А. Трофимовой на сессии Отдния ист. и филос. (см. № 82, 83), посвящ. этногенезу чувашского народа.

66. Воробьев Н. И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии.— СЭ, 1950, № 3, стр. 66—78.

Привлекаются и археологические данные.

67. Гурина Н. Н. Основные этапы древнейшей истории Кольского полуострова по данным археологии.— УЗЛГУ, № 115, Фак-т народов Севера, вып. 1, 1950, стр. 38—56; 2 л. илл.

Памятники от эпохи «арктического палеолита» до эпохи позднего металла.

68. Гурина Н. Н. Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты.— СА, XIII, 1950, стр. 292—310 с 9 илл. и 1 картой.

Памятники эпохи неолита, бронзы, железа и раннеславянские городища.

69. Дмитров Л. Д. Археологическое изучение Никопольщины в 1935—1936 гг.— «Археологія», III. Київ, 1950, стр. 151—166 с илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

70. Ефименко П. П. Підсумки польових досліджень Інституту археології Академії наук Української РСР в 1949 р.— ВАН УРСР, 1950, № 2, стр. 13—21.

71. Козлов А. Научно-исследовательская работа Института истории Академии Наук Белорусской ССР за 1946—1949 годы.— ВИ, 1950, № 8, стр. 157—159.

Памятники эпохи палеолита и славянские памятники от VIII до XIII вв.

72. Козлова К. Вопросы истории чувашского народа. (Сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР).— СЭ, 1950, № 3, стр. 176—180.

Изложение докладов П. Н. Третьякова и Т. А. Трофимовой (см. № 82, 83), посвящ. этногенезу чувашского народа.

73. Куликаускас П. Литовские археологические памятники и задачи их изучения.— КСИЭ, XII, 1950, стр. 59—61.

74. Левман Р. С. Антропологические типы коренного населения Молдавской ССР (к проблеме этногенеза молдаван). Автореферат диссертации... М., 1950, 11 стр. (Ин-т этнографии АН СССР).

Привлекаются данные палеоантропологии, начиная с эпохи трипольской культуры до средневековья.

75. Материалы по археологии Верхнего Поволжья. Под ред. П. Н. Третьякова. М.—Л., 1950. 178 стр. с илл. (АН СССР. Ин-т истории материальной культуры. МИА, № 13, 1950).

Статьи см. № 61, 92, 126, 142, 218, 228, 230, 232, 281, 296.

76. Мерперт Н. Я. Археологические исследования в РСФСР за 1948 г.— КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 170—174.

77. Моора, Х. А. Вопросы этногенеза народов советской Прибалтики по данным археологии.— КСИЭ, XII, 1950, стр. 29—37 с 5 карт.

78. Рогинский Я. Я. [Рец. на кн.:] Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.—Л., 1949.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1950, № 4, стр. 395—396.

79. Синицын И. В. Археологические памятники по реке Малый Узень (Саратовская обл. и Западный Казахстан).— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 101—112 с 7 илл.

Памятники от времени микролитической культуры до средневековья.

80. Смирнов А. П. [Рец. на:] Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.—Л., 1949.— СЭ, 1950, № 1, стр. 211—214.

81. Смирнов А. Сессия по истории чувашского народа.— ВИ, 1950, № 4, стр. 154—156.

Изложение докладов П. Н. Третьякова и Т. А. Трофимовой (см. № 82, 83).

82. Третьяков П. Н. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных.— СЭ, 1950, № 3, стр. 44—53.

83. Трофимова Т. А. Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей.— СЭ, 1950, № 3, стр. 54—65.

123. Добровольский А. В. Пещера у с. Ильинки Одесской области. — «Археологія», IV. Київ, 1950, стр. 152—155. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Верхнепалеолитическое местонахождение.

124. Замятнин С. Н. О характере культурных остатков в пещере у с. Ильинки Одесской области.— «Археологія», IV. Київ, 1950, стр. 143—151.
Верхнепалеолитическое местонахождение.

125. Зубков В. И. Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке.— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 141—150 с 4 илл. и 1 план.

126. Крижевская Л. Я. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья.— МИА, вып. 13, 1950, стр 55—69 с 18 илл.

127. Крижевская Л. Я. Неолитические стоянки сел. Алексеевского Вышневолоцкого района.— СА, XII, 1950, стр. 231—246 с 12 илл.

128. Кригер Н. И. Ясникольское.— БКИЧП, № 15, 1950, стр. 76—83 с 2 илл. Библиогр. стр. 82—83.
Местонахождение костей ископаемых животных и кремневых орудий времени мезолита или начала неолита.

129. Кричевский Е. Ю. Об относительной хронологии памятников трипольской культуры.— «Археологія», III. Київ, 1950, стр. 9—36. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

130. Левицкий И. Ф. О возрасте стоянки, открытой В. В. Хвойко в Искорости.— «Археологія», IV. Київ, 1950, стр. 156—162 с илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Стоянка эпохи эпипалеолита и раннего неолита.

131. Мельниковская О. Н. Памятники палеолита Новгород-Северского района. (Материалы к археологической карте бассейна р. Десны).— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 185—192. Библиогр. стр. 190—192 (85 назв.).

132. Монгайт А. Л. [Рец. на кн.:] Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений. М.—Л., 1949 (МИА, вып. 10).— СК, 1950, № 2, стр. 68—72.

133. Москвитин А. И. О геологических условиях Авдеевской верхнепалеолитической стоянки.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 28—33 с 3 черт.

134. О результатах работы Таймырской экспедиции по раскопкам и изучению мамонта. — ВАН СССР, 1950, № 2, стр. 92.

135. Огульчанский А. Я. Археологические памятники Северного Приазовья. (По материалам исследований 1938—1948 гг.).— «Археологія», IV. Київ, 1950, стр. 132—140 с 6 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Памятники эпохи неолита.

136. Пассек Т. С. Трипольские поселения на Днестре.— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 40—56 с 5 илл.

137. [Поликарпович] Палікарповіч К. М. Проблема палеоліта у Беларусі. В кн.: «Матэрыялы юбілейнай сесіі Акад. навук БССР». Студзень, 1949. Менск, 1950, стр. 102—122.

138. Раушенбах В. М. Неолитическая стоянка у д. Б. Буньково.— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 151—156 с 2 илл.
Ногинский район Московской обл.

139. Рогачев А. Н. О нижнем горизонте культурных остатков Костенок I.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 64—74 с 4 илл.

140. Семенов С. А. Топор в верхнем палеолите.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 168—173 с 6 илл.
По материалам стоянки Костенки I (Воронежской обл.).

141. Сергеев Г. П. Позднеашельская стоянка в гроте у сел. Выхватинцы (Молдавия). (Предварительное сообщение). Прил.: Фауна палеолитической стоянки в Выхватинцах (Определена В. И. Зубаревой).—СА, XII, 1950, стр. 203—212 с 8 илл.

142. Третьяков П. Н. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн.— МИА, вып. 13, 1950, стр. 15—25 с 8 илл. и черт.

143. Черныш А. П. Краткое сообщение об археологических разведках 1943 г. на Днестре.— БКИЧП, № 15, 1950, стр. 94—96 с карт.
Памятники эпохи палеолита и эпипалеолита.

143а. Черныш А. П. Новые данные о палеолите и мезолите на Днестре.—КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 26—39 с 4 илл.

144. Черныш А. П. Новые исследования Владимировской палеолитической стоянки.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 89—95 с 2 илл.

145. Черныш А. П. Редкая находка палеолитического кремневого наконечника на Среднем Днестре.— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 129—131 с 1 илл.
Сокирянский р-н Черновицкой обл.

146. Шовкопляс И. Г. Супоневская палеолитическая стоянка.— «Археологія», IV. Київ, 1950, стр. 177—183. На укр. яз.
Стоянка мадленского времени (Брянской обл.).
См. также №№ 27, 29, 38, 39, 40, 62, 63, 64, 67, 68, 70, 71, 73, 74, 85. 86, 87

3. Эпоха бронзы и раннего железа юга европейской части СССР

147. Александропольский курган.— БСЭ, изд. 2, т. 2. М., 1950, стр. 88.
Скифский курган III в. до н. э. (Днепропетровская обл.).

148. Анфимов Н. В. Меотские поселения Восточного Приазовья. (Сообщение о новых материалах).—КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 85—96 с 5 илл., карт. и 1 план.

149. Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов.— ВДИ, 1950, № 2, стр. 37—47.

150. Бесленеевские курганы.—БСЭ, изд. 2, т. 5. М., 1950, стр. 75—76.
Курганная группа III—II вв. до н. э. (Краснодарский край).

151. Блаватский В. Д. О стратегии и тактике скифов.— КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 19—29 с 1 илл.

152. Горюнова Е. И. Городище Торфель. Краткая информация о раскопках 1937 г.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 148—156 с 4 илл.
Городище I в. до н. э. — I в. н. э. (Брянская обл.).

153. Граков Б. Н. Очередные задачи археологии в изучении скифо-сарматского периода.— КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 3—6.

154. Граков Б. Н. Скифский Геракл.—КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 7—18 с 4 илл.

155. Добровольский А. В. Тальковые литейные матрицы бронзового века с Херсонщины.— «Археологія», IV. Київ, 1950, стр. 163—170 с илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

156. Ильинская В. А. Памятники скифского времени на Посулье.— «Археологія», IV. Київ, 1950, стр. 184—191. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

157. Ильинская В. А. По поводу так называемой «зольничной культуры».— КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 142—146.
О концепции И. И. Ляпушкина.

158. Карасев А. Н. Раскопки Неаполя Скифского в 1948 г.— ВДИ, 1950, № 4, стр. 179—187 с 7 илл.

159. Ляпушкин. И. И. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного левобережья. (По материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейма).— СА, XII, 1950, стр. 41—65 с 11 илл. и 1 карт.

160. Манцевич А. П. Гребень и фиала из курагана Солоха.— СА, XIII, 1950, стр. 217—238 с 15 илл.

161. Мельниковская О. Н. Могильник у села Долинское Черниговской области. — КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 70—74 с 2 илл.
Могильник VI—V вв. до н. э.

162. Мелюкова А. И. Войско и военное искусство скифов (Глава из диссертационной работы).— КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 30—41.
163. Мелюкова А. И. Вооружение, войско и военное искусство скифов (по археологическому материалу и письменным источникам). Автореферат диссертации. М.—Л., АН СССР, 1950, 30 стр. (АН СССР, Ин-т истории материальной культуры). На правах рукописи.
164. Москаленко А. Н. К вопросу об изучении Голышевского городища.— В кн.: Воронежский гос. ун-т. Научная конференция 1950 г., секция историко-филологическая. Воронеж, 1950, стр. 23—26.
Рец.: Цветаева Г. А. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 161—162.
Скифское городище IV—II вв. до н. э.
165. Погребова Н. Н. К вопросу о скифском зверином стиле (О статье К. Шефольда «Скифский звериный стиль на юге России»).— КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 129—141.
166. Розенфельд И. Г. Стоянка Мыс Очкинский.— КСИИМК, XXXI, 1950. стр. 130—140 с 5 илл. и 1 план.
Стоянка II тыс. до н. э. (Сумская обл. УССР).
167. Рыбалова В. Д. О связях населения Среднего Приднепровья с лужицкими племенами. Автореферат диссертации. Л., 1950, 13 стр. (Ленингр. гос. ун-т).
168. Синицын М. С. Следы древних поселений скифо-сарматской эпохи между устьями Днестра и Буга. — НЗОПИ, т. IX, Вип. іст.-филол., 1950, стр. 51—66.
Рец.: Цветаева Г. А. — ВДИ, 1951, № 2 стр. 162—163.
169. Шилов В. П. О расселении меотских племен.— СА, XIV, 1950, стр 102—123, с 1 карт. и 1 план.
170. Шлеев В. В. К вопросу о скифских навершиях.— КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 53—61 с 2 илл.
171. Шоков А. Ф. Скифский период на Среднем Дону. Автореферат диссертации. М.—Л., 1950, 16 стр. (АН СССР, Ин-т истории материальной культуры. Ленингр. отд-ние).
172. Штаерман Е. М. О «загадочных знаках» Северного Причерноморья.— ВДИ. 1950, № 1, стр. 112—115 с 11 илл.

4. Античные города

173. Башкиров А. С. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г.— «Учен. записки Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина», т. 13, вып. 2, 1950, стр. 133—176; 86 илл.
Памятники античной и славяно-русской культуры.
174. Белов Г. Д. Античный дом в Херсонесе. (По раскопкам 1947—1948 гг.),— ВДИ,1950, № 2, стр. 108—121 с 15 илл.
175. Белов. Г. Д. Археологические раскопки в Херсонесе в 1949 г.—ВДИ, 1950, № 2, стр. 227—231 с 5 илл.
176. Белов. Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи.— СА, XIII, 1950, стр. 272—284 с 5 илл.
177. Блаватский В. Д. Античная культура в Северном Причерноморье.— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 30—41.
178. Блаватский В. Д. Культурный слой античного городища.— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 55—59 с 1 илл.
Дополнение к статье автора «Приемы раскопок античных городов». («Доклады и сообщения Ист. фак-та МГУ», вып. 7, 1948, стр. 62—81).
179. Блаватский В. Д. Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье.— УЗМГУ, вып. 143. «Труды кафедры древн. ист. и археол.», 1950, стр. 126—150.
Рец.: Цветаева Г. А. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 156.

180. Блаватский В. Д. О строительном деле Фанагории.— ДИСИФ МГУ, вып. 9, 1950, стр. 30—45 с илл.; 4 л. илл.
181. Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея (1948).— КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 17—28 с 3 илл. и 2 план.
182. Блаватский В. Д. [Рец. на кн.:] Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, 284 стр. — ВДИ, 1950, № 3, стр. 110—118.
183. Болтунова А. И. Неопубликованные надгробия из Керчи и окрестностей. К надписи Хариксена, сына Хариксена.— ВДИ, 1950, № 4, стр. 73—77 с 3 илл.
184. Болтунова А. И. Танаисская надпись. IOSPE, II, 454.— ВДИ, 1950, № 3, стр. 97—104 с 1 илл.
185. Брайчевский М. Ю. Находки римских монет на территории УССР.— «Археология», III. Київ, 1950, стр. 92—101. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
186. Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурат.—СА, XIII, 1950, стр. 173—204, с 18 илл.; 1 л. план.
187. Гайдукевич Ф. В. и Кобылина М. М. Боспорское царство.— БСЭ, изд. 2, т. 5. М., 1950, стр. 620—621 с 1 карт.; 1 л. илл.
188. Зеест И. Б. Киммерикская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора.— КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 96—102 с 3 илл. и 1 план.
189. Иванова А. П. Боспорские антропоморфные надгробия.— СА, XIII, 1950, стр. 239—254 с 16 илл.
190. Иванова А. П. К вопросу о культе Афродиты на Боспоре (образ Афродиты в боспорском искусстве).— ВДИ, 1950, № 3, стр. 104—109 с 2 илл.
191. Капошина С. И. Золотые серьги из окрестностей Ольвии.— КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 103—109 с 3 илл.
192. Капошина С. И. Памятники звериного стиля из Ольвии.— КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 42—52 с 11 илл.
193. Капошина С. И. Погребение скифского типа в Ольвии.— СА, XIII, 1950, стр. 205—216 с 9 илл.
194. Кастанаян Е. Г. Обряд тризны в Боспорских курганах.— СА, XIV, 1950, стр. 124—138 с 2 илл. и 4 план.
195. Книпович Т. Н. Основные итоги Ольвийской экспедиции [1948 г.].—КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 97—106 с 3 илл.
196. Кобылина М. М. Раскопки Фанагории.— КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 89—95 с 1 илл. и 2 план.
197. Кругликова И. Т. К вопросу о негреческом населении Фанагории. (По материалам местной керамики).— ВДИ, 1950, № 1, стр. 101—112 с 11 илл.
198. Крушкол Ю. С. Ранние монеты Пантикапея как исторический источник.— ВДИ, 1950, № 1, стр. 183—188; 1 л. илл.
199. Крушкол Ю. С. Раскопки древнего Патрэя в 1949 г.— ВДИ, 1950, № 2, стр. 231—233 с 2 илл.
200. Марти Ю. Ю. Неопубликованные надгробия из Керчи и окрестностей. (По материалам Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина).— ВДИ, 1950, № 4, стр. 69—73 с 4 илл.
201. Передольская А. А. О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница.— СА, XIII, 1950, стр. 255—271 с 5 илл.
Курган V в. до н. э. (Таманский п-ов).
202. Радциг С. [Рец. на кн.:] Белов Г. Д Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Л., 1948.— ВДИ, 1950, № 2. стр. 248—249.
203. Скуднова В. Два клада монет из Нимфея.— ВДИ, 1950, № 4, стр. 78—81, 2 л. илл.
204. Смирнов К. [Рец. на кн.:] Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949 (Ленингр. гос. ун-т).— ВИ, 1950, № 6, стр. 118—122.

205. Стржелецкий С. Ф. Херсонес — Корсунь. Путеводитель по раскопкам. Симферополь, Крымиздат, 1950, 88 стр. с илл. (Гос. Херсонесский музей).
206. Тарков П. Н. [Рец. на кн.:] Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949 (Ленингр. гос. ун-т).— СК, 1950, № 9, стр. 70—73.
207. Тюменев А. И. Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население: скифы.— ВДИ, 1950, № 2, стр. 48—56.
208 Тюменев А. И. Херсонесские этюды. V. Херсонесские проксении.— ВДИ, 1950, № 4, стр. 11—25.
209. Харко Л. П. О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах II в.— ВДИ, 1950, № 1, стр. 197—205 с 4 илл.
210. Цветаева Г. А. [Рец. на кн.:] Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л. 1949 (Ленингр. гос. ун-т).— ВДИ, 1950, № 3, стр. 118—121.
211. Шелов Д. Б. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. (Сатир и грифон на пантикапейских золотых статерах IV в. до н. э.).— КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 62—69 с 2 илл.
212. Шелов Д. Б. Феодосийский клад боспорских «статеров».— ВДИ, 1950, № 2, стр. 134—139.
213. Шелов Д. Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды.—ВДИ, 1950, № 3, стр. 168—178.
История Феодосии в VI—III вв. до н. э. на основе данных нумизматики и археологии.

5. Эпоха бронзы и раннего железа северной и средней части европейской СССР

214. Акимова М. С. Курганный могильник около дер. Таушкасы в Чувашии. (Раскопки 1947 и 1948 гг.).— «Записки Науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории при Совете министров Чувашской АССР», вып. IV, 1950, стр. 154—179 с 16 илл.
Могильник абашевской культуры.
Алексашина К. С. Остатки фауны из некоторых городищ Верхнего Поволжья — см. № 228.
215. Ананьинская культура.— БСЭ. изд. 2, т. 2. М., 1950, стр. 355—356 с 1 илл
Культура эпохи железа VII—III вв. до н. э.
216. Ананьинский могильник.— БСЭ, изд. 2, т. 2. М., 1950, стр. 356.
VI—IV вв. до н. э. (ТАССР).
Бадер О. Н. Древние городища на Верхней Волге — см. № 230.
217. Бадер О. Н. К вопросу о балановской культуре.— СЭ, 1950, № 1, стр. 59—61 с 6 илл. и 1 карт.
Культура эпохи бронзы II тыс. до н. э. (Чувашской АССР).
218. Бадер О. Н. Фатьяновские могильники Северного Подмосковья.— МИА, вып. 13, 1950, стр. 70—89 с 16 илл. и 1 карт.
Могильники Икшанский и Протасовский III тыс. до н. э.
219 Балановский могильник.— БСЭ, изд. 2, т. 4. М., 1950, стр 103.
Могильник фатьяновской культуры эпохи бронзы середины II тыс. до н. э. (Чувашская АССР).
220. Збруева А. В. Памятники поздней бронзы в Прикамье.— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 70—84 с 2 илл. и 3 план.
221. Збруева А. В Пермский всадник.— ВДИ, 1950, № 1, стр. 205—211 с 8 илл.
Изображение сасанидского царя на серебряных блюдах из Прикамья.
222. Сальников К. В. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска.— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 91—96 с 6 илл.
223. Сальников К. В. Сарматские погребения в районе Магнитогорска.—КСИИМК, XXXIV, 1950 стр. 115—121 с 10 илл.

224. Сальников К. В. Хвалынско-андроновские курганы у с. Пограмного.— СА, XIII, 1950, стр. 311—319 с 8 илл.

Курганы XIII—XII вв. до н. э. (Чкаловская обл.).

225. Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикамья.— КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 97—114 с 1 карт.

226. Степанов П. Д. Фатьяновские поселения на средней Суре.— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 62—69 с 4 илл.

Городища Ош-Пандо и Ашна-Пандо конца II тыс. до н. э. (Мордовская АССР).

227. Трубникова Н. В. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами.— КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 122—280 с 3 илл.

Культура городищ «рогожной» керамики в басс. рек Мокши и Цны.

Формозов А. А. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика — см. № 590.

См. также № 62, 67, 68, 73, 76, 82, 83, 86, 87.

6. Восточная Европа в I тыс. н. э. (славяне и соседние племена)

228. Алексашина К. С. Остатки фауны из некоторых городищ Верхнего Поволжья.— МИА, вып. 13, 1950, стр. 148—151.

Фауна городищ: Топорок, Городня, Бабенское.

229. Анты.— БСЭ, изд. 2, т. 2. М., 1950, стр. 541—542. Библиогр. в конце статьи.

Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде — см. № 258.

230. Бадер О. Н. Древние городища на Верхней Волге.— МИА, вып. 13, 1950, стр. 90—132 с 50 илл.

Городища конца I тыс. до н. э. и начала I тыс. н. э.: Иваньковское, Санниковское и Пекуновское (Калининской обл.).

231. Березняки.— БСЭ, изд. 2, т. 5. М. 1950, стр. 3—4 с 1 илл.

Городище III—V вв. н. э. (Ярославская обл.).

232. Бибикова В. И. Фауна Пекуновского городища.— МИА, вып. 13, 1950, стр. 133—147.

Многослойное городище от III в. до н. э. до VI в. н. э. (Калининская обл.).

233. Богусевич В. А. Древнейшее славянское поселение на Пилипенковой горе.— «Наукові записки» (Київський держ. ун-т), т. IX, вип. 5. «Труди Канівськ. біогеогр. заповідника», № 8, 1950, с. 5—10 с 3 илл.

234. Борковский могильник.— БСЭ, изд. 2, т. 5. М., 1950, стр. 581.

IV—VII вв. н. э. (Рязанская обл.).

235. Брайчевский М. Ю. Археологические материалы к изучению культуры восточнославянских племен VI—VIII веков.— «Археологія», IV. Київ, 1950, стр. 27—55. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

236. Брайчевский М. Древнеславянские памятники Каневщины.— «Наукові записки» (Київський держ. ун-т), т. IX, вип. 5. «Труди Канівськ. біогеогр. заповідника», № 8, 1950, стр. 11—23.

237. Горчаковский П. Л. «Чортово городище» в окрестностях Свердловска.— «Природа», 1950, № 12, стр. 46—48 с 2 илл. Библиогр. 8 назв.

Селища III—IV вв. н. э.

Горюнова Е. И. Итоги работ Муромской экспедиции — см. № 271.

238. Гринченко В. А. Памятник VIII в. у с. Вознесенки на Запорожье.— «Археологія», III. Київ, 1950, стр. 37—63. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоге — см. № 274.

239 Гуревич Ф. Д. Древнейшие бусы Старой Ладоги.— СА, XIV, 1950, стр. 170—186 с 6 илл.

Бусы VIII—IX вв.

240. Гуревич Ф. Д. К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов.— КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 110—120 с 4 илл.

Городища и каменные могилы юго-зап. Литвы и вост. Польши.

241. Добровольский А. В. Земледельческое поселение первых веков нашей эры на р. Ингульце.— «Археологія», III. Київ, 1950, стр. 167—176 с 5 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

242. Довженок В. И. К вопросу о технике пашенного земледелия на юге древней Руси.— «Археологія», IV, Київ, 1950, стр. 9—26. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

243. Дундулене П. В. Земледелие в дофеодальной Литве.— КСИЭ, XII, 1950, стр. 74—82 с 6 илл.

Куликаускене Р. К. Материальная культура населения Литвы IX—XII вв. по данным исследований погребальных памятников — см. № 292.

244. Либеров П. Д. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине.— КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 75—84.

245. Ляпушкин И. И. Памятники культуры полей погребений Левобережья Днепра.— КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 29—38 с 1 илл. и 1 карт.

246. Ляпушкин И. И. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. (По материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.).— СА, XIII, 1950, стр. 7—32 с 6 илл. и карт.

247. Махно Е. В. Памятники культуры полей погребений черняховского типа.— «Археологія», IV, Київ, 1950, стр. 56—77. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

248. Работа Славяно-Днестровской экспедиции.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1950, № 6, стр. 579.

Раннеславянские памятники (Молдавская ССР).

249. Равдоникас В. И. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.), ч. 2.— СА, XII, 1950, стр. 7—40 с 33 илл. и 2 план.

Ч. I — см. СА, XI, 1949, стр. 5—54.

250. Рыбаков Б. А. Уличи. (Историко-географические заметки).— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 3—17 с 5 илл.

Работа построена на археологическом материале.

251. Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги.— СА, XIV, 1950, стр. 187—216 с 8 илл.

252. Степанов П. Д. К вопросу о земледелии у древней мордвы.— СЭ, 1950, № 3, стр. 161—169 с 5 илл.

По материалам раскопок поселений и могильников I тыс. н. э.

Стржелецкий С. Ф. Херсонес — Корсунь — см. № 205.

253. Тараканова С. А. Новые материалы по археологии Пскова.— КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 48—62 с 5 илл.

254. Тараканова С. А. О происхождении и времени возникновения Пскова. (По археологическим материалам).— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 18—29.

Якобсон А. Л. Раскопки средневековых слоев Херсонеса — см. № 328.

См. также №№ 64, 70, 71, 73, 76, 82, 86.

7. Древняя Русь и ее соседи

255 Авдусин Д. А. и Тихомиров М. Н Древнейшая русская надпись.— ВАН СССР, 1950, № 4, стр. 71—79; 1 л. илл.

Надпись X в. на глиняном сосуде из погребения в Гнездовских курганах (Смоленской обл.).

256. Альперович М. А. Книги по архитектуре Смоленска. [Рец. на кн.:] Белогорцев И. Архитектурный очерк Смоленска Смоленск. 1949.— «Смоленский альманах», кн. 7, 1950, стр. 245—252.

257. Архітектурні пам'ятники. Збірник наук праць. За заг. ред. С. Я. Грабовського Київ, 1950. 120 стр. (Акад. архітект. УРСР. Ин-т історії і теорії архітектури).

Статьи см. №№ 259, 261, 272, 288, 295, 301, 310, 323, 326, 327.

Рец.: Воронин Н. Н. — СК, 1951, № 1, стр. 112—117 с 1 илл.

258. Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде [1948 г.].—КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 3—16 с 13 илл.

259. Асеев Ю. С Архітектура Кирилівського заповідника.— «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 73—85 с 11 илл.

260. Асеев Ю. С. Петро Милонег — видатний зодчий давньої Русі.— ВАА УРСР, 1950, № 3, стр. 38.

261. Афанасьев К. М. Про пропорціональність пам'ятників древньоруської архітектури XI—XII ст.— «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 49—54 с 4 илл.

262. Ащепков Е. Русское деревянное зодчество. [М.], Гос. изд-во архитект. и градостр-ва, 1950. 104 стр. с илл.; 1 л. илл. Библиогр. стр. 102.

Рец.: Станюкович Т. В.— СЭ, 1950, № 4, стр. 202—204.

Башкиров А. С. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г.— см. № 173.

263. Белогорцев И. Архитектурные сокровища Смоленщины.— «Смоленский альманах», кн. 7, 1950, стр. 204—222.

264. Белогорцев И. Д. Памятники архитектуры Смоленской области. Текст И. Д. Белогорцева. [Смоленск], Смол. обл. гос. изд-во, 1950, 20 стр. (Смол. обл. отд. по делам архитектуры. Архитектурные ансамбли, памятники и сооружения Смол. обл.). Библиогр. стр. 12. На обл.: Памятники архитектуры Смоленской обл.

265. Белореченские курганы.— БСЭ, изд. 2, т. 4. М., 1950, стр. 464.

Курганы XIV в. (Краснодарский край).

266. Блифельд Д. И. Вислая печать из Белгородки.— «Археологія», III. Київ, 1950, стр. 102—110 с 3 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

267. Брайчевский М. Ю. О датировке шиферных пряслиц.— «Археологія», IV Київ, 1950, стр. 91—98. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

XI—XII вв

268. Брунов Н. И. Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры.— ВВ, III, 1950, стр. 154—200 с 26 илл. и план.

268а. Воронин Н. Н. «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII—XIII вв.— В кн.: «Слово о полку Игореве», М.—Л., Изд-во Акад. Наук СССР, 1950, стр. 320—351 с 6 илл.

269. Гончаров В. К. Древний Колодяжин.— ВАН УРСР, 1950, № 6, стр. 58—65 с 6 илл.

Древнерусское городище XIII в. (Житомирская обл.).

270. Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, 219 стр. с 41 илл.; 32 табл. (АН УССР. Ин-т археологии).

Древнерусское городище XI—XIII вв. (Житомирская обл.).

Рец.: Шовкопляс І. Г. і Максимов Е. В. Нова книга з історії Київської Русі.— ВАН УРСР, 1951, № 4, стр. 71—74; Воронин Н. Н.—ВИ, 1951, № 7, стр. 121—123.

271. Горюнова Е. И. Итоги работ Муромской экспедиции.—КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 39—47 с 2 илл.

Памятники IX—XI вв. по раскопкам в г. Муроме.

272. [Грабовский С. Я.] Грабовський С. Я., Асеев Ю. С. Дослідження Софії Київської. —«Архитектурні пам'ятники», Київ, 1950, стр. 27—48 с 31 илл.; 5 л. цв. илл.

273. [Грабовский С. Я.] Грабовський С. Я., Асеев Ю. С. Нові наукові спостереження в Софії Київської— ВАА УРСР, 1950, № 3, стр. 36—37 с 4 илл.

274. Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г.— СА, XIV, 1950, стр. 139—169 с 20 илл.; 2 л. план.

275. Давыдов С. Н. Восстановление архитектурных памятников Новгорода в 1945—1949 годах.— «Практика реставрационных работ», I, М., 1950, стр. 47—73 с 35 илл.

276. Давыдов С. Н. Восстановление Софийского собора в Новгороде в 1945—1948 годах.— «Практика реставрационных работ», I. М., 1950, стр. 74—84 с 15 илл.
277. Дмитриев Ю. Н. [Рец. на кн.:] «Василий Блаженный» (Покровский собор). Сост. Н. Н. Соболев. Под ред. Д. П. Сухова. М., Акад. архитектуры СССР, 1949.— СК, 1950, № 5, стр. 110—113.
278. Дмитриев Ю. Н. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование (работы 1945—1948 годов).— «Практика реставрационных работ», I. М., 1950, стр. 134—172 с 18 илл.; 1 л. илл.
279. Довженок В. И. Обзор археологического изучения древнего Вышгорода за 1934—1937 гг.— «Археологія», III. Київ, 1950, стр. 64—92 с илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
280. Дружинин П., Морозова М. и Рейпольский С. Ярославль. Краткий очерк о прошлом и настоящем города. [Ярославль], Обл. изд-во, 1950. 117 стр. с илл. На перепл.: Города и районы нашей области.

Рец.: Данилов В. Новая книга о Ярославле.—«Сов. рабочий», Ярославль, 18/III 1950.
281. Елизарова Н. А. Шустинский курганный могильник.— МИА, вып. 13, 1950, стр. 173—177 с 2 илл.

Могильник XI—XIII вв. (Московская обл.).
282. Захарова В. Н. Исследование и проект реставрации Архиепископского дворца в Новгородском кремле.— «Практика реставрационных работ», I. М., 1950, стр. 114—122 с 10 илл.
283. Зотов А. Пути развития русского искусства в XIV—XVII вв.— «Искусство», 1950, № 5, стр. 38—48.
284. Ильин М. А. [Рец. на кн.:] Белогорцев И. Зодчий Федор Конь. Смоленск, Смол. обл. изд-во, 1949. 56 стр. с илл.— СК, 1950, № 10, стр. 106—108.

Архитектор XVI в.
285. Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947 гг.) Киев, 1950. 252 стр. с 181 илл. (АН УССР. Ин-т археологии. АН СССР, Ин-т истории материальной культуры).

Рец.: Бліфельд Д. І. Досягненнья радянської археології у дослідженні древнього Киева.—ВАН УРСР, 1951, № 8, стр. 71—75.
286. Каргер М. К. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб.— СА, XIII, 1950, стр. 33—62 с 20 илл. и план.
287. Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. Автореферат диссертации... М., 1950. 24 стр. (АН СССР, Ин-т истории материальной культуры). На правах рукописи.
288. Корж Е. Д. Золоті ворота в Киеві.— «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 18—26 с 11 илл.
289. Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI века.— СА, XIII, 1950, стр. 63—94 с 12 илл.; 1 л. илл. Библиогр.: «Источники и литература» (стр. 90—94).
290. Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания.— СА, XIV, 1950, стр. 217—244 с 5 илл.; 1 л. илл. Библиогр. стр. 234—235.
291. Крушельницкий Ю. Э. Звонница Софийского собора.— «Практика реставрационных работ», I. М., 1950, стр. 85—113 с 27 илл.
292. Куликаускене Р. К. Материальная культура населения Литвы IX—XII вв. по данным исследований погребальных памятников. (Поздний железный век). Автореферат диссертации. Вильнюс, 1950, 20 стр. (АН Лит. ССР. Ин-т истории Литвы).
293. Лавров В. и Максимов П. Псков. М., Гос. изд-во архитект. и градостр-ва, 1950. 39 стр. с илл.; 16 л. илл. На обл.: Сокровища русского зодчества.
294. Ларионов И. Н. Поганкины палаты. [Псков], 1950. 27 стр. с илл. (Псковский обл. краеведч. музей).

295. Логвин Г. Н. Архітектурний комплекс в Зимно.— «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 90—104 с 22 илл.

Памятники XVI—XVII вв.

296. Милонов Н. П. Древнерусские курганы и селища в бассейне Верхней Волги.— МИА, вып. 13, 1950, стр. 152—172 с 18 илл. и черт.

Памятники XI—XIII вв.

297. Монгайт А. [Рец. на сб.:] Материалы и исследования по археологии Москвы, т. II. Под ред. А. В. Арциховского. М.—Л., АН СССР, 1949. («Материалы и исследования по археологии СССР», № 12).— ВИ, 1950, № 2, стр. 142—145.

298. Монгайт А. и Федоров Г. Вопросы истории Великого Новгорода (до включения его в состав русского централизованного государства).— ВИ, 1950, № 9, стр. 105—119.

С привлечением археологических источников.

299. Никольская Т. Н. [Рец. на кн.:] Ефименко П. П. и Третьякова П. Н. Древнерусские поселения на Дону. М.—Л., 1948. («Материалы и исследования по археологии СССР», № 8).— ВДИ, 1950, № 4, стр. 93—95.

300. Никольская Т. Н. [Рец. на сб.:] «Материалы и исследования по археологии древнерусских городов», т. I. Под ред. Н. Н. Воронина. М.—Л., АН СССР, 1949. (МИА, № 11).— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1950, № 4, стр. 393—395.

301. Остапенко М. А. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові.— «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 64—72 с 17 илл.

XII в.

302. Рабинович М. Г. Археологическая разведка в Полоцкой земле.—КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 81—88 с 1 карт. и 1 план.

Исследование остатков крепостей времени Ивана Грозного.

303. Рабинович М. Г. Великий посад Москвы (Итоги работ Московской экспедиции).— ВАН СССР, 1950, № 9, стр. 113—120.

304. Рабинович М. Г. [Рец. на кн.:] Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. I. М.—Л., 1949. («Материалы и исследования по археологии СССР», № 11).— ВАН СССР, 1950, № 4, стр. 117—123.

305. Раппопорт П. А. «Борисов городок» — неизвестный замок Бориса Годунова. [Автореферат доклада].— ИВГО, 1950, т. 82, вып. 1, стр. 96.

306. Раскопки Великих Болгар. Авт.: З. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов и О. С. Хованская.— КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 63—80 с 6 илл.

307. Рзянин М. И. Архитектурные ансамбли Москвы и Подмосковья XIV—XIX вв. [М.], Гос. изд-во архитект. и градостр-ва, 1950, 232 стр. с 18 план. и 150 илл.; 1 л. илл. Библиогр. стр. 228—230.

Рец.: 1. Выше уровень научных работ по истории русской архитектуры.— СИ 18/VIII 1951; 2. Гращенков В. Н.— СК, 1951, № 8, стр. 107—112.

308. Рзянин М. И. Памятники русского зодчества. М., Гос. изд-во архитект. и градостр-ва, 1950. 343 стр. с 259 илл.; 1 л. илл. На перепл. автор не указан. Библиогр. стр. 327—336.

Рец.: 1. Петров Л., Циркунов В. Книга, извращающая историю русского зодчества.— СИ 14/VII 1951; 2. Выше уровень научных работ по архитектуре. Обсуждение книги М. И. Рзянина «Памятники русского зодчества».— СИ 18/VIII 1951; 3. «Архитектура СССР», 1951, № 1, стр. 30.

309. Розенфельдт Р. Л. Старорязанский врезной замок.— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 144—145 с 1 илл.

Замок из раскопок 1949 г. в Старой Рязани.

310. [Рыбаков Б. А.] Рибаков Б. О. Благовіщенська церква у Чернігові 1186 року за даними розкопок.— «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 55—63 с 6 илл.

311. Рыбаков Б. А. Древнерусский город по археологическим данным.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1950, № 3, стр. 239—249.
312. Рыбаков Б. А. Печати черниговских князей.— «Археологія», III. Київ, 1950, стр. 111—118. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
313. Самойловский И. М. Славянский могильник в Киеве над Днепром.— «Археологія», III. Київ, 1950, стр. 179—184 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
Могильник XI—XII вв.
314. Свирин А. Н. Древнерусская миниатюра. М., «Искусство», 1950. 151 стр. с илл.; 3 л. илл. На обл. авт. не указан. Библиогр. стр. 141—149.
Рец.: Дмитриев Ю. Н.— СК, 1951, № 9, стр. 108—113.
315. Сибилев Н. В. Археологические памятники на Донце в связи с походами Владимира Мономаха и Игоря Северского. [С примеч. ред.]— «Археологія», IV. Київ, 1950, стр. 99—114 с 7 илл. и схем. На укр. яз. Резюме на рус. яз.
316. Смирнов А. П. Исследования городища и могильника золотоордынской эпохи у села Б. Таяба Чувашской АССР.—«Записки Науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории при Совете министров Чуваш. АССР», вып. IV, 1950, стр. 131—153.
317. Смирнов А. П. [Рец. на сб.:] Материалы и исследования по археологии Москвы, т. II. М.—Л., 1949. («Материалы и исследования по археологии СССР», № 12).— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1950, № 5, стр. 498—500.
318. Сокровища русской архитектуры. М., Гос. изд-во архитект. и градостр-ва, 1950. 252 стр. с 220 илл.; 1 л. илл. На обор. шмуцтит. авт.: Иванов В. Н., Максимов П. Н., Торопов С. А.
319. «Софийский музей», архитектурно-исторический заповедник. Киев. Путеводитель. Под общ. ред. Н. П. Северова. Киев, 1950. 48 стр. с илл.; 26 л. илл. (Акад. архитектуры УССР. Гос. архитект.—ист. заповедник «Софийский музей»). Перед загл. авт.: А. Д. Радченко. На обл. автор не указан. Библиогр. стр. 47 (20 назв.).
Рец.: Аранович Д.— «Сов. архитектура», сб. 1, 1951, стр. 110—111.
320. Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования, т. I, 1147—1762. М., 1950. 416 стр. с илл.; 10 л. план. (Управл. культ.-просвет. предприятий Мосгорисполкома. «Труды Музея истории и реконструкции Москвы». Под общ. ред. Ф. И. Салова, вып. 1). Библиогр. стр. 366—375.
Тараканова С. А. О происхождении и времени возникновения Пскова — см. № 254.
321. Тарасенко В. Р. Итоги раскопок Минского Замчища в 1945—1949 гг.— ИАН БССР, 1950, № 4, стр. 69—95 с 6 илл.
XI—XIII вв.
322. Тарасенко В. Р. Раскопки Минского Замчища.— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 122—128 с 2 илл.
XI—XIII вв.
323. Тихонович О. М., Ткаченко М. М. Древній «Київ-град». Спроба відтворення плану верхнього Киева XI—XII століття. —«Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 7—17 с 6 черт. и план.
324. Федоров Г. Б. Унификация русской монетной системы и указ 1535 года.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1950, № 6, стр. 547—558 с илл.
325. Шуляк Л. М. Раскопки руин церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода.— «Практика реставрационных работ», I. М., 1950, стр. 123—133 с 9 илл.
326. Юрченко П. Г. Кам'янець-Подільський замок.— «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 105—120 с 21 илл.
327. Юрченко П. Г., Асеев Ю. С. Канівський замок.— «Архітектурні пам'ятники». Київ, 1950, стр. 86—88 с 5 илл.
Памятник XII в.
328. Якобсон А. Л. Раскопки средневековых слоев Херсонеса (Предварительное сообщение о раскопках в 1941, 1947 и 1948 гг.).— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 107—121 с 10 илл.

329. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). М.—Л., 1950. 258 стр., 41 л. илл. (АН СССР. Ин-т истории материальной культуры. Ленингр. отд-ние. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 17).
Рец.: Удальцова З.— ВИ, 1951, № 8, стр. 136—139.
См. также №№ 70, 71, 76, 82, 86.

IV. КАВКАЗ

1. Общие работы

330. Агабабян Р. Я. Композиция купольных сооружений Грузии и Армении. Ереван, Армгиз, 1950. 130 стр. с 98 илл.; 1 л. схем. Резюме на арм. яз. Библиогр. стр. 123—126.
Развитие форм купольных сооружений от их истоков (мегалитические памятники) до XIII в.

331. Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства, т. I. М., «Искусство», 1950. 526 стр. с 56 илл.; 200 табл. Библиогр.: «Литература о грузинском искусстве и древностях», стр. 295—303.
Рец.: Чубинашвили Г., Вирсаладзе Т. Книга о старом грузинском искусстве.— «Искусство», 1951, № 2, стр. 84—92.
Памятники искусства от палеолита до XVIII в.

332. Бедукадзе С. Строительство из камня в Грузии.— В кн.: III научная сессия Ин-та истории им. акад. Ив. Джавахишвили. 6—7 дек. 1950 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1950, стр. 8—10. На груз. яз.

333. Бердзенишвили Н. [и др.]. История Грузии, ч. I. С древнейших времен до начала XIX века. Под ред. С. Джанашиа. Учебник для старших классов средней школы. Изд. 2, испр. Тбилиси, Гиз ГрузССР, 1950. IV, 460 стр. с илл.; 3 л. илл.; 6 карт.; 1 табл. (АН ГрузССР. Ин-т истории).
Рец.: Бороздин И. Н.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 134—137.
Введение: Первобытное общество (стр. 1—22); гл. I. Грузия и Кавказ в период бронзы и раннего железа (стр. 23—38); гл. II. Рабовладельческие государства Грузии античного периода (стр. 39—85) даны с привлечением археологических материалов.

334. Буниатов Н. Г. и Яралов Ю. С. Архитектура Армении. М., Гос. издво архитект. и градостр-ва, 1950. 144 стр. с 118 илл. и план; 1 л. илл. (Очерки по истории архитектуры народов СССР). Библиогр. стр. 142 (13 назв.).
Рец.: Измайлова Т. А. — СК, 1951, № 9, стр. 113—115.
С древнейших времен до XIX в.

335. Джафарзаде И. М. Об археологических работах Института истории им. А. Бакиханова АН АзССР.— ИАН АрмССР, Обществ. науки, 1950, № 12, стр. 199—100.
Памятники от эпохи энеолита до XVIII вв.

336. Казиев С. М. Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана.— ИАН АзССР, 1950, № 7, стр. 167—178.

337. Казиев С. М. Об археологической работе в Азербайджане.— ТАзГУ, сер. ист., 1950, вып. 1, стр. 91—93. На азерб. яз.
Работы 1920—1946 гг.

338. Казиев С. М. Памятники Мингечаура как источник изучения Азербайджана.— В кн.: Научная сессия Академии наук Азербайджанской ССР, посвященная XXX годовщине установления советской власти в Азербайджане. Тезисы докладов. 22—26 апреля 1950 г., Баку, 1950 (АН АзССР. Отд-ние обществ. наук), стр. 32—37.

339. Капанадзе Д. Грузинская нумизматика. Тбилиси, Изд-во ТГУ, 1950, 117 стр. с илл.; 16 л. илл. Библиогр.: «Список трудов, содержащих необходимые сведения о груз. нумизматике», стр. 108—110 (29 назв.). На груз. яз.
340. Капанадзе Д. Деньги в древней Грузии. Стенограмма публичной лекции. Тбилиси, 1950. 46 стр. (Об-во по распростр. полит. и науч. знаний ГрузССР). На груз. яз.
341. Кацнельсон И. С. [Рец. на кн.:] Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Курс лекций. Л., 1949.—СК, 1950, № 8, стр. 63—67.
342. Крупнов Е. [Рец. на кн.:] Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Курс лекций. Л., 1949.— ВИ, 1950, № 2, стр. 127—131.
343. Липин Л. Книга о древнейшей истории Закавказья. [Рец. на кн.:] Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Курс лекций. Л., 1949.— НМ, 1950, № 10, с. 283—285.
344. Мшвениерадзе Д. М. Некоторые вопросы строительного искусства в древней Грузии. Тбилиси, «Техника дашрома», 1950. 88 стр. с илл.; 2 л. илл. Библиогр. стр. 86—87. На груз. яз.
345. Пассек Т. С. [Рец. на кн.:] Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Курс лекций. Л., 1949.— ВДИ, 1950, № 2, стр. 146—150.
346. Штанько Н. И. Выявление и изучение исторических и археологических памятников Грозненской области.— ИГИИМК, вып. 2-3, 1950, стр. 173—175.
347. Якобсон А. Л. [Рец. на кн.:] Токарский Н. М. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946.— ВВ, III, 1950, стр. 257—267.

2. Палеолит и неолит

348. Бармаксызская стоянка.— БСЭ, изд. 2, т. 4. М., 1950, стр. 250.
Позднепалеолитическая стоянка (ГрузССР).
Громов В. И. Геологический возраст палеолита на территории СССР.— см. № 115.
349. Замятнин С. Н. Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг.— «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, 1950, стр. 127—139 с илл. Библиогр. стр. 138—139.
350. Лукин А. Л. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. [Абхазская АССР].— СА, XII, 1950, стр. 247—286 с 15 илл.
351. Минасян А. Палеолит в Армении.— «Советакан Айастан» («Сов. Армения»), 1950, № 10, стр. 50. На арм. яз.
352. Паничкина М. З. Древнепалеолитическая стоянка Сатани-Дар в Армении.— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 66—73 с 3 илл.
353. Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л., 1950. 110 стр. с 27 илл.; 6 л. илл. (Гос. Эрмитаж). Библиогр. стр. 105—108 (76 назв.).
Рец.: Борисковский П. И.— ВЛГУ, 1950, № 10, стр. 126—128.
Стоянка Сатани-Дар; местонахождения: Арзни, Джаткран, Нурнус.
354. Сардарян С. А. Палеолит в Армении. (Автореферат кандидатской диссертации).— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1950, № 3, стр. 69—85 с 3 илл.
Стоянки в р-не горы Артин.
355. Сардарян С. А. Палеолит в Армении. Автореферат диссертации. Ереван, 1950. 32 стр. с илл. (АН АрмССР. Ин-т истории).
Стоянки в р-не горы Артин.
356. Тер-Аваакимова С. Ценный вклад в советскую археологию. [Диссертация С. А. Сардаряна «Палеолит Армении»] — ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1950, № 6, стр. 99—101.

3. Эпоха бронзы и железа

357. Амиранашвили Ш. Я. Две серебряные чаши из раскопок в Армази (Грузия).— ВДИ, 1950, № 1, стр. 91—101 с 5 илл.

Чаши датируются III в. н. э.

358. Аракелян Б. Н. Раскопки крепости Гарни.—ВАН СССР, 1950, №10, стр.74—76.

359. Артамонова-Полтавцева О. А. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период. I. Могильник Исти-су. Раскопки Северокавказской экспедиции 1937 и 1938 гг.— СА, XIV, 1950, стр. 20—101 с 51 илл.

360. Артюховский курган.— БСЭ, изд. 2, т. 3. М., 1950, стр. 149.

Сарматский курган III—II вв. до н. э. (Таманский п-ов).

361. Археологические открытия в деревне Головино (в районе Делиджана).— «Советакан Айастан» («Сов. Армения»), 1950, № 9, стр. 46. На арм. яз.

362. Гзелишвили И. А. Хадикский курган.— САН ГрузССР, 1950, № 10, стр. 691—698 с 4 илл.

Памятник эпохи энеолита в р-не Триалети.

363. Гоян Г. Черты своеобразия армянского эллинистического театра.— ВДИ, 1950, № 3, стр. 178—192 с 5 илл.; 1 л. илл.

Использованы данные археологии.

364. Джапаридзе О. Клад Бежатубани.— ВГМГ, XVI-В, 1950, стр. 217—220 с илл. На груз. яз.

Конец эпохи бронзы.

365. Джапаридзе О. Колхидский топор.— ВГМГ, XVI-В, 1950, стр. 35—89 с илл. Библиогр. стр. 85—89. На груз. яз.

II тысячелетие до н. э.

366. Джапаридзе О. Разведочная экспедиция в Гурии.— ВГМГ, XVI-В, 1950, стр. 109—121 с 1 илл. На груз. яз.

367. Джапаридзе О. Цхинвальский клад.— ВГМГ, XVI-В, 1950, стр. 99—107 с илл. На груз. яз.

Клад эпохи бронзы.

368. Иващенко М. М. Кувшинный могильник в Западной Грузии.— СА, XIII, 1950, стр. 320—330 с 10 илл.

Могильник в сел. Парцханаканеви (Кутаисского р-на) III в. до н. э.

369. Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов».— СА, XII, 1950, стр. 157—200; 1 л. илл.; 1 карта.

Казиев С. М. Памятники Мингечаура как источник изучения Азербайджана — см. № 338.

370. Капанадзе Д. Г. Заметки по нумизматике древней Колхиды.— ВДИ, 1950, № 3, стр. 193—196; 1 л. илл.

371. Каухчишвили С. Скандская крепость.— В кн.: III научная сессия Ин-та истории им. акад. Ив. Джавахишвили. 6—7 дек. 1950 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1950, стр. 17. На груз. яз.

Крепость I в. н. э. Раскопки 1949 г.

372. Крупнов Е. И. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области.— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 85—100 с 4 илл.

Памятники эпохи бронзы и раннего железа.

373. К [рупнов] Е. Пятая научная сессия Кабардинского научно-исследовательского института.— ВИ, 1950, № 11, стр. 171—173.

Изложение доклада Е. И. Крупнова «Древняя история Кабарды» по археологическим данным.

374. Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. II. Археологические изыскания в Рионской низменности и на черноморском побережье 1935 и 1936 годов. Тбилиси, «Техника да шрома», 1950. XXVIII, 332 стр. с 80 илл.; 78 л. илл.; 1 карта.

Памятники античного периода, эпохи бронзы и дольмены в р-не Эшери.

375. Левиатов В. Н. Азербайджан с V века до н. л. по III век н. л.— ИАН АзССР, 1950, № 1, стр. 65—92. Резюме на азерб. яз.

По археологическим данным.

376. Лордкипанидзе М. Геммы античного времени, найденные в могиле ребенка в Мцхете.— ВГМГ, XVI-В, 1950, стр. 91—98 с илл. На груз. яз.

377. Максимова М. И. Геммы из некрополя Мцхеты-Самтавро (Раскопки 1938/39 г.). — ВГМГ, XVI-В, 1950, стр. 221—274 с 16 илл. и 4 л. илл. Резюме на груз яз.

378. Меликишвили Г. А. Клинообразная надпись урартского царя Русы II из Адыльджеваза.— САН ГрузССР, 1950, № 10, стр. 683—690. Библиогр. 10 назв.

379. Ниорадзе Г. Археологические находки в Цителцкаро.— ВГМГ, XVI-В, 1950, стр. 123—131 с 6 илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.

Памятники второй половины II тысячелетия до н. э.

380. Пиотровский Б. Б. Кармир-блур. I. Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук АрмССР и Гос. Эрмитажа 1939—1949 годов. Ереван, 1950. 100 стр. с 64 илл.; 8 л. илл. (АН АрмССР. Археологические раскопки в Армении, № 1).

Рец.: 1. Крупнов Е.— ВИ, 1951, № 1, стр. 131—134; 2. Кацнельсон И. С. Две книги по археологии СССР.— СК, 1951, № 5, стр. 73—74.

381. Смирнов К. Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа.— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 118—125 с 4 илл.

382. Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии.— СА, XIV, 1950, стр. 265—286 с 13 илл.

Памятники X—V вв. до н. э.

383. Трубникова Н. В. Керамика Нестеровского поселения.— ИГИИМК, вып. 2-3, 1950, стр. 16—24 с илл.

Поселение VI—V вв. до н. э. (Грозненская обл.).

384. Хоштария Н. В. Серебряная фиала из Вани.— В кн.: III научная сессия Ин-та истории им. акад. Ив. Джавахишвили. 6—7 декабря 1950 г. План работы и тезисы доклада. Тбилиси, 1950, стр. 19.

385. Цицишвили И. Н. Гробница античного времени в Багинети.— САН ГрузССР, 1950, № 3, стр. 189—194 с 5 илл. Библиогр. 10 назв.

386. Чубинашвили Т. Археологические находки в ущелье Гостибе.— ВГМГ, XVI-В, 1950, стр. 9—34 с илл. На груз. яз.

387. Ямпольский З. И. Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-даш (Азербайджанская ССР).— ВДИ, 1950, № 1, стр. 177—182 с 3 илл.

См. также №№ 331, 334, 336, 338.

4. Средневековые памятники

388. Абрамишвили Т. Монета двух Давидов [XIII в.].— ВГМГ, XVI-В, 1950, стр. 139—148 с илл. На груз. яз.

389. Абрамишвили Т. Новый вид карманеули.— ВГМГ, XVI-В, 1950, стр. 133—138 с илл. На груз. яз.

Монеты XIII—XV вв.

390. Абрамян В. Оружие средневековой Армении.— ТГИМ Арм., т. II, 1950, стр. 37—98.

391. Акопян Т. Дворк или Капан. — ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1950, № 4, стр. 61—81. На арм. яз. Резюме на рус. яз.

Средневековые крепости.

392. Ани — БСЭ, изд. 2, т. 2. М., 1950, стр. 445 с илл. Библиогр. в конце статьи.

393. «Ars georgica. Разыскания Ин-та истории грузинского искусства», 3. [Сборник статей]. Тбилиси, 1950, XIX, 258 стр. с илл.; 104 с. илл. (АН ГрузССР).

Статьи см. №№ 396, 402, 413, 416, 426, 429, 432, 436, 437.

394. А р у т ю н я н В. М. Архитектурные памятники Двина V—VII вв. (По материалам раскопок 1937—1939 гг.). Ереван, 1950. 122 стр. с 46 илл. (АН АрмССР. Комитет по охране памятников архитектуры. Археологические раскопки в Армении, № 2, Двин. I). Библиогр. в конце книги (45 назв). На арм. яз. Резюме на рус. яз.
395. А х у н о в Д. Мечеть в комплексе дворца Ширваншахов в Баку.— В кн.: Памятники архитектуры Азербайджана. Сб. материалов. Баку, 1950, стр. 21—25; 4 л. илл. Резюме на азерб. яз.
396. Б е р и д з е В. Кацхский храм.— «Ars georgica. Разыскания Ин-та истории грузинского искусства», 3, 1950, стр. 53—93 с 17 илл., табл. 20—32. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
397. Борисовский могильник.— БСЭ, изд. 2, т. 5. М., 1950, стр. 579.
Многослойный памятник VI—XIV вв. (близ. г. Геленджика).
398. Б р е т а н и ц к и й Л. С. Архитектура средневекового Азербайджана в специальных работах советских ученых.— ИАН АзССР, 1950, № 10, стр. 65—83.
399. Б р е т а н и ц к и й Л. С., С а л а м з а д е А. В. Зодчие средневекового Азербайджана.— «Памятники архитектуры Азербайджана». Сб. материалов. Баку, 1950, стр. 131—138; 6 л. илл. Резюме на азерб. яз.
400. Б р е т а н и ц к и й Л. и Т у з и н к е в и ч Ю. Новые документы к истории «Девичьей башни».— ДАН АзССР, 1950, № 8, стр. 357—361; 1 л. илл. Резюме на азерб. яз. Библиогр. 15 назв.
401. В а р т а н е с о в И. Л. Мавзолеи близ селения Дер.— «Памятники архитектуры Азербайджана». Сб. материалов. Баку, 1950, стр. 57—62; 4 л. илл. Резюме на азерб. яз.
402. В и р с а л а д з е Т. Фрагменты росписи церкви Иоанна Крестителя в сел. Идлети. — «Ars georgica. Разыскания Ин-та истории грузинского искусства», 3, 1950, стр. 12—13. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
Фрески XII в.
403. Г р и г о р я н А. Армянские барельефы IV—VI веков.— «Советакан Айастан» («Сов. Армения»), 1950, № 10, стр. 50. На арм. яз.
404. Д а д а ш е в С. А., У с е й н о в М. А. Архитектура зданий комплекса дворца Ширваншахов в городе Баку.— «Памятники архитектуры Азербайджана». Сб. материалов. Баку, 1950, стр. 9—19; 13 л. илл. Резюме на азерб. яз.
405. Д ж а н п о л а д я н Р. Сфероконические сосуды из Двинских раскопок.— ТГИМ Арм., т. III, 1950, стр. 147—167 с илл. На арм. яз. Резюме на рус. яз.
406. Д ж а п а р и д з е В. Тбилисская керамика XI—XIII веков.— ВГМГ, XVI-B, 1950, стр. 145—162 с илл. На груз. яз.
407. Д о л и д з е В. К вопросу о датировке одного из архитектурных памятников Давид-Гареджи.— САН ГрузССР, 1950, № 9, стр. 601—605 с 4 илл.
Памятник VIII—IX вв.
408. З а к а р а я П. П. Архитектурный памятник XIV в. в селе Ваке.— САН ГрузССР, 1950, № 3, стр. 195—202 с 5 илл.
409. К а п а н а д з е Д. Г. Так называемые «грузинские подражания трапезундским астрам».— ВВ, III, 1950, стр. 201—210; 2 л. илл.
Монеты XIII—XIV вв.
410. К а у х ч и ш в и л и Т. С. Греческая надпись Иоанна Вахтанга.— САН ГрузССР, 1950, № 6, стр. 393—395.
Надпись XV—XVI вв.
411. К е р и м з а д е С. Мавзолей XIV века в селении Бузовны.— ДАН АзССР, 1950, № 6, стр. 264—268 с 3 илл. На азерб. яз. Резюме на рус. яз.
412. Л о м т а т и д з е Г. Важнейшие итоги археологических раскопок в Рустави.— В кн.: III научная сессия Ин-та истории им. акад. Ив. Джавахишвили. 6—7 дек. 1950 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1950, стр. 15—17. На груз. яз.
Раскопки 1944—1950 гг.

413. Майсурадзе З. К вопросу о грузинских изразцах XVI века.— «Ars georgica. Разыскания Ин-та истории грузинского искусства», 3, 1950, стр. 201—208 с 4 илл.; табл. 94—100. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
414. Мамиконов Л. Г. К изучению средневековых оборонительных сооружений Апшерона.— «Памятники архитектуры Азербайджана». Сб. материалов. Баку, 1950, стр. 47—56; 17 л. илл. Резюме на азерб. яз.
415. Мегрелидзе Д. Аскаланская крепость.— «Сборник научных трудов аспирантов» (Тбил. гос. ун-та им. И. В. Сталина), кн. I. Тбилиси, 1950, с. 93—101. На груз. яз.
416. Меписашвили Р. Храм в с. Вале и два основных периода его строительства.— «Ars georgica. Разыскания Ин-та истории грузинского искусства», 3, 1950, стр. 25—51 с 31 илл.; табл. 6—19. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
417. Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан.— «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 2-3, 1950, стр. 205—264 с л. 11 илл. и 1 картой.
Могильник IV—V вв. и IX—XI вв. (Черкесская авт. обл.).
418. Мнацаканян С. Армянские сталактиты.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1950, № 9, стр. 53—70. Резюме на арм. яз.
Сталактитные конструкции в светской архитектуре Армении XI—XIII вв.
419. Ниорадзе Г. Железная обувь как предмет культового назначения.—ВГМГ, XVI-B, 1950, стр. 1—8 с 2 илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
По материалам из погребения у с. Дисеви (Юго-осетинская авт. обл.).
420. Памятники архитектуры Азербайджана. Сборник материалов (Ред. коллегия: С. А. Дадашев и др.). Баку, Азернешр, 1950. 574 стр. с илл. Резюме статей на азерб. яз.
Статьи см. №№ 395, 399, 401, 404, 414, 422, 427, 440.
421. Пахомов Е. А. Закатальская «длинная стена».— ТАзГУ, сер. ист., вып. 1, 1950, стр. 68—90 с 5 илл.
Памятник сасанидского строительства V—VII вв.
422. Пахомов Е. А. Об имени строителя усыпальницы Ширваншахов в Баку.— «Памятники архитектуры Азербайджана». Сб. материалов. Баку, 1950, стр. 26—28; 1 л. илл. Резюме на азерб. яз.
423. Рагимов А. В. Редкие монеты Ак-коюнлу.—ДАН АзССР, 1950, № 7, стр. 305—313 с 8 илл. Резюме на азерб яз.
Монеты XVI в. времени государства Ак-коюнлу в Азербайджане.
424. Результаты раскопок Двина.— «Эчмиадзин», 1950, № 11-12, стр. 42. На арм. яз.
425. Рзаев, Ниази. Северные ворота крепостных стен города Баку.— «Памятники архитектуры Азербайджана». Сб. материалов. Баку, 1950, стр. 30—41; 5 л. илл. Резюме на азерб. яз.
426. Рчеулишвили Л. Дворец Саввы Тусишвили в сел. Ниноцминда.— «Ars georgica. Разыскания Ин-та истории грузинского искусства», 3, 1950, стр. 237—247 с 13 илл.; табл. 101—104. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
Архитектурный памятник XVIII в.
427. Саламзаде А. В. Декоративные особенности надписей архитектурных памятников Азербайджана. — «Памятники архитектуры Азербайджана» Сб. материалов. Баку, 1950, стр. 140—145; 2 л. илл. Резюме на азерб. яз.
428. Сахаров С. И. [Рец. на кн.:] 1. Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. М., Акад. архитектуры СССР, 1948; 2. Дадашев С. А. и Усейнов М. А. Архитектура Азербайджана. М., Акад. архитектуры СССР, 1948.— СК, 1950, № 2, стр. 107—109.
429. Северов Н. П. Архитектурный образ Цроми.— «Ars georgica. Разыскания Ин-та истории грузинского искусства», 3, 1950, стр. 15—24 с 3 илл.; табл. 3—5.
430. Такайшвили Е. Древний храм в Перевиси.— ТТГУ, XLI, 1950, стр. 69—70. На груз. яз.
431. Такайшвили Е. Древности Чхарской церкви, ч. II.— ВГМГ, XVI-B, 1950, стр. 203—210 с илл. На груз. яз.

432. Цинцадзе В. Купольная церковь Иоанна Крестителя. в сел. Идлети.— «Ars georgica. Разыскания Ин-та грузинского искусства», 3, 1950, стр. 1—10 с 12 илл.; табл. 1—2. На груз. яз. Резюме на рус. яз.

433. Цицишвили И. Н. Водопровод в Надарбазеви. — САН ГрузССР, 1950, № 8, стр. 523—530. Библиогр. 5 назв.

434. Цицишвили И. и Закарая П. Памятники старой грузинской народной архитектуры в районе Тетрицкаро.— В кн.: III научная сессия Ин-та истории им. акад. Ив. Джавахишвили. 6—7 дек. 1950 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1950, стр. 18—19. На груз. яз.

XII—XIII вв.

435. Чубинашвили Г. Н. К вопросу о национальной форме в архитектуре.— «Ars georgica. Разыскания Ин-та истории грузинского искусства», 3, 1950, стр. 191—200 с 8 илл.

Питаретский храм XIII в.

436. Чубинашвили Г. Н. Один из памятников первостепенного значения грузинской чеканки в Сванетии.— «Ars georgica. Разыскания Ин-та истории грузинского искусства», 3, 1950, стр. 95—118; табл. 33—40.

Памятник первой половины XI в.

437. Чубинашвили Н. Деревянные резные двери из сел. Оциндале, Джахундери и Чукули.— «Ars georgica. Разыскания Ин-та истории грузинского искусства», 3, 1950, стр. 119—140 с 6 илл.; табл. 41—55.

Памятник X—XI вв.

438. Шагназарян А. Клад, обнаруженный около села Сарнакунк, Сисианского района.— ТГИМ Арм., т. II, 1950, стр. 7—35. На арм. яз.

439. Шелковников Б. А. Рейнская керамика из раскопок в Дманиси.— ВГМГ, XVI-В, 1950, стр. 163—164 с 1 илл.

Фрагмент кувшина XVI в., вывезенного из Кельна или Фреша.

440. Шихалиев М. А., Юзбашев А. У. Мечеть в сел. Мардакяны.— «Памятники архитектуры Азербайджана». Сб. материалов. Баку, 1950, стр. 43—46; 3 л. илл.

441. Шмерлинг Р. Алтарные преграды в Грузии.— «Ars georgica. Разыскания Ин-та истории грузинского искусства», 3, 1950, стр. 141—190 с 16 илл.; табл. 56—93.

442. Якобсон А. Л. Из истории армянского средневекового зодчества. V. Армянские монастыри XIII в.— Хоракерт и Мшкаванк.— СА, XIV, 1950, стр. 245—262 с 14 илл.

Начало статьи см. СА, VI, VIII и IX.

443. Якобсон А. Л. Очерк истории зодчества Армении V—XVII веков. Под общ. ред. Н. М. Бачинского. М.—Л.,Гос. изд-во архитект. и градостр-ва, 1950. 167 стр. с 130 илл. и план; 1 л. илл.; 1 карта. На обл. авт. не указан.

Рец.: Измайлова Т. А. — СК, 1951, № 9, с. 115—119.

См. также №№ 330, 331, 334, 339, 344.

V. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

1. Общие работы

444. Археология Средней Азии. [Сб. статей. Отв. ред. М. Е. Массон]. Ташкент, 1950. 180 стр. с илл. (Труды САГУ, нов. сер., вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3).

Статьи см. №№ 487, 489, 494, 511, 517, 520, 532.

445. Бернштам А. Н. Русская и советская уйгуристика.— ИАН КазССР, сер. уйгуро-дунганской культуры, вып. 1, 1950, стр. 73—83. Резюме на казах. и уйгур. яз.

Характеристика источников по истории уйгуров включает и археологические источники.

446. Бершадский Р. В древнем Хорезме.— «Шарк юлдузи» («Звезда Востока»), 1950, № 10, стр. 60—85; № 11, стр. 94—108; № 12, стр. 95—108. На узб. яз.

447. В хорезмской экспедиции 1950 года.—ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1950, № 6, стр. 577—578.

448. В Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1950, № 2, стр. 188—192; 1 л. илл.

Изложение доклада начальника экспедиции М. Е. Массона на заседании Отд-ния ист. и филос. АН СССР 28 янв. 1950 г.

449. Винник Д. Ф. Археологическая экспедиция 1949 года.— ТКирГПИ, вып. 2, 1950, стр. 75—90 с илл.

450. Вязигин С. А. Археологические памятники Туркменской ССР. Ашхабад, 1950. 24 стр. с илл. (Об-во по распростр. полит. и науч. знаний Туркм. ССР). На туркм. яз.

Памятники от II в. до н. э. по XV в. н. э.

451. Дахшлейгер Г. Научная работа Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.— ИАН КазССР, № 77, сер. ист., вып. 5, 1950, стр. 84—87.

452. Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда [Согдийско-Тадж. археол. экспедиция].— МИА, вып. 15, 1950, стр. 147—186 с илл. (табл. 81—100).

453. Жданко Т. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии Наук СССР в 1949 году.—ВИ, 1950, № 3, стр. 148—151.

454. Кабанов С. К. Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе.— «Труды Ин-та ист. и археол». (АН УзССР), т. 2, 1950, стр. 82—134 с 19 илл.

455. Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии (С древних времен до половины XIX века). М., Гос. изд-во архитект. и градостр-ва, 1950. 179 стр. с илл. Библиогр. в примечаниях и в конце разделов.

456. Левин М. Г. Полевые исследования Института этнографии в 1949 году.— СЭ, 1950, № 2, стр. 185—187.

Хорезмская археологическая экспедиция.

457. Маргулан А. Х. Историко-топографический фон восточной Бетпак-далы.— ВАН КазССР, 1950, № 6, стр. 61—72. Резюме на казах. яз.

Археологические памятники от времени микролитической культуры до средневековья.

458. Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда.— ВДИ, 1950, № 4, стр. 155—166 с 4 схемами.

От ахеменидского времени до монгольского завоевания.

459. Массон М. Е. К периодизации истории Туркменистана.— В кн.: Тезисы докладов на юбилейной сессии (Туркм.фил. АН СССР), посвященной 25-летию Туркменской ССР. Ашхабад, 1950, стр. 6—8.

От эпохи палеолита до XIX в.

460. Научная работа кафедры археологии Средней Азии Исторического факультета САГУ. [С прил. «Перечень научных докладов, заслушанных на заседаниях кафедры археологии Средней Азии», 1940—1949 гг.].— ТСАГУ, нов. сер., вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, 1950, стр. 3—9. Резюме на узб. яз.

461. Пугаченкова Г. А. Изучение [в СССР] древнего искусства Средней Азии за 25 лет.— В кн.: Тезисы научных докладов на Юбилейной конференции Среднеаз. гос. ун-та, посвященной 25-летию Узбекской Советской Социалистической Республики. Ташкент, 1950, стр. 23—25.

462. Росляков А. А. К вопросу об этногенезе туркмен. (О времени и условиях образования туркменской народности).— ИТуркмФАН СССР, 1950, № 5, стр. 13—19. Библиогр. 32 назв.

Статья базируется на выводах исторических и археологических исследований.

463. Сенигова Т. Н. О работе Хорезмской экспедиции в Казахстане.— ВАН КазССР, 1950, № 1, стр. 98—99.

Синицын И. В. Археологические памятники по реке Малый Узень (Саратовская обл. и Западный Казахстан) — см. № 79.

464. Тереножкин А. И. Согди Чач. [Автореферат канд. диссертации].— КСИИМК XXXIII, 1950, стр. 152—169; 1 л. илл.

Периодизация древних культур Согда и Чача, начиная от эпохи бронзы до XII в.

465. Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1949 г.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1950, № 6, стр. 514—529 с 7 илл.; 6 л. илл.

466. Тревер К. В., Якубовский А. Ю. и Воронец М. Э. История народов Узбекистана, т. I. С древнейших времен до начала XVI века. Под ред. С. П. Толстова [и др.]. Ташкент, АН УзССР, 1950. 474 стр. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии). Библиогр.: «Указатель основной литературы», стр. 449—472.

Рец.: Дьяконов М. М.— ВИ, 1951, № 4, стр. 134—141.

467. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». Сост. под руководством А. Н. Бернштама. М.—Л., 1950. 158 стр.; 95 л. илл. (АН СССР. Ин-т истории материальной культуры. Ленингр. отд-ние. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 14).

Памятники от эпохи бронзы до XIV в. Работы 1938—1941 гг.

468. Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, Таджикского филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа, т. I, 1946—1947 гг. Под ред. А. Ю. Якубовского. М.—Л., 1950. 252 стр.; 106 л. илл. и карт. (АН СССР. Ин-т истории материальной культуры. МИА, № 15).

Рец.: Вактурская Н. Н.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 129—134.

Статьи см.: №№ 452, 472, 475, 483, 499—502, 504, 507, 509, 534—538.

469. Черников С. С. Основные проблемы археологического изучения Казахстана.— ИАН КазССР, № 77, сер. ист., вып. 5, 1950, стр. 63—70. Резюме на казах. яз.

470. Шахматов В. Ф. К вопросу об этногенезе казахского народа.— ИАН КазССР, сер. ист., вып. 6, 1950, стр. 80—99.

471. Шишкин В. А. Варахша.— ЗВ, 1950, № 11, стр. 117—128.
IV—VI и VIII—XI вв. (УзССР).

472. Якубовский А. Ю. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологическ о экспедиции в 1946—1947 гг.— МИА, вып. 15, 1950, стр. 13—56 с илл.

2. Палеолит и неолит

473. Аман-Кутан.— БСЭ, изд. 2, т. 2. М., 1950, стр. 214—215.

Палеолитическая стоянка (УзбССР).

Громов В. И. Геологический возраст палеолита на территории СССР — см. № 115.

474. Громов В. И. [Рец. на сб.:] Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949. (Моск. гос. ун-т. «Труды науч.-исслед. ин-та антропологии»).— БКИЧП, № 15, 1950, стр. 110—111.

475. Дальский А. Н. Наскальные изображения в бассейне реки Зеравшан.— МИА, вып. 15, 1950, стр. 232—240 с илл. (табл. 101—106).

476. Дебец Г. [Рец. на сб.:] Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949 (Моск. гос. ун-т. «Труды научн.-исслед. ин-та антропологии»).— СЭ, 1950, № 1, стр. 214—215.

477. Левин М. Открытие советских археологов и антропологов. [Рец. на сб.:] Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949. (Моск. гос. ун-т. «Труды научн.-исслед. ин-та антропологии»).— НМ, 1950, № 6, стр. 282—284.

478. Никольский В. К. [Рец. на сб.:] Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949. (Моск. гос. ун-т. «Труды научн.-исслед. ин-та антропологии»).— ВДИ, 1950, № 3, стр. 121—124.

См. также № 24, 38, 459, 469, 484, 485.

3. Эпоха бронзы и железа

479. Анау.— БСЭ, изд. 2, т. 2. М., 1950, стр. 376—377 с 1 илл.

Археологическая культура южн. Туркмении эпохи перехода от неолита к бронзе (IV—III тыс. до н. э.).

480. Беркаринский могильник.— БСЭ, изд. 2, т. 5. М., 1950, стр. 24.

Могильник III в. до н. э. — I в. н. э. (Таласская долина, КирССР).

481. Воронец М. Э. Наскальные изображения Южной Киргизии.— ТКирГПИ, вып. 2, 1950, стр. 75—90 с илл.

Изображения эпохи бронзы и XIX в.

482. Гинзбург В. В. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. (Гунны и саки Тянь-Шаня, Алая и южного Памира).— КСИЭ, XI, 1950, стр. 83—96.

483. Гинзбург В. В. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии.— МИА, вып. 15, 1950, стр. 241—250.

484. Зимма Б. М. Некоторые выводы по вопросу изучения наскальных изображений Киргизии.— ТКирГПИ, вып. 2, 1950, стр. 54—74 с илл.

Изображения эпохи неолита и бронзы.

Киселев С. В. Из древней истории Срединной Азии.— см. № 583.

485. Кызласов Л. Р. Сары-Булакская писаница в Бетпак-Дала.— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 139—143 с 2 илл.

Памятники эпохи неолита и бронзы и писаница эпохи ранних кочевников (VI—I вв. до н. э.) в пустыне Бетпак-Дала (Казахской ССР).

486. Мариковский П. И. О наскальных изображениях в горах Чулак.— ВАН КазССР, 1950, № 6, стр. 73—79 с 3 илл. Библиогр. 4 назв.

487. Массон В. М. К локализации Согда. [Рец. на статью: Ставиский Б. Некоторые вопросы истории и топографии древнего Согда (ВЛГУ, 1948, № 3, стр. 118—126)].— ТСАГУ, нов. сер., вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, 1950, стр. 171—179. Библиогр. в примеч. (37 назв.). Резюме на узб. яз.

488. Массон М. Е. Некоторые новые данные по истории Парфии.— ВДИ, 1950, № 3, стр. 41—55 с 4 илл.

489. Массон М. Е. Происхождение безыменного «царя царей — великого спасителя».— ТСАГУ, нов. сер., вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, 1950, стр. 11—49 с 7 илл. Резюме на узб. яз.

О монетах Кафиза I, основоположника Кушанского государства (I в. н. э.).

490. Огородников В. Фортификация древнего Хорезма. [Рец. на кн.:] Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.— «Военно-инжен. журнал», 1950, № 5, стр. 42—47.

491. Орлов М. А. К вопросу о реконструкции дворца хорезмшахов III в. н. э. Топрак-Кала.— ИАН СССР, 1950, № 4, стр. 384—392 с илл.; 1 л. илл.

492. Пугаченкова Г. А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах.— «Труды Ин-та ист. и археол.» (АН УзССР), т. II, 1950, стр. 8—57 с 24 илл.

493. Шахматов В. Ф. К вопросу о племенных союзах и варварских дофеодальных государствах на территории Казахстана.— ВАН КазССР, 1950, № 5, стр. 66—77. Резюме на казах. яз.

Привлекаются археологические источники.

См. также работы о Хорезмской экспедиции № 446, 447, 453, 456, 463, 465, а также № 452, 457, 464, 467, 469, 472.

5. Средневековые памятники

494. Альхамова З. А. Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. х.— ТСАГУ, нов. сер., вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, 1950, стр. 69—74. Библиогр. в примеч. (17 назв.). Резюме на узб. яз.

495. Басенов Т. К. О сооружении Тас-акыр.— ИАН КазССР, сер. архитект., вып. 2, 1950, стр. 83—89 с 9 илл. Резюме на казах. яз.

Дворец-крепость VIII—IX вв.

496. Бачинский Н. М. Малоизвестные архитектурные памятники Туркмении. — КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 121—133 с 8 илл.

497. Беленицкий А. М. Железный ключ из Пянджикента.— МИА, вып. 15, 1950, стр. 221—223; 1 илл. (табл. 52, 1).

498. Беленицкий А. М. Мавзолей у селения Саят.— КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 134—138 с 4 илл.

Памятник XI—XII вв. (Сталинабадская обл.).

499. Беленицкий А. М. Мавзолей у селения Саят.—МИА, вып. 15, 1950, стр. 201— 209 с илл. (табл. 76—79).

500. Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г. [Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция].— МИА, вып. 15, 1950, стр. 128—139 с илл. (табл. 63—68).

Памятники X—XII вв. северных районов Кулябской обл. и восточных районов Сталинабадской обл. ТаджССР.

501. Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. [Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция].— МИА, вып. 15, 1950, стр. 140—146 с илл. (табл. 70—75).

Памятники X—XII вв. в южной части Кулябской обл. ТаджССР.

502. Беленицкий А. М. Раскопки здания № 1 на шахристане Пянджикента (1947).— МИА, вып. 15, 1950, стр. 100—105 с илл.

503. Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. — М. — Л., 1950. 146 стр. с 70 илл. (АН СССР. Ин-т истории материальной культуры). Библиогр. стр. 142 — 144 (44 назв.).

Рец.: 1. Филонов К. — СЭ, 1950, № 3, стр. 224 — 226; 2. Яралов Ю. — «Сов. архитектура», сб. 1, 1951, стр. 111 — 112.

504. Бретаницкий Л. С. Архитектурные памятники Гиссара. — МИА, вып. 15, 1950, стр. 199 — 206 с илл. (табл. 94 — 100).

Памятники XVI — XVIII вв. ТаджССР).

505. Виноградов А. Н. Мавзолей восьмигранник в ансамбле Шах-и-Зинда в Самарканде. — «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1. [М.], 1950, стр. 5 — 13 с 4 илл.

506. Воронин Л. Н. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии. — «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1. [М.]. 1950, стр. 14 — 24.

507. Воронина В. Л. Изучение архитектуры древнего Пянджикента. (По материалам раскопок 1947 г.). — МИА, вып. 15, 1950, стр. 189 — 198 с илл.

08. Воронина В. Л. Неизвестные памятники Средней Азии. — «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1. [М.], 1950, стр. 84 — 100 с 12 илл.

Архитектурные памятники XI — XVIII вв.

509. Воронина В. Л. Резное дерево Зеравшанской долины. — МИА, вып. 15, 1950, стр. 210 — 220; 12 л. илл. (табл. 8 — 19).

Архитектурный орнамент IX — XV вв.

510. Герасимов Г. Г. Памятники архитектуры Каратау. — ИАН КазССР, сер. архитект., вып. 2, 1950, стр. 55 — 82 с 34 илл. Резюме на казах. яз. Библиогр. 11 назв. Памятники XVI — XIX вв. (Казахская ССР).

511. Давидович Е. А. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.).— ТСАГУ, нов. сер., вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, 1950, стр. 137—170 с 1 илл. Библиогр. в примеч. (57 назв.). Резюме на узб. яз.

512. Давидович Е. А. К датировке мечети Ходжа Зайнеддина в Бухаре.— «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1. [М.], 1950, стр. 25—30 с 2 илл.

Памятник первой половины XVI в.

513. Давидович Е. А. К медным номиналам конца XV — начала XVI в. по данным чекана Хисара и Кундуза.— СТаджФАН СССР, вып. 24, 1950, стр. 39—46 с илл.

514. Дмитриев В. М. Композиционные особенности бухарской архитектуры второй половины XVI века.— «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1. [М.], 1950, стр. 31—45 с 10 илл.

515. Егоров Ю. А. [Рец. на кн.:] Бачинский Н. М. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.—Л., АН СССР, 1949.— СК, 1950, № 1, стр. 118—121.

516. Константинова В. В. Некоторые архитектурные памятники по среднему течению реки Сыр-Дарьи.— ИАН КазССР, сер. архитект., вып. 2, 1950, стр. 37—54 с 23 илл. Резюме на казах. яз. Библиогр. 9 назв.

517. Литвинский Б. А. К истории добычи олова в Узбекистане.— ТСАГУ, нов. сер., вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, 1950, стр. 51—68 с 8 илл. Библиогр. стр. 67—68 (46 назв.). Резюме на узб. яз.

518. Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950. 122 стр. с 80 илл. (АН КазССР).

519. Массон М. Е. О происхождении мавзолея Туркан-ака в Самарканде.— «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1. [М.], 1950, стр. 46—51 с 2 илл.

520. Массон М. Е. Самаркандский Регистан.— ТСАГУ, нов. сер., вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, 1950, стр. 75—90 с 4 план. Библиогр. в примеч. (51 назв.). Резюме на узб. яз.

521. Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. «Гумбез Манаса». М., Гос. изд-во архитект. и градостр-ва, 1950. 144 стр. с 39 илл.; 2 л. илл. (Памятники архитектуры народов СССР). Библиогр. стр. 137—139.

Рец.: 1. Нуров Г. — СК, 1951, № 4, стр. 106—109 с 1 илл.; 2. Нуров Г. и Батаханова А. Правда о Гумбезе Манаса.— «Сов. Киргизия», 6/I 1951; 3. Яралов Ю.— «Сов. архитектура», сб. 1, 1951, стр. 112—113.

522. Мендикулов М. Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана.— ИАН КазССР, сер. архитект., вып. 2, 1950, стр. 3—36 с 23 илл. Резюме на казах. яз.

523. Наследов Б. Н. Средневековая горная промышленность в Средней Азии. [С предисл. О. И. Исламова и Б. А. Литвинского].—«Природа», 1950, № 3, стр. 73—76. Библиогр. 6 назв.

524. Нильсен В. А. Бухарский Намазго.— «Труды Ин-та ист. и археол.» (АН УзССР), т. 2, 1950, стр. 71—81 с 7 илл.

Мечеть XII в.

525. Нильсен В. А. Мавзолей Мир-сеид-Бахром в Кермине.— «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1. [М.], 1950, стр. 52—57 с 2 илл.

526. Пацевич Г. И. Ремонт и реставрация мавзолея-мечети Ходжа-Ахмеда Ясови в 1939—1941 гг.— ИАН КазССР, сер. архитект., вып. 2, 1950, стр. 95—100 с 6 илл. Резюме на казах. яз.

Памятник конца XIV в. в г. Туркестане.

527. Пилявский В. И. Архитектура древнего Мерва. Прил.: Способы начертания арок, сводов и куполов.— «Научн. труды Ленингр. инж.-строит. ин-та», 1950, вып. 10, стр. 95—122 с 39 илл.

528. Пугаченкова Г. А. К вопросу о реконструкции ансамбля Дорус-Сиадат, тимуридской усыпальницы в Шахрисябзе.— «Материалы истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1. [М.], 1950, стр. 58—72 с 6 илл. и планом.

529. Пугаченкова Г. А. Мавзолей Калдыргач-бия.— ИАН КазССР, сер. архитект., вып. 2, 1950, стр. 90—92 с 3 илл. Резюме на казах. яз. Библиогр. стр. 93—94.

Памятник XV в.

530. Пугаченкова Г. А. Миниатюры «Фатх-намэ» — хроники побед Шейбани-хана из собрания Института по изучению восточных рукописей Академии Наук УзССР.— ТСАГУ, нов. сер., вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, 1950, стр. 121—136 с 2 илл. Библиогр. в примеч. (29 назв.). Резюме на узб. яз.

531. Пугаченкова Г. А. Резной михраб из Ашта.— СТаджФАН СССР, вып. 25, 1950, стр. 33—37 с 1 илл.

Памятник XI—XII вв.

532. Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV века.— ТСАГУ, нов. сер., вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, 1950, стр. 91—120 с 15 илл. Библиогр. в примеч., стр. 118—120 (52 назв.). Резюме на узб. яз.

533. Ратия Ш. Е. Мечеть Биби-Ханым в Самарканде. Исследование и опыт реставрации. М., Гос. изд-во архитект. и градостр-ва, 1950. 108 стр. с 24 илл.; 4 л. илл. (Памятники архитектуры народов СССР). Библиогр. стр. 105—106 (78 назв.). Сахаров С. И. [Рец. на кн.:] Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948— см. № 428.

534. Смирнова О. И. Археологические разведки в бассейне Зеравшана в 1947 г.— МИА, вып. 15, 1950, стр. 67—80 с илл.

Памятники раннего и позднего Средневековья.

535. Смирнова О. И. Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зеравшана.— МИА, вып. 15, 1950, стр. 56—66.

Крепости, относящиеся к различным периодам, начиная с раннего средневековья до XIX в.

536. Смирнова О. И. Монеты из раскопок древнего Пянджикента (1947 г.).— МИА, вып. 15, 1950, стр. 224—231; 1 л. илл. (табл. 61).

537. Ставиский Б. Я. Раскопки жилой башни в кухендизе пянджикентского владетеля.— МИА, вып. 15, 1950, стр. 94—99 с илл. (табл. 37—39).

338. Тереножкин А. И. Раскопки в кухендизе Пянджикента.— МИА, вып. 15, 1950, стр. 81—93 с илл. (табл. 35—36, 40—44).

539. Френкель Н. И. Мавзолей Абубекр-Мухаммед Каффаль-Шаши в Ташкенте.— «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1. [М.], 1950, стр. 73—83 с 5 илл.

Памятник XV в.

540. Шишкин В. А. Минарет в Джар-Кургане.— «Труды Ин-та ист. и археол.» (АН УзССР), т. 2, 1950, стр. 58—70 с 5 илл.

Памятник XII—XIII вв.

541. Якубовский А. Ю. Живопись древнего Пянджикента по материалам Таджикско-согдийской археологической экспедиции 1948—1949 гг.— ИАН СССР, 1950, № 5, стр. 472—491 с 1 план.; 4 л. илл.

VI. СИБИРЬ, СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН и ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

1. Общие работы

542. Бахрушин С. В. Новые страницы истории Сибири. [Рец. на кн.:] Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1949. («Материалы и исследования по археологии СССР», № 9).— НМ, 1950, № 4, стр. 283—285.

543. Бернштам А. Н. [Рец. на кн.:] Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1949. («Материалы и исследования по археологии СССР», № 9).— ВЛГУ, 1950, № 4, стр. 164—168.

544. Бернштам А. Н. [Рец. на кн.:]. Окладников А. П. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949 (История Якутии. Под ред. С. В. Бахрушина, т. I).— СК, 1950, № 5, стр. 69—72 с 1 илл.

545. Борисковский П. И. [Рец. на кн.:] Окладников А. П. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949. (История Якутии. Под ред. С. В. Бахрушина, т. I).— ВЛГУ, 1950, № 2, стр. 145—149.

546. Воронин Н. Н. [Рец. на кн.:] Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, М. — Л., 1949 («Материалы и исследования по археологии СССР», № 9). — «Огонек», 1950, № 26, стр. 23.

547. Грязнов М. П. Из далекого прошлого Алтайского края. По работам Алтайской археологической экспедиции Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР и Ленингр. гос. Эрмитажа 1946—1949 гг. Стенограмма лекции. Барнаул, 1950. 20 стр., 8 л. илл.

548. Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской обл. по данным топонимики.— УЗТПИ, т. VI, 1950, стр. 175—187 с карт.

Привлекаются и археологические данные.

549. Левин М. Г. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока. (К проблеме этногенеза народов Северной Азии).— СЭ, 1950, № 2, стр. 53—64.

Привлекаются данные археологии и палеантропологии.

Окладников А. П. Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов—см. № 47.

550. Окладников А. П. Ленские древности. Вып. 3. Об археологических исследованиях в районе с. Покровского и г. Якутска в 1940—1946 гг. [С приложениями]. М.—Л., 1950. 200 стр. с 36 илл.; 41 табл. (АН СССР. Ин-т истории материальной культуры. Ин-т языка, лит-ры, истории и искусства. Якут. фил. АН СССР. «Материалы по древней истории Якутии»).

551. Окладников А. П. О раскопках в долине р. Селенги летом 1947 года.— Записки Бурят-Монгол. науч.-исслед. ин-та культуры, X, 1950, стр. 61—94 с 9 л. илл.

Памятники от эпохи бронзы до средневековья.

552. Ольхон А. [Рец. на кн.:] Окладников А. П. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949 (История Якутии. Под ред. С. В. Бахрушина, т. I).— «Сиб. огни», 1950, № 3, стр. 159—160.

553. Синяев В. С. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма.— СА, XIII, 1950, стр. 331—340 с 3 илл. и 1 картой.

554. Смирнов А. П. [Рец. на кн.:] Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1949 («Материалы и исследования по археологии СССР», № 9).— СК, 1950, № 3, стр. 61—64 с 1 илл.

555. Степанов Н. [Рец. на кн.:] Окладников А. П. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949 (История Якутии. Под ред. С. В. Бахрушина, т. I).— ВИ, 1950, № 9, стр. 134—139.

556. Токарев С. А. [Рец. на кн.:] Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1949. («Материалы и исследования по археологии СССР», № 9).— СЭ, 1950, № 3, стр. 210—214.

557. Трухин Г. В. Археологические памятники по р. Томи.— В кн.: Научная конференция, посвященная 20-летию Ин-та. Тезисы докладов. Томск, 1950 (Томский Гос. пед. ин-т), стр. 13—17.

Обзор памятников от эпохи палеолита до эпохи железа.

558. Хороших П. П. Пещеры Хакасии.— «Природа», 1950, № 5, стр. 44—48 с 8 илл. Библиогр. 31 назв.

Следы пребывания человека каменного и железного веков.

559. Чернецов В. Н. [Рец. на кн.:] Окладников А. П. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949. (История Якутии. Под ред. С. В. Бахрушина, т. I).— СЭ, 1950, № 3, с. 214—219.

2. Палеолит и неолит

560. Афонтова гора.— БСЭ, изд. 2, т. 3. М., 1950, стр. 512.
Стоянка мадленского времени близ Красноярска.

561. Гарутт В. Е. Фауна неолитической стоянки Куллаты.— В кн.: Окладников А. П. Ленские древности, вып. 3. М.—Л., 1950, прил. стр. 178—185.

562. Григорьев Н. Ф. Геологический очерк стоянки Куллаты.— В кн.: Окладников А. П. Ленские древности, вып. 3. М.—Л., 1950, прил. стр. 163—177.

Громов В. И. Геологический возраст палеолита на территории СССР — см. № 115.

563. Грязнов М. П. Костяное орудие палеолитического времени из Западной Сибири.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 165—167, с 1 илл.

564. Гуреев А. А. Птицы из неолитической стоянки Куллаты.— В кн.: Окладников А. П. Ленские древности, вып. 3. М.—Л., 1950, прил. стр. 186—188.

565. Левин М. Г. К вопросу о древнейшем заселении Сибири.— СЭ, 1950, № 3, стр. 157—160.

566. Левошин Н. Н. Древняя стоянка в верховьях р. Якитикивеема (Чукотский п-ов).— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 193—195 с 3 илл.
Стоянка с кремневым инвентарем.

567. Окладников А. П. Археологические исследования в низовьях реки Селенги. (Предварительное сообщение о раскопках 1948 г.).— КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 85—90 с 4 илл.
Памятники эпохи палеолита и неолита (Бурят-Монг. АССР).

568. Окладников А. П. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири. Население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке.— СЭ, 1950, № 2, стр. 36—52 с 4 илл.

569. Окладников А. П. Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири.— СА, XIV, 1950, стр. 7—19 с 3 илл.

570. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Отв. ред. М. П. Грязнов, ч. 1 и 2. М.—Л., 1950. 412 стр. с илл. портр., табл. и карт.; 1 л. илл. (АН СССР. Ин-т истории материальной культуры. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 18).

571. Окладников А. П. Освоение палеолитическим человеком Сибири.—«Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, 1950, стр. 150—158. Библиогр. 6 назв.

572. Окладников А. П. Первый неолитический памятник Чукотского полуострова.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 196—198.
Стоянка в верховьях р. Якитикивеем.

573. Пидопличко И. Г. По поводу работы А. П. Васьковского и А. П. Окладникова о находке дерева, обработанного палеолитическим человеком. (В № 13, 1948, «Бюлл. Комиссии по изуч. четверт. периода»).— «Археологія», III. Київ, 1950, стр. 185—189 с 1 илл. На укр. яз. Резюме на рус. яз.

574. Рыгдылон Э. Р. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке.—СА, XII, 1950, стр. 287—288 с 1 илл.

575. Формозов А. А. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане.— КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 141—147 с 3 илл.
Стоянки III—II тыс. до н. э. «кельтеминарской культуры».
См. также № 27, 39, 558.

3. Эпоха бронзы и железа

576. Алексеевское поселение.— БСЭ, изд. 2, т. 2. М., 1950, стр. 91—92 с 1 илл.
Поселение андроновской культуры эпохи бронзы (КазССР).

577. Андроновская культура.— БСЭ, изд. 2, т. 2. М., 1950, стр. 435.
Культура эпохи бронзы Зап. Казахстана и Сибири.

578. Афанасьевская культура.— БСЭ, изд. 2, т. 3. М., 1950, стр. 491, с 1 илл.
Культура эпохи бронзы конца III— первой половины II тыс. до н. э. на верхнем Енисее и на Алтае.

579. Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами.— СА, XII, 1950, стр. 217—250 с 20 илл.

580. Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 92 стр. с 38 илл.; 24 л. илл. (Гос. Эрмитаж). Библиогр. в примеч. стр. 89—90.

581. Грязнов М. П. [Рец. на кн.:] Руденко С. И. и Н. М. Искусство скифов Алтая. М., Гос. музей изобразит. искусств. им. А. С. Пушкина, 1949.— ВЛГУ, 1950, № 1, стр. 116—122.

582. Дебец Г. Ф. К палеоантропологии Тувы.— КСИЭ, X, 1950, стр. 97—111.
По материалам раскопок курганов V—IV вв. до н. э. и VII—X вв. н. э.

583. Киселев С. В. Из древней истории Срединной Азии.— ДИСИФМГУ, вып. 9, 1950, стр. 15—29.
История народов Южной Сибири, Прибайкалья и Средней Азии во второй половине I тыс. до н. э. в связи с историей народов Дальнего Востока (Китай, Монголия). Привлекаются археологические источники.

584. Кызласов Л. Р. и Маргулан А. Х. Плиточные ограды могильника Бегазы.— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 126—136 с 4 илл. и 1 план.
Могильник VII—VI вв. до н. э.

585. Левашева В. П. О городищах Сибирского юрта.— СА, XIII, 1950, стр. 341—351 с 2 илл.
Городища XII—XVII вв.

586. Окладников А. П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея.— СА, XIII, 1950, стр. 139—172 с 20 илл.
Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья — см. № 570.

587. Руденко С. И. К древней истории Горного Алтая (Горноалтайская экспедиция Ин-та истории материальной культуры АН СССР 1949 года).— ВИ, 1950, № 2, стр. 155—159.
Пазырыкские курганы V—IV вв. до н. э.

588. Руденко С. И. Раскопки Пазырыкской группы курганов.— КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 11—25 с 5 илл.

589. Савич-Любицкая Д. И. и Абрамова А. Л. Мхи из древнего захоронения в Горном Алтае.— Природа, 1950, № 7, стр. 64—65 с 2 илл.
Из Пазырыкского курагана № 3 (V в. до н. э.).

590. Формозов А. А. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика.— СЭ, 1950, № 3, стр. 170—176 с 4 илл.

591. Формозов А. А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом.— БКИЧП, № 15, 1950, стр. 64—75 с илл. Библиогр. 16 назв.

592. Якимов В. П. Череп человека бронзового века из Якутии.— В кн.: Окладников А. П. Ленские древности, вып. 3. М.—Л., 1950, прил. стр. 189—198.

VII. РАБОТЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

593. Береговая Н. А. О путях и следах заселения человеком территории Аляски.— УЗЛГУ, № 115, Фак-т народов Севера, вып. 1, 1950, стр. 57—63.

594. Бискупинское городище.— БСЭ, изд. 2, т. 5, М., 1950, стр. 255—256 с 1 илл.
Городище Лужицкой культуры IV—III вв. до н. э. (Польша).

595. Винников И. Н. Новые финикийские надписи из Киликии.— ВДИ, 1950, № 3, стр. 86—97.

596. Георгиев В. История эгейского мира во II тысячелетии до н. э. в свете минойских надписей.— ВДИ, 1950, № 4, стр. 48—63 с 3 илл.

Рец.: Бернштейн С. Б.— ИАН СССР. Отд-ние лит-ры и языка, 1951, № 2, стр. 198—200.

597. Кацнельсон И. С. [Рец. на кн.:] Павлов В. В. Египетская скульптура в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Малая пластика. М., ГМИИ, 1949.— ВДИ, 1950, № 4, стр. 99—103.

598. Лазарев В. Н. Царьградская лицевая псалтирь XI в.— ВВ, III, 1950, стр. 211—217; 4 л. илл.

599. Павлов В. В. Туалетная ложечка № 3627 из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина.— ВДИ, 1950, № 1, стр. 211—217; 2 л. илл.

Египетская ложечка второй половины XV в. до н. э.

600. Погребова Н. Н. Обзор археологических раскопок в Греции за послевоенные годы.— ВДИ, 1950, № 3, стр. 212—221 с 6 илл.

601. Постовская Н. М. Археологические открытия в Египте.— ВДИ, 1950, № 2, стр. 234—248 с 7 илл.

602. Редер Д. Г. Попытка акклиматизации чужеземных культурных растений в древнем Египте.— УЗМПИ, т. XIV, кафедра ист. древн. мира, вып. 1, 1950, стр. 91—116.

Привлекаются данные археологических раскопок.

603. Семенов С. А. Ранние археологические памятники Вьетнама.— ВДИ, 1950, № 4, стр. 142—155 с 10 илл.

Памятники от эпохи мезолита до эпохи железа.

604. Цветаева Г. А. Археологические открытия в Италии за последние годы.— ВДИ, 1950, № 3, стр. 222—232 с 9 илл.

605. Штаерман Е. М. Латинские надписи, опубликованные в 1944—1949 гг.— ВДИ, 1950, № 4, стр. 132—141.

606. Якимов В. П. Обзор новейших палеоантропологических открытий в Африке.— «Природа», 1950, № 10, стр. 34—40 с 5 илл. Библиогр. 16 назв.

VIII. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

607. Адамов А. Гибель крепости Тейшебаини.— «Знание — сила», 1950, № 1, стр. 13—17 с илл.

608. Адамов А. Новые открытия советских археологов.— «Наука и жизнь», 1950, № 2, стр. 41—43 с 5 илл.

Раскопки в Кармир-Блуре.

609. Археологические раскопки в Крыму.— «Вокруг света», 1950, № 4, стр. 61.

О работах Тавро-скифской экспедиции (1945—1949 гг.).

610. Бершадский Р. На раскопках древнего Хорезма. Очерк. М., 1950. 64 стр. (Б-ка «Огонек», № 14).

611. Болховитинов В. и Остроумов Г. Русское зодчество.— «Техника—молодежи», 1950, № 4, с. 24—29.

612. Градов Г. Древнейшая русская надпись.— «Знание — сила», 1950, № 12, стр. 35—36 с 2 илл.

Надпись X в. на сосуде из раскопок в Гнездовских курганах.

613. Довженок В. И. Военное дело в Киевской Руси. Научно-популярный очерк. Киев, 1950, 87 стр. с 20 илл. и план. (АН УССР. Ин-т археологии). На укр. яз.

614. Евгеньев И. и Смоляницкий С. Древний город Вщиж.— «Смена», 1950, № 2, стр. 13—14 с 6 илл.

615. Замечательные находки на Горном Алтае. Подпись: И. Т.— «Вокруг света», 1950, № 5, стр. 56—57.

Раскопки Пазырыкских курганов.

616. Краснопольский Р. Древнерусские замки.— «Техника — молодежи», 1950, № 7, стр. 29 с 3 илл.

617. Мартынов. П. Древний русский город.— «Новгород». «Лит.-худож. альманах», 1950, № 1, стр. 127—138.

Древний Новгород.

618. Моисеева К. Памятники Урарту.— «Смена», 1950, № 23, стр. 18.

619. Монгайт А. Л. Раскопки Старой Рязани.— «Огонек», 1950, № 49, с. 28.

620. Нестурх М. Ф. Предки человека. М., Гос. изд-во культ.-просвет. лит-ры, 1950. 96 стр. с илл.

621. Никольский В. К. Детство человечества. Изд. 2, испр. и доп. М., Гос. изд.-во культ.-просвет. лит-ры, 1950 [на обл. 1949]. 156 стр. с илл.

Рец.: Тарков П. Н.— ВДИ, 1951, № 1, стр. 187—189.

622. Плисецкий М. С. Как произошел и развился человек. М.—Л., Детгиз, 1950. 88 стр. с илл. (Естественнонаучная библиотека школьника).

623. Рогинская А. Зараут-Сай. (Записки художника). М.—Л., Детгиз, 1950. 56 стр. с илл.; 2 л. илл.

Рец.: Формозов А. А. Книга о древней наскальной живописи в Узбекистане.— СЭ, 1951, № 3, стр. 213—216.

624. Соломоник Э. И. Раскопки Неаполя Скифского — столицы скифского государства в Крыму. (Популярная лекция). Симферополь, 1950. 20 стр. (Всесоюз. об-во по распростр. полит. и науч. знаний. Крымск. отд-ние). Библиогр. стр. 20.

УКАЗАТЕЛИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И АВТОРОВ, УПОМИНАЕМЫХ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЗА 1950 г. [1]

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Абашевская культура 66, 82, 83, 214, 222
Авдеевская стоянка 39, 76, 103, 110, 113, 115, 133
Агаповский мог-к 223
Агач-Калинский мог-к 76
Адищево, стоянка 60
Айвазовское, с., пос-ние 372
Ак-тепе, замок 464
Александропольский курган 147
Алексеевское пос-ние 576
Алексинская стоянка 92
Алтын-Асар, гор-ще 453, 456, 463, 465
Аман-Кутан, стоянка 115, 473
Амвросиевка, стоянка 103
Ананьинская культура и мог-к 60, 83, 215, 216
Анау, культура 479
Ангарские стоянки 570
Андроновская культура 60, 62, 224, 547, 577, 579
Ани, гор-ще 334, 392
Арзни, местонахожд. 353
Армази, мог-к 357
Артин, гора, стоянки 48, 354, 355, 356
Артюховский курган 360
Афанасьевская культура 578
Афонтова гора, стоянка 27, 115, 560, 565
Афрасиаб, гор-ще 458, 464
Ашна-пандо, гор-ще 226
Ашт, архитект. пам-ки 531
Ахштырская пещера, стоянка 349

Бабенское гор-ще 228
Бабин, стоянки и местонахожд. 143, 143а
Байтал-Чапкан, мог-к 417
Балановская культура и мог-к 83, 217, 219
Балахнинская стоянка 93
Балин-кош, стоянка 98
Бармаксызская стоянка 348, 349
Барминовская стоянка 92
Басовское гор-ще 157
Батарейный, хут., гор-ще 169
Бегазы, мог-к 584
Бежатубани, клад 364
Бек-Бике, курган 79
Белгородская стоянка 92
Беломорская культура 94
Белореченские курганы 265
Бельское гор-ще 157
Бердыж, стоянка 103
Березняки, гор-ще 231
Беркаринский мог-к 467, 480
Бесленеевские курганы 150
Бетпак-дала, пам-ки 457
Беюк-даш, надпись 387
Бискупинское гор-ще 594
Ближние Елбаны, гор-ще 57
Божки, гор-ще 159
Болгары, гор-ще 76, 306
Бологовская стоянка 100
Большая Близница, курган 201
Большие кубанские курганы 369
Большое Буньково, стоянка 138
Большой лог, гор-ще 46, 57
Бор II, стоянка 91
«Борисов городок», древний замок 305
Борисовский мог-к 397
Борковская стоянка 107, 125

[1] В указателях цифры обозначают номера по помещенному выше списку «Советской археологической литературы за 1950 г.»

Борковский мог-к 234
Боршево, стоянки и гор-ще 39, 103, 104
Брага, пос-ние 64
Броды, с., стоянка 76
Бурана, башня 503
Бурановская пещера, стоянка 96, 97, 590
Буреть, стоянки 39, 47, 565, 571
Бухара, древний город 512, 514, 524
Быковская стоянка 92

Варахша, гор-ще 48, 57, 471
Вахш, совхоз, тепе 501
Вахшская долина, пам-ки 500, 501
Вашгирд, древний город 500
Верхние Гари, стоянка 60
Верхоленская гора, стоянка 571
Видогощь, местонахожд. 92
Владимировка, стоянка 103, 144
Вознесенка, с., мог-к 238
Вологда, древний город 76
Волчий грот, стоянка 115
Воргол, гор-ще 159
Вороновица, стоянка 143а
Воскресенский клад 250
Вщиж, древний город 614
Выхватинцы, стоянка 103, 141
Вышгород, гор-ще 279
Вьетнам, археол. пам-ки 603

Гагарино, стоянка 103
Гайрат, колхоз, тепе 501
Гамария, пос-ние 136
Гарни, крепость и храм 334, 358
Гиссар, археол. пам-ки 452, 504
Глазковская культура 570
Гливистенка, стоянка 92
Глинище, ур., гор-ще 63
Глинники, дер., курган 296
Гляденовская культура 60
Гнездовские курганы 48, 255, 612
Головино, д. раскопки 361
Голышевское гор-ще 164
Гомельшинское гор-ще 315
Гонцы, стоянка 39, 103
Горбуновский торфяник 76
Горб-Догач, местонахожд. 143а
Горигппия, гор-ще 46
Горки, гор-ще 159
Городецкая культура 66
Городищенская гора, мастерская 126
Городненское местонахожд. 92
Городня, гор-ще 228
Гребневая пещера, местонахожд. 96, 97
Гремячее (Калужск. обл.), стоянка 107
Греческая балка, стоянка 135
Гусихинское местонахожд. 92
Гусятин, погребение 64

Дарабани I, II, пос-ние 136
Двин, древний город 334, 394, 405, 424
Джанбас-кала, крепость 48
Джар-курган, минарет 540
Джаткран, с., местонахожд. 353
Джеты-Асар, гор-ща 463, 465
Димитров, колхоз, тепе 501
Длинная могила, курган 69
Дманиси, гор-ще 439
Долги, курганы 302
Долинский мог-к 161
Донецкое гор-ще 315
Дунгене, гор-ще 522

Елин Бор, стоянка 107
Елисеевичи, стоянка 27, 39, 71
Ер-курган, гор-ще 454

Журавка, стоянка 103

Заборьевский мог-к и селище 296
Закуты, мог-к 372
Замиль-коба, стоянка 98, 107
Зараут-Сай, наскальные изображения 623
Заречьенские стоянки 92
Заруб, древний город — см. Зарубинцы, гор-ще
Зарубинцы, с., гор-ще 286
Застанье, стоянка 92
Зеравшан, пам-ки басс. р. 534, 535
Зимно, пам-ки архитект. 295
Зольничная культура 157, 159, 161
Зубцовская мастерская 126
Зуртакетская стоянка 349

Иваньковское гор-ще 230
Икшанский мог-к 218
Илимские стоянки 570
Илурат, гор-ще 46, 48, 57, 186
Ильинка, с., пещера, местонахожд. 103, 123, 124
Ильичевка хут., гор-ще 57
Иоанн Предтеча, погост, стоянка 92
Исаковского типа пам-ки 570
Искер, гор-ще 585
Исти-су, мог-к 359

Каинды, гор-ще 467
Кала-и-мир, крепость 506
Кала-и-шодмон, гор-ще 452

Калининская стоянка 92
Калос-Лимен, см. Черноморское гор-ще
Каменец-Подольск, архитект. пам-ки 326
Каменная могила, уроч., наскальные изображения 63, 122
Каменномостский мог-к 372
Каменское гор-ще 57
Канев, г., архитект. пам-ки 327
Кара-куш-коба, стоянка 106
Карасукская культура 547
Карачоко, гор-ще 467
Каргалы, погребение 467
Кармир-блур, гор-ще, 46, 48, 57, 380, 607, 608, 618
Касьянов, крепость 302
Каун-тепе, гор-ще 501
Каунчи, гор-ще 464
Кафыр-кала, гор-ще 501
Кафыр-тепе, гор-ще 501
Кацхский храм 396
Кельтеминарская культура 575, 591
Кермине, архитект. пам-ки 525
Керчь, см. Пантикапей
Кидомльские курганы и селище 296
Киев, древний город 48, 268, 272, 273 285, 288, 289, 290, 313, 319, 323
Киик-коба, стоянка 27, 48, 101, 103
Киммерик, гор-ще 46, 57
Кимрское местонахожд. 92
Кимрское селище 296
Кирилловская стоянка 39, 103
Кистрик, селище 350
Китойская культура 570
Ключевая пещера, стоянка 97
Кобадиан, древний город 452
Кобанская культура 369, 372
Кой-Крылган-кала, крепость 48
Колодяжин, гор-ще 269
Коломийщина 1, пос-ние 48
Комарово, пос-ние 136
Коминтерн, колх. (Вахшская дол.), тепе 501
Коновка, пос-ние 136
Константиновская стоянка 92
Кроман, местонахожд. 136, 143а
Коростенская стоянка 130
Корчеватовский мог-к 233
Косолапова балка, стоянка 135
Костенки, стоянки 39, 76, 103, 114, 139, 140
Кочкари I и II, пещеры, стоянки 97
Красный, крепость 302
Красомая, дер., курганы 302
Круглик, стоянка 103, 121
Куллаты, стоянка 551, 561, 562, 564
Куня-байское гор-ще 452
Курган-тюбе, гор-ще 501
Курпе-Байский мог-к 79
Кысмычи, гор-ще 467
Кюр-дере, дольмены 374

Левшино, стоянка 60
Ленские стоянки 570
Лещиновка, гор-ще 159
Линово, гор-ще 159
Ложок, местонахожд. 131
Ломоватовская культура 60
Луговое, с. (Грозн. обл.), пос-ние 372
Луговская стоянка 75, 220
Луговской мог-к 220
Лужицкая культура 1, 167
Лука Врублевецкая, пос-ние 48, 64, 95, 99, 101, 103
Лягман, гор-ще 501

Мало-Кизыльский мог-к 223
Мало-Окуловская стоянка 111
Малый Кизыл, р., курганы 222, 223
Малышевский мог-к 76
Мальта, стоянка 27, 39, 47, 48, 565, 571
Манаса, мавзолей 503, 521
Маяцкое гор-ще 315
Мезин, стоянка 27, 39, 103, 131
Меловское гор-ще 315
Мерв, древний город 527
Мердвен-тубю, стоянка 106
Микенская, стан., курганы 372
Мингечаур, мог-к 336, 338, 375
Минское Замчище 71, 321, 322
Мирмекий, гор-ще 46, 179, 183
Молодова, дер., местонахожд. 143
Москва, древний город 48, 277, 297, 303, 307, 317
Московки, гор-ще 233
Мошковичское местонахожд. 92
Мудин-тепе, гор-ще 454
Мунк, гор-ще 500
Мурзак-коба, стоянка 98, 107
Муром, древний город 271
Мцхета-Самтавро, мог-к 48, 376, 377
Мыс Очкинский, стоянка 166

Неаполь скифский, гор-ще 46, 57, 158, 624
Неготино, местонахожд. 108
Нестеровская стан., пос-ние 383
Нигнот, наскальн. изображения 472, 475
Нижне-Березовская стоянка 574

Никольская горка (г. Путивль), гор-ще 159
Нимфей, гор-ще 203
Ниса (Старая и Новая), гор-ща 48, 448, 450, 488
Новгород, древний город, 76, 258, 275, 276, 278, 282, 291, 298, 325
Новгород-Северская стоянка 115, 131
Ново-Джерелиевское гор-ще 148
Нурнусское местонахожд. 353

Огубское гор-ще 46
Оленеостровский мог-к 67, 118
Ольвия, гор-ще 179, 191, 192, 193, 195
Омутнинское местонахожд. 92
Орловка, с., курган 135
Оселивка, стоянка 143а
Ош-пандо, гор-ще 76, 226, 252

Пазырыкские курганы 46, 48, 57, 580, 581, 587, 588, 589, 615
Пантикапей, гор-ще 46, 179, 181, 198, 200, 209, 211
Парцханаканеви, мог-к 368
Патрэй, гор-ще 199
Пашковские мог-ки 46, 381
Пекуновская стоянка 92
Пекуновское гор-ще 230, 232
Первомайское, с. (Грозн. обл.), мог-к 372
Перевесье, стоянка 92
Перевиси, храм 430
Петровские стоянки 92
Пещерный лог, стоянка 115
Пилипенкова гора, пос-ние 233
Погореловка, гор-ще 159
Погромное, с., курганы 224
Полей погребальных урн культура 1, 64, 235, 236, 244, 245, 246, 247, 248
Поливанов Яр, стоянка 46, 57, 136, 143, 143а
Понятовка, с., гор-ще 63
Попикова-Крыница, пос-ние 136
Попова Рузя, местонахожд. 131
Поречье, курганы 76
Посады, курганы и гор-ще 296
Прислонская стоянка 92
Пристанище, стоянка 92
Протасовский мог-к 218
Прохоровская культура 225
Псков, древний город 76, 253, 254, 293, 294
Пудоро, оз., стоянки 127
Пушкари, стоянки в р-не 39, 40, 102, 103, 109, 115, 131

Пьяноборская культура 60
Пянджикент, гор-ще 46, 472, 497, 507, 536—538, 541

Райковецкое гор-ще 270
Ратское гор-ще 159
Родановская культура 60
Руза, древний город 76
Рустави, раскопки 412
Рыльские гор-ща 159
Салехард, пос-ние 48
Самарканд, древний город 458, 505, 519, 520, 532, 533
Самтавро — см. Мцхета-Самтавро
Санниковское гор-ще 230
Сар-и-Мазар, гор-ще 500
Сарнакункский клад 438
Сары-Булакская писаница 485
Сатани-дар, стоянка 48, 101, 349, 352, 353
Саят, мавзолей 498, 499
Свидре-Вильке, стоянка 107
Сейминский мог-к 60
Семибратнее гор-ще 57
Серовского типа пам-ки 570
Сидоровское гор-ще 315
Ситно, крепость 302
Скандская крепость 371
Скнятинская стоянка 107
Скнятинские дюны, пос-ния 142
Смирновская пещера, стоянка 97
Смоленск, древний город 256, 263, 264
Смяч, местонахожд. 131
Соболевская стоянка 92, 107
Советский хутор, пос-ние 159
Сокол, крепость 302
Сокол, стоянки 143, 143а
Соколище, гор-ще 302
Солоха, курган 160
Срубная культура 60, 149
Станца Рипицены, стоянка 143а
Старая Ладога, древний город 48, 76, 239, 249, 251, 274
Старая Рязань, древний город 76, 309, 619
Старицкая I и II, мастерские 126
Старичный гребень, навес, стоянка 96
Старые Гончары, гор-ще 159
Супоневская стоянка 146
Суходольная пещера, местонахожд. 97
Суша, курганы и крепость 302
Сют-Сирли, мог-к 316

Тали-Барзу, гор-ще 464

Талицкая стоянка 60, 115
Танаис, гор-ще 184
Таркинский мог-к 46, 76, 381
Тас-акыр, крепость 495
Таушкасы, дер., мог-к 214
Ташкент, древний город 529, 539
Таш-Рабат, архитект. пам-к 503
б. Таяба, гор-ще и мог-к 316
Тельмановская стоянка 39, 103
Тепе-и-гозийон, гор-ще 452
Теплинское гор-ще 315
Термез, древний город 48
Тешик-Таш, стоянка 48, 49, 101, 103, 115, 474, 476, 477, 478
Тиритака, гор-ще 46, 48, 200
Тонтур, гор-ще 585
Топорок, гор-ще 46, 92
Топрак-кала, гор-ще 447, 453, 456, 463, 465, 490, 491
Торфель, гор-ще 152
Тоянов городок, гор-ще 585
Триалети, курганы 48
Тумовское селище 46
Туп-хона, мог-к 48, 452, 472
Турбинский мог-к 60
Туркестан, г., архитект. пам-ки 526
Туровая, с., крепость 302

Узген, г., архитект. пам-ки 503
Улан-хада, стоянка 570
Умбинский лабиринт 118
Урух, курган 372
Усть-Дубенское местонахожд. 92
Усть-Катавская II пещера, стоянка 96, 97
Усть-Кравцовская стоянка 131
Устьинская стоянка 92

Фаддея о-в, находки 586
Фанагория, гор-ще 46, 57, 179, 180, 196, 197
Фатьяновская культура 82, 83, 217, 218, 219, 226
Феодосия, гор-ще 46, 212, 213
Фолсом, культура 593

Хадикский курган 362
Харинская культура 60
Хвалынская культура 82, 224
Херсонес, гор-ще 48, 174—176, 179, 202, 205, 207, 208, 328, 329
Хиньского типа пам-ки 570
Ховзовка, гор-ще 159
Хок-и-сафед, гор-ще 452
Хонако — см. Шахр-и-минг
Хорезм 48, 446, 447, 453, 456, 463, 465, 466, 490, 491, 610
Хотин, местонахожд. 64, 143а

Цителцкаро, погребение 379
Цроми, архитект. пам-к 429
Цхинвальский клад 367

Чаганиан, гор-ще 452
Черепяный редант, гор-ще 148
Черная гора, стоянка 92
Чернигов, древний город 301, 310, 312
Черноморское гор-ще 76
Чертомлыцкий курган 69
«Чортово городище», сел-ще 237
Чудаки, гор-ще 57, 62
Чуйская долина, пам-ки 467
Чулак, горы, наскальные изображения 486
Чулатов, с., стоянки в р-не 103, 115, 131
Чулым, р., пам-ки 553
Чумяной редант, гор-ще 148

Шайтан-коба, стоянка 103
Шан-коба, стоянка 98, 107
Шахр-и-минг, гор-ще 500
Шахринау, гор-ще 452
Шахрисябз, древний город 528
Шебалинское гор-ще 159, 161
Шеломок, гор-ще 585
Шуклинское гор-ще 159
Шустинский мог-к 281

Эшери, селища и мог-к 374

Юдиново, дер., стоянка 71
Юзефовка, пос-ние 64
Юхновская культура 46, 152, 161

Язви, местонахожд. 108, 131
Якитикивеем, р., стоянка 566, 572
Ялойлу-тапа, мог-к 375
Ярославль, древний город 280
Ясникольское, местонахожд. 128
Яштух, стоянка 103

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Абрамишвили Т. 388, 389
Абрамова А. Л. 589
Абрамян В. 390
Авдусин Д. А. 255
Агабабян Р. Я. 330
Адамов А. 607, 608
Акимова М. С. 214
Акопян Т. 391
Акчурина З. А. 306
Алексашина К. С. 228
Алихова-Воеводская А. Е. 110
Альперович М. А. Рец.: 256
Альхамова З. А. 494
Амиранашвили Ш. Я. 331, 357
Анфимов Н. В. 148
Аракелян Б. Н. 358
Аранович Д. Рец.: 319
Артамонов М. И. 1, 149
Артамонова-Полтавцева О. А. 359
Арутюнян В. М. 394
Арциховский А. В. 2, 26, 258
Асеев Ю. С. 259, 260, 272, 273, 327
Афанасьев К. М. 261
Ахунов Д. 395
Ащепков Е. 262

Бадер М. А. 91
Бадер О. Н. 60—63, 92, 217, 218, 230
Базилевич К. В. Рец.: 36
Басенов Т. К. 495
Батаханова А. Рец.: 521
Бахрушин С. В. Рец.: 542
Бачинский Н. М. 496
Башкиров А. С. 173
Бедукадзе С. 332
Беленицкий А. М. 497—502
Белов Г. Д. 174—176
Белогорцев И. Д. 263, 264
Береговая Н. А. 593
Бердзенишвили Н. 333
Беридзе В. В. 396
Бернштам А. Н. 445, 467, 503, Рец.: 543, 544
Бернштейн С. Б. Рец.: 596
Бершадский Р. 446, 610
Бибиков С. Н. 95—98
Бибикова В. И. 99, 232
Блаватский В. Д. 151, 177—181, Рец.: 182
Блифельд Д. И. 266, Рец.: 285
Богусевич В. А. 233
Болтунова А. И. 183, 184
Болховитинов В. 611
Борисковский П. И. 3, 64, 101—103. Рец.: 353, 545
Бороздин И. Н. Рец.: 333
Брайчевский М. Ю. 185, 235, 236, 267
Бретаницкий Л. С. 398—400, 504
Брунов Н. И. 268
Брюсов А. Я. 105
Буниатов Н. Г. 334
Бурчак-Абрамович Н. О. 4

Вактурская Н. Н. Рец.: 468
Вартанесов И. Л. 401
Векилова Е. А. 106
Винник Д. Ф. 449
Винников И. Н. 595
Виноградов А. Н. 505
Вирсаладзе Т. 402, Рец.: 331
Воеводский М. В. 107—112. О нем: 37, 38, 41
Воробьев Н. И. 66
Воронец М. Э. 466, 481
Воронин Л. Н. 506
Воронин Н. Н. 269а. Рец.: 257, 270, 546
Воронина В. Л. 507—509
Вязигин С. А. 450

Габашвили Е. Г. 4
Гайдукевич В. Ф. 186, 187
Гарутт В. Е. 561
Гвоздовер М. Д. 113
Георгиев В. 596
Герасимов Г. Г. 510
Герасимов М. М. 5
Гзелишвили И. А. 362
Гинзбург В. В. 482, 483
Гончаров В. К. 269, 270
Горбачева Н. П. 6
Горчаковский П. Л. 237
Горюнова Е. И. 7, 152, 271
Гоян Г. 363
Грабовский С. Я. 272, 273
Градов Г. 612
Граков Б. Н. 153, 154
Гращенков В. Н. Рец.: 307
Григорьев Н. Ф. 562
Григорян А. 403
Гринченко В. А. 238
Грищенко М. Н. 114
Гроздилов Г. П. 274
Громов В. И. 9, 10, 37, 38, 115, 116, Рец.: 474
Громова В. И. 117
Грязнов М. П. 547, 563, 579, 580. Рец.: 581
Гуревич Ф. Д. 239, 240
Гуреев А. А. 564
Гурина Н. Н. 67, 68, 118, 119

Давидович Е. А. 511—513
Давыдов С. Н. 275, 276
Дадашев С. А. 404
Дальский А. Н. 475
Данпленко В. Н. 120—122
Данилов В. Рец.: 280
Дахшлейгер Г. 451
Дебец Г. Ф. 11, 582. Рец.: 476
Девель Т. М. 12
Джанполадян Р. 405
Джапаридзе В. 406
Джапаридзе О. 364—367
Джафарзаде И. М. 335
Дмитриев В. М. 514
Дмитриев Ю. Н. 278. Рец.: 277, 314
Дмитров Л. Д. 69
Добровольский А. В. 123, 155, 241
Довженок В. И. 242, 279, 613
Долидзе В. 407
Домбровская Е. А. 13

Дружинин П. 280
Дульзон А. П. 548
Дундулене П. В. 243
Дьяконов М. М. 452. Рец.: 466

Евгеньев И. 614
Егоров Ю. А. Рец.: 515
Елизарова Н. А. 281
Ефименко П. П. 39, 40, 70
Ефимова А. М. 306

Жданко Т. 453

Закарая П. П. 408, 434
Замятнин С. Н. 14, 41, 42, 124, 349
Захарова В. Н. 282
Збруева А. В. 111, 220, 221
Зворыкин Н. П. 15
Зеест И. Б. 188
Зимма Б. М. 484
Зотов А. 283
Зубков В. И. 125

Иванов В. Н. 318
Иванова А. П. 189, 190
Иващенко М. М. 368
Иессен А. А. 369
Измайлова Т. А. Рец.: 334, 443
Ильин М. А. Рец.: 284
Ильинская В. А. 156, 157

Кабанов С. К. 454
Казиев С. М. 336—338
Кальнинг-Михайловская Л. А. 17
Капанадзе Д. Г. 339, 340, 370, 409
Капошина С. И. 191—193
Карасев А. Н. 158
Каргер М. К. 285, 286
Кастанаян Е. Г. 194
Каухчишвили С. 371
Каухчишвили Т. С. 410
Кацнельсон И. С. Рец.: 341, 380, 597
Керимзаде С. 411
Кирьянов А. В. 18
Киселев С. В. 49, 583
Книпович Т. Н. 195
Кобылина М. М. 187, 196
Козлов А. 71
Козлова К. 72
Колчин Б. А. 287
Константинова В. В. 516
Корж Е. Д. 288
Корзухина Г. Ф. 289, 290
Краснопольский Р. 616
Кригер Н. И. 128
Крижевская Л. Я. 126, 127
Кричевский Е. Ю. 129
Кругликова И. Т. 197. Рец.: 51
Крупнов Е. И. 372, 373. Рец.: 342, 380
Крушельницкий Ю. Э. 291
Крушкол Ю. С. 198, 199
Куликаускас П. 73
Куликаускене Р. К. 292
Куфтин Б. А. 374
Кызласов Л. Р. 485, 584

Лавров В. А. 293, 455
Лазарев В. Н. 598
Ларионов И. Н. 294
Левашева В. П. 585
Левиатов В. Н. 375
Левин М. Г. 19, 456, 549, 565. Рец.: 477
Левицкий И. Ф. 130
Левман Р. С. 74
Левошин Н. Н. 566
Лемлейн Г. Г. 20
Либеров П. Д. 244
Липин Л. Рец.: 343
Литвинский Б. А. 517
Логвин Г. Н. 295
Ломтатидзе Г. 412
Лордкипанидзе М. 376
Лукин А. Л. 350
Ляпушкин И. И. 159, 245, 246

Мазарович А. Н. 21
Майсурадзе З. 413
Максимов Е. В. 45. Рец.: 270
Максимов П. Н. 293, 318
Максимова М. И. 377
Мамиконов Л. Г. 414
Манцевич А. П. 160
Маргулан А. Х. 457, 518, 584
Мариковский П. И. 486
Марти Ю. Ю. 200
Мартынов П. 617
Массон В. М. 487
Массон М. Е. 458, 459, 488—489, 519—521
Махно Е. В. 247
Мегрелидзе Д. 415
Меликишвили Г. А. 378
Мельниковская О. Н. 131, 161
Мелюкова А. И. 162, 163
Мендикулов М. 522
Меписашвили Р. 416
Мерперт Н. Я. 46, 76
Милонов Н. П. 296
Минаева Т. М. 417
Минасян А. 351
Мнацаканян С. 418
Моисеева К. 618
Монгайт А. Л. 22, 298, 619. Рец.: 51, 53, 132, 297
Моора Х. А. 77
Морозова М. 280
Москаленко А. Н. 164. Рец.: 58
Москвитин А. И. 133
Мшвениерадзе Д. М. 344

Наследов Б. Н. 523
Нестурх М. Ф. 620
Никифорова К. В. 10
Никольская Т. Н. Рец.: 299, 300
Никольский В. К. 23, 24, 621. Рец.: 478
Нильсен В. А. 524, 525
Ниорадзе Г. К. 379, 419
Нуров Г. Рец.: 521

Огородников В. Рец.: 490
Огульчанский А. Я. 135
Окладников А. П. 47—49, 550, 551, 567—572, 586
Ольхон А. Рец.: 552
Орлов М. А. 491

Остапенко М. А. 301
Остроумов Г. 611

Павлов В. В. 599
Паничкина М. З. 352, 353
Пассек Т. С. 136. Рец.: 345
Пахомов Е. А. 421, 422
Пацевич Г. И. 526
Передольская А. А. 201
Петров Л. Рец.: 308
Пидопличко И. Г. 25, 573
Пилявский В. И. 527
Пиотровский Б. Б. 380
Плисецкий Н. С. 622
Погребова Н. Н. 165, 600
Поликарпович К. М. 137
Постовская Н. М. 601
Пугаченкова Г. А. 461, 492, 521, 528—532

Рабинович М. Г. 302, 303. Рец.: 304
Равдоникас В. И. 249
Рагимов А. В. 423
Радциг С. Рец.: 202
Радченко А. Д. 319
Раппопорт П. А. 305
Ратия Ш. Е. 533
Раушенбах В. М. 138
Редер Д. Г. 602
Рейпольский С. 280
Рзаев Н. 425
Рзянин М. И. 307, 308
Рогачев А. Н. 139
Рогинская А. 623
Рогинский Я. Я. Рец.: 78
Розенфельд И. Г. 166
Розенфельдт Р. Л. 309
Росляков А. А. 462
Руденко С. И. 587, 588
Рчеулишвили Л. 426
Рыбаков Б. А. 250, 310—312
Рыбалова В. Д. 167
Рыгдылон Э. Р. 574

Савич-Любицкая Д. И. 589
Саламзаде А. В. 399, 427
Сальников К. В. 222—224
Самойловский И. М. 313
Сардарян С. А. 354, 355
Сахаров С. И. Рец.: 428
Свирин А. Н. 314
Северов Н. П. 429
Семенов С. А. 27—29, 140, 603
Сенигова Т. Н. 463
Сергеев Г. П. 141
Сибилев Н. В. 315
Синицын И. В. 79
Синицын М. С. 168
Синяев В. С. 553
Скуднова В. 203
Смирнов А. П. 81, 306, 316. Рец.: 80, 317, 554
Смирнов К. Рец.: 204
Смирнов К. Ф. 225, 381
Смирнова О. И. 534—536
Смоляницкий С. 614

Сокольский Н. И. Рец.: 54
Соловьев Л. Н. 382
Соломоник Э. И. 624
Ставиский Б. Я. 537
Станкевич Я. В. 251
Станюкович Т. В. Рец.: 262
Степанов Н. Рец.: 555
Степанов П. Д. 226, 252
Стржелецкий С. Ф. 205
Сытин П. В. 320

Такайшвили Е. С. 430, 431
Тараканова С. А. 253, 254
Тарасенко В. Р. 321, 322
Тарков П. Н. Рец.: 206, 621
Тер-Авакимова С. 356
Тереножкин А. И. 464, 538
Тихомиров М. Н. 255
Тихонович О. М. 323
Ткаченко М. М. 323
Токарев С. А. Рец.: 556
Толстов С. П. 55, 465
Торопов С. А. 318
Тревер К. В. 466
Третьяков П. Н. 30, 82, 142
Трофимова Т. А. 83. Рец.: 31
Трубникова Н. В. 227, 383
Трухин Г. В. 557
Тузинкевич Ю. 400
Тюменев А. И. 207, 208

Удальцов А. Д. 32
Удальцова З. Рец.: 329
Усейнов М. А. 404

Федоров Г. Б. 84, 298, 324
Филонов К. Рец.: 503
Формозов А. А. 56, 112, 575, 590, 591
Френкель Н. И. 539

Харко Л. П. 209
Хованская О. С. 306
Хороших П. П. 85, 558
Хоштария Н. В. 384

Цветаева Г. А. 604. Рец.: 164, 168, 179, 210
Цинцадзе В. 432
Циркунов В. Рец.: 308
Цицишвили И. Н. 385, 433, 434

Чебоксаров Н. Н. 86
Чернецов В. Н. Рец.: 559
Черников С. С. 469
Черницын Н. А. 87
Черныш А. П. 143—145
Чубинашвили Г. Н. 435, 436. Рец.: 331
Чубинашвили Н. 437
Чубинашвили Т. 386

Шагназарян А. 438
Шахматов В. Ф. 470, 493
Шелковников Б. А. 439
Шелов Д. Б. 57, 211—213. Рец.: 88
Шилов В. П. 169
Шихалиев М. А. 440
Шишкин В. А. 471, 540

Шлеев В. В. 170
Шмерлинг Р. 441
Шовкопляс И. Г. 45, 89, 146. Рец.: 270
Шоков А. Ф. 171
Штаерман Е. М. 172, 605
Штанько Н. И. 346
Шульц П. Н. 90
Шуляк Л. М. 325

Юзбашев А. У. 440
Юрченко П. Г. 326, 327

Якимов В. П. 33, 34, 592, 606
Якобсон А. Л. 328, 329, 442, 443. Рец.: 347
Якубовский А. Ю. 466, 472, 541
Ямпольский З. И. 387
Яралов Ю. С. 334. Рец.: 503, 521

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАА УРСР — Вісник Академії Архітектури УРСР
ВАН КазССР — Вестник Академии наук Казахской ССР
ВАН СССР —Вестник Академии Наук СССР
ВАН УРСР — Вісник Академії наук УРСР
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
ГИМ — Государственный исторический музей
ДАН АзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ДИСИФМГУ — Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета
ЗБМИК — Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского Института культуры
ЗВ — Звезда Востока
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
И — Искусство
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН АзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
ИАН АрмССР — Известия Академии наук Армянской ССР
ИАН БССР — Известия Академии наук Белорусской ССР
ИАН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР
ИАН СССР — Известия Академии Наук СССР
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИГИИМК — Известия Грузинского института и музея краеведения
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТуркмФАН СССР — Известия Туркменского филиала Академии Наук СССР
ИУзФАН СССР — Известия Узбекского филиала Академии Наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии Наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЗОПИ — Наукові записки (Одесьский державний педагогічний інститут)
НМ — Новый мир
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
САН ГрузССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СИ — Советское искусство
СК — Советская книга
СТаджФАН СССР — Сообщения Таджикского филиала Академии Наук СССР
СЭ — Советская этнография
ТАзГУ — Труды Азербайджанского государственного университета
ТГИМ Арм — Труды Государственного исторического музея Армении
ТГУ — Тбилисский государственный университет
ТКирГПИ — Труды Киргизского государственного педагогического института им. Фрунзе
Тр. АС — Труды археологических съездов
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТТГУ — Труды Тбилисского государственного университета
УЗИИЛ — Ученые записки Института истории Литовской ССР
УЗЛГУ — Ученые записки (Ленинградский государственный университет)
УЗМГУ — Ученые записки (Московский государственный университет)
УЗМПИ — Ученые записки (Московский областной педагогический институт), кафедра истории древнего мира
УЗТПИ — Ученые записки (Томский государственный педагогический институт)
УЗСГУ —Ученые записки Саратовского государственного университета
CAH — Cambridge ancient history
SPA — Survey of persian art

СОДЕРЖАНИЕ

От Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР 3

Статьи и доклады

Задачи советских археологов в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам 9

Б. А. Рыбаков (Москва). Древние русы (К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина) . . . 23

Х. А. Моора (Тарту). Возникновение классового общества в Прибалтике (По археологическим данным) . 105

К. Ф. Смирнов (Москва). Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры . 133

А. Н. Рогачев (Ленинград). Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита (По материалам Тельманской стоянки в Костенках) 149

Материалы и сообщения

В. Д. Блаватский (Москва). Новые данные о строительстве Пантикапея 163

А. И. Вощинина (Ленинград). О связях Приуралья с Востоком в VI—VII вв. н. э. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.) . 183

В. В. Джапаридзе (Тбилиси). Художественная глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. (Краткий очерк) . . 197

Р. К. Куликаускене (Вильнюс). Погребения с конями у древних литовцев 211

М. К. Каргер (Ленинград). К истории киевского зодчества конца XI — начала XII в. Церковь Спаса на Берестове 223

Критические статьи и рецензии

Издания Института археологии АН УССР («Археологія», т. I—V, 1946—1951; «Археологічні пам'ятки», т. I—II, 1949) . . 251

Ш. Ф. Мухамедьяров (Казань). А. П. Смирнов. Волжские булгары, М., 1951 . 260

Н. Я. Мерперт (Москва). Вопросы происхождения булгар в книге А. П. Смирнова «Волжские булгары» 274

Н. Н. Погребова (Москва). К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов. (По поводу статей А. П. Манцевич) 285

Хроника

Итоги полевых археологических исследований 1951 г. (Сессия Отделения истории и философии и пленум Института истории материальной культуры Академии Наук СССР) 295

П. Ефименко, И. Г. Шовкопляс (Киев). Итоги полевых археологических исследований на территории УССР в 1951 г. . 309
Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов», Ленинград, 1951. 320

Приложение

Н. А. Винберг и В. Б. Ечеистова (Ленинград). Советская археологическая литература за 1950 год 329
Список сокращений . 374

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор
Б. А. Рыбаков

Ответственный секретарь
А. Л. Монгайт

Члены редколлегии:
М. И. Артамонов, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, Н. Н. Воронин,
М. М. Дьяконов, С. В. Киселев, Т. С. Пассек, А. Ю. Якубовский

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Т. Д. Златковская*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*

РИСО АН СССР № 79—59В. Т-00778. Издат № 3644.
Тип. заказ № 809. Подп. к печ. 7/III 1953 г. Формат
бум. 70×108$^{1}/_{16}$. Бум. л. 11,62. Печ. л. 32,53 +
+ 1 вкл. Уч.-издат. л. 31,7. Тираж 2500.
Цена по прейскуранту 1952 г. 20 руб. 50 коп.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
16	25 св.	и и отношении	и в отношении
74	15 св.	свидетельствует	свидетельствуют
139	6 сн.	этногенез	этногенез народов
195	10 св.	влево	вправо
308	7 св.	А. М. Массон	В. М. Массон
317	2 сн.	стр. 313	стр. 303
357	10 сн.	08	508
372	14 св.	Плисецкий Н. С.	Плисецкий М. С.